

**ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГИИ:
СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНО-ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ**

Гомель
2022

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГИИ:
СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНО-ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ**

IV Международная заочная научно-практическая конференция

(Гомель, 28 июня 2022 года)

Сборник материалов

Научное электронное издание

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2022

ISBN 978-985-577-979-8

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет
имени Франциска Скорины», 2022

УДК 159.9(082)

Векторы психологии : сопровождение личности и обеспечение ее психологической безопасности в условиях социально-цифровой среды [Электронный ресурс] : IV Междунар. заочная науч.-практ. конф. (Гомель, 28 июня 2022 года) : сборник материалов / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : Т. Г. Шатюк (гл. ред.) [и др.]. – Электрон. текст. дан. (объем 8,47 Мб). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – Систем. требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://conference.gsu.by>. – Загл. с экрана.

ISBN 978-985-577-979-8

В сборник материалов конференции, организованной кафедрой социальной и педагогической психологии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», включены научные доклады, в которых рассматриваются проблемы психолого-педагогического сопровождения личности в фокусе образовательной, социальной и профессиональной среды. Акцентируется внимание на вопросах формирования здорового образа жизни, психологии развития личности в семейном социуме, психолого-педагогического сопровождения личности в сложной жизненной ситуации. Уделено внимание проблемам профессионального развития личности и другим междисциплинарным исследованиям современной психологии.

Адресуется научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, специалистам социально-психолого-педагогической службы.

Сборник издается в соответствии с оригиналом-макетом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

За точность цитат и корректность указания библиографических ссылок несут ответственность авторы статей.

Редакционная коллегия:

Т. Г. Шатюк (главный редактор),
А. С. Ярошевич (заместитель главного редактора),
О. А. Короткевич (ответственный секретарь),
О. В. Маркевич, Е. В. Дробышевская, А. Н. Редюк

ГГУ имени Ф. Скорины
246028, Гомель, ул. Советская, 104
Тел.: 50-49-03, 50-05-49
<http://www.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1 ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Сидорова М. В. Условия развития креативности современных студентов.....	11
Шестак А. М. Психолого-педагогическое сопровождение курсантов-первокурсников в современной системе образования.....	13

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Будрик Е. Г. Социально-педагогические условия формирования культуры отцовства у учащихся.....	16
Гаврилова А. С. Индивидуально-личностные особенности участников буллинга в подростковом возрасте.....	19
Григоренко Т. А. Некоторые особенности социально-психологических установок юношей и девушек цифрового поколения Z.....	24
Дулонец С. В. Проявление агрессивного поведения у детей дошкольного возраста.....	27
Ивахненко А. А. Исследование творческих способностей у детей младшего школьного возраста.....	31
Игнатов И. А. Социально-психологические особенности подростков с аморальным поведением.....	34
Кошлячева Е. А. Публичное выступление как навык.....	39
Кривальцевич А. А. Влияние цифровизации и информатизации на развитие личности	41
Кудрявцев Ж. Б. Виктимное поведение несовершеннолетних в ситуациях «школьной травли».....	44
Куцанова А. А., Ракович М. И. Особенности проявления школьной тревожности в подростковом возрасте.....	47
Малашенко Н. В. Особенности адаптации первоклассников к школьному обучению....	51
Медина И. Д. Психологические аспекты развития учебной мотивации младших школьников.....	55
Михальцова А. Е. Мотивация и вовлеченность подростков в волонтерскую деятельность	57
Морозова В. В. Оптимизм и стиль атрибуции у студенческой молодежи.....	60
Орленко Н. Р. Акцентуации характера как фактор девиантного поведения воспитанников интернатных учреждений.....	65
Партасевич А. В. Взаимосвязь счастья, удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного социального благополучия с отношением к нашей стране, с интересом к событиям в нашей стране и вне ее у студентов.....	69
Рубанова А. В. Особенности межличностных отношений у студентов.....	73
Сивакова А. А. Психологические особенности коммуникативной компетентности юношей и девушек с разным стилем чувства юмора.....	76
Туркова Т. В. Коррекция детских страхов сказкотерапией.....	80
Филипенко В. А. Психологические особенности склонности к манипулированию другими людьми подростков цифрового поколения Z.....	82

СЕКЦИЯ 2 СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Буцько А. В. Физическая культура и спорт как искусство.....	86
Гапанович-Кайдалова Е. В. Влияние ситуации с COVID-19 на отношение слушателей переподготовки к здоровью.....	88

Лапицкая Л. А. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи.....	91
Тишкевич М. Я. Здоровый образ жизни студенческой молодежи в контексте социокультурного анализа.....	93
Хурбатаў С. С. Звычайка – спосаб фарміравання здаровага ладу жыцця ў студэнтаў.....	96
Цыркунова Г. М., Бутько А. В. Организация самостоятельной физической подготовки студентов в условиях пандемии.....	98

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Адамова В. Е. Отрицательные психологические состояния в структуре психологического здоровья студентов.....	102
Астраух К. А. Особенности эмоциональной сферы личности подростков с девиантным и нормативным поведением.....	105
Багрецова О. И. Социально-психологические факторы нарушения пищевого поведения современной молодежи.....	109
Бируль К. С. Социальное партнерство студенческой молодежи с учреждением здравоохранения.....	113
Выдровская В. В. Психологические особенности жизненной удовлетворенности и переживания счастья подростками с разным уровнем интернет-зависимости.....	117
Давыдовская А. А. Психологические особенности подростков, склонных к интернет-зависимому поведению.....	122
Зайцева А. С. Стилль объяснения успехов и неудач как предиктор психосоматизации у студентов.....	125
Замарева М. Ю. Психологические особенности пищевого поведения и склонности к пищевой аддикции подростков из семей с разным стилем воспитания.....	129
Красюк М. А. Психологические предикторы нарушений пищевого поведения в подростковом возрасте.....	132
Кунская Е. В. Представления учащихся и студенческой молодежи о здоровом образе жизни.....	136
Мельникова А. А. Взаимосвязь самообладания, произвольной регуляции и склонности к аддиктивному поведению у подростков.....	138
Носков П. П. Особенности локус контроля у химически зависимых людей с различными сроками ремиссии.....	142
Романович М. О. Особенности влияния феномена социальной поддержки на уровень жизнестойкости подростков.....	144
Юртаева Е. Р. Анализ эффективности программы коррекции мотивации достижения успеха у спортсменов-волейболистов.....	149

СЕКЦИЯ 3

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОМ СОЦИУМЕ

Новак Н. Г. Системная психотерапия М. Боуэна как интегративная модель помощи семье.....	152
Станкевич Н. Л. Особенности самоконтроля личности обучающихся в зависимости от типа семьи.....	154

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Баранова Д. О. Развитие компонентов психологической готовности к браку у студентов...	157
Будник Е. С. Последствия гиперопекающего стиля воспитания.....	161
Волченкова А. А. Теоретический анализ связи акцентуации характера и стилей родительского взаимодействия.....	164

Додока Е. В. Психологическая готовность к браку студентов первого курса.....	167
Екименко А. Г. Супружеские измены как психологическая проблема семейных отношений.....	170
Зельдина А. В. Особенности формирования самостоятельности в юношеском возрасте	174
Иванова К. Д. Эмоциональные взаимоотношения в диаде «родитель – ребенок» как фактор риска развития обсессивно-компульсивного расстройства.....	177
Климович Ю. А. Избегание близости и тревожность в отношениях привязанности как факторы развития эмоциональной зависимости.....	179
Костина И. М. Коррекция Я-концепции и самооценки подростков как средство профилактики интернет-аддикции.....	182
Крылова А. С. Профилактика домашнего насилия над детьми посредством проведения семинара для родителей.....	185
Ладорная Л. В. Эмоциональная привязанность и виктимность в подростковом возрасте	188
Михаленко М. В. Особенности самоотношения подростков из полных и неполных семей.....	192
Прищеп А. А. Психологические особенности эмоционального интеллекта подростков из полных и неполных семей.....	194
Редюк А. Н. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство у пострадавших от домашнего насилия.....	196
Свило Я. В. Межличностные отношения как ресурс личности детей разведенных родителей в подростковом возрасте.....	200
Суворова Д. А. Взаимосвязь типа любви и удовлетворенности семейными отношениями.....	203
Терещенко Е. В. Взаимосвязь детско-родительских отношений и уровня вины в юношеском возрасте.....	207
Устинович Т. А. Специфика детско-родительских отношений в неблагополучных семьях.....	210
Цупранова Е. П. Особенности взаимоотношений родителей и детей подросткового возраста.....	215
Шафранская А. В. Взаимосвязь избегания близости и частоты измен в партнерских отношениях у студентов.....	218
Шишкова А. Ю. Семейное неблагополучие как фактор виктимизации.....	221
Шкируть В. В. Взаимосвязь склонности к девиантному поведению и уровня эмоционального интеллекта у подростков.....	223

СЕКЦИЯ 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Махмадова М. Х. Отношения к родительству у таджикских и белорусских студентов....	227
Чжао Сылу. Особенности тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях.....	231
Тао Су. Психическое здоровье китайских студентов: лонгитюдное исследование.....	234
Guan Xingzhi. Actual problems of psychological and pedagogical support of the individual in the music education of China.....	236
Lin Xiang. Pedagogical features and national traditions of health preservation of students in China.....	240
Liu Yang. Features of the value students's sphere.....	243
Wang Mengya. Shanghai biennale as a current of contemporary art in China.....	245

СЕКЦИЯ 5
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Казимирская Е. С., Казимирский Г. Л. Помощь сказкотерапии в осознании портрета личности в глазах социума.....	249
Приходько Е. В., Макеева М. В. Исследование склонности детей подросткового возраста к реализации различных форм отклоняющегося поведения.....	251
Ярошевич А. С. Психолого-педагогическое сопровождение личности в условиях информационного стресса.....	256

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Аксенова А. А. Психологическая адаптация матерей детей с диагнозом COVID, находящихся на лечении в стационаре.....	259
Атрохова В. Н. Психологические особенности потерь и приобретений персональных ресурсов в стрессовой ситуации подростками из неполных семей.....	262
Васильева М. И. Особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у детей, оставшихся без попечения родителей.....	265
Гавриленко И. А. Феномен буллинга в рамках современной психологии.....	270
Гапоненко К. П. Суицидальный риск и иррациональные формы вины у студентов.....	272
Дзыгун А. С. Трудные ситуации жизнедеятельности с позиции современных студентов: содержание и особенности когнитивного оценивания.....	276
Дорошкин Н. Г. Специфика любовной аддикции у студентов.....	279
Кайтанова Д. В. Качество жизни пациентов терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19.....	282
Карасева Т. Л. Жизнестойкость личности среднего возраста с алкогольной зависимостью.....	286
Койпыш А. А. Виктимность и личностная тревожность у детей-жертв домашнего сексуального насилия.....	290
Кононенко В. С. Коррекция суицидальной направленности и рискованного поведения у студентов.....	294
Кричевцова М. С. Взаимосвязь психологического благополучия личности и самоотношения в юности.....	298
Николаева А. Ю. Средства массовой информации как фактор риска возникновения тревожных состояний в период пандемии COVID-19.....	301
Пирожник А. Д. Психологическая помощь при выявлении суицидального поведения.....	305
Тратинко К. А. Семейная гостиная «Гestia» как ресурсная площадка по профилактике семейного неблагополучия.....	308
Хайнак С. О. Психологическое здоровье девиантных подростков.....	311

СЕКЦИЯ 6
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Писпанен М. А. Кибербезопасность как важный аспект педагогики безопасности.....	315
Хурбатаў С. С. Псіхалагічная бяспека ў сістэме ўстановы вышэйшай адукацыі.....	317

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Быкова А. П. Особенности копинг-стратегий у девушек, склонных к виктимному поведению.....	320
Дегтяренко Д. В. Кибербуллинг: особенности и причины возникновения.....	324
Котова Е. А. Специфика использования копинг-стратегий в юношеском возрасте.....	328

Кухар Е. Н. Взаимосвязь суицидального риска и уровня виктимности в ситуации кибербуллинга у подростков.....	331
Светогор Д. Д. Суицидальное поведение у подростков и юношей из семей с авторитарным стилем детско-родительских отношений.....	335
Шихалов Н. А. Психологические особенности отношения к смерти юношей и девушек в эпидемиологической обстановке COVID-19.....	337

СЕКЦИЯ 7

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (ЭНТРОПИИ)

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Бобырь Е. А. Выбор копинг-стратегии и проявление выученной беспомощности у подростков из неполных семей в ситуации неопределенности.....	341
Емельянова И. С. Исследование переживания ревности у студентов.....	344
Леонова Т. С. Сравнительный аспект проявления жизнестойкости и стрессоустойчивости в студенческом и зрелом возрасте.....	347
Павловская Я. В. Толерантность к неопределенности у студентов.....	350
Посталовская В. Я. Чувство вины как психологическая проблема.....	353

СЕКЦИЯ 8

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Приходько Е. В., Ивахненко А. А. Особенности развития воображения и творчества у детей младшего школьного возраста с нарушением речи.....	358
--	-----

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Дорохов В. В. Проблема формирования позитивной Я-концепции у подростков со сколиозом в условиях лечебно-образовательного учреждения.....	362
Корнеева В. В. Исследование социализации и взаимоотношений в семье у детей с нарушениями слуха.....	365
Лапицкая А. М. Психологические особенности самоотношения и удовлетворенности образом телесного «Я» детей с нарушениями двигательной сферы.....	368
Линкова К. С. Стили семейного воспитания и эмоциональная сфера младших школьников с ОПФР.....	372
Мисюкевич С. С. Особенности склонности к безнадежности у подростков с нарушением слуха.....	377
Николайчик Е. Ю. Взаимосвязь безнадежности и социально-психологической адаптации у инвалидов по зрению.....	379
Чумак И. В. Взаимосвязь родительского отношения и психологических особенностей родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра.....	382

СЕКЦИЯ 9

ПСИХОЛОГИЯ ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Аврошко М. С. Гендерные особенности выбора копинг-стратегий в подростковом возрасте.....	385
Гречко К. В. Эмпатия и склонность к девиантному поведению у студентов разного пола...	388
Григоревич О. В. Сексуальные предпочтения современной молодежи.....	391

Корнилова Д. Д. Проблемы гендерной идентичности и социальных гендерных стереотипов современной молодежи.....	393
Макеева М. В. Гендер как один из факторов развития девиантного поведения подростков.....	396
Нестерова Д. М. Психологические и биологические аспекты гендерно-половой идентичности.....	399
Ракович М. И., Куцанова А. А. Гендерные особенности тревожности и типа негармоничного воспитания подростков.....	401
Руденкова В. А. Половые особенности самооценки и самоотношения в юношеском возрасте.....	405
Стрижонек Е. А. Развитие личностных проявлений гендерной идентичности у студенток.....	409
Ткаченко В. И. Гендерные особенности алекситимии у подростков.....	412
Тусикова Д. Д. Особенности проявления любовной зависимости у юношей и девушек с разным опытом партнерских отношений.....	416
Халилова Д. Г. Особенности психологического благополучия людей с разной сексуальной ориентацией.....	420

СЕКЦИЯ 10 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Бабахин Д. М. Особенности формирования профессиональной ментальности у сотрудников правоохранительных органов.....	424
Лукашкова И. Л. Структурно-содержательная характеристика конфликтологической компетентности как значимого фактора профессионализма сотрудников органов внутренних дел.....	426
Лупекина Е. А., Ефремова В. Г. Психологические особенности одиночества у подростков с разной социальной направленностью.....	428

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Барзиловская А. В. Взаимосвязь и особенности жизнестойкости и совладающего поведения медицинских работников.....	433
Березовская Ю. Е. Особенности эмоционального выгорания у медицинских работников	436
Воровко О. В. Мотивация профессиональной деятельности как фактор успешности профессиональной деятельности работников торговли.....	440
Гаврилова К. В. Особенности профессионального профиля студентов – будущих психологов.....	443
Глозман В. В. Психологические особенности конфликтов в сфере индустрии красоты	446
Голдобенко О. А. Диагностика эмоционального выгорания медицинских работников в условиях пандемии.....	449
Журавенко И. И. Развитие жизнестойкости медицинских работников как средство профилактики эмоционального выгорания.....	451
Загребельная Е. Н. Специфика психической устойчивости и адаптации медицинских работников в условиях пандемии.....	455
Казаченко М. В. Эмоциональное выгорание у военнослужащих.....	458
Мельник О. С. Эмоциональный интеллект в профессиональной деятельности врача....	462
Нехай А. Ю. Оценка личностных качеств и стилей управления руководителей системы здравоохранения.....	465
Пецура М. С. Взаимосвязь стрессоустойчивости и волевых качеств личности сотрудников группы задержания милиции.....	468

Плиско Д. А. Взаимосвязь способности к невербальной коммуникации с социальным интеллектом у студентов помогающих специальностей.....	471
Суглоб Ю. Г. Коррекция профессионального стресса и выгорания сотрудников войсковой части МВД, проходящих службу по контракту.....	474
Хомченко И. А. Проблема готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности.....	478
Ширма Д. А. Профилактика синдрома эмоционального выгорания у парикмахеров.....	480

СЕКЦИЯ 11 МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Лямин Д. П. Контент-анализ как метод изучения личности в виртуальной среде.....	484
Образцова О. Н., Коваленко А. А. Разработка цветового решения сайта ветеринарной клиники с учетом психологических рекомендаций.....	486

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Губар Е. С. Виктимность и эмоциональный интеллект у лиц юношеского возраста.....	491
Демидович А. Н. Взаимосвязь толерантности и социально-психологической адаптации молодежи.....	493
Дружинина К. А. Виртуальная идентичность человека: от философской концептуализации к интеграции номотетического и идеографического подходов к познанию.....	498
Климович М. В. Взаимосвязь копинг-стратегий с мотивацией успеха и боязнью неудач у баскетболистов.....	503
Макеенок К. Н. Различия в преобладании типа цветового поведения у студентов в зависимости от наличия домашнего животного.....	507
Мороз И. В. Влияние цвета глаз и пола личности на показатели позитивной агрессивности (на примере юношеского возраста).....	510
Портнова П. Г. Когнитивно-аффективные свойства и индивидуальные и социальные ценности у индивидов с разным уровнем макиавеллизма.....	515
Сиз Д. А. Тревожность и метакогниции студентов.....	519
Слесарева А. С. Особенности эмоционального дистресса у медицинских работников в первую волну пандемии COVID-19.....	522
Rovneiko M. A. Psychological science in the service of marketing communications with the target audience.....	525

СЕКЦИЯ 1

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

М. В. Сидорова, канд. психол. наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению понятия, структурных компонентов и условий развития креативности современных студентов. Автором приводятся данные эмпирического исследования уровня креативности студентов, предлагаются психолого-педагогические рекомендации по развитию креативности студентов учреждений высшего образования.

Ключевые слова: юношеский возраст, студент, креативность, творчество, система образования, конкурентоспособность.

Современная модель высшего образования связана с развитием и реализацией личностных ресурсов человека, ресурсным обеспечением организации учебно-воспитательного процесса в целях самореализации обучающихся. В настоящее время проблема подготовки конкурентоспособных выпускников является первостепенной задачей, одним из актуальных направлений высшего образования Республики Беларусь. Одной из характеристик конкурентоспособной личности является креативность, которая определяется различными свойствами и характеристиками личности.

Креативность позволяет опережать действительность, выходить за ее пределы, угадывать будущее в прошлом и настоящем, помогает строить новые системы и улучшать работу существующих, повысить эффективность сотрудничества с другими людьми, благодаря креативности жизнь становится более интересной и наполненной. Долгое время креативность не рассматривалась отдельно от общих и специальных способностей человека. Исследователи полагали, что творческие достижения напрямую зависят от уровня образования. Большое количество исследований посвящено изучению развитию креативности в детском возрасте.

Однако социально-экономические преобразования, связанные с ускорением и изменением направлений развития общества, диктуют необходимость формирования творчески активных специалистов, способных эффективно и нестандартно решать возникающие и существующие проблемы, творчески подходить к изменениям в различных сферах. Креативность является важным компонентом в структуре личностной компетентности современного специалиста. Проблема заключается в том, что именно начиная с юношеского возраста, с момента получения профессионального образования, человек начинает утрачивать способность проявлять индивидуальный творческий стиль деятельности, возникает все меньше возможностей поучаствовать в творческих заданиях, проявить нестандартное мышление и воображение, возникает привычка шаблонности привычных, постоянно повторяющихся действий и видов деятельности.

Впервые вопрос об изучении креативности был сформулирован исследователем творчества Дж. Гилфордом в 50-х годах XX века, который пришел к выводу о том, что это совокупность качеств личности, обеспечивающих человеку возможность создавать что-то новое, оригинальное, нестандартное. В настоящее время существуют различные направления изучения креативности, основными из которых являются следующие: первое направление изучает креативность по продукту (Ж. Тейлор), второе рассматривает креативность как психический процесс (Р. Арнгейм), третье познает креативность в структуре личности как

одну из ее черт, которая располагает к положительной самооценке и обеспечивает самостоятельное продвижение индивида в своем развитии (Р. Мей, К. Роджерс, А. Маслоу), четвертое направление описывает креативность через проблему связи ее характеристик с комплексом психических свойств, проявляющихся в соответствующей деятельности (Дж. Гилфорд, Е. Торренс).

Ряд авторов причисляет креативность к чертам личности. А. Маслоу в центре творческой деятельности поставил эмоцию интереса. Его привлекло то влияние, которое оказывала эта эмоция на развитие творчества. Наблюдаемая динамика позволяла разделить творчество на две стадии – первичную и вторичную. Первая стадия представляла собой поиск идеи. На ней, как считал психолог, человеком движет эмоция интереса. Она провоцирует возбуждение, которое подключает к работе импровизацию и вдохновение. Вторая стадия – это материализация идеи. Здесь познавательный процесс снижается, возрастает роль самодисциплины и упорства, чтобы человек смог закончить работу и получить удовлетворение потребности.

Интересным с точки зрения нашего исследования является подход А. М. Матюшкина, выдвинувшего концепцию креативности как общей психологической предпосылки творческого развития личности. В соответствии с данной концепцией творческий путь личности предполагает доминирующую роль внутренней мотивации; исследовательскую творческую активность, выражающуюся в постановке и решении проблем; возможность достижения оригинальных решений и действий; способность к созданию эталонов, обеспечивающих высокие эстетические, нравственные и интеллектуальные оценки; образное представление и воображение; саморегуляцию [1].

В психолого-педагогической литературе нет также единого мнения о структурных компонентах креативности. Рассматривая креативность как способность человека, в ее структуре можно выделить когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты, в которые входят индивидуально-психологические особенности личности, обеспечивающие успех в организации и выполнении творческой деятельности.

Е. Е. Туник изучая креативность как совокупность способностей, обеспечивающих отклонение в мышлении от традиционных схем, быстрое разрешение проблемных ситуаций, выделяет такие критерии, как любознательность, воображение, сложность, склонность к риску [2]. По Д. Джонсону креативность проявляется при дефиците знаний, как неожиданный продуктивный акт и включает в себя чувствительность к проблеме, находчивость, гибкость и беглость, воображение, оригинальность, нестандартность, независимость, уверенный стиль поведения с опорой на себя, самодостаточное поведение.

Целью нашего изучения было выявление уровня и условий развития креативности студентов. В исследовании приняли участие студенты разных специальностей УО «Белорусский государственный экономический университет». Общий объем выборки составил 60 человек. Уровень развития креативности выявлялся посредством методики Д. Джонсона в адаптации Е. Е. Туник «Опросник креативности».

Анализ результатов проведенного исследования свидетельствует о том, что в данной выборке наиболее часто встречаемым уровнем креативности является «Нормальный, средний уровень креативности» (53,3 %). Он характеризует испытуемых как людей, способных к активному и оригинальному мышлению, но чаще всего застревающих в рамках обыденности. Для них генерирование идей не представляет интереса, поэтому они останавливаются на первой же идее, если она способна решить проблему. Беглость мышления выражена на среднем уровне, что говорит о не богатом, но и не бедном продуцировании идей в единицу времени. Человек может не ограничиваться одной единственной точкой зрения по рассматриваемому вопросу, но если она будет его устраивать, то он не будет больше раздумывать. Гибкость мышления также не превышает стандартного уровня. Переключаемость мыслей происходит в рамках тех категорий, которые хорошо известны человеку. Он больше ориентируется на собственный опыт и ригидность мышления. Такой человек не станет рисковать и стремиться к новому, отклоняясь от общепринятого направления мысли.

Рассматривая остальные уровни креативности в порядке уменьшения количества респондентов, мы видим следующую последовательность: «Высокий уровень креативности» (30 % респондентов), «Очень высокий уровень креативности» (13,3 % респондентов) и «Низкий уровень креативности» (3,3 %). Высокие показатели отражают способность людей к обнаружению и постановке проблем; большому множеству идей, возникающих в единицу времени и лежащих как в одной сфере, так и в разных, могут быть как оригинальными, так и стандартными, привычными и неинтересными. Данная категория людей старается придумать как можно больше ответов, при этом они могут не заботиться о качестве.

Проанализировав теоретические взгляды и направления, а также данные эмпирического исследования, можно выделить ряд условий, стимулирующих развитие креативности современных студентов:

- развитие внутренней мотивации, понимания того, для чего студенту необходимо нестандартно, творчески решать возникающие проблемы и задачи, осознание того, как именно этот вариант решения повлияет на дальнейшие виды и сферы деятельности, а также уверенности в себе, в своих знаниях, в своих решениях, любознательности;

- использование в учебном процессе проблемных методов обучения, стимулирующих самостоятельный поиск нового знания (мозговой штурм, ментальные карты, морфологический анализ, синектика, шесть шляп мышления, метод проектов, рефлексивные методики и др.), а также игровых технологий (деловые (ролевые), дидактические, компьютерные игры, квесты и др.);

- привлечение студентов к участию в научно-исследовательской деятельности;

- демонстрация преподавателем творческого подхода в процессе организации учебно-воспитательной работы;

- создание и поддержание благоприятной творческой, непринужденной атмосферы работы в студенческих группах.

Таким образом, для повышения уровня креативности современных студентов необходимо развивать:

- креативный процесс;

- креативный продукт;

- креативную личность;

- креативную среду.

Список использованных источников

1 Матюшкин, А. М. Мышление, обучение, творчество / А. М. Матюшкин. – М. : Изд-во МПСИ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2003. – 718 с.

2 Туник, Е. Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты / Е. Е. Туник. – СПб. : Изд-во «Дидактика Плюс», 2002. – 44 с.

А. М. Шестак

Минское суворовское военное училище,
г. Минск, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КУРСАНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены аспекты психолого-педагогического сопровождения личности курсантов-первокурсников в период адаптации, обучающихся в военном вузе и проживающих в условиях казарменного типа. Предложены основные направления работы для социально-психологической службы высшего учебного заведения.

Ключевые слова: курсанты-первокурсники, психолого-педагогическое сопровождение, социально-психологическая адаптация, военно-профессиональная подготовка, военный вуз.

В современных условиях в Республике Беларусь к подготовке специалистов, работающих в военной сфере, предъявляются высокие требования. Учебно-профессиональная деятельность в военных вузах отличается от обучения в гражданских учебных заведениях. Она характеризуется жесткой регламентацией распорядка дня, подчинением и соблюдением субординации, «казарменным типом проживания» курсантов, необходимостью совмещать учебную деятельность с выполнением служебных обязанностей, преобладанием групповых видов деятельности, определенной закрытостью военного образовательного учреждения. В этом случае особенно актуально грамотно организовать психолого-педагогическое сопровождение курсантов-первокурсников в период социально-психологической адаптации к обучению в вузе.

С. В. Сергеева и О. А. Воскресасенко указывают на то, что в основе психолого-педагогического сопровождения лежат гуманистические принципы, ориентированные на создание благоприятных условий успешного обучения, развития личности с учетом индивидуальных особенностей, предупреждения дезадаптации. Сопровождение они понимают как «систему взаимодействия субъектов образовательной деятельности, которая направлена на создание условий для успешной адаптации обучающихся к образовательной среде вуза» [1, с. 137].

Наиболее сложным для курсантов-первокурсников выступает адаптационный период. Он является многоаспектным явлением, включающим в себя физиологический и социально-психологический компоненты. Под адаптацией, согласно А.А. Реан, понимается «процесс и результат внутренних изменений, внешнего активного приспособления и самоизменения индивида к новым условиям существования» [3, с. 17].

Е. А. Жигалова выделяет следующие виды адаптации курсантов-первокурсников в военном вузе:

- учебно-академическая, предполагающая адаптацию к восприятию новых по характеру и содержанию знаний, умений;
- учебно-деятельностная, под которой подразумевается овладение первокурсниками различными формами самостоятельной работы, а также приспособление к вузовским организационным формам обучения;
- учебно-профессиональная, которая заключается в проявлении интересов и способностей курсанта-первокурсника к выбранной военной профессии [2, с. 80].

Для оптимизации процесса адаптации курсантов-первокурсников к обучению в военном вузе могут быть предложены следующие направления психолого-педагогического сопровождения:

- проведение психологом диагностики с целью оценки уровня развития личностных свойств и состояний, коммуникативных навыков, стрессоустойчивости, определения уровня развития профессионально важных качеств;
- разработка программ сопровождения по развитию личностных свойств и состояний с учетом результатов диагностики;
- организация занятий и групповых тренингов, направленных на знакомство курсантов-первокурсников друг с другом, развитие социальных и коммуникативных навыков, сплочение коллектива; повышение уверенности в себе, формирование адекватной оценки себя, своих способностей и возможностей;
- для адаптации в быту рекомендуется проводить занятия по ознакомлению как с культурными особенностями образовательной среды военного вуза, так и основными требованиями по соблюдению режима и распорядка дня, включающих разработку памяток;
- организация отделом идеологической работы культурно-массовых мероприятий (посещение театров, кинотеатров, музеев) с целью повышения образовательного уровня и сплочения первокурсников;

– в период казарменного проживания организация возможности для курсантов общения с семьями и близкими, наличие дополнительных увольнительных как средств поощрения за успехи в учебной деятельности;

– привлечение на воспитательные мероприятия студентов старших курсов с целью мотивации первокурсников на обучение и развитие профессионально важных качеств;

– совершенствование подготовки профессорско-преподавательского и командного состава вуза для работы с курсантами-первокурсниками в процессе семинаров, позволяющих более углубленно понять особенности адаптации;

– проведение мероприятий по формированию профессиональной направленности курсантов.

С курсантами-первокурсниками, испытывающими трудности в социально-психологической адаптации, психолого-педагогическое сопровождение может быть организовано по следующим направлениям:

– индивидуальные беседы, выстроенные с позиции демократического стиля общения и ориентированные на более глубокое понимание причин, вызывающих трудности в адаптации. По окончании беседы психолог высказывает пожелания, дает полезные советы, облегчающие адаптацию к условиям обучения в ведомственной образовательной организации, предлагает возможные варианты преодоления сложностей, мешающих в повседневной служебной деятельности;

– индивидуальные задания и поручения, которые применяются с целью формирования определенных черт характера, позволяющих легче включаться в коллективную деятельность, развивать учебные навыки и профессионально важные качества;

– организация систематического индивидуального консультирования психологом по запросу курсантов или по направлению со стороны преподавательского и командного состава вуза с целью преодоления трудностей в социально-психологической адаптации;

– включение курсантов-первокурсников в спортивные мероприятия соревновательного характера в учебно-воспитательный процесс с целью формирования навыков командного взаимодействия, поддержки друг друга;

– увеличение количества увольнительных, более частое общение по телефону с близкими, организация встреч с родственниками;

– проведение просветительских мероприятий с родственниками первокурсников, направленных на формирование у них представлений о способах оказания помощи курсантам в период адаптации.

Таким образом, в статье предпринята попытка охарактеризовать основные направления психолого-педагогического сопровождения курсантов-первокурсников, проживающих в условиях казарменного типа и испытывающих трудности в период социально-психологической адаптации к обучению.

Список использованных источников

1 Воскресенко, О. А. Адаптация иностранных курсантов к образовательному процессу военного вуза / О. А. Воскресенко, О. А. Бучнева // Высшее образование в России. – 2013. – № 7. – С. 136–140.

2 Жигалова, Е. А. Адаптация курсантов к служебной и учебной деятельности в высших учебных заведениях МВД России / Е. А. Жигалова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 4 (71). – С. 76–85.

3 Реан, А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб. : Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2006. – 479 с.

Е. Г. Будрик

Научный руководитель: В. П. Тарантей, д-р пед. наук, профессор
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ОТЦОВСТВА У УЧАЩИХСЯ

Автор статьи указывает на сложность процесса формирования культуры отцовства, на который влияют социальные, семейные и личностные факторы. В связи с этими обстоятельствами, назрела объективная необходимость выработки теоретических оснований для последующей реализации педагогических технологий в этой сфере. А именно: необходимость в развитии психолого-педагогической компетентности учащихся-будущих отцов в вопросах культуры отцовства, а также в разработке социально-педагогических условий формирования культуры отцовства у учащихся для реализации модели формирования культуры отцовства у учащихся учреждений образования.

Ключевые слова: отцовство, культура отцовства, условия, условия формирования культуры отцовства.

В соответствии со средовым подходом формирование культуры отцовства происходит под влиянием различных факторов, таких, как социальные, семейные и личностные. Это позволяет утверждать, что данный процесс является сложным, многоступенчатым. Как правило, большинство мужчин становятся отцами. Но это лишь физическое отцовство. К сожалению, не все мужчины готовы стать отцами психологически. Отсутствие теоретической подготовки, необходимых знаний, умений, практических навыков у будущих отцов к отцовству способствуют возникновению у них тревожности. Формирование же стереотипов об отцовстве происходит и в процессе взаимодействия с собственными родителями. Теоретические представления об отцовстве формируются и в социуме с начала жизни мужчины, затем изменяются, преломляясь через собственный опыт, изменения самосознания, самооценки и образов Я. При этом, внимание педагогики к проблемам семьи и отцовства, на наш взгляд, не должно ограничиваться теоретико-методологическим анализом и констатацией фактов. Необходима выработка теоретических оснований для последующей генерации практических технологий в этой сфере.

В связи с этим, на наш, взгляд, необходимо создать развитие психолого-педагогической компетентности учащихся-будущих отцов в вопросах культуры отцовства, а также разработать социально-педагогические условия формирования культуры отцовства у учащихся.

По мнению С. П. Акутиной [1] успешное воспитательное воздействие может иметь успех в том случае, если соблюдается ряд условий в воспитании будущего ответственного семьянина:

– ценностно-нравственная и моральная подготовка к семейной жизни и воспитание ответственного семьянина: осознание нравственных норм, формирование нравственного сознания, поведения и деятельности в сфере семейных отношений, причем, с духовной преемственностью;

– педагогическое и психологическое просвещение семьи по вопросам семейного воспитания, формирования знаний о роли ответственного семьянина, воспитания детей, родительской самоотверженности;

– готовность юноши принять на себя новую систему обязанностей по отношению к своей супруге, будущим детям и ответственности за их поведение и жизнь, принятие решений;

– физическое, интеллектуальное, личностное, социальное здоровье, т. е. формирование здорового образа жизнедеятельности членов семьи;

– взаимодействие семьи с различными социальными институтами в условиях изменившегося семейного социума, отвечающих за сохранение и развитие личности и за развитие комплекса семейных ценностей.

С. В. Илларионов [2] утверждает, что целостный педагогический процесс школы обладает высоким воспитательным потенциалом, обеспечивающим формирование семейных ценностей. Однако, его реализация возможна при следующих условиях:

1. В преподавании учебных дисциплин (литература, история, мировая художественная культура и пр.) необходимо межпредметное взаимодействие учителей школы, а также направленность содержания учебных дисциплин на формирование моральных и духовных ценностей супружества, родительства, положительной мотивации в формировании духовно-нравственных основ молодой семьи.

2. Активное включение старшеклассников в различные виды креативной деятельности, использование интерактивных методов работы с ними, межпредметных связей, что в значительной степени стимулирует развитие духовной сферы молодого человека, расширяет его кругозор, развивает духовные потребности и нравственные чувства, как основы ответственного супружества и родительства.

3. Расширение сферы взаимодействия педагога (классного руководителя) со специалистами, семьями учащихся, что позволяет актуализировать у молодых людей процесс развития своего духовного мира, нравственных качеств, ценностей семьи и родительства, способности к моральной рефлексии, стремлению к самореализации и созданию собственной здоровой и крепкой семьи

Таким образом, опираясь на мнения С. П. Акутиной [1], Н. В. Курилович [3], С. В. Илларионова [2], в рамках нашего диссертационного исследования мы определили условия, необходимые для формирования культуры отцовства у учащихся-будущих отцов учреждений образования, для развития и формирования культуры отцовства на развитом уровне. При определении данных условий мы опирались на сущность культуры отцовства, ее структурные компоненты, а также непосредственно на модель формирования культуры отцовства, представленную в нашем диссертационном исследовании.

Так, под условиями мы понимаем смоделированную совокупность организационно-методических и психолого-педагогических процедур, обеспечивающих оптимальное протекание процесса формирования культуры отцовства в соответствии с поставленными целью и задачами модели формирования культуры отцовства. Все условия рассматриваются как необходимое основание для реализации модели формирования культуры отцовства у учащихся учреждений образования.

Таким образом, к условиям формирования культуры отцовства у учащихся учреждений образования мы относим следующие:

- ценностно-смысловые условия;
- средовые условия;
- деятельностные условия (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Условия формирования культуры отцовства

Условия формирования культуры отцовства		
Ценностно-смысловые	Средовые	Деятельностные
1	2	3
- осознанность нравственных норм, формирование нравственного сознания, поведения и деятельности в сфере семейных отношений;	- представления социума об отцовстве; - опыт семьи; - семейные традиции и устои;	- активное включение учащихся в воспитательно-образовательную деятельность по формированию культуры отцовства;

Продолжение таблицы 1

1	2	3
<ul style="list-style-type: none"> - актуализация смысложизненных доминант и идеалов; - позитивное отношение к партнеру и другим членам семьи; - ролевое взаимодействие между членами семьи (соответствие исполнения ролей ожиданиям, четкость ролевой регламентации); - взаимодействие (общность хозяйственных обязанностей, степень взаимодействия по достижению семейных целей, эффективность решения межличностных проблем); - самосознание и самооценка Я-образа. 	<ul style="list-style-type: none"> - собственный опыт в имеющейся семье; - политики государства в отношении феномена культуры отцовства. 	<ul style="list-style-type: none"> - просвещение учащихся в вопросах семейного воспитания; - погружение в среду образовательного процесса, посредством различных мероприятий, тренингов и т. п. - формирования умений и навыков в области отцовского воспитания; - расширение сферы взаимодействия педагога (классного руководителя) с учащимися по вопросам семейного воспитания; - взаимодействие и взаимопонимание педагога и учащихся.

Раскроем подробнее специфику реализации условий по формированию культуры отцовства у учащихся учреждений образования.

1. Ценностно-смысловые условия, включающие осознание ценностных норм жизни; формирование нравственного сознания, поведения и деятельности у учащихся в сфере семейных отношений; актуализацию смысложизненных доминант и идеалов; развитие и формирование позитивного отношения к партнеру и другим членам семьи. Необходимым же условием в данной группе является и ролевое взаимодействие между членами семьи, а также их взаимодействие.

2. Средовые условия влияют на формирование культуры отцовства у учащихся посредством общего представления и отношения социума к феномену отцовства. Ведь социум диктует и выстраивает такие правила, как, например, каким должен быть отец, какие функции он выполняет в семье, сколько детей иметь отцу, какова его роль и т. п. Но нельзя исключать, что формирование культуры отцовства происходит и через опыт прародителей и родителей. От их традиций и устоев зависит формирование культуры отцовства у подрастающего поколения. Личный опыт старшеклассников в имеющейся семье, их роль, обязанности, взаимоотношения в семье и т. п. также относятся к средовым условиям формирования культуры отцовства. Да и в целом, политика государства (игнорирующая или поддерживающая) касательно феномена культуры отцовства является неотъемлемым средовым условием формирования культуры отцовства.

3. Деятельностные условия формирования культуры отцовства у учащихся характеризуются активным включением учащихся в воспитательно-образовательную деятельность. А именно: формирование у учащихся теоретической и практической базы в вопросах семейного воспитания; непосредственное участие самих учащихся в процессе по формированию культуры отцовства через различные практики, мероприятия, тренинги, технологии и т. п.; расширение знаний, формированием умений и навыков, необходимых будущим отцам для ухода за ребенком. Существенным деятельностным условием формирования культуры отцовства у учащихся является слаженная работа педагога и учащихся по формированию культуры отцовства через их взаимодействие и взаимопонимания.

Таким образом, социально-педагогические условия формирования культуры отцовства у учащихся учреждений образования – это смоделированная совокупность организационно-методических и психолого-педагогических процедур, обеспечивающих оптимальное протекание процесса формирования культуры отцовства у учащихся в соответствии с поставленными целью и задачами модели формирования культуры отцовства. К таким условиям формирования культуры отцовства у учащихся мы относим ценностно-смысловые, средовые и деятельностные. Данные условия являются необходимым основанием для реализации модели формирования культуры отцовства у учащихся учреждений образования.

Список использованных источников

1 Акутина, С. П. Педагогические условия эффективного взаимодействия семьи и школы по воспитанию духовно-нравственных ценностей старшеклассников / С. П. Акутина // Образование и общество. – 2009. – № 1 (54). – С. 35–38.

2 Илларионов, С. В. Формирование семейных ценностей у старшеклассников в педагогическом процессе школы [Электронный ресурс] / С. В. Илларионов // Ценности и интересы современного общества. Правовые и гуманитарные ценности современного общества : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики. – М., 2015. – Ч. 1. – Режим доступа: <https://www.rea.ru/ru/publications/AttachmentsLibrary/%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B>A.pdf. – Дата доступа: 28.02.2022.

3 Курилович, Н. В. Приоритетные направления работы со старшеклассниками в общеобразовательной школе с целью формирования у них ценностного отношения к родительству средствами социального воспитания [Электронный ресурс] / Н. В. Курилович, Н. Ю. Баранова // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. – 2017. – Т. 22. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-raboty-so-starsheklassnikami-v-obscheobrazovatelnoy-shkole-s-tselyu-formirovaniya-u-nih-tsennostnogo>. – Дата доступа: 28.02.2022.

А. С. Гаврилова

Научный руководитель: Е. В. Дробышевская
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению понятия буллинга. Автором приводятся данные эмпирического исследования индивидуально-личностных особенностей участников буллинга в подростковом возрасте, характеризуются выявленные личностные черты у жертв и агрессоров.

Ключевые слова: буллинг, агрессия, травля, подростковый возраст, школа, виктимность, агрессивные действия, агрессивность, жертва.

Буллинг, как феномен девиантного поведения, является актуальной и социально значимой проблемой. По данным исследования, проведенным ЮНИСЕФ, на территории Республики Беларусь каждый второй ребенок подвергается насилию в школе [1, с. 1].

Изучение влияния ситуации возникновения буллинга и его влияние в подростковом возрасте, обусловлено тем, что этот возрастной этап является самым сложным, конфликтным и противоречивым периодом развития личности. Характеризуясь физическими и психологи-

ческими изменениями, расхождением в идеальном и реальном образе Я, смена ведущей деятельности – главной тенденцией которой является переориентация на общение со сверстниками – группа которой становится референтной.

Так начинается борьба за лидерство и возникновение конфликтов в группе. И несмотря на то, что участие подростка в конфликтах является вполне нормальным, но центральная проблема буллинга заключается в том, что травля происходит продолжительное время и оказывает пагубное влияние на формирование и дальнейшее развитие личности.

Первым толчком к изучению школьной травли была опубликованная в 1905 году работа французского ученого К. Дьюкса. Она заложила основу для целого ряда трудов европейских педагогов и психологов. Первые систематические исследования данной проблемы принадлежат скандинавским ученым, среди них можно выделить Д. Олвеуса, П.П. Хайнеманна, А. Пикаса, Е. Роланда.

В 80-ых годах интерес к теме школьного насилия возник в Великобритании. К британским ученым, которые занимались изучением данной темы, можно отнести Д. А. Лэйна, Д. П. Таттума, Е. Мунте. В 2001 году вышла книга Д. А. Лэйна «Школьная травля (буллинг)» под редакцией самого автора и Э. Миллера. В своей книге Д. А. Лэйн рассматривал сущность, причины распространения буллинга, наиболее типичные проявления, а также способы профилактики и коррекции школьного насилия.

В 1993 г. норвежский психолог Д. Олвеус опубликовал ставшее общепринятым определение понятия «травля» в среде детей и подростков. Его работа внесла явление буллинга в пространство психологической науки, сделала его видимым, и данная проблема быстро стала трендом мировой психологии. Исследования в области феноменологии и технологий профилактики и прекращения буллинга стали стремительно развиваться.

В Беларуси и России изучение темы школьного насилия началось лишь с 2006 года. Одним из первых ее исследовал И.С. Кон в статье «Что такое буллинг и как с ним бороться?». Среди ученых, которые также занимались изучением данного явления, можно назвать Е. Н. Ожиеву, С. Ю. Чижову, Е.В. Гребенкина, И.А. Фурманова, О.Л. Глазмана, В.Р. Петросянца, А.А. Бочавер, В.С. Собкина, Т.С. Илларионову, С.В. Кривцову, Н.Ф. Гребень и многих других. Е.Н. Ожиева занимается изучением буллинга как разновидности насилия. Она раскрывает сущность буллинга, его виды и дает характеристику каждому из них. А.А. Бочавер в своих исследованиях касается позиции учителя и его возможностей по предотвращению школьной травли.

На основании проведенного анализа научной литературы на тему определения такого понятия как «буллинг» с точки зрения различных подходов, как со стороны зарубежных ученых, так и опираясь на исследования отечественных психологов, можно сделать вывод, что буллинг определяется как форма деструктивного систематического межличностного взаимодействия, при которой один человек или группа осознано выступает обидчиком, а другой – жертвой, являясь заведомо слабее психологически, либо физически и длительно подвергающийся физическому и психологическому насилию [2, с. 87].

Обобщая существующие классификации буллинга, разработанные как в рамках международных исследований, так и отечественными учеными, с упором на вектор нашего исследования, можно выделить следующие виды насилия: физическое насилие, психическое (эмоциональное) насилие, кибербуллинг, сексуальное насилие.

Заниматься тщательным искоренением и более подробным изучением этой проблемы возможно и нужно. Проблема буллинга не имеет возможности разрешиться сама бесследно для участников – это означает, что вмешательство психолога обязательно для благоприятного разрешения ситуации и тщательного изучения особенностей личности жертв и обидчиков.

Таким образом, обращаясь к теоретическому материалу, изложенному выше – систематизируя его, можно утверждать, что проблема требует более тщательного изучения, для проведения дальнейших исследований, так как на данный момент все также существуют

определенные сложности с выявлением и диагностикой наличия ситуации буллинга в образовательной среде.

Также обязательно рассмотрение влияния травли на формирование личности подростка, определение основных факторов его возникновения и дальнейшего развития, что поможет в дальнейшем для разработки теоретических оснований для разработки профилактических мер для его предупреждения и предотвращения, а также повышению возможности пресечь или предотвратить его повторение, что обусловлено потребностями современного образования, повышения психологической компетентности педагогов и родителей в ситуации возникновения буллинга в стенах образовательного учреждения.

Полученный теоретический материал позволяет осуществлять эмпирическое изучение описанной проблемы.

Для выявления распространенности и специфики буллинга в подростковой среде в образовательном учреждении, был использован опросник «Ситуация буллинга в школе» В. Г. Петросянца, применение данного опросника позволило выявить группу подростков, подвергающихся буллингу из общего количества исследуемой выборки, а также определить предполагаемых «агрессоров».

В результате проведенного исследования, были получены следующие результаты:

– из общего количества исследуемой выборки – 21 % подвергался буллингу в стенах школьного учреждения на постоянной основе, 5 % респондентов частично имели контакт с данным явлением.

– свидетелями ситуации буллинга стали 44 % респондентов, 56 % – дали отрицательный ответ.

– участие в буллинге подтвердили 14 % из опрашиваемых респондентов подросткового возраста.

Таким образом, можно сделать вывод, что феномен буллинга присутствует в подростковой среде, о чем свидетельствуют полученные результаты, 26 % респондентов хотя бы раз с ним сталкивались, 44 % – выступали в роли свидетелей подобной ситуации, а 14 % респондентов подтвердили свою причастность к травле.

Далее для определения особенностей по показателям самооценки Дембо-Рубинштейна у выявленных «жертв», и «обидчиков» при помощи опросника «Ситуация буллинга в школе» В. Г. Петросянца был использован U-критерий Манна-Уитни. Рассмотрим результаты статистической обработки показателей (таблицы 1, 2).

Таблица 1 – Данные изучения особенностей между показателями самооценки и их положением в ситуации буллинга с использованием U-критерия –Манна-Уитни

Самооценка	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при $p = 0,05$	Значимость различия
	жертвы	обидчики			
Очень высокий	16,43	42,65	28	24,5	значимы
Высокий	24,9	35,9	35		значимы
Средний	32,34	33,91	14,3		не значимы
Низкий	32,43	21,43	31,5		значимы

При помощи U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между исследуемыми выборками уровню самооценки, таким образом: «очень высокий» ($U_{эмп} = 28 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$); «высокий» ($U_{эмп} = 35 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$); «низкий» ($U_{эмп} = 31,5 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$).

Таким образом, интерпретируя отображенные результаты в таблице, можно утверждать, что для выборки «жертв» характерной является низкая самооценка, можно предположить, что снижение самооценки у респондентов наблюдается в ситуации, когда жертве неиз-

вестным причины дискредитации ее личности, также, когда происходит конкретное указание на определенные аспекты внешнего вида.

Также в ситуации буллинга жертвы, которые ощущают свою слабость и невозможность защититься, испытывают снижение уровня самооценки.

Анализируя результаты в таблице – можно утверждать, что высокий уровень самооценки у респондентов, которые выступают в роли «обидчиков» может формироваться благодаря ситуациям, когда обидчик чувствует свое превосходство над жертвой, стараясь самоутвердиться за ее счет.

Таблица 2 – Данные изучения особенностей между показателями притязаний, их положением в ситуации буллинга с использованием U-критерия Манна-Уитни

Самооценка	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при = 0,05	Значимость различия
	жертвы	обидчики			
Очень высокий	15,32	32,13	31	24,5	значимы
Высокий	18,9	23,53	33		значимы
Средний	24,34	23,95	11		не значимы
Низкий	23,65	15,43	33,43		значимы

При помощи U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между исследуемыми выборками уровню притязаний, таким образом: «очень высокий» ($U_{эмп} = 31 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$); «высокий» ($U_{эмп} = 33 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$); «низкий» ($U_{эмп} = 29,6 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$).

Таким образом, интерпретируя отображенные результаты в таблице, можно утверждать, что для выборки «жертв» характерным является низкий уровень притязаний, можно предположить, что снижение уровня притязаний связано с игнорированием жертвы происходящего и попытка объяснить обидчикам, что они поступают неправильно, как можно предполагать подобная ситуация формирует у жертвы буллинга восприятие ситуации, как невозможной для изменения, а саму жертву бессильной и неспособной справиться с обидчиками.

Высокий уровень притязаний у обидчиков может быть связан с игнорированием, и высмеиванием жертвы, обидчики, прибегая к подобным манипуляциям ощущают свою «силу» и «влияние» на жертву, на ее личность и состояние.

Далее для определения особенностей между полученными показателями по методике «Локус контроля» Джулиана Роттера и выявленных «жертв» и «обидчиков» при помощи опросника «Ситуация буллинга в школе» В. Г. Петросянца был использован U-критерий Манна-Уитни. Рассмотрим результаты статистической обработки (таблица 3).

Таблица 3 – Данные изучения особенностей между показателями локуса контроля и их положением в ситуации буллинга с использованием U-критерия Манна-Уитни

Локус контроля	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при = 0,05	Значимость различия
	жертвы	обидчики			
Экстернальный	43,32	29,13	43,3	24,5	значимы
Интернальный	28,9	35,52	52,4		значимы

При помощи U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между исследуемыми выборками, таким образом: «экстернальный локус контроля» ($U_{эмп} = 43,3 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$); «интернальный локус контроля» ($U_{эмп} = 52,4 > U_{кр} = 24,5$ при $p = 0,05$).

По результатам статистического анализа можно утверждать, что для жертв характерным является проявление экстернального локуса контроля, что может быть связано с отсутствием понимания причин травли, так, жертвы стремятся найти причины в действиях и словах своих обидчиков.

Анализируя полученные данные у выборки обидчиков можно утверждать, что у них преобладает интернальный локус контроля, что может быть связано с тем, что обидчики указывают на недостатки жертвы и высмеивают ее – громкие заявления об «особенностях» жертвы провоцируют повышенное внимание к ее личности, что заставляет обидчиков чувствовать собственную ответственность за происходящее.

Далее для определения особенностей между полученными показателями по методике, и выявленных «жертв», и «обидчиков» при помощи методики «Диагностика копинг-механизмов Э. Хейма» и выявленных «жертв» и «обидчиков» при помощи опросника «Ситуация буллинга в школе» В. Г. Петросянца был использован U-критерий Манна-Уитни. Рассмотрим результаты статистической обработки показателей (таблица 4).

Таблица 4 – Данные изучения особенностей между показателями копинг-стратегий и их положением в ситуации буллинга с использованием U-критерия Манна-Уитни

Копинг-стратегии	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при = 0,05	Значимость различия
	жертвы	обидчики			
Неадаптивные	46,43	24,65	36	24,5	значимы
Относительно адаптивные	24,9	35,9	19,6		не значимы
Адаптивные	22,34	43,91	29,8		значимы

При помощи U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между исследуемыми выборками, таким образом: «неадаптивные» копинг-стратегии значимо чаще используются жертвами ($U_{\text{эмп}} = 36 > U_{\text{кр}} = 24,5$ при $p = 0,05$) чем «адаптивные» ($U_{\text{эмп}} = 29,8 > U_{\text{кр}} = 24,5$ при $p = 0,05$).

По результатам статистического анализа можно утверждать, что жертвы намного чаще прибегают к неадаптивным стратегиям поведения в ситуации травли, таким образом, насмешки над внешностью жертвы, способствуют формированию неадаптивной эмоциональной копинг-стратегии и формированием эмоциональной копинг-стратегий, причиной этому служить стремление жертвы защитить психическое состояние.

Для агрессоров применение адаптивных копинг-стратегий является наиболее характерным, можно предположить, что это связано с общим положением агрессора в классе, так, находясь в «ведущей» позиции, он не испытывает сложностей с выстраиванием комфортной для него стратегии поведения.

Обобщая данные, полученные в ходе эмпирического исследования, буллеров можно охарактеризовать следующим образом: они повышают свою самоуверенность по мере угнетения жертвы, им свойственен интернальный локус контроля, что является важным для ощущения собственной «невиновности» в происходящем, преимущественно уровень самооценки находится на высоком и средних уровнях. За счет высокого положения в иерархии класса, они пользуются возможностью манипулирования другими детьми – провоцируя игнорирование «жертвы».

Стремясь охарактеризовать жертв школьной травли, в ходе исследования были выявлены следующие индивидуально личностные особенности: самооценка преимущественно находится на низком уровне, присутствие пониженной мотивации к учебной деятельности, локус контроля является экстернальным по причине бессилия жертвы перед обидчиком, и невозможность воздействовать на ситуацию для ее прекращения.

Список использованных источников

1 Масштабные результаты национального исследования о насилии в отношении детей. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.by/press-centr/169.html>. – Дата доступа: 06.06.2022.

2 Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М. : Изд-во «Мир». 1994. – 76 с.

Т. А. Григоренко

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ Z

В статье рассматривается проблема формирования ценностно-мотивационной сферы личности и социально-психологических установок у юношей и девушек в условиях цифровизации общества с позиции теории поколений. Автор приводит результаты эмпирического исследования психологических особенностей социально-психологических установок юношей и девушек цифрового поколения Z.

Ключевые слова: юношеский возраст, установка, социально-психологическая установка, аттитюд, теория поколений, цифровое поколение Z.

Каждое новое поколение молодежи существенно отличается от родителей и прародителей. Своеобразие нового поколения обеспечивается уникальными обстоятельствами взросления и социализации.

Нынешние молодые люди развивались в период всеобщей цифровизации, обеспечивающей быстрый доступ к любой информации и неограниченные возможности ее использования в собственных целях. Согласно теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса, молодых людей, рожденных в начале XXI века, относят к последнему поколению Z, «поколению большого пальца, «цифровыми аборигенами», «рожденными цифровыми», «Homelanders» (домоседы). Молодежь поколения Z в совершенстве владеет интернет-технологиями, все свои основные потребности научилась удовлетворять в Интернет-сети. В данном случае в значительной степени их высшие психические процессы и личность развивались под влиянием Интернета.

Исследование психологических особенностей социально-психологических установок юношей и девушек цифрового поколения Z проходило на базе УО «ГГУ имени Ф. Скорины» факультет психологии и педагогики, факультет физической культуры и спорта, биологический факультет, УО «Гомельский государственный профессиональный лицей речного флота».

Всего в исследовании приняли участие 100 студентов и обучающихся данных учебных заведений в возрасте 15–17 лет, из них 62 юноши и 38 девушек.

В процессе диагностики применялись следующие методики:

– методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной;

– ценностный опросник Ш. Шварца, адаптированный и стандартизированный В. Н. Карандашевым.

Для изучения социально-психологических установок юношей и девушек цифрового поколения Z применялась методика диагностики социально-психологических установок

личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной. Были получены следующие результаты, представленные в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Особенности социально-психологических установок юношей и девушек поколения Z

Типы мотивов	Уровень выраженности установок личности в мотивационно-потребностной сфере (в %)					
	низкий		средний		высокий	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Процесс	35	35	50	55	15	10
Результат	15	20	35	35	50	45
Альтруизм	10	15	45	45	45	40
Эгоизм	55	40	10	20	35	40
Свобода	35	35	15	10	50	55
Власть	15	20	50	45	35	35
Труд	30	30	50	45	20	25
Деньги	15	20	35	35	50	45

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что высокие баллы, как юноши, так и девушки набрали по следующим показателям:

– «Ориентация на результат». Высокие показатели имеют 50 % юношей и 45 % девушек. Эти данные свидетельствуют о том, что молодые люди стремятся добиваться быстрых результатов вопреки всему. Но они могут за стремлением к достижению результата забыть обо всем остальном, например, кому-то ненамеренно навредить или просто сделать дело быстро, но некачественно.

– «Ориентация на альтруизм». Высокие баллы по данному показателю имеют 45 % юношей и 40 % девушек. Эти данные свидетельствуют о том, что молодые люди чаще всего действуют в интересах других, заботятся и беспокоятся о других. Однако, порой они склонны забывать о себе.

– «Ориентация на свободу». Высокие баллы по данному показателю имеют 50 % юношей и 55 % девушек. Эти данные могут свидетельствовать о том, что свобода для них – главная ценность. Они не терпят никаких ограничений и готовы идти на жертвы ради отстаивания своей независимости (иногда от мнимой опасности).

– «Ориентация на деньги». Высокие баллы имеют 50 % юношей и 45 % девушек. Эти данные свидетельствуют о том, что ведущей ценностью для людей с этой ориентацией является стремление к увеличению своего благосостояния. Деньги для них имеют ценность сами по себе, а не только как средство приобретения чего-либо.

Для изучения жизненных ценностей юношей и девушек цифрового поколения Z применялся ценностный опросник Ш. Шварца, адаптированный и стандартизированный В. Н. Карандашевым. Под ценностями Ш. Шварц подразумевал «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества. В основе опросника лежит теория, согласно которой все ценности делятся на социальные (уровень нормативных идеалов) и индивидуальные (уровень индивидуальных приоритетов).

Анализ результатов исследования жизненных ценностей юношей и девушек цифрового поколения Z, полученных с помощью Ценностного опросника Ш. Шварца, представлен в виде таблиц 2 и 3.

Таблица 2 – Средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов у юношей и девушек цифрового поколения Z

Типы ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей		
	по всей группе в целом	девушки	юноши
Конформность	3,52	4,02	3,02
Традиции	2,45	3,00	1,89
Доброта	3,89	4,45	3,32
Универсализм	3,89	3,27	2,51
Самостоятельность	3,94	4,68	3,20
Стимуляция	2,92	3,42	2,42
Гедонизм	3,94	4,68	3,20
Достижения	4,11	4,70	3,52
Власть	3,03	3,65	2,41
Безопасность	3,59	4,06	3,12

Из данных, представленных в таблице 2, следует, что самые высокие средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов по группе в целом принадлежат таким ценностям, как «достижение» (4,11), «самостоятельность» (3,94), «гедонизм» (3,94), «доброта» (3,89).

Среди девушек высокие средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов имеют такие ценности как «достижение» (4,70), «гедонизм» (4,68), «самостоятельность» (4,68), «доброта» (4,45).

Среди юношей высокие средние показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов имеют также такие ценности как «достижение» (3,52), «доброта» (3,32), «гедонизм» (3,20), «самостоятельность» (3,20).

Таблица 3 – Средние показатели значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов у юношей и девушек цифрового поколения Z

Типы ценностей	Средние показатели значимости типов ценностей		
	По всей группе в целом	девушки	юноши
Конформность	1,43	1,34	1,52
Традиции	0,89	0,87	0,90
Доброта	2,16	2,26	2,05
Универсализм	1,66	1,76	1,56
Самостоятельность	2,54	2,43	2,64
Стимуляция	2,07	2,15	1,98
Гедонизм	2,30	2,51	2,09
Достижения	2,03	2,18	2,00
Власть	1,57	1,65	1,50
Безопасность	1,78	1,75	1,80

Данные таблицы 3 позволяют говорить о том, что самые высокие средние показатели значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов по группе в целом принадлежит таким ценностям как «самостоятельность» (2,54), «гедонизм» (2,30), «доброта» (2,16).

Среди девушек высокие средние показатели значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов имеют такие ценности, как «гедонизм» (2,51), «самостоятельность» (2,43), «доброта» (2,26), «достижения» (2,18).

Среди юношей высокие средние показатели значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов также имеют такие ценности, как «самостоятельность» (2,64), «гедонизм» (2,09), «доброта» (2,05).

Проведенное исследование показало, что среди социально-психологических установок в исследуемой выборке ведущими являются: «Ориентация на результат», «Ориентация на альтруизм», «Ориентация на свободу», «Ориентация на деньги». Эти данные совпадают с результатами, как отечественных, так и зарубежных исследований в области социально-психологических установок представителей цифрового поколения Z. Представители данного поколения хотят быстрого достижения своей цели, им мало интересен сам процесс труда; также они высоко ценят свою свободу, которую зачастую достигают, заработав деньги при помощи интересной для себя деятельности.

Наибольшей значимостью для представителей исследуемой выборки девушек и юношей обладают такие типы ценностей, как «достижение», «самостоятельность», «гедонизм», «доброта».

Анализ данных по второй части опросника («Профиль личности») показал, что на уровне индивидуальных приоритетов наибольшей значимостью для испытуемых подростков обладают такие типы ценностей как «самостоятельность», «гедонизм», «доброта» и «достижения», а наименьшей значимостью – «традиции», «комфортность».

Анализ половых особенностей показывает, что на уровне нормативных идеалов девочки несколько выше оценивают все четыре, указанные выше наиболее значимые ценности, особенно «достижения».

Таким образом, полученные данные также не противоречат выводам, сделанным отечественными и зарубежными учеными. Современные молодые люди стремятся к самостоятельности, быстрым достижениям и получению различного вида удовольствий.

Эмпирические данные могут быть использованы в психопросветительской, психопрофилактической, консультативной и коррекционно-развивающей деятельности психолога с педагогами, родителями, подростками и юношами поколения Z. Также разработана программа по коррекции и развитию социально-психологических установок и жизненных ценностей юношей и девушек цифрового поколения Z.

С. В. Дуленец

Научный руководитель: О. В. Маркевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ПРОЯВЛЕНИЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются проблемы и подходы изучения агрессивности в научной психологической литературе. Приводятся данные проведенного эмпирического исследования проявления агрессивного поведения у детей дошкольного возраста, анализируются и описываются результаты исследования.

Ключевые слова: агрессивность, дети дошкольного возраста, агрессия, агрессивное поведение, психологические особенности агрессивности.

В последние годы существенно возрос научный интерес к проблемам детской агрессии. Данный интерес связан с тем, что за последнее десятилетие во всем мире отмечается рост насильственных действий, сопряженных с особой жестокостью. Такие социально опасные проявления, связанные с понятием агрессии и агрессивности, возникающие как из внутренних, так и внешних факторов, вызывают серьезное беспокойство. Воспитатели и учителя отмечают, что агрессивных детей становится с каждым годом все больше, с ними трудно работать, и, зачастую, педагоги просто не знают, как справиться с их поведением. Единственное педагогическое воздействие, которое временно спасает, – это наказание или выговор, после чего дети на какое-то время становятся сдержаннее, и их поведение начинает соответствовать требованиям взрослых. Но такого рода педагогическое воздействие скорее усиливает

ет особенности таких детей и ни в коей мере не способствует их перевоспитанию или стойкому изменению поведения к лучшему [1, с.5].

Во многих исследованиях отмечается, что проявление агрессивного поведения можно заметить уже у детей дошкольного возраста. Поэтому особо важно проведение целенаправленной просветительской, профилактической и коррекционной работы. В случае, если такая работа не проводится, агрессия как устойчивая форма поведения не только сохраняется, но и развивается, трансформируется в устойчивое качество личности и может сохраняться на протяжении дальнейшей жизни человека. Как отмечают многие исследователи данной проблемы, особенно важным изучение агрессивности является, когда данное проявление находится в стадии становления, именно в этот период будут более эффективны корригирующие меры.

Обратившись к психологическому словарю, можно выделить следующее определение понятия «агрессия». Агрессия (от лат. «agressio» – нападение, приступ) – это мотивированное, деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей в обществе, наносящее физический вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), а также моральный ущерб живым существам (негативные переживания, состояние напряженности, подавленности, страха и т. п.) [2, с. 8].

Сегодня большинство специалистов склоняется к тому, что природный потенциал агрессивности есть у каждого, поскольку агрессия напрямую связана с инстинктом самосохранения [3, с. 38].

Для детей дошкольного возраста наиболее характерны такие формы агрессии, как порча игрушек, швыряние предметов, эпизодическое грубое обращение с животными, пассивно-агрессивные реакции протеста, неуступчивость и повышенное упрямство. В целом, возрастная динамика агрессии соответствует возрастным «кризисам» в 3–4 года, 6–7 лет [4, с. 57].

Опираясь на теоретические положения данной проблемы, было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение психологических особенностей детей дошкольного возраста. В исследовании принимали участие 29 мальчиков и 26 девочек. Исследование проводилось на базе ГУО «Торфозаводской ясли-сад». В качестве психодиагностического инструментария были использованы методики: графическая методика «Кактус» (М. А. Панфилова), «Тест руки» (Э. Вагнер).

Результаты исследования агрессивности детей дошкольного возраста как девочек, так и мальчиков по методике «Кактус» приведены в диаграмме на рисунке 1.

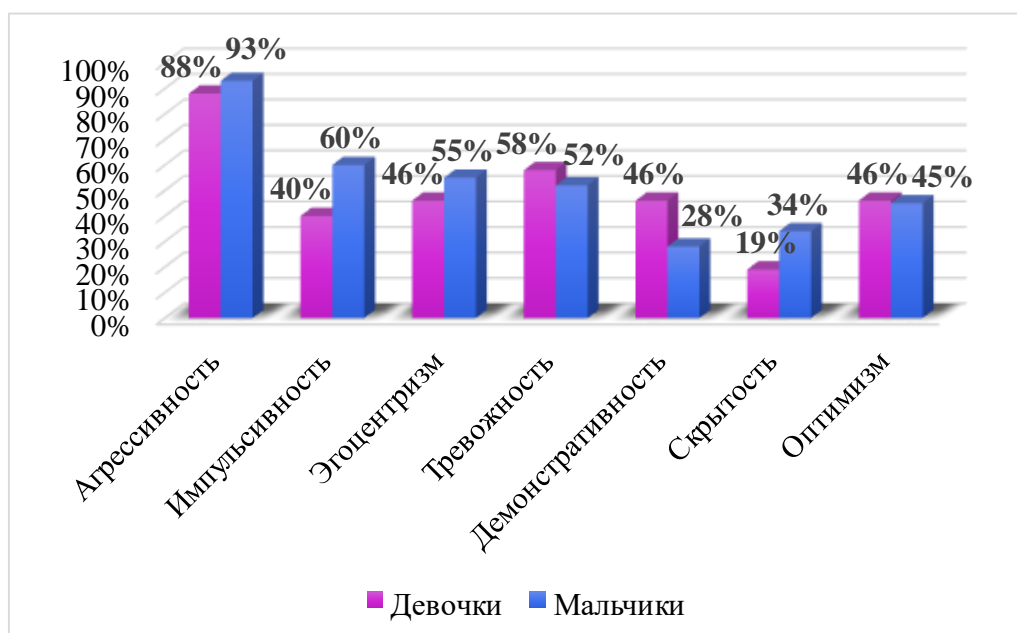

Рисунок 1 – Результаты исследования агрессивности детей дошкольного возраста по методике «Кактус» М. А. Панфиловой

Анализ результатов показывает, что агрессивностью обладает 88 % девочек и 93 % мальчиков. Исходя из полученных данных, испытуемые были разделены на 3 группы: с высокой, средней и низкой степенью агрессивности. Результаты выраженности уровня агрессивности представлены в диаграмме на рисунке 2.

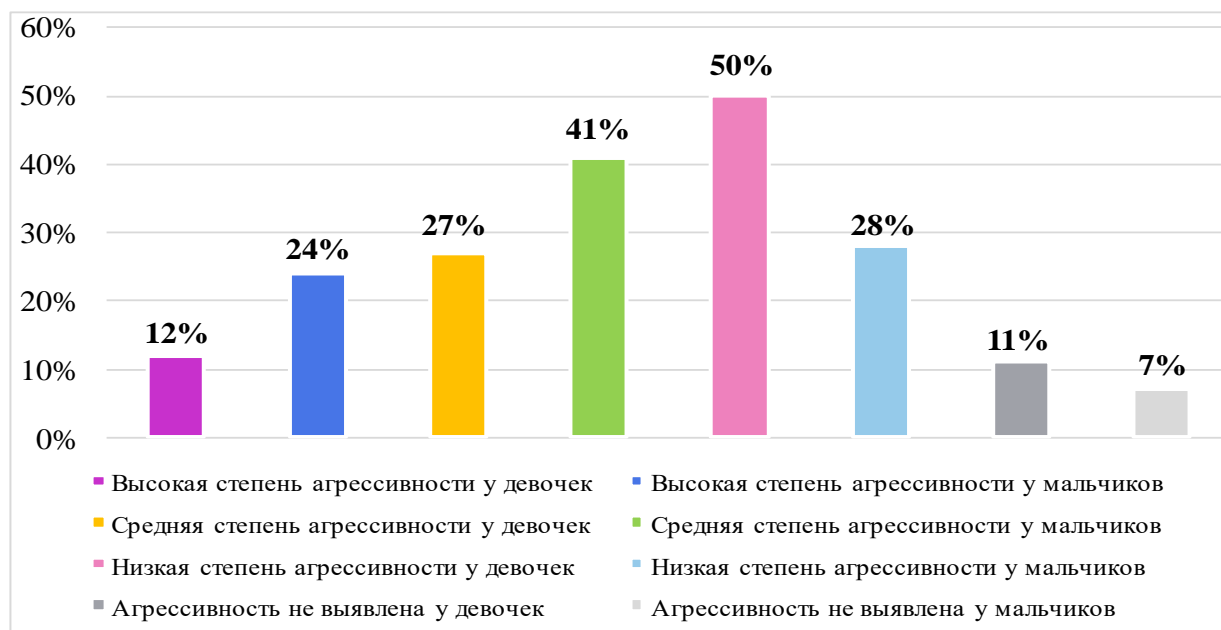

Рисунок 2 – Степень выраженности агрессивного поведения

Из представленных выше результатов видно, что было выявлено 12 % девочек и 24 % мальчиков с высокой степенью агрессивности. Данные результаты указывают на то, что высокая степень агрессивного поведения преобладает у мальчиков. В свою очередь, следует заметить, средняя степень агрессивности преобладает у мальчиков и составляет 41 %, в то время как у девочек данная степень агрессивности составляет 27 %. Низкая степень агрессивности преобладает у девочек, которая составляет 50 %, в свою очередь у мальчиков только 28 %. Также у некоторых испытуемых степень агрессивности не была выявлена и составляет 7 % у мальчиков и 11 % у девочек.

Рассмотрев более подробно характеристики испытуемых с разными степенями агрессивности, полученными в результате исследования, можно отметить, что рисунки детей с высокой степенью агрессивности характеризуются наличием «сильно торчащих, длинных и близко расположенных к друг другу иголок в большом количестве». Такие дети импульсивны и довольно энергичны. Данные характеристики в рисунке проявляются в виде «отрывистых линий и сильного нажима». Следует отметить, что импульсивность в большей степени проявляется у мальчиков и составляет 60 %, у девочек 40 %. У некоторых присутствует скрытность, осторожность, которую можно рассмотреть в зигзагах, расположенных по контуру или внутри кактуса. Скрытость также больше проявляется у мальчиков (34 %), чем у девочек (19 %). В таких рисунках прослеживается эгоцентризм, который в 55 % просматривается у мальчиков и в 46 % у девочек. Детям с высокой степенью агрессивности было трудно раскрыться перед экспериментатором, у некоторых отмечалась тенденция к отчуждению и оппозиции. Такие дети были агрессивны, тревожны.

Испытуемые, имеющие среднюю степень агрессивности, были неуверены в себе, боязливы, застенчивы. В их рисунках были «небольшие иголки, но в большом количестве», что и помогло определить степень агрессивности. Для них характерна интровертированность, которая была показана изображением одного кактуса на рисунке.

Для испытуемых, имеющих низкую степень агрессивности характерен творческий подход к выполнению задания. Дети были открыты, на контакт с экспериментатором шли хорошо, легко вступали в беседу. В рисунках таких детей «минимальное количество иголок, яркие цвета», которые говорят об оптимизме. В свою очередь оптимизм как у девочек, так и у мальчиков проявляется в равной степени. У детей отмечалась достаточно адекватная самооценка, хотя некоторые не всегда были в себе уверены. У таких детей не наблюдалось тревожности. Такие дети испытывают чувство семейной общности, стремление к домашней защите, хотя и некоторые испытывают чувство одиночества.

Результаты исследования агрессивности детей дошкольного возраста по методике «Тест руки» Э. Вагнер приведены в диаграмме на рисунке 3.

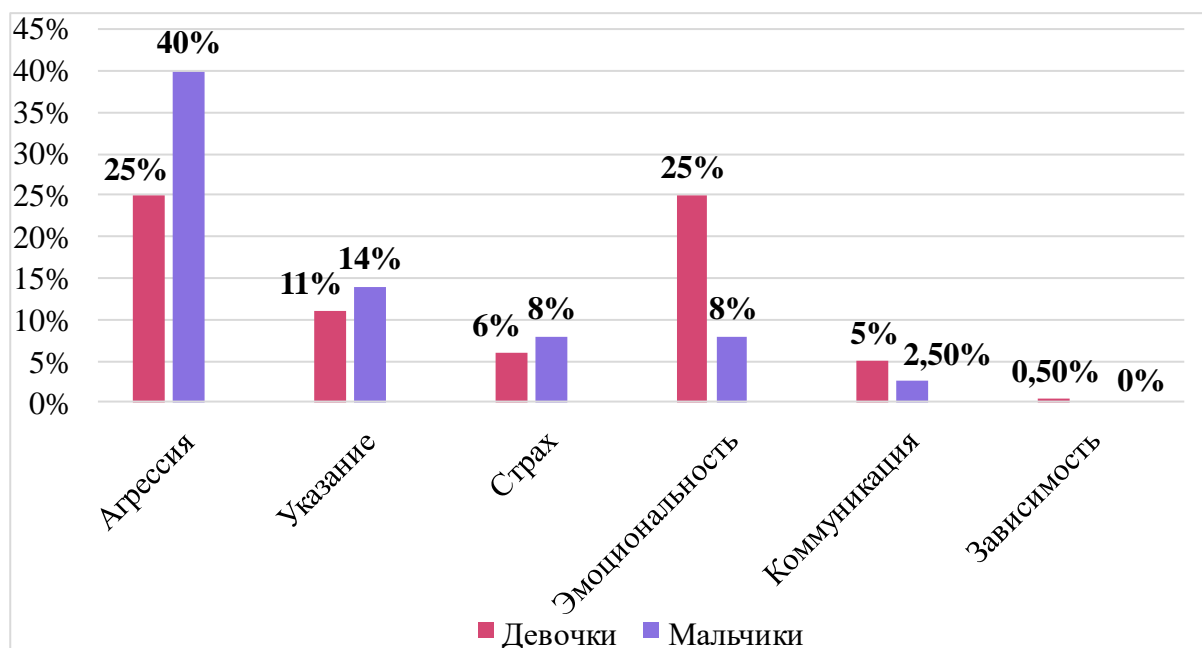

Рисунок 3 – Результаты исследования агрессивности детей дошкольного возраста по «Тесту руки» Э. Вагнер

Исходя из результатов исследования, можно утверждать, что в ответах испытуемых преобладают ответы по категории агрессивности и составляют 25 % у девочек и 40 % у мальчиков. Данное сравнение говорит о том, что агрессивность все же преобладает у мальчиков в большей степени, чем у девочек.

Для установления статистической значимости различий в уровне агрессивности между группами мальчиков и девочек был использован t-критерий Стьюдента. В результате статистического анализа данных с использованием t-критерия Стьюдента, направленного на выявление статистически значимых различий в уровне агрессии между группами мальчиков и девочек, установлены, согласно анализу данных исследования уровня агрессивности по методике «Кактус» М. А. Панфиловой, статистически значимые различия в уровне агрессивности между мальчиками и девочками.

На основании ранее полученных данных об уровнях агрессивности и данных статистического анализа, можно утверждать, что уровень агрессивности мальчиков существенно выше, чем уровень агрессивности девочек, и это является их психологической особенностью.

Также установлено, что, согласно данным статистического анализа данных с использованием t-критерия Стьюдента, полученных по методике «Тест руки» Э. Вагнера, существуют статистически значимые различия в уровне агрессивности. На основании ранее полу-

ченных эмпирических данных можно утверждать, что уровень агрессивности мальчиков выше, и это является их психологической особенностью.

Таким образом, дети дошкольного возраста, для которых характерно явно выраженное агрессивное поведение, отличаются от своих сверстников с удовлетворительным уровнем агрессивности большей импульсивностью, тревожностью, неадекватными реакциями на замечания взрослых; такие дети не в состоянии контролировать свои действия, часто спорят со взрослыми, отказываются выполнять принятые правила, завистливы и мстительны.

Список использованных источников

1 Смирнова, Т. П. Психологическая коррекция агрессивного поведения детей / Т. П. Смирнова. – Ростов: «Феникс», 2004. Серия «Психологический практикум». – 160 с.

2 Антье, Э. Агрессивность / Э. Антье; пер. с фр. О. Басанцевой. – М. : ГРАНД ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 186 с.

3 Кэмпбелл, Р. Как справиться с гневом ребенка / Р. Кэмпбелл. – СПб. : Мирт, 2002. – 192 с.

4 Чижова, С. Ю. Детская агрессивность / С. Ю. Чижова, О. В. Калинина. – Ярославль: Академия развития, 2005. – 160 с.

А. А. Ивахненко

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются теоретические вопросы развития творческих способностей у детей младшего школьного возраста. Представлены исследования ученых о творчестве и творческих способностях младших школьников.

Ключевые слова: младшие школьники, творчество, креативность, параметры креативности, творческие способности, способности, воображение, мышление, дивергентный образ мышления.

Прежде чем перейти к рассмотрению способов развития творческих способностей младших школьников, необходимо остановиться на таких понятиях, как «творчество», «креативность», «способности», «творческие способности». Проанализировав научную литературу, можно выделить несколько определений понятия «творчество», как деятельности, направленной на создание чего-то совершенно нового и отличающегося оригинальностью и неповторимостью.

Существует множество суждений о творчестве, принадлежащих современным ученым. По мнению В. А. Сухомлинского «творчество» является крайне важной стороной активной деятельности учащегося, в которой переживается радость мышления. По мнению И. П. Волкова, творчество младшего школьника – это создание ребенком оригинального произведения или изделия, в работе над которым самостоятельно применяются полученные умения и знания, осуществляется их перенос, сочетание способов деятельности или создание нового подхода к выполнению обучающимся задания.

Выделим отечественных ученых, исследования которых внесли не-оценимый вклад в развитие творчества: В. В. Давыдов, Л. С. Выготский, Д. Б. Кабалевский, В. Н. Дружинин, Я. А. Пономарев, Н. С. Лейтес, Н. В. Хазратова, В. А. Сластенин, В. С. Юркевич, Д. Б. Эльконин. Учитывая разные точки зрения и подходы этих ученых, можно придерживаться опре-

деления «креативности» как творческой способности человека, которая характеризуется готовностью принимать и создавать идеи и принципиально новые продукты, отличающиеся от общепринятых моделей мышления, которые входят в структуру одаренности как самостоятельный фактор, а также способность решать возникающие проблемы в рамках неизменных параметров системы.

Рассмотрим понятие «креативность» с точки зрения отечественной педагогики. В. А. Сластенин отмечал, что под «креативностью» он понимал способность, которая отражает глубинное свойство создавать необычные и оригинальные ценности, а также принимать нестандартные решения заданий. Автор обращался к данному понятию в связи с современными подходами к образованию, поскольку главным требованием на сегодняшний день является развитие творческой личности младшего школьника, которая способна принимать нестандартные решения, выходить за рамки известного и создавать продукты, отличающиеся новизной.

Л. С. Выготский в своих трудах охарактеризовал творчество как необходимость развития способности создавать что-то новое, независимо от того, является ли оно продуктом воображения или продуктом материального мира. Многие ученые в области отечественной психологии придерживаются мнения, что «творчество» младшего школьника связано с развитием его воображения.

Помимо Л. С. Выготского, к таким исследователям относятся А. Г. Шмелев, Я. А. Пономарев, В. В. Давыдов. Эти отечественные педагоги и психологи выделили несколько эмоциональных предпосылок для выявления творчества: восприимчивость, напряженное внимание, впечатлительность. К интеллектуальным проявлениям относятся: интуиция, фантазия, воображение, кругозор.

Но наиболее полную и целостную концепцию творчества как психического процесса предложил психолог и педагог Я. А. Пономарев. Он разработал структурно-уровневую модель психологического механизма творчества. Он понимал под творчеством психологическое свойство, сводящееся к интеллектуальной деятельности, поиску мотивации, чувственности. По мнению Я. А. Пономарева ценность творческого мышления для творческого человека заключается в важности результата деятельности, представляющей собой нечто необычное, неизвестное ранее.

По мнению В. А. Хуторского, развитие и обучение младшего школьника связаны с творчеством: развивается только тот, кто творит и создает что-то новое (для себя или для других), выходящее за рамки заданного, реализует возможности своего внутреннего мира. Ученые Д. Б. Эльконин и А. Н. Леонтьев формирование творческих способностей у младшего школьника связывают с развитием творческой деятельности, а также овладением различного рода деятельностями, традиционно считающихся «творческими»: музыкальной, конструктивной, художественно-литературной, изобразительной.

В отечественной психологии творчество понимается скорее как воображение или активная познавательная деятельность. А. И. Леонтьев, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, А. В. Петровский: одни ученые считали, что креативность – это своего рода психологическая способность, а другие считали, что это черта личности, данная с рождения. С точки зрения отечественной педагогики под креативностью понимается способность младшего школьника создавать новые оригинальные идеи, а так же способность выходить за рамки известного.

Главное свойство творчества – новизна. Такое определение дает В. А. Сластенин и, на мой взгляд, более полно характеризует творчество с точки зрения отечественной педагогики.

Термин «способность», несмотря на его длительное и широкое употребление в психологии, в литературе весьма неоднозначен. Термин «способности» – одно из самых распространенных психологических понятий. Многие авторы в отечественной психологии давали ему развернутые определения. Практическо-опытные признаки способностей предложил Б. М. Теплов, которые легли в основу наиболее часто используемого специалистами определения:

– способности – это индивидуальные психологические характеристики, отличающие одного человека от другого;

– только те способности, связанные с успехом выполнения деятельности;

– способности не ограничиваются уже выработанными человеком знаниями, умениями и навыками, хотя и определяют легкость и скорость их приобретения.

На основании изученной литературы таких авторов как Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. И. Савенкова, А. Н. Леонтьева, В. Н. Дружинина, Я. А. Пономарева сделаем следующие выводы:

1. В рамках исследования остановимся на следующем определении понятия «творческие способности» – это результат овладения человеком умениями, знаниями и навыками, которые необходимы для того или иного вида творчества (музыкального, художественного, технического).

2. Развитие творческих способностей – это процесс совершенствования психических свойств и качеств личности, необходимых для успешного овладения различными видами изобразительной деятельности и развития творческих способностей.

3. Если говорить о результатах процесса развития творческих способностей у детей младшего школьного возраста, то остановлюсь на классификации показателей по А. И. Савенкову:

– оригинальность мышления – способность выдвигать новые, оригинальные и неожиданные идеи, отличающихся от известных. Проявляется в поведении и мышлении ребенка (выражается в тематике и стиле его собственных работ);

– гибкость мышления – способность легко и быстро находить решения (проявляется в быстроте находить альтернативные решения проблем);

– продуктивность мышления – способность генерировать большое количество идей. Оценивается по количеству вариантов решения различных задач;

– разработанность – способность дорабатывать, творчески развивать имеющиеся идеи, ярко проявляется в деталях готовой творческой работы.

В развитие исследований креативности огромный вклад внесли такие зарубежные авторы, как Э. Торренс и Дж. Гилфорд. Дж. Гилфорд первым рассматривал креативность как познавательную и творческую способность. В области исследования креативности он произвел переворот. Сильные стороны этой концепции:

– зависимость творчества от интеллектуальных способностей;

– принципиальное отличие двух видов мыслительных операций: дивергенции и конвергенции.

Основываясь на концепции Дж. Гилфорда, Э. Торренс считал, что «креативность» – это не особый навык, а общий, в основе которого лежит сочетание общего интеллекта, личностных особенностей и навыков продуктивного мышления. В концепции креативности Дж. Гилфорда выделяют шесть основных параметров креативности:

– спонтанность порождения проблем;

– умение выявлять и формулировать проблемы;

– семантическая гибкость – способность выделить основное свойство объекта и предложить новый способ использования;

– необычность и оригинальность высказываемых идей, умение воплощать свои идеи, стремление к новизне;

– спонтанная семантическая гибкость – способность воплощать разные идеи, посредством выражения ситуации;

– адаптивная образная гибкость – способность изменить отношение к объекту таким образом, чтобы увидеть его новые стороны, которые человек обычно сразу не замечает.

Э. Торренс понимал «креативность» как умение, в основе которого лежат взаимосвязи интеллекта, личностных особенностей и навыков продуктивного мышления. Он разделил творческий процесс на поиск решения, восприятие проблемы, проверку гипотез, возникновение и

формулировку гипотез, нахождение результата и модификацию. На мой взгляд, данное Э. Торренсом определение «креативности», наиболее полно раскрывает суть данного понятия.

Изучив литературу, можно заметить, что многие психологи связывают творческую деятельность, прежде всего с особенностями мышления. При наличии у младшего школьника дивергентного образа мышления можно отметить, что при решении проблемы он не направляет все свои усилия на поиск единственно правильного решения, а начинает искать разный подход по всем возможным направлениям с тем, чтобы рассмотреть как можно больше вариантов. Таким школьникам свойственно образовывать новые сочетания элементов, которые большинство людей знают и использует лишь определенным образом.

Дивергентный образ мышления лежит в основе творческого мышления, которое характеризуется следующими основными особенностями:

- оригинальность – способность воплощать нестандартные идеи (это проявляется в решениях, ответах, несопадающих с общепринятыми);
- полнота – способность максимально совершенствовать свою идею;
- скорость – способность человека выражать максимальное количество идей (в данном случае имеет значение не их качество, а их количество);
- гибкость – способность выдвигать максимальное количество идей.

Список использованных источников

- 1 Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологические очерки / Л. С. Выготский. – 3-е изд. – Москва. – 2011. – 520 с.
- 2 Слостенин, В. А. Педагогическое образование: вызовы XXI века / В. А. Слостенин // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 3. – С. 23–28.
- 3 Сухомлинский, В. А. Родительская педагогика / В. А. Сухомлинский: Питер, 2017. – 208 с.
- 4 Хуторской, А. В. Ваш ребенок одарен. Книга для родителей / А. В. Хуторской. – М. : Ридеро, 2020. – 122 с.

И. А. Игнатов

Научный руководитель: А. Н. Редюк
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С АМОРАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Статья посвящена изучению социально-психологических особенностей подростков с аморальным поведением. Приведены результаты эмпирического исследования предрасположенности подростков к аморальному поведению с помощью методики для определения склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орла. В ходе проведенного исследования было опрошено 95 подростков, из них 44 мальчика и 51 девушка в возрасте 12–16 лет, обучающихся в ГУО «Средняя школа № 45 г. Гомеля»

Ключевые слова: подростки, подростковый возраст, аморальность, аморальное поведение, социальное взаимодействие, общество.

Подростковый период жизни человека является сложным периодом. Он наполнен показательными негативными проявлениями, дисгармоничностью в строении личности. Кроме негативных, подростковый возраст, сопровождается и большим количеством положительных

факторов. К таким факторам можно отнести то, что подросток становится более самостоятельным, отношения со сверстниками и взрослыми становятся более содержательными и разнообразными. Сфера деятельности подростка существенно расширяется.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время происходят серьезные социальные, экономические, политические, культурные изменения в обществе, которые сопровождают всю жизнь человека. Кризисные состояния в стране ухудшают условия жизни и воспитания молодого поколения. Именно на этой категории лиц больше всего сказываются изменения в нашем мире, так как подростковый возраст считается самым трудным. В подростковом возрасте случается множество различных кризисов, переживаний, волнений. Все это приводит к тому, что у молодого поколения меняются нравственные ценности, так как они не могут справиться с трудностями, с которыми сейчас сталкиваются. Все чаще подростки ведут себя агрессивно, употребляют нецензурную лексику, злоупотребляют алкоголем, принимают наркотики, курят. С каждым годом подростки все чаще совершают правонарушения и преступления, вступают в ранние половые связи.

Наибольшее распространение в области изучения проблемы агрессии и аморального поведения, получили концепции таких исследователей как К. Лоренц, Э. Фромм, З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Басс, Р. Бэрон, Д. Ричардсон, Л. Берковиц, Д. Доллард, Д. Зильманн и др.

Изначально под поведением понимали любые реакции, которые наблюдаются внешне (двигательные, речевые, вегетативные), функционирующие по схеме «стимул – реакция» в ответ на внешнее раздражение [1].

В настоящее время понимание поведения выходит далеко за рамки совокупности реакций на внешний стимул. В общем, поведение можно рассматривать как «присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней и внутренней активностью» [5].

Внешняя активность – это внешние проявления поведения (поступки, действия, движения, высказывания, вегетативные реакции).

Внутренняя активность – это мотивация, когнитивная переработка, эмоциональные реакции, процессы саморегуляции.

Таким образом, под поведением следует понимать процесс взаимодействия личности со средой, опосредованный ее индивидуальными особенностями и внутренней активностью, имеющий форму преимущественно внешних действий и поступков [1].

Что касается термина «отклоняющееся поведение», то ни у отечественных, ни у зарубежных авторов, нет единой точки зрения по этому вопросу. Проблема отклоняющегося поведения первоначально начала рассматриваться не в рамках психологии, а в криминологических и социологических трудах, из которых особого внимания заслуживают работы таких авторов, как Ю. А. Клейберг, М. Вебер, Р. Мертон, Э. Дюркгейм, Р. Миллз, Б. С. Братусь, Т. Парсонс, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, И. С. Кон, Я. И. Гилинский, М. Г. Ярошевский и др. ученых.

Отклоняющееся поведение в ряду психических феноменов занимает свою собственную нишу. В литературе термин «отклоняющееся поведение» часто заменяется синонимом «девиантное» или «аморальное» поведение [4].

Аморальное поведение – действия человека, противоречащие нравственным нормам или правовым основам жизни общества. Аморальное – это отклоняющееся от принятых в обществе норм поведения [2].

Аморальное поведение – это поведение субъекта, при котором все сформировавшиеся морально-нравственные устои общества оцениваются им как малозначимые, привычный морально-этический взгляд на мир игнорируется, зачастую воспринимается пренебрежительно или даже агрессивно [3].

Личность, проявляющая аморальное поведение, как и само по себе аморальное поведение, вызывают негативную оценку со стороны других людей. Такое поведение наносит ре-

альный ущерб личности или окружающим людям, т. е. может носить деструктивный или аутодеструктивный характер.

Чтобы трактовать причины аморального поведения необходимо понять саму природу этого социально-психологического явления. В литературе существует несколько подходов к рассмотрению проблемы аморального поведения: биологический, социологический, психологический, поведенческий, экологический, психодидактический, гуманистический, эмпирический.

Таким образом, существуют различные взаимосвязанные факторы, которые влекут происхождение аморального поведения:

- индивидуальные факторы, действующие на уровне психобиологических предпосылок аморального поведения, которые затрудняют социальную и психологическую адаптацию индивида;

- педагогические факторы, проявляющиеся в дефектах школьного и семейного воспитания;

- психологические факторы, раскрывающие неблагоприятные особенности взаимодействия индивида со своим ближайшим окружением в семье, на улице, в коллективе и которые, прежде всего, проявляются в активном избирательном отношении индивида к предпочитаемой среде общения, к нормам и ценностям своего окружения, к психологопедагогическим воздействиям семьи, школы, общественности к саморегулированию своего поведения;

- социальные факторы, определяющиеся экономическими, социальными, политическими и т. п. условиями существования общества [4].

Подростковый возраст (11–16 лет) – один из наиболее трудных периодов развития человека в современном обществе. В подростковом возрасте индивид ощущает чувство взрослости. Подросток относится к себе как к взрослому, ощущает и осознает себя взрослым. Подростковый возраст – это период полового созревания.

Поведение подростков характеризуется такими особенностями как: низкий уровень самокритики, недостаточность жизненного опыта, внушаемость, подражание, обострение чувства независимости, отсутствие всесторонней оценки жизненных обстоятельств, стремление к престижу в референтной группе, негативизм [4].

Считается, что в подростковых отклонениях в поведении наиболее ярко выражены следующие особенности:

- импульсивный характер реагирования на фрустрирующую ситуацию;
- высокая эмоциональная заряженность поведенческих реакций;
- недифференцированная направленность реагирования;
- кратковременность реакций с критическим выходом;
- низкий уровень стимуляции;
- высокий уровень готовности к аморальным действиям.

Для диагностики предрасположенности подростков к аморальному поведению была выбрана методика для определения склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орла. Данная методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению является стандартизированным тест-опросником. Она предназначена для определения склонности подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения. Опросник состоит из 98 утверждений для мальчиков и 107 утверждений для девочек, и представляет собой набор специализированных психодиагностических шкал, направленных на измерение готовности (склонности) к реализации отдельных форм отклоняющегося поведения: нарушения норм и правил, агрессивное, саморазрушающее и самоповреждающее, аддиктивное, делинквентное поведение [4].

В совокупности представленные в методике утверждения формируют специализированные психодиагностические шкалы – 1 служебную (шкала установки на социальную желательность ответов) и 7 содержательных шкал.

Служебная шкала указывает на предрасположенность испытуемого давать о себе социально-одобряемую информацию, т. е. сознательно обманывать и выставлять себя в лучшем свете, чем он есть на самом деле. Эта шкала позволяет также оценить достоверность результатов тестирования в целом и скорректировать результаты в зависимости от выраженности установки испытуемого на социально-желательные ответы.

Содержательные шкалы направлены на измерение психологического содержания комплекса связанных между собой форм отклоняющегося поведения, то есть социальных и личностных установок, стоящих за этими поведенческими проявлениями.

База исследования: ГУО «Средняя школа № 45 г. Гомеля».

В ходе проведенного исследования было опрошено 95 подростков, из них 44 мальчика и 51 девушка в возрасте 12–16 лет.

В процессе исследования были получены общие данные склонности к отклоняющемуся поведению. Полученные данные по служебной шкале свидетельствуют о недостоверности результатов по основным шкалам у 4 испытуемых. Полученные в ходе обработки данные, в отношении остальных испытуемых, представлены в процентном отношении в таблице 1.

Таблица 1 – Уровень склонности к отклоняющемуся поведению подростков 12–16 лет по методике А. Н. Орла (n = 95), в %

Шкала	Уровень выраженности признаков, в %			
	Не выражено	Умеренно выражено	Выраженная тенденция	Ярко выражено
Установка на социальную желательность	19	22	24	35
Склонность к нарушению норм и правил	74	22	4	–
Склонность к аддиктивному поведению	85	15	–	–
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	80	13	7	–
Склонность к агрессии и насилию	72	20	8	–
Волевой контроль эмоциональных реакций	58	34	8	–
Склонность к деликвентному поведению	65	32	3	–

Рассмотрев и проанализировав полученные в ходе исследования данные по всем изучаемым характеристикам методики определения склонности к отклоняющемуся поведению, можно утверждать, что среди испытуемых наиболее выраженными склонностями к отклоняющемуся поведению является установка на социальную желательность у 59 %. Остальные исследуемые показатели не являются ярко выраженными и находятся в пределах нормы. Также был проведен сравнительный анализ полученных в ходе исследования данных между испытуемыми мальчиками и девочками. Полученные данные представлены в % отношении в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ склонности к отклоняющемуся поведению мальчиков и девочек, в %

Шкала	Уровень выраженности признаков, в %							
	Не выражено		Умеренно выражено		Выраженная тенденция		Ярко выражено	
	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д
Установка на социальную желательность	35	6	20	24	17	29	28	41
Склонность к нарушению норм и правил	77	71	20	23	3	6	–	–
Склонность к аддиктивному поведению	90	80	10	20	–	–	–	–
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	77	82	18	10	5	8	–	–
Склонность к агрессии и насилию	85	63	12	25	3	12	–	–
Волевой контроль эмоциональных реакций	77	43	13	51	10	6	–	–
Склонность к деликвентному поведению	80	53	20	41	–	6	–	–

Рассмотрев и проанализировав полученные по сравнительному анализу данные, можно утверждать, что наиболее выраженными склонностями к отклоняющемуся поведению среди мальчиков является:

- установка на социальную желательность у 45 %;
- склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению у 5 %.

Наиболее выраженными склонностями к отклоняющемуся поведению среди девочек является:

- установка на социальную желательность у 70 %;
- склонность к агрессии и насилию у 12 %.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что сравнивая разницу в данных между мальчиками и девочками, можно утверждать, что большинство проанализированных показателей склонности к отклоняющемуся поведению находятся в пределах допустимой нормы. Более выраженными формами отклоняющегося поведения среди испытуемых мальчиков является: склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению (5 %). Среди испытуемых девочек выявлена склонность к агрессии и насилию (12 %).

На основании полученных данных было выбрано 8 подростков с высокой склонностью к отклоняющемуся поведению для проведения в дальнейшем профилактической и коррекционной работы.

Подростки с отклоняющимся поведением, обычно оказываются трудными в общении. Психологу необходимо, для последующей работы, установить контакт с таким подростком. Для этого психологу необходимо приложить очень много усилий, которые впоследствии могут быть напрасными. Оказать надлежащую профессиональную помощь поможет методика контактного взаимодействия Л. Б. Филонова, которая состоит из шести стадий: расположение к общению, поиск общего интереса, выяснение предполагаемых положительных для общения и демонстрируемых качеств, выяснение опасных для общения и демонстрируемых качеств, адаптивное поведение партнеров, установление оптимальных отношений [6].

В ходе исследования достигнута поставленная цель, выявлены и изучены социально-психологические особенности подростков с аморальным поведением.

Было рассмотрено понятие аморального поведения, описаны факторы и особенности аморального поведения подростков. Также в ходе исследования были выявлены учащиеся, предрасположенные к аморальному поведению, даны рекомендации по работе с подростками с аморальным поведением.

Список использованных источников

1 Азарова, Л. А. Психология девиантного поведения: учеб.-метод. комплекс / Л. А. Азарова, В. А. Сятковский. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 164 с.

2 Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова // Академик [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: https://spiritual_culture.academic.ru. – Дата доступа: 10.05.2022.

3 Гамезо, М. В. Словарь-справочник по педагогической психологии / М. В. Гамезо, А. В. Степаносова, Л. М. Хализева // Академик [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: https://pedagogic_psychology.academic.ru – Дата доступа: 10.05.2022.

4 Клейберг, Ю. А. Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов / Ю. А. Клейберг. – М. : ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. – 160 с.

5 Муртазин, Р. Р. Психология и лечение зависимого поведения / Р. Р. Муртазин. – М. : Независимая фирма «Класс», 2000. – 240 с.

6 Овчарова, Р. В. Технологии практического психолога образования: учеб. пособие для студентов вузов и практических работников / Р. В. Овчарова. – М: ТЦ «Сфера», 2000. – 448 с.

Е. А. Кошлячева

Научный руководитель: Е. В. Дробышевская

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КАК НАВЫК

Статья посвящена теме публичных выступлений, так как на сегодняшний день именно они приносят популярность многим специалистам в конкретных сферах деятельности. Публичное выступление, также, как и игра на фортепиано, является навыком, который человек приобретает путем упражнений и практики. В статье рассматриваются некоторые правила, гарантирующие успешное выступление оратора и заинтересованность аудитории.

Ключевые слова: публичное выступление, публичная речь, ораторство.

На сегодняшний день умение публично выступать играет важную роль в успешности и признании людьми того или иного специалиста. Широкую популярность в различных сферах деятельности обретают проведение различных тренингов, совещаний, конференций, презентаций и докладов, которые требуют умения лаконично и грамотно выражать свои мысли, правильно строить предложения. Однако, далеко не все люди обладают навыком ораторства. Ораторством называют искусство публичного выступления, с целью убеждения. Можно ли развить этот навык? Однозначно, – да. Навыком ораторства нетрудно овладеть. Это не талант, который есть лишь у избранных людей, это что-то вроде умения играть на фортепиано, которое достигается путем усердной практики. Таким образом, путем упражнений и практики абсолютно любой человек способен развить свои ораторские способности и стать успешным специалистом в области своей профессиональной деятельности.

Одной из главных составляющих ораторского искусства является публичная речь. Публичная речь представляет собой особую форму речевой деятельности в условиях непосредственного общения и адресованную определенной аудитории. Публичная речь произносится с целью информирования слушателей и оказания на них желаемого воздействия (например, призыв к действию, внушение или убеждение и др.). Стоит отметить, что она рассчитана на пассивное восприятие и не предполагает ответной словесной реакции публики.

Чтобы публичная речь была удачной, а взаимодействие с публикой не вызывало сложностей и неловких пауз, оратор должен быть уверенным в себе и подготовленным к выступлению.

Как сделать свое выступление успешным и эффектным? Именно хорошая подготовка в большей мере определяет его успешность. Если выступающий слабо представляет себе то, о чем собирается говорить, – он будет чувствовать себя неуверенно, что значительно ухудшит положение оратора перед аудиторией. Поэтому к подготовке своей речи стоит отнестись ответственно. Д. Карнеги говорил, что настоящая подготовка состоит в том, чтобы попытаться найти что-то интересное в себе, скомпоновать и упорядочить свои собственные мысли, выработать и оформить свои собственные убеждения. И это верно, – аудитория не проявит интереса к заученным фразам или изложению чужих мыслей. Информация, которую оратор намерен донести публике, должна быть проанализирована, изучена и подготовлена им.

Следующим важным этапом подготовки успешного выступления является время, рассчитанное на его подготовку. Безусловно, речь, подготовленная за день до конференции, не окажет нужного эффекта на аудиторию в силу того, что не была продумана выступающим. Речь должна созреть, потому следует определиться с темой выступления хотя бы за неделю до выступления. А тем временем стоит продумать все неясные моменты, придумывать различные вопросы по данной теме, обсуждать их с друзьями и записывать все свои мысли по поводу речи, – многие успешные ораторы пользуются этим методом.

Чистота и уверенность голоса зависит от внутренней гармонии человека. Работая с голосом, дыханием и речью в целом, можно создать новый образ личности.

Стоит отметить, что научиться говорить можно только говоря. Возможность быть уверенным и свободным, располагать к себе как одного собеседника, так и целую публику, смягчать различные конфликтные ситуации дает правильно поставленная речь. Большую роль при публичном выступлении играет дыхание человека, – нехватка воздуха вызывает панику и страх у выступающего, речь «захлебывается» и прерывается. Существует определенный механизм правильного речевого дыхания: вдох происходит через нос, при этом живот надувается, на выдохе рот открыт и сочетается с речью; либо вдох осуществляется через нос, втягивая живот, но грудная клетка при этом не поднимается.

Во время публичного выступления также не последнюю роль занимает культура телесных движений человека. Жест – это внешнее выражение внутреннего состояния человека, потому следует то, что жесты для каждого человека индивидуальны. Во время реального выступления жесты должны быть произвольны. Жестикуляцию выступающего определяют его темперамент, подготовка, энтузиазм, личность, предмет выступления, характер аудитории и другие обстоятельства.

Обучаться искусству публичной речи очень важно. Развитие навыка ораторства – довольно трудоемкий процесс, требующий много сил и времени. Этот навык поможет общаться и взаимодействовать как в большом коллективе, так и в малых группах.

Для того, чтобы не стесняться и стать увереннее во время публичных мероприятий, научиться устанавливать контакты с людьми необходимо: работать над техникой и манерой своей речи, читать развивающую литературу, регулярно пополнять словарный запас, тренироваться выступать перед друзьями и близкими людьми.

Список использованных источников

- 1 Введенская, А. А. Культура и искусство речи / А. А. Введенская, Л. Г. Павлова; – М. : Феникс. – Ростов-на-Дону, 1999. – 576 с.
- 2 Карнеги, Д. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично: Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей : Как перестать беспокоиться и начать жить / Д. Карнеги; пер. с англ. – Минск : Попурри, 2019. – 768 с.
- 3 Львов, М. Р. Риторика. Культура речи / М. Р. Львов; – М. : Академия. – Москва, 2004. – 272 с.
- 4 Лехтянская, Л. В. Формирование навыков ораторского искусства у студентов / Л. В. Лехтянская // Карельский научный журнал. – 2021. – № 1(34). – С. 33–35.

А. А. Кривальцевич

Научный руководитель: Ю. В. Врублевский

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается современная система образования как фактор развития личности. Актуальность данной темы заключается в огромной степени корреляции между качеством образования и уровнем развития личности. Описываются мировые тенденции образования, анализируется влияние процессов цифровизации и информатизации образования на развитие личности.

Ключевые слова: развитие личности, система образования, цифровизация, информатизация, виртуальная реальность.

Мир стремительно меняется, подстраиваясь под современные условия существования. В эпоху цифрового общества возможности образования значительно увеличились. Совершенно очевидно, что повышение качества образования в современном мире может быть обусловлено влиянием процессов информатизации и цифровизации образования на развитие личности.

Инновационный потенциал технологий во многом обусловлен уровнем цифровых навыков населения. Неудивительно, что существует очень сильная связь между образованием и навыками, необходимыми для использования цифровых технологий в разных сферах жизни. Известно, что система образования любой страны включает в себя участников образовательного процесса, образовательные стандарты, учреждения образования, а также государственные учреждения, контролирующие образовательный процесс по всей стране. На протяжении долгих лет существуют общепринятые мировые тенденции развития образования:

- ориентация на личность обучающегося;
- неотделимость обучения от воспитания;
- непрерывность образования;
- распространение и углубление фундаментальной подготовки.

К вышеперечисленным мировым тенденциям в современных условиях жизни людей прибавляется тенденция цифровизации и информатизации образования.

В. А. Богуш и Е. Н. Шнейдеров в своей работе подчеркивают актуальность информатизации и цифровизации образования, связывая это с высокой динамикой изменений непосредственно технологического обеспечения и с расширением областей применения цифровых технологий в социальной сфере [1, с. 14].

Вышеназванные ученые отметили, что «цифровая трансформация обуславливает изменения в организации образовательного процесса, позволяя частично заменять очные заня-

тия самостоятельной работой, тестированием, вебинарами» [1, с. 19–20]. Это приводит к повышению оперативности обучающихся, так как при таких условиях обучения работы необходимо выполнять в установленное время.

Ю. С. Зверева в своем труде «Информатизация образования» рассматривает проблемы и перспективы развития информационной составляющей в вузах. Она выделила ряд задач, которые решаются использованием средств ИКТ:

- освоение предметной области на разных уровнях глубины и детальности;
- выработка умений и навыков решения типовых практических задач в избранной предметной области;
- выработка умений анализа и принятия решений в нестандартных проблемных ситуациях;
- развитие способностей к определенным видам деятельности;
- проведение учебно-исследовательских экспериментов с моделями изучаемых объектов, процессов;
- восстановление знаний, умений и навыков [3, с. 24–25].

Очевидно, что решение вышеперечисленных задач способствует когнитивному развитию личности. Ведь информатизация и цифровизация являются процессами, предоставляющими не всегда структурированную информацию, которую необходимо подвергать обработке.

Процессы, которые рассматриваются в данной работе, влияют на коммуникативные навыки личности. Так, Е. И. Трофимова отмечает тенденцию недоразвития коммуникативных навыков и низкого уровня подвижной активности у дошкольников и младших школьников, приводя статистику, которая гласит о том, что «Свой аккаунт в соцсетях имеют более 40 % младших школьников» [6, с. 170]. Мозг ребенка развивается в цифровой среде, но он должен развиваться в естественных условиях. Цифровой аутизм и общая разобщенность обусловлены изменением способа нашего общения. Современные дети реже вступают в реальный контакт друг с другом, что ведет к недоразвитию навыков межличностного общения. Из этого следует, что личность, как результат включенности в социальные отношения, развивается неполноценно.

На проблему личности в виртуальном мире указал А. С. Горбунов, отметив, что именно симулякр человека, «а не сам человек и его личность, вступает в отношения с другими социальными объектами – социальными институтами или членами общества...» [2, с. 12]. Слово «симулякр» образуется от латинского «simulare», что означает «притворяться». Другими словами, человек, находясь в виртуальной среде, притворяется самим собой, так как такая форма общения, допускающая возможность того, что твое сообщение могут увидеть миллионы, не позволяет быть полностью открытым.

Однако авторы статьи «Цифровизация образовательной среды как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся» отмечают, что цифровые технологии дают неплохие перспективы для развития образования и способствуют личностному и профессиональному самоопределению учащихся. Это объясняется тем, что «С одной стороны, образовательная организация – среда значимая в социально-культурном развитии человека, а, с другой, цифровизация образовательной среды расширяет границы возможностей, коммуникаций обучающихся, что изменяет социальную ситуацию, трансформирует мотивационно-ценностную сферу, влияет на личностное и профессиональное самоопределение обучающихся как цифрового поколения...» [5, с. 426].

Одним из важнейших элементов в структуре любой деятельности, способствующей развитию личности (в том числе учебной), является мотивация. В. В. Селиванов и Л. Н. Селиванова провели исследование среди учащихся 11-х классов, в ходе которого была поставлена задача проследить изменения соотношения специфически познавательной и неспецифической мотивации у испытуемых до и после осуществления ими действий в развивающей виртуальной среде. По результатам исследования, «Специфически познавательная мотивация стала доминировать у 76 % школьников (38 человек), а неспецифически познавательная мотивация – у 24 % учеников (12 человек)» [4, с. 11–12]. По мнению экспериментала-

торов, доминирование специфически познавательной мотивации предполагает возможность развития позитивной динамики базовых личностных мотивов.

По результатам других экспериментальных исследований В. В. Селивановым и Л. Н. Селивановой были сделаны следующие выводы касательно влияния различных программ в виртуальной реальности на развитие личности:

– работа человека в обучающих и коррекционных программах в ВР не приводит к изменению базовых личностных черт;

– использование тренинговых программ в ВР, специально направленных на личностные изменения, оказывает значительное влияние на модификацию функциональных личностных черт (например, ситуативной тревожности). Такого рода программы могут использоваться в ходе непрерывного образования взрослых;

– существенное изменение исходных мотивов субъекта в сторону доминирования специфически познавательной мотивации наблюдается при работе с дидактическими программами в ВР в подростковом и юношеском возрастах;

– наибольшее воздействие на способности оказывают, прежде всего, дидактические программы в ВР, под влиянием которых стимулируется формирование именно интеллектуальных способностей, а также когнитивного стиля (который отчасти может быть охарактеризован как разновидность способности). Менее интенсивно развиваются перцептивные и мнемические способности;

– дидактические программы в ВР увеличивают уровень рефлексивности в познавательной деятельности (показатели теста Карпова – Пономаревой);

– коррекционные программы в ВР по преодолению фобий с использованием аватаров способствуют изменению в позитивном направлении сознательной оценки суждений о фобических компонентах ситуации, гармонизации структуры взаимосвязи между коннотативными и денотативными значениями (смыслами и значениями) внутри индивидуального сознания. Процесс действия личности в этих программах изменяет и бессознательные установки [4, с. 19–20].

Программы в ВР оказывают влияние на функциональные личностные черты, способности, уровень рефлексивности в познавательной деятельности и даже на фобии человека.

Подводя итоги, отметим, что современная система образования подвергается цифровизации и информатизации. Данные процессы предоставляют доступ к огромному объему информации. Ежедневное столкновение с огромным потоком новостей, фактов, новых знаний стимулирует развитие коммуникативных и когнитивных аспектов личности. С одной стороны, это повышает образовательный потенциал личности, а, с другой стороны, повышает риск ее деградации за неимением стопроцентной гарантии качества интернет-ресурсов.

Список использованных источников

1 Богуш, В. А. Цифровизация образования: проблемы, вызовы и перспективы / В. А. Богуш, Е. Н. Шнейдеров // Адукацыя и выхаванне. – 2021. – С. 14–21.

2 Горбунов, А. С. Личность и цифровые технологии в информационном массовом обществе / А. С. Горбунов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 4. – С. 8–16.

3 Зверева, Ю. С. Информатизация образования / Ю. С. Зверева // Молодой ученый. – 2016. – № 6.3 (110.3). – С. 23–26.

4 Селиванов, В. В. Влияние средств виртуальной реальности на формирование личности / В. В. Селиванов, Л. Н. Селиванова // Непрерывное образование: XXI век. – 2016. – № 2 (14). – С. 1–22.

5 Томюк, О. Н. Цифровизация образовательной среды как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся / О. Н. Томюк, М. А. Дьячкова, Н. Б. Кириллова, А. Ю. Дудчик // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 6 (42). – С. 422–434.

6 Трофимова, Е. И. Влияние цифровизации на развитие личности современных детей / Е. И. Трофимова // Молодой ученый. – 2021. – № 34 (376). – С. 170–172.

Ж. Б. Кудрявцев

Научный руководитель: М. В. Мусийчук, д-р филос. наук, профессор
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова,
г. Магнитогорск, Российская Федерация

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СИТУАЦИЯХ «ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ»

В статье автор раскрывает особенности появления причин виктимности подростков, выявляются основания, способствующие повышению виктимности данной категории лиц. Виктимному поведению детей в условиях «школьной травли» присущи такие общие признаки, как агрессивное поведение, повторяемость и систематичность насильственных действий, дисбаланс власти или силы между участниками, умышленное нанесение вреда. Виктимность несовершеннолетних как психологический феномен можно рассматривать, как модель поведения лиц с повышенной виктимностью в целом.

Ключевые слова: виктимность, несовершеннолетние, арт-терапия, буллинг.

Актуальность исследования проблемы, обусловлена рядом факторов. Прежде всего, необходимостью защиты психической сохранности личности несовершеннолетних. На основе обеспечения благоприятных условий для социализации, культурного и духовного развития детей, снижения количества фактов различных форм жестокого обращения с ними на основе превенции, пропедевтики профилактики виктимности несовершеннолетних [4].

Виктимность (от лат. *Victim* – жертва) – характеристика индивида как способность оказываться жертвой внешних обстоятельств и активности социального окружения. Эта личностная предрасположенность становится жертвой в условиях взаимодействия с другими личностями [1].

Исследователь Э. В. Мельникова отмечает, с точки зрения виктимологической профилактики, виктимности подвержены в большей степени дети и подростки, поскольку виктимогенные изменения личности формируются в этом возрасте. Особое волнение вызывают проблемы виктимизации детей, живущих в неблагополучных семьях [5]. По мнению М. С. Голубь, подростковый возраст делает личность более уязвимой, вследствие этому выступает целый комплекс особенностей пубертатного периода: изменение образа Я, самооценки, Я-концепции, появление чувства взрослости, стремление к независимости, потребность общения со сверстниками, желание самоутвердиться, эмоциональная неустойчивость, агрессивность, гормональные изменения, повышенная сексуальность, социальная неопытность и т. д. [3].

Противоречие физиологического и психического развития, свойственного данному возрастному периоду, отсутствие жизненного опыта напрямую влияют на изменения в поведении несовершеннолетних, которые проявляются в склонности к протесту, эгоцентризме, стремлении к суверенности и риску, болезненном реагировании на изменения, преувеличением проблем, неумением преодолевать стрессовые ситуации. Зачастую подобное вызывающее и неадекватное поведение, вызывает неграмотную реакцию со стороны взрослых людей, в том числе родителей и учителей, что ведет к его закреплению, и оно становится «нормой» для дальнейшего поведения несовершеннолетнего. Так, исследователь Т. Г. Гришина отмечает, что несовершеннолетние были и всегда будут оставаться наиболее уязвимой частью общества [3].

Одной из форм проявления виктимного поведения у несовершеннолетних, является буллинг. Буллинг (с англ. «bully» – хулиган, драчун, грубиян, насильник) – травля, запугивание, третиrowание, впервые появился в начале 70-х гг. XX в. в Скандинавии, где группа исследователей изучала явление «насилия» между детьми в школе. Также, одним из первых исследовал «буллинг» как научную проблему Д. Олвеус [9].

Раскрывая сущность термина «bullying», он отметил три важных компонента в ситуациях травли несовершеннолетних:

- буллинг-агрессивное поведение, охватывает нежелательные, негативные действия;
- буллинг охватывает паттерн поведения, что постоянно повторяется;
- буллинг характеризуется неравенством силы и власти.

Феномен буллинга у несовершеннолетних в большей степени представлен в виде «школьной травли». Этому свидетельствуют исследования отечественных психологов, так, Т. Г. Гришина в статье «Социально-психологические условия формирования виктимности у подростков в ситуации школьной травли», отмечает: «...насилие в виде школьной травли (буллинга) – это социальное явление, распространенное сейчас не только в России, но и в Канаде, Японии, Индии и США...» [3].

Наряду с этим Д. Олвеус описал ролевую структуру буллинга в ситуациях школьной травли:

- ученик, который является жертвой буллинга;
- учащиеся, которые осуществляют насилие, играют лидерские роли в процессе буллинга – «буллеры», или преследователи, агрессоры;
- последователи-ученики, которые положительно относятся к издевательствам над другими и активно участвуют в этом, но обычно не являются инициаторами;
- пассивные «буллеры» – ученики, которые открыто поддерживают буллинг, например, через смех или привлечение внимания к ситуации, однако не вмешиваются в нее;
- потенциальные «буллеры» – ученики, которым нравятся издевательства, но они не проявляют его извне;
- «наблюдатели» – ученики, которые не участвуют в буллинге, и могут считать, что это не их дело, то есть проявляют безразличие к ситуации;
- «потенциальные защитники» – ученики, которые негативно относятся к насилию и считают, что должны помочь жертве, но ничего не делают;
- «защитники» – ученики, которые проявляют негативное отношение к явлению, они защищают жертву или пытаются ей помочь [9].

Виктимному поведению детей в условиях «школьной травли» присущи такие общие признаки, как агрессивное поведение, повторяемость и систематичность насильственных действий, дисбаланс власти или силы между участниками, умышленное нанесение вреда. Буллинг выступает как специфическая школьная ситуация, возникающая в группе, которая основывается на нарушениях в социальных отношениях и характеризуется специфической групповой динамикой, перераспределением ролей, статусов, норм, ценностей. При этом прямо или опосредовано в ней задействованы все члены группы.

Следует отметить, что для того чтобы обеспечить несовершеннолетним благоприятные условия социализации, необходима виктимологическая профилактика. В настоящее время, реальность содержит в себе немало угроз и опасностей, что требует бдительности, осмоторительности, осторожности. Повысилась угроза стать объектом обмана, мошенничества, нападения.

Под профилактикой понимаются, научно обоснованные и своевременно предпринятые действия, направленные на:

- предотвращение негативных физических, психологических и социо-культурных обстоятельств у отдельного ребенка или группы несовершеннолетних;
- сохранение, поддержание и защиту нормального уровня жизни ребенка;
- содействие ребенку в достижении социально значимых целей и раскрытие его внутреннего потенциала.

Одним из эффективных методов профилактики виктимного поведения несовершеннолетних, является арт-терапия. Так, исследователи М. В. Мусийчук и С. В. Мусийчук отмечают, что решение задачи профилактики виктимности, решается в частности средствами арт-терапии [6].

Также, М. В. Мусийчук и М. В. Кулашева [7; 8] пишут о современных социально-психологических проблемах духовно-нравственного воспитания молодежи через призму идеала, что в свою очередь может служить одним из оснований решения проблемы превенции виктимности несовершеннолетних.

Таким образом, повышенная виктимность несовершеннолетних определяется комплексом психофизических свойств, какой обуславливает неспособность жертвы своевременно понять направленность действий агрессора, их нравственно-этическую сущность и социальные последствия и (или) вырабатывать и реализовывать эффективные стратегии поведения в ситуациях «школьной травли».

Виктимность несовершеннолетних как психический феномен включающий индивидуально-психологические свойства (социальная робость, общительность, конформность, эмоциональная лабильность, неадекватная самооценка и другие особенности личности) и такие факторы как деформированная система ценностных ориентаций, возрастные особенности можно рассматривать, как модель поведения лиц с повышенной виктимностью в целом.

Список использованных источников

1 Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т. В. Варчук; под ред. С. Я. Лебедева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 263 с.

2 Голубь, М. С. Интегрированный анализ основных подходов виктимности личности подростка / М.С. Голубь // Успехи современной науки. – 2017. – № 2. – С. 102–104.

3 Гришина, Т. Г. Социально-психологические условия формирования виктимности у подростков в ситуации школьной травли / Т. Г. Гришина // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – № 1–1. – С. 320–333.

4 Кудрявцев, Ж. Б. Проблемы виктимности в современном образовании / Ж. Б. Кудрявцев // Актуальные проблемы современного общего и профессионального образования : сборник статей по материалам IV Всероссийской заочной научно-практической конференции, Магнитогорск, 30 ноября 2019 г. / Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова ; под редакцией Т.В. Кружилиной, Т.Ф. Ореховой. – Магнитогорск, 2019. – С. 187–193.

5 Мельникова, Э. В. Дети и подростки – жертвы негативных явлений / Э. В. Мельникова. – М. – 2005. – 156 с.

6 Мусийчук М. В. Арт-методы в образовании / М. В. Мусийчук, С. В. Мусийчук [Электронный ресурс] : учебное пособие. Магнитогорск : МГТУ. 2017. 1 электрон.опт. диск (CD-ROM) Режим доступа: <https://magtu.informsystema.ru/uploader/fileUpload?name=3399.pdf&show=dcatalogues/1/1139507/3399.pdf&view=true>. – Дата доступа: 09.06.2022.

7 Мусийчук, М. В. Идентичность современной молодежи как социальнопсихологическая рефлексия через призму рассуждений Кондильяка о свободе / М. В. Мусийчук // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 7.

8 Мусийчук, М. В. Современные социальнопсихологические проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи через призму идеала / М. В. Мусийчук, М. В. Кулашева // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 1.

9 Olweus, D. Bullying at school / D. Olweus // Blackwell Publ. – 1993. – 215 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://books.google.com.ua>. – Дата доступа: 09.06.2022.

А. А. Куцанова, М. И. Ракович

Научный руководитель: А. Е. Журавлева

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются особенности проявления тревожности у подростков. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенностей проявления школьной тревожности в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, тревожность, школьная тревожность.

Тревожность относится к состоянию эмоциональной напряженности, активно влияющей на поведение индивида. Исходя из этого проблема рассмотрения тревожности в отечественной и зарубежной литературе является весьма актуальной.

Проявление тревожности активизирует особое беспокойство в подростковом возрасте. Этот возрастной период характеризуется перестройкой социальной активности и бурным психофизиологическим развитием ребенка. Подростки начинают сильнее волноваться о себе, своей успеваемости в школе или спорте, о том, как их воспринимают окружающие, об изменениях в своем теле. При высокой тревожности у подростков возникают трудности в адаптации и складывается неадекватное представление о себе, также последствия высокой тревожности могут выражаться в виде соматических заболеваний. Низкий уровень тревожности может означать безразличие к ситуации или проявление психологических защитных механизмов.

Проблема тревожности обширно изучается в работах как отечественных: В. М. Астапов, Н. Д. Левитов, А. М. Прихожан, К. Р. Сидоров, и др., так и зарубежных авторов: А. Адлер, Л. В. Бороздина, Ч. Д. Спилбергер, О. Ранк, З. Фрейд и др.

По определению Р. С. Немова, «тревожность – постоянно или ситуативно проявляемое свойство человека приходить в состояние повышенного беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях» [1, с. 265].

Согласно А. М. Прихожан, тревожность – это ощущение эмоционального дискомфорта, в основе которого лежит предвкушение некой опасности, предстоящего неблагоприятия [2, с. 34].

По мнению Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина тревожность как свойство, черта личности, предрасполагающее к возникновению реакции тревоги, к восприятию широкого круга объективно безопасных ситуаций как угрожающих. «Тревожность – индивидуальная черта личности человека, отражающая его предрасположенность к эмоциональным отрицательным реакциям на различные жизненные ситуации, несущие в себе угрозу его Я» [3, с. 89].

В зависимости от деятельности индивида существует межличностная, школьная и самооценочная тревожность. Межличностная тревожность осуществляется во взаимоотношениях с другими людьми. Школьная тревожность – это эмоциональное переживание, которое наблюдается в школьной жизни: учеба, общение с одноклассниками и отношения с учителями. Самооценочная тревожность связана с пониманием личностью самой себя и своего места в мире [3, с.58].

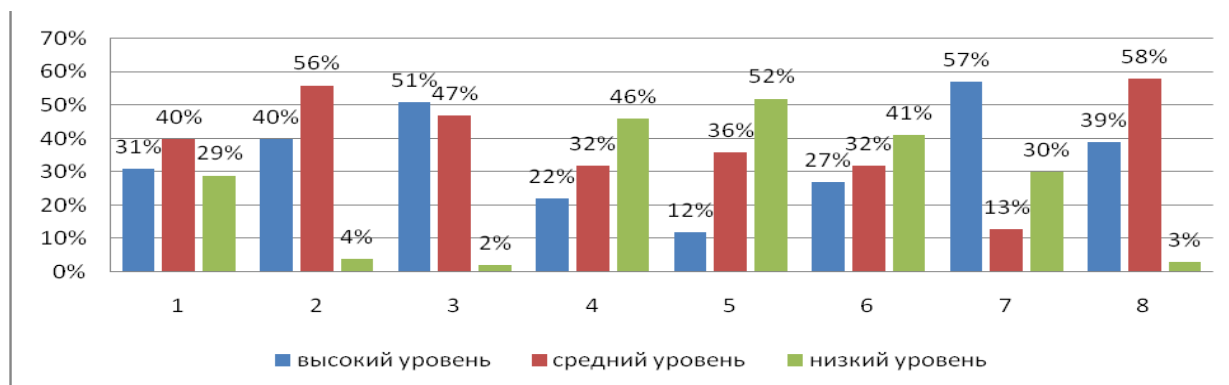
Таким образом, тревожность – это особое эмоциональное состояние, при котором индивид ощущает неполноценность своего организма, выражает повышенную тревогу и неуверенность в чем-либо. Такое чувство вызывает состояние паники и отчаяния. Тревожность не всегда осознается и может регулировать поведение индивида на неосознаваемом уровне.

Целью исследования является изучение особенностей школьной тревожности в подростковом возрасте.

Для достижения поставленной цели было проведено эмпирическое исследование особенностей проявления тревожности в подростковом возрасте, которое проходило на базе ГУО «Гомельская Ирнинская гимназия», выборочную совокупность составили 82 респондента в возрасте 11–13 лет, 46 мальчиков и 60 девочек.

Для выявления уровня тревожности у подростков была использована методика диагностики уровня школьной тревожности Б. Н. Филлипса. Испытуемым предлагалось 58 вопросов. На каждый вопрос требуется однозначно ответить «Да» или «Нет». Обработка данных осуществлялась согласно ключу методики.

Результаты исследования уровня школьной тревожности в подростковом возрасте представлены на рисунке 1.

Примечание : 1 – общая тревожность в школе; 2 – переживание социального стресса; 3 – фрустрация потребности в достижении успеха; 4 – страх самовыражения; 5 – страх ситуации проверки знаний; 6 – страх не соответствовать ожиданиям окружающих; 7 – низкая физиологическая сопротивляемость стрессу; 8 – проблемы и страхи в отношениях с учителями.

Рисунок 1 – Результаты исследования уровней школьной тревожности подростковом возрасте (в %)

Анализ данных, отраженных на рисунке 1 позволяет сделать выводы:

– по шкале «Общая тревожность в школе» у респондентов был выявлен средний уровень тревожности (40 %), что говорит о спокойном эмоциональном состоянии, подростки с таким уровнем тревожности беспокоятся в случае приближающей самостоятельной или контрольной работы, экзамена и т. д., то есть в каких-либо стрессовых ситуациях. Высокий уровень общей тревожности в школе был выявлен у 31 % подростков, что указывает на беспокойство при общении с учителем и даже иногда со сверстниками, при любых ответах у доски, а также особое напряжение вызывают у него контрольные и самостоятельные работы. У 29 % школьников был выявлен низкий уровень общей тревожности в школе, что указывает на слабо-эмоциональное состояние подростка, связанное с различными формами его включения в жизнь школы.;

– 40 % испытуемых по шкале «Переживание социального стресса» имеют высокий уровень тревожности, что указывает на переживание в общении прежде всего со сверстниками и с учителями, подросток может уйти в себя, закрыться от общения с окружающими и испытывать при этом большой стресс. У большинства респондентов переживание социального стресса было выявлено в пределах среднего уровня тревожности – 56 %, что говорит о спокойном эмоциональном состоянии, на фоне которого развиваются его социальные контакты (прежде всего – со сверстниками). Низкий уровень тревожности переживания социального стресса был выявлен только у 4 %, что свидетельствует о безразличном состоянии к окружающим.

– по шкале «Фрустрация потребности в достижении успеха» у половины опрошенных (51 %) был выявлен высокий уровень тревожности, что может указывать на воздействие неблагоприятного психологического климата, который не позволяет ребенку развивать свои потребности в успехе, в достижении высокого результата и т. д. Средний уровень тревожности фрустрации потребностей в достижении успеха был обнаружен у 47 % испытуемых, что говорит об умеренном психологическом климате, который может дать возможность подростку развить потребности в успехе, в достижении высокого результата и т. д. Низкий уровень тревожности фрустрации потребностей в достижении успеха был выявлен у 2 % респондентов, что показывает благоприятный психологический климат, позволяющий ребенку добиваться успеха, высоких достижений и т. д.;

– 46 % респондентов имеют низкий уровень тревожности по шкале «Страх самовыражения», что говорит о легкости представлении себя другим, самораскрытии, проявлении своих возможностей. Средний уровень тревожности страха самовыражения был обнаружен у 32 % подростков, что указывает на напряжение при раскрытии себя, представлении себя окружающим, проявлении своих возможностей. 22 % испытуемых имеют высокий уровень тревожности по шкале «страх самовыражения», что приводит к негативным эмоциональным переживаниям ситуации, сопряженных с необходимостью самораскрытия, представлении себя другим, демонстрации своих возможностей.;

– по шкале «Страх ситуации проверки знаний» был проявлен высокий уровень тревожности у 12 % подростков, что указывает на переживание тревоги в ситуациях проверки знаний, результатов, способностей. 36 % испытуемых имеют средний уровень тревожности по шкале «Страх ситуации проверки знаний», что говорит о напряженном состоянии при проверке знаний, достижений, возможностей. Низкий уровень тревожности, страха ситуации проверки знаний, был обнаружен у большинства респондентов – 52 %, что говорит о нейтральном отношении к ситуациям проверки знаний, способностей, достижений.

– 27 % испытуемых имеют высокий уровень тревожности по шкале «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих», что свидетельствует об ориентации на значимость других в оценке своих результатов, поступков, и мыслей, тревога по поводу оценок, даваемых окружающим, ожидание негативных оценок. Средний уровень тревожности страха не соответствовать ожиданиям окружающих был выявлен у 32 % респондентов, что указывает на терпеливое отношение к другим в оценке своих результатов, поступков, и мыслей, по поводу оценок, даваемых окружающим. Низкий уровень тревожности был обнаружен у большинства подростков – 41 %, что говорит о безразличии других к оценке своих результатов, мыслей и поступков.

– по шкале «Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» у большинства респондентов (57 %) был проявлен высокий уровень тревожности, что указывает на наличие особенностей психофизиологической организации. Они уменьшают гибкость ребенка к ситуациям стрессогенного характера, которые увеличивают вероятность неадекватного, деструктивного реагирования на тревожный фактор среды. 13 % испытуемых имеют средний уровень тревожности по шкале «Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу», что свидетельствует об особенности психофизиологической организации, которые в меру уменьшают гибкость ребенка к ситуациям стрессогенного характера. Низкий уровень тревожности физиологической сопротивляемости стрессу наблюдается у 30 % подростков, что говорит об особенности психофизиологической организации, которые увеличивают гибкость ребенка к ситуациям стрессогенного характера, уменьшающие неадекватность, деструктивность реагирования на тревожный фактор среды.

– 39 % испытуемых имеют высокий уровень тревожности по шкале «Проблемы и страхи в отношениях с учителями», что говорит о негативном эмоциональном отношении со взрослыми в школе, которые уменьшают успешность обучения подростка. Средний уровень тревожности, проблем и страхов в отношении с учителями, выявлен у большинства респондентов – 58 %, что указывает в основном на умеренное отношение с учителями в школе, которое не влияет на обучение ребенка. 3 % подростков имеют низкий уровень школьной тре-

возможности по шкале «Проблемы и страхи в отношении с учителями», что свидетельствует о хороших отношениях с преподавателями, не влияющих на успешность обучения в школе.

Далее для оценки достоверных различий по средним показателям уровня школьной тревожности у мальчиков и девочек был использован t-критерий Стьюдента. Оценка достоверности различий проводилась между уровнем школьной тревожности мальчиков и девочек. Результаты со значениями критерия представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели различий уровней школьной тревожности у мальчиков и девочек

Школьная тревожность	Среднее значение уровня тревожности		t-критерий Стьюдента	t _{кр}
	мальчики	девочки		
Общая тревожность в школе	12,59	10,67	1,7	2,61
Переживание социального стресса	6,91	6,95	0,1	2,61
Фрустрация потребности в достижении успеха	8,5	8,25	0,7	2,61
Страх самовыражения	3	2,67	0,9	2,61
Страх ситуации проверки знаний	2,76	2,35	1,3	2,61
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	2,85	2,4	1,7	2,61
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу*	3,78	2,68	3,5	2,61
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	5,13	4,65	1,7	2,61

Примечание: *достоверно значимые различия между группами испытуемых.

Из результатов статистического анализа данных, приведенных в таблице 1, следует, что существует одно статистически значимое различие по шкале «Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» на уровне значимости $p < 0,05$, что позволяет сделать вывод, о том, что у мальчиков в большей степени, чем у девочек присутствуют особенности психофизиологической организации. Они уменьшают гибкость ребенка к ситуациям стрессогенного характера, которые увеличивают вероятность неадекватного, деструктивного реагирования на тревожный фактор среды.

Таким образом, можно сделать вывод, что превалирует в основном средний уровень тревожности в большинстве шкал. Особенно выраженными являются такие признаки, как фрустрация потребности в достижении успеха, переживание социального стресса, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, проблемы и страхи в отношениях с учителями. Все эти признаки указывают на беспокойство в общении прежде всего со сверстниками и с учителями, подросток может уйти в себя, закрыться от общения и испытывать при этом большой стресс, у него может преобладать неблагоприятный психологический фон, который не позволяет ребенку развивать свои потребности в достижении высокого результата, в успехе, возможность снижения успешности обучения в школе. Данные исследования могут быть использованы для разработки коррекционной программы по снижению уровня тревожности у подростков.

Список использованных источников

- 1 Немов, Р. С. Психология. Психодиагностика / Р.С. Немов. М. : ВЛАДОС, 2016. – 632 с.
- 2 Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – М. : МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.

3 Спилбергер, Ч. Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Ч. Спилбергер. – Москва // Тревога и тревожность: хрестоматия / сост. В. М. Астапов. – СПб. : Пер Сэ, 2008. – С. 85–99.

Н. В. Малашенко

Научный руководитель: Н. Г. Новак, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

В статье рассматриваются проблемы особенностей адаптации первоклассников к школьному обучению. Приводятся данные проведенного эмпирического исследования по вопросу адаптации первоклассников к обучению в школе и анализ результатов проведенного исследования.

Ключевые слова: адаптация, школьная адаптация, школьная дезадаптация, критерии процесса адаптации, психолого-педагогические факторы адаптационного процесса, готовность к школьному обучению.

В психологии адаптация – это одно из основополагающих качеств человека, это все виды врожденной, приобретенной и приспособительной деятельности, которые обеспечиваются определенными физиологическими реакциями. Под адаптацией понимается приспособление к постоянно меняющимся социальным и психологическим условиям с применением разнообразных знаний и умений.

Поступив в школу, ребенок становится школьником далеко не сразу. Это становление, вхождение в школьную жизнь, происходит на всем протяжении начальной школы, и сочетание черт дошкольного детства с особенностями школьника будет характеризовать весь период младшего школьного возраста.

Начало школьного обучения практически совпадает с периодом второго физиологического кризиса, приходящегося на возраст 7 лет. В период кризиса происходит существенное изменение всего психологического облика ребенка, коренная перестройка его отношений с социальным окружением. Согласно Л. С. Выготскому, основой этих изменений является утрата детской непосредственности. Ребенок, вступивший в полосу кризиса, теряет детскую наивность; во всех своих проявлениях: в поведении, в отношениях с окружающими, он становится не таким понятным как раньше [1].

Выделяют три основных этапа адаптации: ориентировочный, неустойчивое приспособление и период относительно устойчивого приспособления. На каждый этап приходится от 1 до 3 недель.

По данным Н. В. Литвиненко, большинство детей адаптируется в школе в течение первых двух месяцев обучения (56 %). Меньшая группа (30 %) отвечает школьным требованиям лишь к концу первого полугодия. Третья группа детей (14 %) испытывает сложности адаптации в течение всего года [2, с. 21].

Критериями благополучной физиологической адаптации к школе могут служить хороший сон и аппетит, отсутствие жалоб на головные боли, а также выраженных неблагоприятных изменений в состоянии здоровья ребенка.

Психологические особенности адаптации первоклассника зависят от принятия им новой жизненной позиции и переключением на новый вид деятельности – учебной, в ходе которой происходит основное психологическое становление младшего школьника. Учебная деятельность определяет дальнейшее психическое и личностное развитие ребенка.

Черты опосредованности, произвольности приобретает и вся психическая жизнь ребенка. Наряду с этим происходят и существенные изменения в эмоционально-мотивационной сфере. Впервые возникает обобщение переживаний. Череда успехов или неудач, каждый раз переживаемых ребенком в каких-либо ситуациях (учеба, общение), приводят к формированию устойчивых аффективных комплексов чувства неполноценности, ущемленного самолюбия или, напротив, чувства собственной значимости, умелости, компетентности.

Физическое развитие ребенка становится влияющим не только на личностное развитие, но и на школьную адаптацию в целом. Одной из особенностей первоклассников является значительное увеличение массы мышц и прирост мышечной силы. Важное значение имеют особенности психического развития и развитие познавательной деятельности у младших школьников. Существенным фактором в этом отношении является связанное с развитием мозга совершенствование их нервной системы. Развитие головного мозга у младших школьников проявляется в увеличении его веса и в изменении структурных связей между нейронами (нервными клетками).

В этом возрасте нервные процессы становятся более подвижными. Постепенно уравниваются процессы возбуждения и торможения, ребенок начинает регулировать свою деятельность сам. Доминирующей функцией у ребенка становится мышление, которое определяет работу всех функций сознания, они становятся контролируемы. Хотя формируется словесно-логическое мышление, но все же важную роль играет наглядно-образное мышление, поэтому для успешного усвоения материала важно, чтобы он был представлен в наглядной форме (картинка, таблица).

В младшем школьном возрасте закладывается фундамент нравственного поведения, происходит усвоение моральных норм и правил поведения, начинает формироваться общественная направленность личности.

Изменение окружающей обстановки, привычных условий, сферы общения и ритма жизни, повышение требований к самостоятельности, интенсивные умственные и физические нагрузки вызывают хроническую эмоциональную напряженность и тревожное состояние, провоцируя развитие синдрома так называемой школьной дезадаптации [3, с. 153].

Атмосфера воспитания в семье и дошкольных учреждениях значительно отличается от школьного обучения и во многих отношениях представляет собой стрессовую ситуацию для ребенка, так как это ведет к кардинальным изменениям его жизни. Дети, которые испытывают трудности во время школьного обучения составляют так называемую «группу риска» возникновения школьной дезадаптации.

В основе проблемы дезадаптации лежит сложное взаимодействие индивидуальных и социальных факторов, неблагоприятных для гармоничного развития. Так, например, несоответствие школьного режима психо-физиологическим особенностям физически и психически ослабленных детей; несоответствие этим особенностям темпа учебной работы в классе; экстенсивный характер учебных нагрузок; преобладание отрицательной оценочной ситуации и, возникающие на этой почве «барьеры» в отношениях ребенка и педагогов; повышенный уровень требований родителей в отношении своего ребенка; невозможность ребенка оправдать их ожидания и надежды и, в связи с этим возникающая психотравмирующая ситуация в семье. Не менее важным фактором, влияющим на формирование школьной дезадаптации, особенно на первом году обучения является психологический климат в семье.

Психолого-педагогическое сопровождение адаптационного процесса младших школьников состоит из нескольких факторов, которые помогают оптимизировать процесс адаптации к школе. Факторы можно разделить на следующие группы:

Психофизиологические факторы – здесь имеет значение возраст поступления ребенка в школу. Шестилетки дольше адаптируются, чем дети семилетнего возраста, у них наблюдается повышенное напряжение всех систем организма и быстрое снижение работоспособности.

Начальная готовность к системному обучению в школе – не менее важный фактор, который отражает психологическую адаптацию учащегося к обучению. Психологическая готовность несет в себе структуру элементов, связанных между собой: мотивационный (собственная позиция школьника), волевой (умение подчинять свои действия правилу), интеллектуальный (наличие внутреннего плана действий).

Правильно построенная работа учебного учреждения – многое в процессе адаптации зависит от учителя и его стиля общения с детьми. Учитель с демократическим типом педагогического взаимодействия больше располагает к себе детей и это ведет к более быстрой и успешной адаптации учеников. Личностно ориентированный учитель создает в классе благоприятную атмосферу для совпадения индивидуальных потребностей детей с требованиями школьного учреждения. Очень важно, чтобы ребенок почувствовал, что его класс, школа – это доброжелательный коллектив сверстников готовых помочь в любой ситуации. Ребенок с интересом общается с одноклассниками, учителями, ему радостно и комфортно в коллективе – это важный индикатор успешной адаптации.

Своевременное диагностирование причин школьной дезадаптации первоклассников, послужит основой для дальнейшей разработки программы профилактики, включающий определенный комплекс мероприятий направленный на развитие у обучающихся учебной мотивации, снижение школьной тревожности и на снятие эмоционального напряжения.

Ссылаясь на теоретический анализ проблемы адаптации первоклассников к обучению в школе, было проведено эмпирическое исследование на базе ГУО «Средняя школа № 49 г. Гомеля».

Цель исследования: изучить особенности адаптации первоклассников к школьному обучению. В исследовании принимали участие 62 школьника, обучающихся в 1 «А», 1 «Б», 1 «В» классах.

В качестве психодиагностического инструментария была использована методика «Психолого-педагогическая оценка готовности к началу школьного обучения», Н. Семаго, М. Семаго. Результаты диагностики по данной методике приведены на рисунке 1.

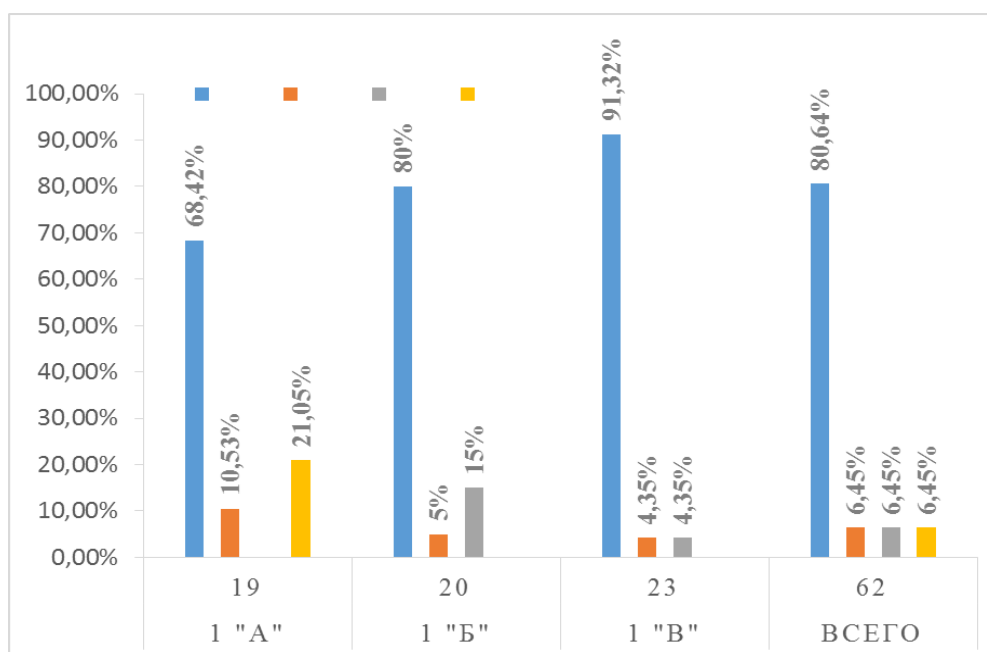

Рисунок 1 – Уровень готовности к школьному обучению

В ходе анализа проведенной диагностики были получены следующие данные: высокую готовность к началу регулярного обучения показали 80,64 % обучающихся – у этих

учащихся может быть достаточно высокий уровень адаптации к школе и образовательному процессу в целом, эти дети не нуждаются в каком-либо дополнительном обследовании или помощи со стороны взрослых.

Условную готовность показали 6,45 % обучающихся – у этих детей отмечен средний уровень готовности, можно отчасти спрогнозировать трудности при начале регулярного обучения. Но эти дети могут адаптироваться к обучению без дополнительной помощи специалистов, за счет грамотно организованного педагогического воздействия.

Условную неготовность показали 6,45 % обучающихся – данная группа детей с низким уровнем готовности к обучению, будет испытывать трудности в адаптации и социализации к школе и учебному процессу. Эти дети нуждаются в дополнительной помощи специалистов (логопед, психолог, педагог). Им рекомендована коррекционно-развивающая работа.

Неготовность показали 6,45 % обучающихся – эти дети пришли в школу не подготовленные к обучению, им в обязательном порядке необходимо углубленное обследование психолога, а при необходимости – логопеда или дефектолога, коррекционная помощь, дополнительные занятия с педагогом, консультации родителей.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования было выявлено, что у большинства детей, поступивших в школу отмечен достаточно высокий уровень подготовки к началу обучения. Эти дети достаточно легко адаптируются к новым условиям учебной деятельности, они не будут испытывать трудностей в обучении.

Следовательно, своевременное диагностирование уровня адаптации и готовности детей к обучению в школе позволит произвести грамотную коррекцию, и дать рекомендации по оптимизации данной проблемы.

Для профилактики дезадаптации необходимо обеспечить соблюдение таких условий, как организация учебно-познавательной деятельности в соответствии с возрастными особенностями первоклассников, создание комфортных условий для общения, проведение оздоровительно-профилактической работ, организация щадящего режима школьных занятий с постепенным переходом к обычному распорядку, соблюдение санитарно-гигиенических требований, организация активного досуга во внеурочное время, формирование положительного отношения семьи к новому статусу ученика, проведение постоянного мониторинга уровня адаптации.

Работа с родителями в адаптационный период должна быть направлена на повышение их педагогической образованности. С этой целью необходимо проводить тематические родительские собрания, разработать советы родителям по преодолению трудностей в адаптации ребенка, организовать индивидуальные консультации.

Список использованных источников

1 Глаголева, К.С. Л.С. Выготский о роли игры в психическом развитии ребенка / К.С. Глаголева // Молодой ученый. – 2017. – № 4 (138). – С. 324–326.

2 Литвиненко, Н.В. Социально-психологическая адаптация школьников в критические периоды развития (индивидуально-типологический подход): монография / Н.В. Литвиненко. – М. : Сфера, 2014. – С. 21–26.

3 Леутин, В.П. Инверсия «эффекта правого уха» при запоминании сигнальной информации в процессе адаптации / В.П. Леутин, Н.И. Дубровина // Журн. высш. нерв. деятельности им. И.П. Павлова. – 2013. – № 1. – С. 153–156.

И. Д. Медина

Научный руководитель: Е. В. Дробышевская

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье предоставлен анализ психологических особенностей младшего школьного возраста. Описаны основные закономерности развития психических процессов на данном этапе развития, а также возможности решения вопроса о развитии учебной мотивации, и основы ее развития.

Ключевые слова: Внимание, восприятие, память, интеллектуальная рефлексия, мышление, учебная деятельность.

Адаптация к школе требует больших усилий от ребенка. Учеба, является важной частью развития для младшего школьника, которая ставит определенный контекст задач, для развития как психических, так и умственных способностей. Младший школьник учится взаимодействовать с другими детьми, учиться общаться с ними, а также старается научиться взаимодействовать с учителями. У ребенка начинается учебная деятельность, а значит в основном его деятельность будет направлена на умственную нагрузку, и какая-то подвижная деятельность будет появляться чуть меньше, но в младшем школьном возрасте игры никто не отменял, хоть и они занимают не так много времени, как в дошкольном периоде, но все же, играет немалую роль как в психическом, так и психологическом развитии ребенка.

У младших школьников игра должна иметь целенаправленный характер, так как она имеет определенный форму и сюжет, которые существенно изменяются, и в основном герои у них выступают в роли общественной жизни, а это означает, что ребенок переходит на более новый этап в развитии социальной направленности личности, которые выявляет новую сторону заинтересованности [3, с. 15].

Как только ребенок вступил на порог школы, для него открывается совсем другой мир, в котором он должен научиться приспосабливаться, так как с его переходом из одного класса в другой, появляется больше умственной и физической нагрузки. Ребенок, входя в школьную жизнь начинает совсем по-другому себя оценивать, у него появляется какие-то переживания, он учится самостоятельности и учится быть ответственным человеком. Главной задачей родителей в этот период является, поддержка и быть убежденным, в том что, их ребенок действительно готов к школьной жизни. Потому что многие родители, по разным причинам, решают повременить с поступлением в школу, это связано с тем, что ребенок, по своему психологическому развитию, не готов к таким повышенным нагрузкам.

Выбирая определенную школу, секции или кружки для своего ребенка, важно понимать, в чем состоят особенности развития детей младшего школьного возраста. Так, в это время у младшего школьника, концентрация внимания еще недостаточно развита, потому что в этом возрасте у него поведение более импульсивное по своему развитию, для них характерно упрямство, они стараются отстаивать свою точку зрения. В это время важно дать высказаться ребенку, важно понять его, дать ответную реакцию, проявить обратную связь. Это поможет лучше узнать ребенка, понять, что происходит с ним в данный момент развития, и как-то помочь ему. Ребенок, находясь в социуме, старается подражать другим, так как старается занять определенную позицию среди своих сверстников.

Таким образом, основной задачей младшего школьника на данном этапе развития становится учебная деятельность. Вначале у ребенка появляется интерес к учебе без осознания ее значения. Интерес появляется только тогда, когда он действительно заинтересуется ею, и уже потом у него появляется мотив запоминать определенный учебный материал, и к

появлению и приобретению этих знаний. Это является хорошей почвой развития, для формирования у младшего школьника мотивации, связанным с ответственным отношением к учебной деятельности.

В процессе обучения происходит небольшая перестройка восприятия, оно переходит в более высокую степень развития, принимает характер целенаправленной и управляемой деятельности. В процессе обучения восприятие становится более углубленным, измененным.

Также наряду с восприятием развивается и внимание. Без развития и формирования этой психической функции процесс обучения невозможен будет построить. На уроке учитель привлекает внимание учеников к учебному материалу, удерживает его длительное время.

Под влиянием обучения развивается и память с объемом материала она становится более обширной. С помощью памяти развивается логическая, смысловая память ребенок может уже осознанно регулировать ее проявление. В связи с возрастом школьника преобладает первая сигнальная система, так как она содержит наглядно-образное мышление, нежели чем словесно-логическая. С помощью наглядно-образного мышления они более четко склонны к запоминанию лиц, фигур, образов, чем описание и определение. Младшие школьники склонны к механическому запоминанию без осознания смысловых связей внутри запоминаемого материала.

Для того, чтобы запоминание приобрело четкое, воздействие, нужно многократно прочитывать материал, потом следует пересказать прочитанное и важно, чтобы хорошо все запомнить нужно, нужно чтобы был наглядный материал, это могут быть различные макеты, картинки и пособия. Есть такие школьники, которые для того, чтобы запомнить материал им достаточно того, что они послушают внимательно учителя и прочитают материал. Такие дети быстро все запоминают и также быстро все воспроизводят, и самое главное они эту информацию запоминают надолго. Но есть и такая категория детей, которые быстро все запоминают выученный материал, и также быстро его забывают. Такое обычно происходит на второй или же на первый день, и они уже этот материал плохо воспроизводят в памяти. Таких детей следует обучить длительному запоминанию и научиться контролировать себя.

Есть и другой случай детей, которые медленно запоминают, и быстро забывают. Этим детям надо терпеливо учить приемам рационального запоминания. Это может быть связано с тем, что ребенок переутомлен, или же это может быть связано с плохой концентрацией внимания, поэтому необходимо подбирать специальный режим, например, как дозировка учебной нагрузки.

К психологическим особенностям детей младшего школьного возраста можно отнести формирование силы воли, расширение круга общения, появление новых авторитетов вне семьи, осознание собственного «Я» с точки зрения своего места в социуме, приобщение к труду, сокращение времени на игровую деятельность, становление самооценки через мнение о себе окружающих людей, обретение уверенности, развитие самостоятельности и ответственности.

У младшего школьного возраста появляются личностные характеристики и к ним относятся такие как: доверчивость к авторитету, авторитет выступает в роли учителя, восприимчивость и внимательность, а также послушание и подражательность [2, с. 59].

В младшем школьном возрасте складываются наиболее благоприятные условия для формирования нравственных качеств и положительных черт личности. Так как учитель для младших школьников выступает авторитетом, то он должен создать благоприятные условия для формирования личности. Как уже говорилось ранее, у младших школьников наиболее развит наглядно-образный тип мышления, поэтому их внимание заостряется на чем-то ярком, поэтому эти психологические особенности должны учитываться. Для продуктивного обучения нужно учитывать и специфику памяти младшего школьника. В основном школьники хорошо запоминают небольшой по своей структуре материал и хорошо его в дальнейшем могут воспроизводить. В начальных классах запоминание носит механический характер, который основан на многократном повторении и силе впечатления акта восприятия [4, с. 67].

Дальнейшее развитие получает и интеллектуальная рефлексия. При котором младший школьник еще недостаточно осознает собственные мыслительные операции, он малоспособен к внутреннему наблюдению, но начинает оправдывать свое мнение перед другими людьми, пытается различать внутренние мотивы, которые его ведут, и направление, которому следует он. Таким образом, младший школьник только начинает овладевать рефлексией – способностью рассматривать и оценивать собственные действия, умением анализировать содержание и процесс своей мыслительной деятельности [1, с. 243].

Также, можно говорить, что младший школьный возраст, это период, когда у ребенка развиваются такие психологические процессы как память, мышление, восприятие, внимание. С переходом в школьный этап развития он постепенно начинает приспосабливаться к окружающей его среде и учится быть личностью.

Список использованных источников

- 1 Апетян, М. К. Психологические и возрастные особенности младшего школьника / М. К. Апетян // Молодой ученый. – 2014. – С. 243–244.
- 2 Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / И. С. Гессен. – М. : «Школа-Пресс», 1995. – 376 с.
- 3 Егорова, Э. Н. Психология развития / Э. Н. Егорова – Харьков, 2003. – 421 с.
- 4 Люблинская, А. А. Детская психология / А. А. Люблинская – М. : Просвещение, 1971. – 385 с.

А. Е. Михальцова

Научный руководитель: Н. Н. Зенько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

МОТИВАЦИЯ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПОДРОСТКОВ В ВОЛОНТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Волонтерство как вид просоциального поведения является одной из актуальных тем социально-педагогического и психологического исследования. В статье обосновывается актуальность мотивации и привлечения подростков к волонтерской деятельности через организацию управления этим процессом, дается сущностная характеристика волонтерства как формы активности, вида социально значимой деятельности, способа организации досуга. Автором представлены результаты проведенного анкетирования вовлеченности подростков в волонтерское движение.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность подростков, мотивация волонтеров, менеджмент волонтерской деятельности.

Волонтерское движение, являясь особым связующим звеном между социумом и образовательными учреждениями, позволяет расширить их воспитательный потенциал. В широком смысле волонтерство может быть рассмотрено как безвозмездная деятельность по собственной инициативе, дающая простор для созидательной инициативы и социального творчества, являющаяся важной составляющей достижения целей социального развития и повышения качества жизни. В узком смысле нам близок подход, согласно которому волонтерская деятельность выступает средством воспитания и помогает решать такие задачи как развитие социальной активности и ответственности, творческой инициативы и коммуникативного потенциала личности.

Сущность волонтерской деятельности раскрывается с позиции трех аспектов: как формы социальной и гражданской активности, как вида социально значимой деятельности, как способа организации досуга.

Как *форму социальной и гражданской активности* волонтерскую деятельность рассматривали О. В. Решетников, Н. В. Тарасова, Э. Алеччи. Представители данного подхода считают, что уровень развития гражданского общества, укрепление гражданственности, преодоление бедности и преодолением различных социальных проблем напрямую зависят от степени вовлеченности граждан в общественно-полезную деятельность на добровольных началах [2]. Кроме того, активная гражданская позиция, участие в различных социальных мероприятиях способствуют развитию демократии и гуманизма в стране. Путем приобретения и накопления навыков участия в добровольческой деятельности у подрастающего поколения формируются установки на активную социальную и гражданскую позицию, а также расширяются представления о духовно-нравственных ценностях общества.

Волонтерство затрагивает острые социальные сферы человеческой жизнедеятельности (помощь людям с ограниченными возможностями, детским домам, одиноким пожилым людям, бездомным животным). Однако, как показывает практика, спектр волонтерского участия и охват добровольцами различных областей жизни намного шире – посадка цветов, кустов и деревьев, благоустройство дворов и городских улиц, просветительские профилактические беседы, благотворительные концерты и акции, экологические мероприятия, пропаганда здорового образа жизни и многое другое. Все, что объединяет данные направления – это *социально значимый характер деятельности*. В работах ученых подчеркивается, что целенаправленное включение индивида в волонтерскую деятельность предполагает социально-личностное развитие, формирование позитивного мышления, усвоение социальных норм деятельности «на благо других», образцов поведения, общечеловеческих ценностей, коммуникативных навыков сотрудничества [1, с. 236].

В современном обществе существует также мнение и о том, что волонтерство способно объединить в себе безвозмездный труд и отдых, интеграцию которых можно определить термином «*досуг*». В западных странах деятельность на добровольных началах довольно часто осуществляется в свободное от работы время и является одним из основных способов рекреации. На этом основании сущность волонтерской деятельности с позиции третьего подхода раскрывается как организация собственного времяпрепровождения: другими словами, основной мотив волонтерского участия – возможность обеспечить себе занятость и провести свое свободное время с пользой для себя и окружающих.

Очень важно, чтобы в учреждениях образования реализовывался опыт поддержки и стимулирования вовлеченности обучающихся в волонтерское движение. С целью определения особенностей вовлеченности современных подростков в волонтерскую деятельность была разработана анкета «Я – будущий волонтер» и проведен опрос учащихся 7-х и 8-х классов. В исследовании приняло участие 72 школьника: 40 – юношей, 32 – девушек. Анализ результатов анкет позволил сделать следующие выводы:

- среди 72 опрошенных 34 участника уже имеют опыт добровольчества, 20 – хотели бы стать волонтерами, 12 – никогда не задумывались об этом, 6 учащихся – не проявили желания быть добровольцами;

- учащиеся прослеживают взаимосвязь добровольчества с развитием таких социально значимых личностных качеств, как эмпатия, коммуникабельность, альтруизм, терпимость, ответственность, социальная активность, склонность к сотрудничеству;

- около 76 % (54 подростка) знакомы с людьми, вовлеченными в волонтерскую деятельность, остальные 24 % – не знакомы с волонтерами;

- для 34 % участников волонтерский труд – это желание улучшить качество жизни окружающих, для 27 % – проявление альтруизма, для 19 % – достойная цель жизни, для 13 % – общественный статус, для 4 % – способ решения определенных личных проблем;

– формами волонтерской деятельности, в которой у подростков имеется опыт, являются сопровождение спортивных мероприятий, уборка территории, проведение благотворительных акций, сотрудничество с организацией Красный Крест, помощь воспитанникам «Дома ребенка», организация выставок, составление и распространение информационных листовок.

Как видим, результаты опроса показывают недостаточную степень вовлеченности учащихся подросткового возраста в волонтерскую деятельность. Именно поэтому перед многими учреждениями образования встает задача мотивации и вовлечения в социально значимую деятельность обучающихся, обеспечения возможностей приобретения ими практического опыта, знаний, включения в новые социальные взаимоотношения.

Анализ практического опыта позволил белорусским исследователям определить необходимые условия для успешной реализации волонтерской деятельности обучающихся [3, с. 16]:

– необходимость целенаправленного и педагогически организованного руководства и сопровождения волонтеров (личность взрослого лидера);

– привлекательность волонтерской деятельности для участников волонтерской группы, ее социальная и личностная значимость;

– создание ситуаций стимулирования и мотивация деятельности учащихся.

Одной из проблем, препятствующих развитию волонтерства среди учащихся, является, на наш взгляд, отсутствие опыта волонтерской деятельности и навыков менеджмента волонтерской деятельности у самих педагогов. Следовательно, необходимо готовить, прежде всего, студентов, будущих педагогов к осуществлению данной работы. Эта подготовка должна вестись по двум направлениям – через собственный практический опыт и систему обучения педагогических кадров (специальные курсы, дисциплины, обучающие семинары, знакомство с инновационным отечественным и зарубежным опытом по организации волонтерского движения).

Обобщая выше сказанное, можно утверждать, что волонтерство, как средство воспитания, в учреждении образования требует целенаправленной организации и сопровождения. В связи с этим встает вопрос о технологизации этого процесса, который обеспечивается через управление волонтерской деятельностью. Под *менеджментом волонтерской деятельности* принято понимать систему организационно-педагогических действий, способствующих эффективному осуществлению волонтерской деятельности. При планировании, организации и управлении волонтерской деятельностью обучающихся важно соблюсти некоторые условия:

а) планирование организации работы с волонтерами (в процессе планирования необходимо ответить на вопросы «зачем?», «кто?», «как?»);

б) привлечение волонтеров и закрепление за ними определенных обязанностей (методы привлечения: размещение объявлений на информационных досках учреждения образования; раздача информационных листовок; распространение информации через активных волонтеров; организация рубрики в школьной газете с перечнем вакансий и другие);

в) обучение и непосредственная подготовка волонтеров;

г) поддержка волонтеров (индивидуальные консультации, совместная работа с руководителем, встречи волонтерской группы, тренинги и семинары);

д) признание деятельности волонтеров (формальное и неформальное поощрение);

е) оценка результатов волонтерской программы и самой деятельности волонтера (формулировка критериев оценки, сбор данных и их анализ).

Все вышеперечисленные условия составляют единый технологичный процесс и достигают при управлении волонтерской деятельностью максимальной эффективности только вместе.

Таким образом, волонтерская деятельность подростков дает возможность решать проблему вовлечения учащихся в общественно полезную деятельность, создает почву для гуманизации отношений в коллективе, формирует нравственно ценные стереотипы в отношениях между подростками и взрослыми, тем самым содействуя их социализации. Позитивное влияние волонтерской деятельности на социализацию современных подростков обусловлено в

первую очередь тем, что именно в добровольчестве процесс социализации направляется в социально значимое русло.

Список использованных источников

1 Васильковская, М. И. Волонтерство как социально-культурный феномен / М. И. Васильковская, В. Д. Пономарев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 57. – С. 234–241.

2 Мартынова, Т. Н. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи / Т. Н. Мартынова, М. С. Яницкий, А. А. Зеленин, С. А. Пфетцер // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 160–167.

3 Школа волонтера: инструмент формирования волонтерских компетенций. Материалы из опыта работы / авт.-сост. В. Е. Уласовец, О. А. Бабусько; Государственное учреждение дополнительного образования «Центр творчества детей и молодежи Солигорского района». – Солигорск : ГУДО «ЦТДиМ Солигорского района», 2019. – 49 с.

В. В. Морозова

Научный руководитель: И. В. Сильченко, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОПТИМИЗМ И СТИЛЬ АТТРИБУЦИИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье приводятся результаты эмпирического исследования стилей атрибуции и оптимизма студентов. Установлено, что в целом для студентов характерны умеренный оптимизм и защитный пессимизм. Пессимистический стиль атрибуции более выражен у девушек, они более склонны приписывать неуспехи собственной личности.

Ключевые слова: студенты, юноши, девушки, оптимизм, пессимизм, атрибутивный стиль, защитный пессимизм.

Основное понятие данного исследования – «атттрибутивный стиль» было введено М. Селигманом, под которым он подразумевал способ, с помощью которого человек объясняет свое поведение и поведение других людей, а также изменения в окружающем мире [3]. М. Селигман выделил три параметра: глобальность, постоянство, и персонализация, которые и определяют стиль атрибуции. Именно от того, преимущественно какими параметрами человек объясняет удачу и неуспех, его относят либо к оптимистам, либо к пессимистам.

Стиль атрибуции определялся с помощью теста атрибутивных стилей Л. М. Рудиной [2], количество респондентов 230. Для измерения уровня оптимизма/пессимизма использовался «Опросник оптимизма – ШОСТО» М. Селигмана в адаптации Т. О. Гордеевой и В. Ю. Шевяховой [1], количество респондентов 126.

По результатам эмпирического исследования стилей атрибуции у студентов были получены количественные показатели по шести шкалам («время неудачи», «время удачи», «широта удачи», «широта неудачи», «Я неудача» и «Я удача»), отражающие отдельные компоненты стиля атрибуции. На основании анализа полученных результатов было выделено три группы респондентов, которые отличаются стилем атрибуции.

Таблица 1 – Количественные показатели стилей атрибуции у студентов (в абсолютных значениях и в %)

Стиль атрибуции	Пессимистичный		Промежуточные значения		Оптимистичный	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Юноши	32	72,73	6	13,64	6	13,64
Девушки	151	81,18	24	12,9	11	5,91
Общее	184	80	29	12,61	17	7,39

Из данных, представленных в таблице 1, следует, что пессимистический стиль атрибуции выявлен у большей части юношей (72,73 %) и большей части девушек (81,18 %), а в целом у 184 респондентов (80 %), что также является большей частью. Промежуточные значения стиля атрибуции у 6 юношей (13,64 %) и 24 девушек (12,9 %), в целом у 29 испытуемых (12,61 %). Оптимистический стиль атрибуции у 6 юношей (13,64 %) и у 11 девушек (5,91 %), общее количество респондентов с оптимистическим стилем атрибуции 17 человек (7,39 %).

Таким образом, выявлено полное преобладание пессимистичного стиля, а оптимистичный стиль атрибуции наименее выражен у студентов. Пессимистичный стиль атрибуции чуть более распространен у девушек.

Анализ показателей по шкалам стиля атрибуции у юношей показал следующее. Наибольшее среднее значение по шкале «Я-неудача», отражает высокий уровень персонализации неудач у испытуемых. Среднее значение неудачи также превосходит среднее значение успеха в выборке. Общее среднее значение определяется как пессимистичное. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Количественные показатели шкал стиля атрибуции у юношей (результаты выражены в абсолютных величинах)

Юноши. Стиль атрибуции.					
Шкалы	Кол-во испытуемых (N)	Минимальное значение (M _{min})	Максимальное значение (M _{max})	Среднее значение (M _{ср})	Стандартное отклонение (S)
Время неудачи	44	0	7	3,54	1,547
Время удачи	44	0	7	3,45	1,662
Широта неудачи	44	1	7	3,43	1,648
Широта удачи	44	0	8	3,54	1,873
Я-неудача	44	1	7	4,34	1,711
Я-удача	44	0	8	3,31	1,852
Неудача общее	44	5	18	11,36	3,410
Успех общее	44	1	21	10,27	4,541
Общее значение	44	-15	8	-1,09	5,386

В ходе исследования были получены следующие результаты у студентов-девушек. Наибольшее среднее значение по шкале «Я-неудача», отражает высокий уровень персонализации неудач у испытуемых. Среднее значение неудачи аналогично превосходит среднее значение успеха в выборке. Общее среднее значение определяется как пессимистичное. Средние значения данных шкалах у девушек ниже. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Количественные показатели шкал стиля атрибуции у студентов девушек (результаты выражены в абсолютных величинах)

Девушки. Стиль атрибуции.					
Шкалы	Кол-во испытуемых (N)	Минимальное значение (M _{min})	Максимальное значение (M _{ма})	Среднее значение (M _{ср})	Стандартное отклонение (S)
Время неудачи	186	0	7	3,67	1,526
Время удачи	186	0	8	3,11	2,141
Широта неудачи	186	0	8	3,91	1,753
Широта удачи	186	0	8	3,82	1,732
Я-неудача	186	1	8	5,32	1,858
Я-удача	186	0	8	3,38	1,708
Неудача общее	186	4	23	12,90	3,180
Успех общее	186	0	22	10,30	4,464
Общее значение	186	-17	14	-2,59	5,536

Достоверность различий по шкалам атрибутивного стиля между выборками юношей и девушек определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Расчет достоверности различий между юношами и девушками по U-критерию Манна-Уитни (результаты выражены в абсолютных величинах)

Шкалы	Время неудачи	Время удачи	Широта неудачи	Широта удачи	Я-неудача	Я-удача	Неудача общее	Успех общее	Стиль атрибуции
U	3960	3602	3379	3575	2875	4014	3120	4028	3397
Асимпт. значимость	0,735	0,212	0,068	0,187	0,002 p ≤ 0,01	0,842	0,014 p ≤ 0,05	0,873	0,079

Значимые различия выявлены между шкалами «Я неудача» (0,002 при $p \leq 0,01$), и «неудача общее» (0,014 при $p \leq 0,05$) у юношей и девушек. У девушек более высокая персонализация неудач, то есть они более склонны приписывать неуспехи своей личности. Досто-

верно более высокие значения по шкале неудач свидетельствуют о том, что девушки рассматривают больше жизненных событий как неудачи, по сравнению с юношами.

Исследование стиля атрибуции у студентов показало полное преобладание пессимистического стиля атрибуции как у юношей, так и у девушек. Данный результат, объясняется двумя предположениями.

Первое – защитным пессимизмом, который определяется как специфическая когнитивная стратегия, связанная с поддержанием нереалистично низких ожиданий, несмотря на вполне благополучный прошлый опыт достижений. Защитные пессимисты оказываются более защищенными от разочарования в ситуации неудачи и, в то же время, не склонны, в отличие от стратегических оптимистов, снимать с себя ответственность за проблемы с помощью экстернальных атрибуций [4].

Второе объяснение приводит автор теста на оптимизм Л. М. Рудина. Она отмечает, что стилевые особенности объяснения событий по шкале коренятся в особенностях этнокультуры. Ситуации перманентного преодоления «временных трудностей», являются для многих граждан, по сути дела, образом жизни [2].

По результатам исследования оптимизма у студентов были получены количественные показатели по общей шкале. Оптимизм и пессимизм могут быть как умеренными, так и ярко выраженными. На основании анализа полученных результатов было выделено четыре группы респондентов, которые отличаются оптимизмом или пессимизмом. Из данных, представленных в таблице 5, следует, что глубокий пессимизм выявлен лишь у 1 юноши (2,22 %) и 1 девушки (1,23 %), а в целом у 2 респондентов (1,59 %). Умеренный пессимизм диагностирован у 16 юношей (35,56 %) и 32 девушек (39,51 %), в целом у 48 испытуемых (38,10 %). Умеренный оптимизм у большей части юношей – 28 (62,22 %) и также у большей части девушек – 46 девушек (56,79 %), общее количество респондентов с умеренным оптимизмом составило большинство испытуемых – 72 респондента (58,73 %). Нереалистичный оптимизм не был выявлен у юношей, но был выявлен у 2 девушек (2,47 %), общие процент 2 испытуемых составил (1,59 %). Большая часть выборки испытуемых отличается умеренным оптимизмом, у юношей он большее распространен, чем у девушек. Меньшая часть испытуемых отличается умеренным пессимизмом, у девушек он находит большее распространение, чем у юношей. Количество респондентов с глубоким пессимизмом и нереалистичным оптимизмом является одинаковым и наименьшим.

Таблица 5 – Количественные показатели оптимизма у студентов (в абсолютных величинах и в %)

Оптимизм или пессимизм	Глубокий пессимизм		Умеренный пессимизм		Умеренный оптимизм		Нереалистичный оптимизм	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Юноши	1	2,22	16	35,56	28	62,22	0	0
Девушки	1	1,23	32	39,51	46	56,79	2	2,47
Общее	2	1,59	48	38,10	74	58,73	2	1,59

В ходе исследования были получены следующие результаты у студентов-юношей. Минимальное значение по общей шкалы оптимизма составляет – 4, что отображает глубокий пессимизм, максимальное значение – 24, что показывает умеренный оптимизм, а среднее значение – 15,02 является также показателем умеренного оптимизма. Данные представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Количественные показатели шкалы оптимизма у студентов юношей (результаты выражены в абсолютных величинах)

	Кол-во испытуемых (N)	Минимальное значение (M_{min})	Максимальное значение (M_{max})	Среднее значение (M_{ср})	Стандартное отклонение (S)
Числовое значение	45	4	24	15,02	3,940

У девушек минимальное значение по общей шкале оптимизма составляет – 7, что отображает глубокий пессимизм, максимальное значение – 28, что отображает нереалистичный оптимизм, а среднее значение – 15,31, является также показателем умеренного оптимизма. Данные представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Количественные показатели шкалы оптимизма у студенток (результаты выражены в абсолютных величинах)

	Кол-во испытуемых (N)	Минимальное значение (M_{min})	Максимальное значение (M_{max})	Среднее значение (M_{ср})	Стандартное отклонение (S)
Числовое значение	81	7	28	15,31	4,264

Тем не менее достоверных различий по шкале общего оптимизма между выборками юношей и девушек с использованием U-критерия Манна-Уитни не выявлено (табл. 8)

Таблица 8 – Расчет достоверности различий между юношами и девушками по U-критерию Манна-Уитни (результаты выражены в абсолютных величинах)

	Оптимизм
U	1734
Асимпт. значимость	0,651

Проведенное исследование позволяет утверждать, что крайний пессимизм и оптимизм не характерны для студенческой выборки, зато умеренный оптимизм присущ большей части выборки, и менее представлен умеренный пессимизм.

Можно предположить, что данные, полученные в исследовании, различаются в зависимости от методик измерения, а также категоризации результатов. Более подробное исследование, включающее определения каждого параметра стиля атрибуции, приводит к выводу о том, что испытуемые чаще категоризируют именно неудачи, а не успехи, как глобальные, постоянные и персональные, что характерно для пессимистичного стиля атрибуции. Но исследование уровней оптимизма и пессимизма показывает, что испытуемые чаще оценивают события жизни с умеренным оптимизмом.

Список использованных источников

1 Гордеева, Т. О. Оптимизм как составляющая личностного потенциала / Т. О. Гордеева – М. : Смысл, 2011. – 177 с.

2 Рудина, Л. М. Тест на оптимизм: Метод определения атрибутивных стилей / Л. М. Рудина. Под ред. В. М. Русалова. – М. : Наука, 2002. – 24 с.

- 3 Селигман, М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия / М. Селигман, [Пер. с англ. Е. Межевич, С. Филина.] – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 440 с.
- 4 Сычев, О. А. Психология оптимизма: учебно-методическое пособие к спецкурсу / О. А. Сычев. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – 120 с.

Н. Р. Орленко

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА КАК ФАКТОР ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОСПИТАННИКОВ ИНТЕРНАТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В статье акцентуации характера определены как один из факторов девиантного поведения, что является одной из важнейших проблем современного общества. Актуальность проблемы обусловлена усугубляющейся тенденцией к увеличению количества подростков, имеющих отклонения в поведении. Автором рассматриваются причины возникновения и развития акцентуаций характера у подростка, степени акцентуаций характера, наиболее частые нарушения на фоне акцентуаций характера, критерии, отличающие психопатию от акцентуаций характера.

Ключевые слова: самооценка, акцентуации характера, психопатия, отклоняющееся поведение, девиантное поведение, подростковый возраст, воспитанники интернатных учреждений.

Под отклонением в поведении понимается не только нарушения закона, но и поведение, которое противоречит общепринятым нормам, а так же привлекает внимание педагогов, родителей и т. д. Нарушения моральных, социальных, правовых норм и требований закона несут угрозу субъекту поведения, развитию его личности, окружающим людям, а так же обществу в целом.

Одной из особенностей подросткового возраста является завершение формирования характера с акцентированием некоторых личностных качеств и их последующим сглаживанием. Именно в подростковом возрасте ярко проявляются акцентуации характера, что, в случае благоприятного воспитания и развития, может пройти не столь заметно.

Трудности, с которыми сталкиваются подростки, также обусловлены и их характерологическими особенностями. Заострение личностных качеств является тем фоном, на котором быстрыми темпами продолжают распространяться девиантные формы поведения, возрастает количество употребления подростками наркотических и токсических веществ, все более широкое распространение получают отступления от общепринятых норм поведения. Свой тип характера, обладающий той или иной акцентуацией, подросток открывает в семье, в школе, с ровесниками и со старшими, в учебе и досуге, в труде и развлечениях, в повседневных, обычных и экстренных ситуациях и условиях. В общем акцентуация всегда подразумевает обострение конкретного признака. Таким образом, эта черта личности становится более выраженной. Акцентированные черты отнюдь не так обширны, как изменяющиеся индивидуальные. По сути акцентуации – это те же индивидуальные особенности, но с тенденцией к переходу в патологию. Их проявления в большей степени оставляют след на личности, и в конечном итоге имеют все шансы обрести патологический характер, разрушая ее структуру.

Лучше всего характерологические особенности акцентуированных подростков описаны и объяснены в концепции характера А. Е. Личко, дающего следующее определение: акцентуации характера представляют собой крайние варианты нормы, при которых

отдельные черты характера чрезмерно усиливаются, в результате чего выявляется избирательная уязвимость по отношению к определенному виду психогенных воздействий («места наименьшего сопротивления» в структуре акцентуаций, так называемые «отрицательные» свойства акцентуаций) при хорошей и даже повышенной устойчивости к окружающим («положительные свойства» акцентуаций характера) [1, с. 12].

Акцентуации, являющиеся крайними вариантами нормы и не связанные с заболеванием, следует отличать от психопатологии. Акцентуации ярко проявляются только в подростковом возрасте, в то время, как патология проявляется в течение всей жизни. Акцентуация проявляется как особенность характера только при определенных обстоятельствах, патология проявляется независимо от ситуации. При акцентуации редко возникает социальная дезадаптация и даже в случае возникновения вероятен возврат к норме, при психопатии чаще возникает социальная дезадаптация. При акцентуации нарушения поведения декомпенсации возникают как ответ на строго определенный тип психотравмирующей ситуации, при патологии нарушения поведения возникают при любых ситуациях, а иногда и без видимых причин.

С возрастом акцентуации характера не проявляются столь ярко, как в подростковом периоде. Но при сложных психогенных, стрессовых ситуациях, они могут стать основой острых аффективных реакций, а также могут быть условием формирования психопатоподобного развития.

Выделяют две степени акцентуации характера: явную (крайний вариант нормы) и скрытую (обычный вариант нормы).

Постоянные черты определенного типа характера являются главной характеристикой явной акцентуации. Тщательно собранный анамнез, сведения от родственников, непродолжительное наблюдение, особенно среди сверстников, а также результаты экспериментальной патохарактерологической оценки с помощью диагностического опросника позволяют распознать этот тип. Но все же проявление черт определенного типа не мешает положительной социальной адаптации. Обострение черт характера чаще происходит в подростковом возрасте и под влиянием психогенных факторов, которые воздействуют на «место наименьшего сопротивления» могут возникать временные нарушения адаптации и отклонения в поведении. При взрослении черты характера остаются достаточно выраженными, но компенсируются и обычно не мешают адаптации.

Скрытая акцентуация отличается тем, что в нормальных условиях черты определенного типа характера выражены слабо или вообще не видны. Даже при длительном наблюдении и подробном знакомстве с биографией очень сложно составить четкое представление о том или ином персонаже. Иногда, совершенно неожиданно для окружающих, черты данного типа выступают отчетливо, под влиянием тех или иных ситуаций, или психических травм, но только таких, которые предъявляют повышенные требования к месту наименьшего сопротивления.

Наиболее частыми нарушениями на фоне акцентуаций характера в подростковом возрасте бывают временные непсихологические девиации такие как наркомания, алкоголизация, бродяжничество, суицидальное поведение и другие формы проявления девиантного поведения. Стоит отметить, что устраняет эти девиации смена обстановки на более благоприятную. Причинами возникновения и развития акцентуаций характера у подростка являются факторы, выделенные П. Б. Ганнушкиным, которые тесно взаимодействуют между собой:

– биологические факторы: влияние пренатальных, натальных и ранних постнатальных опасностей на головной мозг, который формируется в раннем онтогенезе; неблагоприятная наследственность, включающая в себя определенный тип ВНД, алкоголизм родителей, предопределяющий тип акцентуации характера; органическое поражение головного мозга. т. е. черепно-мозговые травмы, инфекции головного мозга и т.п.; «пубертатный кризис»;

– социально-психологические факторы: подростковый кризис; нарушения воспитания подростка в семье; школьная дезадаптация; психическая травма.

В предложенной А. Е. Личко классификации акцентуаций характеров у подростков выделяется одиннадцать типов: гипертимный, лабильный, сенситивный, циклоидный, астено-невротический, шизоидный, психо-стенический, неустойчивый, истероидный, конформный, эпилептоидный.

При каждом типе акцентуации имеются присущие ему «слабые места», которые отличаются от других типов. При этом для каждого типа акцентуации существуют более и менее характерные формы девиантного поведения. Б. С. Волков в учебном пособии «Психология подростка» характеризует подростков с разными типами акцентуации характера и характерными формами девиаций:

– гипертимный тип активен, энергичен, почти всегда в хорошем настроении. Стремится к лидерству и проявляет лидерские качества. Раздражителен, бурно реагирует на фрустрирующие ситуации. Склонен к девиациям. При этом для таких подростков суицидальное поведение практически нехарактерно. Стремятся к новому, неизвестному, что может привести к асоциальной компании. Часто вступают в ранние сексуальные связи;

– циклоидный тип. Для данного типа характерна частая смена настроения. Депрессивные состояния, склонность к суицидальным мыслям и поведению. При этом часто доводят дело до конца;

– лабильный тип. Характерна непредсказуемая смена настроения. От настроения зависит все, и поведение, и аппетит, и учеба, и общение, и другие сферы жизни подростка. Обладает адекватной самооценкой. Возможен поиск эмоциональных контактов в асоциальных компаниях. В состоянии аффекта вероятны суицидальные попытки;

– астеноневротический тип. Характерна хроническая усталость, ипохондрия, повышенное внимание к своему здоровью. При утомлении нередко аффективные вспышки по любому поводу. Этот тип акцентуации лежит в основе развития неврастении, острых аффективных реакций, реактивных депрессий, ипохондрических проявлений;

– сензитивный тип. Две главные черты данного типа – это сильная впечатлительность и чувство собственной неполноценности. Для них характерна замкнутость, неуверенность, необщительность, при этом завышенные морально-этические требования к себе. Избегает контактов. Часто прогуливают школу, склонны к побегам из дома. При самых неблагоприятных ситуациях склонны к суициду;

– психастенический тип характеризуется нерешительностью, склонностью к пространственным рассуждениям, тревожной мнительностью в виде страха за будущее свое и своих близких, склонностью к глубокому самоанализу и легкому возникновению навязчивых идей (мысли, переживания и т.п.). Часто формируется при доминирующей гиперопеке и повышенной моральной ответственности. Подросткам сложно самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность. Не склонны к девиациям, но часто болезненно привязываются к близкому человеку;

– шизоидный тип. Характерна замкнутость, отсутствие эмпатии, нарушения в коммуникативных навыках. Могут совершить серьезные правонарушения за компанию, чтобы добиться принятия в группу. Сексуальные преступления совершаются в одиночку;

– эпилептоидному типу свойственно впадать в состояния гневно-тоскливого настроения с постепенным нарастанием раздражения и поиском объекта, на который можно было бы выплеснуть свой гнев. Связано это с аффективно-взрывным характером. Стремится к лидерству, власти над сверстниками. В мышлении инертен, в делах дотошно точен и чрезмерно исполнительен, приказам подчиняется беспрекословно. «Слабыми местами» являются нетерпимость неповиновения себе и невыносимость к материальным затратам. Этот тип является сложным для социальной адаптации. Истинные суицидальные действия у таких подростков крайне редки, чаще проявляются в форме явного суицидального шантажа;

– истероидный тип. Характерен эгоизм, жажда признания и поклонения. Высокая самооценка. Старается преподнести себя в лучшем, выигрышном свете. Поведенческие

нарушения могут использовать для привлечения внимания к своей персоне. Они склонны преувеличивать свои девиации, привлекая внимание других, т. е. имеют демонстративный характер. Юноши чаще скрывают свой сексуальный опыт, а девушки, наоборот, афишируют свои настоящие и фиктивные связи. Превозносят себя таким образом, чтобы с наибольшей вероятностью привлечь к себе внимание. Склонны к мелкому воровству, мошенничеству, вызывающей манере поведения в общественных местах. Нарушения поведения не серьезны, носят демонстративный характер, а так же от скуки или развлекательный характер («Не хочу жить «серой» жизнью»);

– неустойчивый тип. Характерно нежелание учиться, работать. Велика тяга к уличным компаниям, к развлечениям, получению удовольствий и праздности. При этом подчиняется более значимым сверстникам, проявляет безвольность. Планов на будущее не строит, живет настоящим. Избегает трудностей. Обладает неадекватной самооценкой. Рано начинается пьянство и всегда в компании асоциальных приятелей. Поиск необычных впечатлений легко приводит к правонарушениям. Ранний сексуальный опыт, в том числе извращения, являются результатом пребывания в уличных группах;

– конформный тип старается быть как все, не превлекать лишнего внимания, не выделяться. При этом много зависит от окружающей компании. В хороших условиях подростки с конформным типом положительные, прилежно учатся, работают. В плохой среде они усваивают законы, порядки и привычки этой среды.

Так же кроме этих одиннадцати типов у подростков наблюдаются смешанные типы характеров. Смешанный тип может формироваться и в результате наложения признаков одного типа на эндогенное ядро другого в силу каких-то хронических активных психогенных факторов. Называются эти смешанные типы – амальгамные.

Подведем итог вышесказанному: внешне сходные формы поведения, характеризующиеся как девиантные, могут быть обусловлены совершенно разными субъективными мотивами в зависимости от типа акцентуации характера. А. Е. Личко и И. Ю. Лавский выделяют следующие признаки высокого риска развития поведенческих расстройств у подростков: высокие показатели психологической склонности к правонарушениям и алкоголизму;

акцентуации характера неустойчивого типа, эмоциональная лабильность, epileptoидность; высокие показатели истерии; ярко выраженные реакции эмансипации или сокрытия личных отношений; крайне низкая конформность.

Наиболее часто девиантное поведение встречается среди подростков с акцентуациями неустойчивого, epileptoидного, шизоидного и гипертимного типов. Epileptoидно-неустойчивый встречается чаще среди смешанных типов. Как считает А. Е. Личко, именно акцентуации характера делают подростковый возраст «трудным». И поэтому вопрос о распространенности того или иного типа акцентуации среди подростков весьма уместен.

Список использованных источников

1 Волков, Б. С. Психология подростка / Б. С. Волков. – М. : Академический проект, 2005. – 208 с.

2 Гишинский, Я. И. Девиантное поведение подростков: состояние, проблемы, перспективы // Бюллетень защиты прав ребенка / Я. И. Гишинский. – СПб. : Питер, 1994. – С. 7–12.

3 Девиантное поведение подростков: проблемы и пути их решения ; под. ред. В. А. Никитина. – М. : Просвещение, 1996. – 147 с.

4 Личко, А. Е. Психопатия и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. – М. : ООО Апрель ПРЕСС, ЗАО изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 416 с.

5 Реан, А. А. Практическая психодиагностика личности / А. А. Реан. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 224 с.

А. В. Паргасевич

Научный руководитель: И. Н. Андреева, д-р психол. наук, профессор
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЧАСТЬЯ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И СУБЪЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ С ОТНОШЕНИЕМ К НАШЕЙ СТРАНЕ, С ИНТЕРЕСОМ К СОБЫТИЯМ В НАШЕЙ СТРАНЕ И ВНЕ ЕЕ У СТУДЕНТОВ

В статье отражено, что, чем в большей мере респонденты оценивают свои отношения с близкими как хорошие, тем более позитивным является их отношение к нашей стране; по мере роста интереса к нашей стране увеличиваются показатели шкал опросника субъективного социального благополучия: «Социальная заметность», «Социальное одобрение», «Общий показатель субъективного социального благополучия», «Положительные социальные суждения» и переменной Оксфордского опросника счастья «Уровень субъективного ощущения счастья».

Ключевые слова: счастье, психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное социальное благополучие.

Проблема счастья и психологического благополучия всегда является достаточно популярной в исследованиях психологов. Вплоть до сегодняшнего дня ученые демонстрируют активный интерес к проблеме счастья, дефицит которого ощущается в современном обществе.

Счастье – обширное понятие, которое означает наше отношение к жизни и нашу работу над собой [4]. Можно утверждать, что счастье – состояние переживания удовлетворенности жизнью, общая рефлексивная оценка человеком своего прошлого и настоящего, а также частота и интенсивность положительных эмоций [1].

Рассмотрим термины, сходные с понятием счастья по содержанию, но имеющие свою специфику, а именно: психологическое благополучие, субъективное социальное благополучие и удовлетворенность жизнью.

Психологическое благополучие рассматривается как интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью. Составляющими психологического благополучия являются субъективное социальное благополучие и удовлетворенность жизнью. Составляющими психологического благополучия являются субъективное социальное благополучие и удовлетворенность жизнью [3].

Понятия счастья и психологического благополучия часто рассматриваются психологами, как синонимичные термины. Однако в результате литературного анализа удалось выявить следующие различия между этими понятиями:

– признак счастья – удовлетворенность жизнью, а психологического благополучия – положительные эмоции, вовлеченность, смысл, хорошие отношения с людьми и различные достижения;

– счастье – реальное явление, а психологическое благополучие – абстрактное;

– теория счастья одномерна, т. к. является теорией приятных ощущений, в отличие от теории психологического благополучия, которая является многообразной по сути и методам. У составляющих благополучия есть объективные и субъективные компоненты.

Субъективное социальное благополучие (ССБ) – это интегральное социально-психологическое образование, которое отражает субъективную оценку успешности функционирования индивида в социальной среде [2].

Удовлетворенность жизнью – система отношений субъекта к собственной жизни, где важными компонентами выступают состояние психологического благополучия, комфорта и принятия содержания своего бытия [5].

Психологическое благополучие в юношестве связано с готовностью к самоопределению и определяется ценностями общества, в которой развивается личность. Юношеский возраст является тем периодом жизни, когда формируются установки, мировоззрение и ценностные ориентации, в том числе связанные с отношением к родной стране. Актуальность данного исследования заключается в том, что на современной выборке индивидов юношеского возраста впервые будут изучены взаимосвязи переменных счастья и психологического благополучия с отношением к родной стране и интересом к событиям в ней и вне ее.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты данной работы могут быть использованы педагогами и практическими психологами, работающими в вузе, с целью повышения уровня счастья и психологического благополучия у студентов через формирование у молодежи патриотических чувств и интереса к событиям внутри и вне нашей страны.

Цель исследования: выявить характер взаимосвязи счастья, удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного социального благополучия с оценкой отношения к нашей стране и интереса к событиям в стране и вне ее.

Гипотеза исследования: уровень счастья, удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного социального благополучия увеличивается по мере повышения оценки отношения к родной стране и интереса к событиям в ней и вне ее.

Методы исследования:

1. Эмпирический – метод опроса, был реализован при использовании батареи методик в следующем составе: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Л. В. Жуковская, Е. Г. Трошихина) [3], «Обновленный Оксфордский опросник счастья» М. Аргайл (перевод А. Лисицина) [1], шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (адаптация Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьев) [6], опросник «Субъективное социальное благополучие» (Т. В. Данильченко) [2].

Отношение к своей стране оценивалось по 10-балльной шкале (от 0 баллов (максимально отрицательное) до 10 (максимально положительное). Аналогично оценивался интерес к событиям в стране и вне ее (от 0 баллов (отсутствие интереса) до 10 (максимальный интерес).

2. Метод обработки данных – коэффициент ранговой корреляции r_s -Спирмена.

Выборка испытуемых составила 60 человек: 30 юношей и 30 девушек в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 19,2$, $SD = 1,3$).

Результаты исследования и их обсуждение.

На первом этапе исследования мы выдвинули следующее предположение: чем выше студенты оценивают отношение к нашей стране, тем выше у них показатели счастья, удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного социального благополучия. Для проверки данного предположения мы использовали коэффициент ранговой корреляции r_s -Спирмена (таблица 1).

Таблица 1 – Взаимосвязи счастья, удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного социального благополучия с отношением к нашей стране у студентов ($n = 60$)

Методика	Переменная	Отношение к нашей стране у студентов (r_s)	Уровень значимости
1	2	3	4
«Субъективное социальное благополучие» (ССБ)	Социальная заметность	0,04	0,73
	Социальная дистантность	0,07	0,57
	Хорошие отношения с близкими	0,25	0,05

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
	Социальное одобрение	-0,02	0,87
	Положительные социальные суждения	-0,08	0,55
	Общий показатель субъективного социального благополучия	0,07	0,59
«Шкала удовлетворенности жизнью»	Удовлетворенность жизнью	0,19	0,13
«Обновленный Оксфордский опросник счастья»	Уровень субъективного ощущения счастья	0,18	0,17
«Шкала психологического благополучия»	Автономность	-0,09	0,48
	Компетентность	0,08	0,53
	Личностный рост	0,06	0,66
	Позитивные отношения	0,09	0,50
	Жизненные цели	0,09	0,48
	Самопринятие	0,15	0,26
	Общий показатель психологического благополучия	0,13	0,33

Примечание. Здесь и далее: r_s – коэффициент ранговой корреляции Спирмена

Исходя из данных, представленных в таблице 1, следует, что при использовании коэффициента ранговой корреляции r_s -Спирмена обнаружена значимая слабая положительная корреляция ($p \leq 0,05$) оценки отношения к нашей стране и шкалы методики ССБ: «Хорошие отношения с близкими» ($p = 0,05$). Иными словами, чем в большей мере респонденты оценивают свои отношения с близкими как хорошие, тем более позитивными являются их чувства к нашей стране. По нашему мнению, эти результаты можно объяснить тем, что, когда человек счастлив в близком окружении, он переносит это состояние счастья и удовлетворенности жизнью на свою страну в целом.

На втором этапе исследования мы проверили предположение о том, что чем выше студенты оценивают интерес к событиям в нашей стране и вне ее, тем более выражены у них показатели счастья, удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного социального благополучия. Для проверки данного предположения использовался коэффициент ранговой корреляции r_s -Спирмена. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Взаимосвязи счастья, удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного социального благополучия с интересом к событиям в нашей стране и вне ее у студентов ($n = 60$)

Методика	Переменная	Отношение к нашей стране у студентов (r_s)	Уровень значимости
1	2	3	4
«Субъективное социальное благополучие»	Социальная заметность	0,37	0,003
	Социальная дистантность	-0,23	0,07
	Хорошие отношения с близкими	0,08	0,53

Окончание таблицы 2

1	2	3	4
	Социальное одобрение	0,31	0,01
	Положительные социальные суждения	0,30	0,02
	Общий показатель субъективного социального благополучия	0,34	0,01
«Шкала удовлетворенности жизнью»	Удовлетворенность жизнью	0,14	0,29
«Обновленный Оксфордский опросник счастья»	Уровень субъективного ощущения счастья	0,25	0,05
«Шкала психологического благополучия»	Автономность	-0,14	0,28
	Компетентность	0,25	0,06
	Личностный рост	0,21	0,11
	Позитивные отношения	0,11	0,40
	Жизненные цели	0,22	0,10
	Самопринятие	0,10	0,43
	Общий показатель психологического благополучия	0,19	0,14

Исходя из данных, представленных в таблице 2, следует, что при использовании коэффициента ранговой корреляции rs-Спирмена обнаружены значимые положительные умеренные корреляции ($p \leq 0,05$) между показателями интереса к событиям в нашей стране и вне ее и шкалами опросника субъективного социального благополучия: «Социальная заметность», «Социальное одобрение», «Общий показатель субъективного социального благополучия». Кроме того, были обнаружены положительные слабые корреляции ($p \leq 0,05$) со шкалой опросника субъективного социального благополучия «Положительные социальные суждения» и переменной Оксфордского опросника счастья «Уровень субъективного ощущения счастья». Это значит, что, с одной стороны, чем более социально значимыми чувствуют себя студенты, чем более они склонны верить в людей, чем выше они оценивают собственное социальное функционирование и субъективное социальное благополучие, тем более они склонны интересоваться событиями в нашей стране и вне ее. С другой стороны, если молодые люди интересуются информацией о жизни в нашей стране, и также в других странах, сопоставляют их и видят, что и в нашей стране есть много позитивного, наша страна многого достигла по мере своего развития, это является источником гордости за свою страну и других положительных эмоций, связанных с ней.

Переменные «Отношение к нашей стране» и «Интерес к событиям в нашей стране и вне ее», как показывают результаты исследования, иных достоверных связей с переменными счастья и психологического благополучия не образуют ($p > 0,05$).

В результате проведенного эмпирического исследования были выявлены следующие значимые положительные корреляционные связи:

1) между переменной «Отношение к нашей стране» и переменной опросника ССБ «Хорошие отношения с близкими»: чем лучше отношения с близкими людьми у студентов, тем более позитивно они относятся к нашей стране;

2) между переменными «Интерес к событиям в нашей стране и вне ее» и переменными опросника ССБ: «Социальная заметность», «Социальное одобрение», «Положительные социальные суждения», «Общий показатель субъективного социального благополучия», а

также переменной Оксфордского опросника счастья «Уровень субъективного ощущения счастья»: чем более социально значимыми чувствуют себя студенты, чем более они склонны верить в людей, чем выше они оценивают собственное социальное функционирование и субъективное социальное благополучие, тем более они склонны интересоваться событиями в нашей стране и вне ее; и напротив, если студенты проявляют интерес к событиям в нашей стране, и также в других странах, анализируют их, видят достижения нашей страны, то это является источником счастья и субъективного социального благополучия.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично.

Исходя из результатов исследования можно дать следующие *рекомендации* для педагогов и психологов, работающих в системе высшего образования нашей страны: для того, чтобы студенты позитивно относились к нашей стране, интересовались событиями в ней, необходимо вовлекать их в общественную жизнь, в разнообразные социальные связи, чтобы они чувствовали себя социально значимыми.

Список использованных источников

- 1 Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – СПб. : Питер, 2003. – 270 с.
- 2 Данильченко, Т. В. Питальник «Суб’єктивне соціальне благополуччя»: методологічне обґрунтування і процедура розробки / Т. В. Данильченко // East European Scientific Journal. – 2015. – № 3 (4). – С. 20–29.
- 3 Жуковская, Л. В. Шкала психологического благополучия К. Рифф / Л. В. Жуковская, Е. Г. Трошихина // Психологический журнал. – 2011. – Т 32, № 2. – С. 82–93.
- 4 Куликов, Л. В. Субъективное благополучие личности / Л. В. Куликов – СПб. : Питер. – 2004. – С. 162–164.
- 5 Любомирски, С. Психология счастья. Новый подход. / С. Любомирски. – «Питер», 2014. – 450 с.
- 6 Осин, Е. Н. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев // Сборник Материалов III Всероссийского социологического конгресса. – М. : Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publications.hse.ru/chapters/78753840>. Дата доступа: 01.06.2022.
- 7 Шамионов, Р. М. Психология субъективного благополучия личности / Р. М. Шамионов. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2004. – 180 с.

А. В. Рубанова

Научный руководитель: А. Н. Редюк

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ

В статье разъясняются особенности межличностных отношений у студентов. Эмпирически выясняется преобладающий тип отношений. Раскрываются различные проявления поведения, основываясь на одном ярко выраженном типе отношений у студента. Приводятся данные эмпирического исследования 1 юноши и 20 девушек в возрасте 17–21 года на основе методики «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири), реализованной на базе «Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины».

Ключевые слова: межличностные отношения, типы отношений, общение.

Межличностные отношения являются неотъемлемой частью в жизни каждого человека и играют огромную роль во всех сферах жизнедеятельности. Их качество зависит от таких показателей как общение, а также уровень достигнутого понимания между партнерами. Несмотря на возросший интерес к роли общения в межличностных отношениях, данная проблема все же остается не до конца изученной. При анализе межличностных отношений и возможности достижения в них взаимопонимания становится возможным объяснение некоторых социальных проблем развития общества, семьи, а также отдельной личности.

Каждому человеку присуща потребность вхождения в длительные тесные взаимоотношения, которые гарантируют положительные переживания и результаты. От качества межличностных отношений зависит психоэмоциональное состояние человека, потому что невозможно жить гармонично и спокойно, если в доме постоянно происходят ссоры с родными и близкими людьми, а среди друзей и коллег вечные недопонимания [1].

Межличностные отношения охватывают практически весь диапазон жизни человека, начиная от его отношения к большим социальным группам (нации, коллектив и т. д.) до микросоциальных отношений (семейных, отношений по принципу «взрослый – ребенок», «ребенок – ребенок» и др.).

Существуют различные особенности, которые обуславливают развитие межличностных отношений. К таким особенностям относятся пол, возраст, национальность, свойства темперамента, профессия, статус в обществе и др.

В основе межличностных отношений лежат разнообразные эмоциональные состояния людей, которые взаимодействуют друг с другом, а также их психологические особенности. Межличностные отношения, в отличие от деловых отношений, иногда называют экспрессивными, что подчеркивает их эмоциональную окраску [3].

Студенческий возраст является особым периодом, когда человек совершает переход от юности к зрелости. Юношеский («студенческий») возраст – начало взрослой, самостоятельной жизни.

В исследованиях таких ученых как Б. Г. Ананьева, Н. В. Кузьминой, А. А. Реан, В. И. Слободчикова, В. А. Слестенина и Е. И. Степановой, а также многих других исследователей накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, который позволяет говорить о том, что межличностные отношения студентов обуславливаются возрастными особенностями данной социальной группы, а также особенностями присущей ей деятельности [2].

Теоретический анализ проблемы межличностных отношений между студентами актуализировал проведение эмпирического исследования. В выборку были включены 1 юноша и 20 девушек в возрасте 17–21 года, обучающихся в учреждении высшего образования Республики Беларусь: «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». В качестве психодиагностического инструментария была применена методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири. Результатом, получаемым с помощью данной методики, является выяснение типа отношений к окружающим у студентов выборки.

По результатам проведенного эмпирического исследования типов отношений по у студентов по методике Т. Лири были получены количественные показатели по 8 группам. Полученные после расчета процентное соотношение по типам отношений у студентов отражены в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1 – Процентное соотношение типов отношений у студентов по методике Т. Лири (n = 20)

Типы отношений	Количество	
	человек	в %
1	2	3
I. Авторитарный	4	19,05
II. Эгоистичный	1	4,76

Окончание таблицы 1

1	2	3
III. Агрессивный	0	0,00
IV. Подозрительный	5	23,81
V. Подчиняемый	3	14,29
VI. Зависимый	1	4,76
VII. Дружелюбный	3	14,29
VIII. Альтруистический	4	19,05
Итого	21	100,00

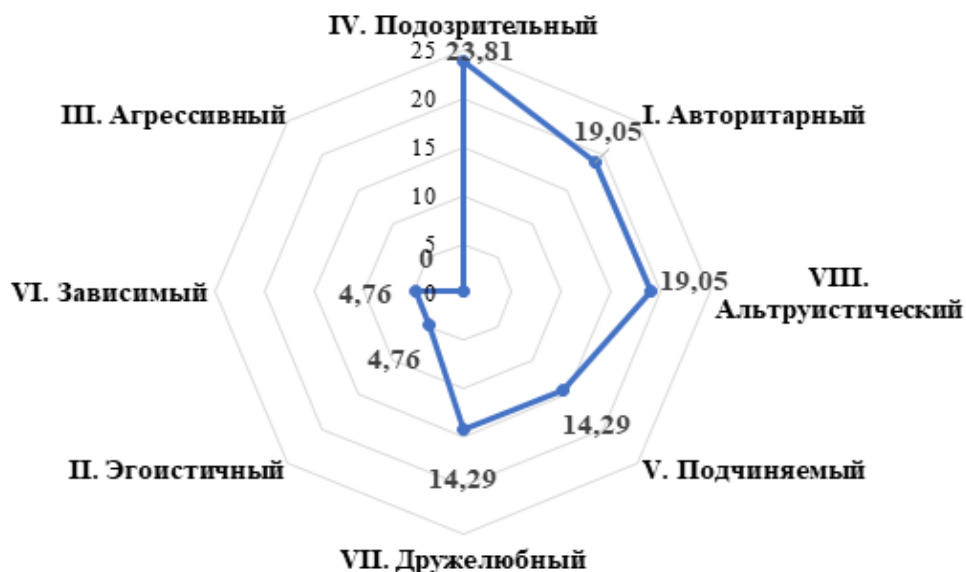

Рисунок 1 – Процентное соотношение типов отношений у студентов по методике Т. Лири (n = 20)

По данным таблицы 1 и рисунка 1 можно сделать следующий вывод: у большинства студентов – 23,81 % (5 человек) преобладающим типом отношений является подозрительный. Он характеризуется недовольством, подозрительностью, люди такого типа зачастую относятся к окружающим с выраженной склонностью к критицизму, а также являются крайне недоверчивыми и обидчивыми.

Одинаковое количество студентов обладает выраженными авторитарным и альтруистическим типом отношений, а именно 19,05 % (по 4 человека). Авторитарный тип характеризуется наличием лидерских данных, стремлением к доминированию, независимости, способность брать на себя ответственность. В то время как, для людей с альтруистическим типом отношений больше присуща деликатность, нежность, стремление заботиться о близких, а также терпимость к недостаткам и умение прощать.

Подчиняемый и дружелюбный типы отношений также наблюдаются у одинакового количества опрошенных студентов – 14,29 % (или 3 человека). У людей, которым свойственен подчиняемый тип отношений характерна полная покорность и повышенной чувство вины. Дружелюбный тип отношений характеризует способность к взаимопомощи, общительность, доброжелательность, внимательность.

Эгоистичным и зависимым типом отношений с другими характеризуется 4,76 % (1 человек) опрошенных. Эгоистичный тип отражает уверенность в себе, независимость, де-

ловитость, в крайнем проявлении – эгоистичность и черствость. А люди с зависимым типом отношений характеризуются уважительностью, благодарностью, стремлением доставлять радость партнеру.

Ни у одного из опрошенных студентов не наблюдаются ярко выраженные черты агрессивного типа отношений, т. е. никто не обладает чрезмерным упорством, недружелюбием, несдержанностью и вспыльчивостью, а также прямолинейностью и настойчивостью в достижении своих целей.

Список использованных источников

- 1 Бодалев, А. А. Психология межличностных отношений (к 100-летию со дня рождения В. Н. Мясищева) / А. А. Бодалев // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 86–91.
- 2 Данилова, Е. Л. Особенности межличностных отношений в студенческой группе / Е. Л. Данилова // Актуальные вопросы современной психологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2013 г.). – Т. 0. – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 70–72.
- 3 Куницына, В. Н. Межличностное общение. / В. Н. Куницына – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.

А. А. Сивакова

Научный руководитель: О. А. Короткевич
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ СТИЛЕМ ЧУВСТВА ЮМОРА

В статье рассматривается проблема формирования коммуникативной компетентности личности. Автор приводит результаты эмпирического исследования психологических особенностей коммуникативной компетентности юношей и девушек с разным стилем чувства юмора.

Ключевые слова: юношеский возраст, коммуникативная компетентность, чувство юмора, стиль чувства юмора, аффилиативный стиль юмора, самоподдерживающий стиль юмора, агрессивный стиль юмора, самоуничижительный стиль юмора.

Основополагающим принципом современного образования стал компетентностный подход. Коммуникативная компетентность в профессиях, относимых к разряду «человек – человек», является профессионально значимым образованием. Современное общество предъявляет высокие требования к коммуникативной компетентности и к психологической культуре личности в целом во всех сферах социальной жизни.

Согласно А.А. Бодалеву, коммуникативная компетентность – это способность к установлению и поддержанию эффективных контактов с окружающими благодаря внутренним ресурсам (знаниям и умениям).

Л.А. Петровская считает, что «компетентность в общении» предполагает субъект-субъектный подход, основанных на законах психологического равенства и гуманистической установке [1].

Одним из коммуникативных качеств человека, помогающих развитию и установлению отношений между людьми и характеризующим его как личность, выступает юмор. В современном социуме, где высоко ценятся идеалы солидарности, творчества и толерантности, юмор является интеграционным фактором. Кроме этого юмор может способствовать успешной социальной адаптации, препятствовать развитию стресса.

Теоретический анализ литературы по проблеме коммуникативной компетентности юношей и девушек с разным стилем чувства юмора актуализировал проведение эмпирического исследования. Выборочную совокупность составили 132 человека: 77 юношей и 55 девушек 1–2 курса, обучающихся в Филиале «Гомельский государственный дорожно-строительный колледж имени Ленинского комсомола Белоруссии» учреждения образования «Республиканский институт профессионального образования». Средний возраст испытуемых составил 17,2 года. Методики исследования: Опросник стилей юмора Р. Мартина и Тест коммуникативных умений Л. Михельсона (автор: Л. Михельсон, перевод и адаптация Ю. З. Гильбуха).

Для диагностики предпочтительного использования разных видов или стилей юмора у исследуемых был использован опросник стилей юмора Р. Мартина. Анализ результатов исследования представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Анализ результатов исследования стилей юмора юношей и девушек с помощью опросника «Стилей юмора» Р. Мартина

Стиль чувства юмора	Аффилиативный стиль юмора		Самоподдерживающий стиль юмора		Агрессивный стиль юмора		Самоуничижительный стиль юмора	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Пол	31 %	27 %	47 %	51 %	13 %	7 %	9 %	15 %
Всего по выборке	30 %		42 %		12 %		16 %	

Предпочтительным стилем юмора у испытуемых является аффилиативный стиль, который был выявлен у трети респондентов (30 %). Можно сделать вывод, что юноши (31 %) и девушки (27 %) в равной степени выбирают этот стиль, направленный в большей степени на добродушное, шутивное взаимодействие с другими. Это может свидетельствовать об успешном становлении и поддержании ими межличностных отношений, оптимистичности, открытости новому опыту, ощущении ими самопринятия и самооценности, преобладании у них позитивных эмоций и хорошего настроения.

У большинства респондентов (42 %) был выявлен самоподдерживающий стиль юмора, который подразумевает умение сохранять чувство юмора перед лицом проблемной ситуации и относиться к ней с оптимизмом, и, по данным исследований, связан с умением дистанцироваться от сложной ситуации, положительной переоценкой трудностей и открытостью новому опыту. Можно предположить, что умение находить положительные стороны в трудной ситуации, поддерживать оптимистичный настрой позволяют чувствовать себя более уверенно в управлении как собственным состоянием в процессе общения, так и состоянием собеседника или аудитории. Данный тип конструктивного юмора был выявлен у 51 % девушек и 47 % юношей.

Самоуничижительный стиль юмора, направленный против себя самого, был выявлен у 16 % опрошенных. Люди с таким стилем юмора позволяют другим шутить над собой, делая себя объектом шуток и разделяют с ними этот смех. Они испытывают трудности в отстаивании своих прав, чаще всего у них низкая самооценка и высокая потребность в принятии, хотя они меньше всего воспринимаются окружающими как остроумные и веселые. Среди юношей данный стиль был выявлен только у 9 %, что может говорить о том, что они не позволяют делать себя объектом насмешек окружающих, так как это может навредить их самооценке, а также статусу в обществе.

У 12 % опрошенных юношей и девушек был выявлен агрессивный стиль юмора, который направлен на других, включает в себя сарказм, насмешки, остроты в отношении других, и используется в целях манипулирования другими. Люди, использующие данный стиль юмора, ча-

сто не могут справиться с желанием подшутить над кем-то, даже если шутка может кого-то обидеть. Этот стиль юмора связан с враждебностью, гневом и агрессией и является деструктивным, так как направлен на других. Данный стиль был выявлен только у 7 % девушек, так как он представляет собой насмешки и сарказм, что менее свойственно женской натуре.

Таким образом, респонденты в большей степени предпочитают использовать в общении аффилиативный и самоподдерживающий стили юмора – они легко и часто шутят, в общении стараются поддерживать положительные эмоции и настроение, что способствует развитию и укреплению межличностных отношений.

Рассмотрим тип поведения в общении юношей и девушек с помощью методики «Текст коммуникативных умений» Л. Михельсона (адаптация Ю. З. Гильбуха), результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты диагностики типа поведения в общении юношей и девушек с помощью методики «Текст коммуникативных умений» Л. Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха)

Тип поведения в общении	Зависимая позиция в общении		Компетентная позиция в общении		Агрессивная позиция в общении	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
пол	18 %	22 %	66 %	69 %	16 %	9 %
Всего по выборке	20 %		67 %		13 %	

Данные, представленные в таблице 2, позволяют говорить о том, что 69 % девушек и 66 % юношей демонстрируют компетентный тип реагирования в общении, что соответствует высокому уровню надежного товарищеского стиля общения и умению регулировать ответную реакцию соответственно самой ситуации. Такой стиль предполагает демонстрацию развитых навыков вступления в межличностный контакт и его поддержания, умение выражать и идентифицировать чувства других. В тоже время эти респонденты умеют поддерживать свои психологические границы и урегулировать потенциально конфликтные ситуации.

Зависимый тип общения был выявлен у 22 % девушек и у 18 % юношей, что может свидетельствовать о низкой автономности их принципов, позиций и суждений и значительной ориентации на мнение значимых других.

Агрессивный тип реагирования также присутствует во всех группах, но таких испытуемых немного: 9 % девушек и 16 % юношей используют агрессивную модель общения. Этот стиль характеризуется склонностью реагировать грубо, высказывать безапелляционные суждения, что может травмировать других людей.

Анализ результатов, полученных данных с целью выявления уровня сформированности коммуникативных качеств у юношей и девушек представлен на рисунке 1.

Согласно данным представленным на рисунке 1, можно сделать вывод о том, что у испытуемых, у которых была выявлена зависимая позиция в общении (46 %) и компетентная позиция в общении (46 %), умения оказывать и принимать знаки внимания развиты на высоком уровне.

Умение реагировать на справедливую критику (58 %), умения реагировать на несправедливую критику (64 %), реагирование на провоцирующее поведение (71 %), умения обращаться с просьбой (72 %) развиты у испытуемых преимущественно с компетентным типом общения.

У испытуемых умение ответить отказом на чужую просьбу тип общения зависимый (42 %). Результаты исследования показывают, что умения самому оказать поддержку (100 %), умение самому принимать сочувствие и поддержку (73 %), умение вступить в контакт с другим человеком (87 %), реагирование на попытку вступить с тобой в контакт (75 %) развиты у испытуемых с таким типом общения как компетентным.

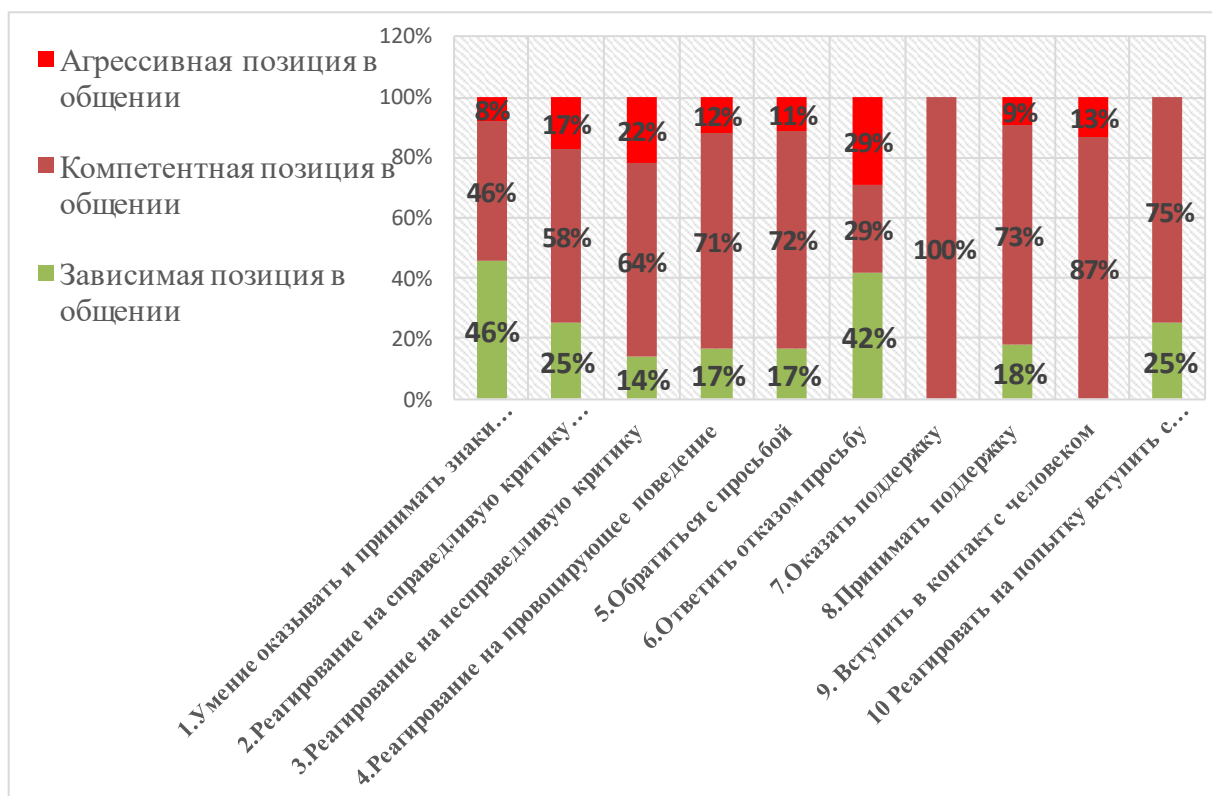

Рисунок 1 – Результаты диагностики коммуникативных умений с помощью методики «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона (адаптация Ю. З. Гильбуха)

По данным методики «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона (адаптация Ю. З. Гильбуха) можно, сделать вывод, что большинство испытуемых используют компетентный тип общения. Большинство испытуемых с компетентным типом общения используют самоподдерживающий стиль юмора 86 %, который предполагает ироничный взгляд на происходящие события и демонстрацию веры в позитивное будущее.

Наибольшее количество испытуемых (48 %) с зависимым типом общения используют самоуничижительный стиль юмора, позволяют другим подшучивать над собой и готовы проявить иронию по отношению к самому себе.

Испытуемые с агрессивным типом общения используют агрессивный стиль юмора (44 %). Поведение таких испытуемых характеризуется неповиновением внешним запросам, неконформистскими действиями, сложностью в развитии конструктивных эмоциональных отношений. Этот стиль юмора связан с враждебностью и гневом адресованных другим людям.

В результате статистического анализа данных с использованием Т-критерия Стьюдента не удалось установить статистически значимые различия в уровне коммуникативной компетентности юноше и девушек с разным стилем юмора.

Полученные теоретические и эмпирические данные могут быть использованы в работе практического психолога по развитию коммуникативной компетентности юношей и девушек с разным стилем юмора, а также в психологическом просвещении юношества, родителей и педагогов.

Список использованных источников

1 Петровская, Л. А. Общение-компетентность-тренинг / Л.А. Петровская. – М. : Смысл. – 2007. – 688 с.

Т. В. Туркова

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

КОРРЕКЦИЯ ДЕТСКИХ СТРАХОВ СКАЗКОТЕРАПИЕЙ

Статья посвящена проблеме детских страхов и их коррекции. В статье представлены результаты исследования детских страхов (методика А. И. Захарова «Страхи в домиках» и проективная методика «Мои страхи» А. И. Захарова). Описана работа психолога с детскими страхами в рамках сказкотерапии. Представлены результаты проведенной коррекционной работы.

Ключевые слова: страх, детские страхи, тревожность, сказкотерапия, профилактика и коррекция.

Страх принадлежит к категории фундаментальных эмоций человека. Чувство страха появляется непроизвольно и сопровождается выраженным чувством волнения, беспокойства или ужаса. Причинами страха могут быть события, условия или ситуация, которые являются сигналом опасности, но также это может быть и присутствие чего-то угрожающего либо отсутствие того, что обеспечивает безопасность [1].

Феномен страха подвергался изучению в отраслях психологии и педагогики как отечественными (А. И. Захаров, В. В. Зеньковский, А. С. Спиваковская, М. А. Панфилова, Р. В. Овчарова, Ю. Л. Неймер и др.), так и зарубежными (Д. Боулби, У. Джемс, С. Томкинс, Дж. Уотсон и др.) исследователями.

Одним из самых эффективных методов, который способствует коррекции страхов детей старшего дошкольного возраста является сказкотерапия. Можно выделить таких исследователей, как А. И. Захаров [3], В. С. Мухина, А. М. Прихожан [5] и др., которые утверждали, что именно метод сказкотерапии помогает преодолевать детские страхи.

Сказкотерапия – это процесс поиска смысла, расшифровки знаний о мире и системе взаимоотношений в нем, переноса сказочных смыслов в реальность; процесс объективизации проблемных ситуаций, активизации потенциала личности, всестороннего образования и воспитания; терапия средой, особой сказочной обстановкой, в которой могут проявиться потенциальные части личности, нечто нереализованное, может материализоваться мечта, а главное – в ней появляется чувство защищенности и аромат тайны [4].

Сказкотерапия помогает решить большое количество задач и характеризуется диагностической, психотерапевтической, коррекционной, реабилитационной и социальными функциями. Она способствует развитию фонематического слуха, образного и творческого мышления. Направлена на решение проблем с эмоционально-волевым контролем поведения, на коррекцию речевых нарушений, способствует совершенствованию вербального языка, умению устанавливать причинно-следственные связи, формированию личности в целом [2].

Актуальность метода сказкотерапии в том, что сказки – это естественная составляющая повседневной жизни детей. Ребенок, находясь в сказке, взаимодействует со многими сказочными героями и, как в жизни, ищет пути решения проблем, которые встают перед ним.

Сказка побуждает ребенка сопереживать персонажам, в результате чего у него появляются новые представления о людях, предметах и явлениях окружающего мира, а также новый эмоциональный опыт. Во время работы над сказкой ребенок может получить способы борьбы с собственными страхами и его эмоциональный мир может становиться более ярким. Процесс сказкотерапии может позволить ребенку осознать свои проблемы, а также увидеть пути их решения. Воспринимая сказку, ребенок обычно сравнивает себя со сказочным героем, а это в свою очередь позволяет ему понять, что не только у него есть такие проблемы и переживания. Также сказка помогает найти пути решения возникших конфликтов, выход из

различных сложных ситуаций. Все это может положительно влиять на коррекцию страхов детей старшего дошкольного возраста. Знакомство дошкольника со сказкой, инсценировка сюжета способствуют развитию творческих способностей ребенка, психических функций, помогает избавиться от страхов, тревожности и агрессии.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Государственного учреждения образования «Ясли-сад №96 г. Гомеля», на базе Государственного учреждения образования «Ясли-сад №111 г. Гомеля» и на базе Государственного учреждения образования «Прибытковский ясли-сад». В исследовании принимали участие 60 детей в возрасте 5–6 лет, из них 36 мальчиков и 24 девочки.

Для исследования страхов у детей старшего дошкольного возраста, были подобраны следующие психодиагностические методики:

- методика А. И. Захарова и М. А. Панфиловой «Страхи в домиках»;
- проективная методика А. И. Захарова «Мои страхи».

Исходя из полученных результатов по методика А. И. Захарова и М. А. Панфиловой «Страхи в домиках», можно сделать вывод, что дети наиболее подвержены таким страхам как: смерти; уколов; войны; того, что умрут родители; животных; огня; пожара; нападения; неожиданных и резких звуков, стихий; страшных снов; остаться одному; глубины; сделать что-то плохо.

Проективная методика А. И. Захарова «Мои страхи» позволила выявить, что большинство детей нарисовали «Сказочных персонажей»: мумия, инопланетяне, зомби, роботы, Пикачу, привидения, монстры, Кощей, Шрек, Сиреноголовый, дом из мультика, зелень в банке в мультике, клоун, что составило 38,33% от общего числа детей. 28,33% детей нарисовали животных (змеи, медведи, коты, пауки, жуки, собаки, крыса, лев). 5% детей нарисовали стихийные бедствия (водоворот, гроза, вулкан, черная дыра), глубину, темноту, нападение. 3,33% нарисовали транспортные средства (самолет, дорога) и огонь. 1,67% детей нарисовали высоту, резкий звук/неожиданное падение, кровь, смерть, врача.

Нами была составлена программа коррекционной работы по устранению страхов у детей старшего дошкольного возраста посредством метода сказкотерапии. Занятия проводились с одной группой детей, в которую входило 10 человек. Задачи программы:

- нейтрализовать страхи и эмоционально-отрицательные переживания у детей;
- повысить уверенность в себе;
- развить коммуникативные навыки;
- развить образное и креативное мышление, воображение;
- снизить уровень тревожности.

Программа включает в себя девять блоков занятий:

- «Первичная диагностика страхов детей». Цель: Выявление и уточнение преобладающих видов страхов у детей;
- «Давай знакомиться». Цель: Установление контакта с психологом и детьми, формирование взаимопонимания и сплоченности; раскрепощение детей;
- «Мы это преодолеем». Цель: Создать благоприятные условия для активизации детей, способствовать развитию поиска путей для преодоления чувства страха;
- «Я не боюсь». Цель: Коррекция различных страхов;
- «Я лучше, чем я думаю». Цель: Формирование у детей положительных эмоциональных реакций в отношении себя, чувства собственной значимости, своей внешности, формирование желания нравиться себе и другим людям;
- «Я преодолею этот страх». Цель: Коррекция страхов;
- «У меня все получится». Цель: Развитие у детей чувства уверенности в себе, в собственных силах, актуализация потенциала каждого ребенка, его достоинств;
- «Подводим итоги». Цель: Подвести итог всей проделанной работе;
- «Повторная диагностика». Цель: Выявление и уточнение преобладающих видов страхов у детей.

При апробации коррекционной программы было проведена первичная и повторная диагностика экспериментальной группы и контрольной группы.

Больше всего снизились такие страхи, как: страх темноты со 100% к 50%, страх глубины с 80% к 30%, страх животных с 80% к 40%, страх высоты с 90% к 40%, страх крови с 80% к 40%, страх уколов с 70% к 30%, страх боли с 80% к 40%, страх сделать что-то плохо с 90% к 30%.

Также была проведена статистическая обработка с помощью t-критерия Стьюдента с использованием программы компьютерной интегрированной системы обработки данных SPSS. Были выявлены статистически значимые различия, что подтверждает эффективность коррекционной программы.

Разработанная коррекционная программа по устранению страхов у детей старшего дошкольного возраста посредством метода сказкотерапии позволила зафиксировать то, как существенно снизился уровень страха у старших дошкольников из экспериментальной группы. Данная программа достаточно легка и удобна в реализации, потому что детям нравятся сказки, из-за этого их легко было заинтересовать сюжетом сказок и вовлечь в нашу коррекционную работу. Проигрывание сказок и детских страхов позволило грамотно и эффективно проработать и устранить их.

Список использованных источников

1 Белановская, О. В., Гендерные различия проявления страхов в подростковом и юношеском возрасте / О. В. Белановская // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2016. - № 8-2(16). – С. 116–121.

2 Вачков, И. В. Сказкотерапия в работе детского психолога / И. В. Вачков // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – 2008. – №4. – С. 50–55.

3 Захаров, А. И. Дневные и ночные страхи у детей. / А. И. Захаров. – СПб. : Питер, 2000. – 400 с.

4 Клименко, К. В. Коррекционный метод – сказкотерапия / К. В. Клименко // Гуманитарный трактат. – 2017. – №18. – С. 67–75.

5 Прихожан, А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст / А. М. Прихожан. – 2 - е изд. – СПб. : Питер, 2007. – 192 с.

6 Туркова, Т. В. Коррекционная работа посредством сказкотерапии / Т. В. Туркова // Векторы психологии: психолого-педагогическая безопасность личности в современной образовательной среде [Электронный ресурс] : III Междунар. заочная науч.-практ. конф. (Гомель, 1 июля 2021 года) : сборник материалов / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Т. Г. Шатюк (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 296-299. Режим доступа : <http://elib.gsu.by/jspui/handle/123456789/46424>. Дата доступа : 01.06.2022.

В. А. Филипченко

Научный руководитель: О. А. Короткевич
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКЛОННОСТИ К МАНИПУЛИРОВАНИЮ ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ ПОДРОСТКОВ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ Z

В статье рассматриваются современные взгляды исследователей на проблему манипуляции в социальных и межличностных отношениях, обосновываются отличительные особенности молодежи поколения Z. Автором приводятся результаты эмпирического исследо-

вания психологические особенности склонности к манипулированию другими людьми подростков цифрового поколения Z.

Ключевые слова: манипуляция, макиавеллизм, манипулятивный стиль, межличностные отношения, подростки, поколение Z.

Человек применяет самые различные приемы манипулирования другими людьми с целью достижения собственной выгоды с рождения и до конца жизни. Межличностное взаимодействие, основанное на манипулятивных приемах, транслируется отношение к другому как к средству достижения собственных целей. В последнее время многие люди из разных сфер жизнедеятельности (политики, торговли, сфере услуг) для более эффективного влияния все чаще прибегают именно к технологиям манипулирования. Существует мнение, что среди современной молодежи, то есть среди представителей цифрового поколения Z, манипулятивный стиль общения особенно распространен. Представителями данного поколения являются люди, родившиеся в начале 2000-х годов. Это поколение, за которым стоит будущее, а сегодня большинство из представителей поколения Z учатся в высших учебных заведениях или колледжах и вскоре будут вносить свой вклад в развитие общества. Представителей этого поколения отличает целый ряд характеристик: они менее общительны, им трудно заводить друзей, они мало читают, но при этом они способны эффективно действовать в условиях многозадачности, у них доминируют визуальное восприятие информации и транзактивная память (так называемый эффект Google).

Е. Л. Доценко, занимавшийся долгое время исследованием феномена «манипуляции», выделил несколько общих критериев, характерных для ее осуществления: намерение обмана, скрытность воздействия, стремление к господству, эксплуатация, контроль, принуждение, использование другого в качестве вещи или объекта и так далее. На основе этих критериев он предлагает свое определение понятия манипуляция: манипуляция является видом определенного психологического воздействия, при котором манипулятор скрыто воздействует на психику другого человека, в следствии чего у него появляются такие цели, желания, намерения, установки, которые не совпадают с его собственными.

Наше эмпирическое исследование проводилось на базе ГГУ имени Франциска Скорины. В исследовании принимали участие 82 представителя поколения Z (66 женщин и 16 мужчин) в возрасте от 17 до 22 лет. Исследование проводилось с помощью двух методик:

– шкала манипулятивного отношения, разработанная Т. Бантом;

– шкала макиавеллизма личности (Мак-шкала), разработанная Р. Кристи и Ф. Гейс (мак-шкала в адаптации В. В. Знакова).

С целью изучения уровня выраженности макиавеллизма личности применялась Шкала макиавеллизма личности (Мак-шкала), разработанная Р. Кристи и Ф. Гейс (в адаптации В. В. Знакова). Общие результаты по данной методике представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования уровня макиавеллизма у представителей поколения Z, полученные с помощью опросника Шкала макиавеллизма личности (Мак-шкала), разработанная Р. Кристи и Ф. Гейс (в адаптации В.В. Знакова)

Уровень макиавеллизма	Количество человек	Процентное соотношение, %
Высокий	1	1,22
Средний	78	95,12
Низкий	3	3,66

Исходя из полученных эмпирических данных, следует, что высокий уровень макиавеллизма присутствует только у 1,22 % испытуемых. Для людей с таким уровнем характерен так называемый «синдром хладнокровия» – сопротивление социальному влиянию, ориентация на понимание, инициирование новых структур и контроль над ними. Они также проявляют наибольшую эффективность в ситуациях, которые требуют когнитивную импровизацию. В целом высокий уровень макиавеллизма означает спокойствие и отсутствие эмоциональности, ориентацию на цель и стремление достичь ее в конкурентной борьбе с другими людьми. Эмоции окружающих, личные желания оставляют людей с таким уровнем макиавеллизма невозмутимыми. Также следует отметить, что именно такие люди становятся лидерами в коллективе. Они способны убедить последователей и направить их действие в нужное русло для достижения, поставленных людьми с высоким уровнем макиавеллизма, целей.

Стоит сказать, что субъекты с высокими показателями по данной шкале стремятся говорить правду, они критичны, прямолинейны, очень настойчивы в достижении собственных целей. Эти люди склонны пренебрегать социальным одобрением и иметь особое мнение отличное от мнения большинства. Они очень уверены в себе, чувствуют собственное превосходство и независимость. Кроме того, для них характерна саморефлексия, наличие внутренних конфликтов и общий негативный эмоциональный фон. Они тщеславны, любят лесть и умеют приспосабливаться к любой ситуации.

Очевидно, что субъекты с высоким показателем макиавеллизма часто манипулируют другими и делают это очень умело и эффективно, они испытывают недоверие к окружающим людям, держатся от них обособленно. Однако, несмотря на это, некоторые исследования говорят о том, что они более коммуникабельны и убедительны независимо от того говорят они правду или лгут. Западные ученые выделили следующие психологические характеристики характерные для людей с высокими показателями по МАК-шкале: умный, амбициозный, смелый, доминирующий, настойчивый, эгоистичный.

У 95,12 % испытуемых средний уровень выраженности личностного макиавеллизма. На среднем уровне макиавеллизма происходит, в основном, избегание негативных последствий, ограждение себя от них любыми способами. Манипуляцию они применяют только в определенных ситуациях, часто не для своей выгоды, а по социальным соображениям.

Низкий уровень макиавеллизма выявлен у 3,66 % испытуемых. Данные показатель говорит о том, что для этих людей характерна застенчивость, вежливость, доброта, сострадательность, сердечность. У них хорошо развита эмпатия к окружающим, они очень понимающие и уступчивые. Они испытывают потребность в помощи со стороны, доверии, признании окружающими. Для них также характерно стремление к тесному сотрудничеству и дружеское отношение к окружающим людям. Кроме того, люди с таким показателем макиавеллизма почти всегда говорят правду, очень доверчивы и добросовестны.

Также низкий уровень макиавеллизма означает восприимчивость к социальному влиянию, ориентацию на личность, принятие социальной структуры и следование ей. В общении люди с таким уровнем очень эмоциональны, они ориентированы на личность, а не достижение поставленных целей как в случае с людьми с высокими показателями по Мак-шкале. Можно сказать, что они зависимы от эмоций и давления со стороны общества. Часто они не могут дать рациональную оценку ситуации так как размышляют под влиянием эмоций. Обобщенными психологическими характеристиками для описания людей с низким уровнем макиавеллизма являются: трусливый, нерешительный, поддающийся влиянию, честный, сентиментальный, надежный. В целом для людей с низкими показателями по Мак-шкале более свойственны положительные черты, вроде честности, надежности, сострадательности.

Для выявления уровня склонности к манипулированию другими людьми применялась методика «Шкала манипулятивного отношения Т. Банта». Обобщенные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования уровня манипулятивного отношения у представителей поколения Z, полученные с помощью методики «Шкала манипулятивного отношения Т. Банта»

Показатели	Количество человек	Процентное соотношение, %
Высокий	3	3,66
Средний с тенденцией к высокому	57	69,51
Средний с тенденцией к низкому	22	26,83
Низкий показатель	0	0

По полученным данным у 3,66 % испытуемых высокий показатель манипулятивного отношения, что свидетельствует о том, что они склонны использовать других для удовлетворения своих собственных потребностей. Можно сказать, что для этих людей свойственны те же особенности, что и для испытуемых с высоким показателем уровня макиавеллизма. То есть они нацелены на достижение собственных целей, используя при этом других людей, манипулируя ими. Они очень хладнокровны и избегают близких, эмоциональных отношений. Они независимы и амбициозны, достигают хороших результатов в любой деятельности.

У 69,51 % испытуемых выявлен средний показатель с тенденцией к высокому, у 26,83 % – средний с тенденцией к низкому. Средний уровень с тенденцией к высокому говорит о том, что человек способен адекватно оценивать необходимость использовать манипулятивное воздействие по отношению к другим. Средний уровень с тенденцией к низкому говорит о редком использовании манипуляций в поведении испытуемых, они не склонны управлять людьми для получения собственной выгоды.

Испытуемых с низким показателем манипулятивного отношения по шкале Банта выявлено не было.

Практическая значимость исследования: результаты исследования психологических особенностей склонности к манипулированию другими людьми подростками поколения Z, могут быть использованы в работе педагога-психолога в рамках профилактической деятельности с целью предупреждения манипулятивного воздействия в группе подростков.

СЕКЦИЯ 2

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. В. Бутько

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Республика Беларусь

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ИСКУССТВО

В статье анализируются формы проявления эстетического потенциала в спортивной деятельности, а также выявлена взаимосвязь физического воспитания с эстетическим, которая основана на единстве их цели – формирование человека, а физическое совершенство составляет часть эстетического материала.

Ключевые слова: спорт, искусство, спортивная деятельность.

В современном обществе все чаще стала затрагиваться тема искусства в спорте. За это время сложилось суждение о том, что спорт – это не только разновидность искусства – это и есть искусство или одна из его форм. В настоящее время не вызывает сомнения факт, что физическая культура и спорт представляют собой социокультурный феномен, так как с ними связан необычайно широкий круг гуманистических, культурных, духовных ценностей, позволяющих сознательно, целенаправленно и весьма эффективно воздействовать на самые разнообразные физические, психические, духовные качества и способности людей.

Очень много об изящности и красоте спорта рассуждал американский ученый Б. Лоу [1]. Он ставил перед собой и общественностью следующий вопрос: стоит ли рассматривать спорт как составную часть искусства, а самого спортсмена – артистом? У каждого было свое мнение на этот счет, однако сам Б. Лоу дал утвердительный ответ на поставленный вопрос. Он считал, что выражение искусства спортсменом происходит за счет его тела. Искусство спортсмена может существовать ради самого процесса и ради результата. Это дает право сказать, что искусство ничем не отличается от какой-либо художественной деятельности иного артиста. Конечно же, результаты всегда будут разными. Спорт – он, как и танец, живет – пока исполняется.

Подобного мнения придерживались и иные исследователи, в частности, знаменитый балетмейстер К. Голейзовский, тренер по фигурному катанию Э. Тутберидзе, главный тренер по художественной гимнастике И. Винер-Усманова.

Спорт зачастую связывают с различными видами искусства, в большинстве случаев с театром, танцем и скульптурой. Наравне с искусством отождествляются некоторые виды спорта. Здесь обычно имеются в виду художественные виды спорта:

- художественная гимнастика;
- синхронное плавание;
- фигурное катание;
- фехтование;
- шахматы и прочее.

Художественную гимнастику можно охарактеризовать как гармоничное объединение самого спорта и искусства. Занятие данным видом гимнастики требует развитых определенных способностей, таких, как сила, выносливость, ловкость и тому подобное. Художественной гимнастикой чаще всего занимаются девушки. Перед гимнастками стоит тяжелая задача: уметь прочувствовать ритм, мелодию, подобрать выразительные движения к ним. Говоря языком искусства, спортсменки должны воспитать в себе эстетическую духовность.

Художественная гимнастика – это набор сложных гимнастических, акробатических, танцевальных, гибких, пластичных упражнений с различными предметами с музыкальным

сопровождением. Сложные комбинации обычно выполняются с такими предметами, как скакалка, обруч, лента или мяч.

С раннего детства занятия художественной гимнастикой способствуют гармоничному физиологическому развитию. С художественной гимнастикой тесно связан балет. Благодаря их взаимосвязи оттачивается гибкость и грация, чувство ритма, растяжка, и даже артистичность. Как правило, у тех, кто занимается художественными видами спорта, плавная походка и хорошая осанка.

Обращаясь к сторонникам определения спорта как одного из видов искусства, можно поставить вопрос: на каких основаниях они изучали эту проблему? Основными сторонниками являются Ф. Ландру и Дж. Грайн. Оба ученых много рассуждали на тему искусства и спорта. К примеру, Дж. Грайн писал: «Чтобы научиться ценить возможность эстетического наслаждения спортом, нужно всегда понимать и обращать внимание на его и искусства заметную схожесть. Наслаждаться можно чем угодно: от простых движений футболистов до красивых и гибких гимнастических трюков, высоких прыжков фигуристов и так далее. Дж. Грайн считал, что спорт и искусство похожи между собой в нескольких моментах:

- оба направления объединены моментом эмоционального подъема;
- оба направления объединены созидательным и творческим характером;
- и в спорте, и в искусстве существуют свои правила и законы.

Ф. Ландру, также рассматривающий вопросы спорта и искусства, отметил, что большинство присущих спорту элементов являются общими и с искусством, а именно:

- саморазвитие и самореализация;
- возможность обучаться и обучать других;
- наличие традиций и исторических корней;
- ориентация на творчество и индивидуальный стиль;
- определенное расположение духа и состояние сознания;
- желание быть лучшим.

Деятели искусства различных видов давно отметили, что спорт в последнее время берет на себя создание и воспитание личности, приобретение таких качеств, как человечность, нравственность, справедливость. Во всем вышеописанном и содержится сущность сходства искусства и спорта.

На практике, приобщение людей к активным занятиям физкультурой и спортом, а также проведение различных исследований социологами, культурологами и другими учеными показали, что мир эстетических явлений напрямую связан со спортивной деятельностью. Именно поэтому спорт имеет большой эстетический потенциал. Это сфера, где в разных формах проявляются эстетические ценности, такие как красота и прекрасное. Ключевым моментом большинства видов спорта является соревнование спортсменов за первенство. Характерная черта борьбы есть физическое противостояние соперников. На этом примере можно рассмотреть красоту действий спортивных деятелей.

С прекрасным в спортивной деятельности тесно связано проявление героизма. Героизм требует от спортсменов воли, упорства, мобилизации сил, проявления мужества и смелости. В соревнованиях героическое проявляется иногда одновременной вспышкой всех способностей и возможностей спортсмена, либо на протяжении длительного срока это самое героическое необходимо развивать. Примером вспышки героического может быть ситуация, когда спортсмен во время соревнования получает тяжелую травму и, несмотря на это, продолжает играть и добивается победы. В пример длительному героизму можно привести нахождение большинства выдающихся спортсменов в спорте длительное время.

Еще одной формой проявления эстетического в спортивной деятельности является комическое. Чаще всего комическое берет свое начало в юморе или иронии. Сюда можно отнести: обманные движения, остроумное обыгрывание ситуации, различные финты. Все это ставит соперников в неловкое положение и позволяет спортсмену показать свое превосходство над ними. Иногда выдающиеся спортсмены специально используют такие приемы, что-

бы вывести своего соперника из себя. Что касается зрителя, то обычно такие «фокусы» заводят его. Несмотря на то, что комичному есть место в спорте, спортсмену важно не превратить комическое в собственную цель. Эффект зрительского соучастия и сопереживания – одна из характерных черт восприятия. Этот эффект помогает воспринимать движения спортсменов полными смысла и красоты.

Нужно учитывать то, что спорт может выполнять зрелищную функцию. Это действие, в ходе которого достигается разрешение конфликта в четко определенных условиях и правилах, действие, развивающееся на глазах у зрителя, который он впоследствии воспринимает положительно либо отрицательно, но, главное, испытывая определенное глубокое эмоциональное переживание. Как пример можно привести художественную гимнастику, где используются мячи, обручи и другие предметы. Развитию «чувства мяча» способствует умение спортсмена сосредоточиться на своих ощущениях и оградиться от окружающего мира. Данное чувство позволяет гимнастам в достаточно напряженных условиях быстро и уверенно решать задачи, сохраняя при этом хладнокровие и выдержку. Точное управление движением мяча создает особое впечатление его подчинения спортсменом. Он может вести мяч в нужном направлении и даже не смотреть на него.

Эстетическое в спортивной деятельности может проявляться при помощи следующих компонентов: внешний вид спортивных залов и площадок, спортивная атрибутика, оформление костюмов спортсменов и тому подобное.

В заключении следует отметить, что воспитательное значение и эстетическое содержание спорта отражается непосредственно не только на спортсменов, но и на зрителей. Деятели спорта давно являются символами представляемой ими команды, города и страны. В том случае, когда спортсмен или же вся команда занимают призовые места, событие приобретает масштаб. Таким образом, в спорте содержится масштабный по своему наполнению мир эстетических явлений. Существует большое количество возможностей для развития личности. Из этого следует, что спорт, безусловно, можно отнести к сфере искусства.

Список использованных источников

1 Лоу, Б. Красота спорта / Б. Лоу. – М. : Радуга, 1984. – 256 с.

Е. В. Гапанович-Кайдалова, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ С COVID-19 НА ОТНОШЕНИЕ СЛУШАТЕЛЕЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ К ЗДОРОВЬЮ

В статье рассматривается сущность и параметры здоровья в рамках системного подхода, представлены результаты эмпирического исследования влияния ситуации с COVID-19 на отношение слушателей переподготовки к здоровью. Отмечена важность ценностного отношения педагога-психолога к здоровью для его успешной самореализации в личной и профессиональной сфере.

Ключевые слова: здоровье, ценностные ориентации слушателей переподготовки, COVID-19, отношение к здоровью

В уставе Всемирной организации здравоохранения здоровье определяется как «состояние полного телесного, душевного и социального благополучия» и отсутствие болезней и физических дефектов [2]. Как видим, здоровье включает несколько составляющих, которые, на наш взгляд, тесно связаны и оказывают влияние друг на друга.

Многокомпонентность здоровья диктует необходимость системного подхода к его рассмотрению. Достаточно емкое определение данного понятия в рамках обозначенного подхода было предложено А.Г. Щедриной: «Здоровье – это целостное многомерное динамическое состояние (включающее позитивные и негативные стороны), развивающееся в процессе реализации генетического потенциала в условиях конкретной социальной и экологической среды и позволяющее человеку в различной степени осуществлять его биологические и социальные функции» [3]. Исходя из этого выделяются следующие параметры здоровья: уровень и гармоничность физического развития, резервные возможности основных физиологических систем организма, уровень иммунной защиты, отсутствие дефектов развития, уровень морально-волевых и ценностно-мотивационных установок, способность освобождаться от метаболитов.

Вопросы отношения к здоровью раскрывались в исследованиях по философии, медицине, психологии, педагогике, социологии (Т. В. Белинская, И. В. Журавлева, Д. В. Каширский, В. Н. Мясищев, А. С. Нефедова, А. А. Реан, Н. В. Сабельникова, Н. А. Сахарова, Е. Н. Сухомлинова, Н. А. Шмойлова и др.). Психологи подчеркивают, что здоровье во многом определяется ценностным к нему отношением.

На основании анализа исследований мы пришли к выводу, что отношение к здоровью проявляется на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Личность осознает ценность здоровья, испытывает в связи с этим определенные эмоции, например, переживает при риске его утратить, предпринимает какие-либо действия, направленные на его сохранение и укрепление. Так, М. Рокич, выделяя основные ценности личности, включил здоровье в группу терминальных ценностей. Именно они, по мнению ученого, являются конечными целями, которые ставит перед собой человек [1].

На наш взгляд, понимание ценности здоровья, забота о собственном здоровье и здоровье окружающих являются важным аспектом реализации идей гуманного и ценностного отношения к личности, имеют большое значение для успешности профессиональной деятельности педагога-психолога. Личным примером и продвижением идей ценности здоровья психолог мотивирует обучающихся к ведению здорового образа жизни, укреплению своего здоровья.

Цель исследования – выявить особенности влияния ситуации с COVID-19 на отношение слушателей переподготовки к здоровью. Выборку составили слушатели Института дополнительного образования УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» специальности «Практическая психология» (очной (вечерней) и заочной форм получения образования). Общий объем – 50 человек. Исследование проводилось в период с сентября 2021 по май 2022 года. Методы исследования: тестирование, анкетирование, беседа.

Осознанное отношение к своему здоровью, на наш взгляд, предполагает понимание его ценности и активные действия по его сохранению и укреплению. Исходя из этого, с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича была проведена диагностика ценностей испытуемых. В ходе анкетирования была собрана информация, касающаяся восприятия слушателями-психологами ситуации с COVID-19 и изменений, произошедших в их жизни в связи с пандемией. В частности, об оценке риска заражения, опасениях, вызванных им, использовании неспецифических мер профилактики заражения коронавирусом, участия в вакцинации, перенесенном заболевании. Данные тестирования и анкетирования уточнялись в последующей беседе с респондентами.

Данные диагностики показывают, что здоровье имеет высокую значимость для респондентов. При ранжировании терминальных ценностей, соотносимых с жизненными целями личности, 56 % слушателей переподготовки поставили здоровье на первое место и 12 % – на второе.

Согласно результатам анкетирования 64 % участников исследования переболели COVID-19. Риск заражения, по мнению испытуемых, в настоящее время несколько снизился (средний балл по выборке составляет 7,08 из десяти возможных). При этом 60 % респондентов испыты-

вают сильное беспокойство (8–10 баллов) о здоровье близких, 46 % – по поводу отсутствия лекарств, 42 % – заразности вируса, 40 % – отсутствия лечения, 28 % – опасности для себя.

В ходе беседы выяснилось, что у многих испытуемых болели близкие и знакомые, некоторые из них, в основном пожилые и люди с хроническими заболеваниями, перенесли болезнь в тяжелой форме, были даже случаи летального исхода. Участники исследования объяснили, что изменения, происходившие в их жизни во время пандемии (перемены в условиях труда и отдыха, неопределенность и тревога, ощущение незащищенности и т. п.), заставили пересмотреть свое отношение к себе и окружающему, по-новому расставить приоритеты. Для многих стала очевидной ценность здоровья, которое рассматривается как основа для нормальной жизни, развития и самореализации в любой сфере. Об активной позиции по отношению к своему здоровью свидетельствует, на наш взгляд, использование мер специфической и неспецифической профилактики заражения коронавирусом.

Анализ результатов анкетирования позволяет прийти к заключению, что слушатели переподготовки реализуют на практике свои жизненные цели, связанные со здоровьем. Все респонденты используют те или иные меры неспецифической профилактики: мытье рук, применение антисептиков, социальное дистанцирование, самоизоляцию, ношение масок и перчаток. При этом предпочтение отдают мытью рук (86 %), использованию антисептиков (42 %) и социальному дистанцированию (36 %).

Основной специальной мерой профилактики заражения коронавирусом является вакцинация. 54 % респондентов приняли в ней участие. В числе основных причин необходимости ее проведения слушатели переподготовки назвали большую вероятность более легкого протекания болезни, повышение иммунитета и снижение риска заражения, содействие выработке коллективного иммунитета, снижению распространения заболевания.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- изменение жизни в условиях пандемии повлияло на отношение слушателей переподготовки к здоровью, которое приобрело для респондентов особую значимость;
- слушатели-психологи демонстрируют осознанное отношение к своему здоровью и здоровью окружающих, что подтверждается применением ими различных мер профилактики заражения коронавирусом;
- ценностное отношение педагога-психолога к здоровью и активная работа по осуществлению жизненных целей с ним связанных являются необходимым условием успешности профессиональной деятельности специалиста по формированию у учащихся отношения к своему здоровью как к ценности.

Список использованных источников

1 Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologos.ru/articles/view/metodika-cennostnye-orientacii-rokicha>. – Дата доступа: 07.06.2022.

2 Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // Основные документы. Всемирная организация здравоохранения, 2014. – С. 1–26. – Режим доступа: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9>. – Дата доступа: 07.06.2022.

3 Щедрина, А. Г. Понятие и структура индивидуального здоровья человека: методология системного подхода / А. Г. Щедрина // Journal of Siberian Medical Sciences – 2009. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-individualnogo-zdorovya-cheloveka-metodologiya-sistemnogo-podhoda>. – Дата доступа: 07.06.2022.

Л. А. Лапицкая

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья описывает исследование в области формирования здорового образа жизни студенческой молодежи, анализ современного состояния физической подготовки студентов, их мотивации к занятиям спортом. В статье также рассмотрены актуальные проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи и влияние, которое данные проблемы оказывают непосредственно на студентов.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, проблемы формирование здорового образа жизни, молодежь, мотивация, качество жизни.

Формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) на современном этапе является достаточно актуальным. Здоровье нового поколения человечества – социальная и нравственная проблема. Абсолютно каждому человеку следует не только быть здоровым и придерживаться здорового образа жизни, но и показывать достойный пример новому поколению. Для воспитания у молодежи стремления вести здоровый образ жизни следует найти корень проблемы: что послужило ведению здорового образа жизни, что способствует ведению здорового образа жизни. Большинство учреждений общего, среднего и высшего образования нашей страны проводит профилактическую работу с учащимися, которая направлена на пропаганду здорового образа жизни.

Стоит также упомянуть, что во многих регионах нашей страны проводятся исследования, результатом которых является выявление физического, социального и психического состояния молодежи. Исследования показывают, что каждый имеет индивидуальные особенности. Каждый исследуемый имеет разные показатели здоровья, разные судьбы и разные особенности жизнедеятельности. Здоровье представляет собой такое состояние организма, при котором все его органы и системы находятся в динамическом функционировании. Здоровье – это не только отсутствие болезней или физических дефектов, а еще и физическое и духовное благополучие индивида. В основе хорошего и крепкого здоровья лежат процессы развития физиологических, психологических и социальных функций.

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – специально организованная деятельность индивида, направленная на укрепление здоровья и профилактику различных заболеваний. Для формирования здорового образа жизни важны такие компоненты как [3]:

- достаточная двигательная активность;
- рациональное питание;
- закаливание;
- отказ от вредных привычек;
- соблюдение режима дня;
- личная гигиена;
- полноценный отдых и сон.

Достаточная двигательная активность формируется посредством прогулок, проведения времени на свежем воздухе, систематических занятий в спортивном зале. К сожалению, но в век информационных технологий многие забывают о существовании «живого» общения. Преимущественно молодежь предпочитает знакомиться и общаться исключительно в социальных сетях, что является основной проблемой на пути приобщения людей к ведению достаточной двигательной активности.

Правильное питание – основа здорового образа жизни. Ухудшение питания нынешнего поколения связано с использованием молодежью в своем рационе вредных, порой опасных продуктов питания. «Фаст-фуд», еда быстрого приготовления, газированные напитки,

сладости и кондитерские изделия – основные компоненты рациона студента. Для обеспечения правильного питания стоит исключить из рациона вредные продукты питания посредством использования альтернативных источников жиров, белков и углеводов.

Для нормального функционирования человеческой нервной системы и всего организма человека в целом необходимо обеспечить полноценный отдых и сон. Человеку, в среднем, следует спать около 8 часов, что является достаточным для восполнения энергетических запасов организма и восстановления сил. При систематическом недосыпании нарушается деятельность нервной системы, снижаются показатели работоспособности, повышается уровень утомляемости и раздражительности.

Жизнь каждого человека так или иначе связана с присутствием в ней множества вредных привычек, которые влияют на ухудшение качества жизни и здоровья. Такими привычками являются: наркомания, алкогольная зависимость, курение [1, с. 93–96]. Данные вредные привычки оказывают отрицательное влияние на центральную нервную систему. Употребление алкоголя и наркотиков содействует уменьшению активной деятельности индивида, предотвращению работы организма по обмену веществ. Кроме того, при систематическом употреблении алкоголя и наркотиков возникают нарушения функций органов и систем в организме человека.

Таким образом, укрепление здорового образа жизни молодежи является одной из наиболее важных проблем современности. Образовательные программы имеют приоритетную роль в формировании здорового образа жизни. Такие программы направлены на укрепление здоровья, формирование мотивации по отношению к заботе о своем организме и здоровье, воспитание здорового и крепкого поколения.

Однако, в настоящий момент времени было выявлено, что большинство студентов не предпринимают никаких мер по укреплению здоровья и не приобщают себя к ведению здорового образа жизни. Все это обусловлено тем, что студенческая молодежь ставит в приоритет образование, отодвигая здоровье на второе место. Л. Н. Семченко предоставляет данные исследований, по результатам которых видно, что ко второму курсу обучения количество случаев заболеваний среди студентов увеличивается на 23 %. К четвертому курсу показатели имеют значение 43 %. Часть студентов при определении группы здоровья для занятий физической культурой переходят в специальную медицинскую группу (СМГ) или подготовительную группу [4].

Необходимо также отметить ряд факторов, которые оказывают негативное влияние на физическое и психическое состояние здоровья студентов:

- обострение финансовых противоречий;
- недостаток кадрового обеспечения учреждений здравоохранения;
- проблема обеспечения комфортного проживания в общежитии;
- чрезмерная учебная нагрузка.

Большинство студентов, покидая спокойную и комфортную домашнюю обстановку, начинают жить в общежитии или снимают жилье, что непосредственно влияет на образ жизни. Смена обстановки требует приспособления к новым условиям жизни. Рацион питания также подвергается изменениям, что плохо влияет на здоровье учащегося. Большую роль в формировании здорового образа жизни играет крайне высокая интенсивность современного учебного процесса. Студенты испытывают серьезный рост учебной нагрузки, которая способствует снижению физической активности, подавлению эмоционального состояния.

Выраженное снижение положительных показателей уровня здоровья студенческой молодежи требует поиска средств и методов по решению проблемы укрепления физического и духовного уровня здоровья молодежи, формирования здорового образа жизни. Существует огромное многообразие решений данной проблемы, однако многие варианты требуют материальных затрат, что делает их недоступными. Следует искать выход в изменении отношения человека к своему здоровью, пропаганде формирования здорового образа жизни. Основной политики любого государства является обеспечение здоровой, активной и творческой

молодежи. Именно поэтому в образовательный процесс учебных заведений был введен ряд дисциплин по охране и укреплению здорового образа жизни, а также формированию соответствующих навыков и умений в данной области [2].

Важнейшая составляющая современного человечества – здоровый образ жизни. Благодаря ему обеспечивается раскрытие творческих способностей, использование интеллектуальных и физических ресурсов. Ключевыми факторами здорового образа жизни являются физическая культура и спорт. Физические упражнения и спорт укрепляют здоровье, способствуют формированию крепкого телосложения и развивают физические способности молодежи. Постоянная физическая активность и регулярная мышечная деятельность – основа жизнедеятельности любого организма.

Список использованных источников

- 1 Колесов, В.Д. Предупреждение вредных привычек у школьников / В.Д. Колесов. – М. : Педагогика, 2012. – 176 с.
- 2 Лебедева, Н. Т. Формирование здорового стиля жизни школьника / Н. Т. Лебедева. – Минск: Народная асвета, 2012. – 144 с.
- 3 Назарова, Е. Н. Здоровый образ жизни и его составляющие / Е. Н. Назарова, Ю. Д. Жилов. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 256 с
- 4 Семченко, Л. Н. Социальное благополучие и уровень здоровья студенческой молодежи по данным ее самооценки / Л. Н. Семченко, С. А. Батрымбетова // Гуманитарные методы исследования в медицине : состояние и перспективы. – Саратов, 2007. – С. 136–138.

М. Я. Тишкевич, канд. социол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается здоровый образ жизни, как условие и предпосылка социальной активности студенческой молодежи, воспроизводства человеческого потенциала в целом. Автором приводятся данные эмпирического исследования, показывающие уровень знаний студенческой молодежи о нормах и правилах здорового образа жизни, следование этим нормам и соблюдение правил, а также отношение к здоровому образу жизни как к жизненному стилю и стратегии.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, студенческая молодежь, жизненные ценности, источники информации, вредные привычки, социальная политика, сохранение здоровья, социокультурный анализ.

Состояние здоровья человека представляется одним из главных, если не самым главным условием воспроизводства качественной рабочей силы, успешного социального и экономического развития общества. Приоритетность здоровья, наряду с другими жизненными ценностями, особенно важна в период жизненного выбора, в молодом возрасте. Особого внимания в данном аспекте заслуживает студенческая молодежь. Обучение в вузе – это достаточно длительный и благоприятный период для формирования у студентов витальных ценностей в целом, позитивного восприятия и следования нормам и правилам здорового образа жизни, в частности.

Студенческая молодежь является источником пополнения трудовых ресурсов, наиболее активной частью общества, поэтому забота о сохранении здоровья, следование правилам

здорового образа жизни выступают одной из приоритетных задач образования и социальной политики нашей страны в целом. «Повышение ценности жизни и здоровья молодежи, сокращение людских потерь от преждевременной и предотвратимой смертности могут быть достигнуты благодаря грамотной социальной, демографической, правовой, антиалкогольной и др. политике» [1, с. 236]. Наряду с учебными и научными проблемами их решением, формированием соответствующих компетенций, перед профессорско-преподавательским составом стоит задача воспитания у студентов высокой требовательности к себе, умения придерживаться требований здорового образа жизни, формирования сознательного, активного отношения к своему здоровью.

Известно, что здоровая наследственность, отсутствие морфологических предпосылок заболеваний, иные генетические факторы оказывают влияние на здоровье человека на 15–20 %, хорошие бытовые и производственные условия, благоприятные природные и климатические условия и хорошая экология оказывают влияние на здоровье человека на 20–25 %, качественное медицинское обеспечение и обслуживание на 10–15 % и условия и образ жизни, адекватная двигательная активность, отсутствие вредных привычек, полноценное и рациональное питание на 50–55 %. Современные концепции здоровья человека выделяют три основные составляющие здоровья: физическую, психологическую и поведенческую. В связи с этим исследователь О. Г. Кирилюк подчеркивает: «В структуре социокультурного эталона здоровья могут быть выделены следующие компоненты: наиболее общее представление о феномене здоровья (как правило, лаконично выраженное в дефиниции); эталонный образ здоровой личности, предполагающий набор устойчивых личностных характеристик; устоявшиеся представления об основных условиях и принципах здорового существования; информация о путях или способах оздоровления личности» [2, с. 12–13].

Студенческая социологическая лаборатория «SOCIMUM» кафедры политологии и социологии юридического факультета УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» проводит мониторинговые исследования по изучению отношения студентов вуза к здоровому образу жизни. Цель исследований – изучение уровня знаний студенческой молодежи о нормах и правилах здорового образа жизни и следование этим нормам и правилам в повседневной жизни. Опрос студентов проводился на основе квотной выборки, используя компьютерное веб-интервьюирование CAWI (Computer Assisted Web Interviewing). Всего было опрошено 160 (N = 160) студентов – представителей социально-гуманитарных, естественнонаучных и технических специальностей, обучающихся на различных факультетах нашего университета. В статье приводятся только некоторые результаты опроса.

Субъективные оценки студентами своего состояния здоровья достаточно высокие. Только двадцать три студента из всего количества опрошенных указали на очень плохое и плохое состояние своего здоровья. Однако значительное количество опрошенных – 54 студента – характеризовали свое здоровье как «удовлетворительное» что не может не настораживать (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты оценки студентами состояния своего здоровья (количество опрошенных)

Оценка здоровья	Количество
1. Очень плохое	7
2. Плохое	16
3. Удовлетворительное	54
4. Хорошее	67
5. Очень хорошее	16

Студентам, участникам опроса, было предложено выделить главные компоненты здорового образа жизни, которые в совокупности оказывают решающее влияние на сохранение

здоровья. В результате, по мнению студентов, главными компонентами здорового образа жизни являются: занятия физкультурой и спортом (95 ответов), отказ от вредных привычек (89 ответов), контроль за собственным здоровьем (78 ответов). Второй уровень компонентов здорового образа жизни по степени их важности составили: правильное питание (58 ответов), оптимальный двигательный режим (44 ответа) и соблюдение режима дня (36 ответов) (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты определения студентами главных компонентов здорового образа жизни (количество опрошенных)

Главный компонент здорового образа жизни	Количество
1. Отказ от вредных привычек	89
2. Правильное питание	58
3. Оптимальный двигательный режим	44
4. Занятие физкультурой и спортом	95
5. Личная гигиена тела	22
6. Наблюдение за состоянием собственного здоровья	78
7. Соблюдение режима дня	36
8. Закаливание	20
9. Положительные эмоции	31
10. Другое	7

Примечание – Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма ответов превышает количество опрошенных (N = 160).

Студентам, принявшим участие в опросе, было предложено выделить основные вредные привычки, которые препятствуют им вести здоровый образ жизни. Первый уровень вредных привычек составили – нерациональное питание (97 ответов), пассивный образ жизни (96 ответов), подверженность стрессам (88 ответов). Количество студентов, указавших на употребление слабоалкогольных и крепких алкогольных напитков – 24 и 14 ответов соответственно. Этот факт является предметом дополнительных исследований и педагогических наблюдений, ведь такие состояния могут превратиться в зависимость. Вместе с тем, значительное количество студентов – 41 человек – указали на отсутствие вредных привычек (таблица 3).

Таблица 3 – Определение студентами основных вредных привычек, которые мешают им вести здоровый образ жизни (от количества опрошенных)

Основные вредные привычки	Количество
1. Нерациональное питание	97
2. Пассивный образ жизни	96
3. Курение	32
4. Употребление пива	24
5. Употребление крепких алкогольных напитков	14
6. Употребление наркотических веществ	2
7. Подверженность стрессам	88
8. Вредных привычек нет	41
9. Другое	4

Примечание – Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма ответов превышает количество опрошенных (N = 160).

Подводя итоги, можно сделать некоторые выводы:

- социокультурный анализ образа жизни студенческой молодежи, обучающейся на разных факультетах УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» показывает, что у студентов сформировано общее представление о феномене здоровья, правилах и нормах здорового образа жизни;
- имеются устоявшиеся представления об основных условиях и принципах здорового существования, студенты располагают информацией о путях или способах оздоровления личности;
- студенты в целом демонстрируют стремление следовать правилам здорового образа жизни, осознавая значимость здоровья как условия успешного обучения и реализации профессиональных и жизненных планов в дальнейшем;
- вместе с тем, такие осложняющие ведение здорового образа жизни обстоятельства и привычки, как нерациональное питание, пассивный образ жизни, стрессовые нагрузки должны постоянно находиться в фокусе внимания студенческого самоуправления, психолого-педагогической и воспитательной работы.

Список использованных источников

1 Здоровый образ жизни студенческой молодежи: проблемы и перспективы развития и совершенствования: монография ; под общ. ред. В. И. Филоненко; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. – 282 с.

2 Кирилук, О. Г. Социальная ценность здорового образа жизни в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / О. Г. Кирилук ; Поволж. акад. госуд. сл. им. П. А. Столыпина. – Пенза., 2007. – 26 с.

С. С. Хурбатаў

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны,
г. Гомель, Рэспубліка Беларусь

ЗВЫЧКА – СПАСАБ ФАРМІРАВАННЯ ЗДАРОВАГА ЛАДУ ЖЫЦЦЯ Ё СТУДЭНТАЎ

Артыкул прысвечаны аналізу звычак, якія звязаны са здаровым ладам жыцця, іх фарміраваннем, фіксаваннем і трансфармацыяй. Паколькі праблема здароўя і вядзенне здаровага ладу жыцця студэнцкай моладзі мае асаблівую значнасць у сучасным свеце, валоданне асновамі здаровага ладу жыцця з'яўляецца галоўнай каштоўнасцю маладога пакалення і патрабуе засваення ведаў і навыкаў.

Ключавыя словы: здароўе, здаровы лад жыцця, звычкі, студэнцкая моладзь, тэорыя мэтанакіраваных паводзін.

Беражлівыя адносіны да фізічнага стану чалавека асабліва актуальны ў цяжкія з экалагічнага пункту гледжання часы. З часам вялікая частка насельніцтва пачынае больш уважліва ставіцца да захавання ўласнага здароўя, імкнецца да яго паляпшэння. Самым эфектыўным спосабам для дасягнення гэтай мэты з'яўляецца вядзенне здаровага ладу жыцця. Стан здароўя падрастаючага пакалення – найбольш важны паказчык дабрабыту грамадства і дзяржавы, які паказвае не толькі сапраўдную сітуацыю, але і дазваляе прагназаваць будучыню.

Здаровы лад жыцця – сукупнасць устойлівых відаў паводзін, якія спрыяюць захаванню і ўмацаванню здароўя незалежна ад ступені іх усвядомленасці і мэтанакіраванасці [2, с. 73]. Зыходзячы з азначэння ладу жыцця, у якасці індыкатараў неабходна выкарыстоўваць паказчыкі, якіяносяць устойлівы характар, выяўляюцца не толькі ў адкрыта назіраных паводзінах, але і ў намерах, інтарэсах і каштоўнасцях, звязаных з сацыяльнай пазіцыяй асобы, а таксама з'яўляюцца тыповымі для пэўнай сацыяльнай групы. Здароўе – самая важная

агульначалавечая каштоўнасць. Здаровы лад жыцця з'яўляецца перадумовай для рознабаковага развіцця чалавека, спрыяе паляпшэнню прадукцыйнасці. Самым лепшым метадам для яго фарміравання з'яўляюцца карысныя звычкі.

Мець здаровы, цягавіты і моцны арганізм хочацца кожнаму, але гэтага немагчыма дабіцца без сістэматычнасці. Людзі, якія дасягаюць поспеху, знаёмыя з сутнасцю маленькіх крокаў і важнасцю двух ключавых уменняў: выяўлення дзеянняў (звычай), звязаных з пастаўленымі мэтамі, і паўтарэнне гэтых дзеянняў штодня. Акрамя таго, становячыся аўтаматызаванымі, звыклых дзеянняў або рэакцыі, перастаюць адымаць у нас час і сілы на іх абдумванне, падрыхтоўку да іх, перажыванні і іх здзяйсненне. Яны адбываюцца самі сабой, пакідаючы нам энергію на вырашэнне іншых задач.

Эфект ад звычай, якія звязаны са здаровым ладам жыцця, вельмі значны. Аднак большасць кніг па іх фарміраванні разлічаны на сталых людзей – малады чалавек, які жадае развівацца, з іх можа адзначыць для сябе няшмат. А праблема здароўя і вядзенне здоровага ладу жыцця студэнцкай моладзі мае асаблівую значнасць у сучасным свеце. Навучанне ў вышэйшай навучальнай установе з'яўляецца складаным і доўгім працэсам, які прад'яўляе патрабаванні да ўстойлівага і гнуткага псіхалагічнага стану, а таксама фізіялагічных функцый чалавека. Валоданне асновамі здоровага ладу жыцця з'яўляецца галоўнай каштоўнасцю маладога пакалення і патрабуе не толькі вывучэння, але і засваення ведаў і навыкаў.

У наш час вучоба ва ўніверсітэце часта ўплывае на студэнтаў негатыўна. Па-першае, гэта абумоўлена шэрагам фактараў, напрыклад, навучальных, звязаных са змяненнем ладу жыцця ў першы год навучання. Таксама да ўніверсітэцкіх фактараў рызык ісправядліва аднесці і значна вялікую вучэбную нагрузку. З гэтага вынікае, што адзначаныя фактары адмоўна адбіваюцца на здароўі і фізічным стане студэнцкай моладзі. Паколькі ў працэсе навучання змяняюцца ўспрыманне і жыццёвыя стэрэатыпы моладзі, асаблівая роля надаецца камфортнасці асяроддзя ў навучальнай установе, а таксама ў яе межах, ад якой залежыць фізічнае і маральнае здароўе маладых людзей.

Варта адзначыць, што сёння ў вольным доступе знаходзіцца мноства «рэцэптаў шчаслівага жыцця». Аднак парады, якія тычацца змены паводзінаў і ладу жыцця, падыходзяць не ўсім, паколькі з'яўляюцца малаэфектыўнымі па прычыне кароткачасовасці іх наступстваў. Маладыя людзі занадта занятыя, каб радыкальна мяняць свае жыцце, таму ім цяжка на працягу доўгага часу прытрымлівацца новым стандартам. Спецыялісты па псіхалогіі мяркуюць, што ключом да атрымання ўстойлівых вынікаў з'яўляецца ўнясенне змяненняў у звычкі, а таксама ўкараненне новых.

У «Словаре по этике» даецца наступнае азначэнне паняцця: «Звычкі – дзеянні і спосабы паводзін, якія сфарміраваліся ў выніку шматразовага паўтарэння, выканання якіх у падобных сітуацыях стала патрэбай» [1]. З фізіялагічнага пункту гледжання, звычка з'яўляецца ўтварэннем у мазгавых структурах устойлівых нервовых сувязей, якія адрозніваюцца павышанай гатоўнасцю да функцыянавання.

Асноўны шлях фарміравання звычай – шматразовае паўтарэнне, бо яно прыводзіць да фарміравання найбольш зручнага варыянту паводзін, які патрабуе невялікіх валявых і разумовых намаганняў, пры гэтым эканоміць інтэлектуальныя і псіхічныя рэсурсы чалавека. Галоўнае – прайграваць у звыклым ладзе жыцця невялікія змены, якія легка спалучаюцца з вучобай, працай і г. д.

Пры выкананні дзеяння важным фактарам, які ўплывае на фіксаванне звычкі, служыць каштоўнасць выбраных дзеянняў. Таму для фарміравання або змены звычкі важна падыходзіць да гэтага працэсу зацікаўлена і рэгулярна, усведамляючы карыснасць новых паводзін, неабходна верыць у пастаўленыя мэты і выразна прадстаўляць вынікі, якія рушаць услед пасля іх дасягнення – інакш звычка не зафіксуецца.

У гэтым пытанні актуальна тэорыя мэтанакіраваных паводзін. Згодна з ёй, паводзіны накіроўваюцца інтэнцыямі і ажыццяўляюцца пад адвольным кантролем суб'екта. Жаданне ажыццявіць тыя ці іншыя паводзіны вызначаецца сумесным дзеяннем трох фактараў:

- сацыяльных устаноў у дачыненні дадзеных паводзін;
- меркаванні індывіда аб тым, ці прывядуць яго паводзіны да пажаданых вынікаў;
- суб'ектыўна ўспрыманай каштоўнасці вынікаў;

- суб’ектыўных нормаў паводзін;
- меркаванні індывіда аб тым, менавіта якіх учынкаў чакаюць ад яго «значныя іншыя»;
- жаданні індывіда адпавядаць чаканням тых, хто акружае;
- успрыманага кантролю над верагоднасцю наступлення падзеі і над уласнай здольнасцю тармазіць або паскараць развіццё дадзенай сітуацыі [2, с. 8].

Такім чынам, тэорыя сцвярджае, што кантроль уплывае на намеры чалавека ажыццявіць тых ці іншыя ўчынкі. Калі чалавек мяркуе, што ён здольны кантраляваць свае паводзіны, ён будзе прыкладаць значныя намаганні змяніць яго. Псіхалагічная тэорыя і фактычныя дадзеныя, якія тычацца фарміравання звычак, даюць рэкамендацыі для простых і ўстойлівых саветаў па змене паводзін. Іх легка рэалізаваць, і яны маюць рэальны патэнцыял для доўгатэрміновага ўздзеяння.

Фарміраванне звычкі патрабуе матывацыі, а захаваць яе нялёгка. Таму важна выбраць прыдатныя ўмовы для выканання дзеяння. Гэта могуць быць, напрыклад, падзеі («калі я прыходжу з вучобы») або час сутак («пасля сняданку»), якія паўтарацца штодня. Размяшчэнне ў рамках існуючага распарадку дня забяспечвае зручную і стабільную адпраўную кропку. Прагрэс падтрымлівае цікавасць. Пасля таго, як атрымалася паспяхова ўнесці адно змяненне ў звычку або сфарміраваць новую, ёсць магчымасць вызначыцца з дзеяннямі: развіваць гэтую звычку, трансфармаваць наступную ці выпрацоўваць новую. Нават маленькі поспех матывуе да дасягнення большага.

Такім чынам, студэнтам варта прывіваць імкненне да невялікіх змен у паводзінах, паколькі няўдача можа збянтэжыць, а нерэалістычныя чаканні адносна працягласці працэсу фарміравання звычак могуць прывесці да таго, што чалавек здасца на этапе навучання. Напрыклад, таму, хто вядзе сядзячы лад жыцця, было б мэтазгодна параіць прайсці на некалькі прыпынкаў больш, перш чым садзіцца ў аўтобус. Невялікія змены могуць прынесці карысць здароўю. Больш таго, простыя дзеянні становяцца хутчэй звыклымі. Фарміраванне адной невялікай, але карыснай звычкі, можа павысіць упэўненасць у сабе. У якасці абагульнення можна сцвярджаць, што здольнасць да ўнутраных намаганняў, хай невялікіх, але штодзённым, забяспечвае эфектыўнае кіраванне ўласнымі паводзінамі.

Список использованных источников

- 1 Словарь по этике ; под ред. И. С. Кона. – 6-е изд. М. : Политиздат, 1989. – 448 с.
- 2 Фролова, Ю. Г. Психология здоровья: учебное пособие для студентов вузов / Ю. Г. Фролова. – Минск: Вышэйшая школа, 2014. – 255 с.

Г. М. Цыркунова, А. В. Бутько

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Республика Беларусь

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В статье рассматривается вопрос более широкого использования различных форм самостоятельных занятий по физическому воспитанию в условиях, когда возможности занятий физической культурой ограничены.

Ключевые слова: физическая культура, самостоятельные занятия, физическая подготовка, студенты.

Физическая культура является неотъемлемой частью жизни любого современного человека. Пронизывая весь социум, спорт оказывает огромное влияние на все сферы жизнедеятельности общества. Физическая культура способна в полной мере влиять на статус и положение че-

ловека, модные тенденции, образ жизни. Помимо этого, физическая культура оказывает влияние на профилактику вредных привычек. Особенно важно правильно организовать режим труда и отдыха в напряженный период студенческой жизни. Двухразовые занятия в неделю лишь в течение двух-трех лет при относительно небольшой их интенсивности и малом объеме нагрузок не создают условий для развития и совершенствования физических качеств.

В связи с этим возникает потребность более широкого использования различных форм самостоятельных занятий по физическому воспитанию. Они необходимы для повышения двигательной активности студентов, успешного выполнения программного контрольного тестирования, поддержания здоровья и оптимального уровня общей физической подготовки на протяжении всего напряженного периода обучения в вузе.

Сегодня, во время пандемии и в условиях карантина, возможности занятия спортом ограничены. Но, несмотря на это, в данный момент физическая нагрузка имеет особую значимость – как для физического, так и для психического здоровья. Сниженная физическая активность, в связи с прекращением работы многих специализированных организаций, снижение числа занятий в учебных заведениях по причине перевода на дистанционную форму обучения и впоследствии пребывание дома в течение длительного периода времени, способно серьезно осложнить поддержание физической активности студентов.

О теоретической и практической актуальности темы работы свидетельствует растущее число исследований различных авторов, как зарубежных, так и отечественных. Данный интерес подтверждается большим массивом публицистических работ, который представлен журнальными статьями, учебными пособиями, докладами, рассчитанными на узкую и широкую публику. В результате анализа литературы по теме исследования было установлено, что существует большое количество исследований различных авторов (Г. М. Цыркунова, А. В. Бутько, В. В. Коледа, С. И. Бочкарева, С. А. Фирсин и др.), раскрывающих специфику понятия физической культуры.

В. А. Коледа и А. Н. Дворак в своем учебном пособии «Основы физической культуры» дают следующее определение данному понятию: «Физическая культура – это область культурных явлений, связанных с преобразованием человеческой телесности, со специфическим развитием и совершенствованием физического состояния людей. Именно поэтому она носит гетерогенный характер, так как включает в себя самые разнообразные виды, направленные на формирование и развитие личности, что требует от нее самовыражения, познания, общения, оптимизации психофизического состояния, высокой работоспособности» [2].

Пассивный образ жизни и малый уровень физической подготовки во время пандемии оказывает негативное влияние на здоровье, а длительное нахождение в карантинном режиме вызывает дополнительный стресс. Это говорит о том, что физическая активность и занятия спортом являются неотъемлемой частью благополучия каждого человека. «Для поддержания оптимального физического состояния организма студентам необходимо заниматься физическими упражнениями не менее 8–10 часов в неделю, – отмечают А. В. Бутько и Г. М. Цыркунова, – включая обязательные, секционные и самостоятельные занятия. Но эффект от выполнения физических упражнений зависит не только от суммарного времени их продолжительности в недельном цикле, но и от частоты проведения и продолжительности отдельно взятых занятий, а также их интенсивности и индивидуальности» [3].

В связи с этим, необходимо прибегать к поиску иных форм организации физической подготовки студентов. Подходящим вариантом являются удаленные самостоятельные занятия. Для студента выполнение самостоятельных физических занятий, несомненно, важно. Значимость этих занятий проявляется, как в поддержании организма и формирования здорового образа жизни, так и иных физиологических способностей человека.

Проведение самостоятельных физических занятий может осуществляться в удобное для студента время и в комфортных условиях, как дома, так и на улице, в пределах специально оборудованных площадок. Перед проведением самостоятельных занятий, студенту стоит проконсультироваться со специалистом или преподавателем по физической культуре,

подобрав подходящий список упражнений индивидуально и в зависимости от специфических особенностей здоровья. «Если к студентам основной группы здоровья можно применить некий шаблон физических упражнений и это будет в целом верно, – отмечают В. Д. Эдер и И. В. Иванов, – то к студентам подготовительной и специальной групп – нельзя, так как у каждого учащегося индивидуальный набор противопоказаний и рекомендаций на счет определенных упражнений или даже видов спорта» [4]. Время и форма занятий определяются в соответствии с их целью и задачами.

Специализированный характер самостоятельных физических тренировок подразумевает заблаговременную подготовку, включающую в себя: выбор и подготовку тренировочных средств, подбор места, времени и характера нагрузок. Каждая тренировка должна в обязательном порядке состоять из трех частей, а именно: подготовительной части, основной и заключительной. Последовательный переход частей занятия поможет подготовить организм к физическому напряжению, провести тренировку в уверенном темпе и завершить ее, восстановив дыхание.

Примером одной из форм самостоятельных занятий может служить утренняя гигиеническая гимнастика, которая выполняется ежедневно. М. В. Гришкевич в своем учебно-методическом пособии обозначил рекомендуемую последовательность в выполнении упражнений утренней гигиенической гимнастики:

- «медленный бег, ходьба (2–3 мин);
- упражнение типа «потягивание» с глубоким дыханием;
- упражнение на гибкость и подвижность для рук, шеи, туловища и ног;
- силовые упражнения без отягощений или с небольшими отягощениями для рук, туловища, ног (сгибание-разгибание рук в упоре лежа, упражнения с легкими гантелями, эспандерами);
- различные наклоны в положении стоя, сидя, лежа, приседания на одной и двух ногах и др.;
- легкие прыжки или подскоки (например, со скакалкой) – 20–30 с;
- упражнения на расслабление с глубоким дыханием» [1].

К числу самостоятельных форм организации физической подготовки, можно также отнести ходьбу и бег, оздоровительное плавание, гимнастику, спортивные игры, закаливание, а также обязательное соблюдение личной гигиены и рационального питания. Самостоятельные занятия физическими упражнениями отличаются надежным фактором формирования, укрепления и совершенствования здоровья студентов. В результате постоянных самостоятельных занятий существенно увеличиваются физические возможности организма, улучшается техническая подготовленность. После постоянных самостоятельных занятий студент становится более ловким, сильным, быстрым и выносливым.

Подводя итог, стоит отметить, что организация и проведение самостоятельных занятий спортом во время пандемии играет важную роль в жизни студента, так как из-за отсутствия полного комплекса физической активности возможно серьезное осложнение поддержания физической активности студентов и ухудшение общего состояния здоровья. В процессе планирования самостоятельной активности необходимо проконсультироваться со специалистами для составления подходящего графика тренировок и списка упражнений. Выполнение физических упражнений возможно как в домашних условиях, так и в пределах специально оснащенных уличных площадок или спортивных комплексов.

Список использованных источников

1 Гришечкин, М. В. Организация самостоятельных занятий физической культурой и спортом: учебно-методическое пособие для студентов вузов / М. В. Гришечкин. – Гомель: УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2005. – 36 с.

2 Коледа, В. А. Основы физической культуры : учеб. пособие / В. А. Коледа, В.Н. Дворак. – Минск : БГУ, 2016. – 191 с.

3 Цыркунова, Г. М. Формирование мотивации к самостоятельным занятиям физическими упражнениями студентов учреждений высшего образования / А. В. Бутько, Г. М. Цыркунова // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов вузов [Электронный ресурс]: материалы междунар. научно-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 1–2 нояб. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : В.А. Коледа (гл. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2018. – С. 81–85. Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/217025>. – Дата доступа : 10.05.2022

4 Эдер, В. Д. Роль самостоятельных занятий физической культурой студентов специальной медицинской группы / В. Д. Эдер, И. В. Иванов // Успехи в химии и химической технологии. – 2017. – № 14 (195). – 116–118.

В. Е. Адамова

Научный руководитель: А. С. Ярошевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются современные проблемы формирования здорового образа жизни учащихся и студенческой молодежи. Приведены результаты эмпирического исследования по выявлению отрицательных психологических состояний, которые мешают вести здоровый образ жизни учащимся и студентам. Предложены рекомендации по профилактике нездорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, психологическое здоровье, отрицательные психологические состояния.

Здоровье – это состояние полного как физического, так и психического благополучия человека. Без здоровья человек ничего не может сделать, поэтому его поддержание очень важно.

Здоровый образ жизни – это образ жизни, когда человек стремится поддерживать свое физическое и психологическое здоровье, в том числе с помощью изменения плохих привычек на хорошие.

Есть два вида здоровья взаимно влияющих друг на друга – это физическое и психическое здоровье. Физическое здоровье включает в себя нормальное функционирование всех органов и систем человека. Для поддержания физического здоровья следует придерживаться следующего:

- здоровый сон, в полной темноте, более 7 часов;
- прогулки на свежем воздухе;
- занятия спортом: езда на велосипеде, плавание, бег, йога, зарядка и т. д.;
- отказ от вредных привычек: курения, употребления большого количества алкоголя и наркотических средств;
- правильное, сбалансированное питание: употребление большого количества фруктов, овощей, ягод, чистой воды и т. д.;
- стараться поддерживать определенный режим дня;
- следить за личной гигиеной, ведь она напрямую влияет на наше здоровье.

Психологическое здоровье – это позитивное отношение к жизни, принятие себя, наличие адекватных жизненных целей и т. д. Для его поддержания необходимо:

- поддерживать физическое здоровье: правильно питаться, поддерживать здоровый сон и т. д.;
- избавиться от источников сильных стрессов;
- следует чаще уделять время самому себе и научиться расслабляться: найти хобби или занятие, которое поможет бороться с сильным стрессом;
- пройти курс медитации: дыхание отлично восстанавливает организм;
- не бояться обратиться к психологу;
- научиться не перегружать себя информацией, особенно из интернета: многие новости отнюдь не положительные, что может приводить к сильному стрессу.

Психологическое состояние – это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени. Отрицательные психологические состояния включают в себя: стресс, тревожность, депрессию, напряженность и т. д.

Для выявления частоты встречаемости у студентов отрицательных психологических состояний (стресс, депрессия, тревожность) было проведено исследование на базе Гомельского

государственного университета имени Франциска Скорины. В исследовании приняли участие 64 студента разных факультетов.

Для диагностики тревожности был использован «Интегративный тест тревожности», разработанный А. П. Бизюком. Данная методика содержит в себе 5 шкал тревоги: эмоциональный дискомфорт, астенический компонент, фобический компонент, тревожная оценка перспектив, социальная защита.

По ее результатам было выявлено, что 16,2 % студентов имеют высокий уровень ситуативной тревожности. Для них характерна неудовлетворенность своей жизненной позицией, бессонница, повышенная эмоциональная напряженность и неуверенность в себе, проявление повышенной тревожности в сфере социальных контактов. 25,8 % респондентов имеют средний уровень ситуативной тревожности. 58 % опрошенных студентов имеют низкий уровень ситуативной тревожности, для них характерна удовлетворенность своей жизненной позицией, у них здоровый сон и пониженная эмоциональная напряженность, уверенность в себе и отсутствие проявления тревожности в сфере социальных контактов (Рис. 1).

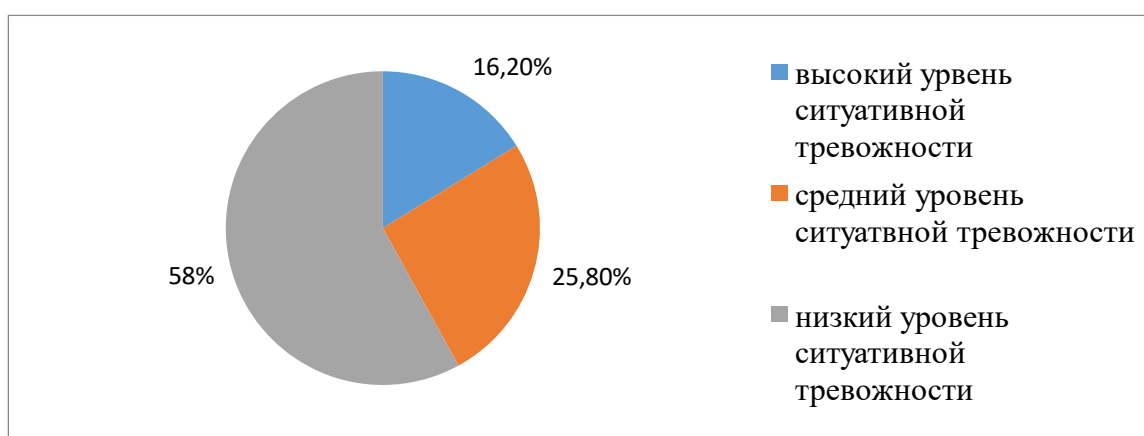

Рисунок 1 – Уровни ситуативной тревожности

11,5 % опрошиваемых имеют высокий уровень эмоционального дискомфорта, 29,6 % – высокий уровень астенического компонента. Таким студентам присуща вялость и пассивность, быстрая утомляемость, преобладание усталости, часто наблюдаются расстройства сна.

15,8 % имеют высокий уровень фобического компонента, для них характерно ощущение непонятной угрозы, неуверенности в своих силах, такие студенты не могут четко и ясно сформулировать то, что их в данный момент беспокоит и вызывает тревогу.

14,6 % опрошиваемых имеют высокий уровень тревожной оценки перспектив, для них характерно высокая степень озабоченности будущим из-за высокой эмоциональной чувствительности.

8,5 % опрошиваемых имеют высокий уровень социальной защиты, для них характерна неуверенность в себе, и они рассматривают социальную среду как основной источник тревожности и напряженности.

Для выявления уровня актуального психологического состояния была использована методика «Определение актуального состояния» В. Куликова. Методика имеет несколько дополнительных шкал: «активация – деактивация»; «тонус: высокий – низкий»; «самочувствие физическое: комфортное – дискомфортное»; «спокойствие – тревога»; «возбуждение эмоциональное: низкое – высокое».

По результатам было выявлено, что 29,1 % студентов имеют высокие показатели по данной методике. Для этих студентов характерно высокое эмоциональное возбуждение, напряжение и нервозность. Им трудно адекватно реагировать на изменение ситуации, сосредоточиться, трезво оцениваться свои силы и ставить осуществимые цели. 40,4 % респондентов

тов имеют низкие показатели. Для них характерно спокойствие, невозмутимость, осознанно контролируемое поведение, без перепадов настроения. Они трезво смотрят на вещи и ставят цели, которые могут достичь. 30,5 % средние показатели (Рис.2).

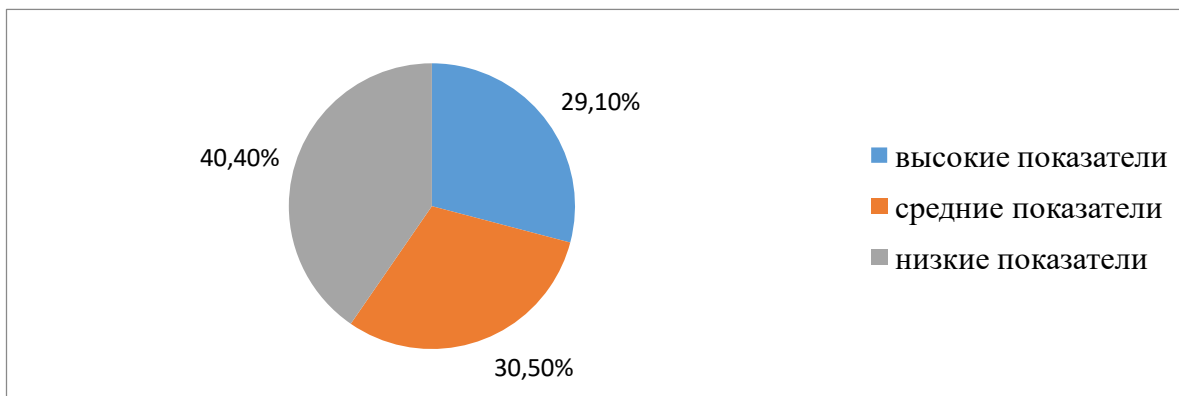

Рисунок 2 – Показатели по методике «Определение актуального состояния»

Таким образом, достаточно большое количество студентов подвергаются воздействию отрицательных психологических состояний. Для профилактики их появления можно использовать рекомендации, направленные на формирование установки на здоровый образ жизни.

Можно выделить еще несколько причин, которые влияют на формирование здорового образа жизни:

– пример старших. Если учащийся с детства видел, что его родители пьют и курят, то скорее всего, если ему не пояснить, что это сильно вредит здоровью, он не будет даже догадываться об этом. Подростки часто смотрят на более старших детей и часто для того, чтобы завести «друзей» они начинают пить и курить, чтобы показаться крутыми и взрослыми;

– не все учащиеся и студенты имеют условия для того, чтобы вести здоровый образ жизни. Учащиеся из неблагополучных семей, особенно дети, не могут самостоятельно нормализовать свое питание. В общежитие для студентов трудно поддерживать правильное питание или здоровый сон;

– нехватка времени. Учащиеся старших классов активно готовятся к экзаменам и поступлению, как и студенты, которые сдают сессию. В такое время трудно ходить на прогулки по свежему воздуху, поддерживать здоровый сон и готовить. Все это отнимает большое количество времени;

– недостаточная мотивация. Многие хотят начать вести здоровый образ жизни, но им сложно отказаться от старых привычек;

– недостаточный денежный капитал. Многие как семьи, так и студенты просто не могут позволить себе фрукты и овощи или другие хорошие качественные продукты.

Для профилактики нездорового образа жизни студентов и учащихся следует чаще проводить специальные мероприятия на тему здорового образа жизни, где будет рассказываться о важности его ведения, в чем вред курения, алкоголя, как важно заботиться о своем психическом здоровье, а также проводить больше мероприятий по выявлению стресса, тревожности и депрессии и оказывать своевременную психологическую помощь.

Список использованных источников

1 Левитон, Н. Д. О психических состояниях человека: учебное пособие / Н. Д. Левитон. – Москва: «Просвещение», 1964. – 332 с.

К. А. Астраух

Научный руководитель: И. Н. Андреева, д-р психол. наук, профессор
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ И НОРМАТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В статье представлены результаты исследования различий в выраженности показателей уровня стресса и копинг-стратегий у подростков с нормативным и девиантным поведением. Установлено, что подростки с нормативным типом поведения отличаются на достоверном уровне от подростков с девиантным типом поведения по уровню стресса и выраженности копинг-стратегии «Разрешение проблем».

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, эмоциональная сфера, стресс, копинг-стратегии.

Вопрос девиантного поведения исследуется уже давно, однако, не смотря на это, данная тема не становится менее актуальной.

Девиантное поведение подразумевается как поведение индивида или группы, которое в общей степени не соответствует общепринятым нормам в обществе, в результате чего эти нормы ими нарушаются.

В отечественной психологии исследованием девиантного поведения занимался ряд психологов, в частности, Я. И. Гишинский, Е. В. Змановская, В. И. Кудрявцев.

Отклоняющее поведение имеет различные формы проявления. Не сразу заметные правонарушения (безбилетный проезд, нарушение правил дорожного передвижения, мелкие кражи) имеют все шансы остаться без внимания. Но внезапные изменения в поведении, к которым относятся снижение ценностного отношения к себе, собственному имени и телосложению; негативное отношение к учреждениям общественного контроля служат наиболее устойчивыми признаками девиантного поведения.

Как правило, девиантное поведение складывается именно в подростковом возрасте. Это обусловлено следующим: подростковый период характеризуется повышенной эмоциональностью и возбудимостью, а волевой контроль поведения не полностью сформирован.

Существуют разные взгляды на понятие стресса. Биологический стресс, либо же физиологический, был введен Г. Селье. Под стрессом он понимал адаптивную реакцию, возникающую под влиянием необычных, чрезвычайных или экстремальных воздействий на организм человека, способствующий приспособлению/организма/к/новым/условиям/[6].

В психологии существует такое понятие, как эмоциональный стресс, который был впервые введен Р. Лазарусом. По его мнению, эмоциональный стресс в большей степени возникает из-за активизации познавательной деятельности, где в дальнейшем человек определяет для себя степень угрозы и сопоставляет/с/собственными/возможностями [4].

Психологический стресс в общем понимании шире, чем биологический, так как с психологической точки зрения, стресс зависит от индивидуальных психологических особенностей человека, а его характеристики в недостаточной мере навязывается спецификой внешних воздействий. В процессе изучения влияния стресса на человека встал вопрос о его способности справиться с трудными жизненными ситуациями. Таким образом, был введен термин «копинг-стратегии».

В психологии под копинг-стратегиями понимаются осознанно используемые человеком приемы совладания с трудными ситуациями, состояниями, совокупность различных поведенческих стратегий, меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека [5].

Актуальность проблемы исследования: каковы особенности эмоциональной сферы подростков с девиантным и нормативным поведением, а также какова степень выраженности уровня стресса у подростков с девиантным и нормативным поведением и преобладающих копинг-стратегии.

Практическая значимость заключается в том, что практические психологи могут использовать полученные результаты для разработки психокоррекционных программ для подростков с девиантным типом поведения, а предложенные рекомендации (по снижению стресса в подростковом возрасте) могут применяться родителями подростков.

Цель исследования – сравнить выраженность уровня стресса, преобладающие копинг-стратегии у подростков с девиантным и нормативным поведением.

Гипотеза исследования: выраженность уровня стресса и копинг-стратегий у подростков с нормативным и девиантным типом поведения на достоверном уровне различаются.

Выборка испытуемых составила 50 подростков 13–15 лет (согласно возрастной периодизации жизненного цикла человека Б. Г. Ананьева.): 23 девушки и 27 юношей. Среди них 25 подростков с девиантным поведением, 25 подростков с нормативным поведением.

Методы исследования:

- эмпирический метод исследования – опрос;
- метод обработки данных – критерий χ^2 Пирсона.

Методики исследования:

- шкала психологического стресса (PSM-25) (авторы: R. Tessier, L. Lemyre, L. Fillion (1990), адаптация: Н.Е. Водопьянова (2009) [1]),
- методика «Индикатор копинг-стратегий» (автор: James H. Amirkhan (1990), адаптация: Н. А. Сирота и В. М. Ялтонский (1995) [7]).

На первом этапе исследования, при помощи критерия χ^2 Пирсона, были изучены различия в уровне стресса. Результаты переменной «Уровень стресса» представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Различия между подростками с нормативным и девиантным поведением по уровню стресса

Переменная	Значение χ^2 Пирсона	Уровень значимости
Тип поведения / Уровень стресса	2,00	0,04

Из таблицы следует, что выявлены достоверные различия между подростками с девиантным и нормативным поведением по уровню стресса, так как $p \leq 0,05$. Исходя из полученных данных, рассмотрим процентные соотношения респондентов с различными уровнями стресса.

Результаты представленности различных уровней переменной «Уровень стресса» у подростков с нормативным и девиантным типами поведения отражены на рисунках 1–2.

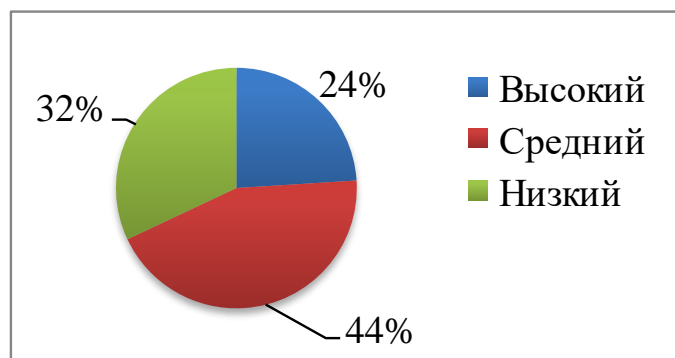

Рисунок 1 – Уровень стресса у подростков с нормативным поведением

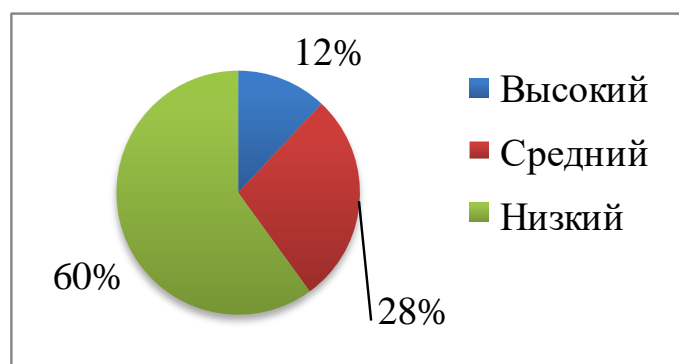

Рисунок 2 – Уровень стресса у подростков с девиантным поведением

На рисунках 1–2 изображено, что у подростков с нормативным типом поведения наиболее выражен средний уровень стресса, а у девиантных подростков – низкий уровень. Наименее представленным у обеих групп подростков является высокий уровень стресса.

Подростки с нормативным типом поведения отличаются более высокими показателями стресса, так как в школе они сталкиваются с самыми разными проблемами, негативное воздействие которых приводит к возникновению многих стрессовых состояний. К таким проблемам можно отнести: боязнь на уроке получить низкую оценку (из-за заниженной самооценки, несправедливости учителя, неуверенности и тревожности); буллинг среди одноклассников, которым подвержены в большей степени нормативные подростки; частое давление на подростка из-за неудач в учении (родитель через ребенка самоутверждается и компенсирует свои неудачи). В большинстве случаев, именно учебный процесс является стрессогенным фактором для нормативных подростков.

Подростки с девиантным типом поведения в меньшей степени переживают неудачи в процессе обучения, поскольку они менее мотивированы к нему. Стоит отметить, что отсутствие мотивации к обучению у девиантных подростков кроется, прежде всего, в отсутствии должных условий для удовлетворения обостренной потребности подростка в общественном признании. Это оборачивается задержкой личностного самоопределения. Кроме этого, стремление к взрослости и нежелание быть отстающим среди сверстников вызывают внешнее, а в последующем и внутреннее безразличие к мнению учителя и отметкам, несмотря на то, что реально подросток дорожит мнением взрослого [3].

Далее рассмотрим результаты сравнения подростков с девиантным и нормативным поведением по выраженности копинг-стратегий. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты сравнения подростков с девиантным и нормативным поведением по выраженности копинг-стратегий.

Переменная	Значение χ^2 Пирсона	Уровень значимости
Тип поведения / РП	6,11	0,05
Тип поведения / СП	1,34	0,51
Тип поведения / ИП	3,02	0,07

Примечания: РП – разрешение проблем, СП – социальная поддержка, ИП – избегание проблем

Из таблицы 2 следует, что выявлены различия между подростками с девиантным и нормативным поведением по выраженности переменной «Разрешение проблем» так как $p \leq 0,05$. Исходя из полученных результатов, рассмотрим процентные соотношения испытуемых с различными уровнями этой переменной.

Результаты представленности различных уровней переменной «Разрешение проблем» у подростков с нормативным и девиантным типами поведения отражены на рисунке 3 и 4.

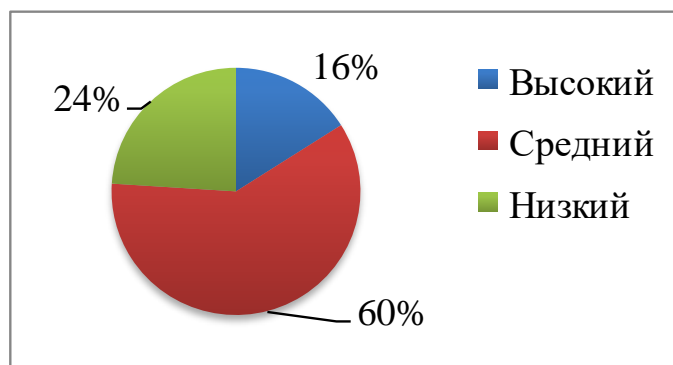

Рисунок 3 – Уровни копинг-стратегий «Разрешение проблем» у подростков с нормативным поведением

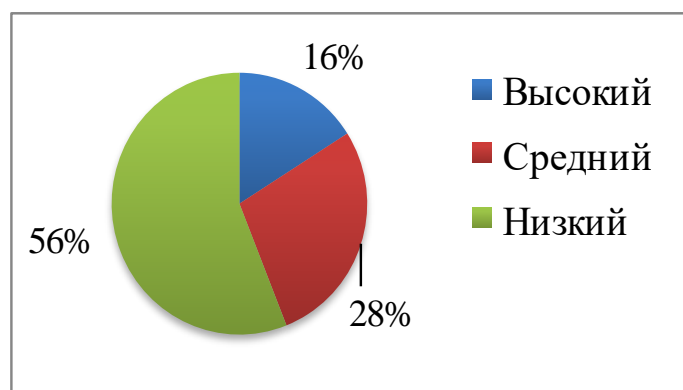

Рисунок 4 – Уровни копинг-стратегий «Разрешение проблем» у подростков с девиантным поведением

Исходя из полученных данных, можно отметить, что наиболее выраженным уровнем у подростков с нормативным типом поведения является средний уровень разрешения проблем, а у девиантных подростков – низкий. Наименее выраженный показатель уровня данной стратегии в обеих группах – высокий. Данные результаты свидетельствуют о том, что подростки с нормативным поведением используют более конструктивный стиль поведения в сложных жизненных ситуациях.

Такие подростки зачастую признают свою роль в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения. Как правило, стратегия разрешения проблем можно считать наиболее адаптивной, так как подростки с данной стратегией готовы активно противостоять трудностям и проблемам в жизни, принимать ответственность на себя при возникновении проблемных ситуаций.

По данным В. М. Ялтонского, активное использование стратегии разрешения проблем позволяет подросткам справляться с проблемными и стрессовыми ситуациями, успешно адаптироваться к требованиям учебного процесса в учебном заведении и последующей профессиональной деятельности. При этом они, как правило, выбирают наиболее эффективные пути разрешения проблем, тщательно взвешивают возможности выбора и обдумывают план действий [7].

Таким образом, подростки с нормативным типом поведения отличаются на достоверном уровне от подростков с девиантным типом поведения по уровню стресса и выраженно-

сти копинг-стратегии «Разрешение проблем». Следовательно, гипотеза исследования подтвердилась частично.

Практическая значимость исследования состоит в том, что по его результатам мы разработали следующие рекомендации для родителей по преодолению стресса у подростков:

– необходимы благоприятные взаимоотношения внутри семьи. Отношения в семье должны строиться таким образом, чтобы сила влияния родителей на жизнь подростка оставляла пространство для его личностного развития;

– следует регулировать нагрузку подростка. Родители должны адекватно оценивать нагрузку. У школьника должно быть свободное время для отдыха;

– необходимо оказывать подростку поддержку. Подросток должен понять и всегда помнить о том, что встречающиеся в его жизни трудности несколько вариантов разрешения, а с ним рядом постоянно есть близкие люди, в любой момент готовые помочь и поддержать его;

– следует уметь распознавать наличие у ребенка признаков эмоционального неблагополучия, необходимо постараться услышать, как ребенок сигнализирует о своем перенапряжении, а также не игнорировать неблагоприятные симптомы, ожидая, что все пройдет само;

– в кризисных ситуациях не нужно пренебрегать квалифицированной помощью специалистов. В центре взрослым и детям может быть оказана высококвалифицированная помощь в виде психологических консультаций, а также помогут в поиске наиболее эффективных способов разрешения сложившейся ситуации.

Список использованных источников

1 Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса / Н. В. Водопьянова – СПб. : Практикум по психологии. – 2009. – С. 568

2 Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением: учеб.-метод. пособие ; под ред. М. И. Рожкова. М. : ВЛАДОС, 2001 –240 с.

3 Змановская, Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) – учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. / Е. В. Змановская. – М. : Издат. Центр «Академия». – 2003. –288 с.

4 Лазарус, Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Р. Лазарус – Под ред. Л. Леви. – Л. : Медицина, 1970. – С. 178–208.

5 Матейчек, З. Исследование копинг-стратегий у подростков / З. Матейчек, Й. Лангмайер. // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25–28 июля 2008 года. – СПб.– 2008. – Т.2. – С. 18–23.

6 Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье – Пер. с англ.; общ. ред. Е.М. Крепса. – М. : Прогресс, – 1979. – 124 с.

7 Сирота, Н. А. Применение и внедрение копинг-стратегий подростков как актуальная задача психологии / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – № 2. – С. 72.

О. И. Багрецова

Научный руководитель: Е. М. Семенова, канд. психол. наук, доцент
Филиал Российского государственного социального университета,
г. Минск, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается роль социально-психологических факторов и их влияние на пищевое поведение современной молодежи. Выявляются социальные причины, провоцирующие возникновение нарушений в пищевом поведении. Полученные на основе проведенного

исследования данные свидетельствуют о значительном влиянии социально-психологических факторов на возникновение нарушений в пищевом поведении у современной молодежи.

Ключевые слова: пищевое поведение, расстройство пищевого поведения, пищевая зависимость, типы пищевого поведения, орторексия, образ тела, социальная тревожность.

Современный человек испытывает воздействие огромного количества факторов, многие из которых оказывают негативное влияние на его жизнедеятельность и приводят к изменениям психики и поведения. Нарушения пищевого поведения, являясь следствием такого воздействия, препятствуют гармоничному и эффективному развитию личности на всех этапах возрастного развития, становятся барьером в эффективной личностной самореализации. Хотя на первый взгляд может показаться, что нарушения пищевого поведения связаны исключительно с заботой о еде и весе, страдающие от них часто пытаются использовать пищу и контроль над едой, чтобы справиться с психологическими проблемами.

Количество исследований нарушений пищевого поведения (НПП) в последнее время увеличивается, что свидетельствует о существенном научном интересе к данной проблеме. В среднем в развитых странах болеют анорексией 4 %, булимией – 2 %, психогенным перееданием – 2 % женщин. Психогенное переедание у мужчин встречается реже, чем у женщин (ежегодно заболевают 0,8 % и 1,6 % соответственно). Проведенные в США и Греции исследования показали, что смертность от избыточной потери веса, истощения и самоубийств среди страдающих расстройством пищевого поведения составляет более 5 % [2, с. 144]. В России и Беларуси до сих пор нет точной статистики по распространенности расстройств пищевого поведения.

Пищевое поведение – это совокупность привычек, связанных с приемом пищи – вкусовые предпочтения, режим приема пищи, диета и т. п. В содержание данного понятия включают установки, формы поведения, привычки и эмоции, касающиеся еды, которые индивидуальны для каждого человека [3, с. 4]. Пищевое поведение зависит от многих факторов – культурных, этнических, семейных традиций и ценностей, особенностей воспитания и поведения членов семьи и биологических особенностей организма, сложившихся в данном социуме стандартов и эталонов нормы и красоты. Ученые считают, что расстройство пищевого поведения (РПП) – результат биологических, психологических и социокультурных факторов [2, с. 146].

НПП может иметь ситуативный характер и не вести к тяжелым последствиям, проявляться в легкой форме нарушений в отношениях с едой, в то время как РПП – это стойкие нарушения питания или связанного с ним поведения, приводящие к изменениям потребления или поглощения пищи и существенно ухудшающие физическое здоровье и эмоциональное состояние пациента [1, с. 236].

Т. Г. Вознесенская выделяет три основных вида нарушений пищевого поведения:

– ограничительное пищевое поведение. Так называют избыточные пищевые самоограничения и бессистемные слишком строгие диеты;

– эмоциогенный тип пищевого поведения. Гиперфагическая реакция (переедание) на стресс;

– экстернальное пищевое поведение проявляется повышенной реакцией не на внутренние стимулы к приему пищи (уровень глюкозы и свободных жирных кислот в крови, пустой желудок и т. д.), а на внешние: доступность определенной пищи, мнение окружающих о выбранной еде, поведение в компании людей.

Учитывая, что молодые женщины подвергаются наибольшему риску развития пищевых расстройств, было проведено исследование (30 женщин в возрасте от 19 до 29 лет) с помощью голландского опросника пищевого поведения (DEBQ). Было выявлено, что все молодые женщины имеют нарушения пищевого поведения того или иного типа.

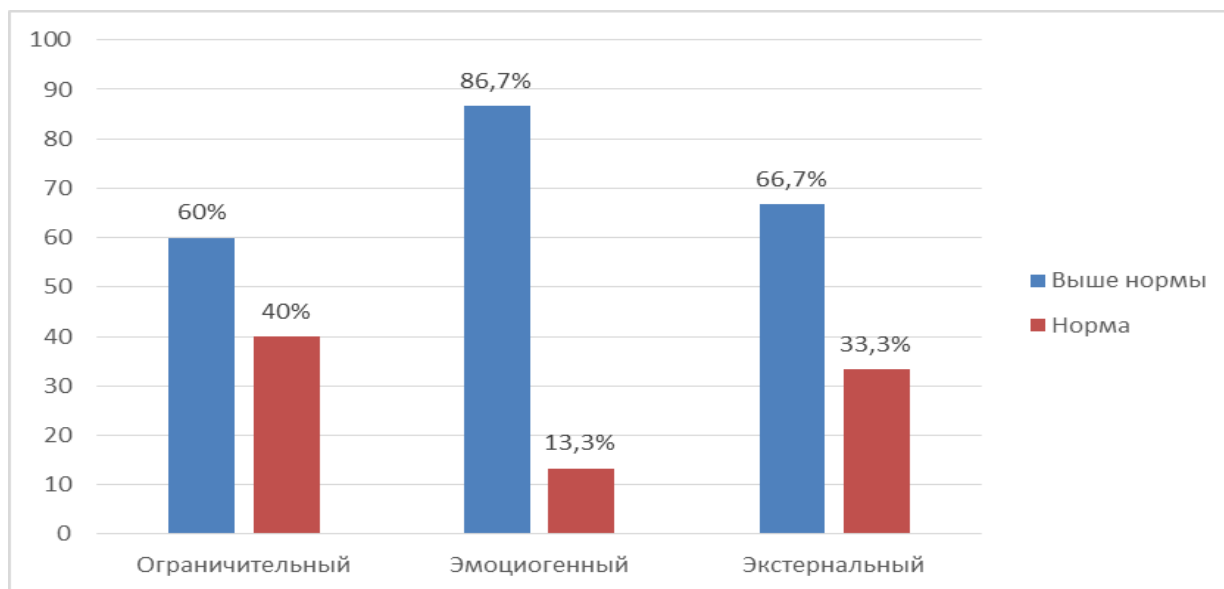

Рисунок 1 – Выраженность типов нарушения пищевого поведения у молодых женщин по методике «Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ)»

Сравнительный анализ полученных данных показал, что женщинам молодого возраста в большей степени свойственен эмоциогенный (86,7 %) тип пищевого поведения. Эмоциогенная еда, как пищевое нарушение проявляется тем, что при психоэмоциональном напряжении, волнении или сразу после окончания действия фактора, вызвавшего стресс, у человека резко усиливается аппетит, и возникает желание поесть. При этом типе нарушения пищевого поведения стимулом к приему пищи становится не голод, а эмоциональный дискомфорт: человек ест не потому, что голоден, а потому, что беспокоен, тревожен, раздражен, у него плохое настроение, он удручен, подавлен, обижен, раздосадован, разочарован, потерпел неудачу, ему скучно, одиноко и т. д. Пища у людей с эмоциогенным пищевым поведением является своеобразным лекарством, так как действительно приносят этим людям не только насыщение, но и успокоение, удовольствие, релаксацию, снимает эмоциональное напряжение, повышает настроение.

Наличие достаточно высоких показателей у женщин молодого возраста ограничительного типа пищевого поведения (60 %) предполагает связь с высокими показателями по эмоциогенному пищевому поведению (86,7 %) и этих типов пищевых расстройств: частое использование диет и ограничений в питании может проявляться в эмоциональной нестабильности, провоцируя приступы переедания.

Ограничительное пищевое поведение у женщин молодого возраста характеризуется преднамеренными усилиями, направленными на достижение или поддержание желаемого веса соблюдением диеты. Врачом С. Брэтманом в 1996 году было впервые сформулировано понятие орторексия – расстройство приема пищи, характеризующееся навязчивым стремлением к «здоровому и правильному питанию». Надо отметить, что орторексия пока официально не признана психической болезнью, но эта тема сейчас широко обсуждается в мировых СМИ. Соблюдение различных диет, ограничений в питании, подсчет калорийности пищи в течение последних 30 лет стали очень популярными в современном обществе среди молодых женщин в связи с социально принятыми стандартами внешности, в котором стройная фигура – жизненно необходимый фактор успеха и счастья. Следует учесть, что нарушение пищевого поведения по ограничительному типу приводит к предрасположенности к таким серьезным клиническим заболеваниям, как нервная анорексия и булимия, представляющим опасность для жизни.

У многих молодых женщин в нашем исследовании выявлены высокие показатели по экстернальному типу пищевого поведения (66,7 %). Экстернальность связана с мотивацией пищевого поведения, но также здесь играют роль и другие факторы: доступность пищи и уровень самоконтроля. Развитию экстернального типа расстройства пищевого поведения

способствуют культурально-обусловленные стереотипы отношения к приему пищи как к средству коммуникации и поощрения. Из просто приятного способа проводить время за ужином или обедом еда превращается в основной источник получения приятных ощущений или снятия напряжения. Этот тип пищевого поведения часто приводит к психогенному перееданию по механизму похожему на зависимость, часто проявляющуюся в избыточной массе тела и, как следствие, к ожирению. Наличие у женщин молодого возраста экстернального типа пищевого поведения говорит об отношении к приему пищи как к средству коммуникации и поощрения, а также о низком уровне самоконтроля.

Одним из самых значимых факторов НПП является социальный. По данным зарубежных исследований к основному социальному фактору современного мира, который может способствовать нарушению пищевого поведения относится культурное давление (СМИ, соцсети), прославляющее «худощавость» и узкие определения красоты, которые оценивают людей на основе внешности, а не внутренних качеств. При этом для девушек характерна большая степень неудовлетворенности образом собственного тела, чем для юношей. Была отмечена особая роль социального давления на беспокойство о весе и решение похудеть. Существенный вклад в формирование негативного образа собственного тела вносят оценки ближайшего социального окружения. Отмечаются такие факторы влияния негативного образа тела, как заниженная самооценка, проблемы в межличностном взаимодействии. Контроль телом является компенсатором неуверенности в социальном окружении [4, с. 66].

Рассматривая образ «идеального тела» в контексте социального фактора, влияющего на нарушение пищевого поведения, было проведено исследование 30 женщин в возрасте от 19 до 29 лет с помощью опросника образа собственного тела О. А. Скугаревского, С. В. Сивухи. У 18 из 30 молодых женщин (60 %) выявлено преобладание негативного образа тела. На восприятие тела значительное влияние могут оказывать мнение супругов, друзей, членов семьи, а также различных медийных или рекламных образов «правильных» тел, которыми наполнены СМИ. Для таких людей даже незначительное замечание может понизить самооценку и отношение к себе. На чувствительность к негативной оценке тела могут влиять возраст, сексуальная ориентация, культурные особенности, принципы воспитания или установки социальной среды. Следует отметить, что негативный образ тела включает в себя различие между тем, как человек выглядит на самом деле, и тем, как он должен выглядеть в соответствии с его собственным представлением идеального образа себя. Негативный образ тела тесно связан с развитием клинически развернутых нарушений пищевого поведения таких как нервная анорексия и булимия, а также компульсивное переедание.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что нарушения в пищевом поведении в той или иной степени присутствуют у молодых женщин. Они могут быть связаны с социальной тревожностью, с состоянием страха, опасения и беспокойства в отношении оценки другими людьми, социокультурными установками современного общества, которые оказывают большое влияние на пищевое поведение и способствуют возникновению РПП.

В связи с вышесказанным, считаем важным изучать рассмотренные в статье факторы нарушения пищевого поведения и принимать их во внимание при разработке программ профилактики, предотвращения и распространения РПП в современном обществе среди молодежи.

Список использованных источников

1 Вознесенская, Т. Г. Типология нарушений ПП и эмоционально-личностные расстройства при первичном ожирении и их коррекция / Т. Г. Вознесенская В кн. : Ожирение под ред. Дедова И. И., Мельниченко Г. А.. – М. : МИА, 2004. – С. 234–271.

2 Кононов, А. Н. Социальные факторы возникновения расстройств пищевого поведения: контент-анализ текстов в сети / А. Н. Кононов, А. С. Комиссарова // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2020. – № 1. – С. 144–153.

3 Малкина-Пых, И. Г. Терапия пищевого поведения: справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых. – М. : ЭКСМО, 2002. – 1041 с.

4 Фролова, Ю. Г. Социальные факторы формирования негативного образа тела / Ю. Г. Фролова, О. А. Скугаревский // Социология. – 2004. – № 2. – С.61–68.

К. С. Бируль

Научный руководитель: И. В. Журлова, канд. пед. наук, доцент
Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ С УЧРЕЖДЕНИЕМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассматривается опыт организации социального партнерства в контексте государство – учреждение высшего образования – учреждение здравоохранения. Авторы приводят данные ежегодного мониторинга эффективности и качества идеологической и воспитательной работы в МГПУ имени И. П. Шамякина (установка на здоровый образ жизни) и опыт реализации профилактического проекта «Мой стиль жизни сегодня – Мое здоровье и успех завтра!».

Ключевые слова: социальное партнерство, здоровый образ жизни, студенты, профилактический проект.

Формирование всесторонне развитой личности – ведущая задача системы образования. Ответственность образовательных учреждений за укрепление здоровья подрастающего поколения, приобщение к ценностям здорового образа жизни, воспитание здоровьесберегающих технологий являются сегодня наиболее актуальными. В связи с чем современному учреждению образования необходимо освоить и использовать инновационные идеи в решении данной проблемы, в частности, организацию социального партнерства [3].

В системе образования социальное партнерство выглядит как взаимодействие учреждений образования с государством, детскими и молодежными общественными объединениями, коммерческими и некоммерческими организациями, а также с семьей.

Как показывает практика, установление партнерских отношений с разными представителями системы образования, а также с учреждениями других систем в процессе профилактики нарушений здорового образа жизни студенческой молодежи ведет к формированию универсальной развивающей образовательной среды, которая расширяется и обогащается за счет новых субъектов образовательного процесса, а студенты, как будущие специалисты сферы образования, приобретают социальный опыт и социальную компетентность [3].

Ежегодно в учреждении образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» проводится мониторинг эффективности и качества идеологической и воспитательной работы (далее мониторинг), согласно «Плана идеологической и воспитательной работы на учебный год» государственного учреждения образования «Республиканский институт высшей школы».

Мониторинг проводится анонимно среди студентов первых, третьих и четвертых курсов. В мониторинге рассматриваются вопросы формирования здорового образа жизни студентов. Приведены результаты мониторинга за 2019 / 2020 и 2020 / 2021 учебные годы. В ходе опроса испытуемые могли выбрать несколько вариантов ответов. Ответы приведены в процентном соотношении.

По данным из таблицы 1 видно, что реализация студентами здорового образа жизни на практике представлена следующим образом: они отказываются от вредных привычек, ведут активный образ жизни, считают, что здоровье очень важно для того, чтобы добиться успеха в жизни (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Установка на здоровый образ жизни. Реализация студентами здорового образа жизни на практике

Реализация студентами здорового образа жизни на практике (% ответивших утвердительно)				
УВО	ведут активный здоровый образ жизни	считают, что здоровье очень важно для того, чтобы добиться успеха в жизни	имеют приверженность к здоровому образу жизни	указывают на отсутствие вредных привычек
2019 / 2020 уч.год	52	48	26	62
2020 / 2021 уч.год	53	47	25	64

Однако как свидетельствуют данные таблицы 1, только четверть студентов из числа опрошенных (26 % и 25 %) на протяжении двух учебных лет имеют приверженность к здоровому образу жизни.

В связи с этим учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П.Шамякина» реализует профилактический проект «Мой стиль жизни сегодня – Мое здоровье и успех завтра!» (далее Проект) совместно с отделом общественного здоровья государственного учреждения «Мозырский зональный центр гигиены и эпидемиологии». Названный проект направлен на первичную профилактику негативных явлений в молодежной среде. Мероприятия, предусмотренные программой, которая разрабатывается на каждый учебный год и утверждается ректором университета, главным врачом учреждения здравоохранения «Мозырская центральная городская поликлиника», главным государственным санитарным врачом «Мозырский зональный центр гигиены и эпидемиологии» ориентированы на активизацию личностного потенциала студентов, формирование их нравственно-волевых качеств, ответственного отношения к своему эмоциональному и физическому здоровью.

Целевой группой Проекта являются студенты дневной формы обучения учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П.Шамякина».

В ходе проекта обращается внимание на то, что студент должен сам быть заинтересован в своем здоровье: отказаться от вредных привычек, вести активный образ жизни, правильно питаться, заниматься спортом.

На первом этапе проекта был проведен опрос студентов о причинах приобщения к нездоровому образу жизни. Результаты опроса представлены в таблице 2 (результаты за 2019 / 2020 учебный год представлены из мониторинга за 2019 / 2020 учебный год) (см. таблицу 2).

Из таблицы 2 следует, что на протяжении двух учебных лет основной причиной приобщения к нездоровому образу жизни остается влияние друзей, близких. Поэтому мероприятия Проекта строились по принципу «Равный обучает равного» (далее РОР). Ключевыми фигурами в реализации данного принципа РОР являются подготовленные из числа студентов волонтеры-инструкторы. Волонтеров-инструкторов готовят специалисты социально-педагогической психологической службы университета и врач-валеолог государственного учреждения «Мозырский зональный центр гигиены и эпидемиологии». С волонтерами-инструкторами были проведены тренинговые занятия «Формирование лидерских качеств», «Сплоченность и командообразование», «Менеджмент волонтерской деятельности», «Здоровый образ жизни – стиль жизни», «Вредные привычки», «Что такое хорошо, что такое плохо», «Чек-листы, как старт формирования ЗОЖ».

Таблица 2 – Установка на здоровый образ жизни. Причины приобщения к нездоровому образу жизни

Причины приобщения к нездоровому образу жизни (% ответивших утвердительно)							
УВО	безответственное отношение к своему здоровью	влияние друзей, близких	отсутствие у молодых людей силы воли	низкая культура	плохая самоорганизация досуга	плохое воспитание	другое (указать, что именно)
2019 / 2020 уч.год	44	46,7	39	20	33	19.2	–
2020 / 2021 уч.год	45	46	41	19	34	19	–

Занятия по принципу РОР проводятся волонтерами-инструкторами в небольших группах ровесников, что является наиболее эффективной формой профилактического взаимодействия.

В 2020 / 2021 учебном году были проведены тренинговые занятия волонтерами-инструкторами на базе общежитий учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П.Шамякина» по следующим темам: «Береги здоровье с молодую», «Чек-листы для того, чтобы все успевать», «Между нами девочками», «7 правил успеха» (см.рисунок 1).

Рисунок 1 – Реализация профилактического проекта «Мой стиль жизни сегодня – Мое здоровье и успех завтра!»

В холлах учебных корпусов организовывались акции с раздачей тематических листовок и участием в блиц-опросе: «Молодежь. Здоровье. Образ жизни», «Поменяй сигарету на конфету», «Что такое СПИД?», «Измерь артериальное давление», «Прививки хорошо или плохо?», «Правила гигиены».

В соответствии с тематическими календарными датами работали информационно-профилактические площадки факультетов.

Большое внимание уделялось информированию и участию в акциях по развитию безвозмездного донорства крови. Так за 2020 / 2021 учебный год более 80 студентов стали новыми донорами крови.

Учреждения здравоохранения в Проекте выполняли следующие роли:

- донора / дарителя – осуществляет материальную поддержку мероприятий Проекта;
- патрона / покровителя – активно продвигали идею партнерства и рекламировали его за счет профессиональной репутации;
- промоутера / сторонника – реализовывали рекламную кампанию партнерства на основании реальных достижений и фактов;
- фасилитатора / помощника – был назначен врач-валеолог для управления процессом сотрудничества в части профилактики здорового образа жизни [1].

По результатам мониторинга за 2020 / 2021 учебный год можно говорить об эффективности Проекта, сопоставив полученные данные с результатами двух учебных лет. Как видно из результатов мониторинга, приведенных в таблице 3, по мнению студентов, здоровье – это хорошее самочувствие и настроение и только на втором месте физический и психологический комфорт (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Установка на здоровый образ жизни. Здоровье, по мнению студентов

Здоровье, по мнению студентов, – это: (% ответивших утвердительно)						
	физический и психологический комфорт	то, что нужно беречь	хорошее самочувствие и настроение	отсутствие необходимости обращаться к врачу	способность переносить нагрузки	другое (указать, что именно)
2019 / 2020 уч.год	55	49	59,2	16	19,3	–
2020 / 2021 уч.год	56	48	58	17	19	–

На протяжении двух учебных лет данные показатели существенно не изменились. Это говорит о том, что имидж здорового образа жизни остается приоритетным для студенческой молодежи; мероприятия, проводимые в течении учебного года, позволяют закрепить данные установки (см.таблицу 3).

Как следует из таблицы 4, главным источником получения информации в области здоровья на протяжении двух учебных лет остаются врачи, специалисты социально-педагогической и психологической службы. Это еще раз подтверждает, что участие врача, специалиста социально-педагогической сферы повышает эффективность профилактических мероприятий Проекта. Прослеживается положительная динамика увеличении по показателю «друзья» (с 21 % до 25 %), что свидетельствует об эффективности использования принципа POP.

Таблица 4 – Установка на здоровый образ жизни. Источники получения информации в области здоровья

Источники получения информации в области здоровья (% ответивших утвердительно)							
УВО	врачи, специалисты СППС	СМИ (радио, ТВ)	интернет	научно-популярные книги	газеты и журналы	друзья	другое (указать, что именно)
2019 / 2020 уч.год	61	44	35	23	21	21	–
2020 / 2021 уч.год	62	43	40	12	20	25	–

Опыт реализации социального партнерства с учреждениями здравоохранения и анализ изученных исследований позволяет сделать следующие выводы:

- формирование мотивационных установок на приоритетное значение здоровья и здорового образа жизни отражается в шкале личностных ценностей;
- активизация молодежи в решении вопросов по пропаганде здорового образа жизни должна быть выстроена в контексте социального партнерства;
- обучение студенческой молодежи по принципу «равный обучает равного» с целью распространения профилактической информации среди сверстников наиболее эффективно.

Список использованных источников

- 1 Борисов, В. А. Социальное партнерство в России: специфика или подмена понятий? / В. А. Борисов. – М. : Социологические исследования. – 2001. – № 5. – С. 56–67.
- 2 Козел, В. И. «Студенческая мастерская инноваций», или Как организовать социально значимую деятельность: популяризация проектной деятельности среди будущих педагогов / В. И. Козел // Народная асвета. – 2018. – № 6. – С. 87–91.
- 3 Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021–2025 годы / Мин.образования. – Минск: [Электронный ресурс] 2021. – 39 с. Режим доступа: https://www.bstu.by/uploads/attachments/uvrm/7-Концепцыя_razvitiya_ped_obrazov_v_RB_2021-2025.pdf Дата доступа: 10.05.2022.
- 4 Левко, А. И. Социальная педагогика: учебное пособие для педагогических специальностей вузов / А. И. Левко. – Минск: ИВЦ Минфина, 2003.– 339 с.

В. В. Выдровская

Научный руководитель: О. А. Короткевич
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ СЧАСТЬЯ ПОДРОСТКАМИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

В статье рассматривается проблема жизненной удовлетворенности и переживания счастья подростками в современных условиях цифровизации общества и основных сфер общения. Автор приводит результаты эмпирического исследования психологических особен-

ностей жизненной удовлетворенности и переживания счастья подростками с разным уровнем Интернет-зависимости.

Ключевые слова: подросток, подростковый возраст, жизненная удовлетворенность, счастье, переживание счастья, Интернет-зависимость.

Дефиниция счастья является самой неоднозначной в современной психологии. В идеальном понимании достижение состояния счастья является главной целью человека. С точки зрения общественной значимости счастье представляет собой ценный социальный ресурс, так как способствует вовлечению человека в систему коллективных взаимодействий. М. Аргайл включает в структуру счастья три составляющие: удовлетворенностью жизнью, позитивные и негативные эмоции. Удовлетворенность жизнью – это познавательный аспект чувствования счастья. Удовлетворенность жизнью зависит от состояния здоровья, успешности в рабочей сфере, присутствия системы доверительных отношений, личностных свойств (осмысленность жизни, самоотношение), наличие и качество досуга. Материальный уровень достатка, религиозные воззрения, пол, возраст не имеют значимого влияния на уровень счастья.

Современные подростки значительную часть времени проводят в Интернете, удовлетворяя большинство значимых социальных потребностей в общении и поддержке с помощью мессенджеров и социальных сетей. Национальный статистический комитет Беларуси подсчитал, что в 2020 году сетью Интернет пользовались 92,7 % детей в возрасте 6–17 лет, из них 83,4 % – ежедневно. Чаще всего подростки посещают сайты категории «Аудио и видео» (43,6 %): просматривают материалы блогеров на YouTube, слушают музыку на стриминговых платформах и увлекаются сериалами Netflix [1].

«Интернет-зависимость» возникает в случае чрезмерного использования Интернет-ресурсов, злоупотребления ими в ущерб другим социальным связям и ответственности. Главными критериями Интернет-зависимости называют отсутствие способности контролировать использование Интернета и «уход» из реальной жизни в виртуальную [2]. Негативными последствиями Интернет-зависимости могут стать: семейные сложности, проблемы с учебой, конфликты с родителями и сверстниками, кибербуллинг, стрессовые ситуации, склонность к суициду.

Нами проведено эмпирическое исследование на базе ГУО «Красненская средняя школа». Характеристика выборки исследования: учащиеся подросткового возраста из старших классов. Общее количество респондентов составило 130 человек, из них 65 девушек и 65 юношей. Средний возраст испытуемых 15 лет. Методики:

- тест К. Янг на интернет-зависимость;
- методика Оксфордский опросник счастья;
- опросник «Удовлетворенность жизнью».

Представим результаты исследования по тесту К. Янг на интернет-зависимость в виде диаграммы, в которой отобразим результаты психодиагностики в процентном соотношении от общего количества респондентов, принявших участие в исследовании на рисунке 1.

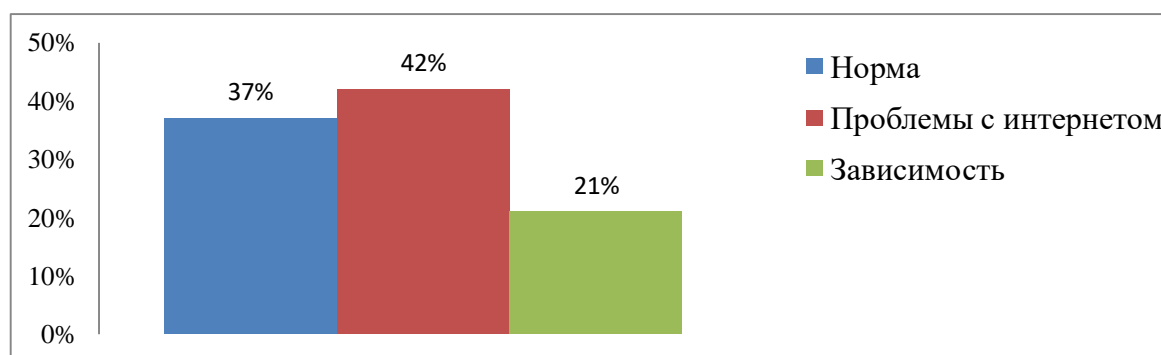

Рисунок 1 – Результаты исследования по тесту Кимберли-Янг на интернет-зависимость

Можно утверждать, что для 37 % опрошенных характерно отсутствие всякого рода интернет и компьютерной зависимости, что в свою очередь говорит о том, что пользование интернетом и социальными сетями не оказывает негативного влияния на жизнь этих подростков.

Для 42 % опрошенных характерно наличие минимальных проблем с интернет-зависимостью, что свидетельствует о том, что интернет оказывает негативное влияние на некоторые сферы личной жизни исследуемых подростков. У 21 % опрошенных выявлена зависимость от интернета, что свидетельствует о том, что компьютер и, в частности, интернет оказывают пагубное воздействие на жизнь и психоэмоциональное состояние подростка.

Далее было проведено исследование выборки испытуемых по методике «Оксфордский опросник счастья», результаты, полученные в ходе исследования отобразим в виде рисунка 2.

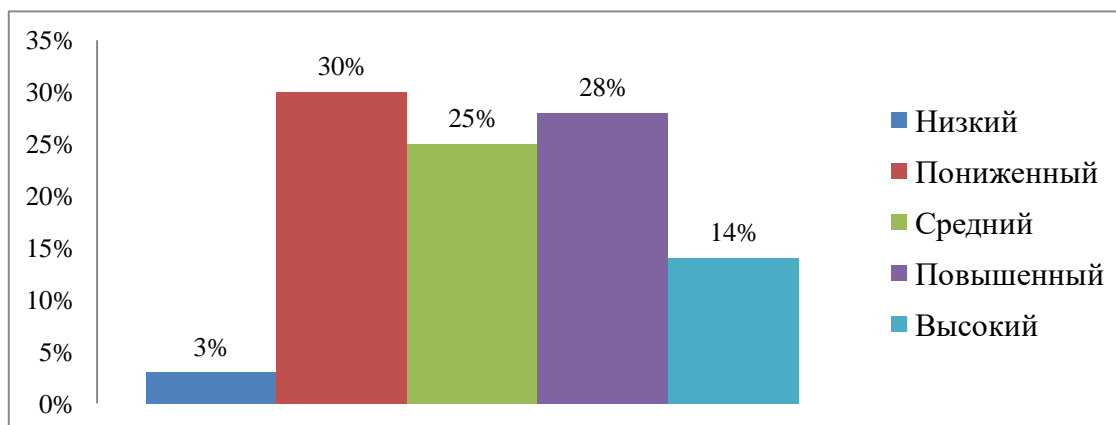

Рисунок 2 – Результаты исследования по методике Оксфордский опросник счастья

Согласно данным рисунка 2, можно говорить о том, что для 3 % испытуемых подростков характерен низкий уровень счастья. Низкий уровень счастья характеризуется отсутствием удовлетворенности жизнью, таких людей ничего не радует и не приносит удовольствия. Они характеризуются полным отсутствием жизненной энергии и удовольствия.

Для 30 % опрошенных респондентов характерен пониженный уровень счастья. Данное состояние человека, соответствует минимальной внутренней удовлетворенностью условиями своего бытия, частичной осмысленности жизни, редкому осуществлению своего призвания, минимальной самореализации.

У 25 % опрошенных подростков выявлен средний уровень счастья. Данный уровень характеризуется в целом удовлетворенностью своего бытия, осмысленностью своей жизни, достаточным уровнем получаемого удовольствия от происходящих событий в жизни, испытуемые характеризуются наличием жизненных сил и энергии.

Для 28 % опрошенных респондентов характерен повышенный уровень счастья. Данные испытуемые в целом удовлетворены своей жизнью, у них присутствуют приятные моменты, имеются определенные удовольствия и радость на жизненном пути, однако у них наблюдается полной удовлетворенности своей жизнью. Существуют проблемы, которые не позволяют им, чувствовать себя полностью счастливыми.

Для 14 % опрошенных подростков характерен высокий уровень счастья, согласно Оксфордскому опроснику счастья. Для подростков, у которых выявлен высокий уровень счастья характерна гармония психических процессов, способствующих развитию личности. Счастливый индивид имеет активную жизненную позицию; ориентирован на саморазвитие и самосовершенствование; стремится к созданию семьи, гармоничных отношений; способен признавать ошибки, учиться на них; имеет личное мнение, не боится его выражать; стойко переносит жизненные трудности; принимает взвешенные решения.

Ощущение счастья зависит от характера, самоощущения, мировоззрения. Личности, привыкшие видеть во всем негатив, считают счастье врожденным талантом, результатом везения. Привычка чувствовать себя несчастным мешает, замечать приятные моменты жизни. Они зацикливаются на невезении, упиваются несчастьем. Успех вызывает злость, раздражение, зависть.

Когда взгляды индивида противоречат идее счастья, он привыкает к позиции неудачника. Чтобы изменить внутренне состояние, необходимо фокусироваться на нем и сознательно управлять им.

Чем выше уровень счастья подростка, тем более он удовлетворен своей жизнью и окружающей его действительностью, тем более он способен самореализоваться и самораскрыться в процессе жизнедеятельности.

Для упрощения анализа данных представим результаты исследования по методике «Оксфордский опросник счастья» сгруппированные по силе интернет зависимости в виде диаграммы, в которой отобразим результаты психодиагностики в процентном соотношении от общего количества респондентов, принявших участие в исследовании (рисунок 3).

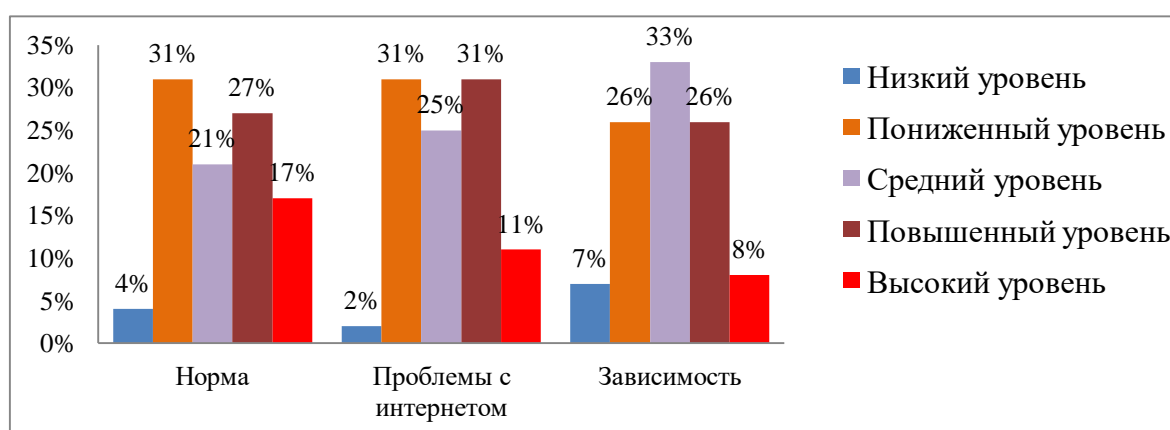

Рисунок 3 – Результаты исследования счастья в зависимости от силы интернет зависимости

Согласно данным, полученным в ходе статистического анализа данных с использованием t-критерия Стьюдента, не было установлено статистически значимых различий в уровне счастья между подгруппами, разделенными по уровню интернет зависимости.

Для исследования уровня удовлетворенности жизнью в зависимости от силы интернет зависимости использованы тест Кимберли-Янг на интернет-зависимость и методика «удовлетворенность жизнью» (УДЖ). Результаты исследования, представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Результаты исследования удовлетворенности жизнью в зависимости от силы интернет зависимости

Уровень интернет зависимости	Шкала удовлетворенности жизнью	Уровень удовлетворенности	Количество человек
1	2	3	4
Норма	«Жизненная включенность»	Низкий	9
		Средний	20
		Высокий	19
	«Разочарование в жизни»	Низкий	9
		Средний	21
		Высокий	18

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
	«Усталость от жизни»	Низкий	13
		Средний	13
		Высокий	22
	«Беспокойство о будущем»	Низкий	12
		Средний	16
		Высокий	20
Проблема с интернетом	«Жизненная включенность»	Низкий	14
		Средний	25
		Высокий	16
	«Разочарование в жизни»	Низкий	16
		Средний	17
		Высокий	22
	«Усталость от жизни»	Низкий	17
		Средний	23
		Высокий	15
	«Беспокойство о будущем»	Низкий	10
		Средний	26
		Высокий	19
Зависимость	«Жизненная включенность»	Низкий	6
		Средний	15
		Высокий	6
	«Разочарование в жизни»	Низкий	7
		Средний	6
		Высокий	14
	«Усталость от жизни»	Низкий	6
		Средний	11
		Высокий	10
	«Беспокойство о будущем»	Низкий	8
		Средний	6
		Высокий	13

Были установлены статистически значимые и достоверные различия в уровне всех исследуемых параметров удовлетворенности жизнью у представителей части выборки без интернет зависимости и части с наличием интернет зависимости. Можно заключить, что более высокий уровень жизненной удовлетворенности является особенностью группы подростков без признаков интернет зависимости.

Результаты исследования могут быть использованы в психопросветительской, профилактической и коррекционно-развивающей работе психолога с подростками с целью развития осознанного отношения к своему психическому состоянию.

Список использованных источников

1 Дети в Интернете – 2022 / Kaspersky [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/children-report-2022/> – Дата доступа: 10.05.2022.

2 Лоскутова, В. А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.00.18 / В. А. Лоскутова ; Новосибирская гос. мед. акад. МЗ РФ. – Новосибирск, 2004. – 157 с.

А. А. Давыдовская

Научный руководитель: Е. В. Дробышевская

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Статья посвящена исследованию личностных особенностей подростков, склонных к интернет-зависимости. Рассматривается современное представление об интернет-зависимости. Проводится анализ проблемы интернет-зависимости и раскрываются теоретические представления о социальном-психологических факторах интернет-зависимости в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, сеть, кибербуллинг, интернет-зависимость, замкнутость.

В современном мире появился новый вид психологического расстройства – интернет-зависимость, признаками которой считаются: постоянное желание войти в Интернет; утрата чувства времени в интернете; игнорирование домашних обязательств и социальной жизни; вход в Интернет с целью уйти от проблем; снижение настроения при прекращении пребывания в сети и др.

Интернет-зависимость – глобальная проблема современности, с которой столкнулось общество. Официально, на сегодняшний день, зависимость от интернета психическим расстройством не признана. Интернет не дает полноценного общения, не удовлетворяет фундаментальные потребности личности в самоутверждении и самовыражении.

Наиболее склонными к интернет-зависимости являются молодые люди. По мнению психологов, это связано с тем, что полученная при общении с электронными средствами информация оказывает на их восприятие гораздо большее впечатление и опосредована более значимым эмоциональным фоном, чем информация, приобретенная из иных источников.

Опасность, которую несет чрезмерное увлечение молодых людей Интернетом состоит в том, что это может оказать негативное влияние на их внутреннее развитие. Интернет предоставляет возможность беспрепятственного доступа к неприличным и аморальным сайтам. Там встречается масштабная пропаганда ксенофобии, расовой дискриминации и других угроз человеческой культуре. К особо опасным в этом плане можно отнести размещаемое в сети видео издевательств подростков друг над другом (кибербуллинг), над животными, сайты мазохистского типа, призывающие причинять себе боль и вред, поощряющие суицидальные действия. Влияние подобных сайтов на психику человека может быть разрушительным, так как, по мнению психологов, в процессе интенсивного применения современных информационных технологий происходит «паралич человеческого мышления», в результате чего человек утрачивает способность самостоятельно думать, понимать и чувствовать.

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что основной предпосылкой развития интернет-зависимого поведения у студентов является неполное разрешение кризиса встречи со взрослостью. Этот факт приводит к возникновению кризиса идентичности – конфликту между самоидентичностью личности и предлагаемыми социальными ролями, который, в свою очередь, сменяется кризисом интимности с формированием психологической изоляции. Виртуальная среда становится привлекательной для разрешения данного кризиса за счет возможности конструирования в ней желаемой реальности.

В целом ряде работ описаны симптомы и проблемы интернет-зависимости:

- трудности в принятии себя;
- замкнутость;
- чувство одиночества и недостатка взаимопонимания;

- низкая агрессивность;
- психические расстройства, которые сводятся к пренебрежению своим здоровьем и внешним видом;
- склонность к избеганию проблем.

Для совладания со стрессовыми ситуациями молодые люди вырабатывают копинг-стратегии – системы целенаправленного поведения для уменьшения стрессовых переживаний. Однако не всегда выбор определенной стратегии эффективен. Кризисные ситуации, в которые попадают молодые люди, повышают риск совершения правонарушений, который может быть усугублен криминогенными факторами социальной окружающей среды. Стремление избегания реальности становится преобладающим в сознании молодого человека, в результате чего он начинает существовать в виртуальном мире и не только не решает своих насущных проблем, но и останавливается в своем развитии.

Сегодня изучаются мотивы обращения к Интернету, где человек удовлетворяет собственные потребности. Например, потребность в отдыхе, когда человек использует такие ресурсы, как онлайн-игры, музыка, фильмы и т.п. Необходимость в общении и принадлежности к социальной группе, любви порождает коммуникативный мотив (человек становится членом одной из социальных сетей: ВКонтакте, Facebook, Одноклассники и т.д.). Потребность в достижении успеха, признании порождает деловой мотив, а познавательные потребности – мотив информационный.

Лица с интернет-зависимостью отличаются выраженной инфантильностью, неспособностью правильно выражать собственные впечатления и ощущения. У них плохо развиты навыки планирования и прогнозирования. Проблемным становится управление собственным временем, организация и выполнение дел и поручений.

Среди основных индивидуально-психологических особенностей, которые могут быть значимы в формировании зависимости подростков выделяют неадекватность самооценки, невысокие коммуникативные возможности, склонность к поиску новых ощущений, эмоциональная неустойчивость, высокая тревожность, импульсивность, обидчивость, конфликтность, враждебность, ригидность.

Так же одной из немаловажных причин возникновения интернет-зависимости у молодых людей считается безответственное отношение к этому родителей. Почти все родители считают, что пусть лучше ребенок сидит дома за компьютером у них на глазах, чем гуляет с дурной компанией. Тем самым ребенок получает свободный и неограниченный доступ к компьютеру, а это прямой путь к тому, чтобы стать интернет-зависимым.

Сеть становится мнимым средством ухода от депрессии. Развитие зависимости способствует тому, что человек осознанно или же бессознательно выбирает избегание реальности и не разрешает имеющихся проблем. По мнению ряда исследователей, ведущее значение в формировании зависимого поведения имеет семья. Среди многочисленных работ, посвященных влиянию семейных факторов на развитие зависимости, можно выделить несколько из них, где особое внимание уделяется интернет-зависимости. Авторы отмечают, что одни и те же особенности семейного воспитания имеют все шансы стать факторами риска как интернет-зависимости, так и наркотической зависимости от психоактивных веществ. Другие же авторы обнаружили статистически значимую корреляцию между низким уровнем функционирования семьи и наличием зависимости у ребенка.

По общему правилу, развитие интернет-зависимости может быть обусловлено влиянием неблагоприятных макро- и микросоциальных факторов. К внешним социальным факторам, способствующим формированию зависимого поведения, можно отнести ускорение темпов усвоения интернет-сети и снижение возраста пользователей интернета. Включение интернет-сети в профессиональную деятельность человека оказывают значимое влияние на формирование зависимости.

Противостоять компьютерной зависимости можно разными методами, например, пользоваться поддержкой членов семьи. Понятно, что в семье с благоприятной психологиче-

ской атмосферой вряд ли ребенок или даже взрослый человек «заразится» компьютерной болезнью. Поэтому первым делом необходимо рассмотреть, какие отношения между ребенком и родителями. Возможно, что ребенок на подсознательном уровне стремится к тому, чтобы компенсировать недостаток внимания в семье компьютерной игрой, так как она позволяет быть ребенку другим.

Успешное осуществление реабилитации таких детей в значительной мере зависит от качества связей и отношений, в которые включаются дети вместе со взрослыми. И лишь только в этом социуме, где связи и отношения находятся в гармонии, происходит восстановление настоящей жизни человека. Данная область научного познания соотносится с таким понятием, как реабилитационное образование – процесс и итог восстановления целостности духовной сферы подростка, его оригинальности и активной способности к саморазвитию.

Реабилитационное образование направлено на определение и реализацию условий, которые важны для нормального полноценного детства. Показателем результативности реабилитационного процесса считается меняющееся отношение растущего человека к личной жизнедеятельности, его внутреннее побуждение к духовному обновлению.

Есть некоторое количество рекомендаций специалистов по психологии, подсказывающих, что надо создавать, а что невозможно, дабы не ухудшить историю с зависимостью у ребенка. Собственно, что создавать невозможно: карать, отключать Интернет, лишать иных наслаждений. Все эти воздействия не только никчемны, но и вредоносны, так как подталкивают подростка к бегству из жилища.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: необходимо поддерживать ребенка в преодолении образующихся актуальных проблем, учить свежим методикам преодоления кризисных обстановок, учить умению регулировать собственные эмоции, строить отношения со сверстниками, управлять своим временем.

Воздействие интернета на все сферы жизни человека в современном мире отрицать бессмысленно. Именно поэтому связь «компьютер-психика» очень тесная и влечет за собой ряд очевидных последствий, с которыми столкнулось человечество. Интернет становится реальным фактором угрозы психическому здоровью населения. Все чаще молодые люди утрачивают навыки выстраивания реальной коммуникации, а объектом выстраивания самооценки – становится виртуальный образ. Поэтому данную проблему современного общества невозможно оставлять без внимания.

Список использованных источников

1 Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / В. Л. Малыгин [и др.]. – М. : Арсенал образования, 2010. – 136 с.

2 Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения / Т.Л. Крюкова. – Кострома: Авантитул, 2004. – 433 с.

3 Кузнецова, Л. Э. Социально-психологические факторы формирования интернет-зависимости у подростков / Л. Э. Кузнецова, Е. С. Романова // Молодой ученый. – 2019. – № 18 (256). – С. 7–8.

4 Кулина, Д. Г. Формирование и развитие интернет-зависимости: факторы риска / Д. Г. Кулина // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – Рязань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации. – 2016. – № 1 (12). – С. 35–46.

5 Пережогин, Л. О. Нехимическая зависимость в детской психиатрической практике / Л. О. Пережогин, Н. В. Вострокнутов // Российский психиатрический журнал. – 2009. – № 4. – С. 86–91.

6 Тестов, В. А. Информационное общество: переход к новой парадигме в образовании / В. А. Тестов // Педагогика. – 2012. – № 4. – С. 3–10.

7 Юрьева, Л. Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика / Л. Н. Юрьева. – Днепропетровск : Пороги, 2006. – 196 с.

8 Янг, К. С. Диагноз – интернет-зависимость / К. С. Янг // Мир Internet. –2000. – № 2. – С. 24–29.

А. С. Зайцева

Научный руководитель: И. В. Сильченко, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СТИЛЬ ОБЪЯСНЕНИЯ УСПЕХОВ И НЕУДАЧ КАК ПРЕДИКТОР ПСИХОСОМАТИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ

В статье приводится теоретико-эмпирическое обоснование необходимости учета пессимистического стиля атрибуции как предиктора психосоматических заболеваний и оптимистического стиля объяснения как буфера против соответствующих расстройств у студентов. Представлены результаты эмпирического исследования и разработанная на их основе коррекционно-развивающая программа, направленная на атрибутивное реструктурирование.

Ключевые слова: психосоматические заболевания, стиль атрибуции, пессимистический стиль атрибуции, оптимистический стиль атрибуции, атрибутивное реструктурирование.

На сегодняшний день число больных психосоматическими заболеваниями, среди которых большинство лиц молодого и трудоспособного возраста, стремительно растет [4]. Возрастающая значимость данной проблемы требует многостороннего исследования этиологических факторов с целью научного обоснования, своевременной диагностики, профилактики, лечения и реабилитации больных.

В зарубежной и отечественной психологии с недавних пор активному исследованию подвергается взаимосвязь личностных характеристик с психологическим и физическим благополучием личности, среди которых важное место занимает атрибутивный стиль как привычный способ объяснения причин происходящих событий.

Проведя ряд многочисленных исследований, М.Э. Селигман и его единомышленники (Abramson, Metalsky, Alloy, 1989; Nolen-Hoeksema, Girgus, Seligman, 1992; Seligman, Nolen-Hoeksema, 1987; Peterson, Bossio, 1991) выявили, что оптимистический стиль объяснения в сравнении с пессимистическим способствует улучшению психического и физического состояния здоровья, а также долголетию [2, с. 112].

Английские психологи Х. Ченг и А. Фурнхам в своих исследованиях продемонстрировали, что оптимистический стиль атрибуции, независимо от степени благоприятности ситуаций, является надежным предиктором субъективного ощущения счастья, а также психического и физического благополучия личности [1].

Тем не менее, анализ предшествующих исследований позволил обнаружить малую степень изученности проблемы взаимосвязи психосоматических заболеваний и стиля атрибуции на примере студенческой молодежи. В связи с этим было принято решение об организации и проведении эмпирического исследования среди 87 студентов первого курса в возрасте от 17 до 23 лет.

Для регистрации отдельных жалоб, комплекса жалоб и определения суммарной оценки их интенсивности мы руководствовались методикой «Гиссенский опросник соматических жалоб» (Е. Брюхлер и Дж. Снер в адаптации В. А. Абабкова, С. М. Бабина, Г. Л. Исуриной и др.) [3, с. 480].

Исследование продемонстрировало, что 43 % испытуемых жалуются на физическое недомогание, связанное с неспецифическим фактором истощения и свидетельствующее об их склонности к депрессии и алекситимии. 7 % респондентов испытывают субъективные страдания, выражающиеся в желудочных жалобах. 49 % обследуемых ощущают физическое нездоровье, носящее алгический или спастический характер. 7 % опрошенных локализируют соматические жалобы преимущественно в сердечно-сосудистой системе.

23 % студентов страдают от комплексных жалоб, давление или интенсивность которых составляет 54 %, что свидетельствует об их склонности к ипохондрии и тревожности. Полученные данные графически изобразим на рисунке 1.

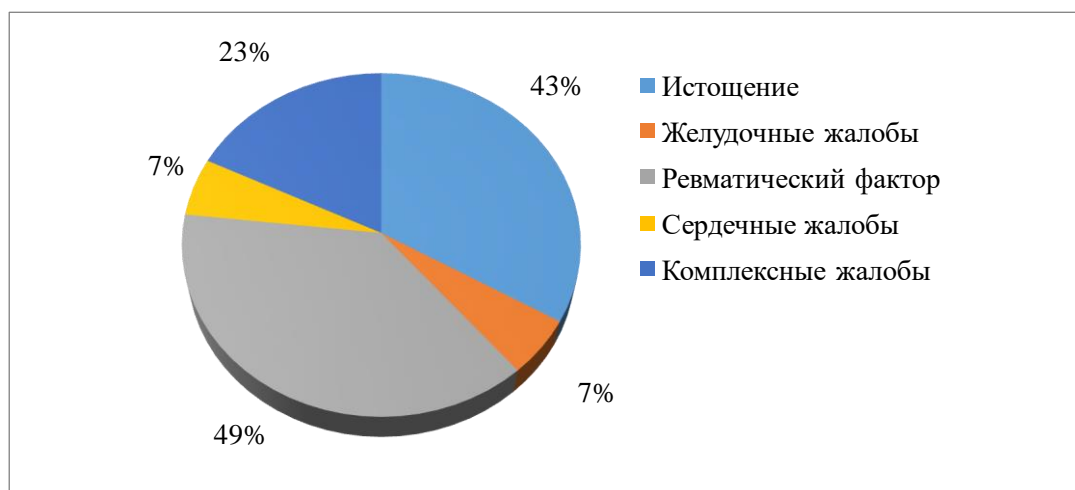

Рисунок 1 – Степень выраженности соматических жалоб у студентов (n = 87)

Для диагностики степени выраженности оптимизма-пессимизма и трех параметров атрибутивного стиля – широты, постоянства и персонализации в сфере благоприятных и неблагоприятных событий мы использовали методику «Тест атрибутивных стилей» (адаптированный Л. М. Рудиной и В. М. Русаловым на основе методики «Опросник атрибутивного стиля» М. Э. Селигмана) [5, с. 61].

Результаты исследования показали, что для 33 % студентов характерен умеренный оптимизм по шкале «время неудач», что проявляется в убежденности в непостоянном характере неблагоприятных событий и временности их причин. 53 % испытуемых весьма пессимистичны по шкале «время успеха», что свидетельствует об уверенности в нестабильности благоприятных событий и временности их причин.

29 % обследуемых умеренно оптимистичны по шкале «широта неудачи», что выражается в конкретном объяснении причин негативных ситуаций без обобщения. 37 % опрошенных находятся в промежуточной ситуации по шкале «широта удачи» между умеренными оптимизмом и пессимизмом, что говорит о конкретном и универсальном объяснении успехов в зависимости от характера жизненных ситуаций.

39 % респондентов дали умеренно пессимистичную оценку по шкале «Я-неудача», что свидетельствует о высоком уровне персонализации негативных событий, проявляющейся в приписывании причин несчастий самому себе. 43 % студентов дали очень пессимистичную оценку по шкале «Я-успешность», что выражается в низкой персонализации позитивных событий, то есть приписывании причин успехов внешним обстоятельствам.

Подсчет итогов по неблагоприятным и благоприятным событиям позволил обнаружить 38 % испытуемых, нуждающихся в обязательной коррекции атрибутивного стиля и 54 % глубоко пессимистичных обследуемых. Окончательный итог явился прямым доказа-

тельством того, что 74 % опрошенных являются весьма пессимистичными натурами. Данные результаты наглядно представим в таблице 1.

Таблица 1 – Степень выраженности оптимизма-пессимизма и трех параметров стиля атрибуции – широты, постоянства и персонализации у студентов (n = 87)

Шкалы	Процент	Показатель
Время неудач	33 %	Умеренно оптимистичны
Время успеха	53 %	Весьма пессимистично
Широта неудачи	29 %	Умеренно оптимистично
Широта удачи	37 %	Промежуточный показатель
Я-неудача	39 %	Умеренно пессимистично
Я-успешность	43 %	Очень пессимистичная оценка
Итог по неблагоприятным событиям	38 %	Требуется обязательная коррекция
Итог по благоприятным событиям	54 %	Глубокий пессимизм
Окончательный итог	74 %	Весьма пессимистичны

Выяснилось, что для 26 % студентов характерна промежуточная ситуация между умеренной надеждой (29 %) и умеренной безнадежностью (33 %) с преобладанием последнего. 10 % испытуемых чувствуют себя абсолютно беспомощными перед лицом жизненных испытаний и только 2 % обследуемых преисполнены надежд.

Важно отметить, что среди 20 человек (23 %), предрасположенных к психосоматическим заболеваниям, 19 (95 %) являются обладателями пессимистического стиля атрибуции. Несмотря на отсутствие у 67 респондентов (77 %) выраженных соматических жалоб, ситуация с преобладанием пессимистического стиля объяснения сохраняется (56 человек или 84 %), что может быть обусловлено наличием в юношеском возрасте экзистенциальных проблем, связанных со страхом будущего, профессионального и личного самоопределения. Данные результаты наглядно представим в таблице 2.

Таблица 2 – Процентное соотношение психосоматических заболеваний и стиля атрибуции у студентов (n = 87)

Психосоматические заболевания / Стиль атрибуции	Студенты с соматическими жалобами (n = 20)	Студенты без соматических жалоб (n = 67)
Пессимистический стиль атрибуции	95 % (19 чел.)	84 % (56 чел.)
Промежуточная ситуация	—	9 % (6 чел.)
Оптимистический стиль атрибуции	5 % (1 чел.)	7 % (5 чел.)

В ходе исследования, используя коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, удалось выявить достоверную связь между шкалой «истощение» и параметрами «время неудач» ($r_s = 0,267, p \leq 0,012$), «время успеха» ($r_s = -0,308, p \leq 0,004$), «Я-успешность» ($r_s = -0,280, p \leq 0,009$), «итог по неблагоприятным событиям» ($r_s = 0,268, p \leq 0,012$) и «итог по благоприятным событиям» ($r_s = -0,317, p \leq 0,003$).

Респонденты, приписывающие неблагоприятным событиям стабильные, универсальные и интернальные причины, больше всего склонны к депрессии и алекситимии. Студенты, объясняющие благоприятные события постоянными, широкими и внутренними явлениями, меньше всего склонны к общему упадку сил и потере интереса к жизни.

Была уставлена корреляционная связь между шкалой «ревматический фактор» и параметрами «время успеха» ($r_s = -0,290$, $p \leq 0,006$), «Я-успешность» ($r_s = -0,207$, $p \leq 0,050$) и «итог по благоприятным событиям» ($r_s = -0,235$, $p \leq 0,028$). Испытуемые, интерпретирующие позитивные ситуации стабильными, широкими и внутренними причинами, в меньшей степени испытывают физические недомогания алгического или спастического характера.

Корреляционный анализ позволил обнаружить единственную надежную связь между шкалой «сердечные жалобы» и параметром «время успеха» ($r_s = -0,237$, $p \leq 0,027$). Обследуемые, уверенные в постоянстве благоприятных событий, меньше всего имеют проблемы с сердечно-сосудистой системой.

Также удалось выявить достоверную связь между шкалой «давление жалоб» и параметрами «время успеха» ($r = -0,302$, $p \leq 0,004$), «Я-успешность» ($r = -0,218$, $p \leq 0,042$) и «итог по благоприятным событиям» ($r = -0,269$, $p \leq 0,012$). Молодежь, трактующая позитивные ситуации постоянными, постоянными, универсальными и интернальными явлениями, в меньшей степени испытывают эмоционально окрашенные жалобы.

Опираясь на результаты эмпирического исследования, была разработана коррекционно-развивающая программа с целью атрибутивного реструктурирования, то есть замены ложного объяснения причин происходящих событий на более адекватное.

Программа, предназначенная для студентов разных возрастов и профилей профессиональной подготовки, включает в себя занятия, направленные на изменение у участников группы стратегического мышления, обучение различным способам саморегуляции и навыкам преодолевающего поведения, а также повышение личной самооэффективности.

Помимо тренинговых и семинарских занятий, она подразумевает выполнение студентами индивидуальных домашних заданий, которые в паре с актуализированной внутренней мотивацией являются необходимым условием для формирования оптимистического стиля атрибуции.

Таким образом, исходя из результатов теоретико-эмпирического исследования проблемы взаимосвязи психосоматических заболеваний и стиля атрибуции на примере студенческой молодежи, можно утверждать, что пессимистический стиль атрибуции является важным фактором риска для физического здоровья и психологического благополучия, в то время как оптимистический стиль выступает надежным предиктором субъективного ощущения счастья и буфером против психосоматических заболеваний.

Список использованных источников

1 Гордеева, Т. О. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач. Опросник СТОУН [Текст] / Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин, В. Ю. Шевяхова. – М. : Смысл, 2009. – 156 с.

2 Гордеева, Т. О. Психология мотивации достижения: учебное пособие / Т. О. Гордеева. – М. : Смысл; Академия, 2006. – 336 с.

3 Карвасарский, Б. Д. Клиническая психология: учебник для вузов. – 4-е изд. / Б. Д. Карвасарский. – СПб. : Питер, 2004. – 553 с.

4 Сидоров, П. И. Психосоматические заболевания: концепции, распространенность, качество жизни, медико-социальная помощь больным / П. И. Сидоров, И. А. Новикова // Медицинская психология в России. – 2010. – № 1. – С. 13.

5 Сычев, О. А. Психология оптимизма: учебно-методическое пособие к спецкурсу / О. А. Сычев – Бийский пед. гос. ун-т им. В. М. Шукшина. – Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2008. – 69 с.

М. Ю. Замарева

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И СКЛОННОСТИ К ПИЩЕВОЙ АДДИКЦИИ ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ С РАЗНЫМ СТИЛЕМ ВОСПИТАНИЯ

В статье обосновывается актуальность исследования проблемы пищевого поведения и склонности к аддикции подростков. Автор приводит описание результатов эмпирического исследования психологических особенностей пищевого поведения и склонности к пищевой аддикции подростков из семей с разным стилем воспитания

Ключевые слова: подросток, пищевое поведение, пищевая аддикция, стремление к худобе, булимия, неудовлетворенность телом, неэффективность, перфекционизм, недоверие в межличностных отношениях, интероцептивная некомпетентность.

В последние десятилетия заметно возрос интерес к исследованию пищевого поведения подростков и молодых людей, а также возможностям его коррекции и способов формирования здоровых пищевых установок. Такая актуальность изучения и профилактики нарушений пищевого поведения связана с их биопсихосоциальными последствиями: при нарушениях пищевого поведения констатируется чрезвычайно высокий уровень риска летальных последствий (до 20 % при продолжительности наблюдения более 20 лет) вследствие суицидов или соматических осложнений. Тяжелые висцеральные осложнения дезадаптивного пищевого поведения приводят к бесплодию, полиорганной недостаточности, атрофии головного мозга и внутренних органов. При чем, указанные соматические нарушения имеют стойкий и иногда инвалидизирующий характер. Помимо этого расстройства пищевого поведения часто сопровождаются психическими и поведенческими нарушениями: депрессии, обсессивно-компульсивное расстройство, расстройства личности, злоупотребления психоактивными веществами и пр.). Эти обстоятельства уменьшают вероятность благоприятного исхода, а работа по их преодолению должна носить комплексный и продолжительный характер.

Цель проведения исследования, организованного на базе ГУО «Средняя школа № 1 имени А. В. Козлова г.п. Лоева» и на базе «Лоевской районной гимназии», заключалась в изучении влияния стилей воспитания на возникновение нарушений пищевого поведения подростков. В исследовании приняли участие 80 учащихся подросткового возраста (40 юношей и 40 девушек в возрасте 13–15 лет). Для проведения исследования была выбрана методика «Шкала оценки пищевого поведения» (О. А. Ильчик, С. В. Сивуха, О. А. Скугаревский, С. Суихи – Белорусский государственный медицинский университет и Республиканская клиническая психиатрическая больница). Для выявления родительского отношения к детям был предложен опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской.

При исследовании оценки риска формирования нарушений пищевого поведения был использован опросник «Шкала оценки пищевого поведения» адаптированный группой белорусских специалистов (О.А. Ильчик, С.В. Сивуха, О.А. Скугаревский, С. Суихи).

Анализируя данные по шкале «Стремление к худобе», можно сказать, что высокая степень стремления к худобе диагностирована у 28 % девушек и 12 % юношей, средняя – у 68 % девушек и 64 % юношей. Низкий уровень характерен преимущественно для юношей – 24 %. Данный показатель демонстрирует чрезмерное беспокойство респондентов о собственном весе и их стремление поддерживать с этой целью строгую диету.

По шкале «Булимия», которая характеризует побуждения к наличию эпизодов переедания и очищения, высокая степень булимии диагностирована у 24 % девушек и 8 % юношей, средняя – у 60 % девушек и 36 % юношей, низкая – 16 % девушек и 56 % юношей.

По шкале «Неудовлетворенность телом», то есть того как человек оценивает и воспринимает определенные части тела (бедра, грудь и ягодицы), которые могут восприниматься как чрезмерно толстые, были получены следующие результаты: высокая степень неудовлетворенности телом диагностирована у 36 % девушек и 24 % юношей, средняя – у 52 % девушек и 40 % юношей, низкая – у 12 % девушек и 36 % юношей.

По шкале «Неэффективность», которая подразумевает переживание общей неадекватности (имеется в виду чувство одиночества, отсутствие ощущения безопасности) и неспособности контролировать собственную жизнь, можно констатировать, что высокая степень неэффективности диагностирована у 34 % девушек и 20 % юношей, средняя – у 58 % девушек и 36 % юношей, низкая – у 44 % девушек и 8 % юношей.

По шкале «Перфекционизм» полученные данные говорят о том, что высокая степень неадекватного завышения ожиданий в отношении высоких достижений и неспособность прощать себе недостатки диагностирована у 48 % девушек и 24 % юношей, средняя и низкая – у 26 % девушек. Для 56 % юношей характерен преимущественно низкий уровень.

По шкале «Недоверие в межличностных отношениях» высокая степень недоверия в отношениях диагностирована у 16 % девушек и 12 % юношей, средняя – у 40 % девушек и 36 % юношей. Для юношей и девушек характерен преимущественно низкий уровень недоверия (52 % и 44 % соответственно).

По шкале «Интероцептивная некомпетентность», которая описывает дефицит уверенности в отношении и неумения дифференцировать чувства голода и насыщения, высокая степень интероцептивной некомпетентности диагностирована у 36 % девушек и 12 % юношей, средняя – у 40 % девушек и 32 % юношей. Также можно отметить, что для юношей характерен преимущественно низкий уровень интероцептивной компетентности.

Таким образом, можно сказать, что девушек, принявших участие в исследовании характерно: 68 % средняя степень стремления к худобе; 60 % средняя степень стремления к булимии; 52 % средняя степень неудовлетворенности телом; 58 % средняя степень неэффективности; 48 % средняя степень перфекционизма; 40 % средняя степень недоверия в отношениях.

Для юношей отличительным является: 64 % средняя степень стремления к худобе; 56 % низкая степень стремления к булимии; 40 % средняя и 36 % низкая степень неудовлетворенности телом; 44 % низкая степень неэффективности; 56 % низкая степень перфекционизма, 36 % средняя степень недоверия в отношениях.

Сводные результаты диагностики с помощью опросника «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской представлены на рисунке 1.

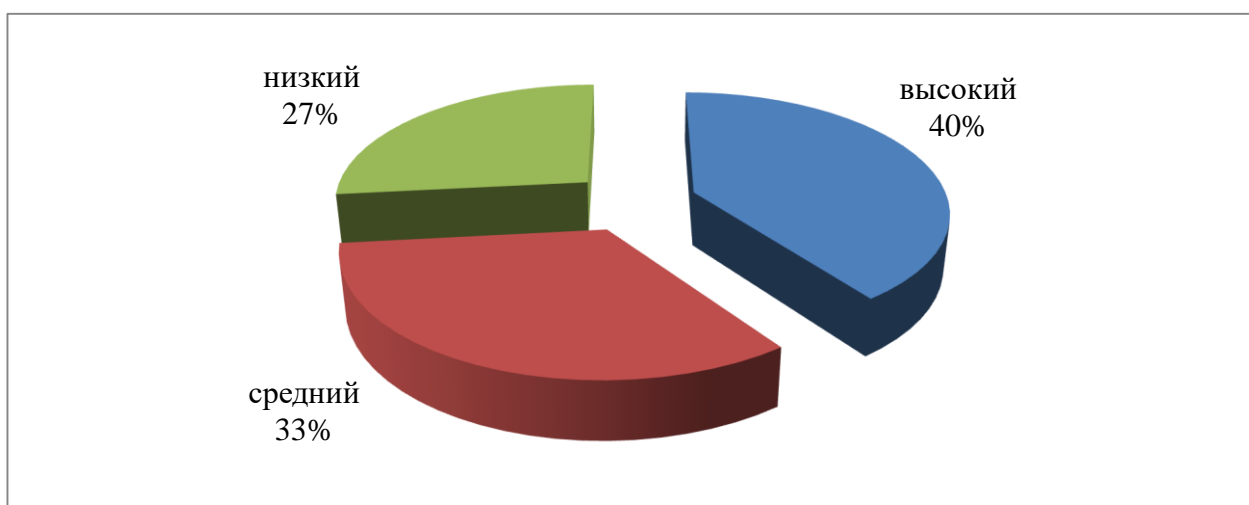

Рисунок 1 – Результаты анализа уровней взаимодействия родителя с ребенком, полученные с помощью методики «Взаимодействие родителя и ребенка» (ВВР) Марковской И. М.

Высокий уровень – 40 % родителей, средний уровень – у 33 % родителей, низкий уровень – у 27 % родителей.

При проведении методики Марковской И. М. «Взаимодействие родителя и ребенка» (ВВР), были получены результаты, по которым можно судить об особенностях взаимоотношений родителей и подростков. Усредненные показатели по шкалам опросника ВВР, полученные при опросе 60 испытуемых нашей выборки, позволили сделать выводы о том, что показатель требовательности родителя равен 18,996, что составляет 95 %. Можно говорить о том, что данной группе родителей характерна такая черта, как повышенная требовательность к своим детям. Они ожидают более высокого уровня ответственности от ребенка.

Показатель строгости родителя 19,4, что составляет 92 %, говорит о том, что родители в большей мере относятся к своему ребенку со строгостью, устанавливают правила и жесткость во взаимоотношениях.

В отношениях с детьми родителям выборки присущ контроль за ребенком (показатель равен 16,6 – 75 %). Данная шкала характеризуется высоким показателем. Родителям данной выборки присущ повышенный контроль над своими детьми. Подобный контроль может проявляться в мелочной опеке, навязчивости, ограничительности. Автономность родителя в отношениях с ребенком проявляется в данном случае в авторитарном отношении к воспитанию. Взаимодействие основывается на позициях излишнего внимания, и даже деспотичности. Родитель вникает в жизнь и проблемы ребенка: его интересуют увлечения ребенка, круг его знакомств.

Эмоциональная близость ребенка к родителю 19,5 – 45 %. По данным этой шкалы можно судить о представлении близости родителя к ребенку, о принятии родительской роли, стремлении к контакту с ребенком, предпочтении детских качеств в ребенке.

Принятие ребенка родителем 20,08 – 91 %. Показатель этой шкалы высокий, что говорит о том, что родители принимают личностные качества ребенка, его поведенческие проявления. Отражает интегральное эмоциональное отношение к ребенку. Содержание шкалы говорит о том, что родителю нравится ребенок таким, каков он есть. Родитель уважает индивидуальность ребенка, симпатизирует ему. Стремится проводить больше времени с ребенком, одобряет его интересы и планы.

В системе «сотрудничество с ребенком» ребенок включается во взаимодействие с родителем, он признает его права и достоинства (29,4 – 65 %). В нашем случае можно говорить о том, что в отношениях родителя и ребенка присутствует равенство и партнерство. Родитель заинтересован в делах и планах ребенка, старается помочь ему, высоко оценивает интеллектуальные и творческие способности ребенка, испытывает чувство гордости за него, поощряет инициативу и самостоятельность ребенка, старается быть с ним на равных.

Показатель тревожности за ребенка равен 20,7, что составляет 71 %, такие родители стремятся удовлетворить все желания ребенка, оградить его от трудностей и неприятностей жизни. Родитель постоянно ощущает тревогу за ребенка.

По показателю последовательности во взаимоотношениях с ребенком 19,4 – 65 %, можно говорить о последовательности родителя в своих требованиях и отношениях, в применении наказаний и поощрений. Их непоследовательность может проявляться лишь в случаях эмоциональной неуравновешенности (причины не связанные с взаимоотношениями с ребенком).

Воспитательная конфронтация в семье 18,93 – 94 %. Усредненные результаты по этой шкале показывают, что родители нашей выборки в большей степени берут на себя обязанности воспитателя ребенка, они проявляют повышенную тревожность, как за психическое здоровье детей, так и за их физическую безопасность.

Удовлетворенность отношениями родителя с ребенком 21,06667 – 81 %. Высокая степень удовлетворенности отношениями с детьми говорит о положительной сложившейся семейной ситуации, в структуре детско-родительских отношений нет нарушений.

В результате обобщения данных, было получено четыре наиболее значимых показателя: принятие ребенка родителем, требовательность и строгость родителя в

отношениях с ребенком, воспитательная конфронтация в семье. Исходя из полученных результатов, можно делать вывод о том, что родители, принимавшие участие в нашем исследовании, наряду с повышенным контролем, требованием безоговорочного послушания и дисциплины ребенка, проявляют сотрудничество и кооперацию в отношениях со своими детьми. Они поощряют инициативу и самостоятельность ребенка, стараются встать на его точку зрения в спорных вопросах.

Для определения взаимосвязи склонности к пищевой аддикции подростков и стилей семейного воспитания был выполнен статистический анализ данных с помощью коэффициента ранговой корреляции rs-Спирмена. Данные свидетельствуют, что существует:

– положительная взаимосвязь автономности воспитания и перфекционизма ($r_s = 0.419$ при $p < 0,01$). Таким образом, высокий уровень родительской автономности формирует у девушек неадекватно завышенные ожидания в отношении высоких достижений; неспособность прощать себе недостатки.

– положительная взаимосвязь между высоким уровнем отвержения ребенка и неудовлетворенностью своим телом ($r_s = 0.575$ при $p < 0,001$). Таким образом, отвержение ребенка в семье формирует у девушек склонность воспринимать определенные части тела (бедра, грудь и ягодицы) как чрезмерно толстые.

В выборке юношей значимых взаимосвязей не выявлено.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать ее результаты в проведении психологического просвещения родителей и педагогов по проблемам пищевой аддикции. Кроме этого, результаты могут быть использованы психологами в практике психологического индивидуального и группового консультирования подростков с пищевыми аддикциями.

М. А. Красюк

Научный руководитель: Е. В. Дробышевская

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ НАРУШЕНИЙ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению понятия нарушения пищевого поведения. Автором приводятся данные теоретического исследования психологические предикторы нарушений пищевого поведения в подростковом возрасте

Ключевые слова: нарушение пищевого поведения, подростковый возраст, нервная анорексия, булимия, переживания, эмоции

Многие люди, страдающие нарушением пищевого поведения, внешне выглядят совершенно здоровыми, однако на самом деле могут быть очень больны. Расстройство пищевого поведения – это не личный выбор человека, а биологически обусловленное заболевание.

В 80-е годы прошлого века были проведены близнецовые исследования нервной анорексии, которые подтвердили наличие генетического компонента в формировании данного пищевого нарушения [6, с. 214].

На хромосомах 1 и 13 были обнаружены локусы, ассоциированные с анорексией как стремлением к худобе, связанном с ригидностью поведенческих стереотипов. Нервная булимия, в особенности форма с самостоятельно провоцируемой рвотой, сцеплена с хромосомой, что подтверждает: эта форма является отдельным фенотипом. Интересно отметить, что примерно там же располагается известный локус гена ожирения. Это согласуется с повышенной частотой случаев ожирения в семейном анамнезе при нервной булимии [7, с. 103].

Существует такое понятие как пищевое поведение – совокупность пищевых привычек, установок, эмоций и моделей поведения в отношении самой еды и ее приема. Пищевое поведение может быть гармоничным, то есть адекватным или девиантным, это зависит от многих параметров, важно и то, какое место занимает питания в иерархии ценностей личности, а также от количественных и качественных показателей его питания [1, с. 34]. Пища является одним из самых важных источников энергии и существования. Но это условие выполняется только в том случае, если потребление пищи ведется в разумном и необходимом количестве.

Отклонение в пищевом поведении влечет за собой расстройство пищевого поведения, для которого характерны нарушения в приеме пищи, патологическая озабоченность весом и нездоровое отношение к еде. Очень часто переедания является невротическим способом для осуществления позитивных подсознательных намерений. Люди наделяют пищу каким-то специальными свойствами, которые не связаны с удовлетворением физического голода. Например, с помощью еды человек стремится избавиться от эмоциональной пустоты и испытать радость.

Такие привычки обычно идут из детства: «Получил хорошую оценку – возьми конфетку». В подсознании устанавливается связь: заполнение желудка – заполнение эмоциональной пустоты, то есть достижение полноты чувственного состояния. Или же если конфетка была в роли утешения, неудивительно, что по мере взросления этот механизм останется актуальным. Как итог уже во взрослой жизни отрицательные эмоции подавляются, положительные получают через еду [10, с. 95]

Расстройство пищевого поведения в настоящее время внесено в Международный классификатор болезней (МКБ-11) как одно из психических и поведенческих расстройств [15, с. 102]. Данное заболевание может сильно влиять на качество жизни, физическое и на психологическое состояние у человека и социальную дезадаптацию. Современные эпидемиологические данные свидетельствуют, что вероятность полного выздоровления при нарушениях пищевого поведения относительно невелика: у многих пациентов сохраняются на долгое время неадекватные представления о форме собственного тела, нарушения питания, сопутствующие психиатрические проблемы, такие как дистимия, зависимость от психоактивных веществ.

Подростковый возраст – долгий переходной период, в котором происходит ряд физических изменений, связанных с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь. В каждом возрасте есть свои особенности, которые оказывают влияние на поведение и мироощущения людей. В подростковом возрасте происходят быстрые изменения в теле, гормональные перестройки, которые свидетельствуют о необходимости в скором времени вступить во взрослую жизнь. Невозможность адекватно адаптироваться к действительности смещается на неудовлетворенность своим телом [5, с. 52].

Психологическим новообразованием подросткового возраста является становление «Я концепции», для которой характерно чувство взрослости [4, с. 102]. Подростковый возраст является самым сложным, конфликтным и противоречивым этапом развития личности.

Данный возрастной этап характеризуется физическими и психологическими изменениями и лабильностью психики. Изменение характера питания под воздействием психологических факторов были известны достаточно давно, однако последние годы их распространение приобрело угрожающие масштабы.

Нарушение пищевого поведения препятствуют гармоничному и эффективному развитию личности. Зависимость является важной характеристикой лиц, страдающих различными типами нарушения пищевого поведения. Сегодня принято считать, что нарушения пищевого поведения являются многофакторными расстройствами [10, с. 214].

Многие уделяют огромное внимание детству пациентов, страдающих расстройствами пищевого поведения. Авторы отмечают, что женщины, которые имеют расстройство пищевого поведения, в большинстве случаев, описывают своих отцов, как мужчин небогатых на проявления эмоций и чаще всего подавляющих их, а матерей – как сверхопекающих и имеющих склонность к перфекционизму. В детстве такие женщины могли получать так называемые «двойные

послания» от своих родителей: их уверенность в себе одновременно подрывали и поддерживали, в результате чего у девочек появлялись ощущения «расщепления» и несоответствия ожиданиям родителей. Ребенок не чувствует, любви и уважения со стороны родителей. Такие дети воспитывались по принципу есть достижения, значит заслуживаешь поощрения и похвалы, но никакая успешность не приводит к созданию прочного контакта с родителями [9, с. 40].

Невозможно быть лучшим во всем, единственное место на котором возможны реальные изменения, становится тело. Контролируя свой вес, пациенты с нарушениями пищевого поведения поддерживают ощущение контроля над своей жизнью [8, с. 63].

В исследованиях «о нарушениях питания у подростков и молодых людей», проведенных Э. Р. Крейпе и М. С. Моу было показано, что пациентам, имеющим расстройства пищевого поведения трудно сепарироваться от родителей и быть хозяином своей жизни. Рассказывая о своем детстве, такие пациенты вспоминают, что были образцовыми детьми и всегда стремились делать то, чего от них ждали окружающие. Хорошо учились и были приветливыми. Как отмечают многие авторы жизнь пациентки, страдающей расстройствами пищевого поведения, полна стремлений получить от окружающих одобрения и похвалу. В противном случае, шансы быть признанной и любимой очень малы. Многие люди, не имеющие данного расстройства, могут иметь похожие мысли, но для пациентов с нарушениями пищевого поведения подобные переживания определяют жизнь. Они делают больше того, чего не хотели бы делать, из-за чего имеют низкий уровень самовыражения и высокий уровень алекситимии [15, с. 120].

Диагноз «расстройство пищевого поведения» – это серьезная проблема, нарушающая личное и семейное функционирование человека. Расстройства пищевого поведения считают одними из наиболее сложно поддающихся лечению и коррекции заболеваниями, они не являются выбранным образом жизни, который влечет за собой не только заметные психологические изменения и истощение организма, но и серьезные медицинские осложнения в организме человека. Болезнь возникает как у женщин, так и мужчин любого возраста, представителей разных слоев населения и людей из различных социокультурных групп.

На сегодняшний день сформировались гипотезы, которые трактуют причины возникновения расстройств пищевого поведения. Рассмотрим физиологические гипотезы: они предполагают, что первичные нарушения приводят к гормональному дисбалансу. Многие исследователи связывают возникновение нервной анорексии и нервной булимии с нарушением захвата серотонина и с отклонением в функционировании периферийных механизмов насыщения. Проблема данной гипотезы заключается в том, что не у всех людей, с нарушением метаболизма, развиваются расстройства приема пищи [9, с. 44]. Существуют и эмоциональные гипотезы, которые связывают расстройства пищевого поведения и аффективные расстройства. Эмоциональная составляющая, конечно, играет роль в расстройствах питания, но в чистом виде эта гипотеза является сомнительной, так как многие аффективные расстройства проходят без нарушения приема пищи [15, с. 111]. Одна из самых распространенных гипотез – это влияния общества. В последние десятилетия общество предпочитает худобу, полнота же ассоциируется с непривлекательностью и ленью [14, с. 45]. Личностные же гипотезы основаны на личностных особенностях людей [15, с. 108]. Одна из характерных черт, согласно «личностной гипотезе», – это к стремлениям к перфекционизму [16, с. 20].

Исследование нервной анорексии в XX столетии сконцентрировалось на психологических, физиологических, психодинамических факторах, а затем и на генетических аспектах проблемы [14, с. 62]. Существует множество мнений, описывающих причины возникновения нарушений пищевого поведения. Например, с точки зрения генетики поведения, конкретную роль в появлении нарушений пищевого поведения оказывает наследственный фактор. В психодинамическом подходе нарушения пищевого поведения – это проявление комплекса Электры. Несмотря на количество теорий, объясняющих механизмы возникновения и развития нарушений пищевого поведения, большинство ученых выделяют общую идею о том, что эти нарушения – это сложные, мультифакторные заболевания, которые являются результатом взаимодействия генетических, социокультурных и психологических факторов [13, с. 717].

Психическими расстройствами, сопутствующими развитию расстройств пищевого поведения, можно назвать депрессию, тревожное расстройство, злоупотребление психоактивными веществами. Повышается вероятность заболевания социофобия, биполярного расстройства, пограничного и избегающее расстройства личности. Искаженное мышление у людей с анорексией проявляется в плохо приспособленных к реальной жизни установках и неправильном самовосприятии. Перфекционизм мешает жить полноценной жизнью, такие люди часто говорят себе: «Я должен стать совершенным во что бы то ни стало», «Я стану лучше, если подвергну себя лишениям» и «Я не буду чувствовать себя виноватым, если прекращу есть». К тому же, страдающие нервной анорексией, имеют тенденцию во всем стремиться к совершенству.

В нашем обществе появляется все больше социальных факторов, приводящих к нарушению пищевого поведения. Подросток, который готовится вступить во взрослую жизнь, начинает, сравнивая себя с эталонами красоты принятыми в нашем обществе, ограничивать себя в питании.

На пищевое поведение оказывают влияние родители, которые ограничивают себя в употреблении определенных продуктов, часто пытаются ограничивать и своих детей, развивая у них способность контролировать свое поведение и чувство голода, благодаря такому способу воспитания ребенок осваивает пищевое поведение, принятое в той среде, где он проживает. Необходимо минимизировать распространение нарушения пищевого поведения в подростковой среде. Эта проблема носит глобальный характер и требует, чтобы на решения ее были брошены все силы. Подросткам, как никому другому, в силу кризисного периода и становления собственного Я посредством оценки через мнение окружающих, особенно нужна поддержка и опора для того, чтобы уберечь их от пищевых расстройств.

Список использованных источников

- 1 Васичева, А.Н. Взаимосвязь стрессоустойчивости и пищевого поведения у студентов / А.Н. Васичева // Молодежь Сибири-науке России. – 2019. – С. 34–36.
- 2 Гинзбург, М.М. Ожирение / М.М. Гинзбург, Н.Н. Крюков. – М. : Медпрактика-М, 2002. – 182 с.
- 3 Дворянчиков, Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии / Н.В. Дворянчиков, С.Н. Ениколопов // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 2. – С. 100 – 115
- 4 Ениколопов, С.Н. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии / С.Н. Ениколопов // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 2. – С. 100 – 115.
- 5 Ковалев, А.Г. Психические особенности человека / А.Г. Ковалев, В.Н. Мясищев.– Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 304 с.
- 6 Орлова, О.В. Психологические аспекты расстройства пищевого поведения / О.В. Орлова // Акмеология. – 2015. – №. 3.– С. 214 – 215.
- 7 Приленская, А.В. Зависимое пищевое поведение: клиника, систематика и пути коррекции / А.В. Приленская, Б.Ю. Приленский // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2008. – № 2. – С.102–105.
- 8 Ромацкий, В.В. Феноменология и классификация нарушений пищевого поведения (аналитический обзор литературы, часть I) / В.В. Ромацкий, И.Р. Семин // Бюллетень сибирской медицины. – 2006. – Т. 5. – №. 3. – С. 61 – 68.
- 9 Соколова, Е.Т. Исследования «образа тела» в зарубежной психологии / Е.Т. Соколова, А.Н. Дорожевец // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. – 1985. – № 4. – С. 39 – 49.
- 10 Щербинина, Н. Психосоматика лишнего веса. Дело не в еде / Н. Щербинина. – М. : АСТ, 2020. – 304 с.

11 Bulik, C.M. Significant linkage on chromosome 10p in families with bulimia nervosa / C.M. Bulik // The American Journal of Human Genetics. – 2003. – V. 72. – №.1. – P. 200–207.

12 Devlin, B. Linkage analysis of anorexia nervosa incorporating behavioral covariates / B. Devlin // Human Molecular Genetics. – 2002. – V. 11. – №. 6. – P. 689–696.

13 Dozier, M. Attachment and Psychopathology in adulthood / M. Dozier, K. C. Stoval, K. E. Albus // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications, 2008. – P. 718–744.

14 Hughes, P. Dynamic psychotherapy explained / P. Hughes, D. Riordan. –Florida: CRC Press, 2017. – 80 p.

15 Kreipe, R.E. Eating disorders in adolescents and young adults / R.E. Kreipe, S.M. Mou // Obstetrics and gynecology clinics of North America. – 2000. – V. 27. – №.1. – P. 101–124.

16 Somatic approaches for treating eating disorders: towards filling the empty space. – N. Y. : Basic books, 1997. – 102 p.

Е. В. Кунская

Научный руководитель: Ю. А. Полещук, канд. психол. наук, доцент
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

В статье рассматриваются понятие здорового образа жизни, его влияние на жизнедеятельность человека, а также отношение и представление учащихся и студенческой молодежи о соблюдении и поддержании здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, учащиеся, студенты.

В наше время постоянно происходят изменения. Например, эпоха моды сменяется следующей эпохой, люди начинают мыслить по-другому, возникают новые технологии, смартфоны, телевизоры и т. д. Однако, здоровый образ жизни был и будет одним из основных аспектов жизнедеятельности человека.

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) предстает как «специфическая форма целесообразной активности человека – деятельность, направленная на сохранение, укрепление и улучшение его здоровья» [4].

Люди могут неверно излагать смысл здорового образа жизни. Существует всем известный стереотип: «ЗОЖ – это спорт и правильное питание». Однако, это неполный список его составляющих.

Существует несколько основных факторов здорового образа жизни:

1. Спорт. «Движение – это жизнь». Именно так гласит известнейшее суждение. Регулярные тренировки сохраняют наши мышцы, а также помогают предупредить развитие остеопороза, снижают кровяное давление и уровень холестерина, уменьшая тем самым вероятность развития сердечно-сосудистых заболеваний [1].

2. Правильное питание. Многие ученые воспринимают пищу как источник питательных веществ и калорий, участвующих в биологических процессах нашего организма [2]. Кроме правильного питания, включающего в себя еду богатую микроэлементами, витаминами, жирами, белками, углеводами и т. п. важно еще соблюдать водный баланс. Вода необходима для жизнедеятельности человека и для работы его мозга. Она составляет большую часть веса мозга и участвует в каждой химической реакции, происходящей в нем [2].

3. Сон – естественное периодическое состояние отдыха ума и тела [3]. Качественный сон укрепляет иммунную систему, поддерживает гормональный баланс, усиливает обмен веществ, повышает уровень физической энергии и улучшает функционирование мозга [3].

4. Ментальное (психическое) здоровье. В нашей повседневной жизни периодически происходят ситуации, которые могут пагубно влиять на здоровье и жизнь человека в целом. Примером является стресс. Стресс является одним из главных врагов здоровья. Он повышает риск развития заболеваний, таких как диабет, инфаркт; снижает иммунитет человека, приближает старение и т. д.

5. Отказ от вредных привычек. Наиболее распространенными вредными привычками являются курение, алкоголизм, употребление наркотических веществ и т. д. Эти привычки не только влияют на здоровье человека, но и могут привести к серьезным заболеваниям, связанным с раком легких, заболеваниями печени и т. д., а также к преждевременной смерти.

Для изучения представления студенческой молодежи о здоровом образе жизни было проведено эмпирическое исследование, с применением авторской анкеты. Было опрошено 20 студентов учреждений высшего образования г. Минска.

Вопросы анкеты и ответы участников приведены ниже.

1. Отношение студентов к здоровому образу жизни. Здесь 100 % участников дали положительный ответ.

2. Соблюдение здорового образа жизни. 50 % студентов соблюдают здоровый образ жизни, 25 % – нет, 25 % – в данный момент не соблюдают, но имеют желание.

3. Из чего состоит здоровый образ жизни? Вопрос включал в себя несколько вариантов ответов: спорт, питание, сон, ментальное здоровье. По каждому варианту можно было набрать 100 %. По данному вопросу получились следующие результаты: 20 участников (100 %) отдало свое предпочтение питанию, 19 участников (95 %) – спорту, 17 участников (85 %) – сну, 14 участников (70 %) – ментальному здоровью.

4. На вопрос «Как вы считаете: вести здоровый образ жизни – это дорого?» 80 % участников дали отрицательный ответ, 20 % – положительный.

5. На вопрос «Для того, чтобы вести здоровый образ жизни обязательно должно учитываться ваше материальное положение?» 100 % участников дали отрицательный ответ.

Также в данном исследовании были опрошены 25 учащихся учреждений общего среднего образования г. Минска.

1. На первый вопрос об отношении к здоровому образу жизни был также дан положительный ответ среди всех участников анкеты.

2. Соблюдение здорового образа жизни. 40 % участников соблюдают здоровый образ жизни, 12 % – нет, 48 % – в данный момент не соблюдают, но имеют желание.

3. Из чего состоит здоровый образ жизни. Здесь 25 участников (100 %) отдало свое предпочтение питанию, 23 участников (92 %) – спорту, 22 участников (88 %) – сну, 20 участников (80 %) – ментальному здоровью.

4. На вопрос «Как вы считаете: вести здоровый образ жизни – это дорого?» 68 % учащихся дали отрицательный ответ, 32 % – положительный ответ.

5. На вопрос «Для того, чтобы вести здоровый образ жизни обязательно должно учитываться ваше материальное положение?» положительный ответ дали 28 % участников, отрицательный – 72 %.

При сравнении двух исследуемых социальных групп можно заметить следующие особенности:

– абсолютно все участники положительно относятся к соблюдению здорового образа жизни;

– большинство студентов ведут здоровый образ жизни. Большинство учащихся – имеют желание;

– и учащиеся и студенты в большей степени отдают свое предпочтение в соблюдении правильного питания, нежели сна, спорта и психического здоровья⁴

– из общего числа студентов и учащихся большее количество голосов было отдано за то, что соблюдение здорового образа жизни не предполагает затрату большого количества средств;

– все участники-студенты ответили отрицательно на вопрос о взаимосвязи материального положения с ведением здорового образа жизни. Большинство участников-учащихся поддержало их точку зрения.

С учетом полученных в исследовании данных можно сделать следующие выводы:

– во-первых, респонденты не совсем понимают, что представляет собой здоровый образ жизни. Для того, чтобы чувствовать себя полноценно здоровым нужно учитывать все сферы. Если человек будет заниматься только спортом, но в то же время не следить за своим питанием, то больших результатов он не достигнет. Точно также это касается сна и нашего психического здоровья;

– во-вторых, некоторые опрошенные считают, что соблюдение здорового образа жизни – это дорогое удовольствие. Да, несомненно, наш мир развивается и вместе с тем и наше питание. Появляется множество разных новых круп, сортов муки, новых видов сладостей, альтернативного молока и т. п. И люди следуют этим новинкам, тем самым считая, что питаться правильно – это очень дорого. Однако, это совершенно не так. Иными словами, представления учащихся и студентов о здоровом образе жизни нуждаются в определенном развитии. Можно предложить проводить в образовательных учреждениях психологические просвещения по информированию о здоровом образе жизни.

Правильное соблюдение здорового образа жизни помогает человеку сохранять свое здоровье, избавиться от болезней и способствует оптимальной жизнедеятельности.

Список использованных источников

1 Кудеров, М. Книга ЗОЖника. Физкультура, питание и здравый смысл / М. Кудеров, Ю. Кудерова, А. Максименко. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 224 с.

2 Москони, Л. Диета для ума. Научный подход к питанию для здоровья и долголетия / Л. Москони.– М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 368 с.

3 Стивенсон, Ш. Здоровый сон. 21 шаг на пути к хорошему самочувствию / Ш. Стивенсон. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 290 с.

4 Что такое здоровье, здоровый образ жизни (ЗОЖ)? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://belmapo.by/chto-takoe-zdorove,-zdorovyij-obraz-zhizni-\(zozh\).html](https://belmapo.by/chto-takoe-zdorove,-zdorovyij-obraz-zhizni-(zozh).html) – Дата доступа: 20.06.2022.

А. А. Мельникова

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООБЛАДАНИЯ, ПРОИЗВОЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ И СКЛОННОСТИ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматривается проблема склонности к аддиктивному поведению современных подростков, в формировании которого значительную роль играет произвольное волевая регуляция личности. Автор приводит результаты эмпирического исследования взаимосвязи самообладания, произвольной регуляции и склонности к аддиктивному поведению у подростков.

Ключевые слова: подросток, подростковый возраст, самообладание, произвольная регуляция, аддиктивное поведение, склонность к аддиктивному поведению.

В обществе в последние десятилетия наблюдается тенденция интенсивного увеличения количества подростков с аддиктивным поведением. Аддиктивное поведение – это сложное интегративное образование, вид девиантного поведения, заключающийся в уходе от реальности, употреблении психоактивных веществ и изменении сознания для поддержания определенных эмоций, а также определенный период пристрастия к веществу (объекту, аддиктивному агенту), приращения, сплетения и перехода одной привычки, пристрастия в другие.

Склонность к аддиктивному поведению представляет собой избирательную направленность сознания человека на обладание аддиктивным агентом, обусловленную психологическими факторами личности и психоэмоциональной ситуацией жизнедеятельности.

Подростки, склонные к аддиктивному поведению отличаются следующими особенностями: неадекватная самооценка, потребность в самостимуляции и поиске новых ощущений, снижение адаптационного потенциала личности, эмоциональная лабильность, высокая тревожность, проявление аутоагрессии, недовольства собственной личностью и внешностью, несамостоятельность и нежеланием принимать ответственность.

Нами проведено эмпирическое исследование на базе ГУО «Средняя школа № 24 г. Гомеля». Выборочную совокупность составили 83 человека в возрасте от 14 до 16 лет: 48 подростков, склонных к аддиктивному поведению и 35 подростков, несклонных к аддиктивному поведению. Психодиагностический инструментарий:

- опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой;
- опросник волевого самоконтроля А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман;
- методика диагностики склонности к различным видам зависимости Г. В. Лозовой.

Для выявления у подростков склонности к различным видам зависимостей была использована методика Г. В. Лозовой, по которой были получены результаты, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования склонности к различным видам зависимости Г. В. Лозовой

Испытуемые	Подростки из полных семей			Подростки из неполных семей		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
	1	2	3	4	5	6
Алкогольная зависимость	51 %	38 %	11 %	53 %	31 %	16 %
Телевизионная зависимость	41 %	46 %	13 %	45 %	31 %	24 %
Любовная зависимость	54 %	38 %	8 %	49 %	35 %	22 %
Игровая зависимость	20 %	38 %	42 %	41 %	43 %	16 %
Сексуальная зависимость	44 %	41 %	15 %	43 %	41 %	16 %
Пищевая зависимость	39 %	38 %	23 %	45 %	31 %	24 %
Религиозная зависимость	30 %	44 %	27 %	33 %	49 %	18 %
Трудовая зависимость	25 %	52 %	23 %	31 %	28 %	41 %
Лекарственная зависимость	56 %	31 %	13 %	59 %	35 %	6 %
Компьютерная зависимость	27 %	45 %	28 %	31 %	37 %	32 %

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Табачная зависимость	45 %	42 %	13 %	53 %	35 %	12 %
Зависимость от здорового образа жизни	20 %	38 %	42 %	24 %	37 %	39 %
Наркотическая зависимость	62 %	27 %	11 %	45 %	39 %	16 %
Общая склонность к зависимостям	44 %	45 %	11 %	41 %	47 %	12 %

Для выявления у подростков стиля саморегуляции поведения был использован опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, по которому были получены результаты исследования, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования стиля саморегуляции поведения по опроснику В. И. Моросановой

Испытуемые	Подростки из полных семей			Подростки из неполных семей		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Шкала планирования	35 %	38 %	27 %	43 %	37 %	20 %
Шкала моделирования	32 %	45 %	23 %	35 %	41 %	24 %
Шкала программирования	48 %	39 %	13 %	33 %	45 %	22 %
Шкала оценки результатов	37 %	38 %	25 %	31 %	47 %	22 %
Шкала гибкости	58 %	37 %	6 %	49 %	37 %	14 %
Шкала самостоятельности	32 %	38 %	30 %	12 %	53 %	20 %
Шкала общего уровня саморегуляции	75 %	17 %	8 %	49 %	22 %	29 %

Согласно данным представленным в таблице 2, по шкале планирования 38 % подростков из полных семей находятся на среднем уровне, что говорит о том, что планы, которые они ставят перед собой действительны, реалистичны и достигаемы. У 43 % подростков из неполных семей низкий уровень, что говорит о том, что потребность в планировании развита слабо, цели подвержены частой смене, поставленная цель редко бывает достигнута, планирование малореалистично.

По шкале моделирования было выявлено, что 45 % подростков из полных семей и 41 % подростков из неполных семей находятся на среднем уровне. Это, свидетельствует о том, что в неожиданно меняющихся обстоятельствах или при смене образа жизни испытуемые способны гибко изменять модель значимых условий и программу действий.

По шкале программирования было выявлено, что у 48 % подростков из полных семей низкий уровень. Это говорит о неумении и нежелании испытуемых продумывать последовательность своих действий. Также такие испытуемые предпочитают действовать импульсивно, они не могут самостоятельно сформировать программу действий, часто сталкиваются с неадекватностью полученных результатов целям деятельности и при этом не вносят изменений в программу действий, действуя путем проб и ошибок. У 45 % подростков из неполных

семей показатели находятся на среднем уровне, это свидетельствует о том, что они продумывают способы своих действий и поведения для достижения намеренных целей.

По шкале оценивания результатов было выявлено, что 38 % подростков из неполных семей и 47 % подростков из неполных семей находятся на среднем уровне, и это говорит о том, что субъект адекватно оценивает, как сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности, так и приведшие к нему причины, гибко адаптируясь к изменению условий.

Также было выявлено, что у 58 % % подростков из полных семей и у 49 % подростков из неполных семей гибкость находится на низком уровне. Можно утверждать, что они в динамичной, быстро меняющейся обстановке чувствуют себя неуверенно, с трудом привыкают к переменам в жизни, смене обстановки и образа жизни.

Средний уровень самостоятельности выявлен у 38 % подростков из полных семей и 53 % подростков из неполных семей, что указывает на то, что они способны самостоятельно планировать свою работу по достижению поставленной цели и контролировать ход ее выполнения, а также анализировать результаты.

Общий уровень саморегуляции у 75 % подростков из полных семей у 49 % подростков из неполных семей находится на низком уровне, что говорит о том, что они прилагают недостаточно усилий чтобы сформировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных особенностей препятствующих достижению целей.

Для выявления у подростков уровня волевого самоконтроля был использован опросник волевого самоконтроля А. Г. Зверков и Е. В. Эйдман. Согласно полученным данным, по шкале волевого самоконтроля было выявлено, что у 70 % подростков из полных семей и у 59 % подростков из неполных семей средний уровень проявления воли и самоконтроля. Это говорит о том, что они ответственны, спокойны и у них развито чувство внутреннего долга, а также они способны проконтролировать свое поведение.

По шкале настойчивости было выявлено, что у 67 % подростков из неполных семей средний уровень. Это говорит о том, что им характерно стремление к завершению начатого дела, возможна утрата гибкости поведения, а также им свойственно идти к своей цели, преодолевая преграды, они достаточно упрямы и настойчивы. У 41 % подростков из неполных семей высокий уровень, что говорит о том, что они деятельные, работоспособные люди, активно стремящиеся к завершению начатого дела, их мобилизуют преграды на пути к цели, не отвлекают альтернативы и соблазны, главная их ценность – начатое дело.

По шкале самообладания было выявлено, что у 63 % подростков из полных семей и у 51 % подростков из неполных семей средний уровень проявления эмоциональной устойчивости и совладения с самим собой. Это говорит о том, что они могут контролировать свое поведение и им не особо свойственна спонтанность, а также у них есть внутреннее спокойствие и уверенность в себе и в своих силах.

С использованием коэффициента корреляции r -Пирсона была установлена значимая взаимосвязь ($p=0,05$) между уровнем саморегуляции поведения и общим уровнем склонности к различным видам зависимости среди выборки подростков из полных семей. Можно утверждать, что у подростков с высоким уровнем склонности к зависимому поведению уровень саморегуляции поведения низкий.

Среди выборки подростков из неполных семей с помощью коэффициента корреляции r -Пирсона была установлена значимая взаимосвязь ($p=0,05$) между уровнем саморегуляции поведения и общим уровнем склонности к различным видам зависимости. Можно утверждать, что у подростков из неполных семей с высоким уровнем склонности к зависимому поведению уровень саморегуляции поведения низкий.

Среди выборки подростков из полных семей была установлена значимая взаимосвязь между уровнем волевого самоконтроля и склонностью к различным видам зависимости. Можно утверждать, что чем ниже уровень волевого самоконтроля тем выше склонность к различным видам зависимого поведения.

Практическая значимость определяется тем, что данные могут быть использованы при разработке психолого-педагогических мероприятий по выявлению психологических особенностей самообладания и произвольной регуляции у подростков, а также проведения психопросветительских и профилактических занятий с подростками, педагогами и родителями. Полученные результаты могут являться теоретической основой для разработки коррекционно-развивающей программы с целью развития самообладания и произвольной регуляции у подростков.

П. П. Носков

Научный руководитель: Н. Н. Красовская, канд. социол. наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЛОКУС КОНТРОЛЯ У ХИМИЧЕСКИ ЗАВИСИМЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ СРОКАМИ РЕМИССИИ

Работа посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме химической зависимости. Автором были проанализированы этиологические модели зависимости, а также психоэмоциональные особенности лиц с химической зависимостью. В работе рассмотрено понятие локус контроля, организовано и проведено эмпирическое исследование локус контроля лиц с химической зависимостью с различными сроками ремиссии. Работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований и разработки мероприятий и программ, направленных на повышение осведомленности о существующей проблеме в обществе.

Ключевые слова: химическая зависимость, ремиссия, локус контроля, интернальность, экстернальность.

Химическая зависимость – это хроническое, прогрессирующее, неизлечимое заболевание, проявляющееся на биологическом, психологическом, социальном и духовном уровнях, характеризующееся зависимостью от всех веществ, изменяющих сознание [3, с. 22]. Наиболее распространенными видами химической зависимости являются наркомания и алкоголизм.

Наркомания и алкоголизм – это болезни, определенные так еще в 1956 году Всемирной Организацией Здравоохранения (с входившим в ВОЗ Советским Союзом) [9, с. 12]. Болезнь, как нарушение правильной работы организма, имеет вполне определенные признаки (симптомы), общую схему развития, и потому – обоснованный прогноз.

Алкоголизм и наркомания – проблемы, имеющие много измерений, и решать их необходимо на разных уровнях [8, с. 3]. Никогда лечение не исчерпывается только врачебными средствами, не решается проблема и только духовными или только психологическими методами. Все они эффективны в комплексе.

Исторически сложилось так, что феномен зависимости понимали по-разному. Каждый подход к этой проблеме отражает различные социальные, личностные, культурные и научные концепции. Существует множество этиологических моделей зависимости таких как: моральные, психологические, модели теорий личности, семейные, модель болезни, модель социальной болезни, биологические, социокультурные, мультикаузальные [4, с. 64]. Основная сложность проблематики зависимости заключается в том, что ни один из подходов не в состоянии предоставить всестороннее понимание этого феномена.

Бесспорно, систематическое употребление различных психоактивных веществ, изменяющих сознание, негативно сказывается на жизни человека во всех ее аспектах: биологическом, психоэмоциональном, социальном и духовном. Формируются определенные особенности личности, совокупность которых характеризует ее как аддиктивную.

Злоупотребляющие наркотиками и алкоголем люди имеют нарушения в личностном плане, изолированы и менее удовлетворены своей жизнью, нежели обычные, «нормативные» люди. В качестве ведущих проблем химически зависимых выступают базовые трудности саморегуляции в четырех основных сферах: самооценка, чувства, забота о себе, взаимоотношения [5, с. 19].

Для лиц с химической зависимостью редко имеют значение цели, интересы, чувства, желания других людей. Лиц с химической зависимостью отличает эгоцентризм. Они практически целиком сфокусированы на себе, на своих интересах, желаниях, чувствах [2, с. 163].

Важнейшим фактором приобщения к психоактивным веществам является зависимый тип поведения и личности. Значительную роль в формировании зависимого поведения играет семья и отношения в ней. Наркомания и алкоголизм становятся специфическим способом жизни, который носит очевидный приспособительный характер, позволяющий адаптироваться к бытию. Химически зависимым крайне сложно брать ответственность за результаты своей деятельности на себя, что соответствует экстеральному локусу контроля.

Локус контроля – понятие, отражающее склонность человека приписывать причины событий внешним или внутренним факторам [1, с. 511]. В первоначальном варианте теории субъективной локализации контроля выделялись два типа локуса контроля: интернальный и экстернальный, которые рассматривались как глобальные характеристики личности.

Ввел понятие локус контроля в психологию Дж. Б. Роттер, американский психолог, доктор клинической психологии. Разработанная им теория социального научения основана на предположении, что когнитивные факторы способствуют формированию реакции человека на воздействия окружающей среды [10, с. 607].

У людей с интернальным локусом контроля временная перспектива охватывает значительно более дальнюю зону (как в будущем, так и в прошлом) и насыщена большим количеством событий [6, с. 109]. При принятии решений они более последовательны и продуктивны, чем экстерналы. Интерналы готовы жертвовать сиюминутными и легкодоступными удовольствиями ради достижения, пусть и значительно отдаленной, но более глобальной цели.

Людам с экстернальным локусом контроля свойственны такие качества, как агрессивность, цинизм, подозрительность, авторитарность, беспринципность, тревожность, депрессивность, конформность и склонность к обману.

Как правило, для наркозависимых более характерно представление себя объектом действия окружающих людей и сложившихся обстоятельств, нежелание принимать активное участие в собственных изменениях [8]. Их можно охарактеризовать как людей, в меньшей степени планирующих свою жизнь и ощущающих влияние своих поступков на будущие жизненные события, придающих большое значение тому, как складываются обстоятельства.

Лица, страдающие наркозависимостью, чаще полагают, что во взаимодействии с жизненными ситуациями основная нагрузка лежит на других людях и внешних обстоятельствах. Они обладают меньшей субъектной включенностью в жизненные ситуации, проявляют меньшую активность в построении своей жизни. Их поведение больше обусловлено внешними ситуациями, под влиянием которых и происходит дальнейшее развитие.

Нами было организовано и проведено эмпирическое исследование, нацеленное на выявление локуса контроля у лиц с химической зависимостью с различными сроками ремиссии. Исследование проводилось на базе Местного фонда «Центр здоровой молодежи», предназначенного для реабилитации лиц с химической зависимостью. В нем приняло участие 40 человек, разделенных на две группы. В первую группу вошли 20 человек, находящихся на стационарном лечении в центре и имеющих срок ремиссии от 1 месяца до года, во вторую - 20 человек, закончивших годичный курс реабилитации и имеющих срок ремиссии от 1 года до 10 лет.

В качестве основного диагностического инструментария использовалась методика «Когнитивная ориентация (локус контроля)» Дж. Роттера. В результате проведенного исследования были получены данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования локус контроля у лиц с химической зависимостью с различными сроками ремиссии (средние значения)

Показатели	Группа 1	Группа 2
Уровень экстернальности	9,35	9,05
Уровень интернальности	13,65	13,85

В результате проведенного сравнительного анализа была получена следующая оценка различий между двумя независимыми выборками по уровню локус контроля: по шкале «Уровень экстернальности» t-критерий Стьюдента составил 0,31; по шкале «Уровень интернальности» – 0,21. Это говорит о том, что достоверно значимых различий обнаружено не было. На наш взгляд, такой результат можно объяснить недостаточным объемом выборки, что не дало возможности полностью отразить характеристики генеральной совокупности. Поэтому в перспективе представляется вполне возможным более широко исследовать локус контроля данной категории лиц, увеличив число респондентов.

Список использованных источников

- 1 Грицанов, А. А. Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов [и др.]. - Мн. : Книжный дом, 2003. – 1312 с.
- 2 Ерышев, О. Ф. Алкогольная зависимость: формирование, течение, противорецидивная терапия / О. Ф. Ерышев. – СПб. : Изд-во «ЭЛБИ - СПб», 2012. – 192 с.
- 3 Игумен Мефодий (Кондратьев). Методология социальной реабилитации в церковной общине / Игумен Мефодий (Кондратьев), Р. И. Прищенко, Е. Е. Рыдлевская. – М. : ООО «Адвансед Солюшнз», 2013. – 88 с.
- 4 Капуччи, Д. Психологическое консультирование зависимых клиентов / Д. Капуччи, М. Страуффер. Пер. с англ. – СПб: ООО «Диалектика», 2021. – 832 с.
- 5 Коробкина, З. В. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи / З. В. Коробкина, В. А. Попов. – М. : Академия, 2002. – 192 с.
- 6 Крылов, А. А. Психология: учебник / А. А. Крылов. - М. : Проспект, 2005. – 474 с.
- 7 Москаленко, В. Д. Возвращение к жизни. Как спасти семью: конфликты, ссоры, алкоголизм, наркомания / В. Д. Москаленко ; под ред. А. А. Симкина. – Москва, Никеа, 2017. – 448 с.
- 8 Плаксин, А. А. Особенности жизненных ориентаций наркозависимых с различными сроками трезвости [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека открытого доступа. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zhiznennyh-orientatsiy-narkozavisimyh-s-razlichnymi-srokami-treznosti-1>. – Дата доступа: 03.01.2022.
- 9 Савина, Е. А. Я люблю его... / Е. А. Савина. – М. : Адру, 2008. – 352 с.
- 10 Фрейджер, Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейджер, Д. Фейдимен. Пер. с англ. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 607 с.

М. О. Романович

Научный руководитель: Е. А. Лупекина, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НА УРОВЕНЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются актуальные для современного общества феномены «жизнестойкости» и «социальной поддержки» в жизни детей подросткового возраста.

Автором приводятся данные эмпирического исследования психологических особенностей жизнестойкости подростков в контексте влияния на ее развитие феномена социальной поддержки.

Ключевые слова: жизнестойкость, социальная поддержка, подростковый возраст.

Понятие «жизнестойкость» характеризует психологическую живучесть человека и служит показателем его психического здоровья. Мощное воздействие стрессовых факторов современной жизни требует от человека развития таких качеств личности, как выносливость, решительность, гибкость, мобильность. Именно эти качества являются главной составляющей такого понятия как «жизнестойкость».

Из всех возрастов именно старший школьный возраст является одним из наиболее благоприятных периодов для развития жизнестойких черт личности у подростков, что может способствовать повышению уровня их физического и психического здоровья и, следовательно, помочь в различных жизненных ситуациях. Подростковый возраст в среднем по мнению разных авторов начинается в 11–12 лет и заканчивается в 14–15.

В настоящее время актуальным представляется изучение связи компонентов жизнестойкости старших школьников с их личностными особенностями, а также с феноменом «социальной поддержки».

Согласно С. Богомазу, «Жизнестойкость – системное психологическое свойство, возникающее у человека вследствие особого сочетания установок и навыков, позволяющих ему превращать проблемные ситуации в новые возможности» [1, с. 25].

Основными компонентами жизнестойкости являются *вовлеченность, контроль и «принятие риска»*, которые поддерживают активность, счастье, оправданность риска в жизни человека и помогают использовать полученный опыт [4, с. 876].

Наиболее продуктивными периодами для формирования жизнестойкости являются детский и подростковый возраста, а «взрастать» это свойство помогают детско-родительские отношения.

Социальная поддержка описывается авторами как:

– поведенческое, межличностное действие (так как она требует активизации межличностных отношений);

– воспринимаемый, когнитивный компонент самого процесса социальной поддержки [2, с. 65].

Целью данной работы было теоретическое рассмотрение феноменов жизнестойкости и социальной поддержки, а также эмпирическое исследование, в котором выявится основной «ресурс» получения социальной поддержки подростков. Параллельной целью также стало сравнение полученных результатов по гендерному различию.

База исследования: ГУО «Средняя школа № 21» и ГУО «Гимназия № 58 им. Ф. П. Гааза» г. Гомеля.

Характеристика выборки исследования: выборочную совокупность составили 100 респондентов в возрасте 14–15 лет, из них 50 девочек и 50 мальчиков.

Цель эмпирического исследования: изучить жизнестойкость подростков при различном восприятии социальной поддержки.

Для выявления восприятия социальной поддержки у подростков была использована «Шкала социальной поддержки» (многомерная шкала восприятия социальной поддержки – MSPSS; Д. Зимет; адаптация В. М. Ялтонский, Н. А. Сирота).

Результаты исследования восприятия социальной поддержки у респондентов подросткового возраста представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Восприятие социальной поддержки у респондентов подросткового возраста

Поддержка	Уровни	Количество человек		Проценты	
		мальчики	девочки	мальчики	девочки
семьи	низкий	10	7	20	14
	средний	33	30	66	60
	высокий	7	13	14	28
друзей	низкий	6	9	12	18
	средний	16	26	32	52
	высокий	28	15	56	30
«значимые другие»	низкий	7	9	14	18
	средний	36	22	72	44
	высокий	7	19	14	38

Анализ данных, отраженных в таблице 1, позволяет сделать следующие выводы:

– по шкале «поддержка от семьи» у респондентов мужского и женского пола преобладает средний уровень 66 % и 60 %. В сравнении выявленных низких и высоких уровней было выявлено, что у девочек восприятие социальной поддержки со стороны семьи выше, чем у мальчиков, соответственно – 28 % и 14 %. При социальной поддержке семьи родители реже обращают внимание на ошибки и плохое поведение ребенка, чаще они заостряют внимание на успехах. В связи с этим, маме следует стремиться поддержать взрослеющего ребенка не только когда ему плохо, но и когда все у него хорошо;

– по шкале «поддержка от друзей» у мальчиков преобладает высокий уровень – 56 %, у девочек же по данной шкале преобладает средний уровень – 52 %. Подростки с высоким уровнем по данной шкале чувствуют, что получают эмоциональную поддержку, в которой так нуждаются, от друзей. Это является свойственным для исследуемого возраста в связи с тем, что на данном возрастном этапе на передний план выходит интимно-личностное общение, вследствие чего одноклассники и друзья становятся референтной группой для подростков;

– по шкале «значимые другие» у респондентов мужского и женского пола преобладает средний уровень – 72 % и 44 %. В сравнении выявленных низких и высоких уровней было выявлено, что у девочек восприятие социальной поддержки со стороны «значимых других» выше, чем у мальчиков, соответственно – 38 % и 14 %.

Далее для выявления особенностей по половому признаку у подростков по полученным показателям восприятия социальной поддержки, был использован U-критерий Манна-Уитни.

Рассмотрим результаты статистической обработки показателей у мальчиков и девочек (таблица 2)

Таблица 2 – Статистическая обработка результатов

Поддержка	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при = 0,05	Значимость различия
	мальчики	девочки			
семьи	2,76	4,11	94	90	значимы
друзей	4,16	3,23	101		значимы
«значимые другие»	2,34	3,91	98		значимы

При помощи U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия по половому признаку между группами по шкалам восприятия социальной поддержки, таким образом: «поддержка со стороны семьи» ($U_{эмп} = 94 > U_{кр} = 90$ при $p = 0,05$); «поддерж-

ка со стороны друзей» ($U_{эмп} = 101 > U_{кр} = 90$ при $p = 0,05$); «поддержка со стороны значимых других» ($U_{эмп} = 98 > U_{кр} = 90$ при $p = 0,05$).

Интерпретируя полученные результаты, можно утверждать, что девочки воспринимают в большей степени поддержку со стороны родителей и значимых других. Таким образом девочки делятся происходящим в их жизни с родителями и получают слова поддержки. Мальчики в большей степени получают эмоциональную поддержку, в которой так нуждается, от друзей.

Для выявления уровня жизнестойкости была использована методика диагностики жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева). Результаты исследования уровня жизнестойкости у респондентов подросткового возраста представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты исследования уровня жизнестойкости у подростков

Компонент	Уровни	количество человек		проценты	
		мальчики	девочки	мальчики	девочки
Вовлеченность	низкий	15	10	30	20
	средний	20	18	40	36
	высокий	15	22	30	44
Контроль	низкий	27	10	54	20
	средний	17	25	34	50
	высокий	6	15	12	30
Принятие риска	низкий	13	13	26	26
	средний	28	30	56	60
	высокий	9	7	18	14
Жизнестойкость	низкий	12	3	24	6
	средний	28	29	56	58
	высокий	10	18	20	36

Отообразим полученные результаты в виде диаграммы (рисунок 1).

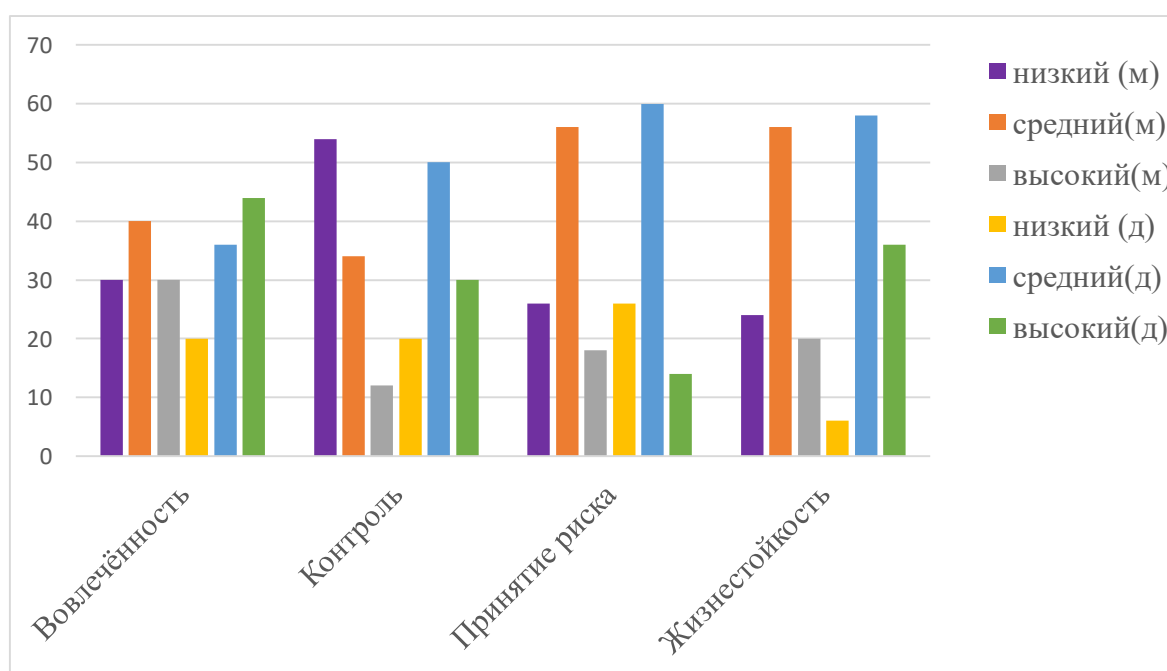

Рисунок 1 – Результаты исследования жизнестойкости у подростков

Анализ данных, отраженных в таблице 3 и на рисунке 1 позволяет сделать выводы:

- по исследуемым шкалам составляющих жизнестойкости и общему уровню ее сформированности у респондентов преобладает средний уровень, соответственно: вовлеченность – 38 %; контроль – 42 %; принятие риска – 58 %; жизнестойкость – 57 %.

- преобладающий средний уровень вовлеченности позволяет охарактеризовать респондентов: эти люди обычно получают удовольствие от всего, что делают, находят то, что им интересно, даже в рутинной работе.

- средний уровень контроля описывает подростков уверенными в том, что только борясь и преодолевая трудности, можно изменить происходящее и быть хозяином своей судьбы. Люди с сильно развитым компонентом контроля в ситуации стресса продолжают борьбу, не сдаются, ищут новые пути решения проблем. Обычно такие люди ощущают, что сами выбирают собственную деятельность, свой путь.

- средний уровень склонности к принятию риска характеризует убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного.

Интерпретируя общий уровень жизнестойкости, были получены следующие результаты:

- высокий уровень жизнестойкости и ее компонентов выявлен у 20 % мальчиков и 36 % девочек – они характеризуются повышенным стремлением к жизни, они более уверены в себе, в своей значимости, принимая события как испытания, дающие возможность приобрести новый опыт без гарантии на положительный результат.

- средний уровень выявлен у 56 % мальчиков и 58 % девочек. Эти люди обычно получают удовольствие от всего, что делают, находят то, что им интересно, даже в рутинной работе.

- низкий уровень жизнестойкости и ее компонентов в большей мере выявлен у 24 % мальчиков и 6 % девочек – они характеризуются низкой общительностью, часто высокой тревожностью, они живут сегодняшним или вчерашним днем, часто испытывают неудовлетворенность своей жизнью, неверие в свои силы контролировать события собственной жизни. Они предпочитают не задумываться о своем будущем, цели выдвигают ситуативно и обычно несамостоятельно. Они более зависимы от ситуации и мнения окружающих людей, часто подвержены «самокопанию» и самобичеванию, не умеют ценить себя и принимать себя такими, каковы они есть.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди исследуемой выборки преобладает средний уровень жизнестойкости. Индивиды с таким уровнем характеризуются средним стремлением к жизни, они более уверены в себе, в своей значимости, принимая события как испытания, дающие возможность приобрести новый опыт без гарантии на положительный результат. Молодые люди не испытывают затруднений в сложных жизненных ситуациях.

Далее для выявления особенностей по половому признаку у подростков по полученным показателям жизнестойкости, был использован U-критерий Манна-Уитни.

Рассмотрим результаты статистической обработки показателей у мальчиков и девочек (таблица 4).

Таблица 4 – Статистическая обработка результатов

Уровень жизнестойкости	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при = 0,05	Значимость различия
	мальчики	девочки			
низкий	46,43	42,65	16	24	не значимы
средний	74,9	75,9	35	56	не значимы
высокий	92,34	93,91	11	18	не значимы

При помощи U-критерия Манна-Уитни не были выявлены статистически значимые различия по половому признаку между группами по уровням жизнестойкости. Интерпретируя полученные результаты, можно утверждать, что не существует значимых различий по половому признаку и уровню жизнестойкости у исследуемой выборки респондентов.

Таким образом интерпретируя полученные результаты, можно утверждать, что для подростков с высоким уровнем жизнестойкости свойственна ориентация на восприятие поддержки со стороны друзей и семьи, и «значимых других» людей. Подростки с низким уровнем жизнестойкости – испытывают трудности с восприятием социальной поддержки со стороны окружающих, что сигнализирует о необходимости разработки рекомендаций.

Список использованных источников

1 Богомаз, С. А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья / С. А. Богомаз // Материалы научно-практических конгрессов 4 Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». – 2008. – Т. 2. – С. 24 – 27.

2 Вассерман, Л. И. Социальная поддержка как личностный ресурс в процессе адаптации больного / Л. И. Вассерман, Е. А. Трифонова // Актуальные проблемы психосоматики в общемедицинской практике. – 2013. – Вып. XII. – С. 64–68.

3 Кулагина, И. Ю. Психология развития и возрастная психология. Полный жизненный цикл развития человека. / И. Ю. Кулагина, В. Н. Колюцкий // Учебное пособие – М. : Изд-во Академический проект, 2015. – 432 с.

4 Наливайко, Т. В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди / Т. В. Наливайко // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. – 2006. – № 4. – С. 211 – 216.

Е. Р. Юртаева

Научный руководитель: В. Н. Дворак, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ КОРРЕКЦИИ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА У СПОРТСМЕНОВ-ВОЛЕЙБОЛИСТОВ

В статье мы рассмотрим понятие мотивация достижения успеха у спортсменов-подростков, также рассмотрим результаты эмпирического исследования до проведения разработанной и опробированной программы коррекции мотивации достижения успеха у спортсменов-подростков и после проведения. В статье также будет представлен анализ эффективности программы коррекции уровня мотивации достижения успеха у волейболистов подростков.

Ключевые слова: мотивация; мотивация достижения успеха; программа коррекции мотивации достижения успеха.

Р.А. Пилюян определяет мотивацию деятельности в спорте как состояние спортсмена, которое несет в себе основу для постановки и выполнения целей, которые направлены на достижение хорошего результата. Стоит отметить, что для функционирования мотивации необходимо положительное отношение к спортивной деятельности. Туда входят такие компоненты как: преодоление трудностей, чувство коллективизма и его проявление, высокий уровень эмоционально-волевой сферы, а также уверенности в себе и т. д.) [5].

В любом виде спорта игроки – публичные личности. Приятные этические нормы в спортивной игре предполагают наличие определенной физической подготовки и воспитанности, которая проявляется во внешнем виде, поведении, а также личностных качествах спортсмена. Высокая самооценка позволяет спортсмену обрести уверенность в себе и проявить целеустремленность в спортивной деятельности [1].

Мотивация является однозначно важным фактором достижения успеха. Мотивация определяет стремления, активизирует способности и позволяет спортсмену достичь хорошего результата.

Проблема формирования мотивации достижения в юношеском возрасте обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью данного вопроса, во-вторых, задачами оптимизации процесса становления личности [4].

Таким образом, для того, чтобы спортсмен-подросток достиг высоких результатов и побед, очень важным является во время тренировочного процесса формировать у него мотивацию достижения успеха. А для этого необходимо знать, какие именно мотивы являются доминирующими для спортсменов, и какие же факторы способствуют формированию мотивации достижения успеха.

На первом этапе была изучена литература по теме исследования. Далее была выбрана методика диагностики личности на мотивацию, разработанная Т. Элерсом, для изучения уровня мотивации достижения успеха у спортсменов-подростков. В эмпирическом исследовании приняло участие 40 спортсменов-подростков, учащихся ГУО «Средняя школа № 10 г. Светлогорска» Гомельской области. Подростки занимаются в спортивных секциях по волейболу. Возраст спортсменов 14–17 лет.

По данным проведенного эмпирического исследования до проведения коррекционной программы были выявлены следующие результаты.

Таблица 1 – Результаты диагностики уровня мотивации достижения успеха у спортсменов-подростков до проведения коррекционной программы

Уровень мотивации достижения успеха			
Слишком высокий	Умеренно высокий	Средний	Низкий
5	11	7	17
12,5 %	27,5 %	15,5 %	42,5 %

Таким образом, методика диагностики личности на мотивацию к успеху (Т. Элерса) у подростков-спортсменов продемонстрировала нам, что большинство испытуемых обладают низким уровнем мотивации достижения успеха, что может очень неприятно сказываться на результативности спортивной деятельности.

На основании результатов проведенного теоретико-эмпирического исследования была разработана эмпирическая программа коррекции мотивации достижения успеха и самооценки у спортсменов-подростков [2].

Основой нашей программы стали групповые тренинговые занятия, разработанные для коррекции мотивации достижения успеха и самооценки. Рассчитаны на спортсменов 14–17 лет. Количество занимающихся в группе: 12–14 человек. Программа включает в себя 8 занятий, по 1–2 раза в неделю. Продолжительность занятий: 60–65 минут.

Цель программы: коррекция мотивации достижения успеха у спортсменов-подростков, активизация и сближение и установление продуктивного контакта членов команды.

Задачи программы:

- развитие у спортсменов умений и навыков психофизической саморегуляции;
- повышение самооценки спортсменов;
- ознакомление участников с феноменом мотивация достижения успеха;
- создать условия психологической поддержки участников;
- установление контакта между участниками группы;
- развитие уверенности в себе каждого участника тренинга;
- определение своей жизненной цели;
- преодоление жизненных кризисов;
- познание себя.

Основной формой работы являются групповые занятия в виде тренинга. Основное содержание групповой работы: игры, беседа, мини-лекции, арт-терапия, обучение приемам саморегуляции, релаксирующие упражнения [3].

Структура программы:

1. Включение упражнений и процедур, которые направлены на решение личностных проблем участников.

2. Учет специфики конкретной аудитории: состав группы, целей обучения участников группы, уровень мотивации, возраст участников и т. д.

3. Учет жизненного опыта участников группы. Успешность его реализации зависит не только от желания участников, от наличия времени, но и от мастерства самого тренера. Некоторые члены группы охотно делятся в общем кругу своим опытом. Задача психолога (заранее ознакомившись с анкетами и запросами) – включить в обсуждение малоактивных членов группы, предложив им прокомментировать пример или ситуацию из собственной жизни. Кроме того, необходимо создание доверительной атмосферы в группе, которая позволит каждому высказываться, не опасаясь насильственного включения в дискуссию или критики от психолога или членов группы.

4. Обмен опытом участников группы между собой.

Планируемый результат разработанной программы коррекции: повышение уровня мотивации достижения успеха, сплоченность группы.

Далее был проведен анализ эффективности программы коррекции уровня мотивации достижения успеха у волейболистов подростков.

После проведения коррекционной программы с группой спортсменов-подростков, имеющих низкий уровень мотивации достижения успеха, было повторно проведено тестирование с помощью методики диагностики личности на мотивацию к успеху, разработанной Т. Элерсом. Для выявления сдвига в значениях мотивации к успеху был использован G-критерий знаков.

В результате исследования, проведенного после коррекционной программы, можно заметить увеличение показателей общего уровня мотивации на успех у волейболистов-подростков. Таким образом, можно говорить об эффективности проведенной коррекционной программы.

Для расчета общего показателя улучшения мотивации достижения успеха у спортсменов-подростков были использовали результаты исследования уровня мотивации до проведения коррекционной программы и после проведения коррекционной программы. Разница показателей составила 64 балла, что в процентах составило 60 %.

На основании анализа результатов исследования установлено, что разработанная и апробированная в процессе исследования программа развития мотивации достижения успеха у спортсменов-подростков, способствует увеличению уровня мотивации. Показатель уровня мотивации увеличился на 64 балла.

Таким образом, можно говорить об эффективности проведенной коррекционной программы. Можно сделать вывод о том, что разработанная программа развития мотивации достижения успеха у спортсменов-подростков может применяться в системе психологической подготовки спортсменов и использоваться как в работе спортивных психологов со спортсменами, имеющими низкий уровень мотивации достижения успеха.

Список использованных источников

1 Аванесов, Г. А. Общество. Личность. Мотивация. Исследования криминолога / Г. А. Аванесов. – М. : Юнити-Дана, 2015. – 264 с.

2 Анн, Л. Ф. Психологический тренинг с подростками / Л. Ф. Анн. – СПб. : Питер, 2006. – 271 с.

3 Вачков, И. В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники: учебн. пособие для вузов / И. В. Вачков. – М. : Ось-89, 2005. – 256 с.2

4 Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 512 с.

5 Ильин, Е. П. Психология спорта / Е. П. Ильин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 488 с.

СЕКЦИЯ 3

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОМ СОЦИУМЕ

Н. Г. Новак, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СИСТЕМНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ М. БОУЭНА КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОМОЩИ СЕМЬЕ

В статье представлен сравнительный анализ задач и содержания деятельности при организации психологической помощи семье с позиции классиков поведенческого, психоаналитического и системного направлений психологии. Подробно рассматриваются идеи системной психотерапии М. Боуэна (M. Bowen's systemic psychotherapy) как одной из наиболее практикоориентированных и перспективных интегративных моделей психологического консультирования и психотерапии семьи.

Ключевые слова: системная психотерапия, семья как система, интегративная модель помощи семье, дифференциация.

В психологической литературе при рассмотрении вопроса развития психологической помощи семье традиционно выделяют фундаментальные направления: бихевиористическое, психоаналитическое и системное. Каждое из указанных течений со временем послужило методологической основой для развития многочисленных моделей семейного консультирования и психотерапии.

В моделях семейного консультирования и психотерапии системного направления семья рассматривается как социальная система, как комплекс элементов в единстве их свойств, динамических связей и функциональных отношений друг с другом. Такой подход предполагает в процессе психологического консультирования опору на семью в целом как на единицу воздействия.

Данное направление берет свое начало из системного подхода, разработанного австрийским биологом Л. фон Берталанфи. По мнению ученого, категория «система» позволяет взглянуть на мир не как на механизм, а как на организм («организмический взгляд на мир») [2].

Семья – это социальная система, состоящая из связанных между собой элементов и их свойств, и находящихся в функциональных отношениях. Для нее характерна определенная организация (иерархия), подсистемы (супружеская, детско-родительская, сиблинговая), внутренние и внешние границы, а также параметры ее характеризующие (стереотипы взаимодействия, семейные правила, семейные мифы, стабилизаторы, симптом семьи, семейная история) [1].

Здоровая семейная система является достаточно открытой, что позволяет осуществлять взаимодействие с внешним миром. Как и любая система, семья является самоорганизующейся: поведение системы целесообразно, и источник преобразований системы лежит внутри ее самой (члены семьи поступают так или иначе под влиянием своих потребностей и мотивов). При этом важно понимать, что система всегда первична по отношению к входящим в нее элементам, поэтому целесообразно работать со всей семейной системой, а не с отдельным человеком. Консультант должен четко осознавать, что происходящее в семье не в полной мере зависит от намерений и желаний людей, входящих в эту семейную систему, потому что жизнь в семье регулируется свойствами системы как таковой, подчиняется законам (основными из которых являются закон гомеостаза и закон развития) и правилам функционирования семейной системы. В этом суть так называемого «принципа тотальности системы». Как показывает практика, чем больше «возраст» семейной системы и чем она более ригидна и закрыта, тем в большей степени этот принцип определяет поведение членов семьи и влияет на внутрисемейное функционирование.

В работе с семьей системный психотерапевт должен придерживаться принципов циркулярности, гипотетичности и нейтральности [1]. Оказание помощи семье ориентировано на оптимизацию семейных взаимоотношений, на определение нарушений функционирования в определенной подсистеме (или между ними) и анализ семейных параметров как возможных факторов дисфункциональности.

Одним из патриархов *системной семейной психотерапии* по праву считается *Мюррей Боуэн* (1913–1990) – выдающийся американский психиатр, психолог и психоаналитик. Работая в качестве психоаналитика, он сформулировал идеи о повторяющихся, автоматически воспроизводящихся паттернах взаимоотношений в диаде «ребенок-мать». Он предложил различать две формы привязанности: тревожную (патологическая форма, основанная на тревоге и связанная с утратой разумного контроля над эмоциями) и функциональную – привязанность с сохранением самообладания и автономии. Вторую форму впоследствии М. Боуэн определил как центральный аспект так называемой «*дифференциации*» (способность к автономному функционированию на основе умения различать (дифференцировать) мысли, идеи, аффекты, эмоции, чувства) [5].

Важнейшим пунктом учения М. Боуэна стало положение о противоположных тенденциях развития семейной системы: индивидуализация и сплочение. В гармоничной семье обе эти тенденции сбалансированы и уравновешивают друг друга. Слияние членов семьи является результатом дисбаланса и чрезмерного смещения внутрисемейных взаимоотношений к полюсу сплочения. Такие семейные системы, в которых люди не могут действовать независимо друг от друга, были названы «семьи сплава». Такой союз больше похож на аморфную эмоционально заряженную эго-массу. Поэтому задачей специалиста является отделение членов семьи друг от друга и их обучение функционированию с умеренной привязанностью и достаточной степенью автономии каждого из них [5]. Вследствие действия механизмов и законов системы, даже поддерживая изменение положения одного из членов семьи, психолог может способствовать изменению семейной системы в целом.

Большое внимание в модели М. Боуэна уделяется актуальному семейному взаимодействию, представленному посредством соответствующих концептов: дифференциация Я и дифференциация межличностных отношений в семье (уровень *автономии/слияния* членов семьи); триангуляция как тенденция к образованию в семье патогенных «треугольников»; концепция эмоциональной системы ядерной семьи, описывающая характерные паттерны функционирования в рамках одного поколения; концепция трансгенерационной (межпоколенческой) передачи патогенных паттернов; степень эмоционального отделения (эмоционального разрыва) от родительской семьи; сиблинговая позиция и сиблинговый профиль; концепция проективных процессов в семье; концепция социумной регрессии [4].

В современной психологии М. Боуэна считают одним из основателей трансгенерационного подхода к семье, объединяющего несколько теоретических и практических подходов, общим для которых является учет семейной динамики на протяжении ряда поколений, поскольку именно он обосновал концепцию трансгенерационной (межпоколенческой) передачи патогенных паттернов [3, с. 15].

Для сбора информации о межпоколенных связях М. Боуэн в 1978 г. разработал метод генограммы. Данный инструментарий позволяет специалисту оценить не только настоящее отдельного человека, но и историю его семьи, его прошлое [4]. В психотерапевтической практике применение данного метода позволяет уже в ходе обсуждения прояснить характер взаимоотношений в семейной системе, проследить признаки сплава, тем самым мотивировать члена семьи в его стремлении преодолеть эмоциональное слияние.

Таким образом, практика семейного консультирования и психотерапии во многом определяется теоретическими ориентирами психолога-консультанта, отражающими взгляд на природу личности и механизмы ее поведения, причины внутрисемейных нарушений, варианты изменений. Интегративная модель М. Боуэна существенно обогатила теорию и практику семейной системной психотерапии, пролив свет на механизмы функционирования от-

дельных членов семьи в семейной системе с учетом уровня дифференциации отдельного человека и эмоциональных связей между поколениями.

Список использованных источников

1 Варга, А. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс / А. Варга. – СПб. : Речь, 2001. – 144 с.

2 Основы психологии семьи и семейного консультирования ; под общ. ред. Н. Н. Посысоева. – М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 328 с.

3 Слепкова, В. И. Психология семьи / В. И. Слепкова, И. И. Кранц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elib.bspu.by/handle/doc/187?mode=full&ysclid=15h66zjmn5636890516>. – Дата доступа: 03.06.2022.

4 Системная семейная терапия Мюррея Боуэна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viaregina.ru/center/sistemnaya-semeynaya-terapiya-myurreya-bouena.html>. – Дата доступа: 03.06.2022.

5 Теория семейных систем Мюррея Боуэна : основные понятия, методы и клиническая практика ; под ред. К. Бейкер, А. Я. Варги ; [пер. с англ. под общ. ред. В. И. Белопольского, пер. : А. Боковиков и др.]. – 2-е изд., стер. – М. : Когито-Центр, 2008. – 494 с.

Н. Л. Станкевич

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ САМОКОНТРОЛЯ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА СЕМЬИ

В статье рассматривается проблема самоконтроля личности обучающихся в зависимости от типа семьи. Приводятся результаты исследования особенностей самоконтроля у обучающихся из полных и неполных семей. Подчеркивается актуальность разработки и внедрения в образовательный и воспитательный процесс программ развития самоконтроля у обучающихся.

Ключевые слова: самоконтроль, обучающиеся, полная и неполная семья.

В условиях современной информационной среды и широкого влияния СМИ, интернета на личность, умение самостоятельно и осознанно контролировать поведение и деятельность приобретает первостепенное значение. Способность человека одновременно быть инициатором собственных намерений и их управленцем подразумевает его независимую позицию. Автономия и самостоятельность действий человека проявляются в самоконтроле. Проблему самоконтроля рассматривали отечественные и зарубежные исследователи П. К. Анохин, Р. Ассаджиолли, Н. А. Бернштейн, Л. Г. Дикая, В. А. Иванников, Е. П. Ильин, Г. С. Никифоров, В. И. Моросанова, Е. А. Сергиенко, R. Bau-meister, E. L. Deci и R. M. Ryan, J. Kuhl, W. Mischel, M. Muraven, B. J. Zimmerman. Ученые подчеркивали, что самоконтроль личности проявляется в различных видах деятельности, повышает ее эффективность. Овладение навыками и умениями самоконтроля позволяет обучающимся продуктивно учиться, специалистам осуществлять трудовую деятельность на высоком уровне.

Теоретический анализ исследований самоконтроля показывает, что навыки и умения регулировать собственное поведение и деятельность формируются в процессе онтогенетического развития личности, в результате воспитания и самовоспитания. Необходимо отметить, что постепенное становление самоконтроля происходит в процессе социализации личности, и связано с усвоением и принятием выработанных в семье норм и правил поведения. Боль-

шая роль в формировании самоконтроля у детей отводится родителям, предъявляющим определенный эталон (образец) поведения и деятельности, которому следует ребенок. Формирование навыков и умений самоконтроля происходит на основе полоролевой идентификации, когда родители предъявляют детям пример эмоционального самоконтроля, который проявляется в сдержанности, бесконфликтности в общении; самоконтроля в деятельности при планировании и отслеживании качества реализации действий [1].

Исследователи отмечают, что по мере взросления ребенка в процессе воспитания родительский контроль должен постепенно уступать место самоконтролю, основанному на умении ребенка контролировать себя и предвидеть результаты собственных действий. Гиперконтроль родителей приводит к негативному результату, так как у ребенка не формируется способность к самостоятельной оценке поведения и деятельности. E. L. Deci и R. M. Ryan отмечают, что условия жесткого внешнего контроля детей со стороны родителей (например, посредством угрозы наказаний или наград в виде денег, завышенных требований к срокам окончания деятельности) препятствуют реализации их потребности в самодетерминации, автономии [3]. Следовательно, можно предположить, что социальным фактором, способствующим оптимальному формированию самоконтроля личности, является благополучная и полная семья.

С целью выявления особенностей самоконтроля личности обучающихся в зависимости от типа семьи было проведено исследование. Выборку испытуемых составили 179 обучающихся УПТО, УССО г. Минска, г. Молодечно, г. Гомеля и 60 учащихся средней школы № 129 г. Минска. При проведении исследования использовались психодиагностические методики:

- тест-опросник А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана;
- методика определения уровня субъективного контроля (УСК) J. Rotter в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда;
- вопросник Г. С. Никифорова, В. К. Васильева, С. В. Фирсовой;
- опросник «Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90) J. Kuhl в адаптации С. А. Шапкина;
- опросник способов совладания R. Lazarus, S. Folkman в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой;
- методика «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций» Е. В. Битюцкой.

В результате статистических расчетов с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни обнаружена значимость различий в показателях самоконтроля и типа семьи обучающихся.

По результатам исследования самоконтроля у обучающихся УПТО и УССО из полных ($n = 62$) и неполных семей ($n = 52$) можно констатировать: испытуемые из неполных семей менее деятельны, недостаточно активны и упорны, могут отказаться от достижения поставленной цели при встрече с трудностями, в случае неудач склонны снимать с себя ответственность за происходящие с ними события. Для них характерна неуверенность в собственных действиях, зависимость от мнения окружающих, слабое осознание собственных мотивов деятельности, неумение распределять усилия и контролировать собственное поведение и деятельность. Испытуемые из неполных семей отличаются спонтанностью, импульсивностью. Сочетание этих качеств с обидчивостью может приводить к повышению внутренней напряженности, преобладанию постоянной утомляемости и снижению качества выполняемой деятельности. При неудачах обучающиеся из неполных семей склонны перекладывать ответственность на других людей или ссылаться на обстоятельства. Установлено, что в стрессовых ситуациях испытуемые из неполных семей в большей степени, чем испытуемые из полных семей, склонны к бесконтрольному, импульсивному поведению, проявлению спонтанных действий и конфликтности в отношениях с окружающими.

Значимость различий по показателям самоконтроля обнаружена у учащихся 9–10-х классов из полных ($n = 30$) и неполных ($n = 30$) семей. На основании представленных

результатов необходимо отметить, что учащиеся из полных семей при возникновении сложностей в жизни воспринимают трудную ситуацию как подконтрольную себе. Они активны и способны регулировать происходящие события, используя конструктивные, преобразующие ситуацию стратегии. Испытуемые из полных семей в большей степени, чем испытуемые из неполных семей в стрессовой ситуации способны управлять своим эмоциональным состоянием, сдерживать собственные негативные проявления при столкновении с трудностями. Напротив, учащиеся из неполных семей в меньшей степени, чем учащиеся из полных семей уверены в возможности контролировать сложившуюся трудную ситуацию. Они более пассивны и считают себя неспособными изменить обстоятельства.

Следовательно, в зависимости от типа семьи по составу можно отметить степень сформированности у учащихся навыков и умений самоконтроля в стрессовой ситуации. Важно отметить, что становление самоконтроля происходит на этапе личностного развития (подростковый, юношеский возраст), когда родительский контроль сменяется самоконтролем [2]. Переживание подростком внутреннего комфорта, стабильности является результатом действий самоконтроля. Утрата контроля над собственными эмоциями может стать опасной предпосылкой формирования различных видов девиантного поведения.

В целом, при анализе результатов исследования характеристик самоконтроля личности обучающихся в зависимости от наличия/отсутствия родителей в семье обращает на себя внимание тот факт, что преимущественно низкие показатели самоконтроля установлены у испытуемых из неполных семей. Это может свидетельствовать о влиянии близкого социального окружения на формирование навыков и умений самоконтроля у обучающихся. Данные исследования также позволяют обозначить практическую задачу, направленную на развитие самоконтроля поведения и деятельности у обучающихся из неполных семей. Поэтому к числу приоритетных задач можно отнести разработку и внедрение в образовательный и воспитательный процесс программ развития самоконтроля у обучающихся. Психологам, педагогам, родителям в процессе реализации практической деятельности по развитию самоконтроля рекомендуется учитывать возрастные особенности и особенности социализации личности (семейное воспитание и самовоспитание), использовать формы и методы, способствующие наиболее оптимальному развитию данного феномена.

Список использованных источников

1 Булгаков, С. А. Социальный самоконтроль школьников в структуре их взаимодействия с ближайшим окружением: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / С. А. Булгаков. – СПб., 1994. – 18 с.

2 Никифоров, Г. С. Психология самоконтроля / Г. С. Никифоров. – СПб.: Скифия-принт, 2020. – 232 с.

3 Ryan, R. M. A legacy unfinished: An appreciative reply to comments on self-determination theory's frontiers and challenges / R. M. Ryan, E. L. Deci, M. Vansteenkiste, B. Soenens // *Motivation Science*. – 2021. – Vol. 7 (2). – P. 120–121.

Д. О. Баранова

Научный руководитель: С. В. Остапчук
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ КОМПОНЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К БРАКУ У СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются компоненты психологической готовности к браку. Автором приводятся данные эмпирического исследования развития психологической готовности у студентов гуманитарного факультета посредством тренингового занятия, в котором развивались отдельные компоненты психологической готовности к браку, а именно: конфликтологическая культура, эмпатия, направленность личности на общении.

Ключевые слова: психологическая готовность к браку, эмпатия, направление личности в общении, уровень конфликтности.

В нашем исследовании понятие «психологическая готовность к браку» определяется общей зрелостью личности и возможностью выполнять супружеские и родительские роли [2].

Многие исследователи выделяют различные компоненты психологической готовности к браку. Мы опирались на компоненты вступления в брак Н. В. Маляровой, которая характеризует готовность к браку наличием следующих компонентов:

- готовность личности принять на себя новую систему обязанностей по отношению к своему брачному партнеру и будущим детям;
- навыки межличностного общения, установка на сотрудничество;
- самоотверженность по отношению к партнеру;
- эмпатия;
- конфликтологическая культура [1].

На наш взгляд, перечисленные компоненты активно развиваются в подростковом возрасте, и участие в их развитии способствовало бы повышению психологической готовности к браку в будущем. Мы предположили, что развитие психологической готовности к браку в юношеском возрасте не приведет к значительным изменениям, так как психологическую готовность к браку следует развивать ранее, начиная в школьное время.

Нами была составлена тренинговая программа, направленная на развитие данных компонентов. Тренинговая программа состояла из 5 занятий. В качестве экспериментальной группы в тренингах участвовали студентки четвертого курса специальности «Дошкольное образование» Полоцкого государственного университета в количестве 11 девушек в возрасте от 20 до 21 года. Для контрольной группы были выбраны студентки третьего курса той же специальности в количестве 10 человек в возрасте от 19 до 20 лет.

Экспериментальная и контрольная группы не имели значимых различий по следующим критериям: уровень эмпатии, степень конфликтности и направленность личности в общении. Данные были проанализированы с помощью U-критерия Манна-Уитни.

На втором этапе исследования были изучены различия по степени выраженности конфликтности в экспериментальной группе до и после проведения социально-психологического тренинга. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Различия по степени выраженности конфликтности в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Степень конфликтности	45	39,64	1,38	0,20	11,21	10

Примечание: здесь и далее «До» – значения экспериментальной группы до проведения социально-психологического тренинга, «после» – значения экспериментальной группы после проведения социально-психологического тренинга.

Из данных таблицы 1 видно, что уровень статистической значимости при использовании t-критерия Стьюдента для зависимых выборок выше 0,05 ($p = 0,20$), следовательно, значимые различия отсутствуют. Полученные результаты можно объяснить тем, что в экспериментальной группе изначально большинство участников имели слабовыраженный уровень конфликтности.

Далее были изучены различия по уровню эмпатии в экспериментальной группе до и после проведения социально-психологического тренинга. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Различия по уровню эмпатии в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Уровень эмпатии	60,27	55,09	0,66	0,52	12,78	20,84

Исходя из данных таблицы 2, можно сделать вывод, что значимые различия по уровню эмпатии отсутствуют в экспериментальной группе, так как уровень статистической значимости равен 0,52 ($p > 0,05$).

Долговой В. И. был предложен целый комплекс психолого-педагогических технологий, способствующих формированию эмпатии у студентов. Исследование В. И. Долговой показало значимые различия в экспериментальной группе по уровню эмпатии: число студентов с высоким уровнем эмпатии возросло на 3,6 %, с уровнем «выше среднего» возросло на 16,7 %; с уровнем «ниже среднего» уменьшилось на 17,9 %, с низким уровнем уменьшилось на 2,4 %. Число испытуемых со «средним» уровнем эмпатии осталось на прежнем уровне (38,1 %) [4].

Можно сделать вывод, что уровень эмпатии в нашей экспериментальной группе не изменился из-за недостаточно узконаправленных тренинговых упражнений на развитие эмпатии.

Далее были изучены различия по направленности личности в общении в экспериментальной группе до и после тренинговых занятий. Результаты исследования представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Различия по направленности личности в общении в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Направленность личности в общении	5,01	4,91	0,15	0,88	1,55	1,51

Согласно данным таблицы, можно сделать вывод, что уровень статистической значимости при использовании t-критерия Стьюдента для зависимых выборок выше 0,05 ($p = 0,88$), следовательно, значимые различия отсутствуют.

Полученные результаты можно объяснить тем, что направленность личности в общении – это особенности общения человека, характеризующие его общий подход к построению взаимодействия с другими людьми, и формируется она продолжительный период времени, а, следовательно, и изменения в направленности общения занимают достаточно долгий период времени.

Нами были проанализированы различия контрольной и экспериментальной групп в степени конфликтности после проведения тренинговой программы. Процентное соотношение экспериментальной и контрольной групп представлено на рисунке 1.

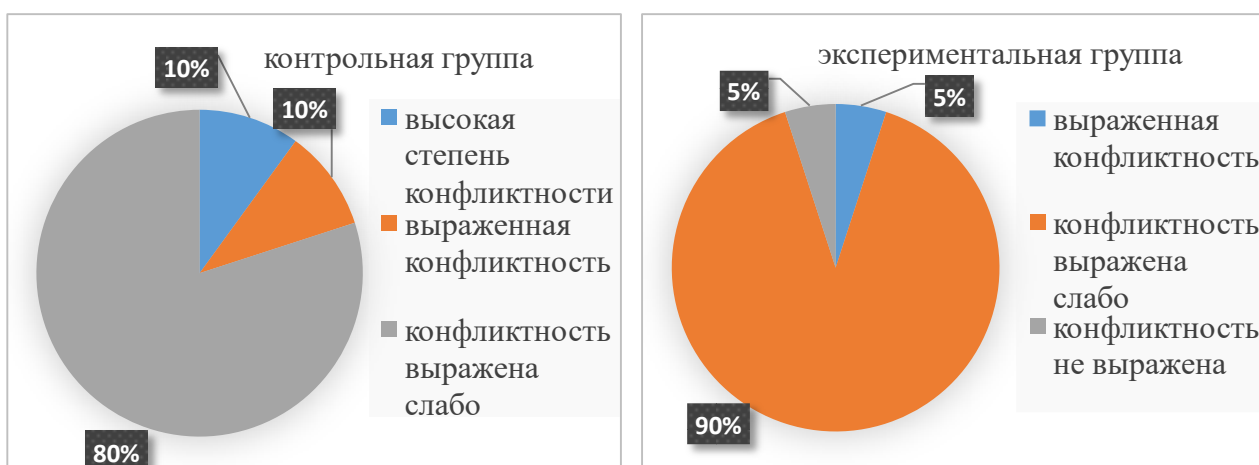

Рисунок 1 – Процентное соотношение степени выраженности конфликтности экспериментальной и контрольной групп

Из рисунка 1 видно, что данные выборок незначительно отличаются: в контрольной группе 80 % имеют слабовыраженную конфликтность, а в экспериментальной – 90 %. Уровень значимости по U-критерию Манна-Уитни выше 0,05 ($p = 0,46$), что свидетельствует об отсутствии значимых различий.

Далее были проанализированы различия контрольной и экспериментальной групп по уровню эмпатии после проведения тренинговой программы. Процентное соотношение экспериментальной и контрольной групп представлено на рисунке 2.

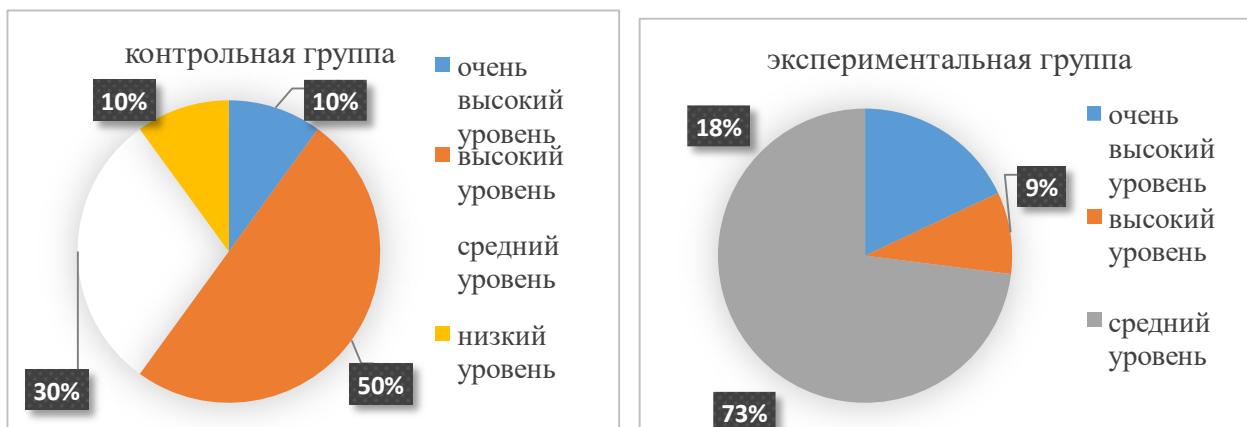

Рисунок 2 – Процентное соотношение уровня эмпатии экспериментальной и контрольной групп

Из рисунка 2 видно, что высокий уровень эмпатии преобладает в контрольной группе, а именно 50 %, в экспериментальной – 9 %. уровень значимости по U-критерию Манна-Уитни равен 0,26 ($p > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии значимых различий.

Далее проанализированы различия экспериментальной и контрольной групп в зависимости от направленности личности в общении. Процентное соотношение респондентов представлено на рисунке 3.

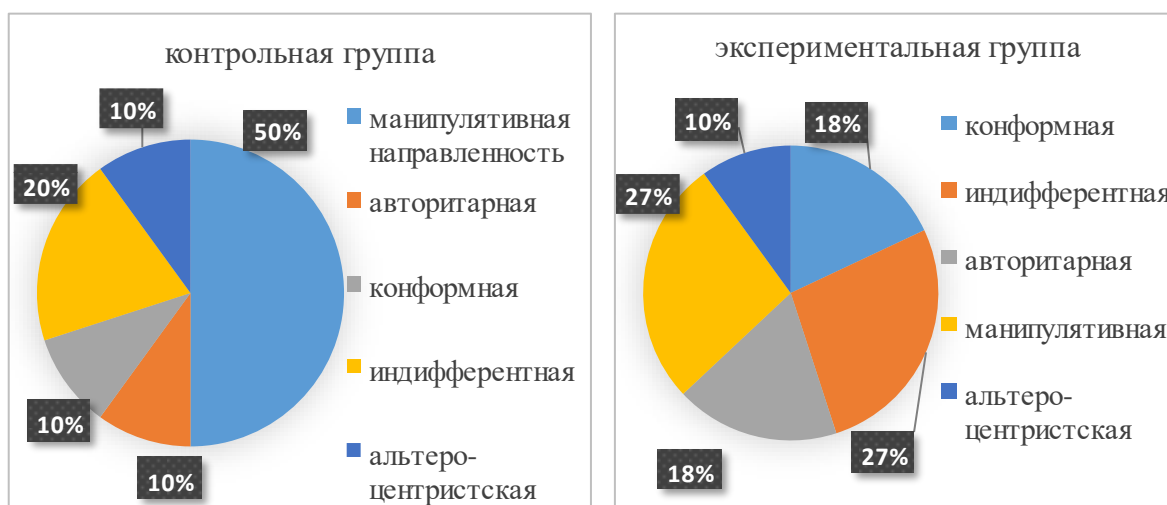

Рисунок 3 – Процентное соотношение направленности личности в общении экспериментальной и контрольной групп

Из рисунка 3 следует, что преобладающими типами направленности личности общения в контрольной группе является манипулятивная, а в экспериментальной группе манипулятивная и индифферентная. Уровень значимости по U-критерию Манна-Уитни выше 0,05 ($p = 0,29$), что свидетельствует об отсутствии значимых различий.

Таким образом, можно сделать вывод, что значимые различия по параметрам «степень конфликтности», «уровень эмпатии», «направленность личности в общении» отсутствуют после проведения тренинговой программы. Следовательно, наше предположение о том, что развитие психологической готовности к браку в юношеском возрасте не приведет к значительным изменениям, так как психологическую готовность к браку следует развивать в школьное время, подтвердилось.

Постановлением министерства образования Республики Беларусь от 02.11.2018 была утверждена учебная программа факультативного занятия «Основы семейной жизни» для учащихся IX–XI классов [3]. Цель данной программы – способствовать формированию ценностного отношения учащихся к институту брака и семьи. Но не во всех школах данный факультатив проводится. По нашему мнению, если бы старшеклассники могли обсуждать данные вопросы, это помогло бы повысить в дальнейшем психологическую готовность к браку.

Список использованных источников

1 Малярова, Н. В. Мотивация брака и прогноз психологического вмешательства / Н. В. Малярова // Семья и личность. – 1981. – С. 124–135.

2 Торохтий, В. С. Психология социальной работы с семьей: монография / В. С. Торохтий // Москва: Центр социальной педагогики. – 1996. – 218с.

3 Утверждена учебная программа факультативного занятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aiv.by/ru/zdarovy-lad-zhytstsja/novosti/utverzhdena-uchebnaja-programma-fakultativnogo-zanjatija-%C2%ABosnovy-semejnoj-zhizni%C2%BB-dlja-uchaschihsja-ix-xi-klassov/>. – Дата доступа: 22.01.2019.

4 Эмпатия : монография / В. И. Долгова, Е. В. Мельник. – М. : Издательство «Перо», 2014. – 185 с.

Е. С. Будник

Научный руководитель: С. В. Остапчук
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

ПОСЛЕДСТВИЯ ГИПЕРОПЕКАЮЩЕГО СТИЛЯ ВОСПИТАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению гиперопекающего стиля воспитания и проявлению его последствий в юношеском возрасте. Рассматриваются такие последствия гиперопекающего стиля воспитания как выученная беспомощность (атрибутивные стили). Запреты и следования потребностям родителей лишает ребенка возможности адекватного взаимодействия со своими желаниями и потребностями. Полученные результаты демонстрируют масштаб проблемы выученной беспомощности в целом.

Ключевые слова: выученная беспомощность; гиперопека; гиперопекающий стиль воспитания; личностная беспомощность, пессимизм, симбиоз.

Стиль родительского воспитания, то, как родители взаимодействуют с ребенком, как они его дисциплинируют, может способствовать развитию ребенка, но может и препятствовать взрослению. Речь идет о гиперопекающем стиле воспитания.

По мнению В. В. Столина, гиперопека и симбиоз –это навязчивое желание удержать, привязать к себе ребенка, лишить его самостоятельности из-за страха возможного несчастья с ребенком в будущем [4, с. 46].

Самый существенный недостаток этого стиля – это неподготовленные к жизни, практически мало компетентные взрослые, потому что их родители когда-то боялись всевозможных неприятностей, бед и рисков, они «спасали» своих детей и избавляли их от необходимости преодолевать трудности и решать свои собственные проблемы.

Чрезмерно опекающие родители хотят, чтобы их дети не пострадали физически или эмоционально. Они хотят защитить своих детей от вреда, боли, несчастья, негативного опыта, отвержения другими, неудач и разочарований.

К. Сегрин, в результате проведенного исследования, указывает, что чрезмерная опека детей – это неэффективный метод воспитания. Он уверен, что такой подход лишает детей самостоятельности и может привести к возникновению проблем во взрослой жизни (ментальные проблемы и зависимости от алкоголя и психоактивных веществ). Последствия гиперопеки могут проявить себя не сразу, а в возрасте от 18 до 25 лет [6].

Мы поставили цель исследовать взаимосвязь родительского гиперопекающего воспитания и одного из предполагаемых последствий данного стиля воспитания – выученной беспомощности.

М. Селигман предположил, что решение проблемы относительно того, кто подвержен чувству беспомощности кроется в стиле объяснения неприятностей. Наш способ объяснять неудачи и удаchi формируется с детства под влиянием ряда факторов, к которым может относиться гиперопека со стороны родителей [2, с. 28].

Анализ современной психологической литературы показал, что одним из первых на проблему беспомощности указал З. Фрейд. Однако в начале 70-х годов прошлого столетия выученная беспомощность была описана как самостоятельный феномен (М. Селигман, 1975) [3, с. 28].

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем атрибутивный стиль пессимизм как проявление выученной беспомощности.

М. Селигман изначально утверждал, что оптимистическое мышление имеет позитивную роль в успешности деятельности [3, с. 168], однако исследования успешности учебной деятельности в зависимости от атрибутивного стиля в целом показывают противоречивые результаты [1, с. 758]. В некоторых работах пессимистический атрибутивный стиль негативных событий выступал в качестве предиктора низкой успеваемости у студентов и школьников [5]. Однако другие исследования, напротив, свидетельствуют о том, что пессимистичные студенты показывают более высокую успеваемость [1]. Анализ проблемы противоречивых связей атрибутивного стиля и академической успешности привел к выводу, что они могут зависеть как от типа ситуаций, так и от других характеристик.

Можно предполагать, что бессознательно или осознано ребенок из гиперопекающей семьи будет стремиться быть объектом одобрения, внимания и любви. В тот момент, когда этого не происходит, возникает ощущение ненужности и беспомощности.

Для того, чтобы исследовать наличие признаков гиперопекающего стиля воспитания в родительских семьях, была использована шкала «симбиоз» теста-опросника родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина.

В нашем исследовании приняли участие 130 студентов Полоцкого государственного университета (60 юношей и 60 девушек) в возрасте от 17 до 22 лет.

На первом этапе был обработана шкала «симбиоз» теста-опросника родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина.

59,2 % опрошенных (77 респондентов) сталкивались с гиперопекающим стилем воспитания в детстве. Это говорит о том, что больше половины испытуемых воспитывались в семье с признаками гиперопекающего стиля воспитания и актуализирует данную проблему. Опрошенные студенты и студентки находятся практически в равном соотношении (38 юношей и 39 девушек соответственно). Они воспитывались в семье с признаками гиперопекающего стиля воспитания. Следовательно, гиперопека проявляется как в отношении как сыновей, так и дочерей.

Далее рассмотрим результаты теста атрибутивных стилей Л. М. Рудиной. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты по ТАС – Тест атрибутивных стилей

Результаты	Количество человек	Процентное соотношение
Пессимизм	107	82,3 %
Умеренный пессимизм	7	5,4 %
Промежуточное значение	8	6,2 %
Умеренный оптимизм	3	2,3 %
Оптимизм	5	3,8 %

Исходя из результатов таблицы можно сделать вывод, что большая часть выборки относиться пессимистично к причинам своих неудач в широком диапазоне смысла.

Что немаловажно, студенты, воспитывающиеся в семье с признаком гиперопекающего стиля воспитания, чаще относятся пессимистично к причинам своих неудач – 68 испытуемых (пессимизм и умеренный пессимизм в данном случае объединены – всего 114 респондентов). И 46 испытуемых, воспитывающихся в семье без признаков гиперопекающего стиля поведения родителей. Данные представлены на рисунке 1.

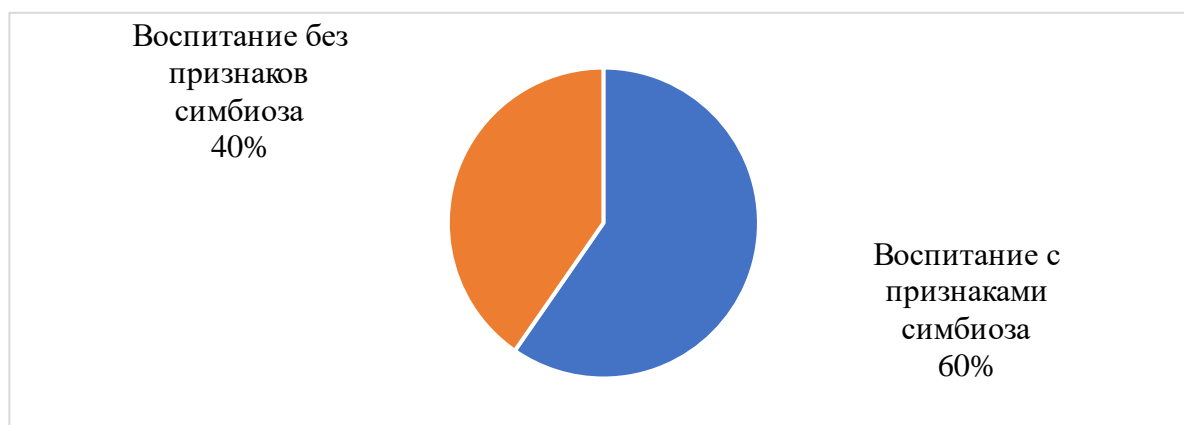

Рисунок 1 – Пессимистичное отношение к неудачам у студентов с признаками гиперопекающего стиля воспитания и без гиперопеки

Показатели пессимистичного отношения студентов (52 респондента) и студенток (55 респонденток) находятся практически в равном соотношении.

На следующем этапе исследования проводилась проверка гипотезы о существовании взаимосвязи гиперопеки как стиля семейного воспитания личностной беспомощности.

При использовании коэффициента согласия Пирсона уровень значимости $p > 0,05$, следовательно, корреляция отсутствует. Гипотеза не подтвердилась.

На основании полученных результатов, можно предположить, что гипотеза не подтвердилась из-за резкого перевеса показателей по результатам теста атрибутивных стилей в сторону проявления пессимистического атрибутивного стиля.

Полученные результаты позволяют актуализировать проблему гиперопекающего стиля поведения родителей в семье и проблему выученной беспомощности среди студентов, пессимистичного отношения к причинам своих неудач в широком диапазоне смысла.

Мы уверены, что существует необходимость формулировки новой задачи: разработки рекомендаций по преодолению выученной беспомощности у молодых людей.

Проблема пессимистичного отношения к неудачам, и жизни в целом, в перспективе поддерживает интерес к ее более серьезному исследованию, нахождению подробных причин развития данного феномена и его последствий.

Нами были выдвинуты предположения, что такие показатели по тесту атрибутивных стилей вызваны рядом обстоятельств. Это ежедневные стрессы, с которыми мы сталкиваемся в работе, учебе и межличностных коммуникациях. Однако самым большим стрессом для человека является нестабильность и изменчивость мира.

Например, в условиях пандемии COVID-19 мы априори стали зависимы от показателей заболеваемости, от санитарных ограничений. На данный момент мы зависимы от решений государств по поводу полетов, условий работы, выдачи виз – теряется инициативность и оптимизм в работе, учебе, досуге. В таких условиях у человека отсутствует возможность поставить долгосрочную цель и идти к ней.

Кроме того, следует отметить, что обучение в вузе может помочь студенту формировать самостоятельность мышления и ответственность за свою учебную деятельность. Студентам необходима активная позиция в формировании умений управления собственной учебной деятельностью, что поможет совершенствоваться в постановке учебных целей, выборе средств их реализации.

Список использованных источников

1 Гордеева, Т. О. Оптимистический атрибутивный стиль и диспозиционный оптимизм: эмпирическая проверка сходства и различия двух конструктов / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2017. – Т.14. – № 4. – С. 756–765.

2 Селигман, М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / М. Селигман. – М. : София, 2006. – 368 с.

3 Селигман, М. Как научиться оптимизму. Измените взгляд на мир и свою жизнь / М. Селигман. – Москва : Альпина, 2013. – 346 с.

4 Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования ; под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. – М. : Педагогика, 1989. – 208 с.

5 Peterson, C. Explanatory style and academic performance among university freshmen / C. Peterson, L. Barrett // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – V. 53 (3). – P. 603–607.

6 Segrin, C. Overparenting is associated with perfectionism in parents of young adults / C. Segrin, T. J. Burke, T. Kauer // Couple and Family Psychology: Research and Practice. 2020. – № 9(3). – P. 181–190. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1037/cfp0000143>. – Дата доступа: 19.03.2022.

А. А. Волченкова

Научный руководитель: А. Н. Крутолевич, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СВЯЗИ АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА И СТИЛЕЙ РОДИТЕЛЬСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь стилей родительского воспитания с акцентуациями характера у детей. Использование полученных данных возможно в консультационной психологической работе с семьями, планирующими или уже имеющих ребенка или детей; консультации семей, планирующий брат ребенка на воспитание. Результаты работы расширяют научные знания о проблемах в семьях с различными стилями воспитания, поскольку со сложностями сталкивается большинство родителей в современном обществе, а также выступают основой для проведения дальнейших исследований и разработке новых теоретических открытий для профилактики девиантного поведения у детей.

Ключевые слова: акцентуация характера, характер, акцентуированная личность, идентификация, восприятие, гипопротекция, гиперпротекция, девиантное поведение, стиль воздействия.

На формирование определенных черт личности оказывает влияние множество факторов, среди которых можно выделить такие, как: воспитание в семье, социум, окружающий мир, врожденные данные и т. д. Все больше ученых приходят к выводу, что наиболее значительное воздействие на развитие ребенка и формирование у него отдельных черт характера оказывается именно родителями (или значимыми взрослыми) при установлении определенных отношений в семье в конкретных условиях или пренебрежением этими условиями. Детско-родительские взаимоотношения с выделением различных параметров, которые их характеризуют в психологии изучали такие ученые как А. Я. Варга, В. В. Столина, А. А. Реан и др.

Так, например, А. А. Реаном были выделены такие параметры определения типа отношений между родителями и детьми как степень принятия и отвержения, отношение к неудачам ребенка, степень кооперации и симбиоза, авторитарная гиперсоциализация [5]. А. Я. Варга считала за основу детско-родительских отношений сформированные в процессе развития паттерны поведения и стереотипы [2]. Актуальность работы видится в возможности выбора женщиной своего жизненного пути, большая образованность родителей / родителя, оттого и более осознанный подход родителей к появлению нового члена семьи и выбора стиля воспитания для дальнейшего успешного встраивания человека в социум и гармоничное развитие личности.

С самого начала становления учения о психопатологиях уделялось особое внимание разграничению между непосредственно патологиями и крайними вариантами нормы. Еще в 1886 году В. М. Бехтерев упоминал о «переходных степенях между психопатией и нормальным состоянием», о том, что «психопатическое состояние может быть выражено в столь слабой степени, что при обычных условиях оно не проявляется. Вариантов обозначения данных понятий было множество, но наиболее удачный термин был предложен К. Леонгардом – «акцентуированная личность», обозначающий как раз крайний вариант нормы, проявляющийся как акцент, усиление, выраженная черта характера. Акцентуация характера – следствие как факторов наследственности, так и того или иного типа воспитания ребенка.

С точки зрения психологии, понятие «семья» несколько отличается от социологического или, например, экономического определения. Под термином «семья» в данной работе будет пониматься малая социальная группа, объединенная кровным родством или брачным союзом, проживающая на общей территории и ведущая совместный быт, имеющая между каждым членом семьи договоренности и обязанности. В семье человек с самого рождения учится понимать и принимать принципы взаимоотношений между людьми, усваивает нормы морали и правила поведения в обществе, узнает через обратную связь от членов семьи свои особенности и ограничения. Но, к сожалению, не все семьи способны в полной мере обеспечить гармоничное развитие ребенка и успешное его взаимодействие с окружающим миром. Зачастую, нарушение важнейших функций ведет как к психическим, так и к физическим отклонениям в развитии ребенка.

Наиболее существенным риском для развития ребенка психологи и психиатры отмечают отсутствие матери (и физическое, и эмоциональное), что в некоторых случаях может приводить к определенным акцентуациям. Также влияние оказывает и недоступность отца, что может повлечь за собой нарушение привязанности, расстройство полорольевых отношений, в некоторых случаях – неуверенность в собственной значимости. Существуют и свои особенности микросоциума для многодетных семей: недостаток внимания, отсутствие необходимого для полноценного развития ребенка периода беззаботности, выстраивание иерархии между сиблингами – часто наблюдаемые последствия выбора родителями создания большой семьи. Также колоссальное влияние на становление характера ребенка оказывают условия жизни, в которых человек рождается и растет, будь то материальное положение, социальный статус родителей (либо лиц, их замещающих), уровень образования и род деятельности взрослых.

К факторам воспитания, провоцирующим и закрепляющим акцентуации, относят гиперопеку, потворствующее воспитание, эмоциональное отвержение, жестокое или противоречивое воспитание, воспитание в условиях «культы болезни».

Для подтверждения гипотезы о влиянии стиля воспитания в семье на акцентуации у ребенка можно рассмотреть следующие данные исследования, методом изучения в котором применялись:

- методика диагностики акцентуации характера по А. Е. Личко;
- опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» (автор И. М. Мар-ковская).

При проведении сравнительного анализа методик был выявлена взаимосвязь типа акцентуации и стиля воспитания. Например, строгость родителей формирует такие типы акцентуации как эпилептоидный и истероидный типы, а автономный стиль воспитания порождает неустойчивый, конформный, гипертимный, психастенический, сенситивный характер; отверженный стиль воспитания развивает такие акцентуации как циклоидный и лабильный [1]. Еще одна работа, рассматривающая взаимосвязь стиля родительского воспитания и акцентуации у детей – «Роль микроклимата семьи в патологической динамике акцентуаций характера подростка», опубликованная в журнале «Сибирский психологический журнал» в 2006 году [4]. В статье использовались следующие опросники:

- модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков на основе ПДО А. Е. Личко;
- опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса;
- Томский опросник ригидности Г. В. Залевского;
- опросник определения уровня невротизации и психопатизации.

По результатам опросников и обработке данных были сделаны следующие выводы:

- риск развития психического нездоровья образуется посредством стиля родительского воспитания, микроклимата и психического состояния родителей;
- к патологической динамике акцентуаций характера (невротизация и психопатизация) при наличии ригидности в структуре личности родителей могут приводить следующие особенности воспитания: предпочтение в подростке детских черт, чрезмерность требований-запретов, воспитательные конфликты, игнорирование потребностей, недостаточность требований-обязанностей, минимальность санкций и фобии утраты ребенка;
- причиной психопатизации может стать акцентуация по типу «гипертимная» в комбинации с психической ригидностью родителей и с воспитательной особенностью «предпочтение в подростке детских качеств»;
- к невротизации может привести акцентуация по типу «сенситивная» в совокупности с чертой воспитательного процесса «воспитательные конфликты»; а также акцентуация по типу «психастеническая» с воспитательными особенностями «игнорирование потребностей», «недостаточность требований-обязанностей», «минимальность санкций», «фобия утраты ребенка»;
- существует вероятная тенденция к патологической динамике в случае сочетания типа акцентуации «астено-невротическая» с воспитательными особенностями «чрезмерность требований-запретов»;
- психическая ригидность подростков является следствием психической ригидности в структуре личностей родителей.

При рассмотрении работы «Применение физических наказаний в семье как фактор проявление агрессивности и акцентуаций характера подростка» [3], было установлено, что у подростков из неблагоприятных семей особенно проявляются такие типы акцентуаций как эпилептоидный и истероидный. Данное преимущественное распространение демонстрирует склонность подростков к злобно-тоскливым состояниям, на базе которого формируются раздражение и аффективность. Такие подростки часто чрезмерно эмоциональны в общении, легко теряют над собой контроль, в достаточной мере импульсивны. Также, доминирование данных типов указывает на злопамятность в отношении причиненных в их сторону обид. Эти факторы становятся причиной демон-

стративного поведения, стремления привлечь к себе внимание с целью сочувствия. Однако выбор стратегии поведения (эгоцентризм, неразвитые коммуникативные навыки, патологическое фантазирование) зачастую оказывается неэффективным и приводит к противоположной ситуации – разрушению социальных связей как со сверстниками, так и со взрослыми, а также, к девиантному поведению. Данный факт так же характеризует средняя степень эксплицитности шизоидного типа, что характеризуется изолированности внутреннего мира от социума, наполненность его фантазиями и увлечениями. Такая внутренняя погруженность в себя определяет замкнутость и сдержанность в общении, отсутствие эмпатии.

В свою очередь, исходя из полученных данных исследования, можно сделать вывод, что в благополучных семьях подростки ориентированы на расширение социальных связей, проявление лидерских качеств, имеют большую выраженность социальной гибкости и мобильности, в противовес детям, воспитывающихся в неблагополучных семьях с применением физического насилия. Такие дети как бы «выключаются» из общества, не имеют склонность к базовому доверию к миру, стремятся в будущем «восстановить справедливость», самоутвердиться, приходя в последствии к девиантному поведению.

Список использованных источников

1 Айдамира, Х. Б. Акцентуация характера как фактор семейного воспитания / Х. Б. Айдамирова, З. А. Арскиева // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 30 июля 2021 г. ; редкол. : Ж. В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С. 257–261.

2 Варга, А. Я. Системная психотерапия / А. Я. Варга. – СПб. : Речь, 2001. – 144 с.

3 Дементий, Л. И. Применение физических наказаний в семье как фактор проявления агрессивности и акцентуации у подростка / Л. И. Дементий, А. В. Колодина // Вестник ОмГУ. 2013. – № 2 (68). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-fizicheskikh-nakazaniy-v-semie-kak-faktor-proyavleniya-agressivnosti-i-aktsentuatsiy-haraktera-podrostka>. – Дата доступа 12.06.2022.

4 Пикулов, М. С. Роль микроклимата семьи в патологической динамике акцентуаций характера подростка / М. С. Пикулов // СПЖ. – 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mikroklimata-semi-v-patologicheskoy-dinamike-aktsentuatsiy-haraktera-podrostka>. Дата доступа 12.06.2022.

5 Реан, А. А. Психология подростка. Психологическая энциклопедия. Полное руководство для психологов, педагогов и родителей ; под ред. А. А. Реана. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003.

Е. В. Додока

Научный руководитель: Т. А. Павлова, канд. психол. наук, профессор
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
г. Брянск, Российская Федерация

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К БРАКУ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА

В статье представлены результаты исследования психологической готовности к браку студентов первого курса: все испытуемые имеют достаточную готовность к семейной жизни. Испытуемые вполне готовы к вступлению в брачные отношения, к созданию положительного семейного фона, поддержанию уважительных, доброжелательных отношений с родственниками, воспитанию детей, интимной жизни, а также налаживанию здорового семейно-бытового режима.

Ключевые слова: студенты, семья, психологическая готовность к браку.

Исследование психологической готовности к вступлению в брак является актуальной темой для многих исследователей зарубежья и России. Изменения, которые происходят в мире, в частности связанные с отношением к роли брака в жизни людей, являются неизбежными последствиями эволюции общества. Последствием является и трансформация семьи как социального института. Так, меняется иерархия функций, выполняемых семьями. Современные исследования в области психологии брака, проводимые такими исследователями, как Дружинин В. Н., Карабанова О. А., Андреева Т. В., Дубровина И. В., показывают, что на данный момент развития человечества экономическая, бытовая, хозяйственная, детородная и сексуально-эротическая функции не представляются основными для членов брака. В свою очередь, первоочередными функциями становятся воспитательная и психологическая, которые создают гармоничные семейные отношения. Также Л. Д. Шнейдер, И. В. Гребенников, Т. В. Андреева и В. А. Сысенко активно занимались исследованиями вопроса психологической готовности к браку [1].

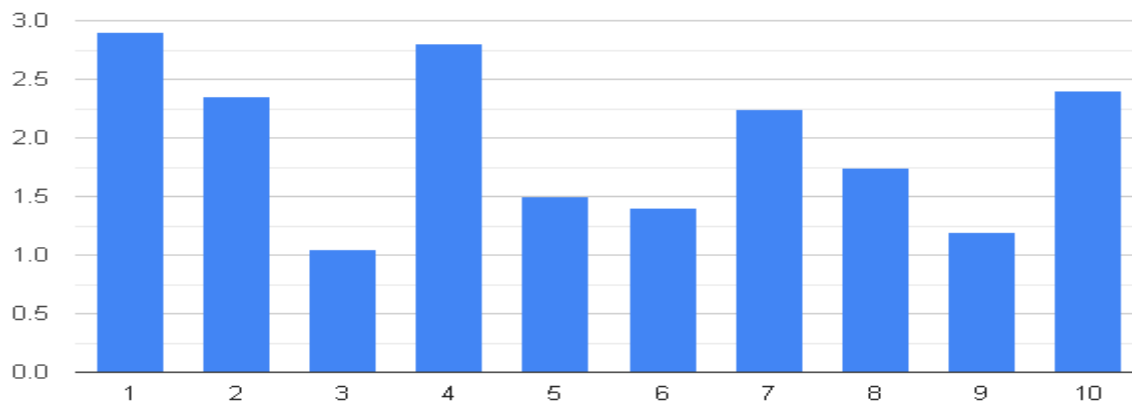
Очевидно то, что супружескую пару, семью необходимо рассматривать, учитывая отношения между мужем и женой, которые исполняют функции продолжения рода. То, что молодые люди положительно относятся к заключению официального брака, к семейным отношениям в широком смысле этого слова, к противоположному полу, учитывают отношения между родителями в семье, в которой они выросли, роли и семейные ценности, является хорошим показателем вклада психологической готовности к заключению брака.

Важно отметить тот факт, что психологическая готовность к заключению брака как тема исследования в современном обществе приобретает особую актуальность не только среди психологов. Данной тенденции способствуют реалии современного социума, перераспределение ролей, изменение ценностей и приоритетов [2].

Нами было проведено исследование по определению психологической готовности к браку у студентов. Для определения готовности к семейной жизни студентов была взята «Тест-карта оценки готовности к семейной жизни» И. Ф. Юнда.

Исследование проводилось на базе Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. В исследовании принимало участие 20 студентов первого курса.

Результаты исследования представлены на рисунке 1.

Примечание: 1 – Проявление эмпатии. 2 – Встреча гостей. 3 – Совместные покупки. 4 – Отношение к занятости партнера. 5 – Домоводство. 6 – Сексуальные отношения. 7 – Забота о потомстве. 8 – Забота о воспитании детей. 9 – Самосовершенствование в рамках семьи. 10 – Коммуникабельность.

Рисунок 1 – Результаты исследования готовности к семейной жизни

Средний показатель готовности к семейной жизни составляет 104 балла (из 120 возможных), что говорит о достаточной готовности к семейной жизни студентов первого курса.

Средний показатель по ситуации «У юноши (девушки) неприятности на работе» составляет 2,9 балла. Это говорит о том, что большинство испытуемых в данной ситуации склонны к сопереживанию, проявлению нежности, стремлению успокоить и поддержать уверенность в правоте.

Средний показатель по ситуации «Встреча гостей – родителей, родственников и друзей» составляет 2,35 балла. Это говорит о том, что большинство испытуемых предпочитает встречать гостей без приема, без всякого энтузиазма, без проявлений признаков должного уважения, в разговоре порой проскальзывает недовольство.

Средний показатель по ситуации «Совместные покупки, заготовка продуктов» составляет 1,05 балла. Это говорит о том, что большинство испытуемых предпочитает дружное обсуждение планов, в реализации которых все члены семьи принимают посильное, но активное участие.

Средний показатель по ситуации «Мне некогда, я работаю» составляет 2,8 балла. Это говорит о том, что у большинства испытуемых уважительное отношение к профессии, успехам, живой интерес к работе супруга (супруги) и трудовым проблемам.

Средний показатель по ситуации «Забота об уюте, эстетике быта, чистоты одежды, белья; уборка квартиры, приготовление пищи с учетом различных вкусов» составляет 1,5 балла. Это говорит о том, что большинство испытуемых отдает предпочтение самостоятельным занятиям домоводством с адекватным восприятием доброжелательной критики и пожеланий, без отказов от полезной помощи.

Средний показатель по ситуации «Сексуальные отношения» составляет 1,4 балла. Это говорит о том, что, по мнению большинства испытуемых, сексуальные отношения занимают доминирующее место в семейной жизни, все остальное имеет соподчиненное значение.

Средний показатель по ситуации «Забота о потомстве» составляет 2,25 балла. Это говорит о том, что у большинства испытуемых есть желание иметь как можно больше детей.

Средний показатель по ситуации «Забота о воспитании детей» составляет 1,75 балла. Это говорит о том, что большинство испытуемых стремятся к разностороннему (интеллектуальному, психоэмоциональному и физическому) развитию ребенка.

Средний показатель по ситуации «Самосовершенствование в рамках семьи» составляет 1,2 балла. Это говорит о том, что большинство испытуемых предпочитают заботу о всестороннем развитии каждого, индивидуальное овладение мастерством, выработка активной жизненной позиции.

Средний показатель по ситуации «Выбор и развитие коммуникабельности» составляет 2,4 балла. Это говорит о том, что большинство испытуемых стремятся совершенствовать манеры поведения и формы общения, утверждать и с достоинством представлять свою семью и себя лично.

Согласно полученным результатам можно сделать вывод о том, что наиболее высокий уровень готовности к семейной жизни прослеживается по таким шкалам, как «Проявление эмпатии», «Отношение к занятости партнера» и «Коммуникабельность». Наименьший уровень готовности к семейной жизни показывают шкалы «Совместные покупки», «Сексуальные отношения» и «Самосовершенствование в рамках семьи». Это говорит о том, что испытуемые способны к пониманию своего партнера, уважению его личных границ и сопереживанию. Однако студенты не готовы решать совместно какие-либо проблемы, развиваться и распределять приоритеты в рамках семьи.

Таким образом, результаты исследования показывают, что первокурсники по многим показателям психологически не готовы к семейной жизни. Это обусловлено возрастными особенностями, отсутствием или минимальным владением информацией, жизненным опытом.

Список использованных источников

1 Боцоева, А. В. О феномене психологической готовности к браку современной молодежи в контексте новообразований личностного развития / А. В. Боцоева, Л. А. Лазаренко,

Е. В. Молчанова // Проблемы современного педагогического образования.– 2020. – № 1. – С. 343–347.

2 Векилова, С. А. Психология семьи: учебник для вузов / С. А. Векилова. – М. : Юрайт, 2020. – 308 с.

3 Чернова, Ж. Молодая семья как объект/субъект семейной политики / Ж. Чернова // Полит.ру. 2017. – [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://polit.ru/article/2010/11/30/family/>. – Дата доступа: 25.03.2022.

А. Г. Екименко

Научный руководитель: Е. В. Дробышевская,
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СУПРУЖЕСКИЕ ИЗМЕНЫ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению супружеских измен. Автором проводятся данные теоретического исследования супружеских измен как проблемы семейных отношений.

Ключевые слова: главная причина измены, пол, измена, отношения, член семьи.

В семье происходят расхождения во мнениях, и это абсолютно естественно. Парень и девушка со своими личными психическими отличиями, различным житейским опытом, взглядами на общество объединяются с целью создания своей семьи. По самым разным проблемам и моментам могут быть разногласия. Все эти проблемы испытывают человека на устойчивость и выдержку.

В такие моменты рассматривается сила чувств мужа и жены в брачном союзе, способность справляться с проблемами сообща. В некоторых случаях этим силам чувств препятствуют «враги» замужества, одним из которых считается измена.

Измены – наиболее опасные половые взаимосвязи, характеризующиеся длительностью и появлением эмоциональной связи с новым партнером. Данное любовное чувство способно быть фактором возникновения измены или, напротив, появиться в ходе формирования взаимоотношений с внебрачным партнером.

Советский лингвист С. И. Ожегов в своем словаре трактовал понятие «измена» как «нарушение верности кому-нибудь или чему-нибудь». А вот термин «верность» означал стойкость в своих чувствах, взаимоотношениях, в выполнении своих обязательств [1, с. 525].

Психолог М. И. Рипинская акцентирует внимание на то, что существует как традиционная точка зрения на измену, так и нетрадиционная. В традиционной измена считается опасной, способной разрушить брак, а в нетрадиционной измена понимается как метод поддержания «умирающего» брака, привлечения интереса супруга и сохранение брачных взаимоотношений при помощи реализации нужд и т. д.

Проблема неверности в супружеских взаимоотношениях была актуальна всегда. В каждой семье имеется разное представление об измене мужа или жены, ведь это зависит от многих факторов таких как: совместимость партнеров, воспитание и прочее. В разных случаях люди либо пытаются смириться с изменами партнера, создавая ощущения, будто ничего не было, либо реагируют на это очень негативно.

Но имеются и единые закономерности. Сексологи полагают, что мотив измены направлен на поиск у внебрачного партнера тех качеств, которых нет у основного.

Измена в браке способна оказать сильное влияние на брачные взаимоотношения, которые могут сопутствовать глубоким переживанием ревности. Также измена способна ока-

зять негативное воздействие на дружеские взаимодействия с другими родственниками, с ребенком на долгий промежуток времени, нанеся огромный удар как по физическому, так и по психическому здоровью. Число разводов, одним из факторов которых является измена, стремительно увеличивается, что всерьез грозит семье.

Факторы, способствующие возникновению измен разнообразны, они оказывают влияние не только на брачно-семейные взаимоотношения, но и касаются личности человека.

Выделяют несколько психологических факторов, которые могут способствовать возникновению супружеских измен:

– частые запреты в детстве. Очень строгое воспитание является одной из причин того, что человек в дальнейшем умышленно будет изменять своей половине, с целью выхода «за рамки» привычного;

– неуверенность в себе. Попытка показаться классным при помощи множества измен. Однако наличие половых связей с другими людьми не считается положительным показателем, ведь этим они ничего не доказывают ни окружающим, ни себе;

– стереотипы. Большинство представителей мужского пола считают, что истинные «самцы» обязаны изменять. Большинству женщин навязывается мнение о том, что они должны подражать мужчинам. На самом деле необходимо думать своей головой и осознавать, что огромное счастье – доверие по отношению к возлюбленному;

– недостаток материнской или отцовской любви. Все люди, живущие на планете, нуждаются в полноценной семье и в эмоциональной близости с самого детства. Это оказывает большое влияние в дальнейшем на взаимоотношения в браке. В случае отсутствия двух факторов (полноценность семьи и эмоциональная близость) это негативно сказывается по отношению ко второй половине. Парни, не имеющие эмоциональной близости с их мамами, больше других предпочитают ходить «налево». Девушки, растущие с отцом, который не интересовался ребенком, или без отца, тоже склонны к похождениям «налево»;

– конфликты в семье. Супруги не особо хотят решать образующиеся противоречия, а регулярно сражаются между собой. Факторы неумения слушать, слышать, выразить собственные чувства и понимать мысли, постигать первопричину конфликта отрицательно влияют на взаимоотношения. В конечном итоге один из супругов хочет наказать своего партнера за обиды, которые были нанесены в порыве эмоций. Другой же хочет обрести спокойствие, найти понимание и покладистость, отдохнуть от стабильных ссор.

Подводя итоги, можно заметить, что мотивы брачных измен весьма широки и многогранны. Здесь были рассмотрены разнообразные точки зрения на появления измен и факторы, которые могли способствовать этому.

Наиболее частые социальные факторы возникновения супружеских измен – это стремление изменить для того, чтобы не выделяться в глазах общества. Зачастую этот фактор относится к обеспеченным слоям населения, которые свыклись жить роскошно и регулярно ищут ярких любовных приключений.

В исследовании, которое было проведено кандидатом психологических наук И. С. Якиманской отмечено, что социальные факторы возникновения супружеских измен у мужчин и у женщин различаются по семейному положению и полу [3, с. 47–59].

В эксперименте принимали участие супружеские пары, находящиеся в браке 5 лет. Для этого эксперимента применялись анкеты, методы анализа, проективная методика «Нарисуй измену».

Анкета была ориентирована на сбор социологических и эмпирических сведений и состояла из 5 вопросов. Эти вопросы давали возможность обнаружить причины, способствующие измене. Парам, участвующим в этом исследовании, предлагали написать, с чем ассоциируется у них слово «измена».

Методы анализа использовались с целью раскрытия психологических особенностей текста, выделяющие там смысловые единицы и замер частоты их повторений. На этих основаниях делаются заключения об индивидуальной направленности или выборки в целом. Ос-

новная цель данного метода заключается в анализе представлений об измене, причинах ее возникновения у представителей мужского и женского пола.

В результате исследования были выявлены следующие группы причин измены:

- «острота ощущений»– новый интимный опыт, встряска от домашней обстановки, поиск незабываемых ощущений;
- эмоциональные сопереживания к другому человеку – влюбленность и влечение к другому;
- месть партнеру – обида, неудовлетворенность супружеской жизнью, измена в ответ на измену.

У представителей мужского пола «острота ощущений» стоит на первом месте и составляет 70 %. Вероятно, мужчины наиболее склонны к поиску приключений, как и в интимном плане, так и в бытовом. А вот стабильные взаимоотношения, которые наиболее характерны для девушек, их не устраивают. Есть факт, что представителям мужского пола, как биологической особи, наиболее характерно иметь несколько партнерш.

У представительниц женского пола главным фактором измены выступает огромное эмоциональное переживание, влечение к другому человеку и этот фактор составляет 48 %. Неверность для девушек носит психологический характер. Данное состояние можно назвать внутренней изменой.

В качестве второй причины девушки выделяют месть партнеру (35 %). Есть вероятность, что замужние девушки, обладающие стабильными взаимоотношениями в течении нескольких лет брака, «отдают» своему супругу «лучшие» годы собственной жизни, обычно принимают решение отомстить изменой. По этой причине, в измене девушка наблюдает наилучший метод ответить на обиды, недопонимания и прочее.

По результатам анализа ассоциаций измена обуславливается через понятие предательства. Девушки показывают измену в чувствах, к примеру, «неверность – это предательство, когда уходит любовь» Парни, в свою очередь, показывают измену чаще рациональными значениями, где супруга должна сохранять свою верность, а неверность со стороны мужчины разъясняется поиском новизны. Выяснилось, что пары, состоящие в браке, оценивают измену как пессимистичную, жесткую, трудную и долговременную. Все это соответствует ранним результатам. Бесспорно, измена для устоявшихся взаимоотношений считается жестким вмешательством семейной жизни.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- девушки наполняют измену эмоциональным содержанием, через любовь-нелюбовь. Парни, в свою очередь, наполняют измену больше рациональным значением. Это свидетельствует об половых различиях мужчин и женщин воспринимать мир, совершающиеся в нем действия, процессы;
- главная причина измены у представителей мужского пола – новые ощущения (новый интимный опыт). У девушек главная причина измены – любовь к другому человеку (сильное влечение). Сталкиваясь с изменой, девушки представляют ее как чувственное, уникальное явление. Мужчины же описывают измену как рациональное событие.

Исходя из вышесказанного, можно сказать о том, что социальные факторы возникновения супружеских измен у мужчин и у женщин различаются в определении, причинах, в оценке этого понятия, по семейному положению и полу. Таким образом, существует множество причин и факторов супружеских измен, которые различны для мужчин и женщин.

Последствия супружеских измен на психологическом уровне весьма велики, болезненны и зачастую приводят к утрате самоконтроля партнеров.

На фоне подобного мощного эмоционального поражения люди предрасположены к мыслям о суициде, депрессии, алкогольной либо наркотической зависимости.

Выделяют ряд утрат, возникающих у участника брачной пары, столкнувшегося с изменой:

- потеря идентичности. Данному виду характерно понижение целостности, равенства и уверенность человека в собственной социальной значимости;
- потеря самоуважения. В случае подозрения неверности происходит отрицание сомнений с мыслью о том, что подобное никак не способно случиться, либо, пройдя оскорбления и категорически отказавшись от собственных ценностей, стараясь вернуть партнера, чувство собственного достоинства может дать трещину;
- потеря контроля над мыслями и действиями. Столкновение с навязчивыми мыслями: постоянное анализирование в своей голове обмана партнера, фантазия измены во всех деталях и попытка изучения события, которое могло этому способствовать;
- потеря фундаментального ощущения порядка и справедливости мира. После предательства, окружающий мир прекращает быть упорядоченным и надежным. Происходит переосмысление базовых понятий о справедливости и честности во всех сферах своей жизнедеятельности, в том числе брачный союз и любовь;
- потеря связи с окружающими. Желание поделиться переживаниями со всеми, но в то же время не раскрывать свои секреты;
- потеря целей и желания жить. Ощущение, что собственное существование доставляет больше проблем, нежели небытие. Возникают мысли об суициде. И это самое ужасное последствие. Цель человека, подвергаемого предательству – несмотря ни на что справиться с отчаянием.

Всем известно, что измены очень мощно «ударяют» по самооценке человека. И от этого страдает не только тот человек, которому изменили, но и сам изменщик. Оба партнера будут ощущать не самые милые чувства.

Что ощущает тот, кто изменил:

- угрызение совести. Человек испытывает чувство вины перед своим партнером и чувство неприязни к самому себе;
- неопределимое желание все исправить. Осознав суть всего происходящего, человек пытается либо утаить обстоятельства измены, либо загладить собственную вину. Все эти мысли мучают его, и человек ищет всевозможные варианты, чтобы его простили. В случае распада отношений, человек совершивший измену, зачастую погружается в депрессию.

Связи на стороне оказывают отрицательное влияние не только на психическое, но и на физическое здоровье человека, выступая как источник нагрузки и тревоги.

Проанализировав последствия супружеских измен, можно сделать вывод о том, что психологические последствия способны привести к многочисленным проблемам, как со стороны человека, который решился на измену, так и со стороны человека, которому изменили.

Главная причина измены у представителей мужского пола – новые ощущения (новый интимный опыт). У девушек главная причина измены – любовь к другому человеку (сильное влечение);

Социальные факторы возникновения супружеских измен у мужчин и у женщин различаются в определении, причинах, в оценке этого понятия, по семейному положению и полу.

Список использованных источников

- 1 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: АСТ, 2018. – 736 с.
- 2 Рипинская, М. И. Психология измены / М. И. Рипинская – СПб., 2001. – 215 с.
- 3 Якиманская, И. С. Социальные представления об измене у мужчин и женщин, состоящих и не состоящих в браке / И. С. Якиманская // Психолог. – 2021. – № 1. – С. 47–59.

А. В. Зельдина

Научный руководитель: А. Н. Редюк

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматривается понятие «самостоятельность» с точки зрения психологической науки. Автором приводятся данные эмпирического исследования сформированности качеств самостоятельности у личностей юношеского возраста, полученные на основании опроса 23 студентов в возрасте 18–20 лет, обучающихся на I курсе факультета психологии и педагогики ГГУ имени Ф. Скорины по методике «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой и методике «Мотивации достижения» А. Мехрабиана.

Ключевые слова: самостоятельность, юношеский возраст, становление, личность, формирование самостоятельности.

Современное общество интенсивно развивается, что стимулирует образовательные организации ответственно подходить к процессу воспитания активной жизненной позиции у учащихся. Однако, формирование и развитие данного «показателя» невозможно без своевременно заложенных у человека навыков к самостоятельной деятельности.

Проанализировав психолого-педагогическую литературу, можно сделать вывод, что понятие «самостоятельность» рассматривается как ведущее качество личности, выражающееся в умении ставить перед собой определенные цели и добиваться их реализации собственными силами, планируя при этом свою деятельность, подчиняясь какому-либо плану и правилам [2, с. 243].

В свою очередь, самостоятельная личность способна регулировать собственное поведение и все виды совершаемой ей деятельности, в состоянии определять перспективы своего развития, оптимально выбирая пути и средства достижения намеченных целей. Чем более высок уровень самостоятельности, тем успешнее человек задает свое будущее, свои планы и более успешно действует, реализуя их [1, с. 88].

Значимым для исследования самостоятельности и возможности оказать влияние на ее формирование и развитие является изучение специфических особенностей изучаемого возрастного периода. На данном возрастном этапе происходит окончательный переход к зрелости личности, завершается формирование устойчивых личностных черт. Таким образом в течение юношества человек достигает полной личностной и социальной зрелости. При этом основной направленностью индивида становится выбор профессиональной деятельности и продолжение развития и обучения в выбранной сфере [3, с. 83].

Юноши и девушки стремятся занять позицию взрослого человека, осознать себя в качестве члена общества, определить себя в мире, сформировать собственную систему ценностей и смысложизненных ориентаций, понять себя, свои возможности, свое место и назначение в жизни.

Теоретический анализ проблемы психолого-педагогических основ становления самостоятельности личности юношеского возраста актуализировал проведение эмпирического исследования.

В ходе исследования было опрошено 23 человека в возрасте от 18 до 20 лет – студентов первого курса факультета психологии и педагогики – 19 девушек и 4 юноши.

Анализ результатов исследования показателей индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля, по опроснику «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой включал построение индивидуального профиля, отражающего показатели планиро-

вания, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств – гибкости и самостоятельности.

Полученные после расчета баллы, в виде процентного соотношения отражены на рисунке 1.

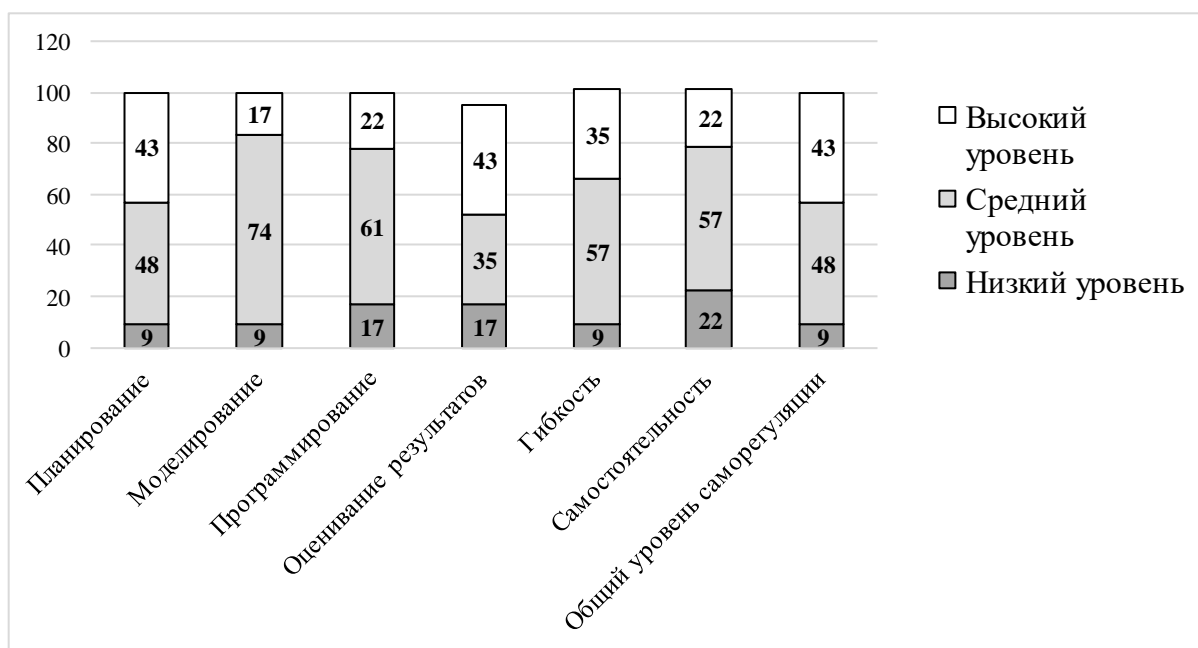

Рисунок 1 – Уровни по различным показателям индивидуальной саморегуляции, выявленные у студентов (n = 23) по методике «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой

Высокие показатели по шкале «планирование» были выявлены у 43 % респондентов. Эти испытуемые обладают сформированными умениями сознательного планирования деятельности, их планы реалистичны, детализированы, иерархичны, эффективны, а также устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно. У 9 % испытуемых были выявлены низкие показатели по этой шкале. У этих респондентов потребность в планировании сформирована недостаточно, планы подвержены частым изменениям, цель редко достигается, составленный план не является эффективным и зачастую представляется как нереалистичный. Такие субъекты предпочитают не думать о будущем, цели ставятся ситуативно.

У 17 % испытуемых выявлены высокие показатели по шкале «моделирование». Они способны выявить значимые условия для достижения целей, что выражается в пригодности планов для реализации и соответствии достигнутых результатов поставленным целям. У 9 % испытуемых выявлены низкие показатели по этой шкале. У них низкое развитие прогностических действий приводит к неадекватной оценке внутренних условий и внешних обстоятельств. У таких испытуемых часто возникают трудности в определении цели и программы действий, адекватных целей и отношения к текущей жизненной ситуации, они не всегда замечают изменение ситуации, что также часто приводит к неудачам.

Высокие показатели по шкале «программирование» были обнаружены у 22 % испытуемых, что говорит о том, что им необходимо подумать о своем плане действий и поведении для достижения поставленных целей. Планы разрабатываются самостоятельно, гибко меняются в новых условиях и устойчивы к возникающим сбоям. Если достигнутые результаты не соответствуют целям, разрабатываются новые подходы разрешению возникающих ситуаций для достижения приемлемого успеха в рамках заданной цели. Низкие показатели бы-

ли обнаружены у 17 % опрошенных. Это указывает на неспособность и нежелание респондентов задуматься о последствиях собственных действий.

Высокие значения по шкале «оценка результатов» наблюдались у 43 % респондентов, что свидетельствует о развитой адекватной самооценке. Они адекватно оценивают тот факт, что результаты не совпадают с целью деятельности, и причины, которые привели к этому, и гибко приспосабливаются к изменившимся условиям. 17 % испытуемых не замечают своих ошибок и не подвергают свои действия критике.

35 % испытуемых демонстрируют высокие баллы по шкале «гибкость». Если возникают непредвиденные обстоятельства, они могут легко изменить планы и программы выполняемых действий и поведения. 9 % респондентов набрали низкие баллы по этой шкале. Они чувствуют себя неуверенно в динамичной и быстро меняющейся среде и с трудом могут привыкнуть к изменениям в жизни.

Наличие высоких значений по шкале «самодостаточность» у 22 % респондентов свидетельствует об автономии в организации деятельности человека, его способности самостоятельно планировать деятельность и поведение. 22 % респондентов зависят от мнений и оценок других людей, некритично следуют советам других.

У 49 % испытуемых выявлен высокий показатель общего уровня саморегуляции. Для них характерна осознанность и взаимосвязанность в общей структуре индивидуальной регуляции регуляторных звеньев. Такие испытуемые самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, выдвижение и достижение цели у них в большей степени осознанно. У 9 % испытуемых был выявлен низкий показатель по данной шкале. У них не сформирована потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения.

По результатам проведенного эмпирического исследования показателей по методике мотивации достижения А. Мехрабиана полученные после расчета баллы, в виде процентного соотношения отражены на рисунке 2.

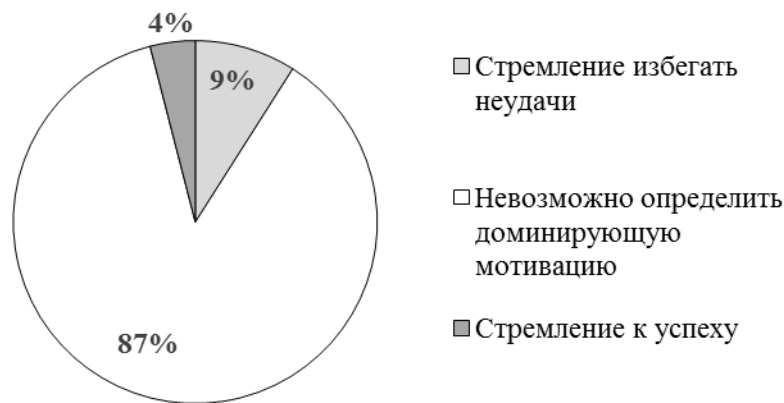

Рисунок 2 – Уровни по исследуемым показателям мотивации к достижениям у юношей и девушек по методике А. Мехрабиана (n = 23), в %

С использованием методики мотивации достижения А. Мехрабиана были получены следующие результаты:

– для исследуемой выборки характерен невыраженный уровень мотивации к достижениям. Количество респондентов с данным результатом составило 87 %, что характеризует их вариативностью выбора плана действий в зависимости от поставленной цели и желания ее достичь, а также многих иных внешних факторов, которые оказывают влияние как на повышение мотивации, так и на снижение. Полученный результат позволяет говорить о необходимости работы по повышению уровня мотивации к достижениям у юношей и девушек;

– студентов, у которых преобладает мотивация избегания неудач (9 %) можно охарактеризовать следующим образом: стремятся избежать порицания, выбирают более легкие задания, малоинициативный, с трудом адекватно оценивает свои возможности. В условиях дефицита времени качество выполненной работы ухудшается;

– респонденты с мотивацией достижения успеха составляют 2 %, что позволяет охарактеризовать их как активных, инициативных, при столкновении с трудностями пытаются найти способы решения, от дефицита времени качество проделанной работы увеличивается. Они могут реализовать свои способности и повысить самооценку при каждом успешном выполнении поставленной задачи.

Результаты проведенного исследования углубляют научные знания о проблеме становления и формирования самостоятельности, поскольку они обусловлены потребностями современного общества, а также выступают основой для проведения дальнейших исследований и разработки теоретических оснований развития и повышения уровня самостоятельности и личностей юношеского возраста, в психодиагностической практике.

Таким образом, юношам и девушкам необходимо повышать силу мотивационной установки к достижению успеха средствами и методами психолого-педагогических мероприятий, посредством разработки коррекционных программ и рекомендаций.

Список использованных источников

1 Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии / М. А. Васинович. – Сб. ст. по материалам LIX междунар. науч.-практ. конф. № 12 (57). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. – 196 с.

2 Психологический словарь ; под общ. ред. А. В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990. – 494 с.

3 Хапаев, И. Б. Основные факторы воздействия на социальную среду современной молодежи / И. Б. Хапаев // Наука в современном обществе. – 2014. – № 5. – С. 81–85.

К. Д. Иванова

Научный руководитель: А. Н. Крутолевич, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ДИАДЕ «РОДИТЕЛЬ – РЕБЕНОК» КАК ФАКТОР РИСКА РАЗВИТИЯ ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНОГО РАССТРОЙСТВА

В статье рассматриваются эмоциональные взаимоотношения в семье как один из факторов развития обсессивно-компульсивного расстройства. Важными параметрами взаимоотношений родителей и детей являются эмоциональная близость или дистантность и принятие или отвержение. С помощью анализа данных было выяснено, как влияют два вышеприведенных параметра на развитие обсессивно-компульсивного расстройства.

Ключевые слова: обсессивно-компульсивное расстройство, дистантность, близость, отвержение, принятие.

Обсессивно-компульсивное расстройство является психическим расстройством, включающее обсессии, компульсии и тревогу. Данное расстройство, как и другие, имеет свою этиологию. Одной из причин данного расстройства являются взаимоотношения в семье, отношения родителей к ребенку, стиль воспитания, детский опыт, а также эмоциональные отношения [3, с. 973].

Взаимоотношения родителей и детей могут характеризоваться различными параметрами, в частности интересностью, близостью/дистантностью, типом родительского воспитания, отвержением или принятия и другими.

Дистанция в отношениях родителей и детей может быть связана с большим количеством конфликтов, меньшей способностью разрешать разногласия, меньшим количеством теплоты и поддержки между членами семьи. Семейные взаимоотношения характеризуются чередованием опыта близости и дистанцирования, что может быть связано с разочарованием, переживанием опыта достичь необходимой близости и дистанции [2, с. 228].

Традиционно родительское отношение рассматривается в системе двух пар независимых признаков: «принятие (расположение) – неприятие (отвержение)» и «гиперопека – гипоопека» [1, с. 913]. На полюсе «принятие» находятся родители, принимающие своих детей такими, какие они есть. Противоположный полюс «непринятие» составляют родители которые осознанно или неосознанно отвергают своих детей, они не испытывают удовольствия от общения с ребенком, видят в нем множество недостатков и др. Сам феномен «эмоциональное отвержение» может выражаться, например, в установлении значительной эмоциональной дистанции, в негативных оценочных суждениях о ребенке, в недоверчивом или холодном отношении к нему, а также в жестоком обращении. Эмоциональное отвержение ребенка может проявляться на разных уровнях: от условного принятия (в данном случае родитель подчеркивает, принимает, а также может приписывать и навязывать только те качества и свойства ребенка, которые вызывают у родителя симпатию, и отрицания нежелательных качеств или черт у ребенка) до игнорирования стремлений, желаний, интересов и личностных особенностей ребенка.

В исследовании был проведен корреляционный анализ стилей детско-родительских отношений (принятия и отвержения, эмоциональной близости и дистантности) с проявлениями обсессивно-компульсивного расстройства, результаты нашего исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа стилей детско-родительских отношений с проявлениями обсессивно-компульсивного расстройства

Шкалы методики «Взаимодействие родитель – ребенок»	Обсессивно-компульсивное расстройство
отвержение – принятие ребенка родителем	$r = -0,693$ $p = 0,000$
эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребенка к родителю	$r = -0,588$ $p = 0,000$

Было выявлено, что шкала проявлений обсессивно-компульсивной симптоматики имеет отрицательную связь с параметрами по шкале взаимодействие родитель – ребенок «отвержение – принятие ребенка родителем», коэффициент корреляции $r = -0,693$ при уровне достоверности $p = 0,000$.

Важным является утверждения о том, что как принятие, так и полное отвержение основываются на едином запрете ребенку быть самим собой, быть индивидуальным, не таким как остальные дети, в том числе и на представления об ожидаемом характере ребенка, возможность жить и развиваться в соответствии со своими личностными особенностями.

Эмоциональное отвержение ребенка в семье может стать следствием повышенного уровня конфликтности в супружеской паре. Общее недовольство какими-либо качествами супруга может влиять на приписывание этих качеств ребенку, который занимает противоположную сторону в конфликте.

Результаты данного корреляционного анализа указывают на то, что в семьях, где ребенка принимают как личность, формируется условие благоприятного развития ребенка, его

самооценки, а также наименьшая вероятность развития симптомов обсессивно-компульсивного расстройства.

Важными предпосылками формирования эмоциональной близости являются также наличие принятия и готовности к оказанию эмоциональной поддержки. В.Н. Куницына понимает под принятием терпимость к недостаткам, признание другого, восприятие его таким, какой он есть, отсутствие конфликтов, стремление уступить, а также желание помочь.

В результате нашего исследования была выявлена отрицательная связь с параметрами по шкале взаимодействие родитель – ребенок «эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребенка к родителю», коэффициент корреляции $r = -0,588$ при уровне достоверности $p = 0,000$.

Эмоциональная близость – это составляющая доверительных отношений в семье, открытости друг с другом. Дети, которые выражают желание делиться самым сокровенным и важным с родителем, рассказывать о своих неудачах и успехах и т. д., имеют меньшую склонность к развитию обсессивно-компульсивной симптоматики.

Таким образом, анализ эмоциональных взаимоотношений в диаде «родитель – ребенок» показал, что важными составляющими таких взаимоотношений является эмоциональная дистантность/близость и принятие/отвержение ребенка. Исследование показало, что в семьях, где ребенка принимают как личность, формируется условие благоприятного развития ребенка, его самооценки, а также наименьшая вероятность развития симптомов обсессивно-компульсивного расстройства, при этом дети, которые, выражают желание делиться самым сокровенным и важным с родителем, рассказывать о своих неудачах и успехах имеют меньшую склонность к развитию обсессивно-компульсивной симптоматики.

Список использованных источников

1 Бонкало, Т. И. Механизмы формирования эмоционального отвержения ребенка в функционально дееспособной семье / Т. И. Бонкало // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – № 4 (6). – С. 913–919.

2 Кагосян, А. С. Влияние психологической дистанции в семье на формирование личности подростка / А. С. Кагосян, Л. Л. Стародумов // Образование и право. – 2021. – № 1. – С. 228–231.

3 Третьякова, В. Ю. Факторы развития обсессивно-компульсивного расстройства / В. Ю. Третьякова // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 11. – С. 972–975.

Ю. А. Климович

Научный руководитель: А. Н. Редюк

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ИЗБЕГАНИЕ БЛИЗОСТИ И ТРЕВОЖНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ ПРИВЯЗАННОСТИ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В статье рассматриваются две ключевые тенденции в отношениях привязанности: избегание близости и тревожность, которые могут способствовать формированию эмоционально зависимого поведения. Автором приводятся данные эмпирического исследования опыта близких отношений и межличностной зависимости 30 респондентов 21–44 лет, проведенного с помощью методик «Опыт близких отношений» К. Бреннана и «Межличностной зависимости» Р. Гирифильда.

Ключевые слова: зависимость, эмоциональная зависимость, созависимость избегание, тревожность, неуверенность.

Проблема зависимости, поднимаемая разными специалистами (психиатрами, наркологами, психологами, неврологами), входит в список серьезных медико-социальных последствий. Эта проблема с каждым годом все более актуализируется в связи с расширением и углублением масштабов химической и нехимической зависимости и других видов аддиктивного поведения.

Результаты многолетних исследований в области типов привязанности и формирования зависимого поведения во взаимоотношениях, позволяют выдвинуть предположение о том, что опыт близких отношений способствует формированию эмоциональной зависимости.

Для партнеров с надежным типом привязанности характерно формирование зрелой или нормальной эмоциональной зависимости от партнера. Зрелость в таких отношениях связана с тем, что межличностная дистанция носит нормальный уровень, то есть люди способны эффективно функционировать отдельно друг от друга, у них отсутствует патологическая ревность, поиск других объектов привязанности и страх потери партнера.

Неуверенность в себе, а как следствие, неуверенность в своем партнере, характерна для тревожного типа привязанности. Такие люди постоянно испытывают чувство ревности и ответственности, которое распространяется не только на вещи, но и на отношения с близким человеком. У них отсутствует эмоциональная дистанцированность в отношениях с романтическим партнером, и возникает патологическая необходимость получать одобрение и подтверждения чувств.

У тревожно-избегающего типа формирование эмоциональной привязанности менее вероятно. Такие люди испытывают трудности в отношениях из-за подсознательного страха отвержения. Они считают себя недостойными внимания, любви и заботы, и поэтому опасаются быть открытыми и любящими.

Таким образом, эмоциональная зависимость делает личность человека ригидной, неспособной к нормальной социальной адаптации и самостоятельной жизни.

С целью изучения избегания близости и тревожности в отношениях привязанности, как факторов развития эмоциональной зависимости, было проведено эмпирическое исследование 30 человек 21–44 лет с помощью двух методик «Опыт близких отношений» К. Бреннана и «Межличностная зависимость» Р. Гиршфильда.

По результатам проведенного эмпирического исследования опыта близких отношений с помощью опросника К. Бреннана были получены средние баллы тревожности и избегания (рисунок 1).

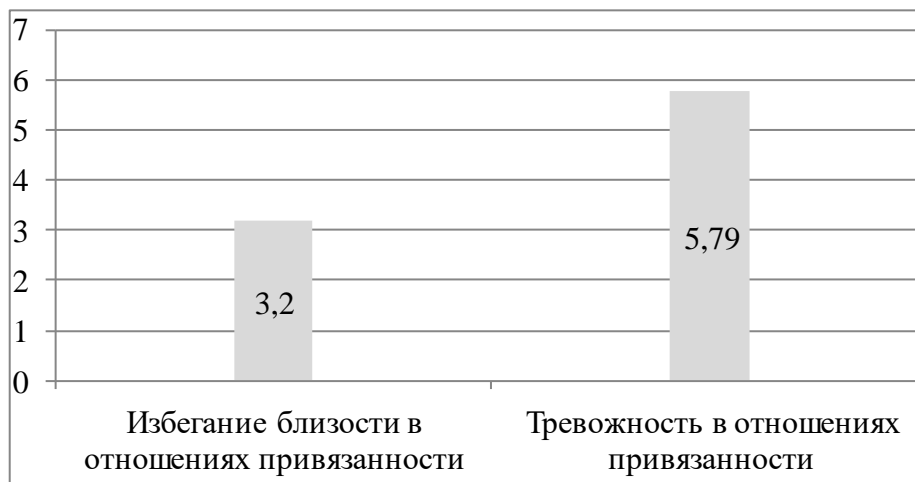

Рисунок 1 – Средние баллы тревожности и избегания в близких отношений у взрослых (n = 30)

В ходе исследования было выявлено, что значения по шкале «тревожность» находятся на среднем уровне выраженности (5,79 баллов из 12 максимальных). Для данных респондентов характерна склонность к межличностной тревоге, а также тенденция к неуверенности в отзывчивости и надежности своего партнера, и страху быть отвергнутым.

По шкале «избегание» результаты оказались намного ниже среднего уровня – 3,2 балла. У таких людей может наблюдаться дискомфорт при психологической близости с эмоционально значимым человеком, а также имеется склонность к формированию зависимости от него.

По результатам проведенного эмпирического исследования показателей межличностной зависимости по методике Р. Гиршфильда были получены количественные показатели по трем шкалам и интегральный показатель межличностной зависимости. На рисунке 2 можно увидеть сравнительные характеристики шкал межличностной зависимости.

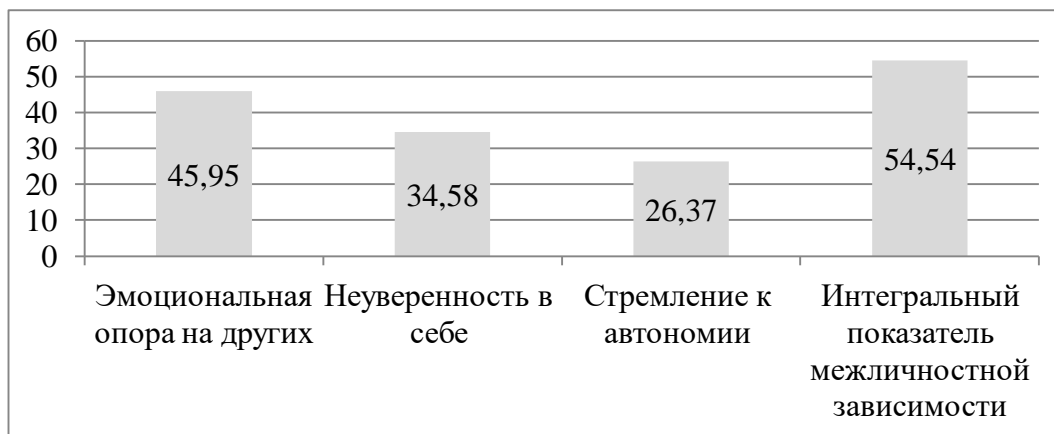

Рисунок 2 – Средние баллы по различным показателям межличностной зависимости у взрослых (n = 30) по методике Р. Гиршфильда

Наиболее ярко в исследуемой группе проявляется показатель эмоциональной опоры на других, он составляет 45,95 баллов. Полученный показатель находится в пределах нормы. Наблюдаемая склонность к поиску эмоциональной поддержке со стороны других людей говорит о направленности на получение оценки с их стороны с учетом собственной системы норм, ценностей и морали. Такая направленность может указывать на получение оценки как способа получения эмоциональной поддержки от других людей. При этом критика и неодобрение окружающих может восприниматься чрезмерно чувствительно, но без фиксации на происходящей ситуации. Характерным также является и потребность в близком человеке рядом. Сами же отношения с близкими людьми могут сопровождаться системой завышенных ожиданий и возможной тревогой по поводу их утраты.

Следующим наиболее высоким средним показателем является «неуверенность в себе» – 34,58 балла, находящийся в пределах нормы. Неуверенность в себе – эмоциональное состояние, состоящее из неловкости, различных тревог и страхов, постоянных сомнений и навязчивых мыслей, беспомощности и бессилия.

Человек склонен сомневаться в способности успешно справляться с личностными проблемами, с которыми он сталкивается в жизни. Данное чувство может провоцировать ожидание от окружающих негативных оценок, поэтому наиболее приемлемой позицией в группе оказывается позиция ведомого. Неуверенность в своих суждениях приводит к склонности спрашивать совета при необходимости принятия решений. В конфликтных или спорных ситуациях присутствует тенденция легко уступать и быстро соглашаться с мнением, которое ожидается другими.

Средний показатель «стремление к автономии» составил 26,37 баллов. Данный показатель находится ниже нормы. Низкий уровень стремления к автономии свидетельствует о

заниженной обособленности к самоопределению своих позиций, принятию ответственности за свои действия и чувства, свободе выбора способа поведения, уместного в данной ситуации с учетом влияния окружения. Человек не опирается на себя, соответственно, достижение поставленных целей без помощи близких людей не представляется возможным.

Интегральный показатель межличностной зависимости составляет 54,54, при максимальном значении 122 балла. Потребность в эмоциональной близости, любви и принятии со стороны значимых людей функционирует на нормальном уровне. Несмотря на присутствие данной потребности, она не выражена патологически. Присутствует склонность к получению помощи и поддержки из-за возможного ощущения себя как беспомощного и слабого. Система ожиданий характеризуется надеждой о заботе со стороны, и тревогой быть отверженным и одиноким.

Проанализировав всю исследуемую совокупность респондентов по методике для диагностики межличностной зависимости Р. Гиршфильда, можно сделать следующие выводы:

- наиболее ярко среди испытуемых проявляется такой показатель межличностной зависимости, как эмоциональная опора на других. Такие личности чувствуют необходимость в ориентации на других людей, на получение эмоциональной поддержки и помощи в каком-либо выборе;

- меньше всего в исследуемой выборке выражены такие формы межличностной зависимости как «неуверенность в себе» и «стремление к автономии» – их значения не превышают среднего;

- интегральный показатель зависимости находится в пределах нормы.

Таким образом, в результате исследования избегания близости и тревожности в отношениях привязанности как факторов развития эмоциональной зависимости, можно сделать вывод, что исследуемые склонны к чувству дискомфорта при психологическом сближении с партнером и формированию зависимости от значимого человека. Наиболее ярко среди респондентов проявляется такой показатель межличностной зависимости, как эмоциональная опора на других.

Список использованных источников

1 Башманов, В. В. Феномен созависимости: медико-психо-социальный аспект / В. В. Башманов, О. Ю. Калиниченко // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – № 1. – С. 1–7.

2 Малкина-Пых, И. Г. Психосоматика и типы привязанности у взрослых (на основе обзора зарубежных исследований) / И. Г. Малкина-Пых // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2017. – № 1. – С. 8–18.

И. М. Костина

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

КОРРЕКЦИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ И САМООЦЕНКИ ПОДРОСТКОВ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ

Статья посвящена исследованию эффективности методов психологической коррекции интернет-зависимости у подростков. В статье представлены результаты анализа особенностей Я-концепции и самооценки подростков, склонных к интернет-зависимости. Подростки, склонные к интернет-аддикции, отличаются низкой самооценкой внешности, физических качеств, общей самооценки, низкой оценкой популярности среди сверстников,

неудовлетворенностью положением в семье, неуверенностью в себе, негативным самоотношением. Анализ личностных особенностей позволил разработать программу коррекции интернет-зависимости у подростков. Сравнительные результаты показали, что количество испытуемых группы риска с Интернет-зависимостью и склонностью к ней сократилось, что позволяет говорить об эффективности разработанной программы.

Ключевые слова: Я-концепция, Я-образ, самоотношение, самооценка, зависимость, интернет-аддикция, поддержка, коррекция.

Актуальность проблемы исследования Я-концепции и самооценки, как средства профилактики интернет-аддикции, связана с сензитивностью подросткового возраста, как этапа развития самосознания и формирования «Я-концепции». В этом возрасте происходит усложнение структуры Я-образа, изменение представлений о себе, рост критичного отношения к себе.

В основе исследования лежит определение Р. Бернса: «Я-концепция – это динамическая система представлений человека о себе, в которую входит осознание своих физических, интеллектуальных и других качеств, а также эмоционально-оценочное представление о себе в целом и к отдельным аспектам своего «Я». Стоит отметить, что именно в подростковом возрасте данная система очень подвижна, динамична и уязвима. То, как пройдет данный возрастной период и как сформируется самосознание подростка, оказывает влияние на его самооценку, а также на дальнейшее становление его самосознания.

Проблема Я-концепции и самооценки поднимается в трудах К. Роджерса, А. А. Налчаджян, Р. Бернса, У. Джеймса, Ч. Кули, Дж. Мида, Э. Эриксона, И. С. Кона, Т. А. Черновой, В. С. Агапова, С. Р. Панталева.

В современном мире трудно представить себе жизнь без интернета. Все больше сфер деятельности зависит от него. Молодые люди наиболее плотно включены в интернет-жизнь, часто заменяя классическое обучение в вузе на дистанционное обучение; профессиональная деятельность часто становится дистанционной и т.д. Все это лишь способствует формированию интернет-зависимости. Согласно представлениям Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева, об аддикции можно говорить тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности [1, с. 12]. Любая аддикция, в том числе и интернет-аддикция, приводят к нарушениям в коммуникативных, социальных навыках, в формировании личности, способствует развитию психосоматических заболеваний, потере собственного «Я».

Подросток с неустойчивым восприятием себя, динамичным самосознанием не может пребывать постоянно в состоянии острого дискомфорта и дистресса. Для снятия возникающего напряжения Я-концепция и самооценка должны найти адекватную опору в социальном пространстве. Одним из распространенных путей решения этой проблемы и является уход в виртуальный мир, в котором подростки могут изменить себе внешность, выдать себя не за того, кем они на самом деле являются, могут примерить на себя любую роль, что приводит к состоянию удовлетворенности, комфорта от общения.

Изучением интернет-зависимости занимались такие ученые, как К. Янг, Л. Н. Юрьева, Т. Ю. Ботьбот, А. Ю. Егоров, В. А. Лоскутова, М. И. Дрепа, М. А. Репина, А. Ф. Федоров, Н. В. Угольков, Т. М. Дубинина, А. А. Арламов, Ф. Г. Ловпаче и др.

С целью изучения Я-концепции и самооценки подростков, склонных к интернет-аддикции, было проведено исследование с помощью психодиагностических методик: тест на Интернет-зависимость К. Янг (в адаптации В. А. Лоскутовой); методика изучения особенностей Я-концепции (Е. Пирс, Д. Харрис, А. М. Прихожан); методика измерения самооценки Т. Дембо-С. Рубинштейн (модифицированный А. М. Прихожан). В качестве методов математической статистики использовался критерий углового преобразования Фишера ϕ^* .

Исследование показало, что 30% исследуемых подростков находятся в стадии риска развития интернет-аддикции, поскольку чрезмерно увлечены интернетом. Им характерно

желание чаще подключаться к интернету, они не контролируют время нахождения в сети, без интернета ощущают опустошенность, скуку, не могут найти себе другое занятие. У 33% подростков выявлена интернет-зависимость. Таким подросткам свойственно получение положительных эмоций только в связи с нахождением в сети Интернет. Они проводят там более 3-х часов в день, часто пренебрегая обязанностями, другими важными занятиями в пользу интернета. Если отнять возможность быть в интернете – проявляют злость, агрессию, не могут управлять своими эмоциями и контролировать их. Часто впадают в депрессию. Таким образом, только треть исследуемых подростков не имеют склонности к интернет-аддикции.

При исследовании особенностей Я-концепции и самооценки подростков с интернет-зависимостью выявлено, что подростки, склонные к интернет-аддикции, отличаются низкой самооценкой внешности, физических качеств, общей самооценкой, низкой оценкой популярности среди сверстников, неудовлетворенностью положением в семье, негативным самоотношением. Они отличаются излишней неуверенностью в себе, собственных силах, робостью, чрезмерной стеснительностью, боязнью высказать собственное мнение. Низкая самооценка может быть связана с негативным отношением к себе, неприятием себя, ощущением собственной неполноценности. Подростки с низкой самооценкой постоянно сравнивают себя с другими, и в результате сравнения делают вывод о том, что они в чем-то хуже своих сверстников. Они нерешительны, решения принимают с трудом, крайне болезненно реагирует на критику со стороны окружающих, зависимы от их мнения. Для них важно получать одобрение и похвалу. Они тратят много сил, чтобы понравиться и угодить окружающим.

Подростки с низкой самооценкой являются ведомыми, им сложно отказывать окружающим, поэтому часто им приходится делать то, что им не нравится. Низкая самооценка может приводить к депрессиям, нервным срывам и зависимостям. Они озабочены своим внешним видом, не довольны своей фигурой, а также отдельными чертами своей внешности. Отмечается слишком критичное отношение к себе. Низкая самооценка собственной внешности является фактором риска, так как может быть причиной низкой общей самооценки, общей неудовлетворенностью собой.

У них отмечается низкая самооценка популярности среди сверстников. Подростки считают, что они не пользуются авторитетом в классе, сверстники не считаются с ними, порой смеются над ними. Также им кажется, что они не нравятся представителям противоположного пола. Относятся к себе как к неспособному вызвать уважение у окружающих, как к вызывающему у других людей осуждение и порицание. Одобрение, поддержка от других не ожидаются. Это свидетельствует о неудовлетворенности их потребности в общении.

Отмечается переживание неудовлетворенности своим положением в семье. По мнению подростков, их родители редко прислушиваются к их мнению, ждут от них слишком многого, а им трудно оправдать ожидания. Родители не подчеркивают положительные стороны испытуемых, акцентируют внимание только на отрицательных поступках и качествах. Такие подростки отличаются неуверенностью в себе, в том, что смогут добиться чего-то в жизни. У них отсутствует уверенность в собственных силах.

Для них характерен неблагоприятный вариант самоотношения. У них отмечается негативный фон отношения к себе, склонность относиться к себе излишне критично. Их беспокоит собственная внешность, они хотели бы изменить ее.

Анализ результатов исследования свидетельствует о необходимости оптимизации Я-концепции и самооценки подростков, склонных к интернет-аддикции. Нами разработана программа коррекции Я-концепции и самооценки подростков, склонных к интернет-аддикции.

Концептуальной основой программы стали следующие положения:

– мнение И. Г. Малкиной-Пых о том, что причиной всех аддикций являются трудности в сфере саморегуляции, включающей четыре основных аспекта психологической жизни: чувства, самооценку, человеческие взаимоотношения и заботу о себе;

– постулат М. М. Кузнецовой, указывающей, что лица с зависимостью чаще чувствуют себя неудачниками, склонны к заниженной самооценке, боятся, что их покинут, что от них отрекутся, о них забудут, их бросят и не будут любить.

Цель программы: оптимизация Я-концепции и самооценки подростков, склонных к интернет-аддикции.

Задачи программы:

- расширение знаний, представлений о себе;
- формирование уверенности в себе, ощущения ценности, значимости собственной личности, способности к безусловному принятию себя;
- формирование позитивного самоотношения на основе внутренней системы ценностей, взглядов, убеждений;
- осознание личностных ресурсов, возможностей; овладение навыками саморегуляции как альтернативе ухода от проблем с помощью аддикции;
- формирование принятия образа себя, своей внешности и физических качеств.

Форма работы: групповая.

Сравнительные результаты после проведенной коррекционной работы показали, что количество испытуемых группы риска с Интернет-зависимостью и склонностью к ней сократилось, а также отмечено изменение самооценки и Я-концепции подростков в сторону адекватного восприятия, что позволяет говорить об эффективности разработанной программы.

Список использованных источников

- 1 Короленко, Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск: «Олсиб», 2001. – 251 с.
- 2 Корнеева, Е. Компьютерная зависимость: «бермудский треугольник» за углом / Е. Корнеева // Мир семьи. – 2009. – № 7. – С. 19–23.
- 3 Трафимчик, Ж. И. Феномен Я-концепции в ракурсе аддиктивного поведения личности / Ж. И. Трафимчик // Проблемы здоровья и экологии. – 2012. – № 3. – С. 50–55.

А. С. Крылова

Научный руководитель: С. В. Остапчук
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

ПРОФИЛАКТИКА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ ПОСРЕДСТВОМ ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются насильственные и ненасильственные методы воспитания. Мы разработали семинар с элементами тренинга для родителей «Ненасильственные методы воспитания» с целью предупреждения домашнего насилия над детьми. В ходе эмпирического исследования была проверена и доказана информативность и эффективность разработанного семинара.

Ключевые слова: домашнее насилие, насильственные методы воспитания, ненасильственные методы воспитания, профилактика.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, во всем мире до 1 миллиарда детей в возрасте от 2 до 17 лет за 2019 год подвергались домашнему насилию [8].

Исходя из доклада ООН «О положении дел в мире в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 год», представленному совместно с ЮНЕСКО, ВОЗ, ЮНИСЕФ в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 год, каждый второй ребенок в мире продолжает страдать от физического, психологического или сексуального насилия [4].

По данным исследования, проведенного в Беларуси, один из четырех детей подвергается насилию дома, каждый второй опрошенный родитель признался, что применял насильственные методы дисциплинирования за месяц, предшествующий исследованию. Причем, 56,8 % родителей, которые в детстве подвергались физическому насилию со стороны своих родителей, применяют телесные наказания в отношении своих детей [1].

Насилие в семье – действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания [2].

В отношении ребенка насилие может исходить от родных родителей, от опекунов либо от других родственников. Стоит отметить, что ребенок может находиться в ситуации, когда по отношению к нему применяют несколько видов домашнего насилия.

Чаще всего дети страдают от физического насилия. Это, например, удары ремнем, пощечины, удары другими предметами и любые действия по отношению к ребенку, которые наносят ему физический ущерб.

Следующий один из распространенных видов насилия по отношению к детям – психологическое насилие. Сюда можно отнести унижения ребенка, гиперопека либо попустительское воспитание, крики, ограничение свободы, чрезмерные запреты, запугивания и другие действия, которые способны нанести вред психическому состоянию ребенка.

Существует немало последствий от такого обращения с детьми. Исследования указывают на множество последствий как от физического, так и от психологического насилия.

П. Трикетт, сравнив семьи, имеющие детей в возрасте 4–11 лет, с использованием физических наказаний и без, обнаружил, что там, где родители применяли силовые методы воздействия, дети имели более низкую познавательную зрелость, слабо развитые способности разрешения межличностных проблем и низкую социальную компетентность [7].

Другие исследования показывают, что для детей, находящихся в ситуации домашнего насилия, характерна заниженная самооценка, низкий уровень коммуникативных качеств, повышенная агрессивность и враждебность, снижение интеллектуальных способностей, отставание в развитии, а также проблемы в поведенческом и эмоциональном плане [5].

Все эти последствия могут проявляться во время того, как ребенок находится в ситуации насилия, также могут иметь отдаленный характер.

Нами было проведено исследование, где мы изучили уровень агрессивности у студентов, подвергавшихся и не подвергавшихся домашнему насилию в детстве. В исследовании приняли участие 160 человек. В результате анализа полученных данных было выявлено, что у студентов, подвергавшихся домашнему насилию, более высокий уровень враждебности, физической агрессии и гнева по сравнению со студентами не подвергавшимся такому обращению [3].

В связи с приведенной выше статистикой и данными исследований, можно сделать вывод о необходимости распространения психологических знаний о методах воспитания ребенка среди родителей. Ведь чаще всего родители применяют насильственные методы воспитания, которые и являются домашним насилием, в ситуации, когда хотят наказать ребенка.

Пользуясь опытом старшего поколения и следуя стереотипам о воспитании, родители продолжают запугивать ребенка ремнем, шлепают, критикуют и ругают ребенка, думая, что так он станет послушнее и покорнее. Но изученные данные показывают, что такое обращение не предотвращает нежелательное поведение, а только увеличивает возможность проявления негативных поступков со стороны ребенка [6].

Нашей целью было создать и проверить эффективность семинара с элементами тренинга для родителей, который способствовал бы увеличению знаний родителей о ненасильственных методах воспитания.

Нами был использован авторский опросник для родителей «Шкала оценки насильственных и ненасильственных методов воспитания» для выявления оценки методов воздействия на ребенка со стороны родителей.

Мы провели семинар в двух группах родителей младших школьников. Общее количество родителей составило 30 человек.

Далее рассмотрим полученные результаты. Были сопоставлены оценки методов и воспитания родителями до семинара и после его проведения. Результаты представлены в таблицах 1, 2, 3.

Таблица 1 – Результаты подсчета различия между показателем оценки уровня знаний о ненасильственных методах воспитания до и после проведения семинара

Переменная	Значение t-критерия	Уровень статистической значимости
Уровень знаний	0,00	0,0001

Из данных таблицы 1 следует, что различия между показателем «Уровень знаний» до и после проведения семинара оказались значимыми, так как $p < 0,05$.

Разработанный семинар имеет две части: теоретическую и практическую. В теоретической части рассматривается определение насильственных и ненасильственных методов воспитания, приводятся конкретные примеры и рассматриваются последствия насильственных методов воспитания. В следствии этого, уровень знаний родителей, после проведения семинара-практикума, становится выше.

Таблица 2 – Результаты подсчета различия между показателями оценки эффективности методов воспитания до и после проведения семинара

Переменная	Значение t-критерия	Уровень статистической значимости
Физическое насилие (Физические наказания)	14,5	0,009
Психологическое насилие (накричать на ребенка)	11,0	0,009
Ненасильственные методы (объяснить ребенку свое требование)	1,5	0,02
Психологическое насилие (угрожать жестоким наказанием)	14,0	0,008
Ненасильственные методы (поговорить, выслушав ребенка)	16,0	0,24

Анализируя данные таблицы 2, можно сделать вывод, что различия между показателями оценки эффективности методов воспитания до и после проведения семинара оказались значимыми, кроме одного показателя, так как $p < 0,05$.

Таблица 3 – Результаты подсчета различия между показателями оценки ущерба методов воспитания до и после проведения семинара

Переменная	Значение t-критерия	Уровень статистической значимости
Физическое насилие (физические наказания)	10,0	0,002
Психологическое насилие (накричать на ребенка)	8,0	0,005

Из таблицы 3 видно, что различия между показателем оценки ущерба методов воспитания до и после проведения семинара-практикума оказались значимыми, так как $p < 0,05$.

Стоит отметить, что благодаря практической части семинара, у родителей есть возможность задуматься о чувствах своего ребенка и побыть на его месте. При выполнении практических заданий родители могут проанализировать как влияют на чувства и эмоции ребенка применение насильственных и ненасильственных методов воспитания. Это способствует тому, что в конце занятия родители меняют свою оценку по отношению к разным методам воспитания, а также по-другому оценивают ущерб от насильственных методов воспитания.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторский семинар является эффективным для работы с родителями. С помощью данного инструмента можно распространять психологические знания в обществе. Следует отметить, что важно работать не только с людьми, у которых есть дети, но и с людьми, которые собираются стать родителями и планируют создать семью.

Проведение таких занятий способно повысить уровень знаний о методах воспитании ребенка, и изменить отношение к насильственным и ненасильственным методам воспитания, что в свою очередь способствует профилактике и предупреждению домашнего насилия над детьми.

Список использованных источников

1 В Минске представлены масштабные результаты национального исследования о насилии в отношении детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.by/press-centr/169.html>. – Дата доступа: 26.04.2018.

2 Ильина, С. В. Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств / С. В. Ильина // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 65–75.

3 Крылова, А. С. Взаимосвязь агрессивности и пережитого психологического насилия в детстве / А. С. Крылова // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкий государственный университет. Сер. Образование. Педагогика. – Выпуск 38 (108). – С.227–228.

4 Новый доклад ООН показывает, что страны не могут защитить детей от насилия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Новый доклад ООН показывает, что страны не могут защитить детей от насилия (unesco.org) Дата доступа: 10.05.2021.

5 Пазухина, С. В. Домашнее насилие как проблема современного общества / С. В. Пазухина, И. В. Фокин, Е. И. Фуртаева. – Тула: НОУ ВПО Тульский институт управления и бизнеса. – 2000. – 247 с.

6 Соколова, Е. Л. Семья и формирование личности / Е. Л. Соколова. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 83 с.

7 Nobes, G. Physical punishment of children in twoparent families / G. Nobes, M.A. Smith // Clinical Child Psychology and Psychiatry. – 1997. – P. 271–281.

8 Violence against children [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Violence against children (who.int) Дата доступа: 08.06.2020.

Л. В. Ладорная

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ И ВИКТИМНОСТЬ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассмотрены проблемы эмоциональной привязанности и виктимности в подростковом возрасте. Рассмотрены теории эмоциональной привязанности и виктимности. Представлены механизмы, определяющие формы межличностного отношения в после-

дующих возрастных этапах. Проведено исследование и представлены данные о виктимности и сформированной эмоциональной привязанности у подростков.

Ключевые слова: виктимность, виктимизация, эмоциональная привязанность, виктимное поведение.

На сегодняшний день можно увидеть, что некоторые изменения среды приводят к негативным результатам в формировании личности подростка. Одним из них является проявление виктимности в подростковом возрасте.

Феноменология виктимного поведения личности принимается во внимание учеными как совокупность особых черт характера, комплект изученных норм поведения, способ общественной адаптации. Разные теории и позиции могут позволить рассматривать виктимность в виде отклоняющегося поведения субъекта [1, с. 54].

Проблемами изучения виктимности в психологии занимались такие ученые как И. Г. Малкина-Пых, В. С. Минская, А. И. Папкин, Д. В. Ривман, Г. И. Чечель, В. Полушинский, Е. В. Руденский, Л. В. Франк, В. А. Туляков, А. Л. Репецкая и другие.

Они говорили, что виктимность влияет на развитие личности в целом, и что виктимность – это свойство, которое присуще каждому из нас и проявляется в разной мере, что ведет к попаданию в ситуации опасные для жизни и к превращению в жертву. На основе этого были выделены и представлены различные виды виктимности, с помощью которых объясняется поведение субъектов в тех или иных ситуациях [1, с. 72].

К внешним свойствам виктимизации относят особенности осуществления ведущей деятельности и социальной ситуации развития подростка. Общение с ровесниками есть главная потребность, и от особенностей ее исполнения зависит качественное содержание психологических новообразований личности. Внутрисемейные отношения устанавливают базу социального состояния и активности личности подростка, а именно – зарождают эмоциональную привязанность, от которой зависит дальнейшее будущее субъекта [3, с. 99].

О. О. Андронникова к особым причинам возникновения виктимного поведения подростков относит индивидуальный опыт переживания или наблюдения фактора насилия, ранее зародившийся комплекс психологических свойств (эмоциональная неустойчивость, повышенная тревожность, неадекватная самооценка), отсутствие ощущения социальной поддержки и конкретную политику поведения семейного воспитания отца и матери. И. Г. Малкина-Пых говорила, что виктимность обусловлена психофизиологическими свойствами детского и подросткового возраста. М. И. Рожков, напротив, утверждает, что виктимность устанавливается незавершенностью процесса развития личности данной возрастной группы, негативным влиянием семьи и социального близкого окружения субъектов [3, с. 121].

Проблемами изучения эмоциональной привязанности в психологии занимались Дж. Боулби, М. Эйнсворт, Н. Н. Авдеева, Н. А. Хаймовская, Л. А. Абрамян, У. Джеймс, Е. О. Смирнова, М. В. Лисина и другие.

Эмоциональная привязанность – это связь, которая устанавливается между матерью и младенцем, с первых лет его жизни. Система привязанности начинает работать в момент рождения и направлена на сохранение жизнедеятельности индивида. В течение первых семнадцати месяцев привязанность приобретает качественную сущность. У ребенка зарождается ментальная модель системы взаимодействия с отцом и матерью или другими ухаживающими за ним людьми. Со временем модель становится более твердой и определяет особенности взаимодействия с социальным окружением. По мнению Ф. Шейвер и К. Хазан, каждый субъект имеет главную межличностную ориентацию, которая находит свое отражение в аффективном опыте и удовлетворенности отношениями [4, с. 156].

В контексте теории привязанности виктимное и асоциальное поведение выступают как попытка подростков привести в реальность свои потребности (которые не могут быть удовлетворены в кругу семьи) путем общения с государственными учреждениями социального обеспечения, с субъектами, которые занимаются такими проблемами – социальным пе-

дагогом, психологом. Такие подростки не чувствуют стыда, не отдают отчет действиям и не могут чувствовать связь между этими действиями и тем, что может случиться в конечном итоге, потому что они никогда не чувствовали привязанность к какому-либо человеку, которому можно было бы довериться полностью [3, с. 170].

Таким образом, на ранних стадиях развития определенные схемы-образы привязанности принимают участие в формировании механизмов саморегуляции. Именно эти механизмы в последующих возрастных этапах определяют формы межличностных отношений, их позитивное поддержание, и преодоление личностного стресса.

Можно выделить общие закономерности:

- дети, рождаясь, уже биологически запрограммированы к привязанности;
- дети выстраивают одну важную первую привязанность – материнскую, которая в последующем является для них защитой в исследовании окружающего мира. Именно первая привязанность является образцом всех будущих социальных связей. Депривация этой связи, как выяснилось, приводит к правонарушениям, агрессивному поведению, снижению интеллекта, замкнутости, депрессии.

Нами было проведено исследование, которое направлено на уточнение и углубление представления о структуре привязанности как фактора развития механизмов саморегуляции у подростков, которые демонстрируют склонность к виктимизации на конкретном уровне развития [2, с. 178].

Для изучения склонности к виктимному поведению и типа эмоциональной привязанности подростков было использовано две методики:

- методика исследования виктимности личности О. О. Андронниковой;
- модифицированный опросник М. В. Яремчук.

В ходе проведенного исследования виктимности личности по методике О. О. Андронниковой было выявлено, что у подростков прослеживаются все склонности к определенному виктимному поведению: агрессивное виктимное поведение, саморазрушающее поведение, гиперсоциальное поведение, зависимое и беспомощное поведение, некритичное поведение, реализованная виктимность. Все шесть видов виктимного поведения присутствуют в данной выборке подростков. Количество подростков с нормой по реализации виктимности составило 43%, с высоким уровнем проявления – 32%, с низким уровнем проявления – 25%. Для развития полноценной и гармоничной личности необходим показатель, который находится в норме.

В ходе проведенного исследования по модифицированному опроснику М. В. Яремчук было выявлено что, у значительной части подростков (65%) сформирован надежный тип привязанности к матери, что говорит о хорошей адаптации к внешнему миру и доверии к социуму, а также отрицает реализованную виктимность и находит положительные стороны в гиперсоциальном виктимном поведении. Такие подростки имеют о себе положительное мнение, а также позитивно думают в отношении других.

Однако были и подростки у которых сформирован тревожно-амбивалентный (15%) и избегающий (20 %) типы привязанности. При тревожно-амбивалентном типе привязанности подростки подвержены саморазрушению, некритичному поведению и склонны больше к реализованной виктимности, а также к пассивному поведению. Этот тип привязанности имеет характеристику привязанность – отторжение, он включает в себя негативное отношение. Родители в данном случае наказывают ребенка, что является одним из способов взаимодействия в структуре семейных отношений. В подростковом возрасте последствием такой структуры является наличие в поведении сопротивления и несогласия.

Избегающий тип отражает себя в агрессивном виктимном поведении, чаще всего такие подростки эгоистичны и могут проявлять негативизм к другим людям, отмечается подавление своих эмоций.

Сформированная надежная привязанность позволяет человеку правильно взаимодействовать с внешним миром и проявлять доверие, а также доброту к окружающим, способствует оп-

тимальному уровню общения со сверстниками. Сформированный еще в младенческом возрасте тип эмоциональной привязанности в дальнейшем влияет на уровень их виктимности.

Привязанность подростков к матери влияет на его интеллектуальное и личностное развитие. Самым благоприятным типом привязанности считается надежный тип, но даже с таким типом привязанности подростки имеют вероятность бессознательно попасть в критическую для жизни ситуацию.

Формирование виктимности протекает под влияние различных факторов, как внешних, так и внутренних, семейная структура не может полностью обеспечить хорошие условия для развития личности.

Исследование показало, что эмоциональная привязанность действительно является главной составляющей в развитии личности, исходя из чего и проявляется различное виктимное поведение в подростковом возрасте, а именно:

- агрессивное поведение в показателях выше нормы составило 18%, норма – 60%, ниже нормы – 22%;

- самоповреждающее поведение составило выше нормы – 31%, норма – 42%, ниже нормы – 27%;

- гиперсоциальное поведение составило выше нормы – 14%, норма – 65%, ниже нормы – 21%;

- зависимое поведение составило выше нормы – 26%, норма – 52%, ниже нормы 22%;

- некритичное поведение составило выше нормы – 30%, норма – 46%, ниже нормы – 24%.

Для развития гармоничной личности показатели по виктимному поведению должны находиться в норме, следовательно, сформированная эмоциональная привязанность будет нести надежный тип.

В ходе проведения исследования, выявляющего тип эмоциональной привязанности, наибольший процент составил надежный тип привязанности (65%), что говорит об оптимальном уровне развития личности подростков.

Таким образом, можно говорить о различных проявлениях виктимного поведения у подростков в связи с сформированным типом эмоциональной привязанности. Надежная привязанность к опекунам или же родителям должна сопровождаться высоким интересом с их стороны и низкой враждебностью. Тревожно-амбивалентная привязанность воспринимается невысоким позитивным интересом, а также в воспитании наблюдаться будет непоследовательность со стороны родителей. Избегающая привязанность включает в себя какие-либо ранние отвержения со стороны родителей в сторону ребенка. Все это находит свое отражение в виктимном поведении в подростковом возрасте.

Список использованных источников

1 Бриш, К. Х. Терапия привязанности: от теории к практике / К. Х. Бриш. – М. : Когито-Центр, 2014. – 316 с.

2 Ладорная, Л. В. Эмоциональная привязанность и виктимность в подростковом возрасте / Л. В. Ладорная, Е. В. Приходько // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика : сборник научных статей по материалам XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 29–30 июня 2021 г. – Йошкар-Ола : ИПФ «СТРИНГ», 2021. – С. 176–180.

3 Малкина-Пых, И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И. Г. Малкина-Пых. – СПб. : Питер, 2019. – 132 с

4 Полубинский, В. И. Правовые основы учения о жертве преступления / В. И. Полубинский. - М. : Изд-во МГУ, 2001. – 166 с.

М. В. Михаленко

Научный руководитель: О. Н. Мельникова

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Статья посвящена проблеме самоотношения юношей и девушек из разного типа семей. Рассмотрены понятия «самоотношение», «отношение к родителям» и «семья». Представлены результаты исследования самоотношения у подростков из полных и неполных семей с использованием методики «Тест-опросник самоотношения» В. В. Столина и С. Р. Пантилеева. Выделены особенности самоотношения у подростков из полных и неполных семей.

Ключевые слова: семья, отношение к родителям, самоотношение. Подростки, полные и неполные семьи

Проблема самоотношения и его роли в структуре личности в настоящее время считается весьма актуальной для психологической науки. Проблема исследования связана с чувствительностью подросткового возраста для развития самосознания и формирования «Я-концепции», поскольку именно в данный возрастной период происходит усложнение структуры образа Я, дифференциация содержания представления о себе, динамика самооценки, рост критичного отношения к себе. «Я-концепция», под которой понимается «динамическая система представлений человека о самом себе, включает осознание своих физических, интеллектуальных и других качеств, а также эмоционально-оценочное отношение к себе в целом и к отдельным аспектам своего «Я» Именно в подростковом возрасте все эти структуры претерпевают значительные качественные изменения, от которых во многом зависит становление самосознания личности в будущем.

Особенности становления личности в этот период практически во всем определяют следующий жизненный путь. В этом возрасте более отчетливо проявляются все особенности психологической сферы человека и результаты воспитания.

По мнению многих авторов, самоотношение – основная составляющая структуры самосознания. Это определяет формирование в сознании новейших ментальных образований – размышлений о себе, о других, о сообществе. В отечественной и зарубежной психологической литературе под самосознанием понимается сенсорный компонент самосознания, который, с одной стороны, зависит от самопознания, а с другой, создает основные предпосылки для формирования саморегуляции, самореализации и саморазвития. Подростковый возраст имеет решающее значение в формировании собственного отношения к себе.

Некоторые ученые склонны полагать, что воспитание детей в неполной семье становится нормой, и очень важно, чтобы психологи и родители понимали влияние, которое воспитание в семье с одним родителем оказывает на ребенка, поэтому психологическая поддержка подростков должна быть обязательно. Это направление исследований практически не представлено в научной литературе. Помимо всего этого, основным недостатком большинства научных работ, посвященных данной теме, считается ее исключительно теоретическая направленность.

Цель исследования: выявить особенности самоотношения подростков из полных и неполных семей. Исследование проводилось на базе школы № 21 г. Гомеля. В исследовании приняли участие 150 подростков из полных и неполных семей в возрасте от 15 до 16 лет. В ходе исследования использовался «Тест-опросник самоотношения» В. В. Столина и С. Р. Пантилеева.

В ходе обработки результатов были выявлены статистически значимые различия в самоотношении подростков из полных и неполных семей. Самоотношение подростков из не-

полных семей отличается от самоотношения подростков из полных семей тем, что подростки из неполных семей менее дружелюбны к своему «Я». Подростки из полных семей склонны к одобрению себя в целом, себе доверяют и относятся благосклонно.

Также подростки из неполных семей, в отличие от подростков из полных семей, склонны считать себя основным источником развития своей личности и регулятором достижений и успехов, ощущают собственное «Я» внутренним стержнем, координирующим и направляющим их активность, способны прогнозировать свои действия и их последствия. Они чувствуют, что способны оказывать сопротивление влиянию извне и идти против судьбы и стечения обстоятельств. Такие люди способны контролировать собственные эмоциональные реакции и переживания, а у подростков из полных семей наблюдается отношение к своему «Я», как к часто зависящему от степени адаптированности к конкретной ситуации. Привычные условия способствуют выраженному личному контролю, в то время как новые ситуации могут привести к ослаблению регуляционных возможностей «Я» и усилить склонность подчиняться средовым воздействиям.

Наблюдаются различия самоотношения у подростков из полных и неполных семей в том, что подростки из полных семей склонны отрицать собственную вину в конфликтных ситуациях. Они скорее будут защищать собственное «Я» путем обвинения других, также подростки склонны переносить ответственность за решение проблем на окружающих. Подростки из полных семей видят в себе, прежде всего, недостатки, часто в своих неудачах винят только себя. В то время как у подростков из неполных семей этого не выявлено. Также, существуют различия самопонимания подростков из полных и неполных семей. Подростки из неполных семей не склонны верно понять себя самих, свою собственную личность и как следствие – достичь удовлетворенности самим собой. А подростки из полных семей способны понимать свою личность, мысли, идеи, желания и потребности, а в следствии могут проживать свою жизнь более полно и в максимальной степени «не носить маски» и «быть собой».

Проведенное эмпирическое исследование и сформулированные на их основании выводы позволили разработать рекомендации для родителей и педагогов, касающиеся формирования позитивного самоотношения в подростковом возрасте. В подростковом возрасте необходимо применять психологические элементы создания позитивного самоотношения. Формированию позитивного самоотношения будет способствовать коррекция отношения подростка к себе, которая может быть достигнута через:

- развитие внутренней деятельности;
- формирование уверенности в себе;
- формирование адекватной самооценки;
- формирование общественного доверия;
- развитие коммуникативных умений и навыков;
- развитие социальных эмоций;
- анализ и отражение своих мыслей, эмоциональных состояний.

Это достигается методами игр, элементами психогимнастики, созданием проблемных ситуаций, которые направлены на развитие навыков общения, самоанализа, элементами психодрамы, релаксации.

Для расширения представлений о себе, получения новых данных о своей внешности и поведении применяются психодиагностические тесты, метафорические рисунки, самопрезентация. Также необходимо развивать у подростков:

– умение самостоятельно принимать решения в отношении своего профессионального выбора и дальнейшего профессионального обучения. В том числе, рекомендуется создавать ситуацию успеха, чтобы подросток получал удовольствие, верил в свои силы и стремился к достижениям; стараться избегать навязывания подросткам своих профессиональных взглядов и убеждений. Очень важно, чтобы молодые люди сами сделали свой выбор, он должен быть осознанным и соответствовать их интересам и способностям;

– необходимо формировать у подростков потребность в труде, в общественно полезной деятельности. Если человек не может найти себя в труде, то он ищет другие способы в

реализации своего «Я» и часто находит их в бесцельном времяпрепровождении, в ложном самоутверждении, в потребительском образе жизни;

- больше внимания уделять базовым потребностям, без которых не может сформироваться способность адаптироваться к новым условиям и адекватная самооценка;
- избегать упреков и натиска в своих советах.

В подростковом возрасте необходимо применять психологические элементы создания позитивного самоотношения. К ним относятся: знакомство подростков с концепцией психологических представлений о возрастных особенностях, самооценка личности, развитие ценностных ориентаций и ориентация личности, понимание подростками психологических элементов личностного развития, необходимых для самореализации. Развитию позитивного самоотношения в подростковом возрасте способствует развитие личностно важных качеств: самоопределения и саморуководства, способствующих созданию условий для последующего развития самосознания, осознания установок, повышения уровня самореализации. Формирование отношения к себе – это деликатный процесс, и его необходимо начать с создания такой группы учащихся, в которой характеристики личности подростка считаются благоприятными в соответствии с его действиями и поступками. Или иначе: чтобы сформировать социально активную личность подростка с его позитивным отношением к собственному «Я», нужно сформировать группу учащихся с благоприятным психологическим климатом. Чем позитивнее психологический климат в группе, тем выше учащиеся оценивают друг друга; чем выше они оценивают друг друга, тем выше уровень самоотношения и наоборот.

Список использованных источников

- 1 Зотова, О. И. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции поведения / О. И. Зотова. – М. : Просвещение, 1979. – С. 219–232.
- 2 Захарова, А. В. Структурно–динамическая модель самооценки / А. В. Захарова // Вопросы психологии. – 1989. – №1. – С. 5–14.
- 3 Ковалёв, С. В. Психология современной семьи / С. В. Ковалёв. – М. : «Просвещение», 1988. – 66 с.
- 4 Кондратьев, М. Ю. Типологические особенности психосоциального развития подростков / М. Ю. Кондратьев // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 69–78
- 5 Мухина, В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В. С. Мухина. – М. : Академия, 2003. – 456 с.

А. А. Прищеп

Научный руководитель: О. А. Короткевич
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

В статье изложены психологические особенности эмоционального интеллекта подростков из полных и неполных семей. Рассмотрена методика ЭМИн Д. Люсина. Автором описаны результаты эмпирического исследования психологических особенностей эмоционального интеллекта подростков из полных и неполных семей. Также установлены статистически значимые различия в уровне сформированности эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: неполная семья, родители, полная семья, подростки, эмоциональный интеллект, эмпатия.

В последние десятилетия волнение социума вызывает состояние института семьи, который претерпевает существенные трансформации под влиянием различных воздействий. Безопасность и эффективность функционирования института семьи является приоритетной задачей общества и государства. Одной из распространенных форм семейных отношений в последнее время становится неполная семья. Согласно последней переписи населения, в Беларуси в 2019 году было чуть больше 605 тысяч супружеских пар с детьми моложе 18 лет. Семей, состоящих из матери с детьми моложе 18 лет, – почти 206 тысяч. Семей, состоящих из отца с детьми моложе 18 лет, – почти 44 тысячи.

Родительские отношения – это система чувств к ребенку, поведенческих привычек, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимание характера и личности ребенка, его поступков [2]. Главной целью воспитания детей в любой семье составляет развитие личности во всех направлениях. Достижения этой цели необходимо как в полных, так и в неполных семьях, количество которых постоянно растет. По-видимому, сделать это будет значительно труднее, так как все ложиться на плечи одного из родителей, отца или матери.

Идея об эмоциональном интеллекте выросла из понятия «социальный интеллект», который разрабатывали такие авторы как Э. Л. Торндайк, Г. Айзенк, Г. Гарднер, описывая в своей работе личностные интеллекты, по сути, впервые упомянул об эмоциональном интеллекте. Например, внутриличностный интеллект в понимании Г. Гарднера трактуется как «доступ к собственной эмоциональной жизни, к своим аффектам и эмоциям: способность мгновенно различать чувства, называть их, переводить в символические коды и использовать в качестве средств для понимания и управления собственным поведением» [3, с. 239].

Нами было проведено эмпирическое исследование на базе ГУО «Средняя школа № 74 г. Гомеля» и ГУО «Средняя школа № 3 г. Хойники», в котором приняли участие подростки из полных и неполных семей. Общее количество респондентов составило 100 человек. (50 подростков из полных семей и 50 из неполных семей, в возрасте от 11 до 15 лет).

Для выявления психологических особенностей эмоционального интеллекта подростков был использован «Тест эмоционального интеллекта Д. Люсина», предназначенный для измерения эмоционального интеллекта [1]. В таблице 1 представлены результаты, полученные с помощью данной методики.

Таблица 1 – Результаты исследования по методике «Тест эмоционального интеллекта Д. Люсина» подростков из полных семей и неполных семей

Исследуемый параметр	Уровень эмоционального интеллекта		
	Низкий	Средний	Высокий
Подростки из полных семей (n = 50)			
Межличностный эмоциональный интеллект	7	23	20
Внутриличностный эмоциональный интеллект	14	21	15
Понимание эмоций	9	23	18
Управление эмоциями	20	14	16
Подростки из неполных семей (n = 50)			
Межличностный эмоциональный интеллект	20	19	11
Внутриличностный эмоциональный интеллект	16	24	10
Понимание эмоций	18	15	17
Управление эмоциями	17	26	7

Согласно данным эмпирического исследования, можно утверждать следующее: по шкале межличностного эмоционального интеллекта у подростков из полных семей низкие показатели установлены у 14 % опрошенных, средние показатели выявлены у 46 % респон-

дентов, высокие показатели выявлены у 40 % испытуемых. Для подростков из неполных семей по данной шкале в 40 % случаев характерны низкие показатели, средние показатели выявлены у 38 % опрошенных, высокие показатели выявлены у 22 % подростков.

По шкале внутриличностного эмоционального интеллекта у подростков из полных семей низкие показатели установлены у 28 % опрошенных, средние показатели выявлены у 42 % подростков, высокие показатели выявлены у 30 % испытуемых. Для подростков из неполных семей по данной шкале в 32 % случаев характерны низкие показатели, средние показатели выявлены у 48 % опрошенных, высокие показатели выявлены у 20 % подростков.

По шкале понимания эмоций у подростков из полных семей низкие показатели установлены у 18 % опрошенных, средние показатели выявлены у 46 % подростков, высокие показатели выявлены у 36 % испытуемых. Для подростков из неполных семей по данной шкале в 36 % случаев характерны низкие показатели, средние показатели выявлены у 30 % опрошенных, высокие показатели выявлены у 34 % подростков.

По шкале управления эмоциями у подростков из полных семей низкие показатели установлены у 40 % опрошенных, средние показатели выявлены у 28 % подростков, высокие показатели выявлены у 32 % испытуемых. Для подростков из неполных семей по данной шкале в 34 % случаев характерны низкие показатели, средние показатели выявлены у 52 % опрошенных, высокие показатели выявлены у 14 % подростков.

В результате проведенного эмпирического исследования установлено, что существуют статистически значимые различия между выборкой подростков из полных семей и неполных семей по параметрам «Познание результатов поведения», «Познания классов поведения». Также, установлено наличие статистически значимых различий в уровне развития параметров эмоционального интеллекта. На основании ранее полученных данных можно утверждать, что более высокий уровень межличностного эмоционального интеллекта, внутриличностного эмоционального интеллекта, уровня понимания эмоций, уровня управления эмоциями является психологической особенностью группы подростков из полных семей.

Список использованных источников

1 Андреева, И. Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта / И. Н. Андреева // Социально–психологические проблемы ментальности: 6–я Междунар. научно–практ. конф. 26–27 ноября 2004 г. – Смоленск, 2004. Ч. 2. – С. 22–26.

2 Баширов, И. Ф. Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / И. Ф. Баширов ; Военный университет. – М., 2006. – 181 с.

3 Гарднер, Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / Г. Гарднер. – М. : ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 512 с.

А. Н. Редюк

Научный руководитель: А. Н. Крутолевич, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

КОМПЛЕКСНОЕ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО У ПОСТРАДАВШИХ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Статья посвящена одной из самых актуальных социально-психологических проблем современного общества – домашнему насилию. Проводится аналогия разрушительных последствий от военных действий для общества, и последствий для пострадавших от домашнего насилия, проявляющегося на психическом уровне в виде структурной диссоциации.

Приводятся основные признаки комплексного посттравматического стрессового расстройства, а также методы и этапы психотерапевтической помощи пострадавшим от домашнего насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, психическая травма, ПТСР, КПТСР, диссоциация.

Насилие как одна из самых актуальных социально-психологических проблем современного общества представляет собой деструктивное взаимодействие групп людей или отдельных индивидов, в ходе которого одни индивиды с помощью явного или скрытого принуждения подчиняют и используют жизни и ресурсы других индивидов для удовлетворения собственных потребностей. Домашнее насилие – это неявный механизм перераспределения ресурсов внутри семьи, где физически или эмоционально зависимая личность вынуждена отказываться от своих потребностей и действовать в интересах агрессора для сохранения собственной жизни, избегания страданий или в надежде на удовлетворение своих потребностей в будущем, находясь в отношениях принадлежности к агрессору [3].

Явные проявления домашнего насилия – телесные повреждения различной степени тяжести, изнасилования, нанесение ущерба имуществу, оскорбления, угрозы, шантажи, лишение пищи и финансовой поддержки. Более завуалированные формы могут быть представлены в виде обесценивания, контроля, принуждения к нежелательным действиям, игнорирования или отсутствия действий, необходимых для поддержания жизни, здоровья и развития личности. Такие явления как фобии, зависимости, депрессии, суициды, обсессивно-компульсивные расстройства, аборты, психосоматические заболевания, проблемы пищевого поведения в нашем обществе принято рассматривать как традиционные негативные явления. Вместе с тем данные явления являются прямыми признаками существования насилия в семье и обществе.

В большинстве случаев на начальном этапе насилие не только не проявляется внешне, но и не осознается ни лицами, которые подвергаются насильственным действиям, ни лицами, производящими различные виды насилия над членами своей семьи, и воспринимается как норма поведения. Однако, обладающее эскалационным свойством насилие со временем приобретает все более явный и разрушительный характер.

Открытое высокой интенсивности насилие на мировом и региональных уровнях проявляется в виде различных вооруженных столкновений и войн, следствием которых являются уничтоженные жизни людей, многочисленные физические ранения, травмы и болезни у выживших, разрушенная инфраструктура, огромные экономические потери, ожесточения и разделения отношений между народами и членами одной семьи.

У участников и свидетелей боевых действий военными психиатрами обычно диагностируется посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). ПТСР – тяжелое психическое состояние, которое может возникнуть в результате воздействия краткосрочного, внезапного травматического события (либо ограниченной по времени серии шоковых событий), влекущего за собой нарушение физической целостности либо угрозу смерти, где человек ощущал беспомощность и невозможность действовать, чтобы защитить себя, либо того, кто был подвергнут опасному воздействию.

ПТСР в МКБ-11 характеризуется такими симптомами как:

- повторные переживания травматических событий в виде флешбэков, интрузий, ночных кошмаров, представленных в разных сенсорных модальностях и их сочетаниях;
- избегание мест, людей, вещей, действий, мыслей, ощущений, напоминающих о травмирующем опыте;
- гипербдительность и усиленная реакция испуга из-за постоянного субъективного чувства угрозы.

В МКБ-11 представлена еще одна разновидность психических травм (дословно: психических и поведенческих расстройств, связанных со стрессом), получивших название «осложненное или комплексное посттравматическое стрессовое расстройство» (КПТСР), ко-

торое вызвано не ситуативной, а пролонгированной (продолжающейся в течении длительного времени) травмой, из которой невозможно было выйти. К такого рода воздействиям относятся участие в военных действиях, рабство, длительное физическое, сексуальное и эмоциональное насилие.

Кроме основных трех корневых симптомов общих с ПТСР, описанных в МКБ-11, у КППТСР имеются еще 3 дополнительных симптома, относящихся к категории «нарушения Я-организации»:

- трудности в регуляции эмоций (особенно страха и гнева), проявляющиеся в дисфории, мыслях о суициде, использовании собственного тела (самоповреждения, компульсивное переедание) и внешних ресурсов (сексуальная активность, психоактивные вещества) для эмоционального успокоения;

- нарушение самовосприятия – самооценка становится стабильно низкой, человек ощущает себя униженным, ничего не стоящим, неэффективным и беспомощным. Возникает токсический стыд, объясняющий негативное отношение к себе других людей («ко мне плохо относятся, потому что со мной что-то не так»), и токсическая вина как попытка взять ответственность в свои руки, чтобы иметь возможность изменить ситуацию;

- нарушения в отношениях, которые проявляются в недоверии, трудностях при самораскрытии, обращении за помощью и поддержкой к другим людям. Люди с КППТСР не способны вовремя заметить опасность и выйти из травмирующих отношений. Страх близости связан со страхом привязанности, потому что человек, от которого продолжительное время зависел пострадавший, использовал его и причинял ему вред [4].

Если связь между шоковыми травмами военного и катастрофического характера и ПТСР в психотерапевтическом и психиатрическом сообществе является естественной и очевидной, то связь между домашним насилием и КППТСР является нелогичной и латентной. Введение этого диагноза делает видимыми страдания жертв и потерпевших от домашнего насилия, объясняет причины неэффективности и частых срывов терапии данной категории лиц, а также дает шанс специалистам идентифицировать этот диагноз и использовать более прямые и эффективные способы справиться с этим расстройством.

Основными признаками людей, страдающих КППТСР, являются:

- диссоциированность – восприятие событий своей жизни не от первого лица; несоответствие интонации, позы и жестов смыслу рассказа;

- разрыв между развитием и достижениями в различных жизненных сферах;

- многочисленные неудачи в психотерапии с разными терапевтами, сопровождающиеся установкой «терапевт может меня не выдержать»;

- жалобы на внезапные труднопереносимые эмоциональные состояния, которые не имеют оснований в реальном жизненном контексте;

- повышенный контроль и тревожность, невозможность расслабиться;

- стабильно низкая самооценка: ощущение себя как ненужного, никчемного, ничтожного, отверженного и недостойного внимания;

- трудности с созданием длительных и ресурсных личных отношений.

Наиболее часто КППТСР путают с различными формами расстройств гиперактивного, тревожного, депрессивного, пограничного, аутистического, нарциссического, биполярного, созависимого, обсессивно-компульсивного спектров. Люди, страдающие КППТСР, чаще всего воспринимают свое состояние как норму, как особенность характера, а не как последствия неудовлетворительных внешних условий их жизни и развития, поэтому если и обращаются за помощью, то не могут объяснить, что именно вызывает дискомфорт в их жизни.

В основе КППТСР лежит психическая травма – новообразование, возникшее в психике вследствие травматического события как адаптивная структура. О. Ван дер Харт в своей теории травмы называет это новообразование структурной диссоциацией. Это расстройство формируется в результате повторных и многократных эпизодов диссоциации, которые происходят в состоянии крайнего стресса, связанного с насилием [1].

Приведшее к КППТСР травматическое воздействие было настолько нормальным, постепенным и постоянным в физическом мире пострадавшего, и одновременно настолько невыносимым для его психики, что единственным способом для выживания было диссоциировать (расщепить или вытеснить) этот опыт. Диссоциация – механизм реакции и адаптации к стрессовым ситуациям, который предполагает, что информация, полученная в процессе травматического воздействия, становится недоступной для ассоциативного доступа или, другими словами, она становится рассогласованной (неконгруэнтной). Диссоциация в этом случае будет выражаться в разобщении психических процессов. В норме психические процессы функционируют параллельно и представляют собой континуум поведения, аффектов, сенсорных ощущений и когниций.

Домашнее насилие представляет собой жестокое обращение, пренебрежение, депривацию основных психофизиологических и социальных потребностей человека, находящегося в силу возраста или других обстоятельств (беременность, инвалидность и пр.) в зависимости от другого человека. Поэтому на практике большинством специалистов помогающих профессий термин КППТСР используется как синоним травмы привязанности, травмы развития, ранней детской травмы, связанной не только с насильственными действиями высокой интенсивности лиц, имеющими власть над пострадавшими, но и с игнорированием и отсутствием действий, необходимых для удовлетворения нужд здорового развивающегося человека. Ситуации межличностного насилия, сопровождающиеся хроническим предательством человека, являющегося объектом привязанности, хотя и не связаны непосредственно с угрозой жизни, повышают риск развития комплексной травматизации. Развитие личности происходит в среде, где основная энергия человека направлена на выживание, а не на решение обычных задач возрастного развития, то есть человек ориентирован не на получение удовольствия, а акцентируется на избегании боли.

Таким образом диагноз КППТСР не является личностным расстройством, а возникает как адаптивная структура в психике, в ответ на травматическую внешнюю среду. Следовательно, при изменении внешней среды и адекватной психотерапевтической работе КППТСР можно преодолеть, восстанавливая естественные процессы эмоционального и социального развития [5].

Наиболее эффективными терапевтическими направлениями для работы с КППТСР у жертв домашнего насилия являются подходы, уделяющие особое внимание теории привязанности и отношениям, возникающим в паре «клиент-терапевт», а также интеграции фрагментированных личностных структур, образовавшихся в психике в качестве адаптивной функции выживания: гештальт-терапия, схема-терапия, эмоционально-образная терапия, эмоционально-фокусированная терапия, соматическая терапия П. Левина, ДПДГ, пролонгированная экспозиция КППТ, некоторые техники телесно-ориентированной терапии, психодрамы, расстановочные техники и их сочетания [3; 6].

Можно выделить следующие основные этапы лечения пострадавших от домашнего насилия с КППТСР:

1. Стабилизация и развитие чувства безопасности. Делается упор на работу с факторами в окружении пострадавшего, которые представляют угрозу для его физической и психической безопасности. Проводится работа с внутренними структурами, которые в отсутствии реальной угрозы, реагируя на триггеры, запускают череду ассоциаций, ведущих к неадекватным реакциям и / или ретравматизации.

2. Реконструкция и переоценка травматических воспоминаний. Сюда входит восстановление травматического опыта и его перепроживание в безопасных условиях с целью интеграции травматических воспоминаний в автобиографическую память, с изменением когнитивных представлений о себе и отношений с другими людьми.

3. Работа с эмоциональными и социальными компетенциями пострадавшего с последующей апробацией их в реальных жизненных условиях, при постоянной или бустерной поддержке терапевта [3].

Диагноз КПТСР образуется у пострадавших от домашнего насилия в результате нахождения в длительных зависимых отношениях, деструктивность которых скрыта и воспринимается как норма. Постоянная фрустрация здоровых потребностей в зависимых от агрессора отношениях приводит к постепенному лишению жертвы жизненных сил и ресурсов, и с течением времени уменьшает шансы выхода из таких отношений. Если фигура привязанности и агрессор представляют собой одного и того же человека, то привязанность становится зависимостью. Поэтому основным психотерапевтическим направлением в работе с жертвами домашнего насилия является построение надежных привязанностей с ресурсными для пострадавшего людьми [2].

Способность специалистов в области психического здоровья идентифицировать диагноз КПТСР отражает как изменения в восприятии темы домашнего насилия, так и признание травматического опыта своих пациентов для более эффективной помощи пострадавшим от домашнего насилия. Снижение уровня домашнего насилия является важнейшим фактором профилактики большого числа психических расстройств и основным инструментом оздоровления общества.

Список использованных источников

1 Ван дер Харт, О. Призраки прошлого: Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы / О. Ван дер Харт, Э. Р. С. Нейенхюс, К. Стил; пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2013. – 496 с.

2 Микаэлян, Л. Л. Роль надежной привязанности в терапии травмы. Эмоционально-фокусированный подход / Л. Л. Микаэлян // Психология и психотерапия семьи. – 2020 – № 1. – С. 12–33.

3 Орлова, Т. За закрытыми дверями. Почему происходит домашнее насилие и как его остановить / Т. Орлова. – М. : БФ «Нужна помощь», 2022. – 242 с.

4 Падун, М. А. Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации / М. А. Падун // Консультативная психология и психотерапия. – 2021. – Т. 29. – № 3. – С. 69–87.

5 Уокер, П. Комплексное ПТСР: руководство по восстановлению от детской травмы / П. Уокер; пер. с англ. Т. А. Исмаил. – Киев. : «Диалектика», 2020. – 274 с.

6 Шварц, А. Терапия комплексного посттравматического стрессового расстройства: практическое руководство / А. Шварц. – СПб. : «Диалектика», 2020. – 176 с.

Я. В. Свило

Научный руководитель: Е. А. Лупекина, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК РЕСУРС ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ РАЗВЕДЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье подростковый возраст рассматривается как важный период в развитии личности. Подчеркивается значение межличностных отношений и общения со сверстниками для детей подросткового возраста. Выявлены значимые различия в социометрических статусах подростков из полных семей и неполных семей. У детей из полных семей социометрические статусы выше, преобладает благоприятный статус, у детей разведенных родителей подросткового возраста – неблагоприятный.

Ключевые слова: подростковый возраст, межличностные отношения, развод родителей, социометрический статус.

Подростковый возраст выступает важным сенситивным периодом, в том числе для развития способности к общению и взаимодействию. В данном возрасте интимно-личностное общение со сверстниками имеет особое значение, являясь ведущим видом деятельности. Если до этого наибольший авторитет и значимость для детей имеют родители, то в подростковом возрасте на первый план выходят отношения со сверстниками [1]. В данном возрасте отмечается изменение факторов, которые оказывают влияние на формирование межличностных контактов и устойчивых связей. На более раннем этапе общение ребенка со сверстниками происходит с одобрения и под наблюдением родителей или других взрослых, оценка, которую они дают, является основой для восприятия ребенком сверстников. Но в подростковом возрасте дети стремятся выбирать друзей самостоятельно на основе своих интересов, предпочтений и личных симпатий.

Изучение вопросов социометрического статуса является актуальной темой в психологии. В соответствии с теорией Дж. Морено, в процессе развития группы межличностное общение в ней усиливается, а также формируется определенное субъективное эмоциональное отношение к членам команды: кто-то может быть привлекательным для одного, но не вызывать чувства симпатии у другого; кто-то принимается многими членами группы, а кто-то становится в позиции отвергаемого другими представителями класса [2].

В процессе общения подростки учатся строить отношения, включаются в различные виды деятельности. Ряд авторов (Кон И. С., Выготский Л. С., Божович Л. И.) заключают, что общение и взаимодействие с другими детьми играет большое значение, особенно в подростковом возрасте. Взаимоотношения со сверстниками часто регулируют остальные стороны поведения подростков и их деятельности [1].

Социометрический статус ребенка подросткового возраста тесно связан с его личностью, индивидуальными чертами характера. Чем выше социометрический статус подростка, тем выше способность контролировать свои эмоции одновременно с эмоциональной открытостью в отношениях. Такая корреляция подтверждает важность развития эмоциональной грамотности и рефлексии для подросткового возраста [5].

О. А. Лебедеико и Х. Н. Емилова в результате своего эмпирического исследования пришли к заключению, что важнейшим критерием адаптации к школе выступает уровень межличностных отношений, личного поведения, а показателем адаптированности выступает высокий статус среди ровесников. Данными авторами подчеркивается взаимосвязь социометрического статуса и уровня адаптации к школе у детей независимо от пола: чем выше социометрический статус ребенка, тем выше уровень его адаптированности [4].

Развод родителей является стрессовым событием в жизни ребенка любого возраста, его последствия могут оказывать влияние на ребенка довольно долго, даже в первые годы его взрослой жизни [6, с. 63]. В частности, изменения в большей степени касаются семейной жизни и отношений внутри семьи. Так, подростки, которые живут с обоими родителями, описывают семейный климат, степень теплоты отношений, стиль родительского воспитания более позитивно, отмечают меньший уровень конфликтности отношений в семье, чем подростки, родители которых развелись. В неполных семьях (в которых один из родителей ушел из семьи) чаще, чем в полных, присутствуют авторитарные или слишком либеральные отношения [6, с. 64]. В родительской семье у ребенка формируются первые модели поведения, в ней он обучается формам общения и взаимодействия. Нарушения в семье могут вызывать изменения в уровне взаимодействия детей с взрослыми и сверстниками, что имеет особое значение в подростковом возрасте.

Цель исследования – выявление особенности социометрического статуса детей подросткового возраста разведенных родителей.

Методы исследования: методика «Социометрия» Дж. Морено (в адаптации Я. Л. Коломинского).

Выборку исследования составили дети 14–17 лет. Всего 367 подростков: 206 – дети, проживающие с обоими биологическими родителями, и 161 ребенок из неполных семей.

У подростков, проживающих с обоими биологическими родителями были получены следующие показатели социометрического статуса:

- «Звезда» – 12,1 %;
- «Предпочитаемый» – 47,6 %;
- «Пренебрегаемый» – 31,6 %;
- «Изолированный» – 8,7 %.

Полученные данные свидетельствуют о преобладании социометрического статуса «Предпочитаемый», который является благоприятным.

У подростков из семей, где родители развелись, были получены следующие социометрические статусы:

- «Звезда» – 5 %;
- «Предпочитаемый» – 39,8 %;
- «Пренебрегаемый» – 42,2 %;
- «Изолированный» – 13 %.

Таким образом, в данной группе опрошенных детей отмечается преобладание социометрического статуса «Пренебрегаемый», который является неблагоприятным. Сравнительный график социометрических статусов подростков, проживающих с обоими биологическими родителями, и подростков из неполных семей представлен на рисунке 1.

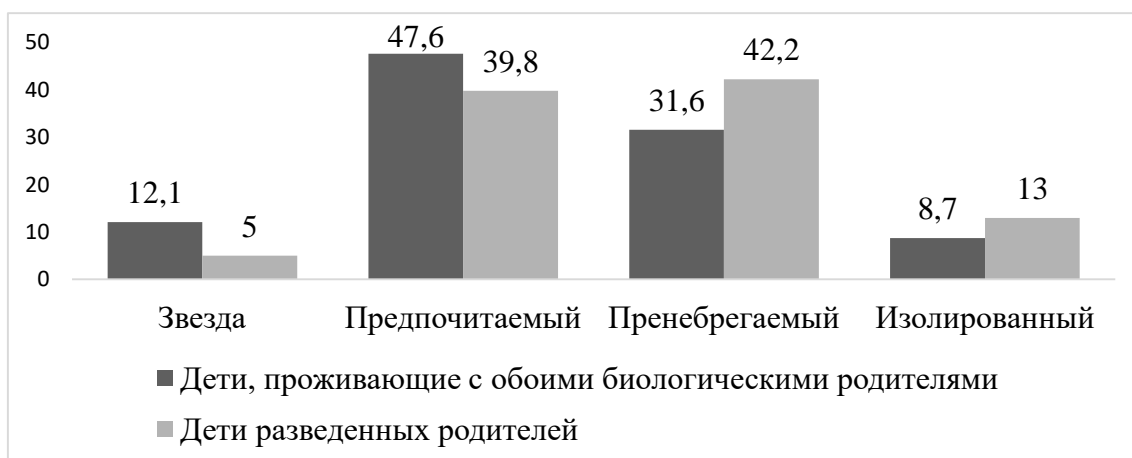

Рисунок 1 – Социометрические статусы подростков (в %)

Значимость различий проверялась с помощью U-критерия Манна-Уитни. Математическая обработка данных проводилась в программе SPSS 13.0. Различия значимы при $p = 0,001$. У детей разведенных родителей социометрические статусы ниже, чем у детей, проживающих с обоими биологическими родителями.

Развод родителей является стрессовым событием в жизни ребенка, последствия которого могут оказывать влияние на различные сферы его жизни, в том числе на межличностные отношения. Межличностные отношения выступают важным ресурсом личности, а общение со сверстниками в подростковом возрасте играет особую роль. Принятие их в школьном коллективе очень важно для подростков. Однако, подростки из семей разведенных родителей имеют более низкие социометрические статусы, у них меньше дружеских контактов с одноклассниками, что может оказывать влияние на их субъективное благополучие, удовлетворенность собой, может препятствовать успешному обучению и преодолению сложных ситуаций.

Список использованных источников

1 Аверин, В. А. Психология личности: учеб. Пособие / В. А. Аверин. – СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 2001. – 341 с.

2 Ибадуллаева, Г. М. Психологические аспекты исследования социометрического статуса у подростков / Г. М. Ибадуллаева // Восточно-Европейский научный журнал. – 2021. – № 3–4 (67). – С. 41–52.

3 Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М., 1990. – 212 с.

4 Лебеденко, О. А. Взаимосвязь социометрического статуса младшего школьника и уровня адаптации к школе / О. А. Лебеденко, Х. Н. Емилова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2017. – № 22. – С. 45–47.

5 Пинчук, О. А. Взаимосвязь социометрического статуса и личностных качеств подростка / О. А. Пинчук, Д. В. Пинчук // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25–26 сентября 2018 года. – СПб. : Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 76–79.

6 Фомина, Л. Ю. Влияние развода родителей на личность подростка / Л. Ю. Фомина // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. – 2008. – № 1–2. – С. 63–66.

Д. А. Суворова

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ЛЮБВИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СЕМЕЙНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

В статье рассматриваются современные взгляды исследователей на проблему удовлетворенности браком и семейными отношениями. Автором приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи типа любви и удовлетворенности семейными отношениями

Ключевые слова: семья, брак, семейные отношения, удовлетворенность семейными отношениями, любовь, совершенная любовь, страстная любовь, формальная любовь, романтическая любовь, дружеская любовь, роковая любовь.

Формирование гармоничных семейных взаимоотношений является одной из наиболее сложных задач в современном обществе. Разработка эффективных стратегий, направленных на гармонизацию семейных взаимоотношений является задачей многих психотерапевтических и консультативных практик.

В современной психологии удовлетворенность браком рассматривается как соответствие между реальным и желаемым, либо отождествляется с субъективно переживаемым ощущением удовольствия-неудовольствия при оценке супругами всех аспектов брака. При этом можно выделить общую удовлетворенность браком и удовлетворенность отдельными аспектами супружества, которая складывается из оценок его различных сторон в зависимости от требований, предъявляемых к личности партнера и к обстоятельствам семейной жизни.

В исследованиях А. Фернхем и М. Аргайл в рамках позитивной психологии выявлены на три аспекта удовлетворенности в социальных отношениях [1]:

– инструментальная удовлетворенность (удовлетворенность реализацией экономической и социально-бытовой функций в браке, распределением задач при выполнении воспитательной функции);

– эмоциональное удовлетворение (получение социальной и психологической поддержки от партнера, качество сексуальных отношений и теплота и интимность во взаимоотношениях);

– дружеское общение влюбленных в процессе совместного досуга.

Методы и эмпирическая выборка исследования соответствовали цели исследования: установить взаимосвязь между различными видами любви в отношениях супругов и удовлетворенностью семейными отношениями. Для того чтобы достичь поставленной цели и проверить выдвинутую гипотезу исследования были взяты 25 мужчин и 25 женщин, состоящие в браке. В исследовании приняли участие пары в возрасте от 18 до 30 лет (5 пар), от 31 до 40 лет (10 пар), от 41 до 50 лет (10 пар).

Для выявления компонентов любви в браке и в зависимости от них видов, был использован опросник «Триада любви» по Р. Стренбергу и тест на удовлетворенность браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко.

Согласно проведенному исследованию, 44 % респондентов полностью удовлетворены своим браком, 36 % скорее удовлетворены, 15 % опрошенных скорее не удовлетворены семейными отношениями и 5 % не удовлетворены полностью (рисунок 1).

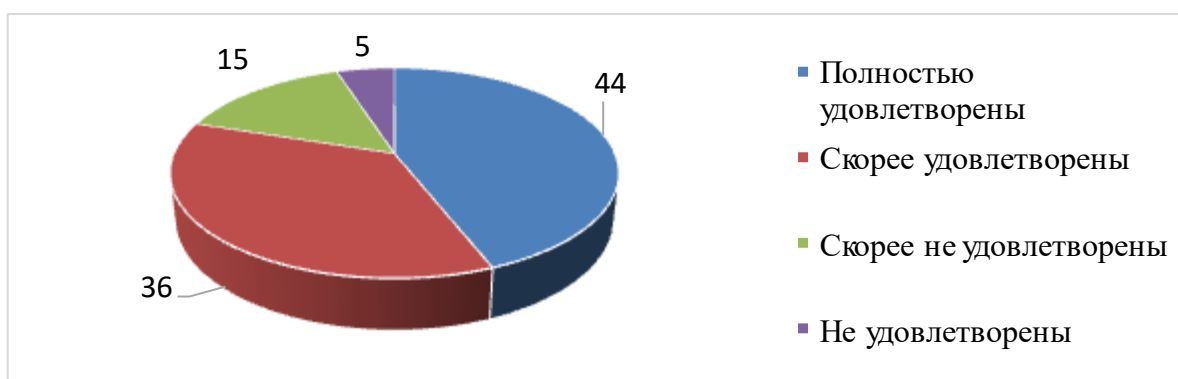

Рисунок 1 – Удовлетворенность респондентов браком

Согласно теории Р. Стернберга, любовные отношения состоят из 3-х компонентов: близость (интимность), страсть (влечение) и обязательство (решение быть вместе и проч.) В зависимости от сочетания и выраженности этих компонентов, Р. Стернберг выделял 8 типов любви.

Исследование типа любви у респондентов показало, что 44 % опрошенных имеют к своему партнеру совершенную любовь, страстная любовь наблюдается у 15 % опрошенных, формальная любовь имеет место у 9 % респондентов, романтическая любовь отмечена у 12 % опрошенных, дружеская любовь встречается у 12 % респондентов, а роковая – у 8 % участвующих в исследовании людей (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели типов любви респондентов

Тип любви	Количество	Процент
Совершенная любовь	22 человека	44 %
Страстная любовь	8 человек	15 %
Формальная любовь	4 человека	9 %
Романтическая любовь	6 человек	12 %
Дружеская любовь	6 человек	12 %
Роковая любовь	4 человека	8 %

Далее были сопоставлены данные двух исследований. При обработке данных с помощью статистических методов («анализ сопряженности»), был сделан вывод о том, что на тип совершенной любви приходится наибольшее количество респондентов с полной удовлетворенностью браком.

Также можно сказать, что люди, находящиеся в семейных отношениях, имеют значительную и практически полную удовлетворенность браком в том случае, если у них присутствует совершенная и дружеская любовь. По мнению Р. Стернберга сочетание всех трех компонентов приводит к такой любви, которая длится много лет и не угасает на протяжении длительного времени. В данном типе отношений характерно яркое появление физической близости между партнерами даже через десять и пятнадцать лет совместной жизни. Они понимают друг друга, поддерживают в трудных ситуациях и полны решимости подпитывать лаской и заботой друг друга и свои отношения дальше. Ни у одного из них не возникает мыслей, что кто-то другой может быть лучше человека, находящегося рядом. Создать такие отношения непросто, но возможно, а поддерживать – настоящий каждодневный труд, на который способен очень небольшой процент людей. Этот тип отношений вполне может перейти в любовь-дружбу, если угаснет страсть.

Для выявления взаимосвязи удовлетворенности браком с компонентами любви, мы применили корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Таблица 2 – Взаимосвязь удовлетворенности браком по тесту В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко с компонентами любви по Р. Стернбергу

Показатель	Близость	Страсть	Преданность
Удовлетворенность семейными отношениями	0,628	0,371	0,508

Из данных, представленных в таблице 2 следует, что удовлетворенность браком у людей, состоящих в супружеских отношениях, с компонентами любви имеет положительную взаимосвязь. То есть чем больше человек удовлетворен супружеской жизнью, тем больше для него характерны высокие значения таких компонентов любви как страсть, преданность и близость. В сочетании данные характеристики в отношениях выражаются в совершенной любви, которая побуждает людей, состоящих в браке, сохранять любовь на долгие годы, поддерживая при этом теплые, дружеские отношения и, в тоже время, которые не обходятся без страсти. Такие пары стремятся сохранить свои семьи. Таким образом, если в паре будут присутствовать, страсть, близость и преданность, то возможно, данная супружеская пара будет более удовлетворена браком.

Также мы решили проверить, есть ли взаимосвязь между уровнем неудовлетворенности семейными отношениями в целом и типом любви. Для анализа был выбран коэффициент корреляции rs-Спирмена (таблица 3).

Таблица 3 – Результаты анализа взаимосвязи типа любви и уровня неудовлетворенности семейными отношениями

Тип любви	Значение коэффициента корреляции rs-Спирмена	Тип связи	Значимость связи P = 0,05 (0,05)
Совершенная	0,032	Слабая, прямая	Не значима
Страстная	0,463	Средней силы, прямая	Значима
Формальная	0,012	Слабая, прямая	Не значима
Романтическая	0,044	Слабая, прямая	Не значима
Дружеская	0,014	Слабая, прямая	Не значима
Роковая	0,014	Слабая, прямая	Не значима

Таким образом, по результатам таблицы 3 можно сделать вывод о том, что чем сильнее у человека выражена страстная любовь, тем больше он не удовлетворен своей семейной жизнью.

Далее был проведен статистический анализ данных с помощью U-критерия Манна-Уитни с целью выявления различий в типе переживаемой любви у семейных пар, удовлетворенных и неудовлетворенных семейной жизнью (таблица 4).

Таблица 4 – Результаты статистического анализа данных для выявления статистически значимых различий в типах любви при положительной и отрицательной удовлетворенности семейной жизнью

Сравниваемые шкалы	Значение критерия Манна – Уитни	Значимость различий при $p(0,05) = 856$
Совершенная	119,3	Незначимы
Формальная	71,3	Значимы
Страстная	225,6	Незначимы
Романтическая	1102	Незначимы
Роковая	1017	Незначимы
Дружеская	24,5	Значимы

В результате статистического анализа данных с использованием критерия Манна-Уитни удалось установить некоторые статистически значимые различия в особенностях типов любви в зависимости от положительного и отрицательного отношения к своей семейной жизни.

Так, было выявлено, что показатели негативного восприятия своей семейной жизни статистически значимо выше у людей, которые показали высокие результаты по шкале «Формальная любовь» и «Дружеская любовь», что может свидетельствовать о том, что недостаток страсти в отношениях снижает удовлетворенность семейной жизнью.

Таким образом, люди, находящиеся в семейных отношениях, имеют значительную и практически полную удовлетворенность браком в том случае, если у них присутствует совершенная и дружеская любовь. Удовлетворенность браком у людей, состоящих в супружеских отношениях, имеет положительную взаимосвязь с компонентами любви. Чем сильнее у человека выражена страстная любовь, тем больше он не удовлетворен своей семейной жизнью. Показатели негативного восприятия своей семейной жизни статистически значимо выше у людей, которые показали высокие результаты по шкале «Формальная любовь» и «Дружеская любовь», что может свидетельствовать о том, что недостаток страсти в отношениях снижает удовлетворенность семейной жизнью.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования углубляют научные знания о взаимосвязи типа любви и удовлетворенности семейными отношениями, поскольку они обусловлены потребностями современного образования, а также выступают основой для проведения дальнейших исследований и разработки теоретических оснований повышения психологической компетентности психологов и семей.

Список использованных источников

1 Андреева, Т. В. Психология современной семьи : монография / Т. В. Андреева. – СПб. : Речь, 2018. – 434 с.

Е. В. Терещенко

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УРОВНЯ ВИНЫ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматривается проблема переживания чувства вины и стыда современными юношами и девушками вследствие дисфункциональных семейных отношений и нарушений системы детско-родительских отношений. Автор приводит результаты эмпирического исследования взаимосвязи детско-родительских отношений и уровня вины в юношеском возрасте.

Ключевые слова: юношеский возраст, детско-родительские отношения, вина, стыд, эмоциональная дистанция, авторитарность.

Вина – состояние человека, обусловленное нарушением им долга, требований авторитета, обязанностей, накладываемых законом, соглашением (договоренностью) или самим собой [1]. Психологический смысл субъективного переживания чувства вины состоит в ощущении внутреннего неудовлетворения в связи с выявлением несоответствия между совершенными поступками и морально-нравственными стандартами, установленными в данном социуме. В отличие от стыда, переживание вины зарождается даже в том случае, когда отсутствовали очевидцы неблагоприятного поступка или даже в том случае, когда окружающие выражают поддержку демонстрируемому поведению. В тоже время, Р. Розенхан и Дж. Лондон считают, что вина во многом содействует нивелированию тревоги, что позволяет предотвратить тяжелые психические последствия. По данным И. А. Белик в юношеском возрасте (19–23 года) факторами возникновения чувства вины часто становятся нанесение обиды значимым близким и невозможность соответствовать их ожиданиям.

Было проведено эмпирическое исследование на базе УО «Гомельский государственный профессиональный технологический лицей». Характеристика выборки исследования: юноши и девушки в возрасте от 15 до 17 лет и их родители. Общее количество респондентов составило 90 человек. Методики исследования:

– методика «Детско-родительские отношения в подростковом возрасте» (родитель глазами подростка);

– опросник вины (W. H. Jones, K. E. Kugler).

Результаты исследования чувства вины по методике «Опросник вины» (W. H. Jones, K. E. Kugler) в выборке юношей и девушек представлены на рисунке 1.

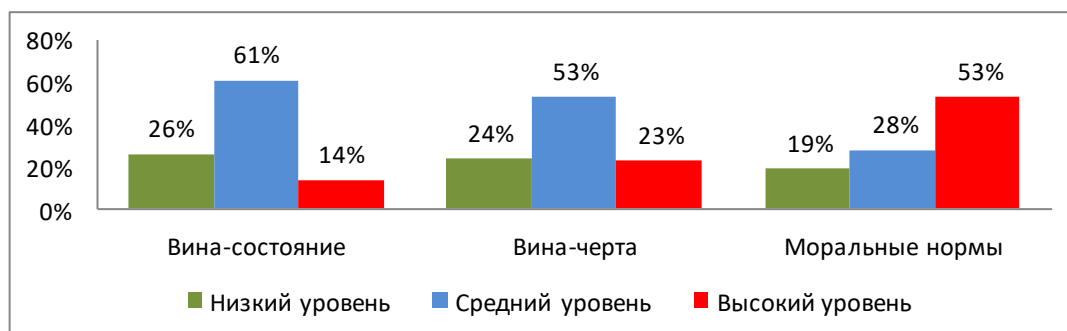

Рисунок 1 – Результаты исследования по методике «Опросник вины (W. H. Jones, K. E. Kugler)»

Согласно результатам эмпирического исследования, а также данным, представленным на рисунке 1, можно утверждать следующее:

1. Низкий показатель вины как состояния характерен 26 % опрошенных юношей и девушек. Средний показатель вины как состояния характерен 61 % респондентов, что выражается в средней степени выраженности отрицательного отношения человека к совершенным действиям. Эти респонденты переживают раскаяние и сожаление, а также стремятся исправить содеянное. Высокий уровень вины как состояния выявлен у 14 % опрошенных, для которых характерно переживание дискомфорта в связи с несоответствием своего поведения тем нормам и стандартам, которые были им усвоены в процессе социализации.

2. Низкий показатель вины как черты личности характерен 24 % опрошенных юношей и девушек, которых характеризует отсутствие моральных терзаний в случае несоответствия своего поведения усвоенным моральным стандартам. Средний показатель вины как черты личности характерен 53 % респондентов. Высокий уровень вины как черты личности выявлен у 23 % опрошенных, которые весьма чувствительны к несоблюдению морально-нравственных стандартов и склонны к рефлексии собственных действий.

3. Низкий показатель вины за нарушение моральных норм характерен 19 % опрошенных юношей и девушек, средний показатель вины за нарушение моральных норм характерен 28 % респондентов. Высокий уровень вины за нарушение моральных норм выявлен у 53 % опрошенных, которые в своем поведении стремятся опираться на категорические морально-этические принципы и готовы отстаивать их перед другими.

Далее проведено исследование по методике «Детско-родительские отношения в подростковом возрасте» (родитель глазами подростка) выборки юношей и девушек. Согласно данным, полученным в ходе эмпирического исследования, можно утверждать следующее:

1. Низкий уровень по шкале принятия установлен у 21 % родителей по мнению подростков, средний уровень принятия установлен у 54 % респондентов, высокий уровень принятия своих детей родителями выявлен у 25 % опрошенных юношей и девушек.

2. Низкий уровень эмпатии к своим детям установлен у 20 % родителей, средний уровень эмпатии по отношению к юношам и девушкам установлен у 54 % родителей, высокий уровень эмпатии к своим детям родителями выявлен у 26 % опрошенных.

3. Низкая эмоциональная дистанция родителей по отношению к детям установлена у 26 % опрошенных юношей и девушек, средний уровень эмоциональной дистанции по отношению к детям установлен у 48 % респондентов, высокая эмоциональная дистанция установлена у 26 % опрошенных.

4. Низкий уровень сотрудничества с детьми по мнению юношей и девушек выявлен у 29 % опрошенных, средний уровень сотрудничества родителей с юношами и девушками выявлен у 43 % испытуемых, высокий уровень сотрудничества со своими детьми установлен у 28 % респондентов.

5. Низкий уровень принятия решений установлен у 4 % родителей, средний уровень принятия решений по отношению к юношам и девушкам установлен у 42 % респондентов, высокий уровень принятия решений по отношению к своим детям родителями выявлен у 54 % опрошенных юношей и девушек.

6. Низкий уровень конфликтности установлен у 30 % родителей по мнению подростков, средний уровень конфликтности по отношению к юношам и девушкам установлен у 50 % респондентов, высокий уровень конфликтности родителей к своим детям выявлен у 20 % опрошенных юношей и девушек.

7. Низкий уровень поощрения автономности детей по мнению юношей и девушек выявлен у 33 % опрошенных, средний уровень выявлен у 37 % испытуемых, высокий уровень поощрения автономности своих детей установлен у 30 % респондентов.

8. Низкий уровень по шкале требовательности установлен у 26 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 46 % респондентов, высокий уровень требовательности к своим детям родителями выявлен у 28 % опрошенных юношей и девушек.

9. Низкий уровень мониторинга своих детей установлен у 9 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 44 % респондентов, высокий уровень мониторинга своих детей родителями выявлен у 27 % опрошенных юношей и девушек.

10. Низкий уровень контроля установлен у 13 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 80 % респондентов, высокий уровень контроля решений по отношению к своим детям родителями выявлен у 7 % опрошенных юношей и девушек.

11. Низкий уровень по шкале авторитарности установлен у 20 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 54 % опрошенных респондентов, высокий уровень выявлен у 26 % родителей опрошенных юношей и девушек.

12. Низкий уровень поощрений своих детей установлен у 36 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 44 % респондентов, высокий уровень выявлен у 20 % опрошенных юношей и девушек.

13. Низкий уровень наказаний по отношению к детям установлен у 28 % родителей опрошенных юношей и девушек, средний уровень установлен у 59 % опрошенных респондентов, высокий уровень наказаний родителей по отношению к детям установлен у 13 % опрошенных.

14. Низкий уровень непоследовательности родителя по мнению юношей и девушек выявлен у 33 % опрошенных, средний уровень выявлен у 38 % респондентов, высокий уровень непоследовательности родителя установлен у 29 % испытуемых.

15. Низкий уровень неуверенности установлен у 16 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 60 % респондентов, высокий уровень неуверенности родителей по отношению к своим детям выявлен у 24 % опрошенных юношей и девушек.

16. Низкий уровень удовлетворения потребностей ребенка установлен у 21 % опрошенных, средний уровень установлен у 41 % респондентов, высокий уровень выявлен у 38 % опрошенных юношей и девушек.

17. Низкий уровень неадекватности образа ребенка по мнению юношей и девушек выявлен у 33 % родителей, средний уровень выявлен у 37 % опрошенных, высокий уровень установлен у 30 % опрошенных.

18. Низкий уровень по шкале враждебности к супругам установлен у 18 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 49 % респондентов, высокий уровень выявлен у 33 % опрошенных юношей и девушек.

19. Низкий уровень доброжелательности к супругу установлен у 21 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 50 % респондентов, высокий уровень выявлен у 29 % опрошенных юношей и девушек.

20. Низкий уровень удовлетворенности отношениями установлен у 22 % родителей по мнению подростков, средний уровень установлен у 43 % респондентов, высокий уровень выявлен у 35 % опрошенных юношей и девушек.

Далее проведем статистический анализ данных с целью выявления взаимосвязи между параметрами чувства вины, исследуемыми с помощью методики «Опросник вины» (W. H. Jones, K. E. Kugler) и параметрами методики, исследующей особенности детско-родительских отношений («детско-родительские отношения в подростковом возрасте» – родитель глазами подростка). Для анализа взаимосвязи использован коэффициент корреляции rs-Спирмена. Результаты анализа представим в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Результаты анализа с использованием коэффициента корреляции rs-Спирмена

	Значение коэффициента корреляции rs-Спирмена	Тип связи	Критич. точка	Значимость взаимосвязи
1	2	3	4	5
Взаимосвязь вины как состояния и шкалы				
Удовлетворение потребностей ребенка	-0,27	Слабая обратная	0,24	Значима

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Взаимосвязь вины как черты личности со шкалой				
Сотрудничество	-0,25	Слабая обратная	0,24	Значима
Взаимосвязь вины за нарушение моральных норм и шкалы				
Требовательность	0,36	Умеренная прямая	0,24	Значима

Была выявлена слабая обратная взаимосвязь между виной как состоянием человека и удовлетворением потребностей ребенка. Это значит, что чем выше показатель вины человека, тем ниже уровень удовлетворения потребностей ребенка со стороны родителей.

Также была установлена слабая обратная взаимосвязь между виной как чертой личности и сотрудничеством между родителями юношей. Это значит, что чем выше уровень вины как черты личности, тем ниже уровень сотрудничества между родителями.

Была выявлена умеренная прямая взаимосвязь между виной за нарушение моральных норм и уровнем требовательности родителей. Это значит, что чем выше уровень вины за нарушение моральных норм, тем выше уровень требовательности родителей. Все выявленные вышеописанные типы связи являются статистически значимыми.

Исследования последних лет подтвердили исключительное влияние системы семейного воспитания на морально-нравственное развитие личности. Применение родителями более жесткой системы требований и контроля за их исполнением в последующем может привести к более высокому уровню интенсивности переживания чувства вины. Существенными факторами родительского влияния, стимулирующими чувство вины в отношении нарушения моральных норм, является позитивный интерес и умеренно выраженная требовательность родителя. Результаты исследования могут быть использованы в консультативной индивидуальной и групповой практической деятельности психологов при работе с юношами и девушками.

Список использованных источников

1 Иванов, И. С. К вопросу соотношения форм вины и их основных признаков / И. С. Иванов. – Российский следователь, 2005. – № 11. – С. 130–157.

Т. А. Устинович

Научный руководитель: А. Н. Редюк

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЬЯХ

В статье рассматривается понятие «детско-родительские отношения» с точки зрения психологической науки. Автором приводятся данные эмпирического исследования сформированности детско-родительских отношений в неблагополучных семьях, полученные на основе опроса 9 детей, находящихся в детском социальном приюте города Сморгонь Гродненской области и 8 родителей. по следующим методикам: «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартова-Бочавер, «Привязанность к близким людям» Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского, «Взаимодействие родитель-ребенок» В. М. Марковской.

Ключевые слова: семейное воспитание,, детско-родительские отношения, привязанность, неблагополучные семьи, депривация.

Актуальность изучения формирования детско-родительских отношений в неблагополучных семьях обусловлена тем, что в последнее время состояние семьи вызывает определенное беспокойство. Индикаторами неблагополучия институтов брака и семьи можно считать большое количество разводов, низкую рождаемость, высокий уровень детской, подростковой и молодежной преступности, социального сиротства, увеличивающуюся девиацию поведения среди молодого поколения, женщин и мужчин старшего возраста. Другими словами, современная семья плохо справляется не только с функцией деторождения, но и с воспитанием и социализацией детей.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь почти каждый четвертый ребенок воспитывается одной матерью, каждый двенадцатый не связан с родителями кровными узами. В последнем случае в отношениях детей и родителей наблюдаются заметные осложнения, что делает воспитательный процесс в этих семьях менее успешным [4]. Современные исследования психологов и педагогов показали, что дети и подростки, проживающие в неблагополучных семьях, имеют особенности психического и личностного развития, сложно адаптируются к условиям социума [5, с. 89]. В связи с этим актуальными становятся исследования, в которых изучаются детско-родительские отношения в неблагополучных семьях. Дети в силу незрелости личности и переходности этого возрастного этапа становятся подверженными различным негативным воздействиям среды, что может проявляться в нарушениях поведения и социальной дезадаптации. Понятие «родительское отношение» имеет собирательный характер и указывает на взаимную связь и взаимозависимость родителя и ребенка.

Детско-родительские отношения оказываются весьма существенной подсистемой в общей структуре отношений в семье и могут трактоваться как динамичные, продолжительные и обусловленные возрастом ребенка. Понятийный аппарат родительского отношения достаточно широк и многозначен и включает в себя: родительские установки и соответствующие им типы поведения, родительские позиции, типы родительского отношения; стили общения [3, с. 124].

Анализ ряда современных научных работ по проблеме детско-родительских отношений и их комбинаций дал понять, что общепризнанные позиции и представления могут быть организованы в три центральных общеметодологических подхода, в контексте которых проводятся исследования: функциональный, структурный и феноменологический. В контексте функционального подхода детско-родительские отношения изучаются с позиции их воспитательной функции. Основным местом социализации ребенка является его семья. Именно в семье формируется личность и приобретает навыки взаимоотношений со взрослыми [2, с. 52].

Отношения родителей с детьми оказываются тем значимым фактором, который воздействует на весь ход последующего развития ребенка, на развитие его личности и, в частности, самосознания. Влияние на развитие ребенка оказывают такие параметры родительского отношения, как используемые воспитательные тактики и родительские установки.

В семье ребенок обретает базовые навыки для жизни в социуме, а при высоком культурно-образовательном потенциале родителей получает не только основы, но и саму культуру на всю жизнь. Семья создает для ребенка определенный индивидуальный морально-психологический климат и является для него первой школой по организации взаимоотношений с людьми. В семье родители формируют у ребенка представления о добре и зле, о порядочности и уважительном обращении с материальными и духовными ценностями, закладывают основы поведения на всю оставшуюся жизнь. Близкие люди окружают ребенка своим теплом и заботой и именно с ними он учится проживать позитивные эмоции.

Автором были проанализированы показатели по методике «Привязанность к близким людям» Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского у детей из неблагополучных семей. В соответствии с теоретическим конструктом методики феномен привязанности был рассмотрен в виде двухфакторной модели, где стили привязанности образуются сочетанием степени беспокойства по поводу отношений привязанности и степени избегания отношений привязанности. Беспокойство связано со страхом быть отвергнутым близким человеком, избегание – со степенью дискомфорта, который человек чувствует от психологической близости с ним. Наглядно данные по показателям избегания и беспокойства представлены на рисунке 1.

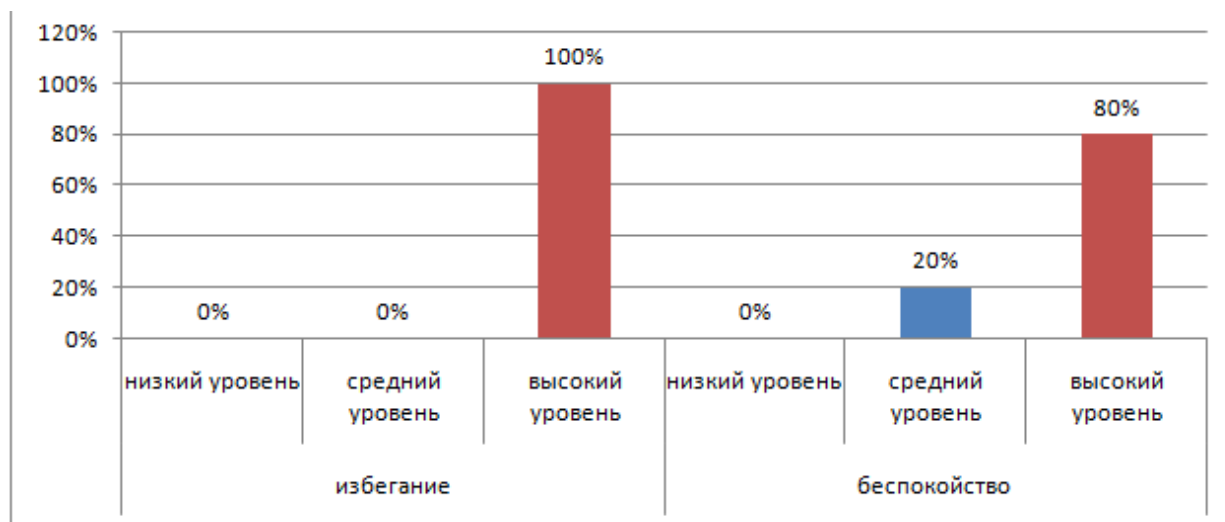

Рисунок 1 – Результаты по методике «Привязанность к близким людям» Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского у детей из неблагополучных семей

По результатам диагностики у всех детей был выявлен высокий уровень избегания в структуре привязанности к близким людям. У 80 % детей был выявлен высокий уровень и у 20 % средний уровень беспокойства в структуре привязанности к близким людям.

По сочетанию показателей близости и беспокойства были определены типы привязанности. Высокое беспокойство и высокое избегание характеризует избегающе-опасающийся стиль привязанности. Среди нарушенных типов привязанности у детей были выявлены избегающий (выявлен у 20 % детей) и избегающе-опасающийся (выявлен у 80 % детей). Для избегающего типа привязанности характерны избегание обстоятельств общения с близким человеком, игнорирование его желаний и потребностей, отсутствие потребности делиться с близким человеком своими чувствами и переживаниями.

Избегающе-опасающийся тип привязанности был выявлен у 80 % детей из неблагополучных семей. При данном типе привязанности ребенок чередует приближение и высокую тревожность с избеганием. Этот тип привязанности является наиболее травматичным для ребенка, поскольку ему сложно адаптироваться к постоянным изменяющимся моделям поведения родителей.

Согласно К. Х. Бриш, отличительная черта детей и взрослых с избегающим типом привязанности – это чувство дискомфорта в близких отношениях, ощущение уязвимости и зависимости. Как следствие, происходит формирование защитных механизмов в виде эмоциональной гипоактивации. Это не просто вытеснение неприятной информации, а снижение самой восприимчивости к ней, обеднение аффективной сферы, эмоциональная закрытость. В поведении проявляется тенденция к дистанцированию в межличностных отношениях, стремление опираться только на себя [1, с. 20].

Напротив, люди с избегающе-опасающимся типом привязанности обнаруживают повышенную потребность в принятии, поддержке и подтверждении своей значимости со стороны

партнеров по общению. Для этой группы, скорее, характерна эмоциональная гиперактивация, когда сфера близких взаимоотношений пронизана неуверенностью и тревогой, а память с готовностью актуализирует переживания обиды и гнева. В поведении преобладает повышенное внимание к объекту привязанности, стремление минимизировать дистанцию и любыми средствами добиться принятия, т. е. позиция зависимости, своего рода цепляния [1, с. 50].

На следующем этапе были проанализированы показатели методики «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартова-Бочавер у родителей и детей-подростков из неблагополучных семей. В группе детей подросткового возраста были получены следующие данные: по общему показателю суверенности психологического пространства в семье 2 из 3 подростков получили высокий уровень. То есть они ощущают высокий уровень автономии в семье по различным оцениваемым сферам. Наиболее высокий уровень суверенности подростки в неблагополучных семьях ощущают по сферам суверенности физического тела и суверенности привычек. Первая шкала – суверенность физического тела – отражает степень соматического благополучия. Шкала суверенности привычек при высоких показателях указывает на принятие временной формы организации жизни человека.

В группе родителей из неблагополучных семей были получены следующие данные: большинство родителей (90 %) оценивают общий показатель суверенности в семейных отношениях на среднем уровне. Наиболее высокие показатели суверенности в неблагополучных семьях отмечены по шкалам суверенности физического тела и привычек. Самые низкие показатели оказались по сфере суверенности ценностей. Суверенность ценностей при низких баллах подразумевает насильственное принятие неблизких ценностей.

По шкалам суверенности территории, мира вещей и социальных связей у родителей и подростков выражены средние показатели. Шкала суверенности территории отражает переживание безопасности физического пространства, на котором находится человек (личной части или собственной комнаты, игровой модели жилья), на полюсе депривированности – отсутствие территориальных границ. Суверенность мира вещей подразумевает уважительное отношение к личной собственности человека, распоряжаться которой может только он, депривированность – непризнание его права иметь личные вещи, при низких – означает насильственные попытки изменить комфортный для человека распорядок. Суверенность социальных связей выражает право иметь друзей и знакомых, которые могут не одобряться в семье, депривированность – контроль над социальной жизнью человека. Наглядно данные по общему показателю суверенности психологического пространства в семье представлены на рисунке 2.

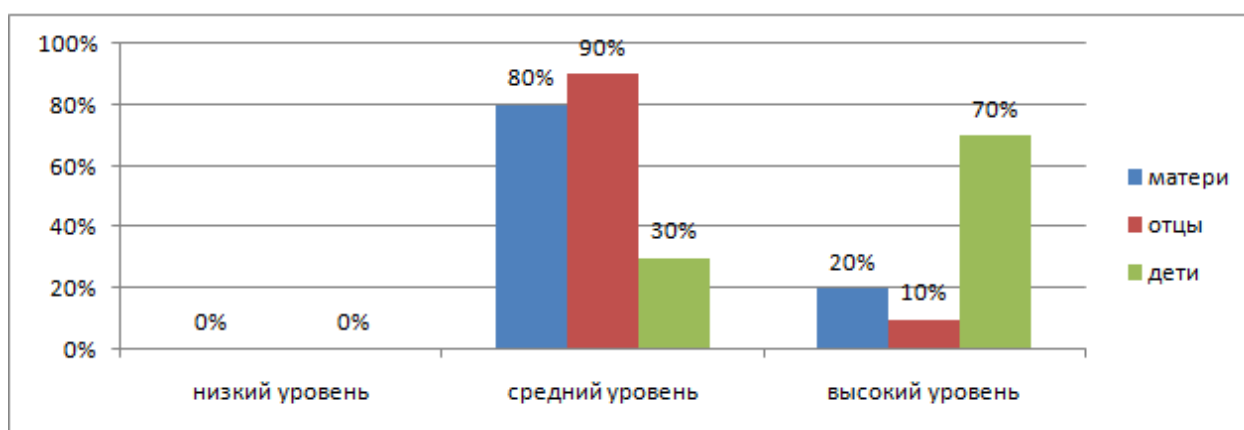

Рисунок 2 – Результаты по методике «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартова-Бочавер

На заключительном этапе исследования были проанализированы показатели методики «Взаимодействие родитель-ребенок» В. М. Марковской. В группе матерей и отцов из неблагополучных семей были получены следующие данные: отцы в большинстве случаев демон-

стрируют требовательное отношение к детям, строгость санкций, низкий уровень контроля поведения ребенка, эмоциональную дистанцию с ребенком, при этом демонстрируют высокий уровень принятия ребенка, отсутствие сотрудничества с ребенком, отсутствие тревожности за ребенка, непоследовательность в воспитании, проявление воспитательной конфронтации, средний уровень удовлетворенности отношениями с ребенком.

Матери из неблагополучных семей в большинстве случаев демонстрируют требовательное отношение к детям, строгость санкций, высокий уровень контроля поведения ребенка, средний уровень эмоциональной дистанции с ребенком, высокий уровень принятия ребенка, средний или низкий уровень сотрудничества с ребенком, отсутствие тревожности за ребенка, непоследовательность в воспитании, проявление воспитательной конфронтации, средний уровень удовлетворенности отношениями с ребенком.

Дети из неблагополучных семей воспринимают воспитательные тактики родителей следующим образом: требовательное отношение родителей, строгость санкций, высокий уровень контроля поведения, эмоциональная дистанция, непринятие ребенка, низкий уровень сотрудничества, отсутствие тревожности за ребенка, непоследовательность в воспитании, проявление воспитательной конфронтации, низкий уровень удовлетворенности отношениями с ребенком.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

– по результатам диагностики у детей из неблагополучных семей выявлено наличие неблагоприятной семейной ситуации. Это проявляется в высоком уровне тревожности в семье, высоком уровне конфликтности, выраженности чувства неполноценности в семейной ситуации и враждебности в семейной ситуации. Семейная ситуация порождает у детей эмоциональное напряжение, тревогу;

– у всех детей был выявлен высокий уровень избегания в структуре привязанности к близким людям. У 80 % детей был выявлен высокий уровень и у 20 % средний уровень беспокойства в структуре привязанности к близким людям. По сочетанию показателей близости и беспокойства были определены типы привязанности. Высокое беспокойство и высокое избегание характеризует избегающе-опасающийся стиль привязанности. Среди нарушенных типов привязанности у детей были выявлены избегающий (выявлен у 20 % детей) и избегающе-опасающийся (выявлен у 80 % детей);

– большинство родителей (90 %) оценивают общий показатель суверенности в семейных отношениях на среднем уровне. Наиболее высокие показатели суверенности в неблагополучных семьях отмечены по шкалам суверенности физического тела и привычек. Самые низкие показатели оказались по сфере суверенности ценностей. Наиболее высокий уровень суверенности подростки в неблагополучных семьях ощущают по сферам суверенности физического тела и суверенности привычек. Первая шкала – суверенность физического тела – отражает степень соматического благополучия. Шкала суверенности привычек при высоких показателях указывает на принятие временной формы организации жизни человека;

– взаимодействие родителей и детей в неблагополучных семьях отличается следующими особенностями: требовательное отношение родителей, строгость санкций, высокий уровень контроля поведения, эмоциональная дистанция, непринятие ребенка, низкий уровень сотрудничества, отсутствие тревожности за ребенка, непоследовательность в воспитании, проявление воспитательной конфронтации, низкий уровень удовлетворенности отношениями с ребенком.

Список использованных источников

1 Бриш, К. Х. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике / К. Х. Бриш – М. : Когито-Центр, 2012. – 315 с.

2 Булыгина, В. Г. Влияние семейной дисфункции на психофизическое развитие детей и подростков / В. Г. Булыгина, М. Ю. Белякова, Л. В. Абольян // Педиатрическая фармакология. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 50–54.

3 Луценко, Э. М. К вопросу о понятии родительство и его сущности / Э. М. Луценко, С. И. Некрасов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 2. – С.124–128.

4 Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 05.04.2022.

5 Чанилова, Н. Г. К вопросу о работе с неблагополучной семьей / Н. Г. Чанилова // Научное обозрение: гуманитарные исследования – 2016. – № 1. – С. 83–90.

Е. П. Цупранова

Научный руководитель: Н. Г. Новак, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются особенности взаимоотношения родителей и детей подросткового возраста, особенности общения подростков с родителями. Приводятся данные проведенного эмпирического исследования по вопросу взаимоотношения родителей и детей подросткового возраста. Анализируются результаты исследования.

Ключевые слова: взаимоотношения родителей и детей-подростков, детско-родительские отношения, подростковый возраст, особенности общения подростков с родителями, семья, семейное воспитание.

Подростковый возраст является весьма сложным периодом психологического взросления. Выступая как важный этап становления личности, подростковый возраст представляет вместе с тем не единовременный акт, а сложный этап в процессе личностного развития, отличающийся равноуровневыми характеристиками социального созревания [2, с. 227]. В данный период времени в самосознании подростка происходят колоссальные изменения – появляется чувство взрослости, которое становится центральным новообразованием. Возникает непреодолимое желание если не быть – то хотя бы казаться или считаться взрослым. Отстаивая свои права, подросток ограждает некоторые сферы своей жизни от контроля родителей и зачастую идет из-за этого на конфликты с ними. Кроме стремления к эмансипации подростку также присуща потребность в общении со сверстниками, которая выступает на первый план в данном возрастном периоде.

Проблема взаимоотношений родителей и детей существовала на всех периодах взросления ребенка, но наиболее напряженные отношения отнесены именно к подростковому возрасту, так как именно в данный период подросток стремится быть независимым, хочет освободиться от опеки, контроля взрослых и, в частности, родителей. Именно поэтому для подростка характерна конфликтность взаимоотношений с родителями. Но, несмотря на существующие конфликты и возникающие недопонимания, большинство подростков характеризуют отношения в семье как доверительные, связанные с заботой, переживанием и положительными эмоциями.

С точки зрения психологии основная роль родителей на данном этапе заключается в сопровождении очень трудного периода становления личности. Ход подросткового периода развития детерминируется как биологическим созреванием, так и социокультурным влиянием, пропущенным подростком через собственную личность, что делает отрочество периодом изменчивым, постоянно обновляющимся и, пожалуй, самым сензитивным к общественным изменениям и задачам времени [1, с. 12]. Родителям необходимо предостерегать подростка от опасных ошибок, направлять его развитие в нужном направлении, постоянно контролиро-

вать его действия, но не переводя свой контроль в гиперопеку. Родители должны быть другом для подростка, но другом особым, отличающимся от друга- сверстника. Родитель должен выступать в роли друга-руководителя, и его задача – помочь подростку познать себя, оценить свои способности, возможности, найти свое место в сложном мире взрослых.

Опираясь на теоретический анализ по проблеме детско-родительских отношений в подростковом возрасте, было проведено эмпирическое исследование на базе ГУО «Средняя школа № 21 г. Гомеля».

Цель исследования: изучить особенности взаимоотношений родителей и детей подросткового возраста. В исследовании принимали участие 50 родителей детей подросткового возраста (37 матерей, 13 отцов; из них: 39 полных семей, 11 не полных); 50 детей подросткового возраста от 13 до 15 лет (22 девочки, 28 мальчиков).

В качестве психодиагностического инструментария были использованы методики: «Родителей оценивают дети» («РОД», И. А. Фурманов, А. А. Аладьин); «Анализ семейных взаимоотношений» («АСВ», Э. Г. Эйдемил-лер, В. В. Юстицкис).

В ходе анализа проведенной диагностики среди подростков по методике «Родителей оценивают дети» были получены следующие данные: преобладает шкала «З–», результаты которой составили 36 % и означают «Недостаточность требований-запретов к ребенку». В данном случае родители демонстрируют своему ребенку, что ему «дозволено все», даже имеющиеся запреты с легкостью можно нарушать, зная, что за это не последует наказания. Подросток не отчитывается перед родителями за свои поступки, а родители не хотят или не могут установить «рамки дозволенного» в поведении своего ребенка. Данное воспитание стимулирует развитие гипертимного типа характера у подростка, особенно неустойчивого типа.

У 30 % прошедших диагностику подростков преобладает шкала «У+», которая отображает степень удовлетворения потребностей подростка. Данная шкала означает «Потворствование» в воспитательном процессе со стороны родителей по отношению к подростку. О «потворствовании» говорят в том случае, когда родители стремятся к максимальному удовлетворению любых потребностей своего ребенка. Подобный тип воспитания родители аргументируют следующим образом: ребенок болезненный; желание дать ему то, чего не было у самого родителя в данном возрасте; подросток растет без отца и т. д.

Следующей по значимости в исследовании была выделена шкала «С–», которая составила 18 %, и обозначает – «Строгость санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком». В данном случае выделяется «Минимальность санкций» – родители по отношению к подростку обходятся совершенно без наказаний.

Шкала «Г+», указывающая на уровень протекции в процессе воспитания в результате анализа проведенной диагностики составила 16 % – означает наличие «гиперпротекции» в стиле родительского воспитания по отношению к подростку.

Результаты проведенной диагностики *среди родителей* подростков по методике «Анализ семейных взаимоотношений» (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис), распределились следующим образом: у 64 % родителей основным стилем семейного воспитания является «Минимальность санкций», на что указывают данные шкалы «С–» – родители предпочитают обходиться совершенно без наказаний, или применяют их крайне редко – ставят под сомнение результативность любых наказаний своего ребенка.

У 40 % принявших участие в диагностике родителей преобладает шкала «З–» – указывающая на «Недостаточность требований – запретов к ребенку». Требования к ребенку являются важной частью воспитания в семье. В свою очередь они выступают в виде обязанностей ребенка – будь это учеба, уход за собой, участие в организации быта; в виде требований-запретов, устанавливающих рамки того, чего ребенок не должен или должен делать. При данном стиле воспитания подростку «все разрешено», существующие запреты подросток с легкостью нарушает, зная, что наказания не последует. Данное воспитание стимулирует развитие гипертимного типа личности у подростков.

28 % родителей на первое место в воспитании подростка ставят «Гиперпротекцию», на что указывает шкала «Г+». При данном стиле воспитания речь идет о том, какое количество сил, внимания, времени уделяют родители воспитанию подростка. При «гиперпротекции» родители уделяют ребенку очень много времени, внимания и сил – именно воспитание является центральным делом в жизни данной категории родителей.

Шкала «У+» составила 18 % и означает «Потворствование» в воспитании родителей по отношению к ребенку. О «потворствовании» говорят тогда, когда родители стремятся к максимальному некритическому удовлетворению всех потребностей и желаний подростка.

12 % прошедших диагностическое тестирование родителей выносят конфликт между супругами в сферу воспитания, на что указывает шкала «ВК». Это противоречивый тип воспитания, соединяющий потворствующую гиперпротекцию одного родителя с доминирующей гиперпротекцией или отвержением другого родителя.

Исходя из результатов проведенного исследования родителей и детей подросткового возраста, было выявлено сочетание шкал, указывающих на формирование такого типа неправильного воспитания, как «Потворствующая гиперпротекция». По результатам тестирования родителей данный тип воспитания преобладает у 20 человек (40 % прошедших тестирование); по результатам тестирования детей – у 30 человек (60 % прошедших тестирование). При данном типе воспитания ребенок находится в центре внимания семьи, что в свою очередь способствует развитию демонстративных – истероидных, гипертимных – черт характера у подростка.

Согласно целям проведенного исследования необходимо определить связь между стилем воспитания родителей и взглядами на стиль семейного воспитания с точки зрения подростков; выявить корреляционную связь между родителями и детьми-подростками. Для подсчета корреляции был использован метод ранговой корреляции Спирмена. Было установлено, что корреляция между стилем воспитания родителей и взглядами на стиль семейного воспитания с точки зрения подростков статистически значима.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить связь между стилем воспитания родителей и взглядами на стиль семейного воспитания детей, выявить совпадения во взглядах на стили воспитания между родителями и детьми.

Психологи сходятся во мнениях, что «потворствующая гиперпротекция» в воспитании детей характеризуется отсутствием настоящего чувства любви у родителей по отношению к детям. За бесконечными подарками, бесполезными и ненужными похвалами скрывается недостаток физического контакта между родителями и детьми-подростками. В данных семьях общения «по душам» с подростком стараются избегать, откупаясь от него, выполняя все его желания и прихоти. Подросток как бы находится под постоянным контролем и не обделен вниманием, но ему на самом деле не хватает искренней любви со стороны родителей. Зачастую родители не отдают себе отчет в том, что их чрезмерное и избыточное беспокойство наносит вред подростку.

При «потворствующей гиперпротекции» ситуацию в воспитании возможно изменить, но для этого родителям необходимо:

- изменить свое отношение к ребенку – преодолеть себя;
- хвалить и поощрять подростка только за полученный положительный результат;
- больше времени проводить вместе – организовать совместный досуг: кино, походы, отдых на природе и т. д;
- позволить подростку высказывать свою точку зрения;
- идти на компромиссы в принятии решений.

Следовательно своевременное диагностирование типа неправильного воспитания в семье позволит произвести коррекцию, дать рекомендации по оптимизации ситуации и нормализации взаимоотношений между родителями и детьми-подростками, что в свою очередь благополучно скажется на дальнейшем становлении подростка как личности.

Список использованных источников

1 Авдулова, Т. П. Психология подросткового возраста: учеб, пособие для студ. учреждений высш, образования / Т. П. Авдулова. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2014. – 240 с.

2 Семенюк, Л. М. Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов ; под ред. Д. И. Фельдштейна: издание 2-е, дополненное. – М. : Институт практической психологии, 1996. – 304 с.

А. В. Шафранская

Научный руководитель: А. С. Ярошевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИЗБЕГАНИЯ БЛИЗОСТИ И ЧАСТОТЫ ИЗМЕН В ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ У СТУДЕНТОВ

В статье проводится теоретический анализ современных психологических научных подходов к исследованию романтических партнерских отношений, любви и близости, избегания и измены в юношеском возрасте, а также эмпирическим путем проводится исследование взаимосвязи избегания близости и частоты измен в партнерских отношениях студентов.

Ключевые слова: близость, измена, юношеский возраст, романтические отношения.

Уже стало привычным называть XX век веком революций: социальной, научно-технической, космической. Его также можно назвать и веком революции семейно-брачных отношений. Женщина вышла из узкого семейного мирка и включилась в активную жизнь. В связи с этим обозначился рост научно исследовательского интереса к межличностным супружеским отношениям и проблемам, которые с ними связаны. За последние десятилетия неуклонно увеличивается число разводов и неполных семей. По данным многочисленных исследований как отечественных, так и зарубежных психологов, одной из главных причин распада семей является супружеская неверность.

В молодом возрасте создание отношений с противоположным полом является одной из основных задач развития. Дальнейшее благополучие в сфере межличностных отношений зависит от того, какими будут первые романтические отношения человека, как впервые будет удовлетворена потребность в любви. В то же время именно в этот возрастной период действительно пробуждается влечение к противоположному полу, молодость рассматривается как период жизни, когда всепоглощающая страсть к другому человеку может преобладать над другими чувствами [3, с. 52].

Благодаря работе зарубежных и отечественных психологов по проблеме супружеской неверности, можно выделить огромное количество причин ее возникновения, ознакомиться с моделями поведения в таких ситуациях. Но, чтобы разобраться в данном вопросе и найти истинные причины супружеской неверности, определив дальнейшие действия, необходима помощь специалиста [1, 5].

Для успешной работы с семьей или с одним членом семьи по вопросам супружеской неверности психологу очень важно знать теоретические аспекты становления семейных отношений и жизненный цикл становления семьи, поскольку прошлый опыт жизни членов семьи является одним из основных критериев развития супружеских отношений в дальнейшем [2, с. 18].

В ходе эмпирического исследования взаимосвязи избегания близости и частоты измен в партнерских отношениях студентов было опрошено 120 студентов учреждения образова-

ния «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины» в возрасте от 18-ти до 22-х лет. Средний возраст испытуемых составляет 21 год.

Методы, используемые в психодиагностическом исследовании: опросник «Опыт близких отношений»; авторская анкета «Частота измен»; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Представим данные, полученные по опроснику «Опыт близких отношений», в виде рисунка 1.

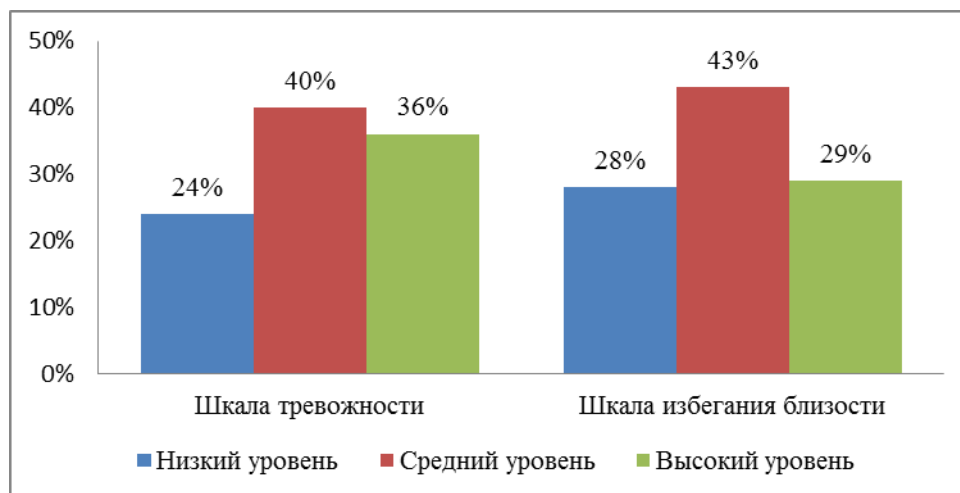

Рисунок 1 – Результаты исследования по опроснику «Опыт близких отношений»

В соответствии с данными, полученными в ходе психодиагностического исследования по опроснику «Опыт близких отношений», можно утверждать, что по шкале тревожности в отношениях низкие показатели установлены у 24 % опрошенных студентов, средние показатели выявлены у 40 % студентов, высокие показатели выявлены у 36 % опрошенных студентов. По шкале избегания близости в отношениях низкие показатели установлены у 24 % опрошенных студентов, средние показатели выявлены у 40 % студентов, высокие показатели выявлены у 36 % опрошенных студентов.

Далее, с целью выявления общих показателей для студенчества, проведем расчет средневыворочного значения уровня тревожности в отношениях и средневыворочного уровня избегания близости в отношениях. Результаты расчетов представим в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Средневыворочные значения по опроснику «Опыт близких отношений»

Исследуемая шкала	Средний балл	Уровень
Шкала тревожности	6,7	средний
Шкала избегания близости	6,4	средний

В результате изучения средневыворочных значений по опроснику «Опыт близкий отношений» установлено, что для студенчества в целом по шкале тревожности в отношениях характерен балл 6,7, который соответствует среднему уровню выраженности данного признака. По шкале избегания близости в отношениях среднегрупповой балл равен 6,4, что также соответствует среднему уровню выраженности данного признака.

Далее представим данные, полученные по авторской анкете «Частота измен» в виде рисунка 2.

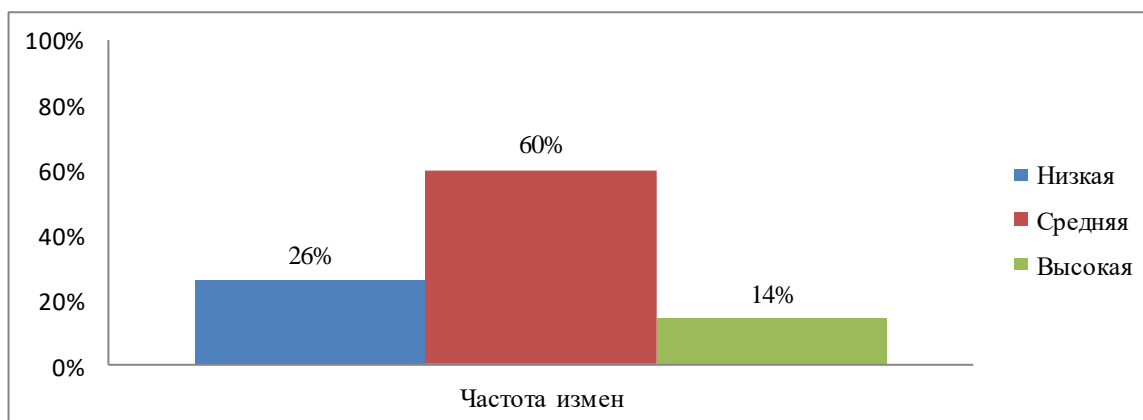

Рисунок 2 – Результаты исследования по авторской анкете «Частота измен»

Согласно данным психодиагностического исследования по анкете «Частота измен», можно утверждать, что для 26 % опрошенных студентов в целом не характерна склонность к измене своему партнеру. Для 60 % характерна склонность изменить своему партнеру при определенном стечении побуждающих факторов, и лишь 14 % опрошенных студентов смогут изменить своему партнеру при первом удобном случае.

Далее, с целью выявления общих показателей для студенчества, проведем расчет средневыворочного значения уровня возможности совершения измен. Результаты расчетов представим в виде таблицы 2.

Таблица 2 –Средневыворочные значения по анкете «Частота измен»

Исследуемая шкала	Средний балл	Уровень
Частота измен	8,51	средний

Согласно данным расчета средневыворочных значений по авторской анкете «Частота измен» установлено, что для студентов характерно в целом значение равное 8,51, что соответствует средней вероятности совершений измены своему партнеру.

Далее был произведен статистический анализ данных с использованием коэффициента корреляции Спирмена, с целью выявления взаимосвязи между параметрами, исследуемыми с помощью анкеты «Частота измен» и параметрами методики «Опросник близких отношений». В результате статистического анализа получены данные, представленные в виде таблицы 3.

Таблица 3 – Значение коэффициента корреляции Спирмена и значимость связи

Исследуемая взаимосвязь	Значение коэффициента корреляции	Тип связи	$R_{кр}$	Значимость связи
Частота измен и тревожность	0,714	Высокая прямая	0,21	Значима
Частота измен и избегание близости	0,305	Умеренная прямая		Значима

В результате проведенного статистического анализа данных, целью которого было выявление взаимосвязи между параметрами, исследуемыми с помощью анкеты «Частота измен» и параметрами методики «Опросник близких отношений», была установлена значимая

высокая прямая взаимосвязь между частотой измен и уровнем тревожности в отношениях. Это значит, что при увеличении частоты измен наблюдается повышение общего уровня тревожности в отношениях.

Также, была выявлена значимая умеренная прямая взаимосвязь между частотой измен и уровнем избегания близости в отношениях. Это свидетельствует, что при повышении частоты измен супругов наблюдается более выраженная тенденция к избеганию близости в отношениях.

Список использованных источников

1 Бороздина, Л. В. Что такое самооценка? / Л. В. Бороздина // Психологический журнал. – 2013. – С. 38–43.

2 Екимчик, О. А. Совладание со стрессом в ситуациях ревности и измены / О. А. Екимчик // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте ; под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М. : Институт психологии РАН, 2011. – 193 с.

3 Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 2012. – 367 с.

4 Смирнова, Н. С. Исследование психологических защит и совладающего поведения в ситуации измены романтического партнера / Н. С. Смирнова // Молодые ученые – нашей новой школе: Материалы 10 юбилейной науч.-практ. межвуз. конф. молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. – М. : МГППУ, 2011. – С. 263–265.

5 Шибутани, Т. Я-концепция как персонификация / Т. Шибутани – Рн/Д: Феникс, 2010. – 78 с.

А. Ю. Шишкова

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СЕМЕЙНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ

Статья посвящена изучению взаимосвязи виктимности ребенка и семейного неблагополучия. В статье описаны понятия «виктимность» и «виктимизация», «семейное неблагополучие». Описаны факторы, оказывающие наибольшее влияние на развитие виктимного поведения в подростковом возрасте.

Ключевые слова: семейное неблагополучие, дефективная атмосфера, детская психическая травма, виктимность, виктимизация, виктимное поведение.

В настоящий момент в Беларуси отмечается большое число неблагополучных семей, эти семьи, в зависимости от различных факторов, пребывают в трудной жизненной ситуации, что приводит к разного рода сложностям: экономическим, бытовым, психологическим. Все это приводит к искажению семьи: растет число детей – социальных сирот; количество неполных семей; перераспределяются семейные роли; происходят перенос или отказ от выполнения функций семьи; психологические изменения внутри семьи, вплоть до асоциальных и деструктивных [3, с. 68].

Ежегодно проводится множество исследований, посвященных проблеме виктимного поведения у подростков. Личность ребенка формируется не сама по себе, а в социальной среде, которая окружает его. Окружение имеет значение для процесса становления ребенка. Важны малые группы, в которых происходит общение между ребенком и другими людьми: школа, семья, неформальные группы.

Неблагополучная обстановка в доме негативно сказывается на характере ребенка. Несоответствующее нормам, принятым в обществе, поведение родителей в семье с неблагоприятной атмосферой создает у ребенка эмоционально-психологический дискомфорт и, как следствие, девиантное поведение. По этой причине роль неблагополучной семьи носит негативный характер. Трудности в общении с детьми в таких семьях ухудшают эмоциональную обстановку и усложняют жизнь ребенка, создавая все больше проблем [2, с. 32].

Зачастую это приводит к детской психической травме, агрессии, проблемам в общении, правонарушениям, запущенности в плане педагогики. У таких детей есть общие характерные черты: сложность в адаптации к незнакомой среде и обстоятельствам, агрессивность, гиперсексуальность, воровство, лень, наличие вредных привычек, отсутствие мотивации к труду, норм нравственности и морали, желания получать новые знания.

Вопросы диагностики и профилактики виктимности непрерывно связаны с вышеописанной проблемой семейного неблагополучия, а также являются одной из важнейших и актуальных тем в настоящее время. В современной психологии виктимизация понимается как превращение конкретного человека или определенного круга лиц в жертву преступного действия и конечный совокупный преступный результат. Виктимизация населения есть расширение контингента тех граждан, которым по тем или иным обстоятельствам пришлось стать жертвами преступных действий, в особенности насильственного характера.

Под виктимностью подразумевается склонность индивидуума становиться жертвой различных ситуаций в обыденной жизни. Л. В. Франк дал расширенную трактовку термина: «Виктимность отдельного лица есть ни что иное, как реализованная преступным актом «предрасположенность», вернее способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была бы предотвращена» [4, с. 22].

Тенденции в исследовании данного направления являются актуальными и социально значимыми, поскольку исследования по выявлению латентной виктимности и сигнализации ее перехода в виктимное поведение, безусловно, являются нравственной и перспективной установкой, способствующей общественной гуманизации. Появление таких отраслей научного знания, как социально-педагогическая виктимология и психология девиантного поведения только подтверждает это положение. Современное виктимологическое направление как специальная социологическая теория осуществляет комплексный анализ феномена жертвы, включающий в себя теоретические представления и модели, первоначально разработанные в сфере иных социальных дисциплин (криминологии, социальной работы, конфликтологии, социологии девиантного поведения, политологии, теории государственного управления, психологии) [1, с. 83].

Данная проблема наиболее актуальна в подростковом возрасте в период от 12 до 14 лет. Известно, что пубертатный период в жизни каждого человека является одним из самых сложных как в биологическом, так и в социальном плане. В биологическом – происходит активное созревание всех систем организма подростка. В социальном смысле – подросток идентифицирует себя со сверстниками, но, тем не менее, пытается обособиться, найти в себе те черты, которые будут присущи только ему, делая его уникальным, непохожим на других.

Виктимность несовершеннолетнего в обстоятельствах семейного неблагополучия обуславливается, во-первых, объективной ситуацией, в какой пребывает ребенок, в силу возраста и собственной общественной значимости подверженный высокому риску оказаться жертвой причинения ущерба. Во-вторых – сформированными в условиях болезненной семейной среды конкретными индивидуальными социально-психологическими свойствами, подтверждающими виктимогенную деструкцию личности несовершеннолетнего. Особенность семейного неблагополучия, как условия виктимизации не достигших совершеннолетия, состоит не только в его многостороннем влиянии на ребенка, но и в том, что одновременно с формированием виктимогенных качеств и достоинств личности оно продуцирует криминогенные особенности личности ребенка, что накладывает собственный отпечаток на разновидности и сущности предупредительных мероприятий.

Наибольшее влияние на развитие виктимного поведения в подростковом возрасте оказывают следующие факторы: негативное воздействие взрослых на психику молодого поколения, рекламная пропаганда в СМИ, различные телевизионные программы, разглашающие на всеобщее обозрение семейные драмы простых людей, зависимость от группы сверстников, диктующих свои моральные установки и ценности. Такое воздействие на чувствительную личность подростка может привести к совершению антиобщественных поступков, ставя его в роль жертвы. Стоит выделить тот факт, что наиболее значимым в работах педагогов и психологов в настоящий момент является поиск, а также активная разработка средств и способов профилактики виктимизации подростков.

Рассматривая представленную проблему с точки зрения виктимизации недостигших совершеннолетия, необходимо сосредоточить интерес на двух аспектах. С одной стороны, сфера, в которой находится ребенок, считается фактором ограничения социализации его личности. Подобные семьи никак не готовы сформировать подходящие требования с целью развития детей, не в состоянии сформировать у него ощущение безопасности. Неспособность адаптироваться к окружению приводит к высокому риску оказаться жертвой противообщественных деяний. С иной стороны, действия родителей способны нанести ребенку нравственные (моральный ущерб) либо физиологические мучения, вследствие чего подростки станут потерпевшими от насилия от рук родителей. При этом незаконные действия обладают значительной степенью латентности. По этой причине статистические сведения никак не смогут отобразить настоящую распространенность ожесточенного обращения с ребенком в семье. В первую очередь в объяснении и уточнении нуждаются сами определения «неисполнение родительских обязанностей и «жестокое обращение с несовершеннолетними», но, кроме того, необходимо разграничение последнего от других противозаконных действий.

Таким образом, проанализировав разнообразные взгляды на установление определения «семейное неблагополучие», подходим к заключению о том, что неблагополучная семья – это семья, в которой отец с матерью либо другие легитимные представители несовершеннолетних никак не выполняют собственных обязательств по их воспитанию, учебе, а также содержанию, проявляют негативное воздействие на развитие личности детей, содействует формированию их виктимности.

Список использованных источников

- 1 Голина, В. В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений (теория и практика) : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Голина. – Х., 1994. – 286 с.
- 2 Полубинский, В. И. Жертва в контексте виктимологических исследований / В. И. Полубинский // Научный портал. - 2008. - № 2. – С.32–35.
- 3 Труханов, Г. Принципы классификации личности жертв преступлений / Г. Труханов // Визитник ОНУ. – 2006. – Т.11, №11. – С. 68–74.
- 4 Франк, Л. В. Виктимология и виктимность / Л. В. Франкл – Душанбе: ИРФОН, 1972. – 126 с.

В. В. Шкируть

Научный руководитель: Т. В. Тратинко
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И УРОВНЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются исследования в области эмоционального интеллекта, а также в области девиаций. Автором приводятся данные эмпирического исследования,

направленного на выявление взаимосвязи склонности к девиантному поведению и уровня эмоционального интеллекта у подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, девиантное поведение, склонность, эмоциональный интеллект.

Развитие эмоционального интеллекта начинается еще в дошкольном возрасте. Однако именно в подростковом возрасте для него характерны качественные изменения, отражающиеся в когнитивной, эмоциональной, личностной сферах. Подросток способен адекватно интерпретировать собственные эмоции и чувства, а также эмоции и чувства других людей. У него формируется способность получать и обрабатывать информацию, обусловленную эмоциями, использовать ее для анализа событий и принятия решения. Таким образом, эмоциональный интеллект является основой эффективного взаимодействия подростков с окружающими людьми.

По мнению О. В. Гридневой, проблема девиантного поведения подростков напрямую взаимосвязана с вопросами понимания и контроля эмоций. В подростковом возрасте именно эмоциональный интеллект определяет девиантное или социально нормативное поведение [2, с. 29–36].

При выявлении взаимосвязи эмоционального интеллекта с личностными особенностями подростка исследователи отмечают, что низкий уровень эмоционального интеллекта связан с агрессией, в то время как его высокий уровень связан с просоциальным поведением. Но есть и противоположное мнение: если учитывать такие личностные характеристики, как враждебность, макиавеллизм, согласие, то можно предположить, что именно высокий уровень эмоционального интеллекта опосредует девиантное поведение [1, с. 55].

Высокая способность регулировать эмоции может усиливать как просоциальное, так и девиантное поведение. К. Котэ и соавторы показали, что значимость нравственности в идентичности индивида ассоциируется с просоциальным поведением в социальных дилеммах и эта связь сильнее, чем выше способность регулировать собственные эмоции [1, с. 54].

Проблема девиантного поведения подростков тесно взаимосвязана со способностью подростка контролировать, управлять своей эмоциональной сферой.

А. Бэкон и Л. Риган считают, что эмоциональный интеллект содействует поддержанию отношения подростка с желаемой социальной группой, члены которой могут участвовать в девиантном поведении [1, с. 53].

Таким образом, во-первых, способность регулировать эмоции усиливает мотивационные эффекты личностных черт, а во-вторых, существуют гендерные особенности связи эмоционального интеллекта и девиантного поведения.

Целью эмпирического исследования является выявление взаимосвязи склонности к девиантному поведению и уровня эмоционального интеллекта у подростков.

База исследования: средняя школа № 199 г. Минска.

Выборка: 40 подростков 14 до 17 лет.

В исследовании использовался комплекс психодиагностических методик:

– методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел);

– методика диагностики «эмоционального интеллекта» (Н. Холл).

Статистическая обработка данных проводилась компьютерным методом с использованием пакета программ статистического анализа и обработки информации.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

– 13 (32,5 %) человек имеют склонность к преодолению норм и правил;

– 14 (35 %) человек имеют склонность к аддиктивному поведению;

– у 21 (52,5 %) человека выявлена склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению;

– у 39 (97,5 %) испытуемых была выявлена слабая степень волевого контроля эмоциональных реакций.

В ходе исследования склонности к девиантному поведению у подростков мы получили следующие результаты:

- 9 подростков (22,5 %) имеют склонность к агрессии и насилию, причем у двух из них данная склонность выражена особо сильно;
- 15 (37,5 %) человек имеют склонность к делинквентному поведению; среди которых 3 (7,5 %) человека имеют ярко выраженную склонность.

В ходе исследования уровня эмоционального интеллекта у подростков были получены следующие результаты:

- способность к распознаванию эмоций других людей у 17 (42,5 %) подростков находится на низком уровне, у 13 (32,5 %) – на среднем, и у 10 (25 %) на высоком;
- низкий уровень эмпатии имеют 14 (35 %) человек, также 14 (35 %) подростков имеют средний уровень и 12 (30 %) подростков имеют высокий уровень эмпатии;
- к самомотивации на высоком уровне способны 7 (17,5 %) подростков, на среднем 16 (40 %), на низком 17 (42,5 %);
- 28 (70 %) респондентов имеют низкие способности к управлению своими эмоциями;
- 7 (17,5 %) респондентов способны на среднем уровне управлять своими эмоциями;
- 5 (12,5 %) подростков на высоком уровне способны управлять своими эмоциями.

При этом 15 (37,5 %) человек имеют высокую эмоциональную осведомленность, 16 (40 %) среднюю и 9 (22,5 %) низкую.

В результате исследования эмоционального интеллекта было выявлено что 10 % респондентов имеют высокий показатель, 30 % – средний и 60 % – низкий.

Заключительным этапом исследования стала статистическая обработка полученных данных с помощью программы STATISTIKA 6.0 и программы SPSS. Нами был использован коэффициент корреляции Спирмена для установления взаимосвязи склонности к девиантному поведению и уровня эмоционального интеллекта у подростков и были установлены значимые корреляционные взаимосвязи (см. табл.1).

Таблица 1 – Значимые корреляционные связи между шкалами использованных методик

Шкалы методики	Значение г-критерия	р-уровень
«Установка на социально-желательные ответы – управление своими эмоциями»	$r = 0,504$	$p \leq 0,01$
«Установка на социально-желательные ответы – эмпатия»	$r = 0,362$	$p \leq 0,05$
«Установка на социально-желательные ответы – интегральный показатель эмоционального интеллекта»	$r = 0,391$	$p \leq 0,05$
«Склонность к преодолению норм и правил – эмпатия»	$r = -0,385$	$p \leq 0,05$
«Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению – эмпатия»	$r = -0,369$	$p \leq 0,05$

Как видно, существует высокого уровня прямая взаимосвязь между шкалами «Установка на социально-желательные ответы» и «Управление своими эмоциями» ($p \leq 0,01$): чем больше подросток отвечает на вопросы теста так, чтобы выглядеть «социально положительным», тем больше он управляет своим эмоциями.

Существует прямая взаимосвязь между шкалами «Установка на социально желательные ответы» и «Эмпатия» ($p \leq 0,05$): чем больше подросток отвечает на вопросы теста так, чтобы выглядеть «социально положительным» тем больше он способен осознанно сопереживать эмоциональному состоянию других людей, распознать, что они чувствуют.

Существует прямая взаимосвязь между шкалами «Установка на социально желательные ответы» и «Интегральный показатель эмоционального интеллекта» ($p \leq 0,05$): чем больше подросток отвечает на вопросы теста так, чтобы выглядеть «социально положительным» тем больше подросток способен распознавать эмоции, намерения, мотивацию, желания свои и других людей и управлять этим.

Существует обратная взаимосвязь между шкалами «Склонность к преодолению норм и правил» и «Эмпатия» ($p \leq 0,05$): чем больше подросток готов преодолевать какие-либо нормы и правила, склонен к отрицанию общепринятых норм и ценностей, образцов поведения, тем меньше он способен осознанно сопереживать эмоциональному состоянию других людей, распознать, что они чувствуют.

Существует обратная взаимосвязь между шкалами «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» и «Эмпатия» ($p \leq 0,05$): чем больше подросток склонен к самоповреждающему и саморазрушающему, тем меньше он способен осознанно сопереживать эмоциональному состоянию других людей, распознать, что они чувствуют.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

- проблема изучения эмоционального интеллекта во взаимосвязи с девиантным поведением позволяет определить то, как подросток осознает и понимает эмоциональные проявления своей личности и личности другого человека;
- личностные особенности подростка, выступающие на первый план, при взаимодействии со средой, приводят к различным стереотипам поведения, начиная от социально приемлемых до асоциальных;
- подростковый возраст характеризуется психологическими особенностями в эмоциональной сфере;
- подростковый возраст характеризуется способностью к проявлению разнообразных эмоций, их торможению при помощи волевого усилия, при этом свойственной данному возрасту агрессивности и повышенной тревожности.

Список использованных источников

1 Бочкова, М. Н. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования / М. Н. Бочкова, Н.В. Мешкова // Современная зарубежная психология. 2018. – Том 7, № 2. – С. 49–59.

2 Люсин, Д. В. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ / Д.В. Люсин, О.О. Марютина, А. С. Степанова // Сб. науч. трудов. «Социальный интеллект: теория, измерение, исследования» ; под ред. Д. В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М. : Институт психологии РАН, 2004. – 176 с.

СЕКЦИЯ 4
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

М. Х. Махмадова

Научный руководитель: С. В. Остапчук
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

**ОТНОШЕНИЯ К РОДИТЕЛЬСТВУ У ТАДЖИКСКИХ
И БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ**

В статье рассматриваются представления о родительстве у таджикских и белорусских студентов. Автором приводятся данные эмпирического исследования различий в представлениях студентов о родительских установках, семейных ценностях, о распределении родительских обязанностей, участии отца и матери в воспитании детей, и готовности к рождению детей.

Ключевые слова: родительство, родительские установки и ожидания, семейные ценности.

Родительство – это социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства. Такое определение дает Р. В. Овчарова [3], но различные авторы имеют свое понимание родительства.

Развитая форма родительства характеризуется относительной устойчивостью и стабильностью и реализуется в согласованности представлений супругов о родительстве. Родительство включает ценностные ориентации супругов (семейные ценности); родительские установки и ожидания; родительское отношение; родительские чувства; родительские позиции; родительскую ответственность; стиль семейного воспитания [2, 3].

Каждый компонент родительства содержит когнитивные, эмоциональные, поведенческие составляющие [1, 3].

Целью нашего исследования было сравнить представления о компонентах родительства у белорусских и таджикских студентов. В нашем исследовании принимали участие 20 белорусских и 20 таджикских студентов Полоцкого государственного университета. Нами были использованы следующие опросники: авторский опросник «Мои ценности» и «Ценности семьи», «Распределение семейных ролей» и тест «Сознательное родительство» Е. С. Ермихина.

Используя непараметрический критерий Манна-Уитни, мы сравнили представления о родительских установках и ожиданиях, а также семейных ценностях у белорусских и таджикских студентов. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Различия представлений белорусских и таджикских студентов о родительских установках, семейных ценностях

Переменные	Ранговые суммы		Значение U-критерия	Уровень статистической значимости (p)
	Таджики	Белорусы		
Шкала «Родительские установки и ожидания»	454	336	156	0,23
Шкала «Семейные ценности»	331	489	121	0,03

Исходя из данных таблицы 1, обнаружены достоверные различия у белорусов и таджиков по шкале семейные ценности ($p < 0,05$). Показатели по шкале «Семейные ценности» в группе белорусских студентов статистически значимо выше, чем в группе таджиков. Это означает, что белорусы, по сравнению с таджиками характеризуются более высоким уровнем распределение семейных ценностей в семье.

Полученные данные показывает, что материальное благополучие стоит на первом месте, как для белорусской молодежи (80 %), так и для таджикской (93,2 %). На втором месте, по результатам опроса, у белорусской молодежи стоит любовь, в то время как у таджиков – преемственность поколений. На третьем месте у белорусской молодежи – преемственность поколений, а у таджикской молодежи – брак и семья. Для молодежи обеих национальностей рождение и воспитание детей находятся на четвертом месте. На пятом (последнем) месте у белорусской молодежи брак и семья, а у таджикской – любовь. Таким образом, можно увидеть, что главным различием выбора белорусской и таджикской молодежи является ценность «любовь», так как для первых она стоит на втором месте, а для вторых – на пятом (последнем).

Различия показателей в распределении шкалы «Родительские установки и ожидания» в группах белорусов и таджиков, носят разнонаправленный характер, что в итоге предопределяет отсутствие различий по этому показателю.

Рассмотрим одну из установок родительства – установку на рождение детей. В таблице 2 представлены полученные результаты.

Таблица 2 – Предполагаемое количество детей, по мнению белорусских и таджикских студентов

Количество детей	Таджикские студенты (%)	Белорусские студенты (%)
Ни одного	–	20
1	–	25
2	25	35
3	30	15
4 и более	40	5

По данным, приведенным в таблице 2, можно увидеть, что 25 % таджикских респондентов выбрали вариант «двое детей», 30 % респондентов хотят троих детей, и 40 % респондентов хотят иметь четверых и более детей. Ни один из опрошенных таджиков не выбрал вариант «ни одного» или же «один ребенок». 25 % белорусских респондентов хотят иметь одного ребенка, 35 % – двоих детей, 15 % – троих детей, и 5 % хотят иметь четверых и более детей. Также 20 % белорусов выбрали вариант «ни одного» ребенка.

Рассмотрим, как студенты предполагают, как распределяется участие отца и матери в воспитании детей. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Участие отца и матери в воспитании детей, по мнению белорусских и таджикских студентов

Варианты ответа	Таджикские студенты (%)	Белорусские студенты (%)
Мать вносит большой вклад в воспитание дочерей, отец – в воспитание сыновей	20	0
Мать вносит большой вклад в воспитание сыновей, отец – в воспитание дочерей	10	0
В воспитании принимают участие оба родителя независимо от пола ребенка	70	100

По данным таблицы 3 можно сказать, что 20 % таджикских респондентов выбрали вариант «Мать вносит большой вклад в воспитание дочерей, отец – в воспитание сыновей», 10 % респондентов подчеркнули, что «Мать вносит большой вклад в воспитание сыновей, отец – в воспитание дочерей» и остальные 70 % выбрали вариант «В воспитании принимают участие оба родителя независимо от пола ребенка». Из белорусских студентов 100 % респондентов выбрали вариант «В воспитании принимают участие оба родителя независимо от пола ребенка». Ни один из белорусских опрошенных не выбрал других вариантов.

Используя метод незаконченных предложений, мы заинтересовались, какими качествами должен обладать родитель. Респонденты называли различные качества: терпение, любовь, забота, уважение, внимательность, ответственность, понимание и т. д. При распределении по уровням можно увидеть различную полноту ответов в количестве качеств, описываемых респондентами.

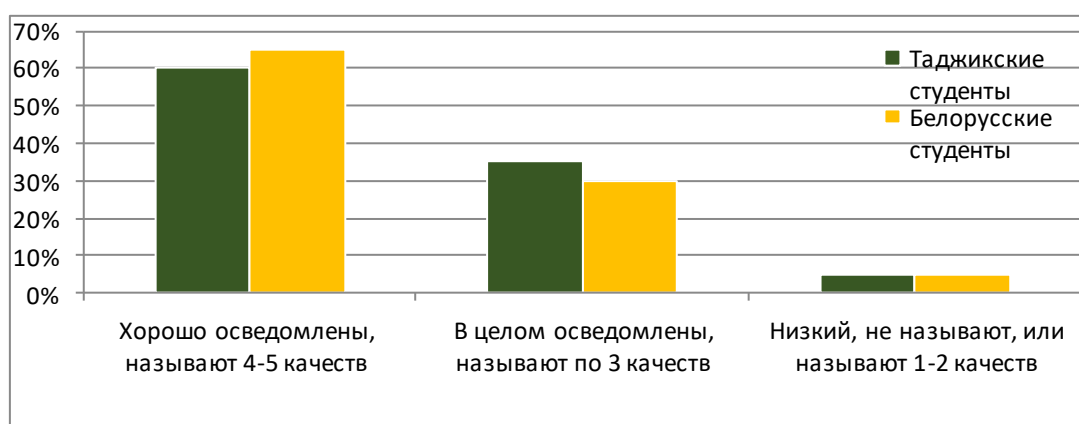

Рисунок 1 – Необходимые качества для родителей, по мнению студентов

Таким образом, 60 % таджикских респондентов называли по 4–5 качеств, 35 % называли 3 качества, остальные 5 % называли 1–2 качества. 65 % белорусских респондентов называли по 4–5 качеств, 30 % – 3 качества, и 5 % – по 1–2 качеств.

На данном этапе исследования, было выявлено отношение респондентов к распределению родительских обязанностей.

Таблица 4 – Распределение родительских обязанностей, по мнению белорусских и таджикских студентов

Варианты ответа	Таджикские студенты(%)	Белорусские студенты(%)
Мать с детьми, отец работает	13 (65 %)	0
Мать работает, отец с детьми	0	0
Оба работают, оба принимают участие в воспитании детей	7 (35 %)	20 (100 %)

Исходя из данных таблицы 4 видно, что большинство (65 %) таджикских респондентов выбрали вариант «Мать с детьми, отец работает», 35 % выбрали вариант «Оба работают, оба принимают участие в воспитании детей», и без выборов остался вариант «Мать работает, отец с детьми». Все (100 %) белорусских респондентов выбрали вариант «Оба работают, оба принимают участие в воспитании детей». Это только дополняет предыдущий вопрос об участии в воспитании, и говорит о готовности студентов принимать участие в воспитании детей разного пола.

Далее в ходе исследования надо было выяснить уровни готовности молодежи рождению ребенка и ответственности за него.

Большая часть таджикских респондентов (70 %) ответили, что готовы к рождению ребенка, только 30 % испытуемых ответили – пока не готовы. 95 % белорусских респондентов ответили, что не готовы к рождению ребенка, и только 5 % ответили, что готовы к рождению ребенка и ответственности за него.

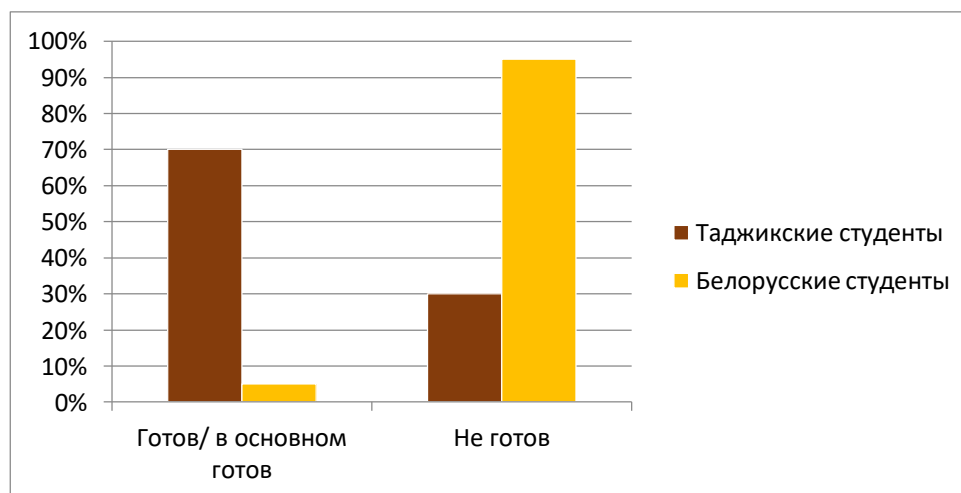

Рисунок 2 – Уровень готовности к рождению ребенка и ответственности за него

Исходя из результатов белорусских студентов, можно сделать вывод о том, что белорусские студенты в данный момент их развития ориентированы на малодетность и среднететность в своих будущих семьях (60 % хотят иметь 1–2 детей). Важно отметить, что 20 % опрошенных не хотят иметь детей. Все белорусские студенты считают, что в воспитании детей принимают участие оба родителя. 65 % белорусских респондентов назвали по 4–5 качеств, что говорит об их осведомленности о сознательном родителстве.

Таджикские студенты ориентированы на многодетность – 70 % из них хотели бы иметь 3–4 детей. Они осведомлены о необходимых качествах для родителей – 60 % назвали по 4–5 качеств. Они придерживаются традиционной патриархальной модели в воспитании детей, большинство (65 %) таджикских респондентов считают, что мать должна быть с детьми, а отец работать.

Список использованных источников

1 Бикеева, А. С. Семья особого назначения, или рецепты позитивного родительства на каждый день / А. С. Бикеева. – М. : Генезис, 2009. – 224 с.

2 Медкова, Д. В. Семейные ценности как объект социологического анализа / Д. В. Медкова. – М. : Наука, 2002. – 230 с.

3 Овчарова, Р. М. Психология родительства / Р. М. Овчарова. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 368 с.

Чжао Сылу

Научный руководитель: И. А. Фурманов, д-р психол. наук, профессор
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИК РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ

В статье рассматриваются особенности тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях. Автор приходит к выводу, что в связи с традиционной конфуцианской культурой и социальным влиянием выбор и использование тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях отличаются: важность матери; оправданность существования телесных наказаний; высокая частота психологической агрессии и изменение тенденций в тактиках разрешения конфликта.

Ключевые слова: дисциплинирование, психологическая агрессия, телесные наказания, проявление жестокости, тенденции, тактики разрешения родительско-детского конфликта.

Родители играют важнейшую роль в развитии своих детей. Родители обеспечивают основную и всеохватывающую среду для их развития: поддерживают физическое и интеллектуальное развитие, эмоции и социализацию своих детей. Дети наследуют не только генетические характеристики своих родителей. Их развитие зависит от того, как родители взаимодействуют с ними, какие ресурсы и стимулы окружающей среды они предоставляют. Многочисленные исследования показали, что то, как родители воспитывают своих детей, оказывает значительное влияние на различные аспекты детского развития, такие как самооценка, агрессия, отношения со сверстниками, мотивация к обучению, психосоциальная адаптация и благополучие. Более того, исследования подтверждают, что воспитание влияет на развитие детей на ранних этапах жизни, а его последствия сохраняются даже в подростковом возрасте и далее. Независимо от теорий, на которых они основаны, отношения между родителями и детьми являются чрезвычайно важным компонентом в формировании личности детей с детства до взрослости.

В. А. Фурман [1] считает, что развитие личности во многом зависит от опыта, а опыт дети получают в основном от членов семьи, от взаимодействия между членами семьи, от их эмоциональной поддержки, от того, какие установки и позиции они занимают по отношению друг к другу, что является частью родительско-детских отношений.

С точки зрения психологии развития, родительско-детские отношения разделяются на два основных измерения: родительско-детская связь и родительско-детский конфликт, причем связь между родителями и детьми развивается более стабильно, а конфликт между родителями и детьми демонстрирует большую изменчивость. Родительско-детский конфликт является важным элементом семейных отношений и семейного воспитания.

В родительско-детских отношениях конфликт может быть как конструктивным, так и деструктивным. Некоторые ученые рассматривают конфликт как безусловное негативное явление в родительско-детских отношениях, приводящее к увеличению барьеров и развитию враждебности в родительско-детских отношениях. Другие считают, что конфликт может преодолеть застой в отношениях, обновить восприятие тех или иных отношений, повлиять на то, как участники конфликта видят себя, изменить самооценку; может быть связан с ростом личностных возможностей ребенка, побудить к действию и дополнить опыт эффективного решения проблем в будущем. У большинства родителей часто возникают конфликты с детьми, которые могут быть долгосрочными или краткосрочными [2; 3; 4].

Однако традиционно конфликты считаются негативным феноменом. Вместе с тем, то позитивное или негативное влияние которое оказывает конфликт на взаимоотношения между родителями и детьми, во многом зависит от того, как он разрешается, как часто возникает и как качественно разрешается. Все эти три условия влияют на формирование личности ребен-

ка, его социальное восприятие, саморазвитие и отношения между родителями и детьми. Именно поэтому применяемые тактики разрешения родительско-детского конфликта влияют на развитие детей. Основными тактиками разрешения родительско-детского конфликта являются: дисциплинирование, психологическая агрессия и физическая агрессия (телесные наказания, проявление жестокости, физическая жестокость) [9].

Как и на многие другие аспекты человеческого поведения, на конфликт влияют общество и культура. Цели и процессы социализации варьируются от культуры к культуре: то, что приемлемо в одной культуре, может быть неприемлемо в другой. Например, было установлено, что влияние стилей воспитания на детей в разных культурах различно. В частности, исследования показывают, что авторитетный стиль воспитания связан с позитивными результатами развития детей, в то время как жесткий и контролирующий стиль воспитания, включая дисциплину с применением телесных наказаний, связан с негативными результатами для детей.

По сравнению с другими культурами, китайская культура имеет свои особенности, которые также влияют на то, как воспитываются и социализируются китайские дети. Китайские социальные и культурные традиции и поведенческие нормы остаются под сильным влиянием конфуцианских традиций.

Конфуцианские верования отражены в китайских социальных ценностях, убеждениях и поведении и присутствуют в школах, семьях, общественных собраниях и других социальных условиях. В китайской культуре предполагается, что дети должны прислушиваться к своим родителям (авторитетам), следовать правилам и оставаться внимательными к суждениям и критике других. Ответственность и обязанность родителей – воспитывать и дисциплинировать своих детей, чтобы они следовали правилам, принятым в обществе. Дети должны слушаться своих родителей, и этот акцент на послушании может привести к тому, что родители будут доминировать во взаимодействии со своими детьми, оставляя ребенку меньше возможностей влиять на взаимодействие [7].

Таким образом, для китайских семей существуют следующие тактики разрешения конфликта между родителями и детьми.

1. *Важность матери.* С древних времен и до настоящего времени в китайских семьях матери уделяют большое внимание воспитанию своих детей; Воспитание детей – это то, что должна делать мать, в отличие от отца. В обществе и культуре также считают, что детям нужны матери, чтобы расти, и что когда дети достигают школьного возраста, матери должны поддерживать и поощрять их, чтобы они преуспевали в школе и в конечном итоге соответствовали социальным и семейным ожиданиям успеха. Поэтому в китайских семьях, независимо от того, в каком возрасте находятся дети – детском или взрослом – конфликты с матерями происходят чаще, чем с отцами, а также связь с ними сильнее, чем с отцами.

2. *Оправданность существования телесных наказаний.* Хотя телесные наказания детей запрещены законом в современном Китае, есть свидетельства того, что они распространены как дома, так и в школах, и что суровые наказания могут быть связаны с восприятием детей как части своих родителей [12, 8]. Жесткая дисциплина по-прежнему является распространенной формой воспитания в современных китайских семьях. Согласно недавнему исследованию, более 80 % китайских родителей, имеющих детей в возрасте 3–6 лет, сообщили о психологической агрессии по отношению к своим детям, а около 70 % – о применении телесных наказаний за последний год [11]. Также было установлено, что китайские студенты старших курсов (60 % мужчин и 50 % женщин) сообщили, что в детстве их почти всегда били родители, а не другие члены семьи [6].

3. *Высокая частота использования психологической агрессии.* Как тактика, которая используется чаще и является менее серьезной, психологическая агрессия определяется как психологическое или эмоциональное отвержение родителями ребенка посредством вербальной (например, ругань в адрес ребенка) или символической (например, угроза ребенку, когда они говорят, что ударят его, но на самом деле не бьют) агрессии [10]. Распространенность родительской психологической агрессии также выше в китайском культурном контексте: примерно 75,70 % отцов и 80,28 % матерей подвергали ребенка психологическому насилию в 2020 году [13].

4. *Изменение тенденций в тактиках разрешения конфликта.* По мере взросления детей родители реже используют большинство тактик разрешения конфликта: родители чаще меняют свои тактики разрешения конфликта вместе с ними. С нашей точки зрения, это происходит потому, что дети становятся самостоятельными и проводят меньше времени с родителями, частота конфликта уменьшается, а по мере того, как дети развиваются как личность, приобретают знания и понимание, родители перестают быть наиболее авторитетным присутствием для своих детей, и статус обеих сторон становится более равным. В общем наблюдается тенденция к снижению использования родителями тактик разрешения конфликта в китайских семьях по мере взросления детей [5].

Таким образом можно заключить, что китайских семьях стратегии разрешения конфликтов между родителями и детьми отличаются следующим: важностью матери; оправданностью существования телесных наказаний; высокой частотой психологической агрессии и изменением тенденций в тактиках разрешения конфликта.

Список использованных источников

1 Влияние детско-родительских отношений на становление личности ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zh.booksc.org/book/50865659/2455c9>. – Дата доступа: 16.05.2022.

2 Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие / О. А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2005. – 320 с.

3 Минияров, В. М. Психология семейного воспитания / В.М. Минияров. – Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 256 с.

4 Хеллингер, Б. Порядки любви: Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий / Б. Хеллингер. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 400 с.

5 Чжао Сылу. Возрастные тенденции в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях / Сылу Чжао, И. А. Фурманов // II Международная научно-практическая конференция «Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация», Ростов-на-Дону, 9–10 дек. 2021 года-г. Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2021. – С. 238–241.

6 Hester, M. Girls' and boys' experiences and perceptions of parental discipline and punishment while growing up in China and England / M. Hester, J. He, T. Lan // *Child Abuse Review*. – 2009. – Vol. 18, No. 6. – P. 401–413.

7 Huang, CY. Chinese parenting and children's compliance to adults: a cross-cultural comparative study: Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. – 2012. – 144 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/281126617_Chinese_parenting_and_children's_compliance_to_adults_a_cross-cultural_comparative_study. – Дата доступа: 16.05.2022.

8 Naftali, O. Empowering the child: Children's rights, citizenship and the state in contemporary China / O. Naftali // *The China Journal*. – 2009. – Vol. 61. – P. 79–104.

9 Strauss, M. A. Identification of child maltreatment with the parent-child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents / M.A. Strauss, E. M. Kinard, L. M. Williams // *Child Abuse & Neglect*. – 1998. – Vol. 22, № 4. – P. 249–270.

10 Strauss, M. A. Psychological aggression by American parents: National data on prevalence, chronicity, and severity / M. A. Strauss, C.J. Field // *Journal of Marriage and Family*. – 2003. – Vol. 65, No. 795. – P. 8.

11 Wang, M. Parental harsh discipline in Mainland China: prevalence, frequency, and coexistence / M. Wang, L. Liu // *Child Abuse and Neglect*. – 2014. – Vol. 38. – P. 1128–1137.

12 陈 晶琦. 我国儿童虐待及受害儿童心理健康的研究进展. *中华儿科杂志* [Чэнь Ц. Прогресс исследований в области жестокого обращения с детьми и психического здоровья детей-жертв в Китае / Ц. Чэнь // *Китайский журнал педиатрии*. – 2006. – Vol. 8. – С. 625–628.

13 父母心理攻击与儿童问题行为：另一方父母支持的调节作用 / 刘莉, 吴倩, 郑研 [其他.] // 中国临床心理学杂志. [Родительская психологическая агрессия и проблемное поведение ребенка: модераторская роль другой родительской поддержки / Лю Ли, Ву Цянь, Чжэн Янь [и др.] // Китайский журнал клинической психологии.] – 2020. – Т. 28, № 6. – С. 1235.

Тао Су

Научный руководитель: И. А. Фурманов, д-р психол. наук, профессор
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ: ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Исследование посвящено изучению психического здоровья китайских студентов. Использовалась «Шкала самооценки симптомов-54» (Symptom Checklist-54). В исследовании приняли участие 198 китайских студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Республики Беларусь. Было установлено, что психическое здоровье китайских студентов имеет постепенную тенденцию к улучшению в течение трехлетнего периода: повышаются показатели обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, тревожность, фобическая тревожность, паранойяльные тенденции и психотизм.

Ключевые слова: соматизация, обсессивность-компульсивные расстройства, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм, дополнительные вопросы.

В «модели процесса культурной адаптации», предложенной К. Уордом, продолжительность пребывания в другой культурной среде является одним из важных факторов, влияющих на способность человека успешно адаптироваться к ней. Степень культурной адаптации человека имеет тенденцию повышаться с увеличением продолжительности проживания. Исследование К. Уорда эмпирически доказывает, что продолжительность проживания положительно коррелирует со степенью адаптации в другой культуре [1].

Л. Уилтон обнаружил, что чем дольше индивид живет за границей, тем лучше процесс адаптации к новой среде и чем тем ниже уровень психологического беспокойства [2]. Вместе с тем, остается за рамками психологических исследований проблема влияния степени социально-культурной адаптации иностранных студентов на уровень их психического здоровья в целом.

В исследовании использовалась китайский вариант «Шкалы самооценки симптомов» (Symptom Checklist-54, SCL-54) [3] которая состоит из 54 утверждения, оценивающих 10 измерений (соматизация, обсессивность-компульсивные расстройства, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм, дополнительные вопросы.) по пятибалльной шкале Ликерта (0–4). Высокие показатели по шкалам свидетельствуют о наличии нарушений психического здоровья.

В исследовании приняли участие 198 китайских студентов (107 мужчин и 91 женщина). Замеры производились в течение трех лет: первое измерение в январе 2019 года после четырех месяцев пребывания в стране (Т1), второе измерение – в январе 2020 года (Т2), третье измерение – в январе 2021 года (Т3).

В качестве статистической обработки использовались односторонние повторные измерения ANOVA и апостериорный анализ. Обработка осуществлялась с помощью программного обеспечения SPSS 26.0.

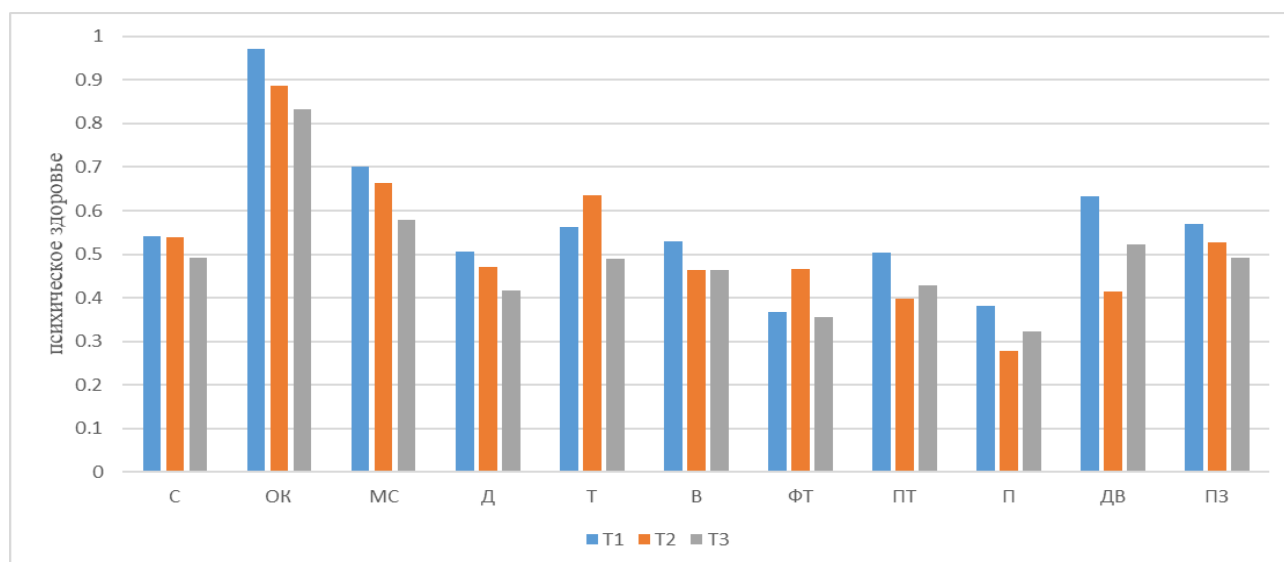
В результате проведенного исследования были выявлены статистически значимые различия в показателях психического здоровья китайских студентов (Табл. 1).

Таблица 1 –Показатели психическое здоровье китайских студентов(п = 198)

	T1(M±СД)	T2(M±СД)	T3(M±СД)	F	Постфактум тест
Соматизация	0,54±0,59	0,54±0,59	0,49±0,56	1,31	
Обсессивность-компульсивные расстройства	0,97±0,71	0,89±0,67	0,83±0,63	4,58*	T1>T3
Межличностная сензитивность	0,70±0,71	0,66±0,69	0,58±0,57	4,03*	T1>T3
Депрессия	0,51±0,65	0,47±0,64	0,41±0,50	3,03*	T1>T3
Тревожность	0,56±0,69	0,64±0,70	0,49±0,57	5,09**	T2>T3
Враждебность	0,53±0,67	0,46±0,59	0,46±0,56	1,67	
Фобическая тревожность	0,37±0,55	0,47±0,56	0,35±0,50	5,50**	T2>T1,T2>T3
Паранойяльные симптомы	0,50±0,60	0,40±0,48	0,43±0,51	3,91*	T1>T2
Психотизм	0,38±0,57	0,28±0,37	0,32±0,46	5,19**	T1>T2
Дополнительные вопросы	0,64±0,66	0,41±0,48	0,52±0,54	12,78***	T1>T2,T3>T2
Всего баллов	0,57±0,50	0,53±0,43	0,49±0,41	4,48*	T1>T3

Примечание: М – средние значения, СД – стандартное отклонение: T1 – первое измерение, T2 – второе измерение, T3 – третье измерение; * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$, *** – $p < .001$

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что с увеличением времени обучения за рубежом показатели по всем изучаемым параметрам снижаются, что свидетельствует о том, что психическое здоровье иностранных студентов становится все лучше и лучше. Наглядно динамика психического здоровья китайских студентов представлена гистограммой на рисунке 1.

Примечание: С – соматизация, ОК – обсессивность-компульсивные расстройства, МС – межличностная сензитивность, Д – депрессия, Т – тревожность, В – враждебность, ФТ – фобическая тревожность, ПТ – паранойяльные симптомы, П – психотизм, ДВ – дополнительные вопросы, ПЗ – психическое здоровье.

Рисунок 1 – Динамика психического здоровья китайских студентов

Вместе с тем следует отметить, что улучшение психического здоровья китайских студентов носит не равномерный характер. Так, например, показатели обсессивно-компульсивных расстройств, межличностной сензитивности и депрессии имеют плавную тенденцию к снижению (от T1 к T3). Показатели паранойяльных симптомов и психотизма снижаются после года адаптации (от T1 к T2). Тревожность начинает снижаться только после двух лет адаптации (от T2 к T3), а фобическая тревожность снижается скачкообразно. Показатели соматизации и враждебности остаются без изменений.

Полученные данные согласуются не только с U-образной теорией социокультурной адаптации [1], но и конкретными данными других исследований относительно динамики психического здоровья китайских студентов [4]. Согласно результатам проведенного исследования, наибольшую «зону риска» с точки зрения угрозы психическому здоровью китайских адаптантов представляет первый год пребывания в стране.

В целом можно заключить, что психическое здоровье китайских студентов, обучающихся в Беларуси, постепенно и неуклонно улучшается.

Список использованных источников

1 Ward, C. Home and host culture influence on sojourner adjustment / C. Ward, A. Rana-Deuba // International Journal of Intercultural Relations. – 2000. – Vol. 3. – P. 291–306.

2 Wilton, L. Length of residence, cultural adjustment difficulties, and psychological distress symptoms in Asian and Latin American international college students / L. Wilton, M. Constantine // Journal of College Counseling. – 2003. – Vol. 15. – P. 6–17.

3 王 姿欢, 俞 文兰等. 症状自评量表简化版 (SCL-54) 在女生医疗卫生人员心理测评中的信度效度评价 / 姿欢 王, 文兰 俞 // 中国工业医学杂志 [Ван Ц. Упрощенная версия шкалы самооценки симптомов (SCL-54) оценивает достоверность в психологической оценке медицинского персонала девочек] / Ц. Ван, В. Юй // Китайский журнал промышленной медицины. – 2018. – № 32 (5). – С. 351–355.

4 王 钰. 来华留学生学校适应与心理健康的关系及其介入研究 / 钰 王. 山西医科大学 [Ван Ю. Исследование взаимосвязи между академической адаптацией и психическим здоровьем иностранных студентов в Китае и их вмешательством] / Ю. Ван // Медицинский университет Шаньси. – 2019.

Guan Xingzhi

Scientific supervisor: A. A. Ostrovskaya, PhD in pedagogy, docent
Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank,
Minsk, Republic of Belarus

ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE INDIVIDUAL IN THE MUSIC EDUCATION OF CHINA

The article deals with the main problems of the organization of music education in China, which require special attention to the psychological and pedagogical support of the educational process.

Keywords: music education, music education psychology, modern education

Гуань Синчжи

Научный руководитель: А. А. Островская, канд. пед. наук, доцент
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КИТАЯ

В статье рассматриваются основные проблемы организации музыкального образования в Китае, которые требуют особого внимания к психолого-педагогическому сопровождению образовательного процесса.

Ключевые слова: музыкальное образование, психология музыкального образования, современное образование

The rapid development of music is an important indicator of the progress of human civilization, and the creation of contemporary educational technologies has had a significant impact on socio-economic and cultural activities. Modern educational technologies have begun to be used globally, and in the framework of today's Internet information technologies we have reached the age of intelligence. The development of modern education is both an opportunity and a problem for the discipline of music, which is becoming increasingly prominent in contemporary society. How we can combine modern education with music, a discipline rich in beauty and attraction, is a matter of concern. Therefore, this study will analyze the psychology of personality and pedagogical support in modern music education in China.

In preparing this material, we conducted a search in the literature related to personality psychology and support for learning in modern music education technologies, and used inductive analysis, a generalizing approach to literature to organize and generalize the relevant content sought.

Research results and discussion

A. Psychology of personality and pedagogical support in modern music education

1. Educational support of modern music education technology

There are some problems behind the development of modern music education in China from none to the present basic popularity, which cannot be ignored, mainly reflected in the following four aspects.

1.1 Lack of proper understanding of music education

Music, as a basic art subject, has not been given enough attention in Chinese primary to high school education, and lacks objective and comprehensive understanding. In China's compulsory nine-year education, the proportion of music classes only accounts for 10% of the total subject learning, and many schools lack systematic, professional and educational planning of music education, only treating music as an elective course, and simply seeing music education as singing and dancing. This has to some extent hindered the reform and development of modern music education technology. Unscientific music curriculum, poor attitude towards music lessons and weak music teachers are the drawbacks of modern music education development in China. At the same time, the psychology of music education is also important in modern music teaching, according to Li Liquan's paper «The Role of Mental Health Education in Music» published in the journal «Educational Research» [5, p. 112], it can be learned that the use of music can effectively educate students on mental health. Strong rhythmic music can exercise muscle tension and invigorate the spirit; delicate rhythmic music can regulate breathing and emotions; and inner melody can reduce nervous tension and make people feel calm and satisfied. Therefore, we should combine current music education with educational psychology to promote students' psychological health and develop their aesthetic and musical literacy.

1.2 Lack of effective use of new media technology

The use of new media technologies in music education in schools and universities obviously stimulates students' interest in studying music at the expense of their usual means. It is recognized

that the multimedia information environment has a significant impact on the main characteristics of thinking. With the introduction of multimedia, the share of independent work of students increases, and the teacher increasingly refocuses on the advisory function. At the same time, scientists (A.V. Gabnasyrova, Zhen hao, Tan jing and others), note an important problem that focuses on direct psychological support for the organization of the educational process in this way. This problem is connected with unreasonable dosing of these means in training, and sometimes irrational substitution of traditional teaching methods by them. On the other hand, there are still some schools that lack reasonable use of new media technology in music education, and insufficient investment in new media resources, resulting in teaching equipment that does not meet the requirements of modern music education technology [1, p 242].

1.3 Neglecting music theory education

The drawback of modern music education is that it focuses too much on the teaching of practical skills and neglects the teaching of basic music theory. Many music teachers focus too much on teaching practical skills, such as how to make students' voices beautiful, how to play music with more emotion, and how to improve their professionalism. In this environment, students can only play the music they have been instructed to play mechanically, completely ignoring the importance of music theory education, resulting in students not having the basic skills to learn other music on their own. Many students study music only to get a competition certificate, not to enjoy music from their heart, so they focus more on practical skills. However, the most important thing in music is the combination of music theory education and emotional expression. This is written in the works of Jing Yuan, Chen Zhang Liang. Without music theory education, lack of knowledge of various types of music culture, then the performance process is only a simple demonstration of skills, without any emotion, lack of infection, such music has no meaning, and is not conducive to the long-term healthy development of modern music education technology.

1.4 Teachers lack experience in training instruction

Many schools in China are currently recruiting professional musicians to teach music education, believing that professional teachers will be able to improve students' performance in music. However, this is not the case. Although professional music teachers have high professional attainment in their field, they lack the relevant practical instructional experience and are not able to master modern music education techniques to properly instruct students, and they may be able to play perfectly but are unable to effectively solve various problems that arise when students play. Due to the lack of instructional experience and the lack of modern music education techniques, students cannot improve their professionalism and the smooth development of modern music education is hindered [3, p. 136].

2. Psychological research in modern music education

2.1 Objectives of modern music education psychology research

Music is a compulsory subject in basic education and is an important area of the humanities. It is one of the important methods of teaching applied aesthetics. The new requirements of the new curriculum reform have made it clear that music education should put aesthetics in the first place and act mainly on the emotional world of human beings. Music education for students can help them understand musical works synchronously, resonate in the mind, effectively promote the formation of students' outlook on life, values and worldview, and better cultivate students' willpower, self-confidence and the ability to interact and cooperate with others. Works on the psychology of music education (L.L. Bochkarev. A.L. Toropova, Wei Xiaoling, Sun Zuodong, Chen Zhangliang) helped to understand that cultivating students' noble moral sentiments and healthy aesthetic interests, instilling correct values and a positive attitude toward people are all important elements that cannot be ignored in music education. Instilling an infectious and subtle influence should be a priority, and these concepts should be incorporated into the daily teaching process. We should base music education on the science of mental health, taking into account both the growth process of children's musical abilities and the psychological characteristics of the musical subject matter, so that students can grow up healthy while immersed in a sea of music.

2.2 Using music education psychology in the secondary school music classroom

2.2.1 Raise awareness of music

Secondary school pupils have a rudimentary comprehension of music, which is an art form that is transferred through sound. They have a rudimentary understanding of music as a result of exposure to music, listening to popular music, and so on. They can learn to play musical instruments and read music in five lines, but this isn't enough [4, p. 129].

Students should not only know music on the surface, but should delve deeper and higher levels through constant encouragement and education to better understand the form of music, pay attention to music appreciation, and understand and appreciate each piece of music they study in the music classroom. The backstory behind the tune elevates the significance of music in the student's consciousness and aids in the acquisition of music knowledge points. As shown in the works of Li Jiahua, Guo Jialing, Wang Weiwei, students will be able to move from a rational to a sensory level of artistic appreciation of music by mastering theoretical knowledge of basic musical techniques. As a result, the students will have a deeper understanding of the vertical body of music's emotions, allowing them to comprehend the creative components of musical works via their own sublimation.

2.2.2 Enhancing the emotional experience of music

Every high school student has a mental activity known as aesthetic feelings. Secondary school students prefer popular music culture in terms of music aesthetics, but these characteristics are rarely addressed in the actual music classroom. Therefore, secondary school music teachers should broaden the breadth of music instruction and expand the range of students' emotional experiences. Music is one of the emotionally rich art forms, and it is important to stimulate students' empathy for music by feeling the charm of musical art, to improve students' musical aesthetic cultivation by playing a lot of various types of music, and to broaden students' emotional communication, so as to achieve a greater role in combining music and emotion, and to play a greater role in in-depth analysis. Music can also provide emotional experience, allowing students to analyze musical works from their own perspectives, to examine the composer's creative background, and appreciate the rich and profound connotations of music. Students can also take the initiative to experience the emotions of music from within, allowing them to better understand the context of musical works.

2.2.3 Improving students' imagination and creativity

Music is a dynamic and emotional expression, and pupils can only acquire the expressive qualities of music when they are taught music. Students can experience the other side of music by engaging their imaginations, allowing them to join the sea of music and feel the allure of music, as well as utilize their imaginations to conceive music in concrete settings and imagery. Only in this way will they be able to fully appreciate the true meaning of music. It is critical to help students develop their grasp of music and increase their perceptual understanding of music in the middle school music classroom. Teachers must arrange some engaging materials in the classroom in order to stimulate students' interest and actively participate in music education in order to develop their comprehension of music and increase their feelings and enthusiasm for it [2, p. 231].

For example, in the appreciation of the famous Chinese folk instrument erhu piece «Erquan Ying Yue», teachers can guide students to understand the background of the composer, the timbre of the Chinese folk instrument erhu, the way of sound production, the structure of the instrument, etc., deepen their understanding through the appreciation of folk culture, create a vivid teaching situation, stimulate students' enthusiasm and interest in music, and feel the charm of music.

Concluding remarks

The psychological and pedagogical support of personality in modern music education is an important part of improving quality and artistic beauty, but there are still a number of reasons that limit its development, so there is still a long way to go to address this aspect. This not only requires our music teachers to have excellent teaching skills, but also to be familiar with and master modern music education technology so as to further optimize classroom teaching and play a strong role in promoting the overall improvement of quality music education.

List of sources used

- 1 Baitao, Y. Talking about modern educational technology and music education / Y. Baitao // House of Drama. – 2017. – № 9. – P. 242–244.
- 2 Di Zhao. The use of music education psychology in junior high school music classroom teaching / Zhao Di / Northern Music. – 2017. – № 15. – P. 231–232.
- 3 Dongpo, L. On the value of modern music education and its realization / L. Dongpo // Nanjing Normal University Journal (Social Science Edition). – 2004. – № 4. – P. 75–76.
- 4 Jie Zhu. An analysis of the use of music education psychology in junior high school music classroom teaching / Zhu Jie / Northern Music. – 2014. – № 14. – P. 129–130.
- 5 Liqun, Li. The Role of Mental Health Education in Music / Li Liqun / Educational Research. – 2017. – № 8. – P. 112–113.

Lin Xiang

Scientific supervisor: V. N. Dvorak, PhD in educ. sciences, ass. professor
Skorina Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus

PEDAGOGICAL FEATURES AND NATIONAL TRADITIONS OF HEALTH PRESERVATION OF STUDENTS IN CHINA

This article focuses on improving people's living conditions and protecting people's health. This strategy fully demonstrates the State's attention to the quality of national health care, but also shows China's determination to improve the quality of national health care, and comprehensively promotes the deployment of the national health strategy. As an effective means of promoting health, sports are an important foundation for implementing the Healthy China strategy. It should reach 30%, and the number of people who exercise frequently should reach 530 million people. Secondary school students, as builders and heirs to the country, are key groups for promoting exercise and health.

Keywords: health protection, physiological health, physiological health protection.

Лин Сян

Научный руководитель: В. Н. Дворак, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ В КИТАЕ

Статья посвящена улучшению условий жизни людей и защите их здоровья. Эта стратегия в полной мере демонстрирует внимание государства к качеству национального здравоохранения, но также демонстрирует решимость Китая улучшить качество национального здравоохранения и всесторонне способствует внедрению национальной стратегии здравоохранения. Как эффективное средство укрепления здоровья, спорт является важной основой для реализации стратегии здорового Китая. Он должен достичь 30 %, а число людей, которые часто занимаются спортом, должно достичь 530 миллионов человек. Учащиеся средней школы, как строители и наследники страны, являются ключевыми группами для поощрения физических упражнений и здоровья.

Ключевые слова: охрана здоровья, физиологическое здоровье, охрана физиологического здоровья.

According to data released by the World Health Organization, mortality is high among high school students aged 15–19 years old, and the health problems of high school students are increasingly prominent. According to the China youth research center released by the China, Japan and South Korea high school values comparison study report, the health problems in Chinese high school students obesity and weight, myopia rate first, myopia rate as high as 78.5%, poor sleep quality and sleep time, stay up late students accounted for 72.1 %, unreasonable eating habits, food problems, annual physical consciousness is not strong enough, poor physical exercise habits, often fatigue physical condition [5].

Health includes two aspects: one is the main organs without disease, body development, uniform body shape, human system has good physiological functions, strong physical activity ability and labor ability, which is the most basic requirement for health; the other is the strong resistance to disease, able to adapt to environmental changes, various physiological stimulation and pathogenic factors on the body.

The excellent rate of students' physical health in China is on the rise trend. The excellent rate of students aged 13–22 increased from 14.8 % in 2014 to 17.7 % in 2019. In addition, the level of lung capacity of students has increased comprehensively. In the past 10 years, the lung capacity of students has continued to increase, and the growth of junior high school students is the most obvious [6].

From 2018 to 2020, the average national myopia rate of adolescent students fell on average of 0.5 percentage points per year. Among them, the overall myopia rate decreased by 3.4 percentage points from 2018, and in 2020 from 2018, decreased by 0.9 percentage points, with an average decline of 0.5 percentage points per year. Students ensure that adequate daily physical exercise and sleep time have a positive impact on enhancing physical quality, preventing overweight, obesity and myopia.

Since the establishment of the psychological counseling office, the school has received a large number of students who come for counseling. It can be said that the issues of student counseling are diverse, which indicates the current psychological state of high school students. A representative case for discussion and analysis [2].

S, is a senior of three boy.

After small S entered the third year of high school, began to concentrate in class about two weeks before the exam, easy to fantasize, heart faster, nervous, the exam is especially serious, sleep at night, can only sleep 2–3 hours, often wake up at night suddenly, can never sleep. Lead to a sharp decline in learning efficiency, academic performance is greatly affected. Small S is a typical exam anxiety problem caused by excessive study stress. In the guidance, they mainly start from the following aspects:

Relax training. Every consultation, I guided Little S to relax with adjusting breathing methods and let him listen to relaxation music. If there is tension and anxiety during the exam, you can use the following simple and convenient relaxation method: the body will naturally sit upright, gently close your eyes, put your hands flat on the table, while taking a deep breath, tighten your fists and your whole body muscles and then slowly exhale, and then relax the muscles [1].

The interpersonal relationship as a student is actually relatively simple, and there are roughly the following three kinds:

Family is the starting point of personal interpersonal communication, and from the moment it was born, the interpersonal relationship between parents and us began. This interpersonal relationship is the most intimate relationship with the highest frequency and the longest duration.

In addition to their parents, teachers and students also have the most close relationship.

Teachers are the guide and helper of students' study and life, but also the guide of students' outlook on life and values, but also the supervisor of students' behavior performance.

Peer relationship is an interpersonal relationship established and developed by peers or people of a comparable level of psychological development. Good peer relationship can make people feel comfortable and have a great role in promoting learning [4].

Health is a state of balance that the body fights against stress. To change the state of the body to make the direction of health, we must learn two points: how to release pressure; the other is how to enhance vitality [3].

What can help us to do it:

1. Strengthen the organization and management of schools, establish and improve the leading institutions
2. Reasonable adjustment and allocation of sports resources, to create a good atmosphere for the development of school sports
3. We will conscientiously implement the Students' Physical Health Standards, reform the physical education entrance examination system, and establish a relevant guarantee system
4. Strengthen teacher training and training, so that teachers can adapt to the needs of school physical education reform as soon as possible.

Myopia prevention and control target is undoubtedly the most concentrated and sensitive topic of «Health promotion action in primary and secondary schools». According to the «Health Promotion Action in Primary and Secondary Schools», the overall myopia rate of children and adolescents nationwide will strive to be reduced by more than 0.5 percentage points a year. Previously, the Ministry of Education and other eight departments jointly issued the Implementation Plan for Comprehensive Prevention and Control of myopia in Children and Adolescents in August 2018, with the time node of 2023 and children and adolescents clarifying the goal of comprehensive prevention and control of myopia in 2030. Among them, by 2030, the myopia rate of primary, middle and high school students should be controlled below 38 %, 60 % and 70 %.

Thus, at present, the mainstream of ideological, moral character and behavior habits of high school students is worthy of affirmation. The vast majority of high school students are sincere, peace of mind, studious, hard-working, optimistic and pursuit of progress. However, because part of the students grow in discord, immoral, special family environment, affected by bad social atmosphere, especially «management light counseling, score, results light process, learning light virtue» misleading, in ideological and moral character, behavior habits of typical psychological problems cannot be underestimated.

The mental health of high school students is not optimistic. Problem students in the value orientation, ideological understanding, collective concept, emotional expression, interests, words and deeds, hostile behavior and other thoughts, moral character, behavior there are typical psychological problems.

High school physical education teaching has the bounden duty in cultivating good moral character and behavior habits of high school students. Physical education teachers should establish an overall concept of health, give play to the educational function of physical education teaching, highlight the students 'main position of learning, build a three-level curriculum target system, implement the developmental evaluation system, and promote the healthy growth of students' body and mind.

High school physical education teaching should consciously pay equal attention to physical fitness and psychological health care. Pay attention to the selective teaching content and the diversity of teaching methods, make the curriculum is conducive to cultivating high school students 'sports hobbies and expertise and adhere to the habit of exercise, improve students' health literacy, promote students in physical, psychological and social adaptability healthy and harmonious development, constantly cultivate good high school students' moral character and behavior habits.

List of sources used

1 Bangming, Y. Investigation and analysis of the physical health status of Junior high school students in Huai'an District in 2016 / Y. Bangming. – Soochow University, 2017.

2 Faqiang, D. The Cause of Physical Health of Young Students in China / Du Faqiang, Fan Jingjing // Sports and Science. – 2014. – № 3. – P. 9–11.

3 Kamijo, K. Physical Activity, Fitness, and Cognition: Insights from Neuroelectric Studies, in Exercise-Cognition Interaction / K. Kamijo ; edited by Terry McMorris. – SanDiego : Academic Press, 2016. – P. 211–226.

4 Miao Miao, D. Study on the Relation of Physical Health and Mental Health of College Students / D. Miao Miao. – University of North China, 2018.

5 Outline of the State Medium Term and Long Term Education Reform and Development Plan of the Ministry of Education of the People’s Republic of China (2010–2020) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/info-list/201407/xxgk-171904.html>. Date of access: 01.08.2019.

6 The CPC Central Committee and the State Council. Decision on accelerating the development of ethnic education [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-08/17/content-10097.htm>. – Date of access: 01.08.2019.

Liu Yang

Scientific supervisor: N. G. Novak, PhD. psychological sciences, associate professor
Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus

FEATURES OF THE VALUE STUDENTS’S SPHERE

The article deals with the problem of the value-semantic sphere of the personality of Chinese students, the concepts of «value», «meaning», «value orientations» are designated. The features of the value system of Chinese students due to socio-cultural factors are described.

Keywords: value-semantic sphere, values, meaning, value orientations, Chinese students.

Лю Ян

Научный руководитель: Н. Г. Новак, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается проблема ценностей и ценностных ориентаций личности, обозначены понятия «ценность», «смысл», «ценностные ориентации». Описаны особенности системы ценностей китайских студентов, обусловленные социально-культуральными факторами.

Ключевые слова: ценностная сфера, ценности, смысл, ценностные ориентации, китайские студенты.

The value-semantic sphere of personality includes two main components: value orientations and personal meanings. In psychology, the value-semantic sphere of personality is defined as the central core of the personality structure, which assumes the orientation of behavior and is the highest level of its regulation.

Well-known domestic and foreign psychologists devoted their works to the study of the value-semantic sphere of personality: I. D. Bekh, F. Y. Vasilyuk, M. R. Ginzburg, S. Grof, Z. S. Karpenko, D. O. Leontiev, A. Maslow, G. Allport, M. Rokich, T. M. Ti-tarenko, V. Frankl, N. V. Chepeleva and others. The problem of spiritual values was investigated, in particular, by M. Borishevsky, A. F. Losev, M. Montessori, E. A. Po-mitkin, G. S. Skovoroda, V. A. Sukhomlinsky, R. Steiner and other psychologists and educators. However, given the multidimensional nature of the problem of values, it remains in the focus of attention of modern researchers (V. O. Belousova, V. V. Birulya, G. O. Eskina,

N. A. Kirilova, N. A. Kordunova, V. V. Kuzmich, L. I. Moroz, E. D. Uchitel, L. V. Romanyuk, V. I. Smetanyak and others).

Currently, scientific psychology presents a wide range of approaches to the analysis of the concept of «value-semantic sphere» and the relationship of its main components (value orientations and systems of meanings). The value-semantic sphere of personality is actively explored in the works of Russian-speaking psychologists (K. A. Abulkhanova-Slavskaya, A. G. Asmolov, B. S. Bratus, A. V. Brushlinsky, F. E. Vasilyuk, D. A. Leontiev, K. Muzdybaev, S. L. Rubinstein, M. S. Yayitsky and others).

In modern science, it is customary to distinguish three types of values:

1) value in the form of a social ideal, represented in the public consciousness as an abstract concept of the attributes of what should be in different spheres of public life (universal, «eternal», absolute and concrete historical;

2) value as a concrete objective embodiment of social value ideals represented in works of material and spiritual culture or human actions;

3) personal values, which are the result of the transformation of social values that occurred in the course of her individual life, and acting as sources of motivation for her behavior, interpersonal interaction [3].

One of the leading experts on the problem of values and value orientations of personality M. Rokich defines values as a stable belief that a certain way of behavior or the ultimate goal of existence is preferable from a personal or social point of view than the opposite or reverse way of behavior, or the ultimate goal of existence [6]. According to his concept, it is necessary to separate «terminal» and «instrumental» values. In the first case, we are talking about beliefs and views to which, in the opinion of a person, he should strive, and in the second – about those beliefs and corresponding actions that are preferable for the individual in any situation, Instrumental values are the means to achieve terminal values. This leads to the traditional division into values-goals and values-means.

According to A. G. Zdravomyslov, values are an important link between society, the social environment and the individual, her inner world [3]. Other studies clarify that personality values are considered as criteria that people use to choose and justify their actions, as well as to evaluate other people, themselves and events [7].

The system of personal values and their structure are objectively determined, first of all, by economic and political factors, as well as by the system of education introduced and implemented by family and social institutions of society. The formation of the value system is influenced by the family and small social groups, the cultural affiliation of the subject, gender, age, living conditions.

Each person has an individual, specific hierarchy of personal values, which are displayed in consciousness in the form of value orientations and are an important factor in the social regulation of human relationships and individual behavior [4, p. 442]. At the same time, it is important to understand that values are people's general idea of the goals and standards of their behavior, of a particular society as a whole and of all mankind.

Value orientations express a person's attitude to the world (i.e. they are an element of the worldview). The formation of a value-based social structure begins in the period between the older adolescence and the beginning of adolescence.

Semantic formations of a person, unlike the sphere of knowledge and skills, are not amenable to direct arbitrary control. The inclusion of semantic formations in the activity that gave rise to them and the non-subjection of these formations to direct arbitrary control constitute their most important feature [4]. «Meanings are categorically the same values, but only single ones, and accordingly, values are the same meanings, only generalized,» wrote V. Frankl [1, p.248]. Or, in other words, it can be noted that meanings are values, and values are group meanings.

It is obvious that the relative importance of specific values is due both to the priorities formed in the process of socialization and upbringing, and to the situation in which a person is specific for this moment. Thus, Chinese students are the heirs of a cultural tradition that goes back to the distant past, which in modern China is broadcast through the system of home education,

educational institutions, and mass media. This tradition dictates the reverence of parents and older relatives and care for them, encourages the pursuit of happiness, which includes the well-being of loved ones, health, success in business, wealth, etc. Research shows that these values are highly significant for modern young people. At the same time, thanks to access to Internet resources and travel, students are influenced by Western culture, which focuses on individual achievements and independence in decision-making.

The peculiarities of the value-semantic structure of modern Chinese youth are due to the fact that as a result of the state policy to reduce the birth rate, most of the children born after 1980 are the only ones with their parents. Upbringing in such families led to significant psychological consequences for children, who began to be called «little emperors». Among the traits that characterize the younger generation, they call selfishness and lack of independence. The specifics of the social situation in which our sample is located is primarily due to their status as students – high school students preparing for skilled work in highly competitive conditions. Success in this direction presupposes an orientation towards active productive activity when mastering a profession. Under the influence of these and other factors, a system of value priorities of Chinese students is formed, the structure and hierarchy of which largely determines the success of adaptation in a new country.

Thus, the structural components of the value-semantic sphere of personality are formed under the influence of society in the process of activity and communication. At the same time, a person is a subject of his own life path, is able to independently influence their formation by selecting, accepting or rejecting values and ideals existing in the social environment.

List of sources used

- 1 Frankl, V. Man in search of meaning / V. Frankl. – M. : Progress, 1990. – 314 p.
- 2 Human psychology from birth to death / edited by A. Rean. – M. : AST, 2015. – 656 p.
- 3 Kashkareva, L. R. Hierarchy of personal absolute values of modern youth // Bulletin of the A. P. Chekhov Taganrog Institute. – 2009. – No. 2. – Pp. 192–195.
- 4 Leontiev, D. A. Psychology of meaning : Nature, structure and dynamics of semantic reality : Textbook for university students studying in the direction and specialties of psychology / D. A. Leontiev. – M. : Sense, 2003. – 486 p.
- 5 Psychology: dictionary / under the general editorship of A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. 2nd ed., ispr. and add. – M. : Politizdat, 1990. – 494 p.
- 6 Rokich, M. – Methodology «Value orientations» / M. Rokich // Big Encyclopedia of psychological tests / author-comp. A. A. Karelin. – M. : Eksmo, 2009. – Pp. 26–28.
- 7 Zdravomyslov, A. G. Needs, interests, values A. G. Zdravomyslov. – M. : Politizdat, 1986. – 223 p.

Wang Mengya

Scientific supervisor: E. Ya. Konigsberg, PhD. art history, associate professor
Belarusian State Academy of Arts
Minsk, Republic of Belarus

SHANGHAI BIENNALE AS A CURRENT OF CONTEMPORARY ART IN CHINA

The article examines the genesis of the main trends of contemporary art in China at the end of the XX – beginning of the XXI centuries. The main attention is paid to the description of the Shanghai Biennale as a current of contemporary art in the form of a large-scale international exhibition.

Keywords: contemporary art of China, biennale, independent curators.

Ван Мэня

Научный руководитель: Е. Я. Кенигсберг, канд. искусствоведения, доцент
Белорусская государственная академия искусств
г. Минск, Республика Беларусь

ШАНХАЙСКАЯ БИЕННАЛЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В КИТАЕ

В статье рассматривается генезис основных направлений современного искусства в Китае в конце XX – начале XXI веков. Основное внимание уделяется описанию Шанхайской биеннале как течения современного искусства в форме масштабной международной выставки.

Ключевые слова: современное искусство Китая, биеннале, независимые кураторы.

Modern Chinese art is a rather complex phenomenon. According to leading researchers, the word «anomaly» describes it most vividly. The ideas and forms that are now ubiquitous in the artistic practices of China are mostly acquired. Being isolated from external influence during previous eras, at the end of the twentieth century, Chinese artists began to master Western creative methods of fine art. A full-scale awareness of the new approaches that have opened up for Chinese art has occurred over the past 20 years. The path logically traversed by European and American art during the XIX and XX centuries was artificially introduced into Chinese culture. Due to the speed of mastering Western techniques and approaches, the historically established traditions of Chinese art were ignored and completely disappeared from the work of many artists. Attempts to adopt the avant-garde forms of the XX century, (the artistic practices of Braque, Duchamp, Warhol), led to condemnation from both European and Chinese critics.

In the 1990s, the term «Chininess», «Chinese art» appeared in Western literature, associated with just such imitative works. For Chinese artists, the question arose of developing their own artistic language within the framework of new practices.

Independent curators (duli cezhanren 獨立 策展人 or ziyou cehuaren 自由 策划 人) for the first time acted as organizers in international curatorial projects brought to the country from Hong Kong and Taiwan [1]. They were not representatives of any gallery/museum or official institution, and formed exhibitions according to personal points of view. In view of the popularity of such projects, some state museums have provided experimental artists with a «chance to enter the official art system», subject to curatorial support. For example, in 1999, the He Xiangning Art Museum in Shenzhen held the Second Annual Exhibition of Contemporary Sculpture (curated by Huang Zhuan). Within the framework of this project, young experimental artists such as Lin Tianmiao and the Gao brothers were also represented. The curators used such opportunities to present contemporary art at official venues, not only as a way to express their ideas, but also as a way to change the system from the inside [2].

It is also important to note the changes in the status of an independent artist – he was no longer «considered unemployed» (无业 人 人), his status changed to «freelance professional» (ziyou zhiye 自) [3, p. 302]. Along with the development of independent curation, the concept of the exhibition itself turned into a more modern one – works of art were no longer exhibited in museums randomly, but became «part of the narrative about modern issues, analysis of social and political realities.» The result of all the transformations described above was the following: private galleries and official exhibition spaces became platforms for innovative joint projects in which independent curators experimented with new forms of representation based on current trends in world contemporary art.

The year 2000 was a turning point in the evolution of modern Chinese art, a moment of radical change in the relationship between art and state institutions. Huang Zhuan, curator and former artistic director of the Shenzhen Museum noted: «Until the 1990s, our identity was quite passive, which means that modern (current) Chinese art did not have its own system of interpretation, but

relied on Western points of view. However, since 2000 there have been changes.... Western countries began to rethink their own art institutions and their attitude towards non-Western cultures, at the same time, economic growth complicated and diversified cultural life within China, which no longer allowed ignoring or neglecting changes in the field of art,» and the Third Shanghai Biennale (2000) embodies this change [4, p. 187]. The event was organized by a prestigious state institution, the Shanghai Art Museum and stood out for its political and cultural significance, for the first time, «foreign influences were allowed to penetrate Chinese museums.» Sixty-seven artists from eighteen countries took part in the biennale, presenting more than three hundred works, including oil paintings, traditional works in the go-hua technique, sculpture, printed graphics, installations, video art, etc., many of these works were created by artists in the previous decade and had not previously been exhibited to the public audience. Among the most famous international artists who participated in the Third Shanghai Biennale were Pipilotti Rist, Anish Kapoor, as well as curators Hou Hanru (France) and Toshio Shimizu (Japan). It is worth noting that many of the participating artists were born in China, but then emigrated abroad; thus, within the cultural field, they can be considered a «unifying force between Chinese and Western culture» [4, p. 197].

Authors such as David Barrett and John Clark stressed the importance of the Shanghai Biennale – «it is she who represents the most complete cross-section of the history of relations between China and the West» [5, p. 127]. In turn, Wu Hong called the Third Shanghai Biennale a «historic event», because it marked the beginning of a new «global era in contemporary Chinese art, revealing a reformist or even revolutionary impulse in Chinese art culture at the beginning of the XXI century» [5, p. 208].

Often, analyzing the phenomenon of the Shanghai Biennale, they do not sufficiently dwell on the institutional significance of this event. The event was organized by the Shanghai Art Museum in cooperation with the Ministry of Culture and the Municipal Government of Shanghai. For the first time, the Chinese authorities were listed as the organizers of the international biennale, and such an innovation shows the desire of official China to play an active role in modern cultural and artistic life both at home and abroad. As Fan Zengxian, former director of the Shanghai Art Museum and head of the art committee of the Third Shanghai Biennale, said: «The significance of the success [of the Biennale] will go beyond the exhibition itself. As an activity based on an international scale, seriously affecting the issues of globalization, postcolonialism, regionalism, etc., this Shanghai Biennale will be a good example for Chinese colleagues and will certainly consolidate its status among other world-famous art exhibitions-the Biennale of Contemporary Art» [6, p. 97].

Those who deny or belittle as insignificant the political significance of the Biennale as a cultural form should pay attention to such statements. Effective influential representatives of the art market know that their work is most effective when it is performed in plain sight, especially when you are trading on how to symbolize the present in the interests of the 1 %, when most artists want their work to serve the interests of the majority [7].

As the biennales become more and more similar to other elements of the exhibition complex, more institutionalized, they become less and less able to solve problems arising in connection with the current realities.

The inclusion of experimental art in the exhibition and educational programs of State institutions has become a reflection of the political desire to make it part of the official system, although at present such art has not yet become a fundamental part of official culture. Many official museums, in order to become more competitive and attractive to visitors, have launched programs to support contemporary art. Today, the largest museums in China necessarily include in their development goals the holding of various events dedicated to contemporary art. Thus developing the trend in contemporary Chinese art launched by the Shanghai Biennale in 2000. Good examples are: the Guangzhou Triennial (organized by the Guangdong Art Museum, 2002) and the Beijing International Art Biennale (2003) [8].

Undoubtedly, the rapid economic development of China in the 1990s, along with globalization, led to a number of consequences in the Chinese art system: the renewal of traditional

institutions, and the gradual blurring of the distinction between official and unofficial directions of Chinese fine art. Starting with the Third Shanghai Biennale in 2000, the need for new venues and the transformation of traditional Chinese art institutions (a phenomenon that began to manifest itself in the 1990s) became obvious. This led to a new approach to the formation and organization of traditional art exhibitions. The new campaign required flexibility and ease, and was not tied to the standard (and monumental) architecture of official exhibition spaces. These innovations also laid the foundation for the greatest changes that have occurred since 2000, such cultural centers as Beijing, Shanghai, Guangzhou and Shenzhen show the further evolution of relationships and the positive results of the integration of contemporary art into the official system [2].

In addition, the Shanghai Biennale of 2000 is an illustration of an important reform at the institutional level – an international event in the field of contemporary art was held and organized with the support of the authorities, i.e. modern Chinese art became officially recognized.

List of sources used

1 Fibicher, Bernhard and Matthias Frehner (ed.). *Mahjong: Contemporary Chinese Art from the Sigg Collection*, Switzerland: Hatje Cantz Publishers [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access: <https://www.worldcat.org/title/mahjong-contemporary-chinese-art-from-the-sigg-collection/oclc/64288142>. – Date of access : 06.12.2020.

2 Karlholm, D. *Does it work? A note on pragmatic part and global wholes* / D. Karlholm. – New York: Routledge. – 2006. – 227 p.

3 Liao Jingwen. *Xu Beihong-Life of a Master Painter* / Liao Jingwen – Beijing:Foreign Languages Press, 1987. – 256 p.

4 Lim, L. *Contemporary Chinese Painting. An Exhibition from the Peoples Republic of China* / L. Lim // Paperback. –1983. – 192 p.

5 Pollack, B. *Art and China's Revolution* / B. Pollack // *Yishu Journal of Contemporary Chinese Art*. – 2009. – № 1. – P. 82–85.

6 Wells, P. *Audio commentary to Shan-Shui-Hua* / P. Wells // *Aspect Magazine–The Chronicle of New Media Art*. – Boston : Aspect Arts Inc. – 2010. – 246 p.

7 Zhang Xiaogang explained in 5 paintings // Phaidon [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: <http://au.phaidon.com/agenda/art/articles/2015/april/01/zhang-xiaogang-explained-in-5paintings/>. – Date of access : 06.12.2020.

СЕКЦИЯ 5 ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Е. С. Казимирская, Г. Л. Казимирский

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПОМОЩЬ СКАЗКОТЕРАПИИ В ОСОЗНАНИИ ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ В ГЛАЗАХ СОЦИУМА

В статье описывается методика, в которой при помощи сказкотерапии можно донести до клиента его образ в глазах окружающих людей. Это является ключом к осознанию проблем, систематически возникающих у человека, и первым шагом на пути их решения.

Ключевые слова: сказкотерапия, архетип, проблема, сказочный герой, психолог.

Многие психологические проблемы возникают из-за различных представлений о себе и того впечатления, которое она действительно оказывает на окружающих людей. При этом несоответствие может быть как внутренним, так и внешним. Стоит отметить, что внутреннее несоответствие занимаемой роли может оказать на человека намного больший отрицательный эффект, чем внешнее и вызвать более глубокую психологическую травму.

Приведем пример: господин М. мечтает о роли начальника отдела, в котором он уже на протяжении многих лет работает простым служащим. Желая произвести более благоприятное впечатление на высшее руководство компании, он принимает решение перейти на деловой стиль одежды, надеясь своим видом показать, что он соответствует освобождающейся в скором времени должности начальника отдела. Однако, несмотря на перемены в стиле одежды, должность переходит к другому коллеге. Позже до господина М. доходят слухи, что начальник, рассматривая его кандидатуру, сравнивает его с Люциосом Малфоем из книги про Гарри Поттера. Сразу приходит на ум скользкий, подлый и высокомерный человек. Неудивительно, что продвигать работника, вызывающего подобные ассоциации по карьерной лестнице, никто не торопится.

Очень часто люди недостаточно хорошо знают, как они выглядят в глазах других. Это рождает повторение одних и тех же негативных сценариев, происходящих в их жизни. Все мы слышали о девушках, которых постоянно бросают и используют мужчины, молодых людях, которые с завидным постоянством становятся жертвами мошенников, хронических безработных и прочих. Большинство из этих людей не знают, какое реальное впечатление они производят на окружающих.

Сказкотерапия является уникальным инструментом в руках психолога, при помощи которого можно достаточно легко проработать любую проблему, в том числе – помочь клиенту понять, какое впечатление он производит на свое окружение. Как известно, если проблема обнаружена, всегда найдется возможность ее исправить.

Психологу необходимо дать клиенту домашнее задание, после выполнения которого можно будет четко, ясно и объективно проработать проблему. Домашнее задание будет заключаться в том, что испытуемому необходимо попросить, чтобы люди, с которыми он часто контактирует, сравнили его с героем мультфильма, детского фильма, сказки и даже телесериала. Киногерои тоже подойдут, если речь при этом не идет лишь о внешнем сходстве с ними. К опросу должны привлекаться родственники, коллеги и друзья. Незнакомые и мало знакомые клиенту люди не должны принимать участие в эксперименте.

Выбранный персонаж должен быть похож на клиента в первую очередь чертами характера, однако допустимо и внешнее сходство.

Герой сказки – это объемный образ с определенными чертами характера, представляющий собой вполне конкретный архетип. Если мы представляем себе героя известной сказки, то наше воображение рисует не просто картинку, похожую на фотографию, а конкретную личность со своим характером и набором как положительных, так и отрицательных качеств. При помощи этого образа можно молниеносно осознать все сильные и слабые места человека. Для чистоты эксперимента необходимо опросить минимум десять человек, верхней границы не существует.

Разумеется, каждый человек, принимающий участие в эксперименте видит нашего клиента под своим особым углом. И чаще всего, все 10 образов будут разными. Но, вместе с этим, в них обязательно будет что-то общее, что необходимо найти. Если какой-то образ будет повторяться несколько раз, на него следует обратить особое внимание. В данном эксперименте важно указывать, какой именно художественный или мультипликационный фильм был взят за основу, поскольку образы в художественных фильмах и мультфильмах могут отличаться, а также надо указывать создателей фильма. Один и тот же образ от «Союзмультфильма» и «Студии Уолта Диснея» может в корне различаться.

В качестве примера рассмотрим женщину средних лет, имеющую за плечами развод и самостоятельно воспитывающую сына подросткового возраста. На прием она пришла с жалобами на то, что не может устроить свою личную жизнь. Мужчины, с которыми у нее завязываются отношения, быстро покидают ее. Женщина пытается понять, что же отпугивает потенциальных кандидатов в мужья, и с этим вопросом приходит к психологу.

После выполнения вышеприведенного задания мы имеем десять образов, которыми наделили женщину ее знакомые: Фея из сказки «Золушка», Фрекен Бок («Малыш и Карлсон»), черепаха Тортилла из кинофильма «Приключения Буратино», мышь из мультфильма «Дюймовочка», Мери Поппинс, Минерва Макгонагал («Гарри Поттер»), няня Дяди Федора (серия о Простоквашино), Настасья – жена Добрыни Никитича, Ольга Николаевна из телесериала «Сваты», Снежная королева из сказки Г.-Х. Андерсена, Жанна Аркадьевна из комедийного телесериала «Моя прекрасная няня».

Если у испытуемого есть возможность спросить у того или иного человека, с какими именно качествами сказочного персонажа ассоциируется у него личность нашего клиента, это также может помочь внести ясность в диагностику корней проблемы. Вдвойне ценно, если друг испытуемого не только сравнивает его с тем или иным героем, но и говорит, почему у него возникли эти ассоциации.

После получения этой информации наступает полная ясность. Все перечисленные герои несут в себе нечто общее, при определенных различиях. Разумеется, что для того, чтобы делать выводы, необходимо знать первоисточник, в противном случае терапия не принесет хорошего результата.

Рассмотрим пример и сделаем соответствующие выводы. Речь идет о хорошей хозяйке (многие образы указывают на это), более того, это строгая мать, мы видим много образов связанных с воспитанием детей. Это та, кто поучает и воспитывает и та, кто всегда права. Вероятно, это также хороший специалист, без которого сложно обойтись.

Однако женщина пришла с проблемой, и, прорабатывая эти образы, мы должны выявить причину ее многочисленных провалов. И первое, что приходит на ум – это сухость, высокомерие, склочный характер, типаж «Женщина-пила»; подобные персонажи требуют, поучают, язвят и часто высказывают свое недовольство. Также практически все эти героини асексуальны. рядом с ними мужчины начинают чувствовать себя неуверенно и постоянно становятся объектами критики или насмешек. Привлеченные такой женщиной мужчины быстро начинают испытывать дискомфорт и неуверенность в себе и предпочитают исчезнуть с ее горизонта. Ни один из этих персонажей по какой-то роковой случайности не был главным героем в произведении, где он играл свою роль. Это также приводит к определенным выводам.

Разумеется, полученная информация должна быть уточнена наводящими вопросами для подтверждения выводов психолога. После этого необходимо дать рекомендации и наметить фронт работ с данным клиентом. Так, женщине из вышеназванного примера можно по-

рекомендовать прочитать дополнительную литературу об отличиях в женской и мужской психологии, не стремиться доказывать свою правоту, научиться просить, а не «пилить», развивать свою сексуальность, быть слабой и простой. Понять, что мужчина – это не ребенок, нуждающийся в воспитании, а цельная и самодостаточная личность.

Данный прием работает настолько хорошо, что очень часто его может использовать и человек, не имеющий психологического образования, для самодиагностики. Сделанные выводы будут емкими и точными. Сказкотерапия и работа с архетипами – уникальная техника, понятная всем без исключения, освоив которую, психолог сможет решать задачи любого уровня. Поскольку язык сказки понятен совершенно любому человеку, независимо от возраста, статуса и уровня образования. Данный метод особенно хорош при работе с детьми. Психолог может объяснить проблему, прорабатывая с ребенком сказочных персонажей, которые близки и понятны маленькому клиенту. Ребенок проявляет активность и заинтересованность, обсуждая выводы, которые он получил в результате эксперимента. Данный метод прост, легок и соответственно может использоваться и в работе детского психолога.

Е. В. Приходько, М. В. Макеева

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ СКЛОННОСТИ ДЕТЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА К РЕАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается склонность детей подросткового возраста к реализации различных форм отклоняющегося поведения. Автором приводятся данные эмпирического исследования склонности детей подросткового возраста к реализации различных форм отклоняющегося поведения. Данное исследование проводилось с помощью методики «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орла.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростковый возраст аддиктивность, агрессия, насилие, саморазрушающее поведение, волевой контроль.

В настоящее время среди исследователей наблюдается повышенный интерес к проблеме девиантного поведения. Исследованием проблемы отклоняющегося поведения подростков на протяжении многих лет занимаются ученые из различных областей науки: девиантологии, психологии, педагогики, социологии, криминологии, социальной психологии. Так, например, в психологической и педагогической литературе, для определения характеристик действий и поступков детей и подростков, которые не соответствуют общепринятым нормам и правилам, используются такие понятия как «девиантное поведение», «правонарушение», «антисоциальное» поведение», «противоправные действия», «безнравственный проступок».

Девиантное поведение (от англ. deviation – отклонение) – социальное поведение, отклоняющееся от принятого, социально приемлемого поведения в определенном обществе [1, с. 33].

А. Н. Орел выделяет формы склонностей к девиантному поведению, такие как склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонность к агрессии и насилию, уровень волевого контроля эмоциональных реакций, а также склонность к деликвентному и аддиктивному поведению.

С целью изучения склонности подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения было проведено эмпирическое исследование среди учащихся, средний возраст которых составил 13 лет, с помощью методики «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орла.

По результатам проведенного эмпирического исследования были получены показатели выраженности склонности подростков к реализации различных форм отклоняющегося

поведения (таблица 1). Достоверность различий между мальчиками и девочками оценивалась с помощью критерия углового преобразования Фишера ϕ^* .

Таблица 1 – Результаты исследования склонности мальчиков и девочек подросткового возраста к реализации различных форм отклоняющегося поведения, полученные с помощью методики «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел)

Шкала	Уровень	Количество (n = 60)		Достоверность различий
		Мальчики (n = 30)	Девочки (n = 30)	
Шкала склонности к преодолению норм и правил	не выражена	14	15	p > 0,05
	выражена	13	13	
	чрезвычайно выражена	3	2	
Шкала склонности к аддиктивному поведению	не выражена	13	16	p > 0,05
	выражена	17	14	
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	не выражена	22	23	p > 0,05
	выражена	8	7	
Шкала склонности к агрессии и насилию	не выражена	16	18	p > 0,05
	выражена	14	12	
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	не выражена	14	11	p > 0,05
	выражена	16	19	
Шкала склонности к деликвентному поведению	не выражена	21	23	p > 0,05
	выражена	9	7	

Рассмотрим выраженность каждой из шкал у мальчиков и девочек подросткового возраста (рисунки 1–6).

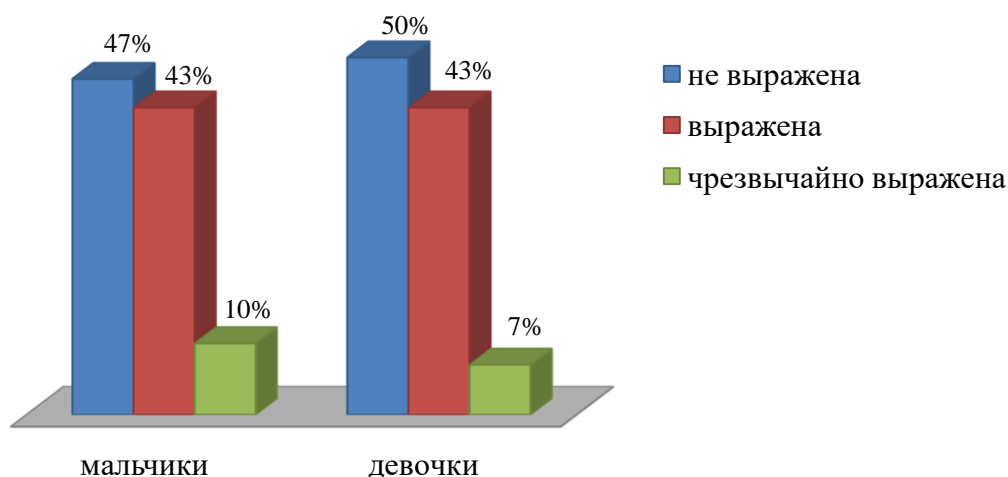

Рисунок 1 – Результаты исследования, полученные по шкале склонности к преодолению норм и правил, у мальчиков и девочек подросткового возраста

Анализируя данные, представленные на рисунке 1, видим, что у большинства подростков (47 % мальчиков и 50 % девочек) отмечается невыраженность склонности к преодолению норм и правил, что говорит о их конформных установках, склонности следовать сте-

реотипам и общепринятым нормам поведения. У 43 % мальчиков и 37 % девочек отмечается выраженность тенденции «нарушать спокойствие», склонность противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, искать трудности, которые можно было бы преодолеть, нонконформистские установки. Чрезвычайная выраженность склонности к преодолению норм и правил выявлена у 10 % мальчиков и 7 % девочек, что свидетельствует о проявлении негативизма, чрезвычайной выраженности нонконформистской установки.

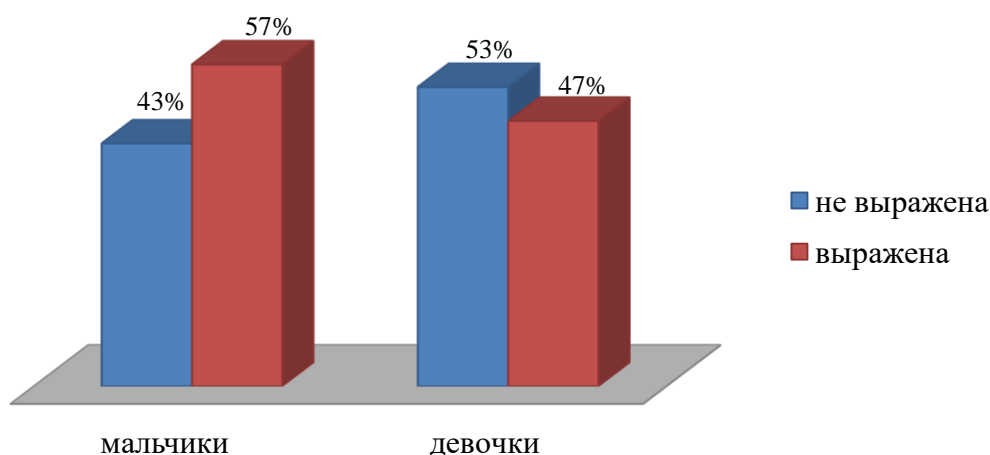

Рисунок 2 – Результаты исследования, полученные по шкале склонности к аддиктивному поведению, у мальчиков и девочек подросткового возраста

Анализ данных, представленных на рисунке 2, показал, что у 43 % мальчиков-подростков и у 53 % девочек-подростков отмечается невыраженность склонности к аддиктивному поведению, что свидетельствует либо о невыраженности вышеперечисленных тенденций, либо о хорошем социальном контроле поведенческих реакций. У 57 % мальчиков и у 47 % девочек отмечается склонность к аддиктивному поведению. У данной части подростков выявлены склонность к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных проблем и предрасположенность к уходу от реальности через изменения своего психического состояния. Кроме того, эти результаты свидетельствуют о наличии «сенсорной жажды», об ориентации на чувственную сторону жизни, о гедонистически ориентированных нормах и ценностях.

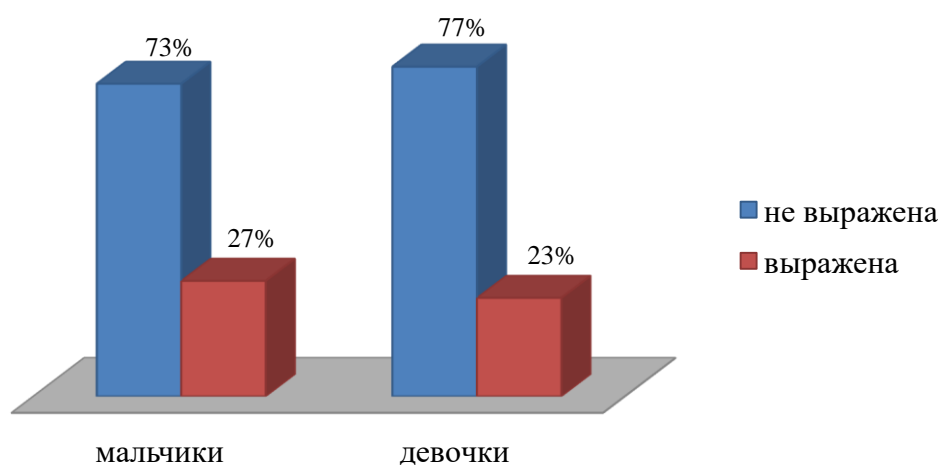

Рисунок 3 – Результаты исследования, полученные по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению у мальчиков и девочек подросткового возраста

Анализ данных, представленных на рисунке 3, показал, что у 73 % мальчиков подросткового возраста и 77 % девочек подросткового возраста отмечается невыраженность склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, что свидетельствует об отсутствии тенденций к соматизации тревоги, к реализации саморазрушающего поведения и реализации комплексов вины в поведенческих реакциях. Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, проявляющаяся в тенденции к риску и потребности в острых впечатлениях, в низкой ценности собственной жизни и садо-мазохистских тенденциях, выявлена у 27 % мальчиков подросткового возраста и 23 % девочек подросткового возраста.

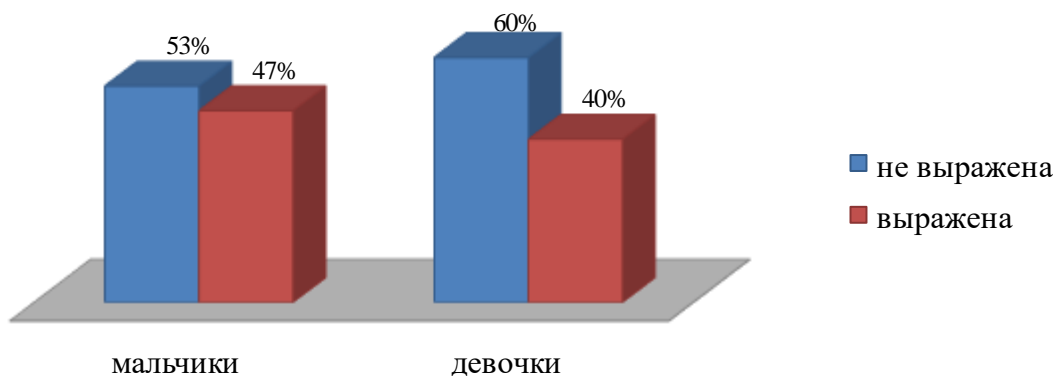

Рисунок 4 – Результаты исследования, полученные по шкале склонности к агрессии и насилию, у мальчиков и девочек подросткового возраста

Анализ данных, представленных на рисунке 4, показал, что у 53 % мальчиков-подростков и у 60 % девочек-подростков отмечается отсутствие склонности к агрессии и насилию, что свидетельствует о невыраженности тенденций агрессивной направленности, о нетипичности агрессии как способа выхода из фрустрирующей ситуации, о неприемлемости насилия как средства решения проблем. У 47 % мальчиков и у 40 % девочек отмечается склонность к агрессии и насилию, что свидетельствует об агрессивной направленности во взаимоотношениях с другими людьми, о склонности видеть способ решения проблем в применении насилия, о тенденции унижать партнера по общению для стабилизации самооценки, о наличии садо-мазохистских тенденций.

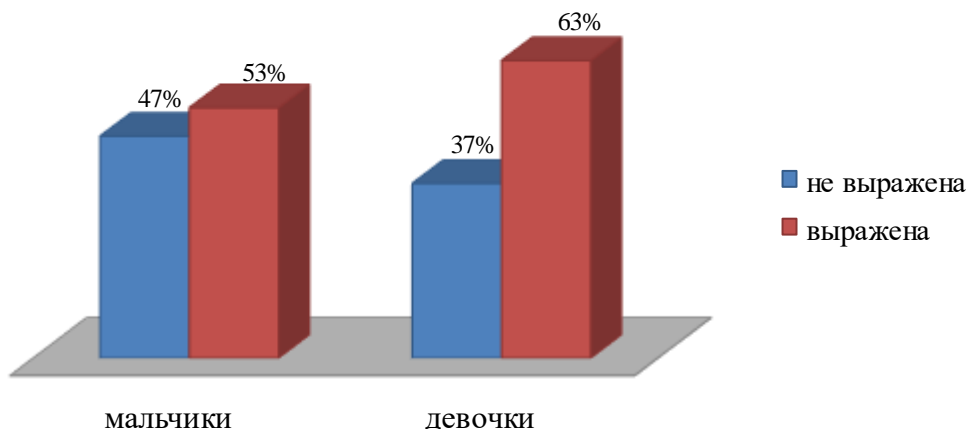

Рисунок 5 – Результаты исследования, полученные по шкале волевого контроля эмоциональных реакций, у мальчиков и девочек подросткового возраста

Анализ данных, представленных на рисунке 5, показал, что у 47 % мальчиков подросткового возраста и у 37 % девочек подросткового возраста отмечается нежелание или неспособность контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций, слабый волевой контроль всей эмоциональной сферы. Кроме того, это свидетельствует о несформированности волевого контроля своих потребностей и чувственных влечений, о тенденции реализовывать отрицательные эмоциональные реакции непосредственно в поведении. У 53 % мальчиков подросткового возраста и у 63 % девочек отмечается невыраженность этих тенденций, жесткий самоконтроль любых поведенческих эмоциональных реакций и всей эмоциональной сферы, а также чувственных влечений.

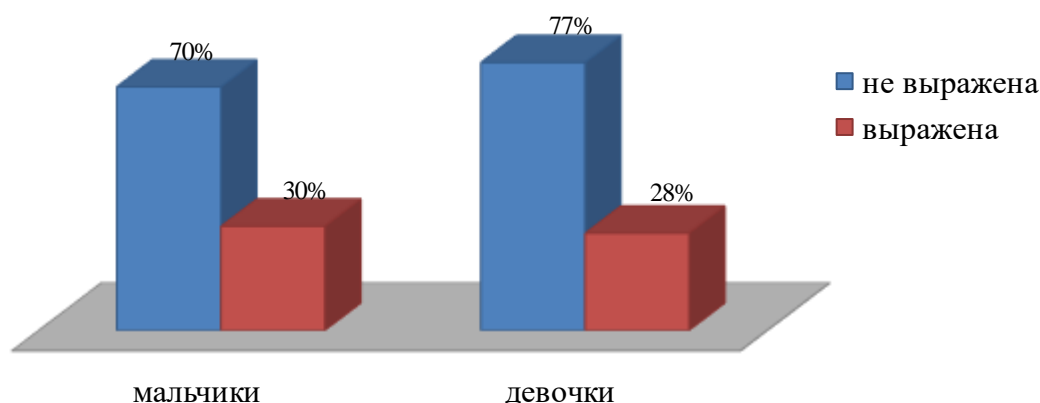

Рисунок 6 – Результаты исследования, полученные по шкале склонности к деликвентному поведению, у мальчиков и девочек подросткового возраста

Анализ данных, представленных на рисунке 6, показал, что у 70 % мальчиков-подростков и у 77 % девочек-подростков отмечается отсутствие склонности к деликвентному поведению. У 30 % мальчиков и 23 % девочек выявлено наличие деликвентных тенденций, низкого уровня социального контроля. Данная часть подростков обладает «деликвентным потенциалом», который находит способ реализации только при определенных обстоятельствах. Такой потенциал может реализоваться в антиобщественное противоправное поведение, воплощенное в проступках (действиях или бездействии), наносящих вред и ущерб как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

Таким образом, наиболее выраженными формами девиантного поведения, как у мальчиков, так и девочек подросткового возраста являются склонность к аддиктивному поведению (выявлена у большей части мальчиков и почти у половины девочек); склонность к преодолению норма и правил (выявлена у 53 % мальчиков и 50 % девочек); склонность к агрессии и насилию (выявлена у 47 % мальчиков и 40 % девочек-подростков); склонность не контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций (выявлена у 47 % мальчиков и 37 % девочек).

Список использованных источников

1 Эхаева, Р. М. Девиантное поведение. Профилактика девиантного поведения у подростков / Р. М. Эхаева, Э. С. Ибрагимова // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2016. – № 6 (8). – С. 33–36.

А. С. Ярошевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО СТРЕССА

Усиление информационного потока само по себе является стрессогенным фактором. А с учетом того, что новостные порталы стараются преподнести информацию в максимально шокирующей форме для повышения проходимости сайтов, информационный стресс усиливается в разы. В такой ситуации развитие копинг-стратегий обучающихся должно стать одним из первоочередных направлений психолого-педагогического сопровождения для формирования ощущения психологической безопасности личности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, стресс, информационный стресс, психолого-педагогическое сопровождение.

В последние несколько лет новостные ленты наполнены огромным количеством информации: разного рода политические события, экономический кризис и санкции, эпидемии коронавируса и других заболеваний. Чаще всего эта информация носит негативный, и даже панический характер, что приводит читателя к различным стрессовым состояниям. Стресс может рассматриваться как психологические и поведенческие реакции, отражающие состояние внутреннего беспокойства или его подавления. Он может быть вызван как информационным голодом, так и информационной перегрузкой. Информационный стресс, как и другие виды стресса, негативно влияет на здоровье и самоощущение личности.

Как отмечает Р. В. Вольнов, проблема информационно-психологических угроз связана с разнообразным информационным воздействием на психику человека. Информационные технологии все глубже внедряются во все области жизнедеятельности общества, что зачастую таит в себе немалую опасность, актуализируя вопросы манипулирования массовым сознанием как с помощью использования информации (в том числе, не всегда достоверной), так и с помощью ограничения доступа к ней [1, с. 35].

Весной 2020 года интернет-пространство стало одним из основных источников получения информации о COVID-19. Однако ее безответственное и неконтролируемое использование создало проблему «инфодемии»: ситуации, когда быстро распространяющаяся дезинформация оказала существенное влияние на мышление и последующее поведение людей. Это привело к панике, иррациональному поведению и стигматизации. Таким образом, беспорядочное использование интернет-ресурсов и новостного контента может вызывать нарушения в личной, семейной, общественной, образовательной, профессиональной сферах деятельности [3, с. 346].

Помимо этого, индивидуальное и массовое сознание людей все в большей степени специально подвергается агрессивным информационным воздействиям, что может наносить ущерб психическому здоровью личности, разрушать моральные нормы жизни общества, приводить к дестабилизации социально-политической обстановки. Люди вынуждены жить в условиях неопределенности, что усугубляет стресс, снижая уровень психологической безопасности личности [1, с. 35]. Психологическая безопасность предполагает ощущение защищенности человека, включая внешние и внутренние условия, а также опыт субъекта, его способность и готовность к распознаванию, предвидению и уклонению от опасностей. Это предполагает не только определенный уровень развития различных способностей (перцептивных, мнемических, интеллектуальных и др.), но и специфические знания, умения и навыки [5, с. 13].

Это приводит нас к мысли, что одной из задач психолого-педагогического сопровождения в процессе обучения является углубление знаний обучающихся о своем психологическом и эмоциональном здоровье, развитие способности отслеживать и корректировать свое

эмоциональное состояние, а также формирование навыков защиты от излишнего информационного стресса. Как верно отмечает Р. В. Вольнов, необходимо различать безопасность и защищенность, когда ситуация оценивается как опасная, однако субъект обладает средствами защиты (опытом уклонения от опасностей и их преодоления) и осознает это [1, с. 36]. Повышение уровня развития навыков защиты от информационного стресса как раз и будет являться одним из этапов формирования ощущения психологической безопасности.

Состояние безопасности (или опасности) возникает на основе сложного когнитивного процесса, следующего алгоритму: восприятие ситуации, ее анализ, выделение факторов и источников опасности, их интерпретация и оценка, актуализация представлений о собственных возможностях и опыте преодоления трудных ситуаций, принятие решения. Если у человека имеются средства и способы преодоления угрозы, данная ситуация не воспринимается как опасная. В противном случае возникают негативные аффективные состояния, чувство страха, тревоги, неуверенности, которые нарушают баланс взаимодействия и приводят к дезорганизации деятельности [4, с. 500].

Информационно-психологическая безопасность предполагает, в том числе, «самозащиту» личности от негативных информационно-психологических воздействий. Риски в этой сфере связаны с незрелостью личности, недостатками личностного самоопределения, внушаемостью, установкой на чрезмерный конформизм или нонконформизм, с ошибками восприятия и интерпретации информации. Следовательно, защита будет заключаться в повышении уровня осознанности, формировании личностных границ, умении формировать и отстаивать свое мнение. Важно не только повышать уровень психологических знаний обучающихся, но и развивать у них навыки применения копинг-стратегий.

Всего можно выделить восемь видов копинг-стратегий [2, с. 60]. Выбирая стратегии совладающего поведения, которое может помочь в ситуации излишнего и непродуктивного информационного стресса, можно обратить внимание на следующие:

– стратегия дистанцирования, которая может применяться в широком круге ситуаций, прямо не касающихся обучающихся. Безусловно, здесь могут быть найдены аргументы, что мы живем в век глобализации, когда события, происходящие в самых отдаленных уголках планеты, оказывают влияние на то, что через некоторое время произойдет уже совсем рядом. Однако для сохранения эмоциональной стабильности и поддержания ощущения психологической безопасности в ряде случаев именно дистанцирование является наиболее эффективным;

– стратегия избегания в таком ключе заключается в прямом блокировании информации, являющейся стрессором. Это может быть отказ от чтения новостей, ленты социальных сетей, участия в дискуссиях на острые темы и т. д.;

– стратегия поиска социальной поддержки, в рамках которой в ситуации информационного стресса необходимо искать такие источники информации, в которых она подается либо сухо, безэмоционально, на основе фактов, желательно с приведением данных статистики, либо дает надежду на положительную возможность разрешения ситуации;

– стратегия самоконтроля заключается в стремлении регулировать собственные чувства и действия: отслеживать эмоциональные реакции и мысли, возникающие вслед за ними.

Кроме того, в качестве еще одного инструмента снижения информационного стресса, которым следует «вооружить» обучающихся, может являться развитие таких черт мышления, как самостоятельность, широта, глубина и критичность. Реализация этих задач может быть достигнута при проведении практических занятий в рамках преподавания ряда дисциплин психолого-педагогического профиля, тренингов и различных мероприятий, организуемых в стенах университета.

Список использованных источников

1 Вольнов, Р. В. Психолого-правовые особенности обеспечения информационной безопасности личности // Акмеология. – 2010. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pravovye-osobennosti-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-lichnosti>. – Дата доступа: 24.05.2022.

2 Газиева, М. З. Стрессоустойчивость индивидуальности как предмет психолого-педагогического изучения / М. З. Газиева, З. В. Масаева // Западно-Сибирский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – С. 59–67.

3 Кисляков, П. А. Психологическая устойчивость студенческой молодежи к информационному стрессу в условиях пандемии COVID-19 / П. А. Кисляков // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 5 (47). – С. 343–356.

4 Кишиков, Р. В. Критерии психологической безопасности обучающихся при использовании цифровых продуктов / Р. В. Кишиков // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2021): сб. статей II-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 11 – 12 ноября 2021 г. ; под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М. : Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – С. 498–508.

5 Эксакусто, Т. В. Теоретические основы социально-психологической безопасности: монография / Т. В. Эксакусто. – Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. – 244 с.

А. А. Аксенова

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С ДИАГНОЗОМ COVID, НАХОДЯЩИХСЯ НА ЛЕЧЕНИИ В СТАЦИОНАРЕ

В статье рассматривается проблема социально-психологической адаптации личности в период пандемии COVID. Автор приводит описание результатов эмпирического исследования психологической адаптации матерей детей с диагнозом COVID, находящихся на лечении в стационаре

Ключевые слова: психологическая адаптация, пандемия COVID, стрессогенные условия, принятие других, интернальность, самовосприятие, эмоциональная комфортность, стремление к доминированию.

Актуальность проблемы исследования социально-психологической адаптации личности в период пандемии COVID обусловлена тем, что в ситуации массового заражения коронавирусной инфекцией наблюдается существенная трансформация устоявшегося уклада жизни во всех сферах, а также происходит переоценка личностью уровня опасности для здоровья и жизни человека. Модификации традиционных установок деятельности выступает стрессогенным фактором для человека. Изучая вероятностные стрессоры в обстоятельствах пандемии, S. Namouche отнес к ним следующие: угроза личной безопасности, вероятность инфицирования, переизбыток и / или дефицит информации о пандемии, карантинные ограничения и необходимость самоизоляции, стигматизация пациентов и социальная отчужденность, финансовые затруднения, риск изменения профессионального статуса и / или потери работы. Только высокий уровень психологического здоровья человека и стрессоустойчивости могут позволить эффективно справиться с последствиями сложившейся неблагоприятными эпидемиологическими условиями, а также приспособиться к непривычным обстоятельствам жизнедеятельности.

Функционирование человека в крайне нестабильной экономической ситуации в условиях пандемии и постпандемии COVID-19, провоцирует практически постоянное переживание субъективной незащищенности. В результате изучения феноменов и механизмов адаптации личности в стрессовых условиях деятельности А. Либин и А. Либина, сделали вывод, что такие личностные качества как устойчивость к стрессу, направленность локуса контроля и направленность характера во многом детерминируют благополучие социально-психологической адаптации. Кроме этого, в значительной степени эффективность этого процесса определяется уровнем самоактуализации личности, способствуя реализации творческого подхода к преодолению трудностей пандемии. Таким образом, трудности жизнедеятельности в период пандемии могут быть связаны не только с внешними ограничениями, но и обусловлены внутренними индивидуальными предпосылками: адаптационным потенциалом личности, аттитюдами и переживаниями, отношением к себе и другим, структурой жизненного опыта и так далее. Такие уровни иерархической структуры личности как когнитивный, аффективный и интерактивный в целом оказывают воздействие на адаптационные процессы.

Было проведено эмпирическое исследование на базе Гомельской областной инфекционной клинической больницы. В исследовании приняли участие 27 матерей детей раннего возраста с диагнозом COVID, находящихся на лечении в стационаре. Методика исследования: «Опросник социально-психологической адаптации» (К. Роджерс, Р. Даймонд) в адаптации А. К. Осницкого.

По методике К. Роджерса и Р. Даймонда «Опросник социально-психологической адаптации» были получены следующие данные по интегральным показателям шкал. На основании данных количественной обработки было установлено, что 37 % матерей имеют низкие показатели по шкале «Принятие других», что характеризует их, как не принимающих мнение других людей, действующих в собственных интересах в ущерб интересам окружающих, что в свою очередь может затруднять социально-психологическую адаптацию.

Большая часть матерей (56 %) получили средние баллы по шкале «Принятие других», что характеризует их, как учитывающих мнение других людей, способных на самопожертвование, способных к конструктивному взаимодействию с окружающими, что в свою очередь может способствовать более легкой социально-психологической адаптации.

Высокий уровень по шкале «Принятие других» набрали 7 % матерей, что характеризует их, как субъектов, учитывающих мнение других людей, способных на самопожертвование, способных к конструктивному взаимодействию с окружающими, что способствует более высокому уровню социально-психологической адаптации.

По шкале «Интернальность» 22 % матерей имеют низкий уровень субъективного контроля, то есть считают, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей. Такие люди не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать эту связь.

Наибольшая часть матерей (59 %) имеют средний уровень субъективного контроля, то есть считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события.

Высокий уровень по шкале «Интернальность» набрали 19 % матерей, что соответствует высокому уровню субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Эти женщины считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом.

Низкие показатели по шкале «Самовосприятие» набрали 19 % матерей, что соответствует неприятию себя, низкому уровню самооценки, наличию внутриличностных конфликтов, затрудняющих социально-психологическую адаптацию. Большинство матерей (59 %) набрали средние показатели по данной шкале, что соответствует принятию себя, высокой самооценке, уверенности в собственных действиях, позволяющих достичь более высокого уровня социально-психологической адаптации. Высокий уровень по шкале «Самовосприятие» набрали 22 % женщин и этот показатель соответствует принятию себя, высокой самооценке, уверенности в собственных действиях, позволяющих достичь более высокого уровня социально-психологической адаптации.

По шкале «Эмоциональная комфортность» 11 % матерей имеют низкий уровень, то есть испытывают различные отрицательные эмоции. Это может быть как причиной, так и следствием нарушения социально-психологической адаптации. Большинство матерей (52 %) испытывают средний уровень эмоционального комфорта, связанного с успешной социально-психологической адаптацией. Высокий уровень по шкале «Эмоциональная комфортность» получили 37 % матерей, и этот показатель характеризует субъекта как испытывающего эмоциональный комфорт, положительные эмоции. Высокий уровень по данной шкале связан с высоким уровнем социально-психологической адаптации.

По шкале «Стремление к доминированию» у 30 % матерей выявлены низкие показатели, что характеризует их как нерешительных, излишне миролюбивых, что обусловлено недостаточной уверенностью в собственных силах и возможностях. Низкий уровень по шкале «Стремление к доминированию» характеризует субъекта как ведомого, следующего за лидером. Большинство женщин (56 %) получили средние оценки по данной шкале, что характеризует их как стремящихся к лидерству, решительных и самоуверенных, склонных к кон-

фликтному взаимодействию. Высокий уровень по шкале «Стремление к доминированию» получили 14 % матерей, и этот показатель характеризует субъекта как стремящегося к лидерству, решительного, самоуверенного, нередко излишне агрессивного, склонного к конфликтному взаимодействию. Как чрезмерно высокие, так и слишком низкие оценки по шкале «Стремление к доминированию» могут являться причиной нарушения социально-психологической адаптации.

Анализ данных по отдельным шкалам позволяет вычислить интегральный показатель социально-психологической адаптации. Наглядно данные показаны на рисунке 1.

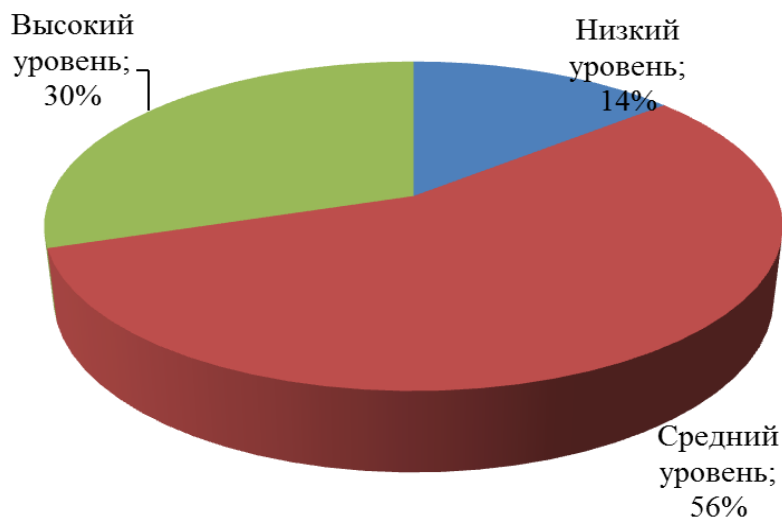

Рисунок 1 – Процентное распределение матерей с разным уровнем социально-психологической адаптации

Полученные данные демонстрируют распределение испытуемых по изучаемым показателям. В целом в группе матерей доминирует средний уровень социально-психологической адаптации. Количественная обработка данных позволила установить, что в выборке испытуемых 14 % матерей детей с диагнозом COVID социально дезадаптированы, то есть имеют место разнообразные нарушения при взаимодействии в системе «личность-среда», что может негативно влиять на эмоциональное и личностное благополучие данной группы женщин. Почти половина матерей (56 %) имеют средний уровень социально-психологической адаптации. Средний уровень социально-психологической адаптации характеризует субъекта как адаптированного в условиях микросоциума, однако данные показатели нестабильны и зависят во многом от ситуативных факторов. Только 30 % матерей детей с диагнозом COVID имеют высокий уровень социально-психологической адаптации. Высокий уровень социально-психологической адаптации характеризует субъекта как успешно адаптированного в сложных условиях социального взаимодействия.

Отсутствие опыта круглосуточного пребывания в инфекционной палате и общения с медицинским персоналом в специальной защитной одежде усугубляют положение и нередко вызывают панику, затрудняя адаптацию взрослого в новых социальных условиях.

Результаты исследования могут быть полезны клиническим психологам по разработке программ психологического сопровождения матерей детей с диагнозом COVID, находящихся на лечении в стационаре.

В. Н. Атрохова

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТЕРЬ И ПРИОБРЕТЕНИЙ ПЕРСОНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ ПОДРОСТКАМИ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Ресурсные концепции стресса предполагают, что ключевым механизмом его развития является потеря ресурсов. Стресс возникает в ситуациях, которые потенциально угрожают потерей ресурсов и / или препятствуют возмещению израсходованных ресурсов. В статье рассмотрены психологические особенности потерь и приобретений персональных ресурсов в стрессовой ситуации подростками из неполных семей и приведены данные эмпирического исследования.

Ключевые слова: стресс, стрессовые ситуации, потеря персональных ресурсов, приобретение персональных ресурсов, подросток, подростковый возраст, семья, неполная семья.

Концепции ресурсов в ситуации психологического стресса рассматривают адаптивность и способность противостоять трудным жизненным ситуациям. Ресурсы, как «позитивные черты личности», «значимый капитал каждой личности», внутренние силы, существенно расширяют возможности человека, делают его более продуктивным, жизнестойким, успешным, также они являются фактором эффективности и осознанности жизни [1].

С самого рождения человек попадает в общество, растет, развивается и умирает в нем. На развитие человека оказывает влияние множество различных факторов, как биологических, так и социальных. Главным социальным фактором, влияющим на становление личности, является семья. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка.

При анализе статистики браков и разводов за 2021 год было выявлено, что в Беларуси было заключено 59 649 браков, почти 51 тысяча из которых – среди городского населения. Развелось же 34 386 пар. Почти 30 тысяч – в городах. В течение 1 года – 4 лет семейной жизни развелось 25,5 % пар. Среди тех, кто прожили вместе 5–9 лет, доля разводов – 29,4 %. Эти данные наглядно показывают, как возрастает количество неполных семей за последние годы. В Беларуси практически каждая пятая семья с детьми – неполная (19,6 %).

Было проведено эмпирическое исследование на базе ГУО «Средняя школа № 24 города Гомеля». Выборочную совокупность составили 126 человек. Средний возраст испытуемых составил 15–16 лет. В исследовании участвовали 47 подростков из неполных семей и 79 – из полных семей.

Психодиагностический инструментарий:

- опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Тест ОППР) Н. Водопьянова, М. Штейн;
- опросник, определяющий склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и Ф.У. Тейлору);
- методика «Оценка нервно-психического напряжения» (Т.А. Немчин).

В ходе проведения методики «Опросник Потери и приобретения персональных ресурсов (Н. Водопьянова, М. Штейн)» были получены результаты, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования уровня ресурсности подростков из полных и неполных семей с помощью опросника «Потери и приобретения персональных ресурсов (Н. Водопьянова, М. Штейн)»

Уровень ресурсности	Состав семьи	
	Полная	Неполная
Высокий	17,7 %	10,6 %
Средний	68,4 %	70,2 %
Низкий	13,9 %	19,2 %

Согласно данным, представленным в таблице 1, можно сказать, что наиболее высокий уровень ресурсности присущ подросткам из полных семей (17,7 %). У подростков с высоким уровнем больше сбалансированы жизненные разочарования и достижения. Также у личности наблюдается высокий адаптационный потенциал и меньше стрессовая уязвимость. Низкий уровень ресурсности свойственен детям из неполных семей и наблюдается у 19,2 % испытуемых. В то время, как у подростков из полной семьи низкий уровень присущ только 13,9 %. Подростки с низким уровнем больше подвержены стрессу и потере персональных ресурсов личности. Это может быть связано с тем, что в неполной семье подростку практически не уделяют внимания, поэтому на него влияют отрицательные примеры. Чаще всего в неполных семьях отсутствует одна сильная линия воспитания, что обычно рождает слабый характер. Выявленные различия позволяют сделать вывод, что подростки из неполных семей более чувствительны к потере и приобретению персональных ресурсов.

Далее необходимо было установить склонность подростков к развитию стресса, для чего использовалась методика «Опросник, определяющий склонность к развитию стресса (по Т. А. Немчину и Ф. У. Тейлору)». Анализ полученных результатов представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования по уровню «стрессоустойчивости» подростков из полных и неполных семей с помощью методики «Опросник, определяющий склонность к развитию стресса (по Т. А. Немчину и Ф. У. Тейлору)»

Уровень стрессоустойчивости	Состав семьи	
	Полная	Неполная
Высокий	21,5 %	25,5 %
Средний	65,8 %	66 %
Низкий	12,7 %	8,5 %

Согласно данным, представленным в таблице 2, можно сказать, что наиболее высокий уровень «стрессоустойчивости» присущ подросткам из неполных семей (25,5 %). Это может быть связано с тем, что в неполной семье подростку приходится справляться со многими трудностями самостоятельно, не рассчитывая на помощь окружающих его людей и семьи. В то время, как детям из полной семьи приходится чуть легче, так как большинство из них получают мощную поддержку от своей семьи. У подростков из полной семьи высокий уровень стрессоустойчивости наблюдается только у 21,5 %. Выявленные различия позволяют сделать вывод, что подростки из полных семей более чувствительны к стрессу и стрессовым ситуациям.

Для измерения степени выраженности состояния нервно-психического напряжения у подростков из полных и неполных семей использовалась методика «Оценка нервно-психического напряжения (Т. А. Немчин)» в ходе анализа данных по которой, были получены результаты, представленные в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты исследования степени выраженности состояния нервно-психического напряжения у подростков из полных и неполных семей с помощью методики «Оценка нервно-психического напряжения (Т. А. Немчин)»

Уровень стресса	Состав семьи	
	Полная	Неполная
Высокий	5 %	6,4 %
Средний	19 %	19,2 %
Низкий	76 %	74,4 %

Согласно данным, представленным в таблице 3, можно сделать вывод, что наиболее высокий уровень выраженности состояния нервно-психического напряжения присущ малому количеству испытуемых. У подростков из неполных семей высокий уровень был выявлен у 6,4 %, а из полной – у 5 %. Низкий уровень выраженности состояния нервно-психического напряжения наблюдается у 76 % подростков из полных семей. Это может быть связано с тем, что положение подростков в полной семье отличается. В неполной семье подростку практически не уделяют внимания, часто такие дети необщительны и скрытны. В неполных семьях подростки чаще сталкиваются с проявлениями неблагополучия, что может объяснить более высокий уровень стресса, чем у детей из полной семьи. Выявленные различия позволяют сделать вывод, что подростки из неполных семей более чувствительны к стрессу и стрессовым ситуациям.

Далее мы исследовали уровень ресурсности подростков из полных и неполных семей, которые находятся в состоянии стресса. Для этого была использована методика «Опросник Потери и приобретения персональных ресурсов (Н. Водопьянова, М. Штейн)». Полученные результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Результаты исследования уровня ресурсности подростков из полных и неполных семей в стрессовой ситуации с помощью опросника «Потери и приобретения персональных ресурсов (Н. Водопьянова, М. Штейн)»

Уровень ресурсности	Состав семьи	
	Полная	Неполная
Высокий	–	–
Средний	–	–
Низкий	100 %	100 %

Согласно данным, представленным в таблице 4, можно сказать, что у подростков, которые находятся в стрессовой ситуации низкий уровень ресурсности. Испытуемые с низким уровнем больше подвержены стрессу и потере персональных ресурсов личности. У таких подростков отсутствует стремление к постановке жизненных целей, а также мотивация на их реализацию.

Полученные теоретические и эмпирические данные могут использоваться педагогами и психологами в проведении психологической профилактики и просвещения по вопросам преодоления стресса и повышения психологического благополучия среди подростков, в том числе воспитывающихся в неполных семьях. А также при проведении индивидуального консультирования и в практике групповой работы с подростками из неполных семей.

Список использованных источников

1 Александрова, Л. А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире / Л. А. Александрова // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. – 2005. – № 7. – С. 83–84.

М. И. Васильева

Научный руководитель: Е. А. Лупекина, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у детей, оставшихся без попечения родителей. Автором приводятся данные эмпирического исследования психологических особенностей эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, копинг-стратегии, дети-сироты, сиротство.

Психологическое развитие детей, воспитывающихся вне семьи, без попечения родителей – в домах ребенка, приютах, детских домах, школах-интернатах – на сегодняшний момент стало очень острой и актуальной проблемой.

Эмоциональный интеллект как предмет социально-психологического исследования является относительно новым, малоизученным феноменом. В настоящий момент существуют различные подходы к пониманию сути и структуры эмоционального интеллекта, авторами которых являются: Р. Бар-Он, Д. Гоулман, Ю. Майер, П. Саловей, И. Н. Андреева, Д. В. Люсин, Е. А. Сергиенко, И. И. Вет-рова и другие. Но единой теории эмоционального интеллекта нет.

Л. С. Выготский отмечал, что эмоции являются центральным звеном психической жизни человека, и прежде всего ребенка. Данное утверждение показывает, что эмоциональный интеллект важен в личностном развитии ребенка [1, с. 157–159].

Д. Гоулман уделяет внимание навыкам понимания эмоций, чувств и умению управлять ими. Согласно этому подходу, эмоциональный интеллект помогает ребенку управлять своими чувствами и эмоциями, а также понимать переживания других людей [2, с. 478].

Методы и способы работы с детьми, лишенными попечения родителей, не компенсируют неблагоприятных обстоятельств их жизни, нарушений в интеллектуальном, эмоционально-волевом и личностном развитии. А впоследствии эти нарушения приводят к тому, что большая часть жизненных ситуаций воспитанников таких учреждений оказываются значительно менее подготовленными, и эти нарушения негативно сказываются в их взрослой жизни, в возможностях социализации и адаптации [3, с. 628].

Проблему копинг-стратегий исследовали множество зарубежных (Д. Амирхан, Н. Селье, Дж. Роттер, Р. Лазарус, Р. Плутчик, С. Фолкман) и отечественных авторов (Н. М. Никольская, Р. М. Грановская, С. В. Фролова, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский). В результате теоретических и экспериментальных исследований было выявлено, что для совладания со стрессом каждый человек использует собственные стратегии (копинг-стратегии) на основе имеющихся у него психологических резервов и личностного опыта (личностные ресурсы или копинг-ресурсы). Копинг-поведение подростков до сих пор остается еще малоизученным.

Копинг-стратегии – это то, что делает человек, чтобы справиться с трудной жизненной ситуацией. Концепция включает в себе когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии. Актуальный ответ на раздражитель – это копинг-стратегии, действия человека по борьбе со стрессом.

Целью данной работы было теоретическое рассмотрение феноменов эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у детей, оставшихся без попечения родителей, а также эмпирическое исследование.

База исследования: ГУО «Гомельский городской социально-педагогический центр»; ГУО «Средняя школа № 9 г. Гомеля».

Характеристика выборки исследования: выборочную совокупность составили 80 респондентов в возрасте 10 – 12 лет, из них 20 девочек и 20 мальчиков из средней школы, и 20 девочек и 20 мальчиков, оставшихся без попечения родителей.

Для исследования использовались следующие методики:

- опросник эмоционального интеллекта «ЭМИН» (Д. В. Люсин),
- стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолл.

Результаты изучения уровня эмоционального интеллекта с целью лучшего отображения представлены в диаграмме (рисунок 1).

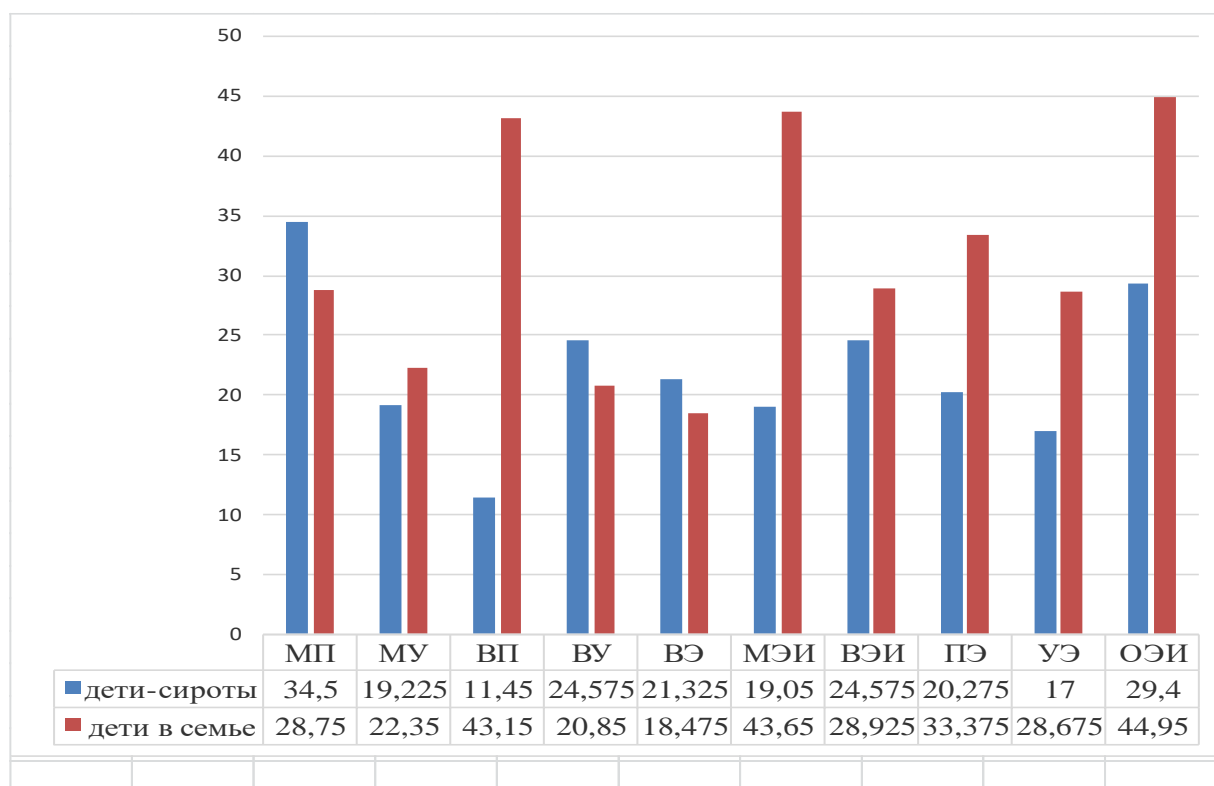

Рисунок 1 – Результаты исследования эмоционального интеллекта у респондентов

Анализируя данные, представленные на диаграмме, можно констатировать, что у детей оставшихся без попечения родителей выявлены следующие результаты:

- к низким значениям характеристик эмоционального интеллекта у детей сирот можно отнести такие, как: понимание своих эмоций (ВП) – 11,45; управление эмоциями (УЭ) – 17; межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ) – 19,05; управление чужими эмоциями (МУ) – 19,225.

- к средним значениям можно отнести выраженность таких характеристик эмоционального интеллекта, как: управление своими эмоциями (ВУ) – 24,575; внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) – 24,575; понимание эмоций (ПЭ) – 20,275; контроль экспрессии (ВЭ) – 21,325.

- к высоким значениям можно отнести выраженность такой характеристики эмоционального интеллекта, как: понимание чужих эмоций (МП) – 34,5; общий уровень эмоционального интеллекта (ОЭИ) – 29,4.

Изучая результаты детей, воспитывающихся в условиях семьи, было выявлено следующее:

- к низким значениям характеристик эмоционального интеллекта можно отнести такие, как: контроль экспрессии (ВЭ) – 18,475;

- к средним значениям можно отнести выраженность таких характеристик эмоционального интеллекта, как: управление чужими эмоциями (МУ) – 22,35; управление своими эмоциями (ВУ) – 20,85;

- к высоким значениям можно отнести выраженность такой характеристики эмоционального интеллекта, как понимание чужих эмоций (МП) – (28,75); общий уровень эмоцио-

нального интеллекта (ОЭИ) – 44, 95. понимание своих эмоций (ВП) – 43,15; внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) – 28,925; управление эмоциями (УЭ) – 28,675; общий уровень эмоционального интеллекта (ОЭИ) – 44,95.

Таким образом, для группы детей-сирот характерны низкие показатели шкалы понимания своих эмоций (ВП), управление эмоциями (УЭ), межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), управление чужими эмоциями (МУ), что может свидетельствовать о меньшей точности в опознании собственных эмоциональных состояний и эмоциональных состояний других людей, в непонимании причин их возникновения, в сложности управления своими эмоциями, низкой способности понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций.

Средний уровень параметра говорит о способности детей-сирот контролировать свои эмоции, легко успокаиваться после неожиданных огорчений и при необходимости вызывать у себя положительные эмоции в условиях воспитания в детском-доме.

Низкое среднее значение шкалы (ВЭ) – контроль экспрессии у группы детей, воспитывающихся в семье – 18,475, в сравнении с детьми сиротами – 21,325 показывает относительно низкую способность испытуемых, воспитывающихся в семьях к контролю собственных экспрессивных всплесков эмоций.

Такие различия между двумя выборками могут быть связаны с низкой потребностью у группы детей, воспитывающихся в семье управлять своими эмоциями.

Данные показатели свидетельствуют о том, что дети, воспитывающиеся без попечения родителей, способны хуже распознавать эмоции, т. е. установить сам факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека.

Анализ полученных данных по шкале общего эмоционального интеллекта показал, что у обеих групп испытуемых выявлен средний уровень эмоционального интеллекта, что свидетельствует о достаточно хорошем понимании эмоций других.

Далее проведем статистический анализ различий в группах между детьми, оставшимися без попечительства родителей и детьми, которые воспитываются в семьях, с помощью t-критерия Стьюдента.

Рассмотрим результаты статистической обработки показателей, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты статистического анализа данных

Шкала	Среднее значение		Значение t-критерия Стьюдента	Критическая точка при P=0,05	Значимость корреляции
	Дети-сироты	Дети в семье			
МП	34,5	28,75	1,3	2.02	не значима
МУ	19,225	22,35	0,9		не значима
ВП	11,45	43,15	6,7		значима
ВУ	24,575	20,85	1		не значима
ВЭ	21,325	18,475	2		не значима
МЭИ	19,05	43,65	4,9		значима
ВЭИ	24,575	28,925	1		не значима
ПЭ	20,275	33,375	3,1		значима
УЭ	17	28,675	2,7		зона неопределенности
ОЭИ	29,4	44,95	3,6		значима

В результате статистического анализа данных с использованием t-критерия Стьюдента были установлены статистически значимые различия между выборками по факторам: «ВП», «МЭИ», «ПЭ» и «ОЭИ», также фактор «УЭ» попал в зону неопределенности, что позволяет

утверждать, что дети, воспитывающиеся без попечения родителей, способны хуже распознавать эмоции, т. е. установить сам факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека, по сравнению с детьми, воспитывающимися в семье.

Дети, воспитывающиеся в условиях детского дома, с легкостью могут контролировать интенсивность эмоций; им проще чем детям, воспитывающимся в условиях семьи контролировать внешнее выражение эмоций.

По другим факторам статистически значимых различий не было выявлено, что позволяет утверждать, что дети, воспитывающиеся в семье, не обладают отличными показателями эмоционального интеллекта от детей воспитывающихся без попечения родителей.

Далее для определения стратегий преодоления стрессовых ситуаций для использован опросник «SACS».

Таблица 2 – Средневыборочные результаты исследования по опроснику «SACS»

Исследуемая выборка	Субшкалы								
	Ассер- тив. дей- ствия	Всту- п.в соц. кон- такт.	Поиск соц. под- держ- ки	Осто- рож- ные дей- ствия	Импуль- сивные дей- ствия	Избе- гание	Не- пря- мые дей- ствия	Асоци- альные дей- ствия	Агрес- сивные дей- ствия
Дети- сироты	12,075	14,575	9,725	10,7	12,975	8,85	12,675	11,975	11,7
Уро- вень	сред- ний	сред- ний	низ- кий	сред- ний	средний	низ- кий	сред- ний	средний	средний
Дети в семье	14,1	15,1	14,45	11,375	13,125	12,8	12,8	12,375	13,65
Уро- вень	сред- ний	вы- со- кий	сред- ний	сред- ний	средний	сред- няя	сред- ний	средний	средний

Интерпретируя результаты, отображенные в таблице 2, можно заключить следующее, у детей оставшихся без попечения родителей выявлены следующие результаты:

– на низком уровне выделяются такие субшкалы, как: «поиск соц. поддержки» – 9,725; «Избегание» – 8,85.

– к средним значениям можно отнести выраженность таких субшкал, как: «ассер- тивные действия» – 12,075; «вступление в социальный контакт» – 14, 575; «осторожные действия» – 10,7; «асоциальные действия» – 11,975; «агрессивные действия» – 11,7; «непрямые действия» – 12,675; «импульсивные действия» – 12,975.

Изучая результаты детей, воспитывающихся в условиях семьи, было выявлено следующее:

– к средним значениям можно отнести выраженность таких субшкал, как: «ассер- тивные действия» – 14,1; «поиск социальной поддержки» – 14,45; «осторожные действия» – 11,375; «импульсивные действия» – 12,8; «избегание» – 12,8; «непрямые действия» – 12,8; «асоциальные действия» – 12,375; «агрессивные действия» – 13,65.

– на высоком уровне проявляется копинг-стратегия: «вступление в социальный контакт» – 15,1.

Для детей сирот более характерными оказались стратегии: ассер- тивные действия, вступ- ление в социальный контакт, осторожные действия, асоциальные действия, агрессивные дей- ствия, непрямые действия, импульсивные действия.

Далее проведем статистический анализ различий в группах между детьми, оставшими- ся без попечительства родителей и детьми, которые воспитываются в семьях, с помощью t- критерия Стьюдента.

Таблица 3 – Результаты статистического анализа данных

Сравниваемые факторы	Среднее значение		Значение t-критерия Стьюдента	Критическая точка при P=0,05	Значимость различий
	Дети-сироты	Дети в семье			
Ассертивные действия	12,075	14,1	2,5	2.02	зона неопределенности
Вступ.в соц.контакт.	14,575	15,1	0,6		не значимы
Поиск соц. поддержки	9,725	14,45	4,8		значимы
Осторожные действия	10,7	11,375	0,9		не значимы
Импульсивные действия	12,975	13,125	0,2		не значимы
Избегание	8,85	12,8	3,7		значимы
Непрямые действия	12,675	12,8	0,1		не значимы
Асоциальные действия	11,975	12,375	0,4		не значимы
Агрессивные действия	11,7	13,65	2,4		зона неопределенности

В результате статистического анализа данных с использованием t-критерия Стьюдента были установлены статистически значимые различия между выборками по субшкалам: «поиск социальной поддержки», «избегание», что позволяет утверждать, что для детей, воспитывающихся без попечения родителей наименее характерными являются копинг-стратегии вида: «поиск социальной поддержки», «избегание».

Так, дети, воспитывающиеся в условиях детского дома, чаще проявляют социальную неуверенность, и в то же время их поведение в проблемных ситуациях менее асоциально по отношению к окружающим.

Также в зону неопределенности попали такие копинг-стратегии как: «ассертивные действия», «агрессивные действия», что позволяет утверждать, что дети, воспитывающиеся в семьях в определенных ситуациях, могут применять данные копинг-стратегии. По другим факторам статистически значимых различий не было выявлено.

Список использованных источников

1 Выготский, Л. С. О двух направлениях в понимании природы эмоций в зарубежной психологии в начале XX века / Л. С. Выготский // Вопросы психологии. – 1968. – № 2. – С. 157–159.

2 Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман; пер. с англ. А. П. Исаевой. – М. : АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. – 478 с.

3 Шипицына, Л. М. Психология детей-сирот : учебное пособие / Л. М. Шипицына. – СПб. : СПб.У, 2005. – 628 с.

И. А. Гавриленко

Научный руководитель: А. В. Блашкевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ФЕНОМЕН БУЛЛИНГА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье представлены результаты наблюдений и анализа буллинга в рамках современной психологии.

Ключевые слова: буллинг, виктимность.

В настоящее время тревожные тенденции в развитии деструктивного поведения учащейся молодежи все чаще становятся объектом научного анализа. Понятие «буллинг» лишь с недавнего времени стало рассматриваться как актуальная психологическая проблема, чего невозможно сказать о явлении как таковом. С обозначенным новым словом понятием, к сожалению, были хорошо знакомы с давних времен. Хотя первоначально термин возник при исследовании взрослых коллективов, сейчас можно говорить о том, что травля развивается практически в каждом закрытом сообществе. Столкновение с буллингом в образовательной среде, лишь показатель распространенности явления. Актуальность данной проблемы, выступает предпосылкой к ее современному изучению на стыке различных научных дисциплин.

Согласно О.О. Андронниковой, виктимность – это совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования человека, приводящему к ущербу для его физического или эмоционально-психического здоровья. Виктимное поведение – отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений личности [3, с. 8].

Виктимность обладает значимостью видов операций, действия субъекта или группы субъектов, компонента их социально-психологических свойств. Действия личности согласно своей натуре способны не только к преступным, однако и виктимным, в таком случае опасным для нее самой, небезопасным, неосторожным, что может привести в итоге к совершению противозаконного действия.

Если обобщить сведения из различных академических источников, то буллинг – это агрессивное поведение, напрямую связанное с насилием, либо же издевательствами, которые имеют разные формы выражения (психологическую, физическую, вербальную и кибернетическую). В соответствии с моделью «буллинг/виктимизация» можно рассматривать факторы, влияющие на обе стороны в индивидуальной, семейной коллегиальной группе, школе [5, с. 345].

Стоит заметить, что в исследованиях буллинг рассматривается как в контексте узкоэмпирического направления (фото-, или видеоматериалы травли), так и в контексте масштабного насилия и экстремизма.

Буллинг считается результатом несопоставимой динамики сил (слабые становятся жертвами сильных) и происходит через физическое и вербальное насилие, управление отношениями (распускание слухов, унижение). Обычно это явление длительно и достаточно широко распространено (большинство буллеров рецидивисты, нацеленные одновременно на нескольких жертв). Согласно проведенным лонгитюдным исследованиям, одним из важных феноменов буллинга является возможность того, что между жертвой и агрессором может происходить ролевой обмен: существует категория жертв-хулиганов – людей, при том или ином стечении обстоятельств, способных проявлять как преступное так и жертвенное поведение. Жертвы могут вести себя по-разному [4, с. 137]. Им не чуждо агрессивное или провокационное поведение; пассивные уступки насилию; проявление полного непонимания хитрости агрессора. Их поведение может быть как обоснованным, так и наоборот, правонару-

шающим, а вклад в механизм преступления как минимальным, так, при конкретных обстоятельствах, и решающим.

Кроме того, помимо указанных оснований, жертв можно классифицировать по виду и кратности причиненного им вреда (эпизодические – один раз, и «рецидивисты» – пострадавшие неоднократно). На сегодняшний день можно сказать, что разнообразные формы издевательств преследуют человека на протяжении всей его жизни.

Разновидность насилия, буллинг, также имеет свои собственные виды и, как сказано выше, проявляется преимущественно в социальных пространствах (школа, рабочее место, вооруженные силы, киберпространство и т. д.).

Не стоит упускать факт того, что проявления буллинга не ограничиваются физическим доминированием над жертвой, но могут выражаться и в форме эмоционального насилия (вербальный буллинг).

Эмоциональное насилие непосредственно сопряжено с влиянием на психическое состояние жертвы с помощью вербальных оскорблений, унижений, слухов, бойкота. Человек, страдающий от данного вида насилия, обретает состояние беспомощности, отсутствия контроля над существованием и иные расстройства психологического характера в будущем. Существует три типа агрессора, с существенными мотивационными отличиями. В зависимости от преобладающих мотивов буллера, отличаются и способы отпора [2, с. 34]:

Агрессивные личности первого типа. Такие агрессоры не сочувствуют окружающим, замкнуты в своем мире. Окружающие обычно отмечают его нарцисстические наклонности, однако эти предположения зачастую опровергаются, а самооценка таких людей напротив оказывается заниженной.

Следующий тип является зависимым от социального влияния. Он совершает свои действия, чтобы самоутвердиться и обрести статус в своей социальной группе (этот вид буллинга широко распространен среди детей и подростков, так как данная категория лиц наиболее подвержена влиянию сверстников).

Третий тип – импульсивные агрессоры. Этому типу тяжело отказаться от проявления агрессии даже в тех случаях, когда они получают отпор. Такой вид агрессии у школьников вызывает на недостаток внимания со стороны взрослых.

Совершенно любой человек может оказаться на месте жертвы вербального насилия, однако стоит заметить, что особые совокупности личностных черт способствуют становлению жертвы.

1. Существенное влияние на становление жертвой оказывает такой показатель как самооценка. Самооценка – это показатель представлений человека о своей значимости, то, насколько он оценивает свои способности, качества, достоинства и недостатки. Положительная самооценка сдерживает агрессоров, чего нельзя сказать о низкой самооценке. Часто жертвами вербального насилия становятся люди, склонные к депрессивным состояниям, зачастую имеющие заниженную самооценку. Влияние травли на самооценку также является долгосрочным. Подверженные буллингу с детского возраста люди воспринимают себя в качестве жертвы еще долгие годы.

2. Обычно они имеют низкий интерес к деятельности и к жизни в целом.

3. Кроме того, их принадлежность к определенным этническим и культурным группам, физические признаки, особенности телосложения также могут повлиять на последующее становление жертвой (цвет волос, кожи, веснушки, вес и т. д.).

Еще одной особенностью буллинга является его нераспознаваемость взрослым населением, особенно это касается вербального насилия. Как подмечено выше, такие происшествия не проходят бесследно для самооценки и даже те, кто подвергается буллингу во взрослом возрасте, нуждаются в совете от квалифицированного специалиста, который поспособствует в борьбе с влиянием агрессора [1, с. 75].

В современном мире появилась еще одна площадка для нападков и травли, о которой стоит упомянуть – это сеть Интернет. Сегодня буллеры имеют множество возможностей для киберхулиганства, поскольку именно на этом пространстве человек становится свободным и ано-

нимным (из-за трудностей в идентификации появляется сетевая безнаказанность). Это также превращает в хулиганов лиц, ранее не способных на унижение и оскорбление других людей.

Таким образом, можно отметить, что буллинг стал мировой проблемой, требующей глубокого изучения. Нужно понимать, что столкновение человека с данным явлением зачастую происходит еще в детском возрасте, поэтому уже на данном этапе необходимым является профилактическое вмешательство психологов и педагогов, нацеленное на предотвращение будущих агрессивных проявлений. Сегодня ключевой педагогической задачей становится обучение детей управлению конфликтами (разрешение конфликтов ненасильственными способами) и включение мероприятий этого спектра в рамки учебного плана. Ведь качественно выбранный подход и осведомленность может успешно предупредить и предотвратить агрессию, насилие и травлю.

Список использованных источников

1 Макарова, Е. А. Буллинг как психологическое явление, изучаемое в рамках виктимологии / Е. А. Макарова // Вестник Таганрогского института управления и экономики, – 2018. – № 1. – С. 73–75.

2 Миронова, М. Ю. Феноменология буллинга как психологического явления / М. Ю. Миронова // ACADEMY, – 2020. – № 1 (52). – С. 33–34.

3 Одинцова, М. А. Многоликость «жертвы», или немного о великой манипуляции (система работы, диагностика, тренинги) / М. А. Одинцова. – М. : Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2010. – 256 с.

4 Рылеева, М. А. Гражданский медиа-активизм как потенциал дисбаланса общественного порядка / М. А. Рылеева // Материалы V междисциплинарной межвузовской конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Информационное пространство в аспекте гуманитарных и технических наук – 2016». Барнаул, 2016. – 200 с.

5 Swearer, S. M. Understanding the Psychology of Bullying: Moving Toward a Social-Ecological Diathesis–Stress Model / S. M. Swearer, S. Hymel // American Psychologist, 2015 – № 70 (4). – P. 344–353.

К. П. Гапоненко

Научный руководитель: С. В. Остапчук
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВИНЫ У СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается понятие суицидального риска и его факторов. Приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи факторов суицидального риска с иррациональными формами вины. В результате исследования выявлена взаимосвязь антисуицидального риска и двух форм иррациональной вины – вины гиперответственности и вины ненависти к себе. Данное исследование способствует выявлению суицидального риска у индивидов, и как следствие, последующему предотвращению возможных суицидальных попыток у людей с высоким суицидальным риском.

Ключевые слова: суицидальный риск, факторы суицидального риска, антисуицидальный фактор, иррациональные формы вины, чувство вины, вина гиперответственности, вина ненависти к себе.

На данном этапе развития нашего общества, одной из важнейших проблем является проблема суицида и суицидального поведения, выступающая как ведущая причина прежде-

временной смертности населения. К огромному сожалению, тема суицидального поведения была и продолжает оставаться в числе самых актуальных.

Острую необходимость изучения данного аспекта, отражает тот факт, что за последние годы уровень самоубийств, в возрастной группе от 15 до 24 лет, увеличился в два раза. Также стоит отметить, что суицид является третьей и основной причиной смерти людей в возрасте от 15 до 34 лет. Если рассматривать вышеуказанные факты более глобально, то сложившаяся ситуация наносит ущерб не только физическому и психическому здоровью населения, но и общественному порядку, а также экономике в целом [3].

По сведениям ВОЗ, ежегодно 703 тысячи человек совершают самоубийство. Стоит отметить, что к лишению себя жизни, прибегают люди абсолютно различных возрастных групп, в 2019 году именно суицид стал четвертой и ведущей причиной смерти, людей находящихся в возрастной группе от 15 до 29 лет [5].

Часто встречающимся заблуждением является то, что наибольшее количество суицидов совершается в странах с высоким уровнем дохода. Однако на ошибочность данного суждения указывает статистика, согласно которой, в 2019 году, более 77 % самоубийств во всем мире, приходилось на страны со средним и низким уровнем дохода [3].

Согласно глобальному рейтингу стран по уровню самоубийств, Беларусь в течение длительного времени находится в первой десятке стран-лидеров по количеству суицидов. В 2021 году, согласно отчету ВОЗ, по количеству самоубийств на 100 тысяч жителей, Беларусь занимает пятое место [5].

Рассматривая понятие риска суицидального поведения, можно заключить следующее: суицидальный риск – это комплексная характеристика психического состояния, свойственного неадаптированной личности, сформированного уникальным комплексом индивидуальных особенностей индивида и методами его взаимодействия с социумом в критических жизненных ситуациях, сопровождающегося отрицательными эмоциональными переживаниями, отражающими уровень сформированности суицидальных намерений [1, с. 215].

Риск самоубийства – это некая возможность совершения самоубийства, включающая определенные факторы, от присутствия и содержания которых зависит склонность человека к суицидальному поведению.

Существуют две основополагающие группы факторов, которые влияют на возникновение у индивида суицидального риска: это групповые факторы риска и индивидуальные факторы риска. При рассмотрении индивидуального риска необходимо отметить степень реализации двух видов факторов: суицидогенных индивидуальных и антисуицидальных факторов.

Вина – это одна из базисных человеческих эмоции и, в то же время, нравственная категория, которая возвращает человека к его человеческой природе. В момент переживания индивидом чувства вины возникает ощущение физического напряжения всего тела, может появиться затруднение дыхания, острое чувство страха и желание убежать от самого себя. Излишняя склонность человека к тому, чтобы испытывать чувство вины, может стать основой для возникновения депрессивных состояний, а также для развития гиперответственности за происходящее [8].

Рациональное чувство вины – реалистичный ответ на ущерб, фактически причиненный другим, всегда пропорциональный объективному значению ущерба и уменьшающийся, когда человек исправляет ошибки [6].

Человек, подверженный чувству иррациональной вины, ощущает себя виновным по своей сути. Переживание иррациональной вины может стать следствием угроз лишения родительской любви в том случае, если ребенку объясняется причинно-следственная связь между его проступком и этой угрозой [6].

Выделяют четыре типа иррациональной вины: вина выжившего (уцелевшего), вина отделения (предательства), вина гиперответственности и вина ненависти к себе [6].

Цель нашего исследования – изучить взаимосвязь суицидального риска с иррациональными формами вины. Для диагностики изучаемых явлений использовались «Опросник

суицидального риска», модификация Т.Н. Разуваевой [4] и «Опросник для измерения иррациональных форм вины» (O'Connor et al., 1997), адаптированный Е.В. Коротковой (2002) [2].

Опросник для измерения иррациональных форм вины направлен на выявление четырех типов вины: вины выжившего, вины отделения, вины гиперответственности и вины ненависти к себе.

Нам бы хотелось остановиться на характеристике двух типов иррациональной вины: вина гиперответственности и вина ненависти к себе. Принято считать, что вина гиперответственности берет свое начало из альтруизма. Данный тип вины подразумевает гиперболизированное чувство ответственности за других. Человек, которому присущ данный тип вины, убежден, что он ответственен за благополучие и счастье окружающих [2].

Вину ненависти к себе необходимо рассматривать как наименее адаптивную форму иррациональной вины, которая, как правило, возникает из-за жестокого невнимательного отношения родителей, друзей и других близких. Выражается данный тип вины в крайне негативной оценке себя, чувстве несостоятельности. Связь вины ненависти к себе с межличностной виной выражается в том, что индивид принимает крайне негативный взгляд на собственную личность с целью сохранить связь с близкими и родными людьми [2].

В нашем исследовании приняли участие девушки и юноши в возрасте от 18 до 25 лет. Общее количество – 61 человек.

Несмотря на высокую выраженность всех факторов суицидального риска существует фактор, который снимает всеобъемлющий суицидальный риск. Это антисуицидальный фактор. При его наличии у человека присутствует осознание всей ответственности за близких людей, чувство долга, имеется убеждение о греховности самоубийства, его не эстетичности, боязнь боли и физических страданий [4].

По нашему мнению, взаимосвязь фактора антисуицидального фактора с виной всеобъемлющей ответственности является одной из ключевых взаимосвязей. Рассмотрим взаимосвязь фактора антисуицидального фактора с виной гиперответственности и виной ненависти к себе (таблица 1).

Таблица 1 – Взаимосвязь переменных «антисуицидальный фактор» и «вина всеобъемлющей ответственности»

Переменные	rs	p
Антисуицидальный фактор / Вина гиперответственности	0,24	0,05

Примечания: здесь и далее rs – коэффициент ранговой корреляции Спирмена, p – уровень значимости

Из данных таблицы 1 видно, что при использовании коэффициента ранговой корреляции Спирмена, взаимосвязь между переменными «антисуицидальный фактор» и «вина гиперответственности» оказалась значимой, так как уровень значимости $p \leq 0,05$. Величина и знак коэффициента корреляции говорят о прямой положительной слабой корреляции между переменной «антисуицидальный фактор» и переменной «вина гиперответственности». Данный факт указывает на то, что при повышении выраженности вины гиперответственности происходит повышение показателей антисуицидального фактора.

Полученные результаты, по нашему мнению, можно объяснить следующим образом: так как вина гиперответственности связана с верой, что человек ответственен за счастье и благополучие других, она может очень остро влиять на индивида, подверженного данной форме вины. Это связано, в первую очередь с тем, что реализация стремления к благополучию других людей на практике сталкивается с огромным количеством препятствий, которые необходимо разрешать. Это занимает большое количество времени и энергии. Как итог данного процесса, индивид концентрирует свое внимание лишь на состоянии, вызванном чув-

ством вины, и не концентрируется на воздействиях, которые могут вызывать повышение уровня суицидального риска.

Таблица 2 – Взаимосвязь переменных «антисуицидальный фактор» и «вина ненависти к себе»

Переменные	rs	p
Антисуицидальный фактор / Вина ненависти к себе	0,27	0,02

Величина и знак коэффициента корреляции говорят о прямой положительной слабой корреляции между переменной «антисуицидальный фактор» и переменной «вина ненависти к себе». Это означает, что при повышении выраженности вины ненависти к себе происходит повышение выраженности антисуицидального фактора.

По нашему мнению, данные результаты объясняются следующим: вина ненависти к себе, выражающаяся в негативной оценке индивидом самого себя, общем чувстве негодности, принятии негативной оценки со стороны близких, вызывает нарастающее чувство вины. При этом человек испытывает необходимость избавиться от главной причины, вызывающей это чувство. В соответствии с этим, индивид приходит к выводу: чтобы устранить данное чувство – необходимо воздействовать на самого себя. Это воздействие, в свою очередь, может нести всеобъемлющий характер, что приводит к переключению внимания на собственную личность и снижению действия факторов, повышающих риск суицидального поведения.

Полученные результаты указывают на возможность выявления суицидального риска на ранних этапах его зарождения у индивида посредством проведения психодиагностических процедур, направленных на изучение выраженности у испытуемого иррациональных форм вины. При этом большее внимание необходимо уделять показателям по шкалам «вина гиперответственности», «вина ненависти к себе».

Список использованных источников

1 Колмаков, А. А. Структурно-динамическая модель формирования и развития суицидальной тенденции / А. А. Колмаков // Проблемы суицидов и суицидального поведения : материалы респ. науч.-практ. конф., Гомель, 2008 / Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель, 2008 – С. 210–216.

2 Короткова, Е. В. Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Е. В. Короткова. Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 226 с.

3 Самоубийство: факты и цифры [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>. Дата доступа: 01.04. 2022.

4 Сафуанов, Ф. С. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов / Ф. С. Сафуанов, О. И. Сочивко // Психология и право. – 2019. – Том 9, № 4. – С. 211–224.

5 Статистика самоубийств по странам [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://openbase.online/ctatistika-samoubijstv-po-stranam/>. – Дата доступа: 01.04.2022.

6 Buss, A. H. Self-consciousness and social anxiety / A. Buss. – San Francisco: Freeman, 1980. – P. 158–161.

7 Curran, J. Skills training as an approach to the treatment of heterosexualsocial anxiety: A review / J. Curran // Psychological Bulletin. – 1977. –№ 84. – P 140–157.

8 Makinen, I. Some social dimensions of suicide / I. Makinen, D. Wasserman // In Suicide – An unnecessary death ; ed. By D. Wasserman. London: Martin Duntiz. – 2001. – P. 101–108.

А. С. Дзыгун

Научный руководитель: М. Б. Овчинникова, канд. психол. наук
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
г. Могилев, Республика Беларусь

ТРУДНЫЕ СИТУАЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ОЦЕНИВАНИЯ

В статье рассматривается проблема трудных ситуаций в жизнедеятельности студенческой молодежи. Посредством контент-анализа установлены наиболее часто встречающиеся сложные ситуации. Определены особенности когнитивного оценивания молодыми людьми жизненных трудностей.

Ключевые слова: трудные ситуации жизнедеятельности, когнитивное оценивание трудных ситуаций, студенческая молодежь.

В современной психологической науке активно обсуждается проблема преодоления стрессогенных ситуаций в юношеском возрасте (В. И. Голованевская, 2006; С. С. Гончарова, 2006; Т. Л. Крюкова, 2005; З. Б. Кучина, 2010; С. А. Хазова, 2014 и т. д.). Это связано с тем, что из-за быстрых изменений, происходящих в социально-экономической жизни общества, юноши и девушки не могут опираться на опыт предыдущих поколений. Они вынуждены самостоятельно вырабатывать собственные стратегии совладания с жизненными трудностями. От того, насколько успешно молодые люди смогут решить эту задачу, зависит дальнейшее развитие и становление их личности.

Юношеский возраст, в котором находится большинство студентов, является достаточно кризисным. Этот период характеризуется активным развитием когнитивной и эмоционально-волевой сфер личности, формированием мировоззрения, необходимостью осуществления профессионального выбора, вхождением индивида в новые социальные институты, поиском интимности в романтических и дружеских отношениях (Л. А. Головей, 2013; И. С. Кон, 1989; Э. Эриксон, 1996). Кризисность юношеского возраста достаточно часто осложняется материальной и бытовой неустроенностью, неопределенностью будущего, интенсивными умственными нагрузками, а также переживанием экзаменационных стрессов. Неконструктивное преодоление молодыми людьми внутренних и внешних противоречий увеличивает риск их социальной дезадаптации.

В отечественной психологии совладающее поведение рассматривается как сложный полидетерминированный феномен, позволяющий человеку осознанно и целенаправленно справляться со стрессом адекватными личностным особенностям и ситуации способами [5]. Совладающее поведение «запускается» трудной жизненной ситуацией (далее – ТЖС), которая выступает в качестве фактора, вызывающего стресс [6]. В настоящем исследовании под трудной жизненной ситуацией мы понимаем ситуацию, которая характеризуется наличием значимых противоречий между требованиями, предъявляемыми к человеку, и его индивидуальными возможностями или (и) мотивами и условиями для их реализации [8].

Возникновение субъективной трудности преимущественно связано с когнитивным оцениванием ситуации, в ходе которого субъект тем или иным образом категоризирует, интерпретирует ситуацию и выбирает способы поведения в ней. Мы придерживаемся точки зрения Е. В. Битюцкой, которая определяет когнитивное оценивание ТЖС, как систему интегрированных когнитивных и эмоциональных процессов, связанных с множественными оценками человеком ситуации и себя в этой ситуации. Согласно автору, ТЖС характеризуется следующими признаками: значимость ситуации, беспокойство, необходимость затраты дополнительных сил, ресурсов, неподконтрольность, непонятность, необходимость быстрого и

активного реагирования, затруднения в принятии решения, трудности прогнозирования ситуации, сильные отрицательные эмоции, угроза будущему [3].

В работах российских психологов раскрыты отдельные аспекты проблемы трудных ситуаций в жизнедеятельности студенческой молодежи. Так, в исследовании С. А. Хазовой определены ситуации, воспринимаемые студентами как трудные, значимые, требующие мобилизации ресурсов [7]. В. И. Голово-невской установлены особенности категоризации трудных ситуаций студентами во взаимосвязи с предпочитаемыми типами стратегий совладания [4]. В работе Е. А. Анненковой выявлены личностные детерминанты оценки юношами и девушками трудных жизненных событий [1]. В то же время обзор литературы показал, что в работах белорусских ученых исследованию обозначенной проблемы уделяется недостаточное внимание. В частности, малоизученным является аспект когнитивного оценивания молодыми людьми жизненных трудностей. Определение наиболее распространенных сложных ситуаций в жизни студентов и характера их ментальной репрезентации субъектами позволит более целенаправленно осуществлять психологическое сопровождение юношей и девушек, переживающих стресс.

Цель исследования – определить особенности трудных ситуаций, встречающихся в жизнедеятельности студенческой молодежи.

Выборку исследования составили 40 студентов (20 девушек и 20 юношей) в возрасте от 17 до 22 лет (средний возраст – 19 лет).

Для реализации цели исследования использовалась методика Е. В. Битюцкой «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций». Данная методика состоит из двух частей. В первой части респонденту предлагается коротко описать ситуацию, которую он воспринимает как трудную, стрессогенную. Вторая часть методики представлена перечнем утверждений – оценочных шкал. Испытуемому предлагается соотнести описанную в первой части ситуацию с каждым утверждением и проставить соответствующие оценки, используя семибалльную шкалу [2]. Для анализа качественных данных использовался контент-анализ. Количественные данные анализировались с помощью описательной статистики.

Посредством контент-анализа мы проанализировали 40 ситуаций, описанных респондентами. Проведенный анализ позволил выявить ряд трудностей, возникающих в жизнедеятельности студентов (рис. 1).

Рисунок 1 – Результаты контент-анализа ответов респондентов

Исходя из данных, приведенных на рисунке 1, наиболее часто в жизни студентов встречаются трудности, обусловленные конфликтным взаимодействием с друзьями и близкими людьми (25 % от общего количества ответов). Это такие ситуации как «ссоры с друзьями», «расставание с романтическим партнером», «отсутствие взаимопонимания в семье», «недостаточное внимание со стороны родителей» и т. д.

Также возникновение стресса в жизни студентов связано с проблемами в учебной деятельности (20 % от общего количества ответов) и с дефицитом времени (20 %). Кроме того, субъективную трудность у респондентов вызывают ситуации, обусловленные нехваткой материальных средств (17,5 %), внутриличностными противоречиями (11 %) и др.

Далее мы проанализировали особенности когнитивного оценивания ситуаций, воспринимаемых студентами как трудные, стрессогенные. В связи с тем, что распределение показателей методики «Когнитивное оценивание ТЖС» отличалось от нормального, в качестве первичных описательных статистик использовались значения медианы (рисунок 2).

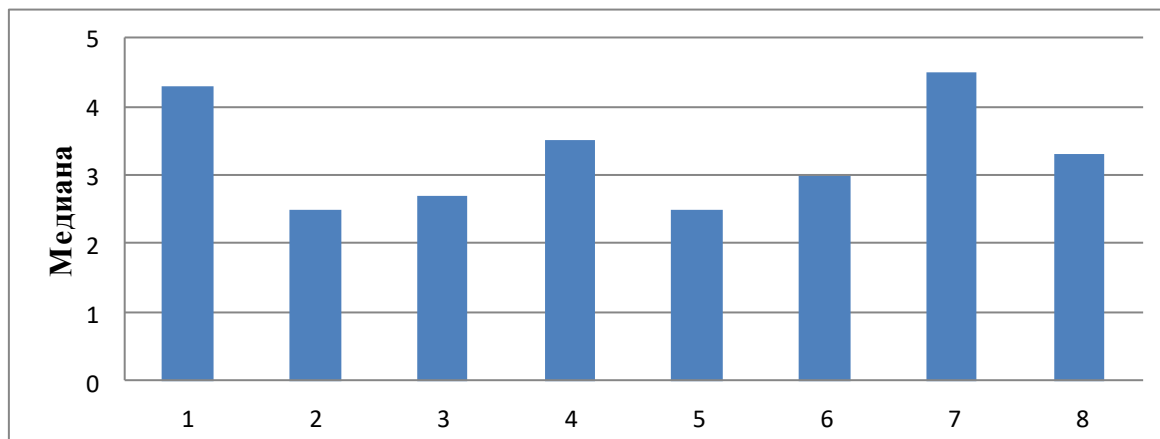

Рисунок 2 – Показатели когнитивного оценивания студентами ТЖС

Примечание: 1 – Общие признаки ТЖС. 2 – Неподконтрольность ситуации. 3 – Непонятность ситуации. 4 – Необходимость быстрого, активного реагирования. 5 – Затруднение в принятии решения. 6 – Трудности прогнозирования ситуации. 7 – Сильные эмоции. 8 – Перспектива будущего.

Исходя из данных, приведенных на рисунке 2, возникновение субъективной трудности в жизнедеятельности студентов в наибольшей степени связано с переживанием сильных отрицательных эмоций ($Me = 4,5$). Большинство испытуемых воспринимает проблемные ситуации как значимые, беспокоящие, требующие повышенных затрат ресурсов ($Me = 4,3$) и быстрого, активного реагирования ($Me = 3,5$).

Предположительно, данный факт обусловлен тем, что в юношеском возрасте молодые люди впервые сталкиваются с новыми, неожиданными для них сложностями, связанными с изменением социальной ситуации развития, возрастанием требований со стороны социума, необходимостью овладения профессиональной деятельностью, возникновением потребности в построении различных по близости и устойчивости межличностных отношений. Для разрешения обозначенных трудностей молодому человеку необходимо быстро принимать решения и осуществлять незамедлительные действия. Однако отсутствие жизненного опыта не всегда позволяет ему найти адекватный способ разрешения проблемной ситуации, что сопровождается переживанием сильных негативных эмоций и состояний.

Таким образом, наиболее распространенными в жизнедеятельности студентов являются трудные ситуации, связанные с конфликтным взаимодействием с друзьями и близкими людьми, проблемами в учебной деятельности и дефицитом времени. Кроме того, достаточно стрессогенными для юношей и девушек являются ситуации, обусловленные нехваткой материальных средств и возникновением внутриличностных противоречий. Субъективная сложность обозначенных ситуаций обусловлена их высокой значимостью для студенческой молодежи, переживанием сильных негативных эмоций, повышенным расходом сил и ресурсов, а также необходимостью быстрого и активного реагирования. Результаты проведенного исследования рас-

ширяют представления о трудных жизненных ситуациях в жизнедеятельности студентов и характере их ментальной репрезентации субъектами. Полученные данные могут быть использованы в психологическом консультировании и при формировании обучающих программ для студентов с целью повышения эффективности стресс-преодолевающего поведения.

Список использованных источников

1 Анненкова, Е. А. Личностные детерминанты оценки трудных жизненных событий юношами и девушками и их стратегий совладания : автореферат дис.... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е. А. Анненкова. – Ростов-на-Дону, 2010. – 21 с.

2 Битюцкая, Е. В. Методика диагностики когнитивного оценивания трудных жизненных ситуаций / Е. В. Битюцкая // Психология стресса и совладающего поведения : материалы III междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 26–28 сент. 2013 г. : в 2 т. / Костром. гос. ун-т ; редкол. : Т. Л. Крюкова (отв. ред.) [и др.]. – Кострома, 2013. – Т. 2. – С. 276–278.

3 Битюцкая, Е. В. Моделирование процесса совладания с трудной жизненной ситуацией / Е. В. Битюцкая, Е. А. Баханова, А.А. Корнеев // Национальный психологический журнал. – 2015. – Т. 2, № 18. – С. 41–55.

4 Голованевская, В. И. Факторы предпочтения стратегий совладания : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / В. И. Голованевская ; Моск. гос. ун-т. – М., 2006. – 31 с.

5 Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Т. Л. Крюкова. – М., 2005. – 237 с.

6 Нартова-Бочавер, С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 5. – С. 20–30.

7 Хазова, С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / С. А. Хазова. – Кострома, 2014. – 540 с.

8 Шипилов, А. И. Психологические основы взаимодействия офицеров в трудных межличностных ситуациях : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / А. И. Шипилов. – М., 2000. – 135 с.

Н. Г. Дорошкин

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ЛЮБОВНОЙ АДДИКЦИИ У СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается специфика любовной аддикции у студентов. Автором приводятся данные эмпирического исследования любовной аддикции у студентов. Любовная аддикция у студентов имеет разные уровни выраженности и чаще проявляется на среднем уровне, Структура зависимости проявляется через высокие уровни эмоциональной опоры на других и неуверенность в себе, низком уровне стремления к автономии. Интегральный показатель межличностной зависимости чаще проявляется на среднем уровне, что характеризуется заинтересованностью в эмоциональной близости с партнером.

Ключевые слова: любовная аддикция, зависимость, межличностные отношения, студенты.

Актуальность темы исследования связана с тем, что высокая значимость проблемы любовных аддикций состоит в том, что они обычно поражают молодых людей, способствуют десоциализации студентов, что приносит значительный прямой и косвенный экономический ущерб для каждого человека, его семьи и социума в целом. Любовная аддикция в различных ее формах повышает риск аутодеструктивного и аутоагрессивного поведения, приводит к огромному числу коморбидных расстройств.

По данным зарубежных исследователей, переживания «страстной», «роковой» и «неразделенной» любви в той или иной мере знакомы 62–75% взрослых людей [2, с. 317].

На основе анализа современной литературы, И. Н. Хмарук пришел к тому, что среди факторов, которые способствуют провоцированию любовных аддикций, особое место следует отводить реальной или мнимой утрате объекта эротической привязанности, потере уверенности в положительном отношении с его стороны, угрозе расставания с объектом в связи с нарастающим конфликтным взаимодействием [2, с. 319].

В юношеском возрасте возрастает риск любовной аддикции. Это связано с тем, что в юности начинается формирование характерного для личности стиля поведения в ситуациях общения с противоположным полом. Появление предмета любви – высоко значимое событие в жизни парня или девушки, вызывающее «бурю» эмоций, переживаний. Юношеская потребность в самораскрытии часто перевешивает интерес к другому, побуждая не столько выбирать любимого, сколько придумывать его. Мечта о любви в этом возрасте выражается, первым делом, потребностью в эмоциональном контакте, понимании, душевной близости; эротические мотивы в ней не осознанны [1, с. 1].

В юношеском возрасте углубляются и приобретают особую остроту избирательные формы межличностных отношений, появляется любовь, имеющая ряд специфических характеристик и являющаяся уникальным событием в жизни человека. Именно поэтому юношескую любовь называют «томлением сердца» (А. И. Герцен), а ранняя юность рассматривается как время поисков любви (И. С. Кон).

Главным приобретением юности считается открытие своего внутреннего мира, осознание своей неповторимости. Вместе с тем, в этом возрасте часто возникает чувство одиночества, отсюда – рост потребности в общении. Интимно-личностное общение занимает в жизни молодых людей существенное место – лишь на основе откровенности и доверия выстраивается юношеское общение, поэтому желание любви и привязанности в этом возрасте высоко.

Феномен любовной аддикции изучали такие авторы, как А. Ю. Егоров, И. Д. Ивахнова, О. А. Кондрашкина, Г. В. Старшенбаум, Е. Л. Луценко, О. В. Богатырева, И. Н. Хмарук и др.

Теоретическое изучение проблемы актуализировало проведение эмпирического исследования. Выборочная совокупность составила 140 человек, исследование прошло на базе ГГУ имени Франциска Скорины.

Результаты по методике «Тест на выявление любовной зависимости» представлены на рисунке 1.

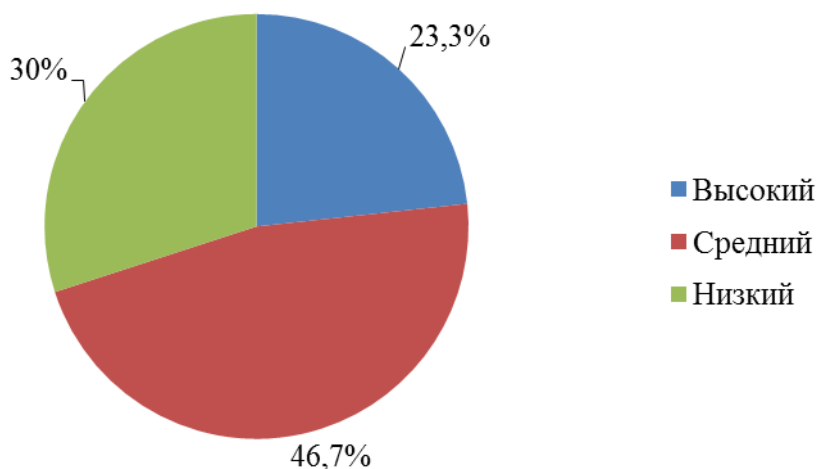

Рисунок 1 – Результаты диагностики по методике «Тест на выявление любовной зависимости»

Анализ результатов, представленных на рисунке 1, показывает, что высокий уровень склонности к любовной аддикции выявлен у 23,3 % студентов. У них ярко выражена склонность проявлять поведение с фиксацией на одном человеке, которая воспринимается ими как страстная любовь, а также стремление выстраивать любовно-сексуальные отношения с определенным человеком.

Средний уровень склонности к любовной аддикции выявлен у 46,7 % студентов. Низким уровнем склонности к любовной аддикции обладают 30 % студентов.

Таким образом, большая часть студентов обладает средним уровнем склонности к любовной аддикции – у них умеренно выражена склонность проявлять поведение с фиксацией на одном человеке, которая воспринимается ими как страстная любовь, а также стремление выстраивать любовно-сексуальные отношения с определенным человеком.

Результаты по методике «Тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда» представлены на рисунке 2.

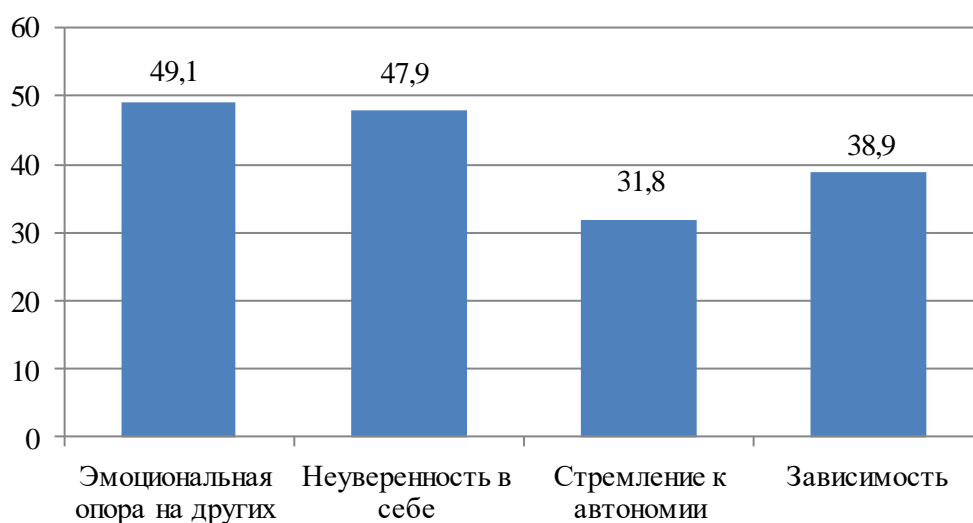

Рисунок 2 – Результаты методики «Тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда» (адаптация О. П. Макушиной)

Анализ результатов, представленных на рисунке 2, свидетельствует о том, что по шкале «эмоциональная опора на других» у студентов выявлен высокий показатель (49,1). Это указывает на ярко выраженную ориентацию на эмоциональную поддержку других людей, направленность на получение высокой оценки с их стороны, склонность многого от них ожидать.

По шкале «неуверенность в себе» у студентов выявлен средний показатель (47,4). Это указывает на умеренно выраженные сомнения в своей способности иметь дело с большинством из тех личностных проблем, с которыми человек сталкивается в жизни.

По шкале «стремление к автономии» у студентов выявлен средний показатель (31,4). Это указывает на умеренно выраженное стремление к обособленности.

По интегральному показателю межличностной зависимости у студентов выявлен средний показатель (38,2). Это указывает на умеренно выраженную потребность в эмоциональной близости, любви и принятии со стороны значимых других, ригидное стремление к получению помощи и поддержки на фоне постоянного ощущения себя как беспомощного и слабого независимо от конкретной ситуации.

Таким образом, у студентов ярко выражена эмоциональная опора на других, что проявляется в ориентации на эмоциональную поддержку других людей, склонность многого от них ожидать.

Высокий уровень склонности к любовной аддикции выявлен у 23,3 % студентов. У них ярко выражена склонность проявлять поведение с фиксацией на одном человеке, которая воспринимается ими как страстная любовь, а также стремление выстраивать любовно-сексуальные отношения с определенным человеком.

Согласно результатам проведенного исследования, можно сделать вывод, что в современном мире склонность к любовной аддикции у некоторых людей может возрастать, так как этому способствуют фильмы, игры, то есть романтизация страданий. А также молодые люди не совсем могут понимать, что они зависимы. Риск любовной зависимости возрастает в связи с прошлыми событиями: ссоры в семье, безразличие со стороны обоих родителей, либо одного из них. В итоге можно сказать, что для уменьшения риска появления любовной аддикции стоит обращаться к специалистам в области психологии, чтобы прорабатывать психологические травмы, которые могут повышать риск зависимости.

Список использованных источников

1 Гончарова Н. В. Изучение отношения юношей и девушек к романтической любви / Н. В. Гончарова, Т. И. Меньшикова // Гуманитарные научные исследования. – 2011. – № 2. – С. 1–7.

2 Хмарук. И. Н. Патологическая любовь как форма болезни зависимого поведения / И. Н. Хмарук // Современная психология: материалы докладов на рос. науч.практ. конф. – Казань, 29-30 сентября 2005 г.: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 316–321.

Д. В. Кайтанова

Научный руководитель: А. Е. Журавлева

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПАЦИЕНТОВ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ, ПЕРЕНЕСШИХ ПНЕВМОНИЮ, ВЫЗВАННУЮ COVID-19

Статья посвящена изучению проблеме качества жизни пациентов терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19. Представлены результаты эмпирического исследования качества жизни пациентов терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19. Преобладающими уровнями показателей качества жизни, таких как физическое функционирование, ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием, общее состояние здоровья, общий показатель физического состояния здоровья, жизненная активность, ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием, оценка психического здоровья, является низкий уровень.

Ключевые слова: качество жизни, пациент терапевтического профиля, пневмония, вызванная COVID-19, физическое функционирование, социальное функционирование.

С декабря 2019 года мир столкнулся с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, поставившей под удар привычный жизненный уклад населения всей планеты. Согласно официальным данным Всемирной организации здравоохранения, новая коронавирусная инфекция COVID-19 за двухлетний период своего существования стала причиной заболевания более 269 миллионов человек и причиной смерти более 5 миллионов человек [3, с. 307]. D. F. Santomauro, A. M. Herrera, J. Shadid в журнале «The Lancet» отметили, что новая коронавирусная инфекция оказывает влияние не только на физическое здоровье, но и на психологическое состояние людей. Практически у каждого человека, перенесшего COVID-19, вне зависимости от формы течения заболевания, наблюдаются следующие выра-

женные характеристики: апатия, депрессия, тревожное состояние. Негативное влияние перенесенной болезни проявляется в доминировании остро негативных и тревожно-депрессивных эмоций, что в дальнейшем приводит к возникновению эмоциональных барьеров в общении с другими людьми, а также сказывается на качестве жизни пациентов, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19 [2, с. 114].

Актуальность исследования качества жизни пациентов терапевтического профиля, переболевших пневмонией, вызванной COVID-19, в настоящее время продиктована необходимостью разработки направлений психологической профилактики и кризисного консультирования различных групп людей, которые оказались наиболее уязвимыми в сложившейся ситуации [1, с. 83]. Однако в психологической литературе отмечается дефицит исследований, направленных на изучение качества жизни пациентов терапевтического профиля, переболевших пневмонией, вызванной COVID-19. В основном исследования сосредоточены на изучении влияния новой коронавирусной инфекции именно на эмоциональную сферу пациентов. На восполнение данного пробела и будет направлено наше исследование.

Исследование проводилось на базе ГУЗ «ГГКБ № 1». Выборочную совокупность составили 70 пациентов терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, в возрасте от 50 до 65 лет, среди них 37 мужчин и 33 женщины. В соответствии с целью исследования была выбрана методика оценки качества жизни «SF-36 Health Status Survey». В качестве методов математической статистики использовался критерий χ^2 -углового преобразования Фишера.

Анализ результатов исследования качества жизни у пациентов терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, полученных с помощью методики оценки качества жизни «SF-36 Health Status Survey», показали, что у 40 % пациентов-мужчин терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, и у 39 % пациентов женского пола, выявлен низкий уровень физического функционирования. Состояние здоровья данной части пациентов лимитирует выполнение физических нагрузок. У 54 % пациентов-мужчин и у 48 % пациентов женского пола выявлен средний уровень физического функционирования. В то время как повышенный уровень физического функционирования выявлен лишь у 11 % пациентов-мужчин терапевтического профиля и у 13 % пациентов терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, женского пола. Физическая активность данной части респондентов не ограничивается состоянием их здоровья.

У 51 % пациентов терапевтического профиля мужского пола и у 45 % женского пола, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, выявлен низкий уровень ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием. У данной части пациентов физическое состояние оказывает непосредственное влияние на повседневную ролевую деятельность, т. е. повседневная деятельность значительно ограничена физическим состоянием пациентов.

У 46 % пациентов терапевтического профиля мужского пола и у 42 % пациентов женского пола, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, выявлен средний уровень ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием. Повышенный уровень ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием, выявлен у 3 % пациентов терапевтического профиля мужского пола и у 13 % пациентов женского пола, т. е. повседневная деятельность данной части пациентов не ограничена их физическим состоянием.

У 46 % пациентов мужского пола и у 42 % пациентов женского пола, выявлен низкий уровень интенсивности боли, что свидетельствует о том, что боль значительно не ограничивает активность исследуемых пациентов. У 32 % пациентов терапевтического профиля мужского пола и у 39 % пациентов женского пола, выявлен средний уровень интенсивности боли. Повышенный уровень интенсивности боли выявлен у 22 % пациентов мужского пола и у 19 % пациентов женского пола, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19. Боли оказывают влияние на способность пациентами заниматься повседневной деятельностью, включая работу по дому и вне дома.

У 40 % пациентов мужского пола и у 39 % пациентов женского пола выявлен низкий уровень общего состояния здоровья, т. е. больные дают низкую оценку своего состояния здоровья в настоящий момент и перспектив лечения. У 43 % пациентов мужского пола и у 45 % пациентов женского пола выявлен средний уровень общего состояния здоровья. Повышенный уровень общего состояния здоровья выявлен у 17 % пациентов терапевтического профиля мужского пола и у 15 % пациентов женского пола, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, т. е. пациенты оценивают свое общее состояние здоровья как удовлетворительное, что свидетельствует о том, что данная часть пациентов адаптировалась к своему состоянию после перенесенной пневмонии, вызванной COVID-19.

У 43 % пациентов терапевтического профиля мужского пола и у 42 % пациентов женского пола, выявлен низкий уровень общего показателя физического состояния здоровья. У 46 % пациентов мужского пола и у 45 % женского пола, выявлен средний уровень общего показателя физического состояния здоровья. Повышенный уровень общего показателя физического состояния здоровья выявлен у 11 % пациентов мужского пола и у 13 % пациентов женского пола, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, т. е. пациенты оценивают свое общее физическое состояние здоровья как удовлетворительное.

У 49 % пациентов мужского пола и у 45 % пациентов женского пола, выявлен низкий уровень жизненной активности. Данная часть испытуемых чувствуют некоторую обессиленность, снижение жизненной активности. У 27 % пациентов мужского пола и у 37 % пациентов женского пола, выявлен средний уровень жизненной активности. Повышенный уровень жизненной активности выявлен у 24 % пациентов мужского пола и у 18 % пациентов женского пола. Данная часть испытуемых чувствуют себя достаточно хорошо, они полны сил и энергии, т. е. активны и энергичны в повседневной жизнедеятельности.

У 13 % пациентов мужского пола и у 15 % пациентов женского пола выявлен низкий уровень социального функционирования. У них отмечается значительное ограничение социальных контактов, снижен уровень общения в связи с ухудшением физического и эмоционального состояния. У 27 % пациентов мужского пола и у 22 % пациентов женского пола выявлен средний уровень социального функционирования. Повышенный уровень социального функционирования выявлен у 38 % пациентов мужского пола и у 42 % пациентов женского пола. Высокий уровень социального функционирования выявлен у 38 % пациентов мужского пола и у 22 % пациентов женского пола, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19. Физическое или эмоциональное состояние не ограничивает социальную активность (общение) данной части респондентов.

У 46 % пациентов мужского пола и у 43 % пациентов женского пола выявлен низкий уровень ролевого функционирования в силу эмоционального состояния, что свидетельствует об ограничении в выполнении повседневной работы, обусловленном ухудшением эмоционального состояния. Ухудшение эмоционального состояния, чаще всего, вызвано переживаниями по поводу собственного здоровья, пациенты ощущают некоторый дискомфорт, переживают за последствия перенесенного заболевания, что сказывается на выполнении повседневных дел.

У 38 % пациентов мужского пола и у 39 % женского пола выявлен средний уровень ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием. 16 % пациентов мужского пола и 18 % пациентов женского пола, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, продемонстрировали высокий уровень ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием, т. е. эмоциональное состояние не мешает выполнению работы или другой повседневной деятельности.

У 32 % пациентов мужского пола и у 42 % пациентов женского пола выявлен низкий уровень собственно психического здоровья. Это говорит о том, что данная часть респондентов находится в легкой депрессии, для них характерны тревожные переживания, психическое неблагополучие. У 49 % пациентов мужского пола и у 39 % пациентов женского пола выявлен средний уровень оценки своего психического состояния. 19 % пациентов мужского пола и 18 % пациентов женского пола дают повышенную оценку своему психическому состоянию, что свидетельствует о

психическом благополучии, преобладании положительных эмоций. У 38 % пациентов мужского пола и у 42 % пациентов женского пола выявлен низкий уровень общего показателя психического компонента здоровья. У 40 % пациентов терапевтического профиля мужского пола и у 39 % женского пола выявлен средний уровень общего показателя психического компонента здоровья. У 22 % пациентов мужского пола и у 19 % пациентов женского пола выявлен повышенный уровень общего показателя психического компонента здоровья.

Статистически значимых различий в уровнях качества жизни между мужчинами и женщинами с помощью критерия χ^2 -углового преобразования Фишера не выявлено.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование показало, что перенесенная пневмония, вызванная COVID-19, сказывается на качестве жизни пациентов, внося в их жизнь различные изменения, в первую очередь, физического характера, что, в свою очередь, безусловно, отражается и на их психическом состоянии. Со временем большая часть пациентов терапевтического профиля, перенесших пневмонию, вызванную COVID-19, адаптируется к сложившимся обстоятельствам, возвращается к прежнему образу жизни, однако четвертая часть пациентов и спустя время испытывает трудности физического и психического характера после перенесенного заболевания, переживают по этому поводу, что способствует развитию депрессии, тревожных переживаний, психическому неблагополучию, переживанию отрицательных эмоций. Преобладающими уровнями показателей качества жизни, таких как физическое функционирование, ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием, общее состояние здоровья, общий показатель физического состояния здоровья, жизненная активность, ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием, оценка психического здоровья, является низкий уровень.

Состояние здоровья данной части пациентов лимитирует выполнение физических нагрузок, т. е. они испытывают трудности в самообслуживании, при ходьбе, подъеме по лестнице, при переноске тяжестей и т. п. Физическая активность пациентов значительно ограничивается состоянием здоровья. Их физическое и эмоциональное состояние оказывает непосредственное влияние на повседневную ролевую деятельность – на работу, выполнение повседневных обязанностей – т. е. повседневная деятельность значительно ограничена физическим состоянием пациентов. Боли оказывают влияние на способность пациентами заниматься повседневной деятельностью, включая работу по дому и вне дома. Пациенты дают низкую оценку своего состояния здоровья в настоящий момент и перспективе лечения, чувствуют некоторую обессиленность, утомление, снижение жизненной активности. В связи с ухудшением их физического и эмоционального состояния отмечается ограничение социальных контактов, снижен уровень общения. Ухудшение эмоционального состояния, чаще всего, вызвано переживаниями по поводу собственного здоровья, пациенты ощущают некоторый дискомфорт, переживают за последствия перенесенного заболевания, что сказывается на выполнении повседневных дел. Пациенты терапевтического профиля, перенесшие пневмонию, вызванную COVID-19, находятся в легкой депрессии, для них характерны тревожные переживания, психическое неблагополучие, преобладают отрицательные эмоции.

Список использованных источников

1 Закирова, М. М. Оценка психологического состояния больных, переболевших COVID-19, подтвержденных положительным ПЦР / М. М. Закирова, А. Т. Орынбасарова // Научный взгляд в будущее. – 2021. – № 22. – С. 82–91.

2 Холодова, Ю. Б. Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп / Ю. Б. Холодова // Международный журнал медицины и психологии. – 2020. – № 2. – С. 114–117.

3 Чуприна, С. И. Психологическая транскрипция новой коронавирусной инфекции / С. И. Чуприна // Эффективный менеджмент здравоохранения: стратегии инноваций: II Международная научно-практическая конференция, Саратов, 23–24 сентября 2021 года. – Саратов: Саратовский гос. мед. ун-т имени В. И. Разумовского, 2021. – С. 306–309.

Т. Л. Карасева

Научный руководитель: О. В. Маркевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Данная статья посвящена проблеме жизнестойкости личности среднего возраста с алкогольной зависимостью. В статье описаны результаты эмпирического исследования, которое проводилось с целью изучения уровня жизнестойкости личности среднего возраста с алкогольной зависимостью.

Ключевые слова: жизнестойкость, алкогольная зависимость, психологические последствия алкогольной зависимости для личности.

Изучение личностных изменений, вызванных алкоголизмом, имеет большое значение для правильной организации социальной и психологической помощи, как самому больному алкоголизмом, так и его семье.

У эмоционально незрелых людей гораздо больше проблем, связанных с преодолением различных житейских трудностей. Для этого им часто необходимо «подпорки». Для одних такими подпорками могут быть лекарства, для других алкоголь, наркотики или азартные игры. В начальном периоде алкоголь помогает, но вместе с тем одурманивает и даже тормозит созревание, то есть процесс нормального формирования личности. Поэтому нередко среди алкоголиков можно встретить людей 40–50 лет, чьи эмоции мало чем отличаются от того, что можно наблюдать у детей [2].

Вероятность формирования зависимости наиболее высока у тех личностей, которые не в состоянии справиться с неблагоприятными условиями самостоятельно. Другими словами, риск развития алкогольной зависимости выше у людей, чья жизнь перенасыщена стрессами. И выше у тех, кто обнаруживает качества социального общения, свойственные «слабой», эмоционально неустойчивой личности. Организация профилактики алкогольной зависимости должна учитывать оба этих фактора. Необходима и социальная помощь людям, находящимся в «группе риска», то есть переживающим стресс, неустроенность. Также необходима и психологическая, коррекционная или терапевтическая помощь индивидам, личностно-склонным к формированию зависимостей [1].

Э. Эриксон теоретически допускал, что средний возраст, как и другие периоды жизни, ставит перед людьми определенные задачи развития и требует от них овладения определенными умениями и навыками, чтобы получить положительный опыт и обрести душевное спокойствие на следующей стадии жизни. Согласно Э. Эриксону, главная задача развития в среднем возрасте заключается в выборе между стагнацией эго и тем, что сам Э. Эриксон называл генеративностью, т. е. распространением интересов эго за пределы интересов к себе – на более широкие области идентификации с другими людьми, со всей совокупностью людей в целом и с будущими поколениями. Э. Френкель-Брунsvик, опираясь на результаты своих исследований в Австрии, пришла к выводу, что в среднем возрасте люди переживают самый спокойный (stabilizing) период жизни, пожиная плоды своих усилий, затраченных в более молодые, но и более беспокойные и напряженные годы. В среднем возрасте они, наконец, устанавливали прочные привязанности, определялись с постоянным местом жительства, выбирали дело жизни и переживали наиболее продуктивные периоды профессиональной и творческой деятельности. Ее данные подтверждают представления Э. Эриксона об этой стадии [5].

Вопросы исследования жизнестойкости личности имеют огромное практическое значение, поскольку устойчивость охраняет личность от дезинтеграции и личностных рас-

стройств, создает основу внутренней гармонии, полноценного психического здоровья, высокой работоспособности [3].

В словаре А. Ребера «устойчивый» понимается как характеристика индивида, поведение которого относительно надежно и последовательно. Его антоним – термин «неустойчивый», имеет в психологии несколько значений:

– «неустойчивый» – это индивид, демонстрирующий беспорядочные и непредсказуемые модели поведения и настроения;

– «неустойчивый» – это индивид, склонный демонстрировать невротические, психотические или просто опасные для других моделей поведения.

Наиболее полно и точно, по мнению Д. А. Леонтьева, понятие жизнестойкости описал С. Мадди. Жизнестойкость представляет собой систему убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с ним, которая состоит из 3-х компонентов (вовлеченности, контроля, принятия риска) и способствует оценке событий как менее травматических и успешному совладению со стрессом.

Компонент вовлеченность определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности» [3].

Контроль представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь.

Принятие риска – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование [3].

Очень важна выраженность всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях.

Большое количество исследователей рассматривает жизнестойкость в связи с проблемами преодоления стресса, адаптации – дезадаптации в обществе, физическим, психическим и социальным здоровьем. Сам С. Мадди рассматривает открытый им феномен гораздо шире, включая его в контекст социальной экологии, считая, что это качество является основой жизнестойкости не только индивидуальной, но и организационной. Развитие личностных установок, включаемых им в понятие жизнестойкость, могло бы стать основой для более позитивного мироощущения человека, повышения качества жизни, превратить препятствия и стрессы в источник роста и развития. А главное – это тот фактор, внутренний ресурс, который подвластен самому человеку, это то, что он может изменить и переосмыслить, то, что способствует поддержанию физического, психического и социального здоровья, установка, которая придает жизни ценность и смысл в любых обстоятельствах.

На базе учреждений здравоохранения «Мозырская городская центральная поликлиника», «Мозырский психоневрологический диспансер» было проведено эмпирическое исследование. Общее число респондентов составило 103 человека: 50 страдающих алкогольной зависимостью и 53 здоровых человека. В качестве психодиагностического инструментария была использована методика диагностики жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева). Для вычисления статистических показателей был использован t-критерий Стьюдента

Отообразим результаты исследования страдающих алкогольной зависимостью людей по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева) в виде диаграммы, в которой результаты будут отображены в процентном соотношении от общего количества респондентов.

Согласно данным эмпирического исследования, а также данным, представленным на рисунке 1, можно утверждать, что для страдающих алкогольной зависимостью людей характерны следующие показатели по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева):

– по показателю вовлеченности страдающих алкогольной зависимостью людей низкие показатели установлены у 35 % опрошенных, средний уровень вовлеченности выявлен у 40 %

опрошенных страдающих алкогольной зависимостью людей, высокий уровень вовлеченности обнаружен у 25 % респондентов;

– по показателю контроля у страдающих алкогольной зависимостью людей низкие показатели установлены у 32 % опрошенных, средний контроля выявлен у 38 % опрошенных страдающих алкогольной зависимостью людей, высокий уровень контроля обнаружен у 30 % респондентов;

– по показателю принятия риска у страдающих алкогольной зависимостью людей низкие показатели установлены у 25 % опрошенных, средний уровень принятия риска выявлен у 57 % опрошенных, высокий уровень принятия риска обнаружен у 18 % респондентов;

– низкий уровень жизнестойкости выявлен у 12 % испытуемых страдающих алкогольной зависимостью людей, средний уровень жизнестойкости установлен у 78 % опрошенных. Высокий уровень жизнестойкости выявлен у 10 % респондентов.

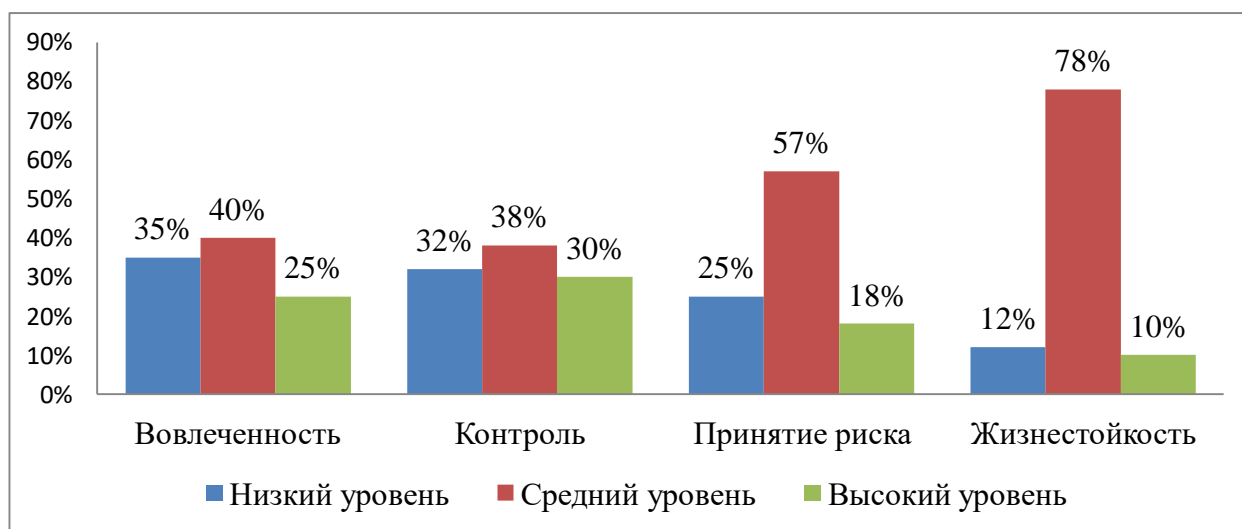

Рисунок 1 – Результаты исследования по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева) страдающих алкогольной зависимостью людей

Отообразим результаты исследования здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева) в виде диаграммы, в которой результаты будут отображены в процентном соотношении от общего количества респондентов.

Согласно данным эмпирического исследования, а также данным, представленным на рисунке 2, можно утверждать, что для здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью характерны следующие показатели по опроснику жизнестойкости:

– по показателю вовлеченности здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью, низкие показатели установлены у 25 % опрошенных, средний уровень вовлеченности выявлен у 41 % опрошенных здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью, высокий уровень вовлеченности обнаружен у 34 % респондентов;

– по показателю контроля у здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью, низкие показатели установлены у 17 % опрошенных, средний контроля выявлен у 49 % опрошенных здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью, высокий уровень контроля обнаружен у 34 % респондентов;

– по показателю принятия риска у здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью, низкие показатели установлены у 21 % опрошенных, средний уровень принятия риска выявлен у 49 % опрошенных здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью, высокий уровень принятия риска обнаружен у 30 % респондентов;

– низкий уровень жизнестойкости выявлен у 3 % испытуемых здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью, средний уровень жизнестойкости установлен у 75 % опрошенных. Высокий уровень жизнестойкости выявлен у 22 % респондентов.

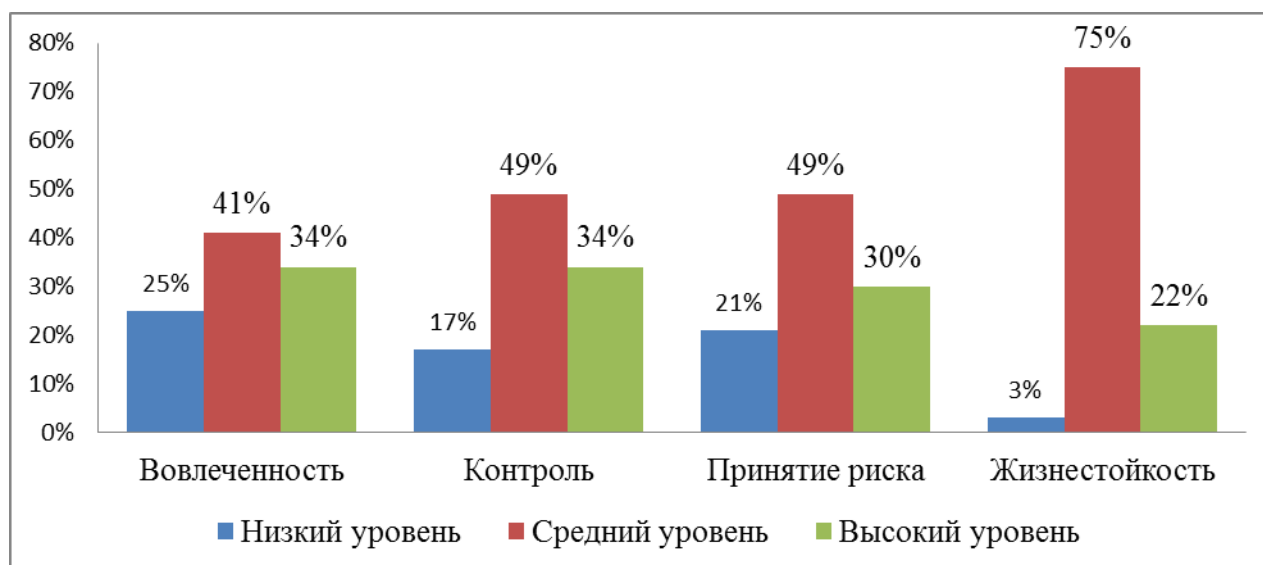

Рисунок 2 – Результаты исследования по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева) здоровых людей, не страдающих алкогольной зависимостью

Далее был проведен математический анализ полученных эмпирических данных с целью выявления уровня жизнестойкости как фактора возникновения алкогольной зависимости. Для этого был использован t-критерий Стьюдента.

Представим в виде таблицы 1 результаты математического анализа данных, полученных по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева) выборки здоровых людей и людей, страдающих алкоголизмом.

Таблица 1 – результаты математического анализа данных, полученных по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева)

Исследование особенностей между выборки по параметрам	Значение t-критерия Стьюдента	Критическая точка	Значимость различий между выборками
Вовлеченность	2,33	1,98	Значимы
Контроль	2,48		Значимы
Принятие риска	1,99		Значимы
Жизнестойкость	3,17		Значимы

В результате проведенного математического анализа данных с использованием t-критерия Стьюдента были установлены статистически значимые различия между здоровыми людьми и людьми, страдающими алкоголизмом, по всем параметрам опросника жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева. Это дает основания полагать, что между вышеуказанными группами испытуемых существуют различия в уровне вовлеченности, контроля, принятия риска и жизнестойкости. На основании полученных эмпирических данных можно утверждать, что более низкий уровень жизненной вовлеченности, контроля, принятия риска и жизнестойкости является одним из факторов развития алкогольной зависимости.

Список использованных источников

- 1 Баейр, К. Здоровый образ жизни / К. Байер, Л. Шейнберг. – М. : Мир, 2007. – 368 с.
- 2 Копытов, А В. Взаимосвязь поиска ощущений и склонности к риску у подростков и молодых людей мужского пола с алкогольной зависимостью / А. В. Копытов // Наркология. – 2012. – № 12. – С. 52–57.
- 3 Коржова, Е Ю. Психология жизненных ориентаций человека. / Е. Ю. Коржова – СПб. : Изд-во СПб.ГУ 2006г. – 382 с.
- 4 Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости. / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова – М. : Смысл, 2006 – 63 с.
- 5 Оллпорт, Г. Личность в психологии. / Г. Оллпорт – М.-СПб., 1998. – 312 с.

А. А. Койпыш

Научный руководитель: Е. В. Приходько
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВИКТИМНОСТЬ И ЛИЧНОСТНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ У ДЕТЕЙ-ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Статья посвящена изучению взаимосвязи виктимности и личностной тревожности с домашним сексуальным насилием у детей подросткового возраста. В статье описаны понятия «виктимность» и «виктимизация», «личностная тревожность», а также «сексуальное насилие» и его виды. Представлены результаты статистического анализа с целью изучения корреляционной связи между видами виктимного поведения и личностной тревожностью с сексуальным насилием.

Ключевые слова: насилие над детьми, сексуальное насилие, виктимность, виктимизация, личностная тревожность, виктимное поведение.

Насилие над детьми – это любое действие или бездействие взрослых, наносящее психологическую или физическую травму ребенку [9, с. 542].

Сексуальное насилие – привлечение ребенка с его согласия или без него в прямые или не прямые действия сексуального характера с взрослым человеком, с целью получения последним сексуального удовольствия или выгоды [5, с. 120].

В литературе не существует единого мнения насчет определения сексуального насилия. Оно может включать в себя: сексуальное оскорбление, сексуальное нападение, изнасилование, развращение, инцест, показ порнографии детям, использование детей для производства порнографической продукции и проституции [7, с. 8].

К психологическому сексуальному насилию могут относиться сексистские комментарии, принуждение смотреть порнографические материалы или на половой акт других людей [1].

По сравнению с физическим насилием, которое считается самым распространенным, сексуальное насилие – одна из самых тяжелых форм насилия над детьми.

Сексуальное насилие имеет несколько направлений:

- сексуальная эксплуатация – использование взрослым человеком силы в отношении ребенка для удовлетворения собственного сексуального влечения;
- эротизация ребенка – активизация и стимуляция сексуального развития в ущерб другим сторонам развития;
- вовлечение в проституцию – использование ребенка в деятельности сексуального характера за вознаграждение или любую иную форму оплаты;
- порнобизнес;

– подавление детской сексуальности (формирование негативного отношения к любым проявлениям сексуальности).

К сексуальному насилию над детьми близко понятия педофилия и инцест.

Педофилия – всякое половое влечение к детям, не достигшим 18 лет. Педофил – человек, совершивший преступление в отношении несовершеннолетних на сексуальной почве [4, с. 79].

Инцест – это сексуальные контакты между двумя людьми, связанными родственной связью, невзирая на возраст [3, с. 8]. Наиболее часто подвергаются сексуальному насилию дети от 8 до 11 лет [4, с. 79].

Чаще всего дети подвергаются насилию со стороны близких и знакомых людей: родителей, родственников, опекунов, учителей или соседей [1]. Жертвами сексуального насилия чаще становятся девочки.

В случаях, когда насильник знаком с ребенком или связан родственными узами, представления ребенка о семейной иерархии искажаются. Также происходит нарушение «социально-го табу семейных ролей» и чувства эмоциональной привязанности, которые лежат в основе психического развития ребенка и всего эмоционального реагирования в последующем [3, с. 16].

Тревожность и виктимность является предикторами насилия, в том числе и сексуального.

По определению Р. С. Немова, тревожность – это постоянное или ситуативное проявление свойства индивида, который входит в состояние повышенного беспокойства, испытывает страх и тревогу в определенных социальных ситуациях [6, с. 265].

По мнению Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина тревожность – индивидуальная черта личности человека, которая отражает его склонность к эмоциональному отрицательному реагированию на различные жизненные ситуации, несущие в себе угрозу его Я (самооценке, уровню притязаний, отношению к самому себе и т. п.) [8, с. 89].

Ч. Д. Спилбергер выделяет два вида тревожности: ситуативная и личностная. Ситуативная тревожность отражает связь с определенной внешней ситуацией, которая объективно должна вызывать беспокойство. Личностная тревожность связана с внутренними факторами и рассматривается как свойство личности, проявляющееся в постоянной склонности испытывать тревогу в самых разных жизненных ситуациях, в том числе и тех, в которых объективно ее быть не должно.

Виктимность – склонность человека к тому, чтобы стать жертвой преступления, несчастного случая, травли, агрессии. Виктимизация – это процесс превращения личности в потенциальную жертву, а также процесс повышения степени виктимности [2, с. 226].

Исследование проводилось на базе ГУО «Гомельская средняя школа № 9».

Для изучения распространенности насилия среди детей подросткового возраста был использован опросник ICAST-C (адаптирован исследовательским коллективом под руководством Е. Н. Волковой).

Для определения предрасположенности подростков к различным формам виктимного поведения была использована методика «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой.

Для выявления личностной тревожности была использована методика Ч. Д. Спилбергера «Методика на выявление личностной и ситуативной тревожности» (адаптирована на русский язык Ю. Л. Ханиным).

Для диагностики особенностей взаимоотношений в школе использовалась методика «Шкала виктимизации сверстников» (Multidimensional Peer-Victimization Scale) (адаптирована на русский язык и модифицирована И. А. Фурмановым).

Для исследования наличия статистически значимых взаимосвязей между домашним сексуальным насилием и виктимным поведением и личностной тревожностью был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования наличия статистически значимых взаимосвязей между сексуальным насилием дома и виктимным поведением представлены в таблице 1 (выборка составила 17 человек).

Таблица 1 – Результаты исследования наличия статистически значимых взаимосвязей между сексуальным насилием дома и виктимным поведением

Виктимное поведение	Значение критерия r_s – Спирмена	Критическая точка при $p = 0.05$	Значимость корреляции
Агрессивный тип потерпевшего	0.733*	0.48	значима
Активный тип потерпевшего	0.266		незначима
Инициативный тип потерпевшего	0.016		незначима
Пассивный тип потерпевшего	0.162		незначима
Некритичный тип потерпевшего	0.295		незначима
Реализованная виктимность	0.169		незначима

*Примечание: здесь и далее * – достоверно значимые взаимосвязи между шкалами*

Из данных, приведенных в таблице 1, можно увидеть, что в результате исследования, была установлена статистически значимая взаимосвязь у жертв домашнего сексуального насилия со шкалой «Склонность к агрессивному виктимному поведению» ($r_s = 0.733$ при $p = 0.05$). Такие дети могут быть склонны к антиобщественному поведению, нарушению социальных норм, правил и этических ценностей. О. О. Андронникова отмечала, что для данного типа характерна половая распущенность, связанная с бытовым насилием.

Далее рассмотрим результаты исследования наличия статистически достоверной взаимосвязи между сексуальным насилием дома и личностной тревожностью, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Показатели наличия взаимосвязи между сексуальным насилием дома и личностной тревожностью

Тревожность	Значение критерия r_s – Спирмена	Критическая точка при $p = 0.05$	Значимость корреляции
Личностная тревожность*	0.695	0.48	значима

По результатам статистического анализа из таблицы 2 можно увидеть, что существует статистически достоверная взаимосвязь: жертвы домашнего сексуального насилия страдают от личностной тревожности ($r_s = 0.695$ при $p = 0.05$). Такие дети могут постоянно прокручивать негативные моменты, находиться в ожидании неприятностей и стараться избегать общения.

Далее рассмотрим результаты исследования наличия статистически достоверных взаимосвязей между сексуальным насилием дома и выраженностью виктимизации со стороны одноклассников, которые представлены в таблице в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели наличия взаимосвязи между сексуальным насилием дома и выраженностью виктимизации со стороны одноклассников

Виктимизация со стороны одноклассников	Значение критерия r_s – Спирмена	Критическая точка при $p = 0.05$	Значимость корреляции
Физическая виктимизация	0.393	0.48	незначима
Вербальная виктимизация	0.874*		значима
Социальная манипуляция	0.256		незначима
Нападение на собственность	0.045		незначима

Исходя из результатов статистического анализа, приведенного в таблице 3, можно наблюдать статистически значимую взаимосвязь между домашним сексуальным насилием и вербальной виктимизацией в школе со стороны одноклассников. Эти данные также аргументируют результаты из таблицы 2: подростки постоянно находятся в стрессовых ситуациях как дома (прямые или не прямые действия сексуального характера), так и в школе (оскорбления, угрозы, обидные прозвища и т. д.). Все эти факторы являются предикторами личностной тревожности.

Далее рассмотрим результаты исследования наличия статистически достоверных взаимосвязей между сексуальным насилием дома и выраженностью виктимизации со стороны учителей, которые представлены в таблице в таблице 4:

Таблица 4 – Показатели наличия взаимосвязи между сексуальным насилием дома и выраженностью виктимизации со стороны учителей

Виктимизация со стороны учителей	Значение критерия r_s – Спирмена	Критическая точка при $p = 0.05$	Значимость корреляции
Физическая виктимизация	0.089	0.48	незначима
Вербальная виктимизация	0.689*		значима
Социальная манипуляция	0.192		незначима
Нападение на собственность	0.221		незначима

Данные из таблицы 4 указывают на наличие статистически достоверной взаимосвязи со шкалой «Вербальная виктимизация» ($r_s = 0.689$ при $p = 0.05$). На основе этих данных можно сделать вывод, что подростки-жертвы домашнего сексуального насилия страдают от вербальной агрессии не только от одноклассников, но и со стороны учителей. Такая агрессия может проявляться в оскорблениях, угрозах, обидных высказываниях, указывании на недостатки и т. д.

Таким образом, результаты исследования наличия взаимосвязей между сексуальным насилием дома и виктимным поведением, личностной тревожностью и выраженностью виктимизации позволяют утверждать, что подростки, страдающие от данного вида насилия, могут легко поддаваться эмоциям, особенно негативного характера, ярко их выражать.

Подростки-жертвы домашнего сексуального насилия также страдают от вербальной агрессии не только от одноклассников, но и со стороны учителей. Такая агрессия может проявляться в оскорблениях, угрозах, обидных высказываниях, указывании на недостатки и т. д. У таких детей присутствует личностная тревожность, так как они постоянно находятся в стрессовых ситуациях.

Список использованных источников

1 Валькова, Н. В. Домашнее насилие над детьми. Формы жестокого обращения с детьми / Н. В. Валькова // Проблемы науки. – 2020. – №. 8 (56). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/domashnee-nasilie-nad-detmi-formy-zhestokogo-obrascheniya-s-detmi>. – Дата обращения: 05.07.2022.

2 Вишневецкий, К. В. Виктимизация: факторы, условия, уровни / К. В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. 2014. – № 4. – С. 226–227.

3 Волкова, Е. Н. Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: монография / Е. Н. Волкова, О. М. Исаева. – Н. Новгород, 2015. – 290 с.

4 Жумагулова, Ш. Р. Сексуальное насилие над детьми: причины и ответственность за их совершение / Ш. Р. Жумагулова, С. А. Алимбетова // Евразийский союз ученых. – 2017. – №. 11–2. – С. 78–80.

5 Лякина, А. А. Психологические травмы: Сексуальное насилие над детьми / А. А. Лякина, М. В. Маковецкая // Актуальные проблемы развития современного общества. – 2019. – С. 120–123.

6 Немов, Р. С. Психология. Психодиагностика / Р. С. Немов. М. : ВЛАДОС, 2016. – 632 с.

7 Психологическое сопровождение детей, переживших насилие и жестокое обращение в семье: методическое пособие ; под ред. Н. А. Коваль. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. – 99 с.

8 Спилбергер, Ч. Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Ч. Д. Спилбергер // Тревога и тревожность: хрестоматия / сост. В.М. Астапов. – СПб. : Питер, 2001. – С. 85–99.

9 Швацкий, А. Ю. Психологические особенности детей, переживших насилие в семье / А. Ю. Швацкий // Инновационное развитие и потенциал современной науки: материалы междунар. науч.-практ. конф., Прага, Чехия, 18 февраля 2018 г. ; под ред. А. И. Вострецова – Нефтекамск: «Мир науки», 2018. – С. 541–544.

В. С. Кононенко

Научный руководитель: О. В. Маркевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

КОРРЕКЦИЯ СУИЦИДАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Статья посвящена проблеме суицидальной направленности и рискованного поведения в студенческой среде. В работе представлены результаты эмпирического исследования суицидальной направленности и рискованного поведения. Также приводятся показатели эффективности разработанной и проведенной психологической программы по коррекции суицидальной направленности и рискованного поведения у студентов.

Ключевые слова: рискованное поведение, суицидальная направленность, студенты, мотивы суицидального поведения, коррекция суицидальной направленности и рискованного поведения.

Суицидальная направленность и рискованное поведение является одной самых часто затрагиваемых тем в современном мире. Человеку с суицидальными намерениями отсутствие сознания представляется состоянием полного и совершенного покоя, пустоты и забвения: все проблемы не просто разрешены, их не существует вовсе, и, более того, нет даже мысли о возможности возникновения в будущем проблем в будущем [1].

В ходе проведения эмпирического исследования с помощью опросника суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой) и методики определения суицидальной направленности (Личностный опросник ИСН) была выявлена часть респондентов, у которых показатели по методикам оказались высокими, что свидетельствует о высоком риске суицидальной направленности и рискованного поведения.

Для коррекции суицидальной направленности и рискованного поведения студентов была составлена программа, рассчитанная на 9 занятий с периодичностью проведения 2 раза в неделю. Формирование коррекционной группы осуществлялось согласно принципу добровольности. Была выбрана тренинговая форма работы. Для оценки эффективности коррекционных занятий был проведен сравнительный анализ до и после программы по коррекции.

На рисунке 1 представим количественные показатели, полученные в результате вторичной диагностики суицидальной направленности, в процентном соотношении (приблизительные значения).

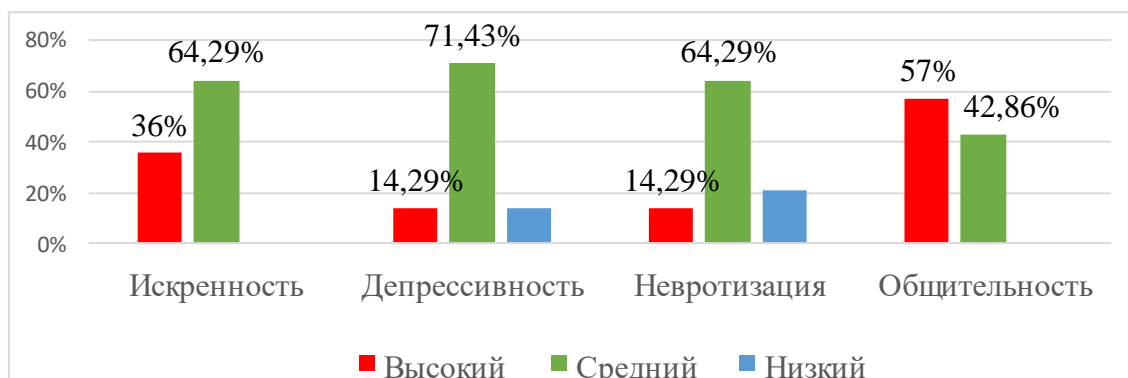

Рисунок 1 – Количественные показатели коррекционной группы по методике суицидальной направленности (Личностный опросник ИСН) после проведения коррекционной программы (%)

Анализ сопоставления данных, полученных на первичном и вторичном этапах исследования суицидальной направленности, показал, что после принятия участия в коррекционной работе уровень суицидальной направленности у студентов значительно снизился. Показатели по шкалам методики изменились с высокого уровня до среднего и низкого. Кроме этого, после проведения коррекционной программы по всем шкалам опросника преобладающими стали средние показатели, а также в довольно значительном количестве низкие показатели. Такие данные наглядно отражают положительную динамику в сторону снижения суицидальной направленности у студентов.

Результаты изменения высоких показателей суицидальной направленности и рискованного поведения коррекционной и контрольной групп после программы коррекции по методике суицидальной направленности (Личностный опросник ИСН) описаны в рисунке 2.

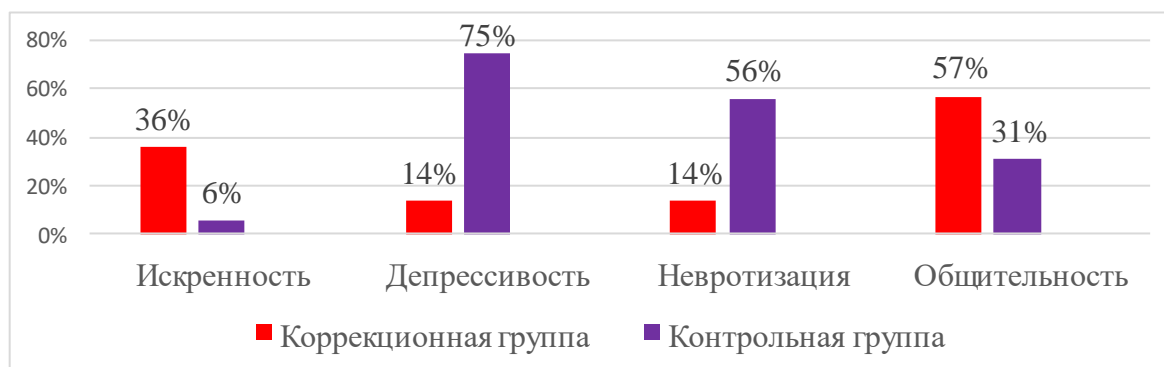

Рисунок 2 – Количественные показатели коррекционной и контрольной групп по методике суицидальной направленности (Личностный опросник ИСН) (%)

По фактору *искренности* у контрольной группы высокие показатели были у 6 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе после проведения программы высокие показатели искренности стали у 36 % испытуемых, что свидетельствует об ориентации, в основном, на социальное одобрение. Также это свидетельствует о том, что респонденты в своих ответах были откровенны.

По фактору *депрессивности* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели – 75 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели депрессивности только у 14 % испытуемых. Это свидетельствует о снижении уровня депрессивности в коррекционной группе.

По фактору *невротизации* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели – 56 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе после проведения программы высокие показатели невротизации сохранились у 14 % испытуемых. Такие студенты стали более спокойны, общительны и более открыты.

По фактору *общительности* у контрольной группы высокие показатели были у 31 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе после проведения программы высокие показатели общительности стали у 57 %. Такие люди характеризуются уравновешенностью (а важно соблюдать спокойствие при общении с самыми разными людьми, уравновешенный человек всегда производит позитивное впечатление в глазах собеседника); внимательностью (умение запоминать и воспроизводить большое количество информации); доброжелательностью.

На рисунке 3 представим количественные показатели, полученные в результате вторичной диагностики суицидального риска, в процентном соотношении (приблизительные значения).

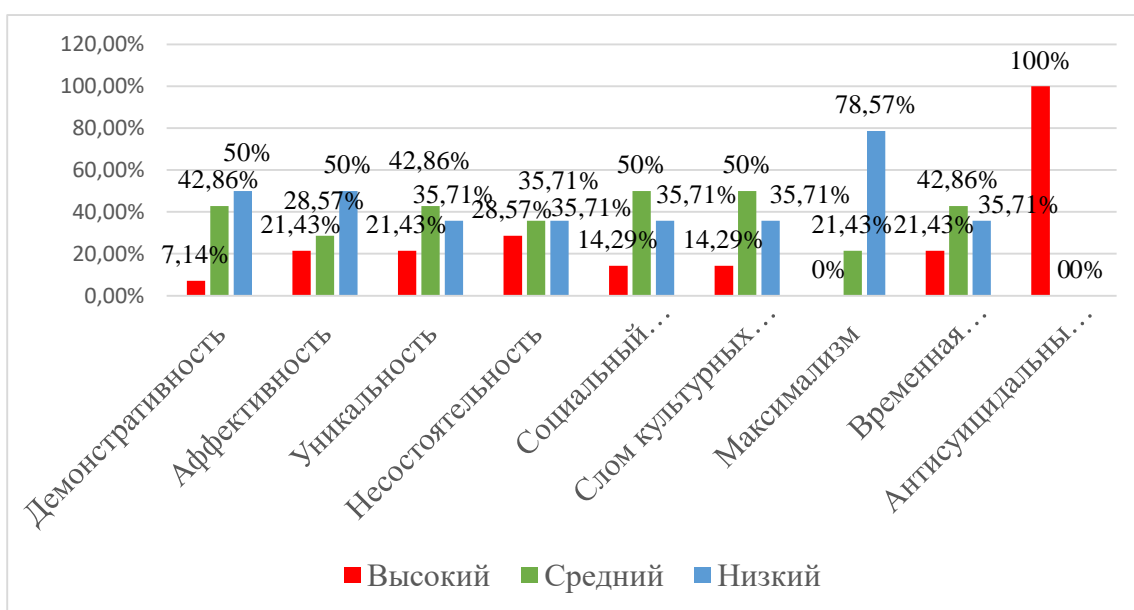

Рисунок 3 – Количественные показатели коррекционной группы по опроснику суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой) после проведения коррекционной программы (%)

Анализ сопоставления данных, полученных на первичном и вторичном этапах исследования суицидальной направленности, показал, что после принятия участия в коррекционной работе уровень суицидального риска у студентов значительно снизился. Показатели по шкалам методики изменились с высокого уровня до среднего и низкого. Кроме этого, после проведения коррекционной программы по всем шкалам опросника преобладающими стали средние показатели. Данные рисунка наглядно отражают положительную динамику в сторону снижения суицидального риска у студентов.

Результаты изменения высоких показателей суицидальной направленности и рискованного поведения коррекционной и контрольной групп после программы коррекции по опроснику суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой) описаны на рисунке 4.

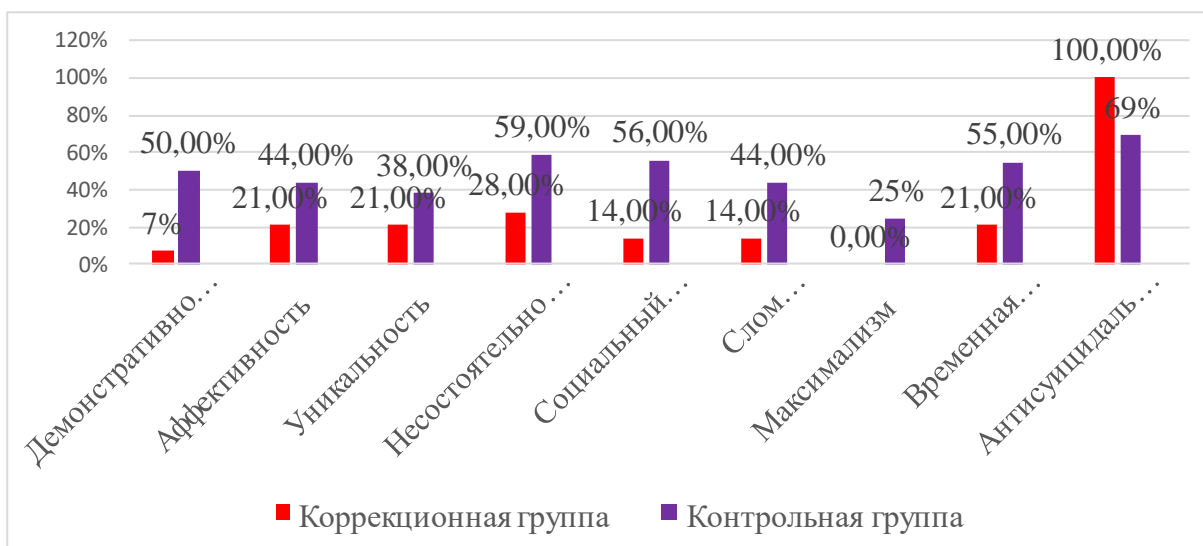

Рисунок 4 – Количественные показатели коррекционной и контрольной групп по опроснику суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой) (%)

По фактору *демонстративности* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели, что составляет 50 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели демонстрируют только 7 % испытуемых. Это означает, что у них не сильно выражено желание привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, добиться сочувствия и понимания, так как демонстративное суицидальное поведение переживается изнутри как «крик о помощи».

По фактору *аффективности* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели, что составляет 44 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели проявляет 21 % испытуемых. Для таких студентов не характерно доминирование эмоций над интеллектуальным контролем в оценке ситуации.

По фактору *уникальности* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели – 38 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели демонстрирует 21 % испытуемых. Это означает, что им не свойственно восприятие себя или ситуации как явления исключительного, не похожего на другие, и, следовательно, подразумевающего исключительные варианты выхода, в частности, суицид.

По фактору *несостоятельности* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели – 59 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели показывают 14 %. Для этих студентов не характерны «отрицательная концепция собственной личности», представление о своей несостоятельности, ненужности, «выключенности» из мира.

По фактору *социального пессимизма* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели, что составляет 56 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели демонстрируют 14 % испытуемых. Это означает, что им не характерно восприятие мира как враждебного.

По фактору *слома культурных барьеров* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели, что составляет 44 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели показывают 14 % испытуемых. Им не свойственен поиск культурных ценностей и нормативов, оправдывающих суицидальное поведение или даже делающих его в какой-то мере «привлекательным».

По фактору *максимализма* у контрольной группы высокие показатели присутствуют у 25 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели по фактору максимализма отсутствуют. Им не свойственен инфантильный максимализм ценностных

установок. Также отсутствует распространение на все сферы жизни содержания локального конфликта в какой-то одной жизненной сфере.

По фактору *временной перспективы* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели, что составляет 55 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе высокие показатели составляют 21 % испытуемых. У них, возможно, присутствуют некоторые проблемы относительно планирования своего будущего.

По *антисуицидальному фактору* у контрольной группы преобладающими являются высокие показатели, что составляет 69 % испытуемых, в то время как в коррекционной группе преобладающими являются высокие показатели – 100 % испытуемых. Значит, даже при высокой выраженности всех остальных факторов есть фактор, который снимает глобальный суицидальный риск. Это глубокое понимание чувства ответственности за близких и чувство долга, боязнь боли и физических страданий.

Результаты контрольной и коррекционной группы по проблеме суицидальной направленности и рискованного поведения обработаны с помощью Т-критерия Вилкоксона. И можно сделать вывод о том, что после проведения программы по коррекции суицидальной направленности и рискованного поведения у студентов наметилась тенденция к положительному сдвигу. Таким образом, исходя из количественного и качественного анализа и математической статистики, можно сделать вывод, что разработанная и проведенная коррекционная программа является эффективной.

Список использованных источников

- 1 Шнейдман Э. С. Душа самоубийцы / Э. С. Шнейдман. – М. : Смысл, 2001. – 64 с.

М. С. Кричевцова

Научный руководитель: И. В. Сильченко, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ И САМООТНОШЕНИЯ В ЮНОСТИ

Статья посвящена проблеме коррелятов психологического благополучия личности. Представлены результаты эмпирического исследования, которые свидетельствуют о наличии достоверной взаимосвязи параметров самооотношения и показателей психологического благополучия.

Ключевые слова: психологическое благополучие, самооотношение, самооценка, взаимосвязь, студенты.

Стремление к благополучию и позитивному функционированию является одной из главных движущих сил человеческого общества, и проблема его приобретения и поддержания занимает важное место в психологических исследованиях. В психологии под благополучием обычно понимают, с одной стороны, меру близости психологических механизмов функционирования субъекта к оптимальному уровню (психологическое благополучие); с другой стороны, субъективная оценка степени близости текущего состояния к желаемому (субъективное благополучие), в котором сливаются эмоциональная и рациональная составляющие.

Начало изучения проблемы психического благополучия человека стало особенно активно развиваться в области позитивной психологии – направления, которое предлагает обратить внимание не на изучение отклонений и болезней психики, а на ее ресурсы, то есть потенциал человека и его положительную деятельность. Основной подход позитивной психо-

логии заключается в акцентировании внимания на сильных сторонах человека и постановке цели не избавить его от негативных мыслей или неприятных симптомов, а создать психологическое благополучие и счастье.

Впервые психологическое благополучие становится предметом исследований в работах Н. Брэдберна. Он создал модель структуры психологического благополучия, и определил ее, как баланс, достигаемый переменным преобладанием двух видов несвязанных между собой аффектов – негативного и позитивного, что и является состоянием счастья у человека [3].

Как в зарубежной, так и в отечественной психологии были исследованы подходы к пониманию психологического благополучия личности (М. Аргайл, Н. Бредберн, И. Бонивелл, Л. В. Куликов, М. Селигман, А. Е. Созонтов, А. Кроник), предложена его модель (Н. Бредберн, К. Рифф), структура (К. Рифф, Н. Бредберн, П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленкова, О. С. Ширяева). Одной из самых известных, получивших признание стала теория психологического благополучия К. Рифф. Она выделяет следующие компоненты психологического благополучия: самопринятие, личностный рост, независимость, компетентность в управлении средой, способность добиваться желаемого, умение преодолевать, позитивные отношения с другими людьми, способность к эмпатии, цель в жизни [4]. Разработанная на ее основе методика получила широкое признание и применяется в изучении различных сфер психологического благополучия.

В настоящее время проводятся многочисленные исследования, в которых ученые ставят своей главной целью не только дать концепцию психологического благополучия и его проявлениям, но также понять, от чего это зависит, выделить его детерминанты. В отечественной психологической науке обнаружены его связи с осмысленностью жизни (П. П. Фесенко), толерантностью (Н. К. Бахарева), средовыми условиями (О. С. Ширяева), религиозной ориентации личности (М. Н. Семенова), профессиональной деятельностью (Р. М. Шамионов) [2].

Учитывая сложность и многоаспектность рассматриваемого психологического феномена, представляется возможным сформулировать положение о связи психологического благополучия с другими связанными психологическими образованиями – самоотношением и самооценкой личности.

Самоотношение является для психологии традиционным объектом исследования. Значительным вниманием среди психологов пользуется проблема влияния самоотношения на поведение человека, особенно на его асоциальные формы [1].

Самоотношение существует в трех различных подходах, с помощью которых можно рассмотреть отношения человека к себе: понимания самоотношения как аффективного компонента самосознания (самоотношение в структуре самосознания), как черты личности (самоотношение в структуре личности), как компонента саморегуляции (самоотношение в системе саморегуляции).

Для определения характера связи самоотношения и психологического благополучия личности на базе Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины было организовано эмпирическое исследование, в котором приняли участие 90 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Из них 30 (33 %) юноши и 60 (67 %) девушки.

С помощью опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф были получены количественные показатели по шкалам «Положительные отношения с другими», «Автономия», «Управление окружением», «Личностный рост», «Цель в жизни», «Самопринятие».

Большинству испытуемых (43%) свойственен высокий уровень психологического благополучия. Они стремятся к самосовершенствованию, расширению круга общения, проявлению своих творческих способностей. Они способны противостоять социальному давлению, оценивают свое поведение, исходя из собственных стандартов. У них преобладает нравственно-деловая направленность (духовная удовлетворенность, креативность, активные социальные контакты). Они получают удовлетворение от теплых, доверительных отношений, заботятся о благополучии других и способны к эмпатии.

Низкий показатель психологического благополучия выявлен у 35% испытуемых. Такие студенты испытывают чувство стагнации в сфере личностного роста, чувство скуки и незаинтересованности в жизни. Психологически неблагополучные респонденты часто испытывают недостаток общения с близкими людьми, им не хватает доверительных отношений, однако такие испытуемые, как правило, не стремятся идти на компромисс для сохранения важных связей с друзьями.

У 22% респондентов уровень психологического благополучия находится на среднем уровне. Они ощущают себя достаточно комфортно, однако у них могут возникать определенные сложности в построении контактов. Проблемы личностного развития и постановки целей на будущее не являются для них актуальными. Они готовы принимать решения, брать на себя ответственность за них, при этом мнение окружающих, оценки со стороны являются немаловажным фактором, направляющим их действия.

Исследования самооотношения по методике В. В. Столина и С. Р. Пантилеева показали, что у большинства испытуемых (81 %) наблюдается высокий уровень самооотношения по шкалам самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса, самоуверенности, самопринятия, самоуправления, самоинтереса и самопонимания. Однако 12 % испытуемых имеют низкий уровень самооотношения.

Для выявления взаимосвязи психологического благополучия личности и самооотношения использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты позволили выявить высокую положительную корреляционную связь между показателем глобальной шкалы самооотношения «S» и психологическим благополучием: получен коэффициент корреляции ($r = 0,673$, при $p \leq 0,01$), т. е. чем больше у человека веры в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, чем выше он оценивает свои возможности, контролирует собственную жизнь, понимает самого себя, тем выше у него уровень психологического благополучия.

Положительная достоверная связь обнаружена также между уровнем психологического благополучия и такими параметрами самооотношения, как «самоуважение» ($r = 0,668$, при $p \leq 0,01$), «аутосимпатия» ($r = 0,567$, при $p \leq 0,01$), «самоуверенность» ($r = 0,547$, при $p \leq 0,01$), «самопринятие» ($r = 0,583$, при $p \leq 0,01$), «самоинтерес» ($r = 0,571$, при $p \leq 0,01$) и «самопонимание» ($r = 0,567$, при $p \leq 0,01$).

Средняя положительная корреляционная связь выявлена между уровнем психологического благополучия и показателями шкал «ожидаемое отношение от других» ($r = 0,38$, при $p \leq 0,05$), «самоуправления» ($r = 0,378$, при $p \leq 0,05$) и отрицательная связь с параметром «самообвинение» ($r = -0,356$, при $p \leq 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты, которые уважают себя, верят в свои силы, обладают чувством непрекращающегося развития, допускают привязанности и близкие отношения, самостоятельны, умеют управлять собственной жизнью, понимают и принимают себя, имеют положительную самооценку, видят смысл жизни, имеют более высокий уровень психологического благополучия. И наоборот, чем меньше молодые люди верят в собственные способности и возможности, чаще видят в себе преимущественно недостатки, склонны к самообвинению, не удовлетворены собой, не уверены в своей интересности для других и ожидают негативное отношение со стороны окружающих, тем ниже уровень их психологического благополучия.

Список использованных источников

1 Кольшко А. М. Психология самооотношения: Учеб. пособие / А. М. Кольшко. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 102 с.

2 Ширяева, О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: автореф. дис.... канд. психол. наук / О. С. Ширяева: Дальневост. гос. ун-т– Хабаровск, 2008. – 21 с.

3 Bradburn N. The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn – Chicago: Aldine Pub. Co, 1969. – P. 320.

4 Ryff, C. D, The structure of psychological well-being revisited / C. D. Ryff, C. L. Keyes // J. of Personality and Social Psychology. – 1995. – Vol. 69, № 12. – P.719.

А. Ю. Николаева

Научный руководитель: А. Н. Захарова, канд. психол. наук, доцент,

Г. С. Дулина, канд. психол. наук, доцент

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,

г. Чебоксары, Российская Федерация

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР РИСКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРЕВОЖНЫХ СОСТОЯНИЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Статья посвящена актуальной проблеме психологического восприятия населением пандемии COVID-19. В работе рассматриваются результаты эмпирического исследования взаимосвязи уровня тревожности и отношения к средствам массовой информации, распространяющим сведения о пандемии. Изучается влияние СМИ на психоэмоциональное состояние студентов вуза в ситуации, угрожающей жизни и здоровью.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, тревожность, средства массовой информации, студенты вуза.

В ситуации пандемии COVID-19, угрожающей здоровью и благополучию людей во всем мире, среди наиболее актуальных проблем появилась проблема доведения до населения корректной информации о данном заболевании, методах его предупреждения и лечения [2]. В этой сложнейшей ситуации в обществе отмечалось неоптимальное поведение части населения, связанное с отказом от вакцинации, рекомендованных медицинских мер, нарушении правил социального дистанцирования. Соответственно резко возросла роль построения эффективных убеждающих коммуникаций в средствах массовой информации, формирования у молодежи здоровьесберегающих стратегий [5, 4]. При этом следует учитывать психологические особенности отношения к здоровью, присущие студенческому возрасту [3].

Целью проведенного исследования стало изучение средств массовой информации как фактора риска возникновения отрицательного отношения к вакцинации и тревожных состояний в условиях пандемии COVID-19 у студентов вуза.

Для достижения цели исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

– методика «Шкала тревожности (Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина);

– методика «Интегративный тест тревожности» (А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, НИПНИ им. Бехтерева) [1];

– анкетирование, посвященное влиянию средств массовой информации на формирование общественного мнения, изучения мнения о пандемии и новой коронавирусной инфекции.

В исследовании приняли участие студенты российского регионального вуза в возрасте от 17 до 23 лет в количестве 56 человек.

В исследовании также был проведен сравнительный анализ данных с данными, полученными в 2020 году [2].

В результате проведения исследования для уровня ситуативной тревожности по «Шкала тревожности (Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина) были получены следующие данные (таблица 1):

Таблица – 1 Показатели уровня тревожности студентов с 2020 по 2021 годы по «Шкале тревожности (Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина) (в %)

Уровень ситуативной тревожности	2020	2021
Высокий	22	48,2
Средний	58	34
Низкий	20	17,8

Полученные результаты свидетельствуют об увеличении уровня тревожности, ощущении дискомфорта, напряженности, беспокойства в октябре 2021 года относительно 2020 года. Т. е. прогрессирующая интенсивность воздействия такой стрессовой ситуации, как пандемия, оказывает сильное влияние на молодежную среду. Уровень актуальной тревоги у 48,2 % опрошиваемых выходит за пределы нормы. Можно сделать вывод, что пандемия и режим ограничения требуют напряжения адаптационных возможностей и субъективно могут восприниматься как нечто трудное и тягостное, тем самым повышая тревожность и риск углубления психологического стресса.

Кроме того, были изучены уровень тревожности и ее проявления в период распространения COVID-19 с помощью «Интегративного теста тревожности» (таблицы 2 и 3).

Таблица 2 – Показатели ситуативной тревожности в период распространения COVID-19 по «Интегративному тесту тревожности»

Уровни	Кол-во человек	%
Высокий	23	41
Средний	20	35,7
Низкий	13	23,3

Таблица 3 – Проявления тревожности в период распространения COVID-19 по «Интегративному тесту тревожности»

Проявления тревожности	М ± σ
Эмоциональный дискомфорт	7,14 ±2,48
Астенический компонент	4,47 ±2,29
Фобический компонент	8,15 ±1,4
Тревожная оценка перспективы	7,94 ±2,08
Социальная защита	1,94 ±2,17

В ходе исследования было выявлено, что для 41 % исследуемых характерна тревожность, интенсивность и длительность которой превышает индивидуальные компенсаторные возможности личности в процессе адаптации к пандемии. Кроме того, были получены высокие результаты по шкале «Фобический компонент» (8,15±1,4 из 10). Этот показатель может свидетельствовать о том, что испытуемые данной выборки ощущают преобладание чувства непонятной угрозы, неуверенности в себе. Показатель по шкале «Тревожная оценка перспективы» (7,94±2,08) также демонстрирует, что может проследиваться проекция страхов на предстоящее событие дел, озабоченность будущим на фоне повышенной эмоциональной чувствительности. Кроме того, можем предположить, что часть студенческой молодежи в период пандемии была не удовлетворена текущей жизненной ситуацией, отмечая пониженный эмоциональный фон и эмоциональную напряженность (показатель по шкале «Эмоциональный дискомфорт» – 7,14 ±2,48).

Согласно поставленной цели исследования также проводилось анкетирование для изучения психологического отношения к СМИ, которые освещают информацию о пандемии. Анализируя полученные данные, мы пришли к мнению, что среди части студенческой молодежи было распространено убеждение, что СМИ являются средством манипулирования мнением населения насчет количества пострадавших от вируса, эффективности вакцины, в связи с этим не особо доверяя информации, которая распространялась в тот момент. Важно подчеркнуть, что испытуемые отмечают в связи с просмотром информации об ухудшении эпидемиологической обстановки ухудшение своего психоэмоционального состояния.

Был проведен корреляционный анализ с помощью критерия корреляции Пирсона для выявления взаимосвязи между подверженностью влиянию средств массовой информации, отношением к ним и уровнем ситуативной тревожности (таблицы 4 и 5).

Таблица 4 – Взаимосвязь отношения / влияния СМИ и уровня тревожности по методике Спилбергера

Утверждение о СМИ	Коэффициент взаимосвязи
Как часто Вы читаете информацию о пандемии COVID-19 (коронавируса) в СМИ, социальных сетях?	0,35
Мне становится не по себе, когда слышу и вижу новости об умерших от коронавируса	0,41
Мне важно быть в известности о эпидситуации в стране и в нашем регионе	0,46
В настоящее время СМИ являются мощнейшим средством манипулирования общественным мнением о коронавирусе и вакцинации от нее.	-0,36
Как часто Вы меняете собственное мнение о пандемии/вакцинации под влиянием СМИ?	0,51
Определите степень влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения о коронавирусе и вакцинации.	-0,54

Таблица 5 – Взаимосвязи отношения к СМИ и уровня тревожности по «Интегративной шкале тревожности»

Утверждение / вопрос о СМИ	Коэффициент взаимосвязи
Как часто Вы читаете информацию о пандемии COVID-19 (коронавируса) в СМИ, социальных сетях?	
Мне становится не по себе, когда слышу и вижу новости об умерших от коронавируса	0,43
Мне важно быть в известности о эпидситуации в стране и в нашем регионе	0,48
В настоящее время СМИ являются мощнейшим средством манипулирования общественным мнением о коронавирусе и вакцинации от нее.	-0,34
Часто ли вы согласны с мнением о пандемии и вакцинации, предоставляемым СМИ	0,46
Как часто Вы меняете собственное мнение о пандемии/вакцинации под влиянием официальных СМИ?	0,37
Определите степень влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения о коронавирусе и вакцинации.	-0,48

Полученные показатели могут свидетельствовать о том, что частое ознакомление с содержанием медиаконтента о распространении COVID-19 может способствовать повышению уровня тревожности в дестабилизирующей ситуации. Также, как можно заметить, обнаружена корреляционная взаимосвязь с вопросом об изменении мнения о пандемии/вакцинации под влиянием СМИ. Данный показатель свидетельствует о том, что у молодежи с изменением мнения о пандемии под влиянием официальных СМИ увеличивается вероятность нарастания тревожного состояния, демонстрирующего развитие страха в условиях угрожающей ситуации. Кроме того, те студенты, кто согласен с мнением о пандемии и вакцинации, предоставляемым СМИ, также проявляют более высокий уровень тревожности. Особенно примечательным в полученных результатах, на наш взгляд, является выявленная обратная корреляционная связь с утверждениями, касающимися убежденности во влиянии, манипулировании средств массовой информации общественным сознанием в условиях пандемии COVID-19.

Таким образом, проведение собственного исследования выявило, что среди студенческой молодежи имела тенденция к недоверию официальным СМИ, присутствовало мнение, что информационные данные не соответствуют действительности с целью препятствия распространения тревожных состояний. Достаточно большая часть опрошенных студентов полагала, что медиа манипулирует общественным сознанием в ситуации пандемии. Показатели тревожности демонстрируют, что такая прогрессирующая стрессовая ситуация как пандемия отрицательно сказывается на психоэмоциональном состоянии молодых людей, повышая уровень актуальной тревоги, проявлениями которой являются: неудовлетворенность жизненной ситуацией, сниженный эмоциональный фон, ощущения угрозы, озабоченность будущим на фоне сложной эмоциональной обстановки. Было выявлено, что частый просмотр новостных источников о пандемии, убежденность в достоверности предъявляемой информации сопутствует актуализации тревожного состояния, усугубляя нервно-психическое напряжение, оказывая отрицательное влияние на адаптационные возможности молодежи, т. е. средство массовой информации является фактором риска возникновения тревожных состояний и отрицательного отношения к вакцинации в период пандемии COVID-19.

Полученные результаты исследования нашли свое применение в построении психокоррекционной программы по снижению тревожности в период пандемии, информационном просвещении студенческой молодежи.

Список использованных источников

1 Бизюк, А. П. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ) / А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев // Методические рекомендации. – СПб. : Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2003. – 23 с.

2 Николаева, А. Ю. Восприятие мира и тревожность студентов в условиях пандемии COVID-19 / А. Ю. Николаева, А. Н. Захарова // Состояние и перспективы развития инновационных технологий в России и за рубежом : Материалы VI Межд. научно-практ. конф. Чебоксары: изд-во Чуваш.ун-та, 2021. – С. 108–114.

3 Студент вуза на рубеже 2020-х: перспективы развития личности и здоровья ; под ред. проф. Е. Л. Николаева. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та. – 2021. – 360 с.

4 Attitude to COVID-19 vaccination and disorders of healthy behavior of russian university students during the third pandemic wave / A. N. Zakharova [et al.] // 9th International Conference on Education & Education of Social Sciences. Abstracts & Proceedings E-publication. 2022. – PP. 551–557.

5 Razina, T.V. Reflection of the problem of COVID-19 pandemic in quantitative and content characteristics of internet memes in social networks / T. V. Razina, S. L. Kandybovich, A. N. Zakharova // Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). 2020. – PP. 7040–7046.

А. Д. Пирожник

Научный руководитель: Н. Г. Новак, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются понятие и формы суицидального поведения, этапы формирования и мотивы суицидального поведения, описано содержание работы психолога при выявлении риска разных форм суицидального поведения.

Ключевые слова: суицидальное поведение, суицидальные мысли, факторы риска суицида.

Проблема самоубийства стала широко распространенной в современном мире. Ученые и специалисты во многих областях, такие как психологи, педагоги, социальные работники, медики, социологи, сотрудники служб экстренного реагирования, журналисты, пытаются изучить эти проблему различными способами.

Но, к сожалению, среди работников медицины и специалистов существует такое мнение, что диагностика, предупреждение и предотвращение суицидального поведения распространяется только на работу психотерапевтов и психиатров. Но люди, которые имеют психические расстройства и психологические проблемы очень часто обращаются к врачам другого профиля. В тоже время они могут просто бояться идти к психиатру и психотерапевту, либо не знать о своих проблемах. По данным ряда проведенных исследований 45–70 % люди посещают врача терапевтического профиля за две недели до самоубийства или попытки. В среднем врач общей практики сталкивается с двумя суицидальными попытками ежегодно и каждые три с половиной года среди своих пациентов.

Множество исследований подтверждают, что более чем 60 % людей, совершивших самоубийство, никогда ранее не обращались к психиатрам до суицида. Но при ретроспективном анализе документации и биографии человека, у большинства из них были выявлены признаки зависимости от психоактивных веществ, расстройств настроения, расстройств личности и другой психической патологии. Поэтому, одним из важных направлений стала профилактика суицидов, раннее выявление психических расстройств и риска самоубийства на этапе первичной медицинской помощи до обращения пациента к психиатру.

Суицидальное поведение (СП) – аутоагрессивное поведение, проявляющееся в виде мыслей, фантазий, представлений или действий, которые направлены на самоуничтожение или самоповреждение и, по крайней мере, в наименьшей степени мотивируемых явными или скрытыми интенциями к смерти [3].

СП подразделяют на внешние и внутренние формы. Внешние формы СП включают в себя:

- суицидальные интенции – решение к выполнению плана;
- суицидальные замыслы – разработка плана суицида;
- антивитаальные переживания – размышления об отсутствии ценности жизни без четких представлений о своей смерти;
- суицидальные мысли [3].

Согласно известному американскому исследователю и психиатру А. Беку, суицидальные мысли делят на активные и пассивные [4]. *Активные суицидальные мысли* связаны с активным желанием покончить с собой. К ним относятся мысли, которые связаны с размышлением о наиболее подходящем способе самоубийства, времени и места суицидального акта, то есть с планированием предстоящего суицида. *Пассивные суицидальные мысли* не связаны с формированием плана самоубийства и носят недифференцированный характер. Сюда так же можно отнести случаи, когда индивид фантазирует о своей смерти, но не допускает возможность самоубийства или фантазирует о том, как его близкие отреагируют на его смерть.

Внешние формы СП включают в себя:

- парасуицид – преднамеренное самоотравление или самоповреждение, не закончившееся смертью, которое было нацелено на реализацию желаемых субъектом изменений за счет нанесения себе физических увечий;
- самоубийство (суицид) – преднамеренное, быстрое и осознанное лишение себя жизни;
- абортивный парасуицид – действие, совершенное с целью преднамеренного суицида или самоповреждения, но прерванное до фактического самоповреждения непосредственно самим индивидом;
- прерванный парасуицид – действие, совершенное с целью намеренного самоубийства или самоповреждения, но прерванное до реального самоповреждения внешними воздействиями (например, прервали акт самоповешения, вмешательство посторонних предотвратило физическое повреждение, человека «сняли» с рельсов до прохода поезда, и т. п.).

К суицидальному поведению не относятся:

- привычную аутоотравматизацию (ПА). Намеренное самоповреждение, которое не связано с идеей о суициде или смерти. ПА чаще всего сочетается с суицидальными действиями, и вместе они являются серьезным признаком патологии личности (пограничного расстройства личности);
- несчастные случаи – случайные, т. е. непреднамеренные передозировки или самоповреждения.

Самоубийство подразделяют на три основные группы: скрытые или косвенные, демонстративные и истинные. *Скрытым или косвенным суицидом* называют вид суицидального поведения, который характеризуются действиями с высокой вероятностью смерти, нацеленными на риск, игру со смертью. Например, поездки в горячие точки, употребление сильных наркотиков, экстремальные виды спорта, опасный бизнес и т. д. *Демонстративный суицид* не основан на желании умереть. Он представляет собой способ, с помощью которого индивид пытается обратить на себя внимание, попросить помощи, вести диалог. *Истинный суицид* определяется желанием умереть и характеризуется предшествующими размышлениями по поводу смысла жизни, депрессивным состоянием, угнетенным настроением, мыслями об уходе из жизни.

Известный французский философ и социолог Э. Дюркгейм разделяет самоубийство на виды в соответствии с особенностями социальных взаимодействий человека. К ним относятся эгоистическое самоубийство, фаталистическое самоубийство, альтруистическое самоубийство, анатомическое самоубийство [4].

Принято выделять три этапа СП:

- этап реализации суицидальных намерений характеризуется тем, что индивид планирует предстоящее самоубийство, то есть выбирает место, время и способа совершения суицидального действия;
- пресуицидальный этап охватывает промежуток времени от первого появления побуждений и суицидальных мыслей до принятия решения о самоубийстве;
- последним является постсуицидальный этап, который охватывает промежуток времени совершения суицидальных попыток. Осуществляется в том случае, если суицидальные действия, предпринятые индивидом, не закончились смертельным исходом [2].

Существует огромное количество классификаций мотивов суицидального поведения. Так, согласно классификации В. А. Тихоненко, мотивы самоубийств представлены следующим образом:

- *месть, протест*. Возникает из-за чувства «несправедливости» и «обиды». Суицидальные действия (попытка или суицид) бессознательно направлены на индукцию чувства вины у значимого человека в ситуации конфликта;
- *призыв, «крик о помощи»*. Мотивом и смыслом суицидального акта, является обретение помощи;

– *избегание страдания*. Катализатором являются психологические или физические страдания. Человек считает, что самоповреждение или смерть представляется способом прервать его страдания навсегда;

– *избегание непереносимой жизненной ситуации*. Происходит из-за неприемлемых для человека изменений в жизненной ситуации. К таким ситуациям могут относиться: развод, долги, перспектива выписки из отделения, уголовное наказание и прочее. Самоповреждение и самоубийство может так же использоваться человеком как средство манипуляции другими. Степень его опасности для индивида может оставаться весьма высокой;

– *воссоединение*. Мотив, который исходит из фантазии о воссоединении с любимым человеком после смерти. Такие представления могут становиться актуальными при переживании тяжелой утраты;

– *жертвоприношение*. Исходит из потребности «искупить вину» за фантазийные или реальные действия;

– *наказание себя*. Провоцируется гипертрофированным чувством вины. Неадаптивный способ «облегчения» чувства вины – самонаказание, в том числе с помощью суицидальных актов;

– сочувствие или подражание товарищам, героям книг или фильмов, публикаций в СМИ («синдром Вертера»). Термин синдром Вертера, был введен в 1970-х социологом Д. Филлипсом, занимавшимся в то время исследованием волны самоубийств, спровоцированных романом В. фон Гете «Страдания юного Вертера». Эффект Вертера описывает феномен, когда число суицидов резко возрастает, если масс-медиа уделяют большое внимание какому-то самоубийству и с жадной сенсацией освещают его [2].

Этот эффект бывает особенно сильным, если самоубийство описывается детально или если предметом для публичного обсуждения становятся мотивы самоубийцы, которые нередко изображаются в упрощенном виде – неудачный брак, долги и т. п.

Факторы риска суицида – это характеристики, которые имеют тенденцию к регулярному повторному обнаружению в исследованиях на больших выборках человек, совершивших суицид. Наиболее общей является классификация, согласно которой существуют психолого-психиатрические (наличие психического заболевания (шизофрения, депрессия, расстройства личности, алкогольная зависимость,), биологические (наличие самоубийств среди биологических родственников,), индивидуально-психологические особенности, предрасполагающие к суицидальному поведению (суицидальные попытки или эпизоды самоповреждающего поведения в прошлом) и социально-средовые факторы (стрессовые события (смерть близкого человека, сексуальное или физическое насилие и др.), определенные социальные характеристики (отсутствие семьи, постоянного места работы и др.) суицидального риска [1].

Таким образом, можно говорить о том, что суицидальное поведение имеет две формы (внешняя и внутренняя) и три этапа (этап реализации суицидальных намерений, который характеризуется активными мыслями, второй этап – предсуицидальный, который заканчивается активными действиями для попытки суицида), последний этап – постсуицидальный осуществляется в том случае, если суицидальные действия, предпринятые индивидом, не закончились смертельным исходом. Если у пациента присутствуют признаки суицидального поведения, то необходимо провести адекватную оценку психологического статуса, помочь пациенту наладить контакт с родственниками, провести терапевтические мероприятия, обеспечить наблюдение за пациентом.

Список использованных источников

1 Акопян, К. З. Самоубийство: проблема мотивации (размышления в связи с психологическим этюдом Н. А. Бердяева «О самоубийстве») / К. З. Акопян // Психологический журнал. – 2004. – № 3. – С. 153–159.

2 Бадьина, Н. П. Преодоление последствий психической травмы у детей и подростков: метод. рекомендации для педагогических работников / Н. П. Бадьина. – Курган: Институт

повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области, 2005. – С. 63.

3 Ласый, Е. В. Проблема профилактики самоубийств в Республике Беларусь / Е. В. Ласый // Управление здравоохранением и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь: материалы науч. – практ. конф., Минск, 28 июня 2007 г. – Минск, 2007. – С. 305–309.

4 Ласый, Е. В. Стратегии снижения суицидального риска: место системы здравоохранения и медицинских работников в профилактике суицидов / Е. В. Ласый // Медицина. – 2007. – № 3. – С. 6–10.

К. А. Тратинко

Научный руководитель: Н. Н. Красовская, канд. социол. наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

СЕМЕЙНАЯ ГОСТИНАЯ «ГЕСТИЯ» КАК РЕСУРСНАЯ ПЛОЩАДКА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

В статье рассматриваются особенности проблемы семейного неблагополучия и содержание ресурсной площадки «Гестия», деятельность которой направлена на профилактику семейного неблагополучия, посредством организации своевременного и целенаправленного межведомственного сопровождения неблагополучных семей; создания методической базы для специалистов, работающих с неблагополучными семьями в условиях социальных учреждений.

Ключевые слова: семейное неблагополучие; семейная гостиная; ресурсная площадка; информированное согласие; психологическое консультирование; межведомственный подход.

На сегодняшний день актуальной проблемой является серьезная обеспокоенность государственных органов и общества в целом ростом числа семей, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации и в социально опасном положении. В этих семьях нарушается структура, обесценивается или отходит на второй план выполнение родителями воспитательной, социально-экономической, поддерживающей и иных семейных функций, имеются явные или латентные дефекты детско-родительских и супружеских отношений, в результате чего появляются «трудные» несовершеннолетние, с воспитанием которых не справляется семья. Комплекс данных нарушений в семье является следствием ее низкого социального статуса, что требует создания реабилитационного пространства для трехуровневой профилактики семейного неблагополучия.

Говоря о семейном неблагополучии, необходимо отметить тот факт, что в научной литературе отсутствует единое определение данного понятия. В различных источниках наряду с понятием «неблагополучная семья» раскрывается содержание следующих терминов: «деструктивная семья», «негармоничная семья», «дисфункциональная семья».

В своем исследовании мы руководствовались понятием «семейное неблагополучие», которое было раскрыто в пособии «Технологии работы с несовершеннолетними группы социального риска» (Т. В. Тратинко, Н. Н. Красовская). Авторы отмечают, что *семейное неблагополучие* характеризуется проблемами во внутрисемейных отношениях, отсутствием у членов семьи общих интересов, которые усугубляются деформацией ценностной сферы, нарушением общественных ценностей и норм. Как следствие, повышается риск социального сиротства несовершеннолетнего [1, с. 70].

В работах исследователей (В. В. Бойко, К. М. Оганян, О. И. Копытенкова, М. А. Галагузова, Н. Ф. Дивицына) прослеживается определенная взаимосвязь семейного благополучия/неблагополучия со степенью удовлетворенности основных жизненных потребностей.

Исследователи определяют причины, провоцирующие семейное неблагополучие:

- социально-экономические проблемы и социальная самоизоляция семьи от позитивного опыта и благополучного социального окружения;
- психолого-педагогические факторы, связанные с внутрисемейными взаимоотношениями и микроклиматом в семье;
- медико-биологические факторы (аддикции у родителей и детей, отягощенная наследственность, наличие в семье детей с недостатками развития или детей-инвалидов).

Эти предпосылки создают высокий риск семейного неблагополучия, достаточно четко вырисовывают общий пласт негативных факторов, дестабилизирующих семью, которые провоцируют отторжение ребенка из семьи, то есть способствуют порождению неблагополучной семьей социального сиротства.

Целью проведенного исследования являлось изучение и анализ психологических и социальных характеристик в семьях, находящихся в социально опасном положении (СОП), состоящих на учете в Территориальном центре социального обслуживания населения Минского района.

Так, количество семей в СОП, состоящих на учете, – 72. В них воспитываются 138 детей. Среди данных семей 17 имеют статус многодетных. В одной семье воспитывается ребенок-инвалид.

В рамках межведомственного взаимодействия ТЦСОН Минского района с учреждениями образования за 2021 год было выявлено 265 семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Данным семьям были оказаны различные социальные услуги, в том числе 18 семей получили услуги социального патроната. В последующем 255 семей были сняты с учета в ТЦСОН по причине преодоления трудной жизненной ситуации.

К сожалению, необходимо отметить, что даже при межведомственном взаимодействии (учреждений образования и ТЦСОН) не всегда удается найти пути преодоления выхода из трудной жизненной ситуации, в связи с чем 10 семей были признаны находящимися в социально опасном положении (в них 20 детей).

Одним из направлений профилактики семейного неблагополучия является постоянная *работа с информированными согласиями* при сотрудничестве с милицией, которая оперативно реагирует на семейно-бытовые конфликты, свидетелями которых, а порой и непосредственными участниками, являются несовершеннолетние. В результате такой работы осуществляется оперативное извещение Территориального центра социального обслуживания населения о факте семейно-бытового конфликта как факторе семейного неблагополучия.

Так, за 2021 год в Минском районе было зафиксировано 716 семейно-бытовых конфликтов, из них 65 конфликтов было в семьях, в которых проживают 114 несовершеннолетних. Этим семьям были оказаны необходимые юридические услуги. Было проведено 55 информационных и психологических консультаций, вследствие чего 7 семей решили конфликтную ситуацию, 4 семьи стали проживать отдельно от агрессора, двум агрессорам было выписано защитное предписание, а в одной семье было достигнуто примирение.

Необходимо отметить тот факт, что чем раньше будет организована всесторонняя помощь и поддержка семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, тем эффективнее будут результаты профилактики семейного неблагополучия.

Опыт практической работы показывает, что одной из востребованных форм работы с неблагополучными семьями является *психологическое консультирование*. Ведь далеко не каждый семейно-бытовой конфликт свидетельствует о социально опасном положении семьи. Во многих случаях обучение позитивным моделям поведения при возникновении межличностных конфликтов и обучение конструктивным формам проявления эмоций помогает улучшить атмосферу и психологический микроклимат в семье.

Система профилактики семейного неблагополучия в условиях социальных учреждений представляет собой комплекс мер, направленных на восстановление утраченных семейных связей и обеспечение полноценного функционирования семьи в условиях системы социальной защиты.

В настоящее время возникла необходимость поиска инновационных форм и методов работы с неблагополучными семьями. На наш взгляд, разработка и создание ресурсных площадок, основанных на единых методологических и методических подходах в профилактике семейного неблагополучия, позволит создать реабилитационное пространство для семей, содействующее повышению ее социального статуса.

Семейная гостиная «Гестия» (СГ «Гестия») функционирует на базе ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Минского района» и является ресурсной площадкой по социальной профилактике семейного неблагополучия. В основе деятельности СГ «Гестия» лежит реализация межведомственного подхода. Так, работа по профилактике семейного неблагополучия осуществляется при взаимодействии следующих учреждений и ведомств: учреждений социального обслуживания Минской области, Комитета по труду, занятости и социальной защите Миноблисполкома, учреждений образования, отделов и учреждений внутренних дел, учреждений здравоохранения и иных государственных и негосударственных организаций (объединений). Результатом такого взаимодействия является создание *территориальной системы по комплексной профилактике семейного неблагополучия*.

Деятельность СГ «Гестия» направлена на создание информационной площадки, обеспечивающей реализацию единых методических подходов в организации работы субъектов социальных учреждений по профилактике семейного неблагополучия. В то же время ресурсы данной площадки могут быть использованы для информирования населения о деятельности структур, оказывающих социальную помощь и поддержку, содействующих социальной реабилитации и ресоциализации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Основными направлениями работы семейной гостиной являются:

- социально-правовое консультирование;
- социально-педагогическое сопровождение и социально-психологическая помощь и поддержка;
- организационно-методическое сопровождение деятельности субъектов социальных служб и учреждений, включающее использование современных информационных и коммуникационных технологий, координацию взаимодействия и организацию обмена информацией между ведомствами разных сфер, а также внедрение в практику эффективных методов профилактики семейного неблагополучия;
- организационно-координационная деятельность, направленная на реализацию социально-значимых проектов, фестивалей, конкурсов, смотров и обеспечение обратной связи для взаимодействия с заинтересованными организациями;
- организационно-информационное направление, предусматривающее реализацию справочно-информационных и просветительских услуг, проведение интернет-форумов, создание информационного пространства по обмену опытом работы с семьей.

Таким образом, СК «Гестия» является ресурсной площадкой в работе социальных служб по профилактике семейного неблагополучия. Ее деятельность не подменяет, а углубляет возможности и эффективность взаимодействия специалиста на контактном уровне работы с неблагополучными семьями.

Обобщая выше сказанное, хотелось бы отметить, что профилактику семейного неблагополучия целесообразно реализовывать, основываясь на *системном подходе*, что означает направленное изучение способов и стратегий выхода семей из трудной жизненной ситуации при совокупном взаимодействии всех субъектов профилактики.

Социальная профилактика семейного неблагополучия при таком подходе должна представлять собой помощь семьям в поиске и мобилизации внутренних ресурсов всех членов семьи; обучение семей постановке краткосрочных и долгосрочных целей; содействие в повышении социального статуса семьи. Всячески необходимо развивать психолого-педагогическую поддержку таким семьям.

Эффективность системного подхода при профилактике семейного неблагополучия может быть достигнута путем создания соответствующих организационно-управленческих, социально-правовых, социально-экономических и психолого-педагогических условий.

Организационно-управленческие условия предусматривают совокупность взаимосвязанных, целенаправленных и логически последовательных действий, которые обеспечат реализацию поставленных целей и задач.

Социально-правовые условия включают правовое консультирование семей; помощь в оформлении необходимой документации; оказание юридической помощи и содействие в получении льгот, социальных выплат, пенсионного обеспечения; представительство в судах для защиты прав и законных интересов детей; содействие органам опеки и попечительства в устройстве воспитанников на усыновление, под опеку, в приемные семьи, государственные учреждения.

Социально-экономические условия включают систему государственной адресной социальной помощи (в виде материальных пособий и возмещений при приобретении необходимых технических средств), гуманитарной помощи со стороны благотворительных и общественных организаций.

Психолого-педагогические условия направлены на реализацию целостной системы мер, необходимых для успешного развития и обучения семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

На наш взгляд, эффективность функционирования данной системы должна обеспечиваться согласованностью единых подходов к проблеме профилактики семейного неблагополучия в деятельности различных учреждений и ведомств. Межведомственный подход, подчиненный единой логике, должен стать фундаментальной основой целостной системы профилактики семейного неблагополучия.

Список использованных источников

1 Тратинко, Т. В. Технологии работы с несовершеннолетними группы социального риска : учеб.-метод. пособие / Т. В. Тратинко, Н. Н. Красовская. – Минск: БГУ, 2020. – 307 с.

С. О. Хайнак

Научный руководитель: Ю. А. Шевцова, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются и анализируются причины девиантного поведения в подростковом возрасте, а также особенности психологического здоровья девиантных подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение, психологическое здоровье, подростки.

Проблема девиантности была, есть и будет во все времена. Но девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных норм, приобретает в последнее время массовый характер и поставило эту проблему в центр внимания психологов, социологов, педагогов.

Эпоха перемен, быстрота меняющихся условий жизни, динамичность протекания и изменения технологических укладов, рост социально-психологической напряженности, вызываемой объемом и интенсивностью информационного потока и другими социальными раздражителями, содействуют появлению и развитию признаков социально-психологической дезадаптации, нервно-психическому, соматическому напряжению у личности. Это порождает не только новые виды девиантного поведения, но и меняет подходы к изучению факторов и механизмов их протекания.

Подростковый возраст – это важнейший период появления, развития и закрепления социальных и эмоциональных привычек, которые имеют большое значение для психологического благополучия и здоровья. Подростковый возраст охватывает период жизни от детства до юности. В этот короткий период подросток проходит великий путь в своем развитии. Все стороны развития подвергаются качественной перестройке, формируются новые. Через внутренние конфликты с самим собой и другими, через внешние срывы и восхождения он может обрести чувство личности.

Как правило, внутриличностные конфликты естественны и необходимы для развития и совершенствования личности, но если они выходят за грани оптимального, то становятся причиной развития дезадаптивных форм поведения и проявления невротических реакций. Подростковый возраст – это пора появления ряда специфических черт, таких как стремление к общению со сверстниками, и ряда признаков в поведении, свидетельствующих о стремлении утвердить свою самостоятельность, независимость, личностную автономию. Резкие и качественные изменения затрагивают все стороны развития. Психическое развитие у всех происходит по-разному, например, девочки во многих отношениях развиваются быстрее, чем мальчики. Также развитие происходит неравномерно: одни стороны психики развиваются быстрее, другие медленнее [2].

У подростков ярко выражаются как стремление противопоставить себя взрослым и отстаивать свои права и независимость, так и ожидание от взрослых защиты, помощи и поддержки, доверие к ним и важность их одобрения.

На этот возраст приходится очень выраженное упрямство. Происходит дифференциация способностей, интересов, вырабатывается мировоззрение. Однако настойчивость и целеустремленность в этом возрасте все еще уживается с импульсивностью и неустойчивостью [1].

Следует рассмотреть, что же такое подразумевается под девиантным поведением. Социологи называют отклоняющееся поведение девиантным. Оно подразумевает любые поступки, действия, которые не соответствуют социальным нормам. При этом девиантное поведение необходимо рассматривать с учетом целостного комплекса взаимосвязанных факторов – внешних условий и психологических причин.

Отклоняющееся поведение – это то поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Это те действия, которые не соответствуют существующим законам, правилам, традициям. Но социальные нормы меняются, и это придает отклоняющемуся поведению исторически переходящий характер, поэтому девиантное поведение – это нарушение норм не любых, а тех, которые наиболее важные для данного общества и в данное время.

На индивидуальном уровне отклоняющееся поведение выглядит более проблематично, потому что связано с такими негативными феноменами, как реальный ущерб для жизни самой личности или окружающих людей, конфликт девиантной личности с социальным окружением, ее социальная дезадаптация.

На личностном уровне отклоняющееся поведение – это результат личного выбора, социальная позиция личности, выступающая в форме девиантного стиля и образа жизни.

Для объяснения причин существующих форм девиантного поведения разработаны различные концептуальные системы, их можно объединить в две большие группы: личностные и социальные. Первая группа концепций видит в качестве основной причины нарушения в структуре личностных характеристик, а вторая группа – саму социальную систему.

Существует много различных типологий отклоняющегося поведения. К примеру, Ю. А. Клейберг выделяет три группы поведенческих девиаций:

- негативные – дезорганизующие социальную систему, ведущие к ее разрушению, приводящие к девиантному поведению;
- позитивные – направлены на преодоление устаревших норм или стандартов и связаны с социальным творчеством, способствующие качественным изменениям социальной системы;
- социально-нейтральные – сюда относится попрошайничество, бродяжничество.

Наиболее полно систематизируют виды отклоняющегося поведения Ц. П. Короленко и Т. А. Донских. Они делят все поведенческие девиации на две группы: нестандартное и деструктивное поведения. Нестандартное поведение – это формы нового мышления, новых идей и действий, которые выходят за рамки социальных стереотипов поведения. Деструктивное поведение выстраивается в соответствии с его целями. В одном случае внешнедеструктивные цели направлены на нарушение социальных норм и, соответственно, внешнедеструктивное поведение. Внешнедеструктивное поведение делится на аддиктивное и антисоциальное. В другом случае – внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс и внутридеструктивное поведение. Внутридеструктивное поведение включает в себя: суицидное, фанатическое, нарциссическое, конформистское, аутическое поведения [3].

Рассматривая психологические и медицинские классификации, можно сделать вывод, что они не противоречат друг другу, а, напротив, взаимно дополняют друг друга. Случается, что один и тот же вид девиантного поведения может приобретать различные формы: безобидная вредная привычка – отклоняющееся поведение, которое ухудшает качество жизни – болезненное поведенческое расстройство, впоследствии угрожающее самой жизни.

Все перечисленные виды девиантного поведения отвечают таким деструктивным критериям, как снижение критичности к своему поведению, ухудшение качества жизни, искажение восприятия и понимания происходящего, снижение самооценки, эмоциональные нарушения. Это все приводит к состоянию социальной дезадаптации. У подростков она наступает гораздо быстрее, чем у взрослых. Они теряют интерес к учебе, работе, спорту. Употребление спиртных напитков сопровождается уходами из дома, прогулами, правонарушениями. Чтобы разорвать цепь психотравмирующих ситуаций, подросток все чаще возвращается к повторной алкоголизации. Впоследствии возникают нарушения памяти, неврастено-подобные состояния с выраженной вегетососудистой неустойчивостью и кризисами, чаще симпатико-адреналового характера, рано отмечается тенденция патохарактерологического формирования личности.

Профилактическая работа с детьми – это сведение к минимуму действие факторов риска, приводящих к любым формам девиантного поведения, обеспечение условий позитивного развития личности. Сохранение и укрепление психологического здоровья подростков является основой первичной профилактики асоциального поведения. Она должна быть направлена на развитие у подростков ответственности за собственную жизнь и формирование толерантных, конструктивных отношений в подростковой среде. Чтобы работа по профилактике асоциального поведения в контексте сохранения, укрепления и развития психологического здоровья подростков была успешной, она должна быть комплексной, последовательной, дифференцированной и своевременной.

Выделяют первичную, вторичную и третичную профилактику. Первичная профилактика нацелена на устранение неблагоприятных факторов, которые вызывают определенные явления, и на повышение устойчивости личности к воздействию этих факторов. Вторичная профилактика направлена на раннее выявление и реабилитацию нервно-психических нарушений, а также работу с подростками из «группы риска». Задача третичной профилактики – лечение нервно-психических расстройств, сопровождающихся нарушениями поведения, а также предупреждение рецидивов у лиц со сформированным асоциальным поведением [4].

Было проведено эмпирическое исследование, в котором принимали участие 64 подростка в возрасте 14–16 лет. Диагностика проводилась по следующим методикам:

- методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (автор – А. Н. Орел);
- методика исследования самоотношения (С. Р. Пантеев);
- тест «Смыслоразнозначные ориентации» (Д. А. Леонтьев);
- тест «Жизнеспособности человека» (Е. А. Рылская).

В результате диагностики психического здоровья подростков и анализа различий между двумя группами подростков по U-критерию Манна-Уитни мы пришли к следующим выводам:

- подросткам, не склонным к девиантному поведению, свойственна рефлексия, позволяющая видеть и анализировать реакции других людей на их собственное поведение. Пони-

мание и осознание того, как к ним относятся окружающие, придает им чувство ответственности и контроля над своей жизнью. Подростки могут свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, что, в свою очередь, даёт им возможность лучше приспособиться к общественным нормам и требованиям;

– подросткам, не склонным к девиантному поведению, характерно уважение к себе, они внимательны к своим желаниям и потребностям. Подобное внимание к своей личности формирует у подростков целенаправленные, планомерные, осознанные действия над собой, включающие самосовершенствование своих знаний, качеств, навыков, умений и компетенции в целом, что дает возможность повысить результативность в учебной и в будущей профессиональной деятельности;

– подросткам, не склонным к девиантному поведению, свойственна высокая частота и степень готовности к развитию и завершению проблемных ситуаций социального взаимодействия путем конфликтов, склонность к агрессивно-оборонительному стилю поведения. Но при этом подростки ищут возможности в обретении самодостаточности и независимости от различного рода влияний из окружающей среды. Осознавая отрицательное воздействие конфликтности, обучающиеся стремятся сформировать в себе новые личностные качества, которые выступали бы в качестве регуляторов агрессии;

– подросткам, склонным к девиантному поведению, свойственно безоценочное и безусловно положительное отношение к самому себе. Подобное принятие себя способствует пониманию того, что подростки могут контролировать свою жизнь, они свободно принимают решения и воплощают их в жизнь, также обучающиеся убеждены в том, что жизнь человека подвластна сознательному контролю;

– подросткам, склонным к девиантному поведению, свойственна конфликтность, которая оказывает влияние на представление о себе, о смысле своей жизни, то есть в трудной ситуации и при возникновении альтернативных решений обучающиеся теряются, становятся вспыльчивыми, считая, что с помощью агрессии смогут решить проблему;

– подросткам, склонным к девиантному поведению, свойственна склонность к обвинению самого себя, осуждение, направленное на самого себя, агрессия по отношению к самому себе, причем длительная по времени. При этом самообвинение оказывает влияние на сознательный контроль своей жизни.

Психологическое здоровье детей, в частности девиантных подростков, в любом обществе и при любых социально-экономических и политических ситуациях является очень актуальной проблемой и предметом первоочередной важности, так как оно определяет будущее страны, генофонд нации, научный и экономический потенциал общества.

Полученные результаты в дальнейшем могут быть использованы учителями общеобразовательных школ и психологами в целях профилактики девиантного поведения у подростков, для мероприятия с учащимися и проведения родительских собраний.

Список использованных источников

1 Волков, Д. В. Анализ концепции девиантного поведения несовершеннолетних / Д. В. Волков; по материалам США и Великобритании. – СПб. : Речь, 2013. –47 с.

2 Зарытовская, Н. В. Психологическое здоровье школьников старших классов / Н. В. Зарытовская, А. С. Калмыкова, Н. А. Федько // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.Science-education.ru/ru/article/view?id=25665>. Дата доступа: 07.04.2021.

3 Короленко, Ц. П. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире / Ц. П. Короленко, Т. А. Донских – СПб. : Питер, 2013. –224 с.

4 Ничишина, Т. В. Девиантное поведение подростков: как предупредить? Условия организации системы профилактической работы школы / Т. В. Ничишина // Выхаванне і дадаткова адукація. – 2018. - № 6. – С. 9–12.

СЕКЦИЯ 6 ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА БЕЗОПАСНОСТИ

М. А. Писпанен

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье освещаются основные виды кибератак, пути их предотвращения. Рассматривается важность ознакомления обучающихся с таким аспектом безопасности, как кибербезопасность

Ключевые слова: катастрофическое мышление, безопасность жизнедеятельности, кибербезопасность, Интернет, фишинг, фишинг, смишинг, буллинг, кибербуллинг.

Последние десятилетия общество подвергается изменениям, которые все чаще носят глобальный характер. Постоянные и непрерывные преобразования, которые происходят с обществом, вносят нестабильность и неопределенность в жизнь каждого. Это побуждает общество вывести на первое место вопрос своей безопасности.

Общество уже давно владеет информацией о преступлениях, авариях на дорогах и производствах, чрезвычайных ситуациях – в этом немалую роль играют СМИ. И эти виды опасностей не ставят людей в угол своей необычностью: медиа-пространство отлично освещает существующие проблемы и пути их предотвращения и решения.

Однако такая осведомленность двояка: люди в повседневной жизни начинают использовать лексику катастроф, формируя у себя так называемое катастрофическое мышление, которое предполагает пессимистическую оценку будущего, и подталкивает, в результате, к пессимистической оценке настоящего [1].

С появлением новых опасностей необходимы изменения и дополнения на уровне образования. Так, в школах с 1991 года появился предмет «Основы безопасности жизнедеятельности», который служит для обучения детей личной безопасности, сохранения жизни и здоровья, а также подготовки к оказанию помощи другим пострадавшим [4]. Эта практика прочно закрепила у общества культуру безопасности, важности ее изучения.

Стратегия развития образования должна брать в расчет современные тенденции развития, несмотря на их высокую скорость изменений. Так, в современном обществе, на равную позицию с безопасностью жизнедеятельности вышла кибербезопасность. Кибербезопасность аналогична по принципу с безопасностью жизни, ее цель – обеспечить защиту пользователей и компьютерных систем. И если в реальном мире можно закрыть дверь на замок, установить решетки на окна, то в Интернете не все так просто.

Особенно это стало актуально в последние пару лет, когда весь мир вынужден был отказаться от устоявшегося, размеренного и привычного образа жизни, когда обстоятельства вынудили нас оказаться в условиях, непривычных нам до этого. Эпидемия заставила реальный мир уйти в русло виртуального. Киберпреступники мотивированы жаждой наживы и находят сотни способов заставить людей расстаться со своими деньгами. В некоторых случаях это может быть информация о вашем банковском счете, а иногда и ваши личные идентификационные данные. Вот наиболее распространенные виды кибератак, о которых следует знать:

– фишинг (от англ. fishing – рыбная ловля) представляет собой незаконное действие, совершаемое с целью заставить человека поделиться своей конфиденциальной информацией. Как и рыбак, злоумышленник «ловит на крючок» свою жертву: он отправляет электронное письмо и выдает себя за того, кому жертва доверяет. Если пользователь «клюет на наживку» и следует по ссылке, то он попадает на веб-сайт, имитирующий тот или иной законный интернет-ресурс. После авторизации на данном сайте все учетные данные попадают напрямую

к злоумышленнику, и он может использовать их как для кражи денежных средств, так и для продажи личных данных;

– вишинг (англ. vishing – voice + phishing) – это устная разновидность фишинга, при которой злоумышленники посредством телефонной связи, используя приемы, методы и технологии социальной инженерии, под разными предлогами, искусно играя определенную роль (как правило, сотрудника банка, технического специалиста и т. д.), вынуждают человека сообщить им свои конфиденциальные банковские или персональные данные либо стимулируют к совершению определенных действий со своим банковским счетом или банковской картой [3];

– смишинг (от англ. SMS + fishing) – также противоправное действие, совершаемое с целью кражи личных данных пользователя, однако осуществляется посредством отправки смс-сообщений. Сообщение о задержанной посылке или заблокированном аккаунте может быть вариантом вредоносного программного обеспечения, которое замаскируется под легитимное приложение с целью введения личных данных, или предложит перейти на сайт и аналогично ввести важные данные [6].

Наряду с финансовыми махинациями есть еще одна важная кибератака, ценой которой станет не потеря денег, а потеря жизни. Речь идет о буллинге и кибербуллинге.

Буллинг – это намеренные действия негативного характера, которые направлены на одного и того же ребенка со стороны другого или группы детей. Буллинг выражается в распространении слухов, угрозы, словесного или физического нападения, и может включать в себя как само вредоносное действие, так и желание причинить вред.

Кибербуллинг – это буллинг с использованием цифровых технологий. Кибербуллинг может происходить в социальных сетях, мессенджерах, на игровых платформах и в мобильных телефонах. Примерами являются: распространение ложной информации или размещение ставящих в неловкое положение фотографий кого-либо в социальных сетях; отправка обидных сообщений или угроз в мессенджерах; выдача себя за кого-то другого и отправка неприемлемых сообщений другим от его имени [2].

Общение со студентами дает понять, насколько они бывают не осведомлены об их онлайн безопасности. Более того, пандемия COVID-19 и переход на онлайн-обучение не стало поводом для более тщательного отношения к своей безопасности. В современном образовательном процессе школьников и студентов все чаще используются компьютерные технологии, они становятся неотъемлемой частью образования. Учитывая это, отношение обучающихся к кибербезопасности должно быть на первом месте. Немаловажную роль в этом обязано сыграть просвещение посредством проведения воспитательных мероприятий с целью ознакомления с такими угрозами и их предотвращения.

Вот основные советы по кибербезопасности, которые должны знать все студенты (и не только студенты), чтобы защитить себя.

- не переходить по ссылкам в электронных письмах и смс-сообщениях;
- не использовать нелегальное программное обеспечение и не скачивать его с незнакомых сайтов;
- использовать проверенные браузеры и антивирусы;
- активировать двухфакторную аутентификацию;
- не доверять незнакомым звонкам.

При работе в общественном месте, будь то аудитория в университете, класс в школе, библиотека или просто рабочее место – не оставляйте компьютер включенным. Отойти от ноутбука даже на 2 минуты может быть потенциально опасным, поэтому следует выйти из системы или заблокировать компьютер, прежде чем оставить его без присмотра. Лучше потратить минуту на ввод пароля, чем восстанавливать поврежденные данные.

Согласно 19 главе Постановления Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 «Создана система предупреждения, выявления, пресечения и всестороннего расследования киберпреступлений. Обеспечивается соответствие норм Уголовного кодекса Республики Беларусь в данной области уровню общественного развития, мировым тенденциям правового регулирования и передовому зарубежному опыту. В связи с появлением но-

вых общественно опасных деяний в информационной сфере устанавливается уголовная и иная ответственность за их совершение. Обеспечивается постоянное совершенствование форм и методов предупреждения, выявления, пресечения и расследования киберпреступлений, повышается своевременность и качество оперативно-розыскной деятельности» [5].

76 статья Постановления Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 говорит о том, что «Одним из приоритетных направлений деятельности уполномоченных государственных органов является профилактика киберпреступности, основанная на популяризации среди населения, прежде всего молодежи, нетерпимости к асоциальному поведению в информационном пространстве, проведении разъяснительной работы в СМИ и сети Интернет в целях формирования безопасной национальной информационной экосистемы. Для повышения правосознания и снижения уязвимости от кибератак проводится обучение граждан основам поведения в информационной сфере» [5].

Таким образом, понятие кибербезопасности становится основополагающим в современном обществе. Формирование представления об основных понятиях кибербезопасности, ознакомление с распространенными киберугрозами и методами защиты от них поможет предотвратить в будущем масштабы трагедии.

Список использованных источников

1 Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) ; под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. – М. : Московский общественный научный фонд, 1999. – 346 с.

2 Кибербуллинг: что это такое и как это прекратить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.by/press-centr/328.html>. – Дата доступа: 17.06.2022.

3 Мошенничество с использованием технологий социальной инженерии (вишинг) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oac.gov.by/phishing/fighting-telecom-fraud/vishing>. – Дата доступа: 16.06.2022.

4 Основы безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://surl.li/cftnw>. – Дата доступа: 18.06.2022.

5 Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 19.06.2022.

6 Чем смшинг отличается от фишинга и как от него защититься [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/how-to-protect-from-smishing/30558/>. – Дата доступа: 17.06.2022.

С. С. Хурбатаў

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСІХАЛАГІЧНАЯ БЯСПЕКА ЁЎ СІСТЭМЕ ЁЎСТАНОВЫ ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ

Артыкул раскрывае навуковыя падыходы да праблемы псіхалагічнай бяспекі асобы ў адукацыйнай прасторы. Асветлены змястоўныя пытанні праблемы, паказчыкі і фактары бяспекі асобы, крытэрыі і індыкатары адукацыйнага асяроддзя. Прапанаванае даследаванне раскрывае пазіцыю кожнага суб'екта адукацыйнага працэсу ўстанова вышэйшай адукацыі (навучэнцаў, выкладчыкаў, бацькоў) у дачыненні да асабістай бяспекі ва ўмовах навучання.

Ключавыя словы: псіхалагічная бяспека, адукацыйны працэс, ува, асоба.

Праблема бяспекі чалавека ў сучасным соцыуме становіцца ўсе больш актуальнай. У значнай ступені гэта звязана з маштабнымі сацыяльнымі зменамі ў грамадстве, якія прыводзяць да знішчэння стэрэатыпаў паводзін чалавека. Гэта парушае звыклыя ўмовы жыцця і прыводзіць да патрэбы ў псіхалагічнай бяспецы. Усе часцей тэрмін «бяпека» разглядаецца ў якасці часткі псіхалагічнага слоўніка, а вывучэнне псіхалагічнай бяспекі асобы з'яўляецца самастойным навуковым накірункам. Тэрмін «бяпека адукацыйнага асяроддзя» з'явіўся не так даўно. З таго часу, як праблемы адукацыйнага асяроддзя сталі прадметам псіхалага-педагагічнага даследавання, былі вывучаны яго ўзроўні (А. Р. Кавалеў, В. А. Ясвін, Е. Ravich, Н. Wood і інш.); прааналізавана структура (Е. А. Клімаў, М. В. Капосава, А. М. Сідоркіна, Э. Н. Саленка, С. В. Тарасаў, Р. Bell, Р. Gump, D. Stokols і інш.); выяўлены тыпы (І. В. Ермакова, Н. А. Лабунская, Т. Менг, Н. И. Паліванава, М. Раудсепп, І. М. Уланоўская, F. Persell, N. Catsambis і інш.). Аднак маладаследаваным застаецца псіхалагічны кампанент адукацыйнага асяроддзя ўстанова вышэйшай адукацыі.

Для забеспячэння псіхалагічнай бяпекай адукацыйнага асяроддзя неабходна разуменне і выяўленне магчымых у ёй рызыкаў. Рызык – адзін з найважнейшых паказчыкаў, якія можна аднесці да псіхалагічнага камфорту. Праблема псіхалагічнай бяспекі ў адукацыі можа быць разгледжана ў аспекце вывучэння рызыкаў яго суб'ектаў, так як псіхалагічны аспект рызык мае непасрэднае дачыненне да псіхалагічнай бяспекі асобы.

В. С. Мэрлін да фактараў рызыкаў у адукацыйным асяроддзі ўстанова вышэйшай адукацыі адносіць:

- недастатковае забеспячэнне прафесарска-выкладчыцкімі кадрамі і невысокі ўзровень іх прафесіяналізму;
- слабае развіццё матэрыяльна-тэхнічнай базы;
- недастатковае метадычнае забеспячэнне навучальнага працэсу;
- нізкі ўзровень актыўнасці студэнтаў і выкладчыкаў;
- недастатковы ўзровень фарміравання сацыяльных і практычных навыкаў, уменняў і вопыту, нізкі ўзровень выхавання і культуры, асобнапсіхалагічныя характарыстыкі ўдзельнікаў вучэбна-выхаваўчага працэсу;
- несфармаванасць умоў для псіхалагічнай бяспекі іх жыццядзейнасці і прафілактыкі псіхічнага і фізічнага здароўя [1, с. 112].

Калі разглядаць дадзеныя фактары ў сукупнасці, то варта адзначыць, што яны прадстаўляюць пагрозу адукацыйнаму асяроддзю і развіццю асобы ўдзельнікаў ува. Вынікам гэтага з'яўляецца схільнасць да дэструктыўных паводзін, негатыўнае стаўленне да адукацыйнай установы, атрыманне псіхалагічнай траўмы, якая наносіць шкоду псіхічнаму здароўю.

В. В. Бедрына і А. В. Лічуцін лічаць, што псіхалагічная бяпека адукацыйнага асяроддзя будзе забяспечана, калі ў гэтым асяроддзі максімальна нейтралізаваныя псіхалагічныя рызык і пагрозы ў кароткатэрміновай, сярэнетэрміновай і доўгатэрміновай перспектыве.

Эмпірычным пацвярджэннем тэарэтычнага аналізу дадзенай праблемы можа служыць даследаванне псіхалагічнай бяспекі адукацыйнага асяроддзя ГДУ імя Ф. Скарыны, якое плануецца правесці ў бліжэйшы час. Для вызначэння асноўных характарыстык адукацыйнага асяроддзя будуць вылучаны наступныя значныя характарыстыкі:

- станоўчае, нейтральнае і негатыўнае стаўленне да адукацыйнай установы,
- агульны індэкс – узровень задаволенасці характарыстыкамі адукацыйнага асяроддзя, якія з'яўляюцца характарыстыкамі псіхалагічнай бяспекі.

Дадзеныя крытэрыі засноўваюцца на ацэнках характарыстык адукацыйнага асяроддзя:

- узаемаадносінны з педагогамі,
- адносінны з аднагодкамі,
- магчымасць выказаць свой пункт гледжання,
- паважлівае стаўленне да сябе,
- захаванне асабістай годнасці,
- магчымасць праяўляць ініцыятыву,
- запіс асабістых праблем і цяжкасцяў.

Таксама варта прапанаваць пытанні, якія тычацца абароны асобы ад публічнай абразы, прымусу, ігнаравання, нядобразычлівых адносін, і пытанні, звязаныя з магчымасцю асобнага развіцця і самаўдасканалення ў працэсе навучання.

У якасці рэспандэнтаў выступаць выкладчыкі, студэнты і бацькі студэнтаў ГДУ імя Ф. Скарыны.

Вынікі даследавання будуць з'яўляюцца падставай для актуалізацыі напрамкаў прафесійнай дзейнасці, арыентаваных на забеспячэнне псіхалагічнай бяспекі адукацыйнага асяроддзя і асобы:

- усведамленне псіхалагічнай бяспекі як каштоўнасназначнай, развіцце гатоўнасці да псіхалагічна-бяспечнага ўзаемадзеяння (матывацыйны аспект);
- выяўленне ролі арганізацыйнай культуры ўстанова вышэйшай адукацыі як фактару псіхалагічнай бяспекі адукацыйнага асяроддзя;
- мадэляванне псіхалагічна-бяспечнай адукацыйнай прасторы ў ува (арганізацыйны аспект);
- фарміраванне псіхалагічнай культуры ўзаемадзеяння ўдзельнікаў адукацыйнага працэсу;
- развіцце камунікатыўнай кампетэнтнасці як здольнасці да стварэння эфектыўных зносін (камунікатыўны аспект);
- стварэнне ўмоў, накіраваных на самарэалізацыю рэсурсаў асобы, падтрымка пазітыўнага «ладу Я» і адэкватнай самаацэнкі (самаацэначны аспект);
- прафілактыка псіхаэмацыйных станаў у сітуацыях стрэсу – у адаптацыйны перыяд, сітуацыі праверкі ведаў і інш. (эмацыянальны аспект).

Нельга не звярнуць увагу на малую колькасць даследаванняў адукацыйнага асяроддзя ўстанова вышэйшай адукацыі. Нягледзячы на тое, што адукацыйная прастора вышэйшых навучальных устаноў патэнцыйна можа ўтрымліваць спецыфічныя фактары рызыкі для псіхалагічнай бяспекі яго суб'ектаў: выбар навучальнай установы, уваходжанне ў новы калектыў, адметны ад школьнага фармат адносін у навучальным працэсе, узаемадзеянне з прадстаўнікамі розных традыцый, культур, уладкаванне прасторы адукацыйнай установы.

Дзейнасць адукацыйнай установы ў той ці іншай ступені адлюстроўвае сучасную рэчаіснасць. Між тым, навучальны выхаваўчы працэс, які адбываецца ў межах адукацыйнай прасторы, прадугледжвае ўплыў на сацыяльную сітуацыю, бо яго суб'екты сваімі дзеяннямі будуць альбо захоўваць існуючы парадак, альбо змяняць яго. Адукацыйнае асяроддзе ўстанова вышэйшай адукацыі заўсёды ўключае ў сябе тэндэнцыі ўплыву школьнага асяроддзя, але гэта ўжо новая рэальнасць, і менавіта ў ува ідзе канчатковы этап падрыхтоўкі так званых суб'ектаў дзейнасці, якія непасрэдна будуць задаваць тон у калектыве, прыйшоўшы на вытворчасць дыпламаванымі спецыялістамі.

Стварэнне ў ува ўмоў для фарміравання асобы, задавальнення асноўных патрэб усіх удзельнікаў адукацыйнага працэсу ў іх прафесійным станаўленні і развіцці магчыма толькі пры наяўнасці псіхалагічна бяспечнага адукацыйнага асяроддзя. Выкарыстанне якасных метадаў, правядзенне даследавання можа спрыяць пошуку фактараў ўплыву і атрымання больш карэктных высноў. Правядзенне трэнінгавых мерапрыемстваў, накіраваных на фарміраванне камунікатыўных кампетэнцый перад паўторным зборам дадзеных дапамагло б зразумець, наколькі правільныя высновы аб узаемасувязі эмацыйнага інтэлекту і талерантнасці да нявызначанасці з успрыманням псіхалагічнай бяспекі адукацыйнага асяроддзя. Інакш кажучы, прымяненне метаду эмпірычнага даследавання было б вельмі карысным.

Чалавек як адкрытая сістэма змяняецца пад уздзеяннем знешніх фактараў, якія ен сам ацэньвае, як псіхалагічны камфортныя альбо дыскамфортныя. Разуменне механізму ўзаемаўплыву знешніх і ўнутрыасобных кампанентаў будзе спрыяць стварэнню гарманічнай, эфектыўнай і псіхалагічна бяспечнай адукацыйнай прасторы.

Список использованных источников

1 Мерлин, В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. – М. : Педагогика, 1986. – 256 с.

А. П. Быкова

Научный руководитель: Т. В. Тратинко
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ДЕВУШЕК, СКЛОННЫХ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

В статье рассматривается проблема виктимного поведения девушек, понятие копинг-стратегий и их задачи. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенностей копинг-стратегий у девушек, склонных к виктимному поведению.

Ключевые слова: юношеский возраст, кризис идентичности, виктимизация, виктимное поведение, копинг-стратегии, стратегии совладания.

В современных условиях нестабильности и неопределенности, стрессов и потенциальных опасностей все большее количество людей испытывает трудности в преодолении кризисных ситуаций, что приводит к нарушениям социальной адаптации, проблемам в ориентировке людей, трудностям осознанного совладания с критическими, конфликтными, стрессовыми и трудными жизненными ситуациями и, как следствие, к социальной виктимизации [2].

Проблема виктимности личности отражается в исследованиях О. О. Андронниковой, Н. А. Барановского, К. В. Вишневецкого, А. А. Гаджи-евой, К. Миядзавы, А. В. Мудрика, В. И. Полубинского, В. Я. Рыбальской, Д. В. Ривмана, В. В. Сысоевой, В. А. Тулякова, Л. В. Франка и других ученых.

Виктимность личности трактуется как способность личности становиться объектом преступных действий (Л. В. Франк), как соответствующая предрасположенность (А. В. Мудрик), как поведенческий паттерн, увеличивающий вероятность стать жертвой противоправных действий (О. О. Андронникова) [3].

Анализ психологических исследований показал, что предпосылками к формированию виктимного поведения женщин являются следующие особенности ранней социализации: недифференцированность личности членов родительской семьи, запрет проявления потребностей или интересов ребенка, дефицитарность отношений, последствия пережитого в детстве насилия [4].

На сегодняшний день исследования, направленные на выявление возможностей применения копинг-стратегий в адаптации человека в сложных жизненных ситуациях, являются достаточно востребованными.

Основная задача копинга – удержать человека в состоянии душевного равновесия, если он попадает в критическую ситуацию или в ситуацию социальной энтропии (неопределенности). В большинстве исследований выявляются внешние факторы, влияющие на проявление поведения субъекта: сама ситуация, качество стрессоров, поддержка со стороны других. Тем не менее, в психологии нет единой точки зрения на механизмы протекания и выбора стратегий преодоления человеком трудных жизненных ситуаций [1].

Юношеский возраст – период жизни человека между подростковым возрастом и взрослостью. По Э. Эриксону, данный период строится вокруг кризиса идентичности, состоящего из серии социальных и индивидуально личностных выборов, идентификаций и самоопределений. Если человеку не удастся разрешить эти задачи, у него формируется неадекватная идентичность: уход от психологической интимности, избегание тесных межличностных отношений, неспособность строить жизненные планы, страх взросления и перемен, раз-

мывание продуктивных, творческих способностей, неумение мобилизовать свои внутренние ресурсы и сосредоточиться на главной деятельности [5].

Таким образом, целью данной работы является исследование особенностей копинг-стратегий у девушек, склонных к виктимному поведению.

Эмпирическое исследование по выявлению особенностей копинг-стратегий у девушек, склонных к виктимному поведению, производилось в г. Минске на базе Белорусского государственного университета.

Выборка составила 80 человек. В исследовании приняли участие девушки в возрасте 18–23 лет (периодизация по И. С. Кону – 18–23 лет – поздняя юность). В дальнейшем выборка составила 60 человек, разделенных в рамках исследования на две группы по 30 человек (с поведением в рамках нормы (группа 1) и склонных к виктимному поведению (группа 2).

Использовались следующие методики:

- методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова);
- способы совладающего поведения, WCQ (Р. Лазарус) (адаптированный Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой).

В ходе исследования были получены результаты по показателям копинг-стратегий.

Результаты распространенности (в процентах) копинг-стратегий (высокий уровень напряженности) у девушек, не склонных к виктимному поведению, представлены на рисунке 1.

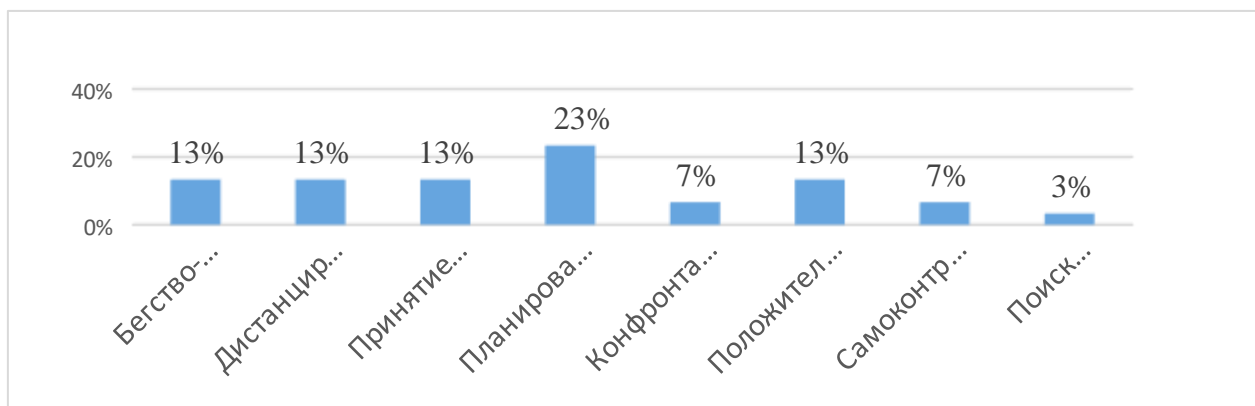

Рисунок 1 – Распространенность копинг-стратегий у девушек, не склонных к виктимному поведению

Данные, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о том, что среди девушек, не склонных к виктимному поведению, наиболее распространенными копинг-стратегиями являются планирование решения проблемы (23,33 %), принятие ответственности (13,33 %), дистанцирование (13,33 %), положительная переоценка (13,33 %), бегство/избегание (13,33 %). Менее распространенными копинг-стратегиями среди девушек, не склонных к виктимному поведению, являются конфронтация (6,67 %), самоконтроль (6,67 %), поиск социальной поддержки (3,33 %).

Результаты распространенности (в процентах) копинг-стратегий (высокий уровень напряженности) у девушек, склонных к виктимному поведению представлены на рисунке 2.

Среди девушек, склонных к виктимному поведению, наиболее распространенными копинг-стратегиями являются бегство/избегание (83,33 %), дистанцирование (56,67 %) и принятие ответственности (53,33 %). Менее распространенными копинг-стратегиями среди девушек, склонных к виктимному поведению, являются поиск социальной поддержки (10 %) и самоконтроль (10 %).

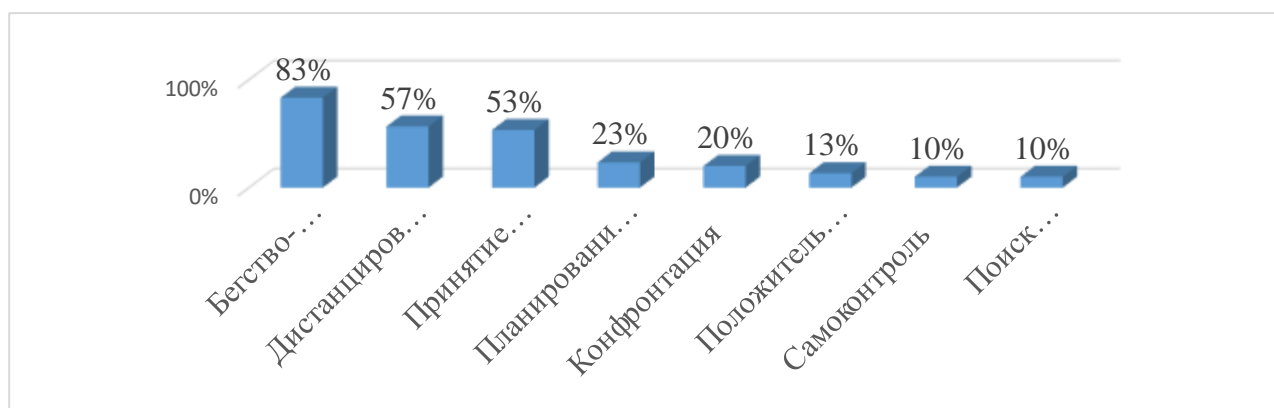

Рисунок 2 – Распространенность копинг-стратегий у девушек, склонных к виктимному поведению

Для математической обработки применялся анализ статистически значимых различий (t-критерий Стьюдента). Статистический анализ данных проводился в программе «Statistica 13.5». Результаты эмпирического исследования приведены в таблицах 1, 2.

Таблица 1 – Статистически значимые различия показателей виктимности по методике склонности к виктимному поведению (Андронникова О. О.)

Шкала	Группа 1 (ср.значения)	Группа 2 (ср. значения)	t-критерий
Склонность к агрессивному поведению	3,13	6,83	-8,86
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	4,33	8,36	-7,95
Склонность к гиперсоциальному поведению	4,07	7,87	-11,86
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	3,37	6,83	-8,73
Склонность к некритическому поведению	3,63	8,37	-13,08
Реализованная виктимность	3,33	6,83	-7,72

В ходе проведения статистического анализа по показателям виктимного поведения были выявлены статистически значимы результаты по шкалам «Склонность к агрессивному поведению» ($t = -8,86$, $p < 0,05$), «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» ($t = -7,95$, $p < 0,05$), «Склонность к гиперсоциальному поведению» ($t = -11,86$, $p < 0,05$), «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» ($t = -8,73$, $p < 0,05$), «Склонность к некритическому поведению» ($t = -13,08$, $p < 0,05$), «Реализованная виктимность» ($t = -7,72$, $p < 0,05$).

Девушки, склонные к виктимному поведению, могут попадать в неприятные и опасные для жизни и здоровья ситуации в результате проявленной ими агрессии в форме нападения или иного провоцирующего поведения (оскорбление, клевета, издевательство и т. д.). Испытуемые могут привлекать для причинения вреда другое лицо, а также совершать рискованные поступки, опасные для себя и окружающих. Девушкам, склонным к виктимному поведению, в большей мере свойственно социально одобряемое жертвенное поведение: с их стороны происходит демонстрация положительного поведения в ситуациях конфликта. Они могут иметь установку на беспомощность, низкую самооценку. Им свойственно нежелание делать что-то самим,

без помощи других. Такие люди постоянно вовлекаются в кризисные ситуации с целью получения сочувствия и поддержки окружающих. Имеют ролевою позицию жертвы.

Девушки, склонные к виктимному поведению, могут проявлять неосторожность, неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации. Часто попадают в неприятные или даже опасные для здоровья и жизни ситуации, исходя из внутренней предрасположенности и готовности личности действовать определенными способами.

Таблица 2 – Статистически значимые различия показателей копинг-стратегий по опроснику «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус)

Шкала	Группа 1 (ср.значения)	Группа 2 (ср. значения)	t-критерий
Бегство / избегание	5,77	15,13	-14,01
Принятие ответственности	4,83	12,17	-10,45
Дистанцирование	8,10	15,50	-9,08

В ходе проведения статистического анализа по показателям копинг-стратегий у девушек, склонных к виктимному поведению, были выявлены значимые различия по шкалам «Дистанцирование» ($t = -9,08$; $p < 0,05$), «Бегство/избегание» ($t = -14,01$; $p < 0,05$) и «Принятие ответственности» ($t = -10,45$; $p < 0,05$).

Девушкам, склонным к виктимному поведению, в большей степени свойственно преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее. Также наблюдается тенденция к преодолению негативных ситуаций за счет реагирования по типу уклонения: отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т. п. Девушкам, склонным к виктимному поведению, свойственны неоправданная самокритика и самобичевание, переживание чувства вины и хроническая неудовлетворенность собой.

Таким образом, под виктимностью личности подразумеваются приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки, которые могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву (преступления, несчастного случая, деструктивного культа и т. д.).

Девушки представляют собой особую категорию, чему способствует специфическая социальная ситуация развития: девушка занимает промежуточное положение между ребенком и взрослой женщиной. Неудачное преодоление кризиса идентичности может способствовать возникновению различных социальных и психологических проблем: негативные аспекты репродуктивного здоровья, трудности в социализации, одиночество, негативная Я-концепция, проблема профессионального самоопределения, смена социальных ролей, трудности с психологической автономией, высокий риск девиантного поведения; как следствие – виктимизация личности.

Личность, имеющая склонность к виктимному поведению, обладает рядом внутренних характеристик, например, реактивностью, ригидностью, необъективно высоким чувством вины и стыда, специфической реакцией на трудные жизненные ситуации и стресс. Копинг-стратегии выступают как используемые человеком приемы совладания с трудными ситуациями, состояниями, совокупность различных поведенческих стратегий, меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека.

Анализ и интерпретация результатов проведенного исследования позволяют сделать следующий вывод: склонность к виктимному поведению определяет выбор стратегии совладания. Наиболее распространенными копинг-стратегиями являются бегство, дистанцирование и принятие ответственности. Менее распространенные копинг-стратегии – самоконтроль и поиск социальной поддержки.

Список использованных источников

- 1 Авраменко, Е. В. Обзор особенностей копинг-стратегий подростков с виктимным поведением / Е. В. Авраменко // Нижегородский психологический альманах. – 2020. – № 1. – С. 84–92.
- 2 Бовть, О. Б. Исследование характеристик защитно-совладающего и виктимного поведения будущих педагогов / О. Б. Бовть, А. А. Мишин // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – № 1. – С. 19–29.
- 3 Ермолова, О. В. Виктимность как психологический феномен / О. В. Ермолова // Молодой ученый. – 2021. – № 51 (393). – С. 444–446. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/393/87013/> / Дата доступа: 17.04.2022.
- 4 Семерикова, А. А. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуации домашнего насилия / А. А. Семерикова, Н. Р. Анисимова // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – № 1 (57). [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-viktimnogo-povedeniya-zhenschin-v-situatsii-domashnego-nasiliya> Дата доступа: 22.05.2022.
- 5 Шавдарова, Е. А. Исследование идентичности в юношеском возрасте / Е. А. Шавдарова, Р. М. Гимаева // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5. – С. 233–237.

Д. В. Дегтяренко

Научный руководитель: Е. М. Семенова, канд. психол. наук, доцент
Филиал Российского государственного социального университета,
г. Минск, Республика Беларусь

КИБЕРБУЛЛИНГ: ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Развитие технологий подарило человечеству Всемирную сеть, которая, с одной стороны, упростила нашу жизнь, а с другой – усложнила ее. Люди ведут две жизни – реальную и виртуальную, которые порой идут параллельно друг с другом. В статье рассмотрены различия между реальной и виртуальной жизнью, а также причины и особенности травли в Интернете среди учащихся.

Ключевые слова: кибербуллинг, буллинг, травля, Интернет-травля, подростки, подростковый возраст, социальные сети.

Развитие технологий, безусловно, решает много трудностей человеческого бытия. Однако всякая наука всегда, решая одну проблему, создает ряд новых. Получая объяснение одного явления, ученые сталкиваются с рядом новых явлений или противоречий. Хотя наука по своей сути есть накопление погрешностей: создается теория, которая вроде как вписывается в реальное положение дел, и подтверждается практикой. Затем через несколько поколений или открытий она может быть исправлена или быть признана полностью неверной. Любая наука берет истоки из философии, когда мудрецы объясняли мир, как могли. Что есть истина, мы не знаем. Всякое описание мира есть предмет деятельности психики человека, то есть субъективное отражение объективной действительности кого-то.

Рост промышленности и технологий как следствие развития науки улучшает и упрощает жизнь людей, но в это же время ухудшает и усложняет ее. Вот такой парадокс реальности: люди создают проблемы, которые потом пытаются решить. Человек – единственное разумное существо в природе, и интересно, что именно разум и создает новые проблемы и задачи: с одной стороны, медицина развивается, но, с другой стороны, решает-то она проблемы, созданные ею же и продуктами деятельности промышленности; создаются материальные блага во имя комфорта человека и в ущерб природе. Как-то природа регулировала сама себя

миллионы лет без участия человека и неплохо справлялась со своей задачей. Потом пришел человек и начал спасать ее от... себя же.

Одним из неоднозначных изобретений стал Интернет: держа в руках маленький гаджет, любой человек получает доступ практически ко всей информации (достоверность которой с каждым годом вызывает все больше сомнений: если раньше ответы искали в книгах, то сейчас можно получить конкретный ответ на конкретный вопрос на любом форуме, где, разумеется, никто не ссылается ни на какие литературные источники – всякая информация преподносится как аксиома; различные новостные каналы также любят публиковать факты, которые даже не всегда вяжутся со здравым смыслом – от хронологических противоречий и игнорирования законов физики до откровенного бреда; таких примеров можно привести очень много, и печально, что искажение информации имеет лишь накопительный эффект), может видеть родных и близких, находящихся за тысячи километров и при этом общаться с ними в режиме реального времени. Именно общаться. Существует много видов общения, каждый из которых можно в той или иной мере реализовать во Всемирной паутине: кто-то находит любовь или единомышленника, строит деловые отношения, находит связи, высказывает свою позицию по острым (хотя бы для него) темам или утверждает за счет других.

Общение в сети отличается от реального. Сложно разделить особенности на преимущества и недостатки, потому что на них можно смотреть под разными углами:

- анонимность. При полной свободе слова не всегда рационально ее использовать. Иногда какое-то мнение нужно высказать анонимно хотя бы из соображений собственной безопасности. Однако обезличивание одновременно стирает личность и ответственность: если нет автора, то и применить санкции не к кому;

- самопрезентация. Анонимности можно противопоставить представление себя: можно подписаться Лучиком Солнца, а можно выдать себя за вполне реального человека, что делается крайне редко в благих целях. Если это вообще можно назвать благом;

- контакт. Можно проигнорировать сообщение в социальной сети – это практикуется сплошь и рядом. В реальной же жизни куда проблематичнее сделать вид, что ты не слышишь человека, который обращается непосредственно к тебе. В реальной жизни нет черного списка, хотя порой его так не хватает;

- время ответа. Многие с определенной периодичностью дают спонтанные ответы, за которые приходится нести ответственность. В Интернете же можно ответить через час, день, неделю или не ответить вовсе. Набирая текст на клавиатуре, можно настолько переосмыслить ответ, что он станет диаметрально противоположным исходному: подробно расписывая маршрут, по которому человеку следует пойти, можно остыть и дать конструктивный ответ, или, наоборот, осознать, что человек хочет слишком много или его просьба сейчас неуместна, и вместо необдуманного согласия предложить поискать альтернативный вариант;

- желаемое за действительное. В социальных сетях можно воспользоваться идеей резюме: что-то преувеличить, что-то преуменьшить, что-то вовсе не афишировать – то есть показать себя чуть лучше или приблизиться к своему идеалу. А можно просто создать свою реальность, в которой вообще все идеально. И в этом беда: каждый пользователь социальных сетей видит идеальную жизнь других людей, верит в нее и не понимает, почему не может быть такими успешными и продуктивными, от чего страдает самооценка, вера в себя, настроение и так далее. Однако, если включить хотя бы минимальную критику, можно догадаться, что так не бывает. Хорошо заметила одна модель в интервью по этому поводу: «Все возможно... когда ты много врешь»;

- информация о себе. Информация, предоставленная владельцем профиля, может быть использована конструктивно – для нахождения точек соприкосновения или выбора подарка – и деструктивно – для насмешек, оскорблений; нередки случаи, когда по ленте фотографий в Instagram грабители понимали, что хозяева дома – люди достаточно богатые, которые в данный момент находятся за границей и сейчас имеется прекрасная возможность присвоить их имущество.

Связав все виды общения и неоднозначные особенности общения в Интернете, можно прийти к достаточно новому явлению травли в Интернете – кибербуллингу, который

В. П. Шейнов [6] определяет как преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и телекоммуникационные технологии.

По данным исследования Microsoft 2012 г. в России, 49 % детей в возрасте 8–17 лет сообщали о том, что подвергались в сети буллингу или другим формам обращения, имеющим негативные последствия (для сравнения, средний показатель по 25 другим обследованным странам составил 37 %). В том числе 27 % столкнулись с грубым и недружелюбным обращением, 20 % подвергались насмешкам или их дразнили, 24 % подвергались обзыванию. 67 % детей сообщили о том, что они знают о буллинге онлайн, 34 % испытывают беспокойство в связи с этой темой [7]. В отчете российского Фонда развития Интернета за 2013 год указано, что практически каждый третий подросток за год использования интернета сталкивался с коммуникационными рисками, среди которых лидировал кибербуллинг; каждый четвертый подросток указал, что сталкивался с оскорблениями, унижениями или преследованием в сети [3]. По данным ЮНЕСКО, от 9 до 21 % детей и подростков из индустриализованных стран подвергаются кибербуллингу, причем девочки подвержены этому риску чаще мальчиков [3]. В отчете ВОЗ сообщается о том, что в России среди 11-летних 11 % девочек и 8 % мальчиков становились жертвой кибербуллинга не менее 2–3 раз за месяц; среди 13-летних – 6 % и 8 %, среди 15-летних – 5 % и 7 % соответственно) [5].

Такую динамику кибербуллинга можно объяснить следующими причинами:

- повсеместное распространение интернета;
- возможность травли любого неугодного, что нельзя реализовать в реальной жизни;
- дистанция. Агрессор не видит реакции жертвы, а потому и не испытывает угрызений совести;
- потребность в самореализации и самоутверждении;
- анонимность, которая обезличивает и стирает ответственность.

Сопоставляя буллинг и кибербуллинг, можно увидеть одну важную особенность: в реальной жизни агрессором может быть человек физически более сильный или имеющий определенные льготы (то есть понимающий, что он не будет нести ответственность), в Интернете же ситуация может быть с другим знаком: затравленный ребенок, стремящийся самоутвердиться идентичным способом, запросто может создать фейк (то есть фальшивую страницу), сохраняя анонимность со всеми вытекающими последствиями, ведь в Интернете можно выдать себя за другого человека. Из неуверенной в себе жертвы можно стать агрессором по щелчку пальцев.

Кибербуллинг может быть незаметен для окружающих, однако подвергнувшиеся ему дети получают психологическую травму. В самых плачевных случаях это может привести к суициду [4].

Чаще всего жертвами становятся следующие категории учеников: отличники и двоечники, вундеркинды, ябеды, фавориты педагогов, дети из очень бедных или очень богатых семей, дети с чересчур заботливыми родителями, дети с нетипичной внешностью, обусловленной природными или соматическими причинами [4].

Д. Олвеус при описании преследователей отмечал их сильную потребность в доминировании и подчинении других, высокую тревожность, пониженную эмпатию и импульсивность; высокие физические показатели и склонность к провокациям и агрессии [4].

Если говорить о жертвах, здесь выделяются противоположные черты – физически слабые, тревожные, неуверенные в себе дети с заниженной самооценкой. Отдельно подчеркивается склонность к депрессивному поведению и замкнутости [4].

Результаты недавних исследований показывают, что буллингу в Интернете подвергаются те же дети, что и подвергаются травле в реальной жизни [7]. Таким образом, для кибербуллинга как разновидности буллинга характерны все его черты.

В теории выделяют несколько причин буллинга, побуждающих детей к жестокости.

- социальные причины. В обществе поощряется доминантное поведение лиц, причем это пропагандируют телевидение, Интернет, социальные сети и видеоигры;

– педагогические причины, когда у детей происходит деформация восприятия социальной действительности из-за отсутствия должного воспитания со стороны родителей и преподавателей. Нередко педагоги сами показывают неправильный пример поведения в коллективе: допускают насмешки, некорректные шутки в сторону детей, оскорбляя либо унижая их, что недопустимо согласно педагогической этике;

– семейные причины. Дома родители не всегда уделяют должного внимания ребенку по каким-то причинам, не проявляют любовь и заботу к нему. В семье также могут проявлять вербальную агрессию в сторону ребенка, чрезмерно опекают;

– непосредственно психологические причины буллинга. У ребенка-агрессора наблюдается тенденция чрезмерного вмешательства в чужую жизнь, когда такой ребенок наслаждается тем, что приносит боль или вред своему сверстнику [1].

Также стоит отметить, что буллинг может осуществляться как в адрес детей, так и взрослых людей: учителей, школьного персонала и так далее. К мотивам травли можно отнести желание возвыситься себя среди коллектива запугиванием, стремление быть лидером, желание казаться авторитетом.

Перечисленные выше причины приводят к возникновению агрессивного поведения. Поскольку многие из них известны, в образовательных организациях, как правило, проводится большая профилактическая работа по их пресечению, сущность которых заключается в нахождении и устранении первичных и второстепенных факторов, побуждающих детей к насилию.

В образовательных учреждениях разрабатываются программы по профилактике буллинга и основные методы борьбы с ним. В первую очередь проводят собрания с учителями, родителями, детьми, где поднимают проблему травли и рассказывают о ее причинах и последствиях. Учреждение образования доводит до учащихся основные правила в отношении буллинга, оповещает о намечающихся мероприятиях по профилактике и пресечению травли. Проводятся дополнительные занятия для учителей, на которых рассказывают о психологических приемах работы с детьми, признаках жертв буллинга, поведении во время учебного процесса. Учебная организация оказывает помощь пострадавшим от буллинга, взаимодействуя с родителями и психологами.

Помимо общих программ также разрабатываются индивидуальные правила по профилактике буллинга [2]. Так, учебные организации проводят дополнительные занятия с классами, где рассказывают о проблеме, нередко включают занятия по профилактике буллинга в обязательную школьную программу. В определенные дни учащимся демонстрируются фильмы и наглядные пособия. Многие учреждения ставят спектакли, где разыгрывают сцены ситуаций травли, тем самым осуществляя драма-терапию. Создаются целые комитеты по борьбе с буллингом, в которые входят как родители, психологи, школьный персонал, так и сами дети. Также создаются линии доверия по вопросам агрессивного поведения на уровне образовательной организации.

В обязательном порядке проводится индивидуальная работа с жертвами буллинга.

Таким образом, буллинг и кибербуллинг – это процессы жестокого обращения детей со своими сверстниками в реальной жизни и в Интернете. Буллинг и кибербуллинг – это серьезные проблемы образовательной среды, с которыми необходимо бороться заблаговременно, то есть осуществлять профилактическую работу по пресечению травли. Эта работа должна основываться на моральных и нравственных ценностях, целью которой является создание доброжелательной атмосферы в процессе учебы.

Список использованных источников

1 Бакунович, С. Ю. Психологические предпосылки буллинга / С. Ю. Бакунович, Е. С. Костенко / Лучшая студенческая статья : сборник статей XII Международного научно-практического конкурса, Пенза, 20 декабря 2017 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – Ч. 2. – С. 283–285.

2 Глазырина, Л. А. Предотвращение насилия в образовательных учреждениях. Методическое пособие для педагогических работников / Л. А. Глазырина, М. А. Костенко; под ред. Т. А. Епояна. – Москва: БЭСТ-принт, 2015. – 144 с.

3 Зотова, Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей результаты всероссийского исследования / Е. Ю. Зотова, Т. А. Нестик, Г. У. Солдатова. – М.: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.

4 Кон, И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться / И. С. Кон. – Семья и школа. – 2006. – № 11. – С. 15–18. –

5 Неравенства в период взросления: гендерные и социально-экономические различия в показателях здоровья и благополучия детей и подростков [Электронный ресурс] Режим доступа : <https://apps.who.int/iris/handle/10665/343790>. Дата доступа: 15.11.2021.

6 Шейнов, В. П. Кибербуллинг: предпосылки и последствия / В.П. Шейнов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2019. – Т. 4, № 2 (14).

7 Agatston, P.W. Cyberbullying: Bullying in the digital age / P. W. Agatston, R. M. Kowalski, S. P. Limber. – New York: Wiley-Blackwell, 2011. – 296 p.

8 Online Bullying Among Youth 8–17 Years Old – Russia. Microsoft Trustworthy Computing [Электронный ресурс] Режим доступа : https://download.microsoft.com/download/E/8/4/E84BEEAB-7B92-4CF8-B5C7-7CC20D92B4F9/WW%20Online%20Bullying%20Survey%20-%20Executive%20Summary%20-%20Russia_Final.pdf. – Дата доступа: 13.11.2021.

9 School violence and bullying: Global status report. 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа : <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000246970>. – Дата доступа: 17.11.2021.

Е. А. Котова

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье представлен теоретический анализ исследования копинг-стратегий в юношеском возрасте. Также приводятся данные эмпирического исследования копинг-стратегий у студентов с помощью опросника «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; копинг-теста Р. Лазаруса и С. Фолкман.

Ключевые слова: юношеский возраст, копинг-стратегии, студенты.

Юношеский возраст – это период поиска своего места в мире, где немаловажную роль играют процессы самосознания и самоопределения. Возрастает значимость, умение понимать, управлять своими и чужими эмоциями, способность к бескорыстному самопожертвованию. Это период формирования социальной зрелости [1, 2].

Данному возрасту характерна особая чувствительность, которая оказывается наиболее уязвима перед жизненными трудностями [1, 3].

Одна из самых важных психологических эмоциональных характеристик юности – самоуважение (принятие, одобрение себя или непринятие себя, неудовлетворенность собой). В этот период наблюдается заметное расхождение между «идеальным Я» («желаемым Я») и «реальным Я» (социальным Я).

Копинг-стратегии (стратегии преодоления) являются наиболее актуальными в юношестве поведенческими способами справиться с возникающими трудностями или со специфическими внешними и внутренними требованиями, которые воспринимаются индивидом в качестве психологического напряжения или превышают его психологические возможности.

Взаимосвязь стратегий преодоления, механизмов психологической защиты и личностных особенностей во многом является психической и деятельностной базой для поведенческих, эмоциональных и личностных изменений, что, в свою очередь, существенно определяет развитие личности в период юношеского возраста [4].

Для исследования была сформирована выборочная совокупность в количестве 30 студентов, обучающихся в ГГУ имени Ф. Скорины в возрасте 17–21 года. Испытуемые были респондированы с помощью опросника «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; копинг-теста Р. Лазаруса и С. Фолкман.

Результаты исследования копинг-стратегий в юношеском возрасте представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Результаты исследования по опроснику «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана

Уровень	Решение проблем		Поиск социальной поддержки		Избегание проблем	
	Количество					
	человек	%	человек	%	человек	%
Очень низкий	1	3,4 %	1	3,4 %	2	6,6 %
Низкий	7	23,3 %	3	10 %	24	80 %
Средний	22	73,3 %	23	76,6 %	4	13,4 %
Высокий	0	0 %	3	10 %	0	0 %

Согласно данным, представленным в таблице 1, стратегия *разрешения проблем* имеет средний уровень выраженности у большинства респондентов (73,3 %). Это свидетельствует об умеренной трате своих ресурсов для поиска возможных вариантов эффективного решения проблемы.

Стратегия *поиска социальных связей* также диагностирована у 76,6 % испытуемых на среднем уровне. При этом уровне поведенческой стратегии человек обращается за поддержкой к окружающей его среде: семье, значимым людям, друзьям. С их помощью он эффективно справляется с проблемой, но не перекладывает ответственность за ее разрешение на тех, к кому обратился.

Стратегия *избегания проблем* у 80 % респондентов диагностирована на низком уровне. Здесь можно говорить о том, что при столкновении с проблемой человек не избегает контакта с окружающей действительностью, не уходит от решения и не использует пассивные способы избегания проблемы (уход в болезнь, запой, употребление наркотиков или суицид).

Таблица 2 – Результаты исследования по опроснику копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкман

Преобладающий вид стратегии	Количество	
	человек	%
Конфронтационный копинг	1	3,3 %
Дистанцирование	5	16,7 %
Самоконтроль	7	23,3 %
Поиск социальной поддержки	2	6,7 %
Принятие ответственности	2	6,7 %
Бегство-избегание	3	10 %
Планирование решения проблемы	5	16,7 %
Положительная переоценка	5	16,7 %

Согласно данным, представленным в таблице 2, большинство респондентов прибегают к стратегии *самоконтроля* при столкновении с трудностями. Они прикладывают усилия по регулированию своих чувств и действий для эффективного разрешения трудностей.

Стратегия *дистанцирования и планирования решения* диагностирована у 16,7 % респондентов. Люди, выбирающие эту стратегию при столкновении с трудностями, предпринимают когнитивные усилия, чтобы отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость, а также выполняют произвольные проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, в том числе аналитических подход к проблеме.

Стратегия *положительной переоценки* наблюдается у 16,7 % студентов. Человек с этим видом стратегии прикладывает усилия по созданию положительного значения с фокусированием на росте собственной личности, включая религиозное измерение.

Стратегия *бегство-избегание* диагностирована у 10 % респондентов. Люди, выбирающие этот вид стратегии, отличаются мысленным стремлением и поведенческими усилиями, направленными на бегство от проблемы.

Стратегия *поиска социальной поддержки и принятия ответственности* выявлена у 6,7 % студентов. Эти люди направляют свои усилия на поиск информационной, действенной и эмоциональной поддержки, а также признают свою роль в проблеме с сопутствующей темой попыток ее решения.

Стратегия *конфронтационный копинг* выявлена лишь у 3,3 % от общей выборки. Человек, выбирающий этот вид стратегии, отличается агрессивными усилиями, приложенными для изменения ситуации. также предполагается определенная степень враждебности и готовности к риску.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что при столкновении с трудностями респонденты предпочитают решать проблему, используя свои ресурсы на поиск возможных вариантов успешного разрешения ситуации. Также стоит отметить, что испытуемые склонны искать поддержку в социуме среди близких и значимых людей, что говорит об адекватной оценке своих возможностей и умении попросить помощи при необходимости. Однако респонденты не склонны избегать решения проблемы и не используют пассивные способы избегания (запой, уход в болезнь и т. д.). Такие результаты свидетельствуют о высоком уровне собственной ответственности и самоконтроле. Умение регулировать свои чувства и действия позволяет эффективно преодолеть трудные ситуации с минимальными затратами.

Список использованных источников

1 Выготский, Л. С. О двух направлениях в понимании природы эмоций в зарубежной психологии в начале XX века / Л. С. Выготский // Вопросы психологии – 1968. – № 2 – С. 157–159.

2 Малютина, Т. В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте / Т. В. Малютина // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126) – С. 129–133.

3 Муртазина, Э. И. Исследование взаимосвязи коммуникативной культуры и межличностных отношений в юношеском возрасте / Э. И. Муртазина // Образование и саморазвитие. – 2014. – № 3(41) – С. 90–98.

4 Кон, И. С. Психология юношеского возраста / И. С. Кон. – М., Просвещение 1979. – 90 с.

Е. Н. Кухар

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА И УРОВНЯ ВИКТИМНОСТИ В СИТУАЦИИ КИБЕРБУЛЛИНГА У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматривается проблема суицидального риска, которая является одной из острейших проблем современности. По данным ВОЗ около 20 % самоубийств в мире приходится на подростковый и юношеский возраст. Причинами более половины всех самоубийств среди несовершеннолетних являются конфликты, черствость и безразличие окружающих, а в последнее время к этому списку можно добавить травлю в сети. Автор приводит результаты эмпирического исследования взаимосвязи суицидального риска и уровня виктимности в ситуации кибербуллинга у подростков.

Ключевые слова: подросток, подростковый возраст, суицид, суицидальный риск, виктимность, кибербуллинг.

Кибербуллинг наносит серьезный ущерб психологическому и эмоциональному состоянию подростков. Исследования показали, что от 5 до 20 % детей и подростков в разных странах мира сталкиваются с кибербуллингом [1, с. 122]. Специфика кибербуллинга заключается в его круглосуточном воздействии, часто анонимности и мнимой безнаказанности.

Актуализация проблемы кибербуллинга во многом обусловлена тем, что значимая часть социальной жизни подростков реализуется посредством социальных сетей и мессенджеров, причем часто подростки не дифференцируют виртуальную и реальную жизнь. Интернет представляет собой пространство, в котором не существует границ и рамок допустимого, где на обсуждение могут выноситься любые вопросы. Подростки часто доверяют конфиденциальную информацию о себе, не боясь огласки, тем самым подвергая себя интернет травле.

В подростковом возрасте фиксируется существенная увлеченность тематикой смерти и самоубийства. Основываясь на установках восприятия смерти как «тайны» и «романтики», подростки рассматривают суицид как эффективный способ демонстрации и отстаивания собственных взглядов.

По статистике почти треть (26,1 %) подростков и молодых людей сообщили, что у них были мысли о самоубийстве в течение их жизни (из них 18,0 % задумывались об этом однажды и 8,1 % имели такие мысли неоднократно), и 18,5 %, сообщивших о суицидальных мыслях, пытались покончить жизнь самоубийством в прошлом (4,8 % выборки). На наличие суицидальных мыслей за последнюю неделю указали 13,8 % подростков, из которых подавляющее большинство (10,4 %) сообщили, что, несмотря на мысли о самоубийстве, они этого не сделают [2].

Нами проведено эмпирическое исследование на базе ГУО «Красненская средняя школа». Общее количество респондентов составило 120 человек, из них 64 мальчика и 56 девочек. Средний возраст испытуемых 15 лет. Методики:

- опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга»;
- методика выявления склонности к суицидальным реакциям «СР-45»;
- методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова)

В ходе эмпирического исследования по методике выявления склонности к суицидальным реакциям «СР-45» были получены результаты, представленные в виде рисунка 1.

Согласно данным, приведенным на рисунке 1, можно сделать заключение о том, что для выборки подростков в 53 % случаев характерен низкий суицидальный риск, что в свою очередь свидетельствует об отсутствии суицидальных тенденций в поведении. Для 24 % опрошенных характерен уровень суицидального риска ниже среднего. На данном уровне суицидальная реакция может возникнуть только на фоне длительной психической травматизации и при реактив-

ных состояниях психики. У 8 % опрошенных подростков выявлен средний уровень суицидального риска, что свидетельствует о том, что «потенциал» склонности к суицидальным реакциям не отличается высокой устойчивостью. Для 9 % респондентов характерен уровень суицидального риска выше среднего. Данные респонденты характеризуются как группа суицидального риска с высоким уровнем проявления склонности к суицидальным реакциям (при нарушениях адаптации возможна суицидальная попытка или реализация саморазрушающего поведения). Для 6 % респондентов характерен высокий уровень суицидального риска.

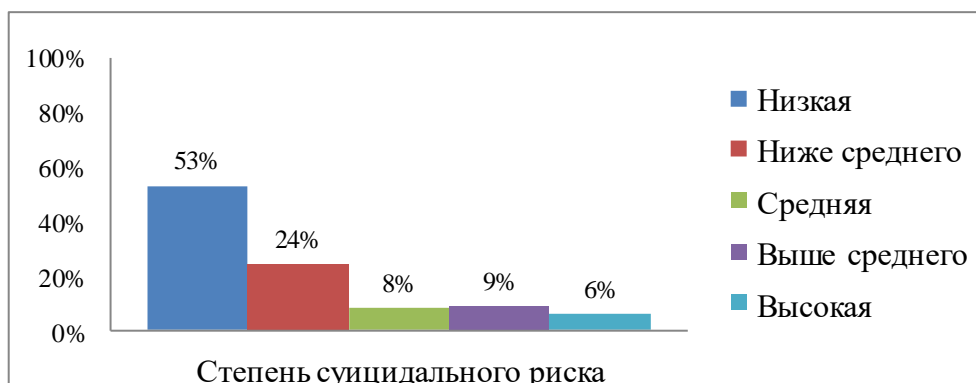

Рисунок 1 – Результаты исследования по «Методике выявления склонности к суицидальным реакциям» (СР-45)

Далее проведено исследование по методике «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга». Согласно полученным данным можно сделать вывод о том, что для 63 % опрошенных не характерен риск и подверженность кибербуллингу, что в свою очередь свидетельствует о том, что данные лица являются устойчивыми к интернет-нападакам в свой адрес. Для 37 % опрошенных характерна высокая подверженность риску кибербуллинга, что свидетельствует о том, что данные испытуемые склонны поддаваться кибербуллингу и интернет-нападакам в свой адрес.

Отообразим результаты исследования уровня суицидального риска в зависимости от степени подверженности кибербуллингу с помощью диаграммы, представленной на рисунке 2.

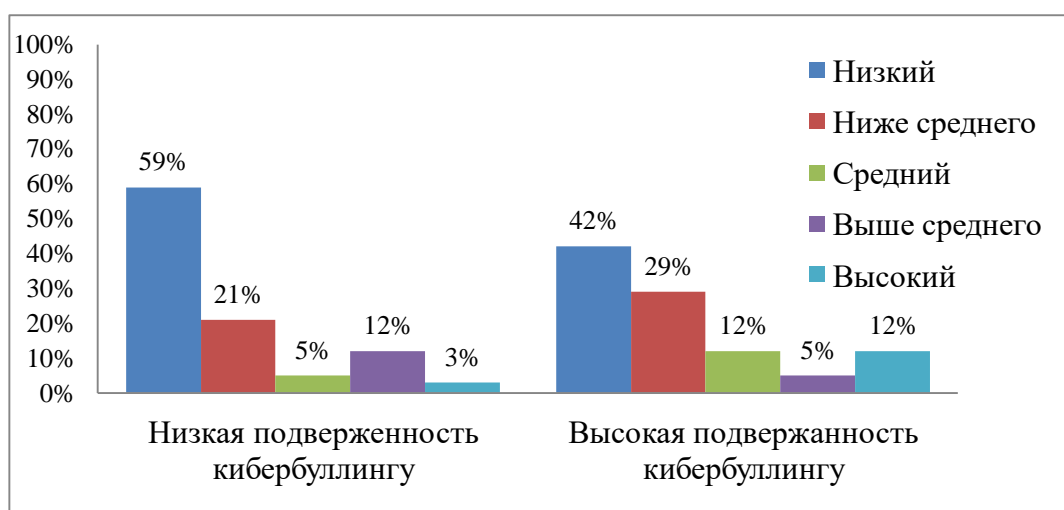

Рисунок 2 – Результаты исследования уровня суицидального риска в зависимости от степени подверженности кибербуллингу

Можно утверждать, что для подростков с низкой подверженностью к кибербуллингу низкий суицидальный риск характерен в 59 % случаев, суицидальный риск на уровне ниже среднего выявлен у 21 % опрошенных подростков, средний суицидальный риск выявлен у 5 % опрошенных, в 12 % случаев для испытуемых характерен на уровне выше среднего суицидальный риск. Высокий суицидальный риск выявлен у 3 % опрошенных подростков с низкой подверженностью к кибербуллингу.

Также можно утверждать, что для подростков с высокой подверженностью к кибербуллингу низкий суицидальный риск характерен в 42 % случаев, суицидальный риск на уровне ниже среднего выявлен у 29 % опрошенных подростков, в 12 % и 5 % случаев для испытуемых характерен средний и на уровне выше среднего суицидальный риск соответственно. Высокий суицидальный риск выявлен у 12 % опрошенных подростков с высокой подверженностью к кибербуллингу.

Проведем исследование взаимосвязи риска подверженности кибербуллинга и суицидального риска подростков. С этой целью использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Результаты исследования взаимосвязи представим в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Результаты исследования взаимосвязи риска подверженности кибербуллинга и суицидального риска подростков

Исследуемые признаки	Значение коэффициента корреляции Спирмена	Тип связи	Критическая точка	Значимость взаимосвязи
Низкий риск подверженности кибербуллингу и суицидальный риск	-0,346	Умеренная обратная	0,33	Значима
Высокий риск подверженности кибербуллингу и суицидальный риск	0,521	Заметная и прямая	0,44	Значима

Согласно результатам статистического анализа можно утверждать, что существует умеренная обратная взаимосвязь между низким риском подверженности кибербуллингу и суицидальным риском среди подростков. Это значит, что чем ниже уровень подверженности кибербуллингу, тем ниже суицидальный риск. Данная взаимосвязь является статистически значимой. Также можно утверждать, что существует заметная прямая взаимосвязь между высоким риском подверженности кибербуллингу и суицидальным риском подростков. Это свидетельствует о том, что чем выше уровень риска подверженности кибербуллингу, тем выше суицидальный риск. Данная взаимосвязь также является статистически значимой.

Далее рассмотрим результаты исследования по методике исследования склонности к виктимному поведению О. О. Андронниковой. В результате психодиагностического исследования получены результаты, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования по методике исследования склонности к виктимному поведению (Андронникова О.О.) (количество человек)

Исследуемая шкала	Методика исследования склонности к виктимному поведению (Андронникова О. О.)		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1	2	3	4
Шкала склонности к агрессивному виктимному поведению	31	51	38
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	32	51	37

Окончание таблицы 2

1	2	3	4
Шкала склонности к гиперсоциальному поведению	44	40	36
Шкала склонности к зависимому и беспомощному поведению	29	58	33
Шкала склонности к некритичному поведению	46	43	31
Шкала реализованной виктимности	40	46	34

Представленные в таблице 2 данные соответствуют следующим процентным соотношениям:

– по шкале склонности к агрессивному виктимному поведению низкие показатели установлены у 26 % опрошенных, средние показатели выявлены у 43 % респондентов, высокие показатели установлены у 31 % опрошенных;

– по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению низкие показатели выявлены у 27 % опрошенных респондентов, средние показатели по шкале склонности к самоповреждающему поведению выявлены у 42 % опрошенных, высокий показатель установлен у 31 % респондентов;

– по шкале склонности к гиперсоциальному поведению низкий уровень выявлен у 37 % опрошенных, средний уровень установлен у 335 респондентов, высокий уровень выявлен у 30 % опрошенных респондентов;

– результаты по шкале склонности к зависимому и беспомощному поведению: низкий уровень у 24 % опрошенных, средний уровень у 48 % респондентов, высокий уровень у 28 % опрошенных;

– по шкале склонности к некритичному поведению низкие показатели выявлены у 38 % опрошенных, средние показатели наблюдаются у 36 % респондентов, высокие показатели установлены у 26 % опрошенных

– шкала реализованной виктимности с низкими показателями проявляется у 33 % респондентов, средние показатели по данной шкале выявлены у 38 % респондентов, высокие показатели выявлены у 49 % опрошенных.

Согласно данным статистического анализа с использованием коэффициента корреляции Спирмена установлена статистически значимая умеренная прямая взаимосвязь между низким риском подверженности кибербуллинг и склонностью к зависимому и беспомощному поведению. Это значит, что при понижении уровня склонности к кибербуллинг наблюдается также снижение склонности к зависимому поведению. Также установлена статистически значимая взаимосвязь между низким риском подверженности кибербуллинг и склонностью к некритичному поведению. Согласно данным результатам, можно утверждать, что при понижении склонности к кибербуллинг наблюдается снижение критичности мышления и поведения.

Выявлена умеренная прямая статистически значимая взаимосвязь между высоким риском подверженности кибербуллинг и склонностью к агрессивному виктимному поведению, что говорит о том, что при повышении уровня риска кибербуллинга наблюдается увеличение склонности к виктимному поведению. Также выявлена значимая взаимосвязь, умеренная и прямая, между высоким риском подверженности кибербуллинг и склонностью к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, что свидетельствует о том, что при высоком риске кибербуллинга у испытуемых наблюдается повышение склонности к нанесению повреждений собственному телу.

Установлена статистически значимая взаимосвязь между высоким риском подверженности кибербуллинг и склонностью к гиперсоциальному поведению. На основании данных исследования можно утверждать, что при повышении риска кибербуллинга наблюдается

повышение социальных аспектов поведения респондентов. Также выявлена статистически значимая, умеренная и прямая взаимосвязь между высоким риском подверженности кибербуллингу и реализованной виктимностью, что свидетельствует о том, что при повышении риска кибербуллинга наблюдается большее проявление всех признаков виктимности личности.

Полученные результаты исследования могут быть использованы при информировании преподавателей, родителей, также для проведения профилактической работы в группах среди подростков. Могут использоваться психологами в индивидуальном консультировании и групповой коррекционно-развивающей работе с подростками подвергшимися кибербуллингу и суицидальному риску.

Список использованных источников

1 Зинцова, А. С. Социальная профилактика кибербуллинга / А. С. Зинцова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 3 (35). – С. 122–128.

2 Юнисеф: каждый четвертый подросток в стране думал о суициде / Brest.biz / Брест.биз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brest.biz/news/7192/>. – Дата доступа: 10.07.2022.

Д. Д. Светогор

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С АВТОРИТАРНЫМ СТИЛЕМ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается влияние авторитарного стиля воспитания на проявление суицидального поведения среди подростков и юношей. Автором приводятся данные эмпирического исследования суицидального поведения у подростков и юношей с разным типом детско-родительских отношений.

Ключевые слова: суицидальное поведение, подростки, юноши, детско-родительские отношения, семья.

В связи со значительным ростом проявления суицидального поведения среди подростков и юношей тема становится все более актуальной в современном мире. Введение в научных оборот новых эмпирических данных поможет сделать шаг на пути к ее разрешению.

Авторитарный стиль семейных характеризуется жестокостью, деспотизмом, холодностью и черствостью по отношению друг к другу. Родители принимают решение, однако ограничиваясь самостоятельностью ребенка [1, с. 706].

Д. Баумринд характеризовала авторитарных родителей как раздражительных, склонных к конфликтам с детьми. Им свойственен высокий уровень контроля, дети должны беспрекословно выполнять требования родителей.

Все это приводит к отсутствию нормальной коммуникации в семье, установлению жестких правил и требований, нарастанию замкнутости детей, боязливости, отсутствию инициативности, раздражительности.

Нередко в таких семьях могут использоваться физические наказания за малейшие проступки, принуждения, окрики, запреты. Дети лишены родительской любви, ласки, заботы, сочувствия.

Изучение взаимосвязи между показателями суицидального поведения у подростков и юношей и авторитарного стиля детско-родительских отношений было проведено на выборке

из 120 респондентов (60 юношей, 60 подростков) с помощью опросников «Изучение склонности подростков к суицидальному поведению» М. В. Горской, «Суицидальный риск» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой.

Таблица 1 – Результаты изучения взаимосвязи между показателями склонности к суицидальному поведению и авторитарным стилем детско-родительских отношений у лиц подросткового и юношеского возраста по методике «Изучение склонности подростков к суицидальному поведению» М. В. Горской

Шкала	Критическая точка при $p = 0,05$	Значение критерия rs Спирмена	Значимость корреляции	Значение критерия rs Спирмена	Значимость корреляции
Юноши				Подростки	
Тревожности	0.25	0.29	значима	0.31	значима
Фрустрации		0.62	значима	0.55	значима
Агрессии		0.29	значима	1.33	значима
Ригидности		-0.069	не значима	-0.069	не значима

Согласно данным, представленным в таблице 1, выявлена положительная корреляционная связь между показателями склонности к суицидальному поведению, такими как: «тревожность», «фрустрация» и «агрессия» и авторитарным стилем семейного воспитания и у юношей, и у подростков, то есть двум возрастным категориям свойственны повышенная психологическая активность, стремление к лидерству путем применения силы по отношению к другим людям, склонность к переживанию тревоги, а также затрудненность в изменении намеченной ими деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки.

Таблица 2 – Результаты изучения взаимосвязи между показателями склонности к суицидальному поведению и авторитарным стилем детско-родительских отношений у лиц подросткового и юношеского возраста по опроснику «Суицидального риска» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой

Шкала	Критическая точка при $p = 0,05$	Значение критерия rs Спирмена	Значимость корреляции	Значение критерия rs Спирмена	Значимость корреляции
Подростки			Юноши		
Демонстративности	0.25	0.465	Значима	0.467	Значима
Аффективности		0.158	Не значима	0.156	Не значима
Уникальности		- 0.425	Значима	0.425	Значима
Несостоятельности		0.038	Не значима	0.033	Не значима
Социального пессимизма		0.023	Не значима	0.023	Не значима
Слома культурных барьеров		0.434	Значима	0.437	Значима
Максимализма		-0.176	Не значима	-0.176	Не значима
Временной перспективы		0.246	Не значима	0.240	Не значима
Антисуицидального фактора		-0.489	Значима	0.489	Значима

Согласно данным, представленным в таблице 2, выявлена взаимосвязь между *авторитарным* стилем воспитания и такими качествами, как *демонстративность, уникальность, слом культурных барьеров* и отсутствие *антисуицидального фактора*.

Проявление *демонстративности* свидетельствует о желании привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, добиться сочувствия и понимания.

Также было выявлено, что подростки, воспитывающиеся при данном типе, не стремятся проявлять собственную уникальность и демонстрировать себя.

Характерным признаком *слома культурных барьеров* является поиск культурных ценностей и нормативов, оправдывающих суицидальное поведение или даже делающих его в какой-то мере привлекательным.

Отсутствие антисуицидального фактора свидетельствует о несформированности причины, снимающей глобальный суицидальный риск, чаще всего в ее роли выступают: чувство долга, чувство ответственности за близких или боязнь боли и физических страданий.

Авторитарный стиль воспитания значимо влияет на ребенка. Постоянное подавление ребенка приводит к формированию либо неуверенности в себе, робости, неспособности постоять за себя, либо, наоборот, повышению уровня агрессии, конфликтности. Детям становится сложно адаптироваться в социуме.

Их демонстративность характеризует повышенную потребность ребенка в успехах и внимании окружающих. Причиной такого поведения является недостаточность внимания со стороны значимых взрослых. Ребенок впоследствии чувствует свою заброшенность в семье, никому ненужность [2, с. 118].

Зачастую к подростковому возрасту нетерпимость к требованиям родителей нарастает, что может привести к постоянным конфликтам, враждебности к окружающим, побегам из дома.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторитарный стиль семейного воспитания является неблагоприятным и оказывает сильное влияние на еще неустойчивое самовосприятие, самоотношение и самооценку ребенка, дестабилизирует его, что в последующем может привести к формированию суицидального поведения.

Список использованных источников

1 Фомина, Л. К. Понятие и типы детско-родительских отношений / Л. К. Фомина // Молодой ученый. – 2014. – № 2 (61). – С. 704–707.

2 Фурманов, И. А. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства / И. А. Фурманов, А. А. Аладьин, Н. В. Фурманова // Книга для психологов. – Мн. : ТЕСЕЙ, 1999. – 224 с.

Н. А. Шихалов

Научный руководитель: О. А. Короткевич
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК В ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ COVID-19

В статье рассматриваются половые различия реагирования на пандемию COVID-19 юношей и девушек. Автором приводятся результаты эмпирических исследований, на основании которых фиксируются актуальные переживания в пандемию и отношение к смерти в данный период.

Ключевые слова: смерть, пандемия, COVID-19, юность, страх, переживания, половые различия переживаний.

В декабре 2019 года в Ухане (Китай) был зарегистрирован кластер атипичных случаев пневмонии, который позже получил определение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) как коронавирусное заболевание 2019 года – COVID-19, а 11 марта 2020 года ВОЗ объявила вспышку данной инфекции, стремительно распространяющуюся по странам мира, глобальной пандемией коронавируса COVID-19. Данная проблема затронула каждого человека и актуализировала переживания и мысли о смерти.

Каждому из нас приходилось переживать смерть близких людей и, рано или поздно, нам придется столкнуться с фактом собственной смертности. Учитывая неизбежность смерти поразительно стремление человека избежать проблем и вопросов касательно данной темы.

Тема смерти относится к важнейшим экзистенциальным проблемам человечества и весьма актуальна.

Было проведено эмпирическое исследование с помощью следующего психодиагностического инструментария:

– опросник «Переживания пандемии COVID-19» Марцинковская Т. Д., Ткаченко Д. П.;

– отношение к смерти (Death Attitudes Profile) DAP-R (Wong P. T. P., Reker G. T., Gesser G.).

Для обработки результатов использовались программы Excel MS Office и SPSS 15.0, t-критерий Стьюдента.

Данное исследование проводилось на базе ГГУ имени Франциска Скорины. В нем приняли участие юноши и девушки возраста 17–23 лет. Общее количество респондентов составило 80 человек (40 девушек и 40 юношей). Средний возраст испытуемых 18 лет.

Рассмотрим результаты исследования по методике «Опросник Переживания пандемии COVID-19». Результаты исследования юношей и девушек представим в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Результаты исследования по опроснику «Переживания пандемии COVID-19» юношей и девушек

Исследуемая шкала	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Юноши			
Фрустрация пространства	13	19	8
Степень опасности	10	18	12
Способы защиты	11	16	13
Информация	18	9	13
Будущее и цифровые технологии	18	12	10
Эмоциональные состояния	6	22	12
Фрустрация времени	19		21
Будущее и реальность	22		18
Девушки			
Фрустрация пространства	16	12	12
Степень опасности	13	21	6
Способы защиты	17	11	12
Информация	19	12	9
Будущее и цифровые технологии	11	15	14
Эмоциональные состояния	7	22	11
Фрустрация времени	22		18
Будущее и реальность	19		21

В результате расчета средневыворочных значений по методике «Опросник Переживания пандемии COVID-19» для юношей и девушек установлено, что для выборки юношей характерны более высокие показатели по шкалам «степень опасности», «способы защиты», «информация», «эмоциональные состояния» и «фрустрация времени».

Для выборки девушек характерны более высокие показатели по шкалам опросника «Переживания пандемии COVID-19» «фрустрация пространства», «будущее и цифровые технологии» и «будущее и реальность».

Для определения статистически значимых различий в уровнях всех параметров опросника «Переживания пандемии COVID-19» между юношами и девушками, произведен математический анализ данных с использованием t-критерия Стьюдента.

В результате проведенного статистического анализа данных для выявления статистически значимых различий в уровне параметров опросника «Переживания пандемии COVID-19» между юношами и девушками, установлено, что не существуют статистически значимых различий в уровне фрустрации пространства, в уровне информированности о коронавирусе, в эмоциональных состояниях при коронавирусе, фрустрации времени и восприятии будущего и реальности между юношами и девушками в исследуемой совокупности, что говорит о том, что установленные на ранних этапах исследования различия являются случайными.

Однако, выявлены статистически значимые различия в уровне опасности, в использовании средств защиты и восприятии будущего и информационных технологий. На основании ранее установленных данных можно утверждать, что юноши более серьезно относятся к коронавирусу и способам защиты от него, однако в меньшей степени, чем девушки прогнозируют будущее с более развитыми цифровыми технологиями. Данные установленные различия являются статистически значимыми.

Далее проведено исследование юношей и девушек по методике «Отношение к смерти (Death Attitudes Profile)». Отообразим данные, полученные в ходе психодиагностического исследования в виде таблицы 2.

Таблица 2 – Результаты исследования юношей и девушек по методике Отношение к смерти (Death Attitudes Profile)

Исследуемая шкала	Отношение к смерти (Death Attitudes Profile)		
	Низкий	Средний	Высокий
Юноши			
Страх смерти	16	11	13
Избегание смерти	9	23	8
Нейтральное принятие смерти	8	17	15
Приближающееся принятие смерти	5	24	11
Избегающее принятие	20	8	12
Девушки			
Страх смерти	14	17	9
Избегание смерти	13	19	8
Нейтральное принятие смерти	9	19	12
Приближающееся принятие смерти	13	10	17
Избегающее принятие	13	13	14

В соответствии с данными, полученными в ходе психодиагностического исследования по методике «Отношение к смерти (Death Attitudes Profile)» юношей и девушек, а также в соответствии с данными, представленными таблице 2, можно утверждать следующее:

1. По шкале «страх смерти» у юношей низкие показатели выявлены у 40 % опрошенных, средние показатели установлены у 28 % респондентов юношей и высокие показатели выявлены у 32 % юношей. У девушек низкие показатели страха смерти выявлены у 35 % опрошенных, средние показатели выявлены у 43 % опрошенных, высокие показатели установлены у 22 % опрошенных девушек. Если выявлен у испытуемого высокий уровень страха смерти, то у него наблюдается выраженная тенденция испытывать негативные чувства при столкновении с темой собственной смерти. По данной шкале преобладающим у юношей является низкий уровень, а у

девушек средний, что свидетельствует о том, что юноши испытывают меньший стресс и негативные чувства касательно темы собственной смерти, нежели девушки.

2. По шкале «избегания смерти» у юношей низкие показатели выявлены у 23 % опрошенных, средние показатели установлены у 58 % респондентов юношей и высокие показатели выявлены у 19 % юношей. У девушек низкие показатели избегания смерти выявлены у 33 % опрошенных, средние показатели выявлены у 48 % опрошенных, высокие показатели установлены у 19 % опрошенных девушек. Если выявлен пониженный уровень, то это говорит о слабо выраженной склонности к избеганию мыслей и разговоров на тему смерти в попытке ослабить тревогу по этому поводу. По данной шкале и у девушек, и у юношей преобладает средний уровень, что говорит об умеренном избегании темы смерти.

3. По шкале «нейтральное принятие смерти» у юношей низкие показатели выявлены у 20 % опрошенных, средние показатели установлены у 43 % респондентов юношей и высокие показатели выявлены у 37 % юношей. У девушек низкие показатели по шкале нейтральное принятие смерти выявлены у 23 % опрошенных, средние показатели выявлены у 48 % опрошенных, высокие показатели установлены у 29 % опрошенных девушек. Повышенный уровень нейтрального принятия смерти означает повышенную убежденность в том, что смерть является частью жизни и не надо ни бояться, ни приветствовать ее; тенденция принимать это как неизбежный факт жизни и стараться наилучшим образом использовать конечную жизнь. По данной шкале у юношей и у девушек выявлен средний уровень, что говорит о том, что юноши и девушки не относятся к теме смерти совсем нейтрально, однако и не избегают ее.

4. По шкале «приближающееся принятие смерти» у юношей низкие показатели выявлены у 13 % опрошенных, средние показатели установлены у 60 % респондентов юношей и высокие показатели выявлены у 27 % юношей. У девушек низкие показатели по шкале приближающееся принятие смерти выявлены у 32 % опрошенных, средние показатели выявлены у 25 % опрошенных, высокие показатели установлены у 43 % опрошенных девушек. Чем более низкий уровень приближающегося принятия смерти, тем менее человек верит в счастливую «послежизнь», при которой смерть является лишь переходом в новую жизнь. По данной шкале у юношей преобладает средний уровень, а у девушек высокий уровень, что говорит о том, что и юноши и девушки сильно не драматизируют момент смерти и в целом относятся к этой теме весьма нейтрально и даже спокойно.

5. По шкале «избегающее принятие» у юношей низкие показатели выявлены у 50 % опрошенных, средние показатели установлены у 20 % респондентов юношей и высокие показатели выявлены у 30 % юношей. У девушек низкие показатели по шкале избегающее принятие выявлены у 32 % опрошенных, средние показатели выявлены у 32 % опрошенных, высокие показатели установлены у 36 % опрошенных девушек. Чем более низкий уровень избегающего принятия, тем более у испытуемого низкая убежденность в том, что смерть предлагает освобождение от физической или психологической боли и страданий. Это очень слабая вера в то, что когда жизнь полна боли и отчаяния, смерть может быть желанной альтернативой. По данной шкале у юношей низкий уровень, что говорит о том, что юноши не считают смерть освобождением от проблем, а у девушек слегка преобладает высокий уровень, что говорит о том, что слегка преобладает отношение к смерти как к освобождению от страданий.

Далее произведем расчет средневыворочных значений по методике «Отношение к смерти (Death Attitudes Profile)» с целью изучения различий в исследуемых параметрах между выборками юношей и девушек.

В результате проведенного математического анализа данных, полученных по методике «Отношение к смерти (Death Attitudes Profile)» между юношами и девушками, с использованием критерия Стьюдента не было установлено никаких статистически значимых различий в исследуемых параметрах страха смерти, избегания смерти, нейтрального принятия смерти, приближающегося принятия смерти и избегающего принятия смерти между выборками юношей и девушек. Полученные результаты свидетельствуют о том, что все выявленные различия по вышеописанным параметрам между исследуемыми группами являются случайными и несущественными.

СЕКЦИЯ 7 ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (ЭНТРОПИИ)

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

Е. А. Бобырь

Научный руководитель: Т. И. Ачинович
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ВЫБОР КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ПРОЯВЛЕНИЕ ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ У ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье приведен теоретический анализ исследований, посвященных изучению феномена «выученной беспомощности» и выбора копинг-стратегий у подростков из неполных семей. Затронут вопрос актуальности изучения взаимосвязи феномена «выученной беспомощности» и выбора копинг-стратегий с возникновением ситуации неопределенности. Представлены результаты эмпирического исследования выраженности компонентов «выученной беспомощности» и выбора копинг-стратегий у подростков из неполных семей, находящихся в ситуации неопределенности.

Ключевые слова: подростковый возраст, выученная беспомощность, волевое развитие личности, компоненты выученной беспомощности, копинг-стратегии, мотивационная сфера личности, критическая ситуация, ситуация неопределенности.

Условия, в которых воспитывается ребенок, если семья неполная, зачастую влияют на все стороны личности: успехи и достоинства детей из неполных семей игнорируются, а слабые стороны преувеличиваются, что способствует формированию низкой самооценки, экстернального локуса контроля, возникновению чувства бессилия и беспомощности, которые с течением времени становятся устойчивым личностным свойством. Само по себе осознание родителем того, что он не сможет полноценно воспитать ребенка, передается ребенку в виде неопределенности, тревоги, беспокойства, напряжения, конфликтности. В таком случае негативные события, имеющие непредсказуемый и неконтролируемый характер, способствуют появлению и закреплению у ребенка в подростковом возрасте феномена «выученной беспомощности» [2]. Столкнувшись неоднократно с непреодолимой жизненной ситуацией (как в общении, так и в образовательном процессе), подросток смиряется с мыслью, что у него не получится, «опускает руки», воспринимает негативные события как карму, судьбу, рок, неизбежность, которую контролировать и изменить ему не по силам. Опасность такого фаталистического восприятия одной повторяющейся негативной ситуации в том, что механизм реагирования на нее переносится на все прочие, даже те, исход которых имеет возможность быть позитивным и продуктивным [5, с. 39].

В критической или неопределенной ситуации подростки, которым присуща выученная беспомощность, предрасположены к выбору неконструктивных стратегий совладания, главным образом, избегания и пассивного принятия. Это усугубляет состояние дезадаптации, дезорганизует поведение, снижает уровень социального и психологического благополучия личности. Также может иметь место обратная ситуация: закрепление неконструктивного совладающего поведения, широко распространенного среди подростков из неполных семей, является предпосылкой для систематических неудач, являющихся основой возникновения выученной беспомощности [4, с. 57]. Соответственно, выученная беспомощность и копинг-стратегии подростков из неполных семей являются значимой социальной проблемой.

Поведение подростка в ситуации неопределенности изучено рядом ученых. В частности, проблеме выученной беспомощности посвящены научные труды М. Селигмана, Х. Хекхаузена, Д. И. Фельдштейна, В. С. Ротенберга, Д. А. Циринг и др., а выбору копинг-стратегии – работы С. В. Азимовой, С. В. Гуцунаевой, Т. Л. Крюковой, Н. В. Нижегородцевой, Е. Н. Рассказовой и др.

Авторами отмечено, что феномен выученной беспомощности у подростка проявляется манифестами дефицита в трех основных сферах личности: мотивационной (неспособность действовать активно, инициировать деятельность), когнитивной (ограниченность возможности научиться противодействию, противостоянию негативной тенденции и не переносить отрицательный опыт на другие сферы жизнедеятельности), эмоциональной (стресс, фрустрация, подавленность, депрессия), что является следствием безуспешности активности [3, с. 60].

Копинг-стратегии в ситуации неопределенности чаще являются сопутствующим выбором при проявлении выученной беспомощности. К примеру, такие показатели выученной беспомощности, как высокий уровень ситуационной тревожности или сосредоточение на негативности самой ситуации неразрешенности проблемы, создают атмосферу страха, неуверенности, ожидания плохого исхода, и, потому заставляют подростка избегать всего, что связано с подобной ситуацией [1, с. 187].

Целью нашего исследования стало изучение выученной беспомощности и выбора копинг-стратегий у подростков из неполных семей, оказавшихся в ситуации неопределенности.

В качестве базы эмпирического исследования связи выученной беспомощности и копинг-стратегий подростков выступил КУП «Детский реабилитационно-оздоровительный центр «Ждановичи». В группу вошли 10 подростков, родители которых недавно перенесли развод, и подростки ощущают себя негативно в связи со сложившейся ситуацией.

Гипотеза: находясь в ситуации неопределенности, подростки из семей, которая стала неполной относительно недавно, имеют наиболее выраженные показатели выученной беспомощности, связанные с личностными качествами, а выбор стратегии совладающего поведения зависит от выраженности компонентов личностной беспомощности.

Для изучения выученной беспомощности применялся «Опросник диагностики личностной беспомощности у подростков» М. О. Климовой, Д. А. Циринг. Изучение копинг-стратегий подростков осуществлялось при помощи опросника «Способы преодоления негативных ситуаций» (СПНС).

Средние значения показателей компонентов личностной беспомощности подростков из неполных семей представлены на рисунке 1.

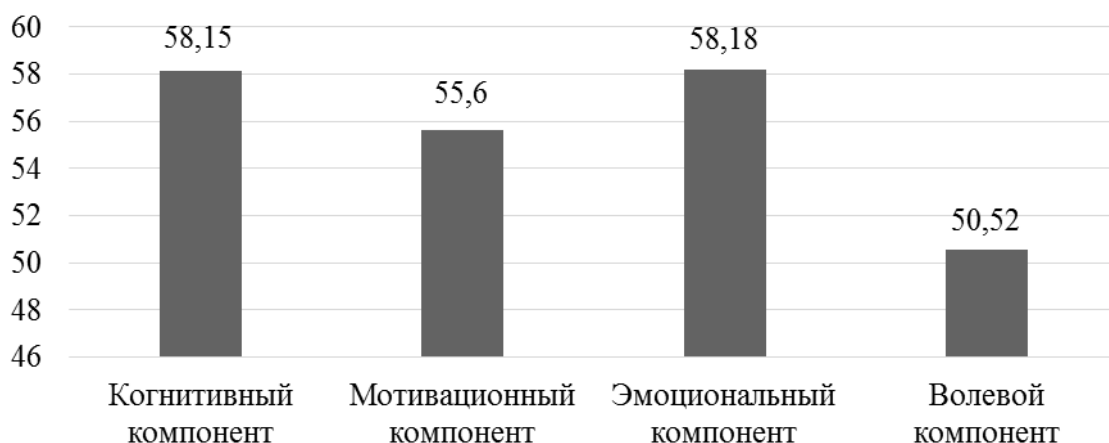

Рисунок 1 – Средние значения показателей компонентов личностной беспомощности подростков из неполных семей (% от максимально возможного)

Данные, представленные на рисунке 1, свидетельствуют, что в группе подростков из неполных семей в наибольшей степени выражен показатель эмоционального компонента личностной беспомощности (58,18). Следует отметить, что выученная беспомощность тесно связана с волевым развитием личности, именно потому лидирующим является именно данный компонент. В этом случае можно говорить о наличии специфических особенностей как волевого развития, так и неизменно сопутствующим ему явлению личностной и, как следствие, выученной беспомощности, детерминированной ситуацией неопределенности. Соответственно, подросткам, воспитывающимся в неполных семьях, свойственны повышенная тревожность, склонность к беспокойству, эмоциональная лабильность, предрасположенность к возникновению депрессивных симптомов, повышенная возбудимость в сочетании с быстрой истощаемостью.

Высокий показатель когнитивного компонента личностной беспомощности (58,15) говорит о том, что подросткам из неполных семей присущи пессимистический атрибутивный стиль, ригидность и малая дивергентность продуктивного мышления. Тенденция к повышению показателя мотивационного компонента личностной беспомощности (55,6) говорит о том, что подростки обладают экстернальным локусом контроля, низким уровнем притязаний, сниженной самооценкой. У них преобладает мотив избегания неудач над мотивацией достижения.

Средний уровень по переменной волевого компонента личностной беспомощности (50,52) свидетельствует, что подростки из неполных семей характеризуются умеренной степенью самостоятельности, настойчивости, самообладания и решительности.

Средние значения показателей способов преодоления негативных ситуаций подростков из неполных семей представлены на рисунке 2.

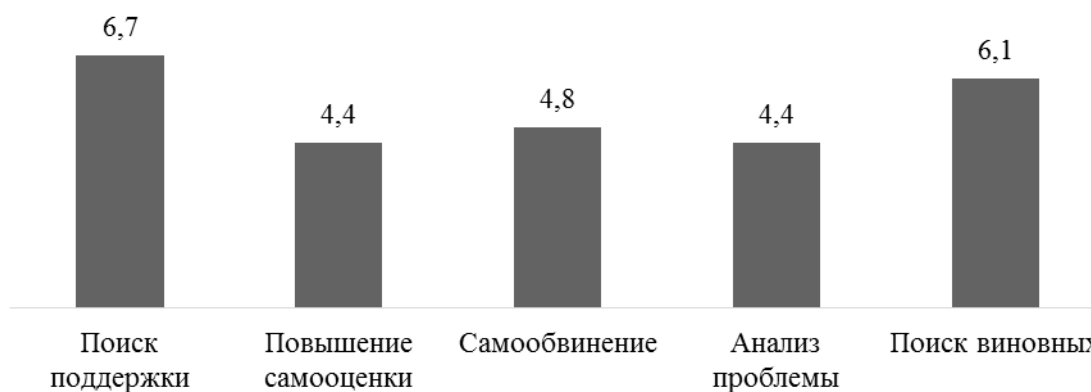

Рисунок 2 – Показатели способов преодоления негативных ситуаций подростков из неполных семей (стены)

Данные, отраженные на рисунке 2, свидетельствуют, что у подростков из неполных семей в ситуации неопределенности преобладает стратегия поиска поддержки (6,7), что указывает на низкий уровень самостоятельности, ведомость, зависимость от социального окружения.

Достаточно высокий показатель по шкале «поиск виновных» (6,1) говорит о тенденции подростков из неполных семей перекладывать ответственность за возникновение негативных ситуаций на других людей.

Испытуемые продемонстрировали умеренный уровень по шкале самообвинения (4,8).

В наименьшей степени подростки из неполных семей в трудных ситуациях склонны анализировать проблему (4,43), активизировать внутренние ресурсы для ее самостоятельного разрешения (4,4).

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

– для подростков из неполных семей в ситуации неопределенности на первый план выходит эмоциональный компонент выученной беспомощности, при этом, иные компоненты играют немаловажную роль;

– поиск подростками поддержки со стороны социального окружения в ситуации неопределенности связан, на наш взгляд, с развитием волевой регуляции поведения в связи с появлением чувства неполноценности, ненужности, одиночества.

На основании полученных результатов были разработаны рекомендации. В рамках коррекционной работы с подростками могут применяться следующие технологии, методы и приемы:

- тренинг (атрибуции, ассертивности, коммуникативных навыков, уверенности в себе и др.);
- рационально-эмотивная терапия;
- когнитивно-поведенческая терапия;
- экзистенциально-гуманистическая терапия;
- арт-терапия;
- включение в конструктивную коллективную деятельность;
- психологические игры, этюды и упражнения, ролевые и деловые игры, имитационные игры;
- брифинг, дебаты, метод взаимных оценок, беседы, дискуссии;
- индивидуальное консультирование.

Список использованных источников

1 Веденева, Е. В. Взаимосвязь мотивационного компонента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах / Е. В. Веденева // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 186–189.

2 Волкова, О. В. Онтогенетический подход к исследованию феномена выученной беспомощности / О. В. Волкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mprj.ru/archiv_global/2013_6_23/nomer/nomer03.php. – Дата доступа: 04.06.2022.

3 Коробейников, И. А. Нарушения развития и социальная адаптация / И. А. Коробейникова – М. : Изд-во «ПЭР СЭ», 2002. – 192 с.

4 Шиповская, В. В. Беспомощность: теория, эксперименты, практика / В. В. Шиповская. – Краснодар: ИЭиУ МиСС, 2009. – 264 с.

5 Шиповская, В. В. Психологический феномен беспомощности / В. В. Шиповская // Человек. Сообщество. Управление. – № 4. – 2009. – С. 38–53.

И. С. Емельянова

Научный руководитель: Е. А. Лупекина, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ РЕВНОСТИ У СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается проявление ревности, основные причины ее возникновения и возможные способы их решения. А также используется методика Д. Я. Райгородского «Ревность личности» для определения уровня ревности.

Ключевые слова: ревность; уровни ревности, переживания ревности, студенты, поведение в ситуации ревности, реакции на ревность, периоды развития отношений, страх, проекция, устранение ревности.

На различных этапах любовных отношений, таких как период развития отношений, расцвет отношений и их старение, ревность может проявляться по-разному [1].

Первая фаза (период развития отношений) – это когда человек воображает себе идеального любимого, возникает платоническая любовь к человеку, похожему на идеал. У некоторых людей ревность проявляется уже на этой стадии развития любовных отношений.

Вторая фаза (расцвет отношений) – это фаза страсти и пламенного чувства любви к партнеру. На этой фазе очень хорошие условия для возникновения ревности. Это объясняется тем, «что в период возникновения взаимной любви оба партнера одинаково обеспокоены тем, как относится к нему любимый человек, и оба опасаются потерять любимого. Однако в случае развития неуравновешенных отношений у одного из партнеров развиваются мучительные чувства ревности и страха быть покинутым».

Третья фаза – это период, когда чувства становятся более спокойными, родственными и близкими. Если до этого была в отношениях ревность, то на данном этапе она редко сохраняет свою прежнюю силу и ее интенсивность уменьшается. Но иногда ревность остается такой же сильной как на первых стадиях. «Любовные отношения с сильным дисбалансом, когда один из партнеров находится в сильнейшей эмоциональной зависимости от другого, сопровождаемой мучительной ревностью и неуверенностью в дальнейшей судьбе этого союза, имеют очень малую вероятность «дожить» хотя бы до стадии «средних браков».

Основные причины возникновения ревности:

– неуверенность в себе, ощущение «неустойчивости своей позиции» в жизни близкого человека. То есть проблема не в том, что партнер дает поводы ревновать, а в том, что у человека низкая самооценка – он полагает, что многие в окружении близкого лучше него и достойны внимания в большей степени. О том, что ревность связана с неустойчивостью самооценки, говорили и психиатр, психотерапевт и доктор медицинских наук Ц. Короленко и психолог, психотерапевт, кандидат медицинских наук и доктор психологических наук Н. Дмитриева;

– страх. Боязнь потерять любимого человека или страх одиночества – все это может стать причиной для ревности. Даже если партнер не дает поводов для этого. Страхи в принципе часто отравляют нашу жизнь;

– негативный опыт в прошлом. Если человека предали один раз – он будет настороженно себя вести в следующих отношениях. Если такое повторится, недоверие к людям возрастет. Тогда уже неважно, есть ли реальная угроза, – негативный опыт в прошлом не дает полноценно довериться близкому человеку;

– собственные проекции. Вот это причина – парадокс. Если человек изменил или подумал об измене – он может начать подозревать своего партнера. Ведь «у меня-то такая мысль закралась в голову – где гарантия, что у любимого таких мыслей нет?» Такое еще называют «судить по себе»;

– идеалистический настрой. «Чтобы не разочаровываться, не стоит очаровываться». Когда в воображении вы рисуете красивые картинки того, как «должно быть», в реальности вас точно будет что-то не устраивать. Просто потому, что партнер не может залезть к вам в голову и понять, чего вы ждете. А вам будет казаться, что вы получаете от близкого человека недостаточно любви, внимания и заботы;

– отношение к людям как к собственности;

– зависимость от партнера. Тут считаются и эмоциональная, и материальная зависимость. Если весь ваш мир вертится вокруг одного человека, то, конечно, вам будет время от времени казаться, что его внимания мало. Если ваше настроение зависит от партнера и только – вы будете остро ощущать любые изменения в моральном состоянии близкого. Но зависимость, как известно, – штука пагубная.

Для восстановления эмоционального благополучия важно научиться справляться с ревностью. Устранение ревности – постепенный процесс, включающий постоянную внутреннюю работу, самоанализ, терпение и настойчивость.

Первый самый важный шаг – осознание, что у вас есть проблема. Большинство людей, страдающих от ревности, отрицают, что их восприятие и поведение иррациональны и не основаны на фактах. Принятие существования проблемы мотивирует вас работать над ее устранением.

Понимание того, что проявление недоверия, подозрительность и слежка за партнером не окажут позитивного влияния на его поведение. Если ваш партнер захочет обмануть вас, он найдет способ, это сделать, и вы не сможете этому помешать. Не стоит предполагать худшее. Перестаньте думать о том, что он делает в данный момент. Предполагайте лучшее до тех пор, пока обратное не доказано фактами.

Не существует гарантий сохранения отношений, независимо от того, насколько они стабильны и длительны. Отношения заканчиваются по самым разным причинам. И ревность определенно не делает отношения крепче. Это означает, что стоит наслаждаться счастливыми отношениями, пока они длятся. Если разрыв отношений все же произойдет, будет тяжело это пережить, но вы и с этим сможете справиться со временем. Сейчас ваша задача – стараться проявлять себя в отношениях лучшим образом. Остальное зависит от вашего партнера, и вы не можете это контролировать. Нет смысла беспокоиться о том, что лежит за пределами вашего контроля.

С целью исследования переживания ревности была использована методика Д. Я. Райгородского. Тест предусматривает 12 вопросов, относящихся к различным ситуациям, которые могут вызвать чувство ревности у человека. И тем самым мы сможем определить их уровень ревности. Перед началом тестирования нужно постараться расположить группу к доверительной беседе. Для этого следует выбрать соответствующую обстановку и тон общения.

Потом исследователю предстоит дать испытуемым словесную инструкцию. Она проста: предлагается ответить на ряд вопросов, выбрав предпочитаемый вариант ответа. Ответить нужно искренне и долго не раздумывая.

В исследовании приняли участие 60 студентов, среди них 30 девушек и 30 юношей. Для статистической проверки достоверности различий использовался F-критерий Фишера.

Результаты по методике «Ревность личности» были подвергнуты анализу и представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования уровня переживания ревности

Уровень переживания ревности	Юноши		Девушки		Всего	
	Количество человек	%	Количество человек	%	Количество человек	%
высокий	6	20,0	17	56,68	23	76,68
средний	10	33,33	11	36,66	21	69,99
низкий	14	46,67	2	6,66	16	53,33
Итого:	30	100	30	100	60	200

Анализ результатов, представленных в таблице 1 позволяет заключить, что среди испытуемых данной выборки низкий уровень чувства ревности выявлен у юношей.

Следует также отметить, что количество испытуемых со средним (21 человек) и высоким (23 человека) уровнями переживания ревности представлено примерно в равных пропорциях 69,99 % и 76,68 % соответственно.

Рассматривая анализ уровня переживания ревности отдельно у юношей и девушек следует отметить, что в проведенном исследовании между юношами и девушками было выявлено различие, так как в выборке представлены 14 юношей (87,5 %) и 2 девушки (12,5 %) с низким уровнем переживания ревности и 6 юношей (26,09 %) и 17 девушек (73,91 %) с высоким уровнем переживания ревности.

Таким образом, очевидно, что девушки более ревнивы, чем юноши: 56,68 % девушек и 20,0 % юношей имеют высокий уровень переживания ревности. Данный уровень переживания ревности можно охарактеризовать так: люди этого уровня очень самолюбивы, любят власть,

стараясь в семье занять господствующее положение, глубоко развито чувство эгоизма. Чувство ревности проявляется в неадекватном поведении, частых конфликтах, ссорах.

Также было определено, что юноши (46,67 %) имеют низкий уровень переживания ревности, что характерно только для 6,66 % девушек. Люди низкого уровня переживания ревности характеризуется двумя качествами: они безразлично относятся к увлечениям партнера либо полностью доверяют ему.

На основе полученных экспериментальных данных, обработанных с применением F-критерия Фишера, можно утверждать, что выборки различаются по разбросу значений: у девушек более высокий уровень переживания ревности. Люди этого уровня очень самолюбивы, любят власть, стараются в семье занять господствующее положение, глубоко развито чувство эгоизма. Чувство ревности проявляется в неадекватном поведении, частых конфликтах, ссорах.

Также было выявлено, что юноши обладают низким уровнем переживания ревности. Люди этого уровня характеризуется двумя качествами: они безразлично относятся к увлечениям партнера либо полностью доверяют ему.

Список использованных источников

1 Ильин, Е. П. Психология любви / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2013 г. – 258 с.

Т. С. Леонова

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ И ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются проблемы проявления жизнестойкости и стрессоустойчивости у студентов и взрослых. Автором приводятся эмпирические данные исследования по методикам «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева, Е. И. Рассказовой и «Тест на стрессоустойчивость» Т. Холмса и Р. Раге. На основе полученных данных можно выявить особенности проявления жизнестойкости, стрессоустойчивости в студенческом и зрелом возрасте.

Ключевые слова: жизнестойкость, стрессоустойчивость, студенческий возраст, зрелый возраст, психологические особенности

В настоящее время тема преодоления и оптимального проживания сложных жизненных периодов становится все более актуальной. Возникло новое общество, которое предъявляет к человеку новые требования. На сегодняшний день, в связи с происходящими изменениями в самом обществе, требования, которые общество предъявляет человеку, становятся все более жесткими. Ответственность за свою жизнь, за ее успешность полностью и целиком ложится на самого человека. Для успешного согласования этих требований с собственными личностными особенностями и для достижения наиболее оптимальной жизненной стратегии становятся необходимы дополнительные ресурсы. Чтобы адаптироваться к той или иной напряженной ситуации, успешно реализовать себя и многое другое – человеку необходимо выработать навыки решения проблем, приобрести такое качество, свойство личности, которое позволило бы эффективно самореализоваться.

Современные студенты все чаще испытывают высокие интеллектуальные и эмоциональные нагрузки в процессе обучения в учреждении высшего образования. Сегодня нередко

наблюдается отрицательная динамика отношения к учебной деятельности. Жизнестойкость личности в учебно-профессиональной деятельности может способствовать повышению как физического, так и психического здоровья молодежи, успешной адаптации в стрессовых ситуациях с выходом на уровень трансадаптации, связанной с самореализацией и самоутверждением личности [2, с. 21]. Развитие личности зрелого человека требует избавления от неоправданного максимализма, который в большей степени характерен для юности и частично для молодости, взвешенности и многогранности подхода к жизненным проблемам, в том числе и к вопросам своей профессиональной деятельности [1, с. 243].

Теоретический анализ проблемы актуализировал проведение эмпирического исследования, выборку которого составили респонденты в количестве 161 человека, из них 101 человек в возрасте от 29 до 60 лет и 60 человек в возрасте от 18 до 22 лет. На основе полученных данных можно выявить особенности проявления жизнестойкости, стрессоустойчивости в студенческом и зрелом возрасте. Результаты по методикам «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева, Е. И. Рассказовой и «Тест на стрессоустойчивость» Т. Холмса и Р. Раге представлены в таблицах 1–2.

Таблица 1 – Результаты исследования жизнестойкости у респондентов студенческого и зрелого возраста

Параметр	Уровень	Количество человек	
		Студенческий возраст	Зрелый возраст
Жизнестойкость	Низкий	8	42
	Средний	33	31
	Высокий	19	28
Вовлеченность	Низкий	14	47
	Средний	36	33
	Высокий	10	21
Контроль	Низкий	5	49
	Средний	34	34
	Высокий	21	18
Принятие риска	Низкий	4	29
	Средний	29	26
	Высокий	27	46

Таблица 2 – Результаты исследования стрессоустойчивости у респондентов студенческого и зрелого возраста

Степень сопротивляемости стрессу	Количество человек	
	Студенческий возраст	Зрелый возраст
Низкая	6	10
Пороговая	9	9
Высокая	9	19
Большая	36	63

Исходя из представленных в таблицах 1–2 эмпирических данных, можно говорить о том, что у большинства испытуемых в студенческом возрасте показатели жизнестойкости, вовлеченности, контроля и принятия риска находятся в норме.

В зрелом возрасте у большинства респондентов был выявлен низкий уровень вовлеченности. Это говорит о том, что такие люди испытывают чувство отверженности и подавленности, убежденность, что жизнь проходит мимо них.

Исходя из результатов по шкале контроля, низкий уровень был выявлен у большинства респондентов. Это означает, что такие люди испытывают чувство собственной беспомощности, ощущение того, что не все в этой жизни зависит от них, и они не могут повлиять на свою жизнь, ее уровень и качество. Человеку кажется, что все решения за него принимают другие люди.

Респонденты, у которых был выявлен высокий уровень принятия риска, не стремятся к ежедневному жизненному комфорту, так как он кажется им скучным и однообразным. Стремления данных людей заключаются в каждодневном преодолении препятствий, только в них они видят гарантированный успех своей жизнедеятельности, а свою жизнь полноценной и насыщенной.

Стрессоустойчивость – это способность человека выдерживать определенные психофизические нагрузки и переносить стрессы без ущерба для организма и психики. По результатам проведенного исследования оказалось, что у большинства респондентов как в студенческом, так и в зрелом возрасте была выявлена большая степень сопротивляемости стрессу. Для данной категории людей характерна очень высокая степень стрессоустойчивости. Любая деятельность личности, независимо от ее направленности и характера тем эффективнее, чем выше уровень стрессоустойчивости.

Можно отметить тот факт, что повышение уровня стрессоустойчивости прямо и непосредственно ведет к продлению жизни человека. Следовательно, можно говорить, что большинство испытуемых в студенческом возрасте – это люди, которые получают удовольствие от собственной деятельности и в целом от жизни. Они постоянно заняты определенной деятельностью, и это им нравится, они работают с удовольствием, стараются быть в курсе всего происходящего, не останавливаются на достигнутом, любят знакомиться с новыми людьми, находят что-то стоящее и интересное в жизни.

В зрелом возрасте у людей прослеживается низкая удовлетворенность профессиональной деятельностью, снижается направленность на самореализацию, обнаруживаются неадекватность межличностного общения, неудовлетворенность самоконтролем, доверительными отношениями с коллегами, негативное оценивание организации и условий труда. Со средних лет люди существенно сокращают свою социальную активность и локализируют жизнедеятельность преимущественно в узком семейном кругу. Постепенно происходит переход на образ жизни, который характерен для старшего поколения: домашнее хозяйство и просмотр телепередач, работа на приусадебном участке и воспитание подрастающего поколения. Происходит и переоценка личных достижений. Возрастают показатели эмоционального истощения и деперсонализации. На фоне повышения удовлетворенности профессиональной деятельностью и снижения показателей эмоционального истощения и деперсонализации наблюдаются повышение конфликтности, низкая оценка поддержки со стороны друзей и коллег, снижение эмоциональной устойчивости, увеличение тревожности.

Список использованных источников

1 Бодалев, А. А. Вершины в развитии зрелого человека / А. А. Бодалев – СПб. : Питер, 2007. – 243 с.

2 Молчанов, С. В. Особенности ценностных ориентаций личности в подростковом и юношеском возрастах / С. В. Молчанов // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 3. – С. 16–25.

Я. В. Павловская

Научный руководитель: Ю. Ф. Лахвич, канд. психол. наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ

В статье рассмотрены некоторые теоретические подходы к изучению толерантности к неопределенности. Автором также собраны и проанализированы эмпирические исследования связи толерантности к неопределенности. Это позволяет определить ее связь с такими психологическими феноменами, как мотивация достижения, психологическое благополучие, локус контроля, доверие к миру, тревожность, общительность, активность, дисциплина и другие.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, неопределенность, двусмысленность, неизвестность, мотивация достижения успеха, доверие к миру, психологическое благополучие

За счет глобализации, широкого доступа к информации, быстрого ритма жизни и других аспектов, современный мир включает большое количество неопределенности. В этой неопределенности современному человеку нужно уметь ориентироваться, чтобы сохранять высокие показатели эффективности и поддерживать психологическое благополучие. В связи с этим особую важность приобретают исследования толерантности к неопределенности.

Многочисленные авторы [1, 7, 9, 10] сходятся во мнении, что начало исследованию толерантности к неопределенности положила Э. Френкель-Брюсвик в 1948 году.

Как отмечает И. Н. Леонов, в рассмотрении феномена толерантности к неопределенности можно выделить три основных подхода:

- толерантность к неопределенности как черта личности;
- толерантность к неопределенности как ситуационно-специфичная установка;
- толерантность к неопределенности как метакогнитивный процесс и навык [7, с. 44].

По мнению А. Г. Матушанской и Б. С. Алишева, исследователи толерантности к неопределенности рассматривают ее тремя разными способами.

– толерантность к двусмысленности. Способность распознавать и негативные, и позитивные качества одного и того же объекта. Рассматривалась в работах Э. Френкель-Брунсвик. Согласно некоторым другим авторам, толерантность к двусмысленности – это способность узнавать противоречивые сведения и выдерживать противоречия действительности;

– толерантность к неопределенности. Понятие неопределенности схоже с понятием двусмысленности, но неопределенность не включает в себя известные альтернативы. Она является более широким понятием;

– толерантность к неизвестности. Появляется при нехватке информации о будущем, то есть подразумевает фактор времени. Исследовалась К. Дальбертом [9, с. 26].

Е. А. Любачевская выделяет в неопределенности две стороны: объективную сторону, то есть неизбежное качество реальности, и субъективную, то есть связанную с личностным восприятием. Субъективная сторона может быть как временной, так и устойчивой особенностью [8, с. 78].

Не меньший интерес представляют эмпирические исследования толерантности к неопределенности. Е. В. Сараева и С. Г. Николаев выдвинули и обосновали гипотезу, что толерантность к неопределенности положительно коррелирует с мотивом достижения успеха, а интолерантность – наоборот, отрицательно. Среди субъектов с мотивацией достижения толерантность к неопределенности выше, а интолерантность выше в группах с мотивацией избегания неудач. Более того, толерантность к неопределенности и мотивация достижения имеют положительную корреляцию с интернальным локусом контроля [11, с. 133].

Т. С. Вотинцева и В. Р. Петренко исследовали связь между толерантностью к неопределенности и психологическим благополучием. В результате были найдены устойчивые корреляции толерантности к неопределенности и таких аспектов, как «автономия», «управление средой» и «личностный рост». Опираясь на эти данные, авторы заявляют, что чем выше толерантность к неопределенности, тем выше уровень психологического благополучия человека [2, с. 148–149].

Во всех приведенных ниже работах выборки для эмпирических исследований составляют *студенты*. Таким образом, они учитывают специфику исследуемой социальной группы.

Переход в социальную роль студента требует социальной адаптации ученика. И. В. Лазюк и Ю. В. Белоглазова изучили этот процесс и выяснили, что толерантность к неопределенности – условие адаптации в изменившихся обстоятельствах. Обнаружена негативная корреляция между адаптацией и интолерантностью к неопределенности [6, с. 347].

Т. М. Краснянская с соавторами показали, что толерантность к неопределенности определяет уровень вариативности жизненных сценариев, которые строят испытуемые. При высоком уровне толерантности к неопределенности сценарии являются более разнообразными, чем при низком уровне. Вероятно, это связано с еще одним выводом, полученном в данном исследовании: люди с низким уровнем толерантности к неопределенности более склонны испытывать позитивные эмоции по отношению к безопасности, а люди с высоким ее уровнем, наоборот, склонны испытывать негативные эмоции. Более того, согласно исследованию авторов, у студентов с высоким уровнем толерантности к неопределенности обнаружена склонность к бегству от опасности, а также статистически достоверная тенденция к ее преодолению. У студентов с низким уровнем толерантности преобладает стремление предупредить опасность [5].

Рябинкина А. Н. провела исследование связи толерантности к неопределенности и доверия к миру, а также психологического благополучия личности. Были обнаружены значимые связи толерантности к неопределенности со следующими аспектами доверия к миру: «благосклонность мира», «доброта людей» и «степень удачи». Также существует значимая корреляция с «позитивными отношениями с окружающими», «управлением средой», «личностным ростом», «целями в жизни», а также с «общим индексом благополучия личности». Из этих данных автор делает вывод, что на образовательной системе благоприятно сказалось бы стремление на повысить толерантность студентов к неопределенности [10].

Т. В. Евтух и Т. М. Харламовой получены данные о том, что положительное отношение к неопределенности связано с позитивным настроением, инициативностью, общительностью, стремлением к получению внимания, использованием всех личностных ресурсов, нестандартностью мышления, но также проблемами с дисциплиной. Имеется отрицательная корреляция с негативным настроением, резкими перепадами настроения, тревожностью, избеганием контакта с реальностью.

Студенты с низкой толерантностью к неопределенности склонны к обостренной чувствительности, чрезмерной реакции на внешние факторы, неуверенности в себе, трудностям адаптации к изменениям, ощущению долга, исполнительности, планированию, сниженной активности и низкому уровню притязаний. Студенты со средним уровнем рассматриваемой характеристики проявляют схожие особенности. На фоне этих данных вызывают тревогу полученные авторами результаты о том, что первокурсники более толерантны к неопределенности, чем третьекурсники. Предполагается, что это объясняется открытостью и адаптивностью студентов первого курса, в то время как студенты третьего курса фокусируются на стабильности своего обучения [3].

Тем не менее, существуют исследования с иными результатами. О. А. Кондрашихина и И. А. Тихомирова сравнили уровень креативности студентов-психологов с высокими и средними показателями толерантности к неопределенности. Ими были получены статистически значимые различия, указывающие, что студенты со средним уровнем толерантности к неопределенности более креативны, чем студенты с высоким. Авторы признают необходи-

мость дальнейшего исследования с увеличением выборки и участием студентов с низким уровнем рассматриваемой характеристики. Тем не менее, они предполагают, что полученные данные позволят разработать способы повышения компетентности психологов, например, путем умеренного развития интолерантности к неопределенности [4, с. 50].

В исследовании Б. С. Алишева и М. В. Габдулхаковой рассматривались связи между толерантностью к неопределенности и базовой тревожностью, а также принятием мира. Исследователи не обнаружили статистически значимых корреляций, что отличается от результатов аналогичных зарубежных исследований. Они приводят две возможных причины такого результата: либо маленькая выборка и маленький разброс в ответах, полученных от испытуемых, либо культурные особенности, влияние которых пока исследовано недостаточно [1, с. 171–172].

На основании всех рассмотренных исследований можно сделать *вывод*: статистически значимая корреляция толерантности к неопределенности имеется с мотивацией достижения, интернальным локусом контроля и некоторыми аспектами психологического благополучия («автономия», «управление средой» и «личностный рост»).

Статистически значимая или достоверная корреляция толерантности к неопределенности у *студентов* имеется с адаптацией, некоторыми аспектами доверия к миру («благосклонность мира», «доброта людей» и «степень удачи»), склонностью испытывать позитивные эмоции по отношению к безопасности, склонностью к бегству от опасности и к ее преодолению, некоторыми аспектами благополучия личности («позитивными отношениями с окружающими», «управлением средой», «личностным ростом», «целями в жизни»), общим индексом благополучия личности, позитивным настроением, инициативностью, общительностью, стремлением к получению внимания, использованием всех личностных ресурсов, нестандартностью мышления и проблемами с дисциплиной.

Список использованных источников

1 Алишев, Б. С. Толерантность к неопределенности, тревожность и чувство психологической безопасности у русских и татарских студентов / Б. С. Алишев, М. В. Габдулхакова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 162–173.

2 Вотинцева, Т. С. Взаимосвязь уровня толерантности к неопределенности и психологического благополучия личности / Т. С. Вотинцева, В. Р. Петренко // Педагогика и психология образования. – 2016. – № 4. – С. 145–149.

3 Евтух, Т. В. Особенности толерантности к неопределенности у студентов социально-гуманитарных направлений подготовки / Т. В. Евтух, Т. М. Харламова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 1. – С. 146–158.

4 Кондрашихина, О. А. Вербальная и невербальная креативность и толерантность к неопределенности студентов-психологов / О. А. Кондрашихина, И. А. Тихомирова // Вестник Омского университета. Серия «Психология», – 2020. – № 1. – С. 46–52.

5 Краснянская, Т. М. Сценарное конструирование безопасности студентами с разным уровнем толерантности к неопределенности / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец, А. В. Ляхов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 4. – С. 51–63.

6 Лазюк, И. В. Когнитивные стили и толерантность к неопределенности как факторы адаптации студентов к обучению в вузе / И. В. Лазюк, Ю. В. Белоглазова // АНИ: педагогика и психология. – 2020. – № 4 (33). – С. 343–348.

7 Леонов, И. Н. Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта / И. Н. Леонов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2014. – № 4. – С. 43–52.

8 Любачевская, Е. К. Толерантность к неопределенности как личностный феномен / Е. К. Любачевская // Акмеология. – 2013. – № 3 (47). – С. 78–80.

9 Матушанская, А. Г. Толерантность к и смежные психологические конструкты когнитивной психологии / А. Г. Матушанская, Б. С. Алишев // Учен. Зап. Казан. Ун-та. Сер. Гуманит. Науки. – 2011. – № 5. – С. 25–33.

10 Рябинкина, А. Н. Толерантность студентов к неопределенности / А. Н. Рябинкина // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 1 (78). – С. 295–297.

11 Сараева, Е. В. Связь толерантности к неопределенности и мотивации достижения / Е. В. Сараева, С. Г. Николаев // Вестник ВятГУ. – 2014. – № 7. – С. 129–134.

В. Я. Посталовская

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ЧУВСТВО ВИНЫ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Основной проблемой, рассмотренной в данной статье, является рассмотрение чувства вины с точки зрения психологии. Чувство вины тесно связано с понятием раскаяния, сожаления, а также стыда.

Ключевые слова: вина, стыд, страх, реальная вина, невротическая вина, экзистенциальная вина.

Вина – это тяжелое и напряженное состояние человека, лишенного спокойствия. Причиной, спровоцировавшей это состояние, является мысленное возвращение к одной и той же ситуации. Человеку очень хочется как можно быстрее избавиться от нее, ощутив облегчение.

Чувство вины в метапсихологии З. Фрейда обычно связывается с нарушением этических норм поведения, в том числе, с мыслями о возможности таких действий или поступков. Таким образом, понятие вины в психологии З. Фрейда отчасти аналогично понятию греха, совершенного в отношении самого себя или против воли своего Сверх-Я. Поэтому индивидуальная реакция на содеянное или допущенное в помыслах зависит от воспитания и того, что конкретной личностью понимается как недопустимое или недопустимое [6].

О чувствах современному человеку говорить непросто, а о вине человеку говорить, на наш взгляд, особенно тяжело. Здесь уместно привести слова А. Лэнгле: «Чувства – это «нижнее белье человека. Показаться на людях в нижнем белье неловко и даже постыдно» [2].

Страх потери чего-то значимого и гнева на самих себя – из этого состоит «чувство вины». Оно тесным образом связано с ответственностью. Если вина адекватная, то стремление человека попросить прощения будет стремительным, частично исправленная ситуация уже вызывает облегчение. В случае невозможности исправить ситуацию возникает раскаяние и сожаление, переживание которых ведет к освобождению.

Мы порой неосознанно, а иногда вполне осознанно причиняем боль или неудобство собеседнику. Истинная «вина» порождается совестью. Для человека испытывать это чувство нормально. Когда мы оцениваем поступок как ошибку – возникает чувство «вины». Именно так происходит формирование своих критериев и различение адекватной вины от добавленной извне.

Стыд – отрицательное чувство, которое возникает при внешних оценках личности, социальной неприемлемости ее поведения. Это оценочный взгляд со стороны.

Отличие вины от стыда:

– стыд как публичное явление, вина – как личное. Вина может возникать независимо от того, были ли у поступка, из-за которого человек испытывает данную эмоцию, свидетели или нет, а стыд возникает только в случае наличия свидетелей;

– вина и стыд различаются по принципу: общественное – индивидуальное. Вина возникает из-за мук совести человека, а стыд – из-за публичного осуждения;

– вина связывается с негативной оценкой своего поведения, а стыд – с негативной оценкой собственной личности [3].

В норме чувство вины свойственно каждому человеку. Оно связано с чувством угрызания совести и впоследствии – с ответственностью. Чувство вины возникает, когда человек действительно или предположительно причиняет другому боль или ущемляет чьи-то права или интересы.

Самые распространенные причины возникновения чувства вины:

– вина жертвы – чувство вины за несчастье, случившееся с человеком, фактически никогда не может быть рационализировано. Нельзя разумно обосновать, почему жертва виновата в том, что над ей издеваются морально, физически или в сексуальном плане;

– вина неудачника – неоправдавшиеся ожидания родителей, возложенные обществом, и хуже всего – неоправданность собственных целей;

– чувство вины после потери близких. Когда человек теряет близкого, возникает чувство, что это можно было бы как-то предотвратить. За этими мыслями приходит чувство вины: я мог что-то сделать, а не сделал; я так мало уделял внимание своему близкому человеку; я сказал обидные слова, и мы больше не смогли поговорить;

– сексуальная вина появляется в результате воспитанного с детства представления о греховности секса. Тема секса очень табуирована, а все из-за отсутствия полового воспитания;

– общество: детский сад, школа. В таких местах чувство вины подкрепляется еще больше, полагаясь на восприятие наших поступков окружающими. Общество внушает необходимость подчинения. Существуют и негласные запреты на проявления инициативы и самовыражения. Унизительное сравнение наших поступков, действий с другими личностями;

– дети-родители. Хорошо освоив чувство вины, дети очень умело манипулируют своими родителями для достижения собственной выгоды. Самые распространенные фразы: «Если бы ты меня любил – ты бы...». Вспоминая родителю, как он был «не прав», «я ради тебя, а ты...» Этот сценарий прекрасно применяется и взрослыми: с супругами, близкими друзьями и даже коллегами.

Чувство реальной и невротической вины отрицательно окрашено. Его объектом является поступок человека, который кажется ему причиной негативных для других последствий. Если вина реальная, то ощущение виновности исчезает сразу после разрешения ситуации, если же вина невротическая – состояние собственной виновности становится привычным, машинальным: мы обвиняем себя, даже не задумываясь о том, насколько это соответствует действительности [5].

Невротическая вина вызвана нарушением чужих моральных норм, навязанных человеку. Она говорит о неверном понимании собственной ответственности. Переживание невротической вины угрожает психическому и физическому здоровью. Личной ответственности человека нет в такой ситуации, кто-то нас наделил этим. Не совершая ошибки или распознавая ее согласно чужому мнению, мы чувствуем себя виноватыми.

Очень часто такие ситуации встречаются между родителями и детьми в семье, начиная с самого детства. Родители могут не совсем адекватно и субъективно выдвигать обвинения, которые воспринимаются ребенком без всякой критики и принимаются, как данность, на веру. Свое собственное мнение в противовес значимому взрослому детям выработать сложно. Неумение отделять свое собственное мнение от чужого может перекочевать с возрастом из детской во взрослую жизнь.

Невротическая вина может возникнуть и при полном отсутствии обвинения со стороны окружения. Человек постоянно находит ситуации, какие-то события, в которых начинает винить себя, что это именно он виноват в этом или в другом. Это все связано с

боязнью, что что-то не одобряют или не оценят, или все пойдет наперекосяк. И все это, в основном, корнями уходит в самое детство человека [7].

Каждый человек на основе этой невротической вины чувствует себя неполноценно: мать ощущает себя неуспешной, ребенок думает, что он плохой, служащий ощущает себя не вполне компетентным.

Именно психология по большей части и занимается вопросом, связанным с «незаконным чувством вины», которое без уважительной причины терзает нас, а не обоснованным, реальным, какое испытывает убийца или мошенник. Кстати, некоторые преступники считают, что они имеют право нарушать закон. А, напротив, некоторые жертвы агрессии считают себя виноватыми, потому что они не вовремя начали защищаться или пошли, куда не надо было идти, или как-то по-другому надо было одеться.

Появляется чувство вины из-за тревоги: чувство тревоги наше маленькое «Я» испытывает постоянно, когда сверх «Я» (голос совести) от него требует совершенства. Наш внутренний судья осуждает нас все сильнее: всякий раз, когда мы хотим больше быть безупречными, достойными любви, в такой ситуации мы относимся к себе как к «ничтожеству». Но это нормально, когда мы время от времени чувствуем себя слабыми, незащищенными, ни на что не способными, так как мы в таком состоянии были в детстве.

Некоторые люди более склонны к чувству вины. Авторитарное воспитание, базирующееся на эмоциональном шантаже, делает человека уязвимым. Но это не факт. Те, к кому не применялся метод воспитания давлением авторитетом, насилуя его психику, также могут страдать от чувства вины. Родители нам транслируют, какой должен быть идеальный образ, от них мы узнаем, какими надо быть, чтобы всем нравиться [4].

Порой с виду спокойный отец или мать воспитывают детей с обостренным чувством вины. Дети, как губка, впитывают даже бессознательные представления родителей. Каждый ребенок воспитывается так, чтобы знать, как надо радовать маму и папу, чтобы они заботились о нем и принимали его. Родителям необязательно проявлять эмоции, чтобы ребенок видел их неодобрение. Ребенок начинает усваивать, что он может быть виноватым, что-то не то сделал или наоборот, не сделал, и даже, что что-то подумал. Может винить себя за то, что он не так был благодарен за подарок или покупку, а может быть, он недостаточно проявляет любовь к семье. В случае рождения младшего брата или сестры нередко проявляется чувство вины.

Степень яркости и насыщенности тех ощущений, которые испытывает виноватый человек, очень часто определяется степенью его восприимчивости и способности к самоанализу. Для одних людей чувство вины может быть неким локомотивом, мобилизующим все душевные силы, для других же, наоборот, это является тяжким бременем – обездвиживает душу и вызывает болезненные страдания.

То, что человек в определенной степени объективно испытывает вину, считается его положительным качеством. Ведь это чувство в полной мере считается индикатором личной морали, воспитания и собственного такта. Хотя воспитанный, тактичный человек всегда избежит или попытается избежать ситуаций, после которых он может себя чувствовать виноватым.

Вину принято рассматривать как конкретный проступок, совершенный человеком по отношению к другим. Провинность именно в таком значении была представлена как реальная и невротическая вина, от которой необходимо избавляться. Вина может быть не только негативным явлением, но и социально полезным, необходимым индикатором поступков человека. Речь пойдет об экзистенциальной вине, которая является реакцией на поступки человека в его внутреннем сознании. Она возникает к самому себе за то, что он не сделал что-то для собственного счастья.

Р. Мэй, известный американский психолог и психотерапевт, полагал, что переживания вины возникают, когда человек отрицает потенциальные возможности или терпит неудачу в их осуществлении. Это чувство определяется как восприятие различия

между тем, что представляет собой вещь, и чем она должна была бы быть. Р. Мэй выделил три формы экзистенциальной вины. Первая – результат «потери возможностей», т.е. вина вследствие недостаточной самореализации. Согласно Р. Мэй отказ или пренебрежение возможностями, существующими в интеллектуальной, социальной, эмоциональной и физической сферах жизни приводит к вине [1].

Второй тип экзистенциальной вины развивается как результат отсутствия единства субъекта и близкого ему человека. «В силу неизбежного индивидуализма человек «обречен» рассматривать окружающих сквозь призму собственной личности, поэтому его познание не полностью соответствует действительности, оно всегда субъективно. Человек никогда в полной мере не понимает своих близких, их потребности. Таким образом, возникает основа обособленности или одиночества, характеризующая каждую человеческую жизнь» [1]. Согласно экзистенциальному взгляду неразстворимость, образуемая такой обособленностью, порождает барьеры и конфликты в межличностных отношениях.

Третья форма экзистенциальной вины возникает из отделения человека от природы или, другими словами, из-за утраты связи с Абсолютом [1]. Считается, что человек не может понять божественный план, поскольку представляет собой только его часть.

В каждую минуту времени нам предоставляется множество вариантов развития событий в нашей жизни. В силу своих ограниченных ресурсов, как психических, так и физических охватить все невозможно. И тогда мы встаем перед выбором, приходится от чего-то отказываться, так как выбор всегда подразумевает под собой какую-то потерю, шанса, возможности. Вот именно в этот момент возникает экзистенциальная вина. И эта вина возникает неизбежно, избавиться от нее не представляется возможным, так как нам всегда приходится что-то уступать, а что-то терять, где-то ослаблять и ничего с эти не поделаешь. Однако, можно ослабить или усилить ее влияние на нашу жизнь. Как, например, когда мы, осознавая ограниченность собственных возможностей, пытаемся свести к минимуму свою активность. Следуя принципу «такого никогда не было, значит и быть не должно», мы усугубляем переживание экзистенциальной вины, поскольку сознательно отказываемся от всего нового, от любых движений вперед, даже если они к лучшему. Мы движемся по уже выработанному шаблону, как бы пытаемся убежать от самих себя, оберегая себя от слишком концентрированных движений вперед в нашей жизни.

Причиной возникновения чувства вины могут быть манипуляции со стороны окружающих людей. Манипуляторы – люди, которые действуют по формуле: «Ты должен делать то, что я говорю, потому что ты...» и т. д. Развитое чувство вины является здесь мощным рычагом управления. При помощи фраз «Ты виноват (виновата)...», «Если бы не ты...» и т. д. манипулятор формирует у человека чувство вины, чтобы властвовать над ним или самоутвердиться. У человека вводится установка, что он должен действовать по неким правилам, нарушение которых вменяется ему в вину.

Чувство вины может возникать в ситуациях, которые не поддаются логическому пониманию, вследствие подмены понятий «чувство вины» и «ответственность». Человеку необходимо понимать, почему в его жизни происходит то или иное событие. Он нуждается в сохранении логики происходящего. Если он понимает, почему все происходит так, а не иначе, – значит, контролирует процесс и может как-то на него повлиять. Чувство контроля приводит к ощущению безопасности, покоя, защищенности. Если же возможности контролировать нет – может возникнуть чувство вины за случившееся.

Результат – вина перед собственным «Я» за неполноценно прожитую жизнь, не используя внутренние возможности и нежелание быть самим собой. При этом мы всячески стараемся избежать признания собственной вины: легче убедить себя в том, что «так распорядилась жизнь, я ничего не могу поделать с собой». Признавая, что мы можем изменить нашу жизнь сейчас, нам придется согласиться с тем, что мы могли это сделать давно [8].

Чувство вины – серьезная психологическая проблема. Не случайно крайними проявлениями далеко зашедшего чувства вины становятся депрессия, тревожное расстройство и суицидальное поведение. Исходя из вышеизложенного следует вывод: в любой ситуации в жизни, в произошедшем с нами, мы можем быть виновными с одной стороны объективно, а с другой – субъективно, так как на самом деле нет никакой вины, мы просто себе это внушили и сами себя в этом обвинили.

Список использованных источников

1 Изард, К. Психология эмоций / К. Изард; пер. с англ.; под ред. В. Мисник, А. Татлыбаевой. – СПб. : Питер. – 2000. – 464 с.

2 Лэнгле, А. Эмоции и экзистенция / А. Лэнгле; пер. с нем.; под ред. О. А. Шипиловой. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. – 284 с.

3 Макогон, И. К. Апробация методики измерения чувств вины и стыда / И. К. Макогон, С. Е. Ениколопов // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2015. – № 1 (8). – С. 6–21.

4 Пузыревич, Н. Л. Нужно ли избавляться от чувства вины? / Н. Л. Пузыревич // Диалог. Психологический и социально-педагогический журнал. – 2014. – № 7. – С. 23–31.

5 Пузыревич, Н. Л. Что делать с чувством вины? / Н. Л. Пузыревич // Диалог. Психологический и социально-педагогический журнал. – 2018. – № 1 (48). – С. 17–30.

6 Решетников, М. М. Элементарный психоанализ / М. М. Решетников. – СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2003. – 152 с.

7 Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни; пер. с англ.; под ред. В. В. Старовойтовой. – М. : Прогресс: Универс, 1993. – 186 с.

8 Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом; пер. с англ.; под ред. Л. М. Кроль. – М. : Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.

СЕКЦИЯ 8 ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Е. В. Приходько, А. А. Ивахненко

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВООБРАЖЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С НАРУШЕНИЕМ РЕЧИ

В статье рассматриваются теоретические аспекты развития воображения и творчества у младших школьников с общим недоразвитием речи. Представлены экспериментальные данные об особенностях воображения младших школьников с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова: нарушение речи, общее недоразвитие речи, стертая дизартрия, младшие школьники, творчество, креативность, творческие способности, воображение, мышление.

Возможность творчества во многом обеспечивается знаниями, которыми обладает ребенок, стимулируется целеустремленностью и подкрепляется соответствующими способностями. Важнейшим условием творчества является наличие определенных переживаний, создающих эмоциональный тон творческой деятельности.

Основными показателями креативности являются гибкость и беглость мышления, любознательность, оригинальность, смелость и точность.

Все эти термины в совокупности позволяют дать определение понятию «творческая деятельность младших школьников с нарушением речи»: продуктивная форма деятельности младших школьников, направленная на овладение творческим опытом создания, познания, использования, преобразования предметов духовной и материальной культуры во время образовательной деятельности, организованной совместно с учителем.

Современная педагогика утверждает, что ребенка можно научить творчеству. Нужно лишь найти оптимальные условия для такого обучения.

Для развития творческих способностей младшего школьника с нарушением речи необходимо системно подходить к его эмоциональным переживаниям. Способность выражать свое эмоциональное состояние дает школьнику ощущение воплощения собственной неповторимой индивидуальности, что позволяет ребенку использовать все имеющиеся в его распоряжении потенциальные возможности. Согласно этому принципу, следует привлекать внимание ребенка к эмоциональным состояниям, переживаемым им в данной ситуации. При восприятии эмоции предлагается выражать ее с помощью жеста, слова, знака, рисунка. В результате повышается уровень творческого развития младших школьников, а также самооценка и уровень интеллектуального развития.

Для развития творческого воображения и мышления младших школьников с нарушением речи следует использовать следующие задания:

- классифицировать предметы, явления, ситуации по различным признакам;
- установить причинно-следственные связи;
- увидеть взаимосвязь и выявить новые связи между системами;
- рассмотреть разрабатываемую систему;
- сделать прогнозные предположения;
- выделить противоположные характеристики объекта;
- выявить и сформулировать противоречия;
- представить пространственные объекты.

Творческому ребенку необходимо умение идти на риск и не бояться ответственности за свои решения. Происходит это потому, что часто старые и привычные способы

мышления более понятны большинству людей. Помощь учителя заключается в том, чтобы научить ребенка творить. В результате такой помощи ребенок должен научиться:

– удивляться, как будто все он видит в первый раз. Мы должны удивляться всему: каждому живому существу, каждому явлению в нашей жизни. Необходимо почувствовать, что все это чудо;

– слышать, видеть, ощущать (удивленно, начинаешь внимательно прислушиваться...) – так, как мать видит, слышит, ощущает своего ребенка;

– мечтать (фантазия объединяет самые разные вещи в одно целое).

Но этих трех показателей недостаточно. Поэтому, чтобы творить, необходимо также научиться:

– овладеть техникой творчества (приемами ремесла, искусством слова);

– создавать «завершенную идею», то есть произведение.

Необходимо каждый день заниматься с ребенком (чтением, рисованием, музыкой), помогать ему найти себя, учить ребенка не только тому, что нужно уметь, знать и делать, но и тому, как:

– слушать, чтобы услышать гармонию в музыке или природе;

– смотреть, чтобы увидеть красоту;

– говорить, чтобы тебя услышали;

– чувствовать состояние другого и не ранить его своими словами;

– не вредить другим своими чувствами и своей любовью;

– быть собой;

– творить с вдохновением;

– работать творчески.

Все вышеперечисленные навыки составляют основу способности к системному диалектическому мышлению, продуктивному произвольному пространственному воображению, что является высшей и необходимой способностью ребенка.

Сущность художественного воображения состоит, прежде всего, в способности создавать новые образы. Особая сила художественного воображения заключается в создании новой ситуации, не нарушая, а сохраняя основные требования жизненной действительности. Именно этот навык требует особой осторожности в плане развития. Особенно интенсивно он развивается в возрасте от 5 до 15 лет. И если в этот период воображение не будет особенно развито, то в дальнейшем произойдет стремительное снижение активности этого навыка. По мере снижения способности ребенка фантазировать, соответственно обедняется и его личность, угасает интерес к науке и искусству, уменьшаются возможности творчески мыслить. Поэтому воображение необходимо развивать и тренировать. Важно это делать и в раннем детстве, дошкольном и школьном возрасте.

Психологи и педагоги отмечают большое значение учебной деятельности в формировании творческого мышления, познавательной активности и накопления опыта поисковой и творческой деятельности младших школьников с нарушением речи.

Таким образом, творческие способности являются индивидуальными характеристиками личности ребенка, определяющими его успешность в различных видах творческой деятельности. Основными составляющими творческих способностей ребенка являются постановка задачи, поиск необходимой информации, ее передача и применение; выдвижение гипотезы и формулирование идеи; обобщение мыслительных операций; выражение оценочных суждений; преобразование задачи; осуществление передачи знаний и навыков.

Проанализировав представленные выше точки зрения по вопросу творчества и компонентах творческих способностей, можно сделать вывод: несмотря на различие подходов к их определению, исследователи выделяют качество творческого мышления и творческое воображение как обязательные составляющие творческих способностей.

Чем тяжелее у ребенка нарушение речи, тем труднее ему проявить себя в творчестве. Рисунки детей с нарушением речи бедны содержанием, такие дети не могут завер-

шить рисунок, почти никогда не создают новый образ. В творческих заданиях чаще предпочитают бытовую примитивную тематику. Творческие задания стереотипны, сюжеты очень мало обогащаются и обыгрываются, идея получается неустойчивой, а из-за недоразвития речи она распадается.

Детям-логопатам недоступны такие творческие задания, как раскрытие переносного значения слов и метафор, рассказ из своего опыта. Дети с ОНР в недостаточной степени эмоционально реагируют на смешное стихотворение, нежную мелодию, веселую или грустную сказку. Речь их невыразительна, движения ограничены и скованы, дети не обладают большой уверенностью в себе. Дети с ОНР в основном испытывают трудности в определении идеи рассказа, последовательности развития сюжета. Нередко выполнение творческой деятельности заменяется повторением текста или знакомой сказки. Рассказы детей малосодержательны, лаконичны и последовательны: дети с трудом начинают рассказ, долго молчат, с трудом подбирают фразы. Дети рассказывают без интонаций и остановок, копируя друг друга.

По результатам современных исследований, развитие творческих способностей у детей с речевыми нарушениями существенно отличается от развития детей, не страдающих указанными нарушениями. В. П. Глухов отмечал, что дети с речевыми нарушениями характеризуются недостаточной устойчивостью внимания и ограниченными возможностями его распределения; недостаточным объемом информации об окружающем мире; общей психофизиологической расторможенностью; отставанием в развитии словесно-логического мышления; недоразвитием мелкой и общей моторики, что в конечном итоге непосредственно влияет на развитие творческих способностей ребенка

С помощью рисуночных проб, В. П. Глухов исследовал воображение детей с ОНР для оценки творческих способностей. Он выявил у таких детей более низкую продуктивность по сравнению со сверстниками без нарушения речи. Дети с ОНР в большинстве случаев прибегали к копированию предметов и образцов из ближайшего окружения, повторению собственных рисунков или отхождению от задания. Дети использовали штампы, у них были длительные перерывы в работе, инертность, быстрая утомляемость. Эти выводы также подтверждаются результатами проективного теста Роршаха у детей с ОНР, в котором они описывают свои впечатления от пятен разной формы и цвета. Ответы детей с ОНР беднее, чем у детей без нарушения речи, потому что у них меньший словарный запас, упрощенные предложения, нарушен грамматический строй, они показали низкий уровень оперирования пространственными образами.

У детей с ОНР показатель оригинальности, характеризующий уровень общего психического развития и интеллекта значительно ниже, чем у сверстников без нарушения речи. У детей с ОНР был в 2 раза ниже творческий коэффициент выполнения заданий, чем у детей без нарушения речи. Также у детей с ОНР было только 54 оригинальных ответа, а у детей без нарушения речи – 78. Кроме того, эти ответы были разнообразными и часто неожиданными, показывая весьма богатый диапазон представлений.

По проведенным О. М. Дьяченко исследованиям, у ребенка познавательное воображение формируется примерно к 6 годам за счет отделения образа от предмета и его обозначения при помощи слова. Познавательное воображение у детей со стертой формой дизартрии соответствует пятилетнему возрасту. Индивидуальная оригинальность ответов у детей со стертой формой дизартрии составляла 2,5 слова из 10, что свидетельствует о низком уровне развития творческих способностей и скудном словарном запасе. У детей без нарушения речи индивидуальная оригинальность выполнения задания составила 6,4 слова.

Проведенные эксперименты позволили выявить особенности воображения детей с ОНР: сниженность мотивации; скудная осведомленность знаний об окружающем мире; сниженность познавательных интересов.

Творчество – важнейший аспект, влияющий на всестороннее развитие личности ребенка, особенно детей с нарушениями речи. В процессе осуществления творческой дея-

тельности у детей с нарушениями речи по-вышается чувство собственной ценности, появляются предпосылки к ощущению внутреннего контроля и порядка, выстраиваются социальные контакты. Также творческая деятельность помогает детям с нарушением речи справиться с негативными эмоциями и внутренними переживаниями.

Список использованных источников

- 1 Новлянская, З. Н. Почему дети фантазируют? / З. Н. Новлянская. – М. : Знание, 2008. – 153 с.
- 2 Левин, Р. Е. Нарушения речи и письма у детей. Избранные труды / Р. Е. Левин. – М. : Аркти, 2005. – 221 с.
- 3 Глухов, В. П. Комплексный подход к формированию связной речи у детей дошкольного возраста с нарушениями речевого и познавательного развития: Монография / В. П. Глухов. – 2-е изд. – М. : В. Секачев, 2014. – 537 с.
- 4 Дьяченко, О. М. Об основных направлениях развития воображения дошкольников / О. М. Дьяченко // Вопросы психологии. – 2008. – № 6. – С.30–33.

В. В. Дорохов

Научный руководитель: Т. В. Демьяненко, канд. пед. наук, доцент
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
г. Могилев, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ У ПОДРОСТКОВ СО СКОЛИОЗОМ В УСЛОВИЯХ ЛЕЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме формирования позитивной Я-концепции у подростков со сколиотической болезнью, проходящих лечение в УО «МГСШИ для детей, больных сколиозом». В психологических характеристиках подросткового возраста подчеркиваются сложности и трудности этого периода, в связи с несформированностью Я-концепции. Но есть и другая сторона этой проблемы: несформированность данного феномена может стать благоприятным фактором в становлении позитивной Я-концепции.

Ключевые слова: Я-концепция, сколиоз, подросток, школа-интернат, самооценка.

Я-концепция является целостным образованием – когнитивная, эмоционально-оценочная и поведенческая структуры в ней имеют сравнительно самостоятельную логику развития, однако они тесно связаны между собой. Я-концепция несет в себе тройственную функцию: позволяет достичь внутренней личностной согласованности, определить интерпретацию опыта, а также является источником ожиданий.

У мальчиков и девочек в подростковом возрасте развивается уникальная система «образа Я». Естественно, что сколиоз, являясь серьезным заболеванием, приводящим к изменению внешнего облика, вызывает не только телесные страдания, но и психологические проблемы. Поскольку, сколиотическая болезнь негативно влияет на восприятие подростками своего физического образа, то это неизбежно сказывается на общем формировании Я-концепции.

В современном мире сколиотическое искривление позвоночника – одно из наиболее распространенных ортопедических заболеваний, его частота колеблется в значительных пределах (от 0,5 до 20 %). Такие существенные колебания показателей распространенности сколиотической болезни объясняется тем, что любые нарушения осанки во фронтальной плоскости зачастую диагностируют, как сколиоз [1].

Сколиотическая болезнь, как и другие нарушения в развитии позвоночника, чревата своими последствиями. Неправильная осанка снижает вентиляцию легких, нарушает работу сердечно-сосудистой системы, что неизбежно приводит к недостаточности кислорода для развивающегося организма, в частности, головного мозга. Вследствие этого школьники с патологией позвоночника зачастую показывают более низкую успеваемость, быстро устают, подвержены головным болям, чаще раздражаются и т. д. [3].

Я-концепция подростков, у которых имеются болезни, вследствие которых происходят какие-либо изменения внешнего вида, несет в себе нарушения когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, что проявляется в отрицательном самоотношении, сужении круга общения, инертности и т. п. [2].

В результате сколиоза у мальчиков и девочек подросткового возраста происходят дефективные изменения внешнего вида, их «Образ Я» также подвергается изменениям. «Образ Я», как когнитивная подструктура Я-концепции, в свою очередь влияет на эмоционально-ценностное отношение подростков к себе, порождая негативные поведенческие реакции. Таким образом, сколиотическая болезнь провоцирует нарушения когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов Я-концепции подростков со сколиозом.

Биологические факторы, непосредственно относящиеся к аспектам Я-концепции, а именно к «Физическому Я», значительно влияют и на остальные элементы структуры. Имея

врожденный недостаток, подросток лишен полноценного общения – это социальная сторона (дети, как правило, заметив физический недостаток у другого, очень жестоко реагируют – обзываются, дразнят, дают обидные клички).

«Эмоциональное Я» также формируется на основе переживаний комплекса неполноценности, такому ребенку сложнее найти источник радости и позитивного мироощущения. «Умственное Я» также развивается во взаимовлиянии с «Физическим Я», нередко в «Умственном Я» находит компенсацию недостаток: часто дети с физическими недостатками много читают, размышляют и их интеллект находится на высоком уровне. Парадокс подросткового возраста состоит в том, что Я-концепция в этом возрасте, с одной стороны неустойчивая; только формирующаяся, состоящая из противоречий, но вместе с тем уже воздействует на поведенческую составляющую.

Существенным содержанием Я-концепции подростка выступает образ его «Физического Я» – представление о своем телесном облике. В образе индивидуального «Физического Я» в полной мере представлены нюансы, являющиеся результатом непосредственного самонаблюдения. Для подростка оказывается наиболее трудоемкой оценка своего лица и телосложения, как сложных комплексов, нуждающихся в учете соотношения всех элементов, одновременного анализа их формы, величины и взаимоположения. Такого рода анализ проще провести при восприятии другого человека. Процесс формирования вынуждает подростка к сосредоточению на физических сторонах своего «Я». Схема тела зачастую необъективна, а в некоторых случаях абсолютно противоположна мнению окружающих.

Подростковый возраст, являясь переходным и критическим, вносит некоторый разлад в психофизическое развитие, и, может вызывать разного рода нервно-психические отклонения. Если у подростка имеются в наличии визуальные физические дефекты или недостатки его внешнего вида, то чувство собственной неполноценности будет увеличиваться, т. к. внешность имеет существенное влияние на самоотношение.

Одной из важнейших потребностей в подростковом возрасте становится необходимость общения со сверстниками, которое нельзя заменить общением с родителями. Прохождение лечебного курса в школе-интернате для детей, больных сколиозом, ведет к изоляции от массовой общественной среды, минимум контактов, связанных с болезнью, увеличивает чувство одиночества. Это вынужденное продолжительное «одиночество» способно вызвать вторичную задержку в психическом развитии, как результат невозможности накопить необходимый когнитивный и чувственный опыт, а также развить определенные черты самоизоляции и десоциализации.

Для подростка со сколиозом дружеское общение с нормальными сверстниками бесценно. Оно предупреждает появление чувства своей неполноценности, которая обычно появляется в искусственно созданной изоляции от здоровых детей, в условиях нахождения в школе-интернате. Такое общение положительно сказывается на общеэмоциональном и умственном развитии ребенка. Взаимодействие только с детьми, которые страдают от такой же патологии и взрослым персоналом школы-интерната, обедняет духовную жизнь подростка, не давая ему возможности реализации естественных детских интересов и желания дружить со здоровыми сверстниками. Это приводит к «зацикливанию» на самом себе и своей болезни.

Если подросток «застревает» на эгоцентрической позиции, тогда он не может собрать целостную картину мира, и не может найти свое место в нем. Своему самосознанию он не дает позитивную или негативную личностную оценку, в том смысле, что подросток не может адекватно его оценить и определиться с эмоционально-ценностным отношением к самому себе.

Как упоминалось ранее, становление Я-концепции и открытие подростком собственного внутреннего мира является сложным процессом, который вызывает множество тревожных и драматических переживаний. Для подростка, страдающего сколиозом, это переживание усиливается, а осознание собственных ограниченных возможностей может сформировать низкую самооценку, что в свою очередь приведет к чувству неуверенности в себе.

В результате некой физической патологии между «аномальным» подростком и его социальным окружением, устанавливается специфическое взаимодействие. Эта патология нередко ставит такого «аномального» подростка в определенную зависимость от окружающих. Подросток с физической патологией будет ощущать намного большую зависимость от эмоционального и воспитательного отношения среды, чем его обычный здоровый сверстник.

Существует определенная связь между повышенным ощущением своей неполноценности и физической патологией, как однозначно необходимая связь между причиной и следствием. Мальчики и девочки со сколиозом неизбежно «наталкиваются» на некие нормы, ожидания и требования, их часто сравнивают со здоровыми и привлекательными сверстниками. Мальчики чаще страдают от ощущения своей «физической слабости», а девочки от чувства «недостижимости идеала красоты фигуры». Эти причины становятся катализатором чувства собственной неполноценности, что негативно влияет на формирование и последующее функционирование личности. Стабильно заниженная самооценка и самоуважение, ведут к формированию негативной Я-концепции, которая в свою очередь, ослабляет способность индивидуума к активной адаптации в социуме и реализации личностного потенциала.

В свою очередь, положительная Я-концепция является фундаментом самоуважения и позитивного самосознания любого индивидуума, включая подростков с физическим недугом. Однако, позитивная самооценка и самоуважение благоприятствуют активной жизненной адаптации только в том случае, если они основываются на определенных социальных ценностях. В связи с этим, основополагающими психологическими условиями социальной адаптации подростков со сколиозом может являться осознание ими реального положения дел, соответствующая самооценка, эмоциональная стабильность и нормальные межличностные отношения.

Наряду с этим, поскольку вынужденное нахождение подростков со сколиотической болезнью во время прохождения лечебного курса в школе-интернате, ведет к изоляции от обычного круга общения, минимизируя контакты со здоровыми сверстниками и родителями, то это препятствует реализации естественных детских интересов и потребностей. Следовательно, это также будет способствовать развитию негативной Я-концепции в целом или аномальному формированию отдельных ее компонентов.

Практическая значимость понимания влияния сколиотической болезни на формирование Я-концепции подростков, сведет к минимуму негативное воздействие на их жизнь в будущем, а также будет способствовать разработкам мер психологической помощи, направленных на адаптацию в социально-трудовой сфере.

Разработка и внедрение «Коррекционно-развивающей программы по развитию позитивной Я-концепции у подростков со сколиозом», будет способствовать формированию адекватной самооценки, проявляющейся в положительном отношении подростков к собственной личности, принятии себя и заложит основу формирования таких позитивных индивидуальных качеств, как уверенность в себе, самоуважение, самокритичность и т. д.

Цель программы – развитие позитивной Я-концепции у подростков со сколиозом в условиях лечебно-образовательного учреждения.

Программа направлена на решение следующих задач:

- формирование у подростков позитивного «образа – Я»;
- осознание собственных положительных и отрицательных сторон;
- формирование адекватной самооценки;
- формирование положительного самоотношения;
- формирование понимания и опознавания своего эмоционального состояния, обучение навыкам самоконтроля, развития эмпатии, ответственности и толерантности.

Программа предназначена для подростков в возрасте 11–15 лет с патологией сколиоза и рассчитана на 10 занятий, периодичностью 1 раз в неделю по 45 минут.

Занятия будут проводиться в групповой форме. Выбор групповой формы для коррекционно-развивающей работы обусловлен возрастными психологическими особенностями подростково-

го возраста и спецификой строения Я-концепции: являясь ядром конкретной личности и аспектом внутреннего мира человека, Я-концепция формируется в ходе общения с окружающими людьми и определяет успешность и эффективность социального взаимодействия человека. Возможность сравнить себя с окружающими, получить обратную связь от сверстников будет стимулировать самопознание, стремление к саморазвитию, самосовершенствованию.

Список использованных источников

1 Гэлли, Р. Л. Неотложная ортопедия. Позвоночник / Р. Л. Гэлли, Д. У. Спайт, Р. Р. Симон. – Москва : Медицина, 1995. – 432 с.

2 Николаева, В. В. Влияние хронической болезни на психику / В. В. Николаева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 168 с.

3 Путилова, А. А. Сколиотическая болезнь / А. А. Путилова, А. Т. Лихварь. – Киев : Здоровье, 1975. – 160 с.

В. В. Корнеева

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

В статье представлены результаты анализа проблемы социализации детей с нарушениями слуха в различных научных подходах, а также алгоритм диагностики социализированности у детей с нарушениями слуха. Дана характеристика структурных компонентов социализации. Раскрыты и обоснованы особенности социализации у детей с нарушениями слуха и перспективы коррекционно-развивающей работы психолога.

Ключевые слова: социализация, социализированность, нарушения слуха, учащиеся специальной школы, дети с нарушением слуха.

В настоящее время все чаще встает вопрос о социализации детей с ограниченными возможностями здоровья из-за того, что ухудшаются важные параметры среды жизнестойкости, в которой происходит формирование и развитие личности ребенка, обусловленной ограниченными возможностями социальных институтов [1].

Понятие «социализация» имеет широкую распространенность и однозначной формулировки у него нет, причем оно употребляется в социально-гуманитарных науках в разных контекстах. Процесс социализации имеет множество направлений, которые представлены в зарубежной и отечественной научной литературе: социологическое, экономическое, биогенетическое, социогенетическое, интеракционистское, социально-экологическое, психоаналитическое, когнитивистское, социальное научение, деятельностьная теория, структурно-динамический подход [3].

Для социализации слабослышащих детей необходимо создать условия для постепенного усвоения детьми социально значимого опыта поведения, нормы культуры общения с другими людьми, нравственности и культуры труда. Проблемы социальной адаптации и реабилитации детей с нарушениями слуха решаются в контексте целенаправленного социально-педагогического воздействия путем включения их в доступные области повседневной индивидуальной и социально значимой деятельности с учетом личных интересов и возможностей детей [1].

Социальная адаптация слабослышащего ребенка представляет собой процесс эффективной адаптации и взаимодействия личности с социальной средой по индивидуальной траектории, с созданием вариативных условий обучения. Одним из условий успешной адапта-

ции детей школьного возраста с нарушением слуха является подготовка к самостоятельной жизни, для успешной социальной адаптации им необходимы специальные психолого-педагогические условия в образовательных учреждениях и в семье [2].

Согласно Т. А. Добровольской, в условиях сенсорной и социальной депривации, неправильного воспитания и своеобразного отношения окружающих к людям с сенсорными нарушениями формируется «личность дефицитарного типа». Чаще всего наблюдается задержка личностного развития с преобладанием астенических и псевдоаутических черт характера – изолированность от сверстников, боязнь привлечения внимания к своему недостатку, ранимость, обидчивость, уход в мир фантазий. Из-за всех этих предшествующих факторов и появляются проблемы в успешной социализации у детей с нарушениями слуха [2].

Процесс социализации для детей с нарушениями слуха является главной проблемой, потому что таким детям очень сложно приспособиться к окружающим условиям. Слух – это важнейший интеллектуальный, эмоциональный и социальный орган чувств. Он играет большую роль в развитии человека, потому что именно при помощи слуха мы воспринимаем все окружающие нас звуки. При потере слуха ребенок лишается главного источника получения информации.

Дети с нарушениями слуха понимают, что из-за того, что они являются особенными, у них могут возникать проблемы в общении с одноклассниками, учителями, друзьями. Ведь все не раз сталкивались с такими случаями, когда один ребенок видит, что другой ребенок разговаривает с ним как-то по-другому, просто уходит и не хочет с ним общаться, и тогда у ребенка с нарушением слуха начинает появляться чувство ненужности, и из-за этого у него появляется негативное отношение к окружающим, он начинает изолироваться от сверстников, бояться быть для кого-то обузой или быть другом только потому, что его жалко. Поэтому не стоит отгораживаться от таких детей, унижать их или считать их слишком беспомощными, необходимо помочь им социализироваться и понять, что они тоже важны для общества.

Для исследования социализации у школьников на базе специальной общеобразовательной школе № 70 г. Гомеля для учащихся с нарушением слуха была сформирована выборочная совокупность в количестве 33 человек, из них 16 девочек и 17 мальчиков. Возраст испытуемых составил 14–16 лет.

Результаты по методике М. И. Рожкова «Изучение социализированности личности учащегося» результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования социализированности личности учащихся по методике М. И. Рожкова

Нормы	Адаптированность	Автономность	Социальная активность	Нравственное воспитание учащихся
Высокий уровень	36,36 %	9,09 %	24,24 %	57,58 %
Средний уровень	39,39 %	30,3 %	54,55 %	18,18 %
Низкий уровень	24,24 %	60,61 %	21,21 %	21,21 %

Согласно данным, представленным в таблице 1, более 75 % респондентов имеют адекватный уровень адаптированности ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 4,397$ при $p \leq 0,01$). Данной выборке характерен средний уровень социальной активности ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 2,57$ при $p \leq 0,01$), низкий уровень автономности ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 6,08$ при $p \leq 0,01$), высокий уровень нравственного воспитания ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 2,86$ при $p \leq 0,01$).

Учащиеся с нарушением слуха делегируют вопрос о постановке целей и задач в их деятельности родителям и педагогам, не отличаются инициативностью, в меру социально активны, хорошо чувствуют себя в привычных условиях, хорошо осознают нравственные смыслы поступков, знакомы с морально-нравственными категориями, могут быть примером для других, сотрудничать со взрослыми.

Для изучения взаимоотношений в семье был использован опросник для подростков «Моя семья» О. И. Маткова, результаты которого представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования социализации учащихся по методике О. И. Маткова «Моя семья»

Уровни взаимоотношения в семье	Количество в (%)
Благоприятный	9,09
Менее благоприятный	72,73
Удовлетворительный	15,15
Неблагополучный	3,03

Согласно данным, представленным в таблице 2, более 70 % имеют менее благоприятный уровень взаимоотношения в семье ($\varphi^*_{кр} = 2,38 < \varphi^*_{эмп} = 4,28$ при $p \leq 0,01$), то есть учащиеся с нарушениями слуха имеют хорошие взаимоотношения в семье, их семьям характерен благоприятный климат, сплоченность, чувство защищенности, члены семьи демонстрируют высокую доброжелательность по отношению друг к другу и т. д.

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа по критерию r-Пирсона

Уровни взаимоотношения в семье	Средняя выраженность взаимоотношений в семье	Уровень социализированности	$r_{эмп}$	Сила корреляционной связи
Благоприятный	9,09	127,27	0,6478	Средняя
Менее благоприятный	72,73	127,27	0,7065	Высокая
Удовлетворительный	15,15	127,27	0,1466	Очень слабая
Неблагополучный	3,03	127,27	0,3447	Слабая

Согласно данным, представленным в таблице 3, выявлена сильная прямая связь между благоприятным уровнем взаимоотношения и высоким уровнем социализированности ($r_{эмп} = 0,7065$), то есть чем лучше уровень взаимоотношения в семье, тем лучше будет уровень социализированности.

Таким образом, у детей с нарушениями слуха наиболее выраженным является низкий уровень автономности, у них отсутствуют амбиции, они не умеют отстаивать свою точку зрения. Таким детям трудно с кем бы то ни было дружить, им легче быть в полном одиночестве, либо их общение формально, без привязанности. Вместе с тем дети с нарушением слуха знакомы с нравственными понятиями и смыслами, они могут помогать и защищать других, обладают положительным отношением к окружающему миру. Социальная адаптированность и социальная активность развиты на среднем уровне. Они предпочитают не находиться в центре внимания или быть отвергнутыми, для них лучше не привлекать слишком много внимания учителей и одноклассников. Но для них необходимы контроль или прямое руководство, без просьбы или указания требования они выполнять не будут.

Что касается взаимоотношений в семье, по результатам диагностики был выявлен достаточно благоприятный внутрисемейный климат, в их семьях произошло принятие детей, присутствует сплоченность, доброжелательность, дети в семье чувствуют себя в безопасности.

Дети с нарушением слуха не умеют в достаточной степени управлять своими эмоциями, имеют низкий уровень эмоциональной осведомленности, и самомотивации, что связано

с их недостаточной автономностью, имеют средний уровень эмпатии и распознавания эмоций других людей.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что у детей в семье благоприятный климат, но низкий уровень социализированности. То есть семья оказывает положительное влияние на ребенка, но из-за того, что это особенные дети, и о них могут чрезмерно заботиться, могут возникать нарушения в их социализированности. Так же стоит отметить, что чем выше уровень взаимоотношения в семье, тем лучше уровень социализированности.

Список использованных источников

1 Важенина, С. В. Адаптационные характеристики детей младшего школьного возраста с нарушением слуха / С. В. Важенина // Педагогика: история, перспективы. – 2020 – Т. 3. – № 4. – С. 9–17.

2 Ибрагимова, Р. Ю. Социальные проблемы лиц с нарушениями слуха / Р. Ю. Ибрагимова – Психология и педагогика: методика и проблемы – 2010. – № 11 (1). – С. 121–126.

3 Поликанова, Е. П. Социализация личности / Е. П. Поликанова // Философия и общество. – 2003. – № 2 (31). – С. 1–25.

А. М. Лапицкая

Научный руководитель: О. А. Короткевич
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ОБРАЗОМ ТЕЛЕСНОГО «Я» ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

Самоотношение личности является и результатом, и процессом осознания и оценивания себя, как субъекта деятельности и как личности с комплексом черт, представлений, ценностей, потребностей и идеалов. Одно из центральных мест в системе самоотношения занимает образ телесного Я. Заболевания двигательной сферы часто приводят к существенным изменениям и в системе самооценки, и в образе физического Я. В статье представлены результаты эмпирического исследования психологических особенностей самоотношения и удовлетворенности образом телесного Я детей с нарушениями двигательной сферы.

Ключевые слова: самооценка, самоотношение, образ телесного Я, удовлетворенность образом телесного Я, нарушения двигательной сферы.

В последние годы проблема распространения ортопедических заболеваний в детской патологии стала весьма актуальной, так как включает не только медицинский, но и социальный аспект.

Согласно концепции Л. С. Выготского о сложной структуре дефекта, можно утверждать, что существует взаимосвязь самого заболевания с психологией больного ребенка, успешность социализации которого зависит как от медицинской, так и от психологической реабилитации. При патологии двигательной сферы у детей часто формируется повышенная тревожность, внушаемость, робость, личностная незрелость и неготовность к самостоятельной жизни в бытовых и практических сферах. При патологии двигательной сферы существенно трансформируется Я-концепция больного ребенка.

По мнению В. В. Столина, самоотношение выполняет задачу осмысления себя в аспекте собственных наиболее значимых деятельностей и имеет иерархическую систему, где выделяются три степени:

- уровень массового самоотношения;
- уровень многофункциональных конструкций (чувство собственного достоинства, аутосимпатия, самоинтерес и предвкушение отношения к себе);
- уровень определенных поступков во взаимоотношении собственного «Я» [2, с. 31].

В работах М. И. Лисиной отношение к себе предопределяет взаимосвязь человека с миром, смысл человеческой жизни [3]. Значимым аспектом самоотношения является Образ телесного Я. В. Н. Никитин пишет, что образ телесного Я – это интегральное психическое образование, социально-культурный продукт, складывающийся в процессе развития и постижения личностью своей телесной самоидентичности, в понятийный аппарат им дополнительно вводятся две категории – «биологическое тело» и «феноменологическое тело» [1].

Было проведено исследование на базе УЗ «Гомельская областная детская клиническая больница медицинской реабилитации». В исследовании принимали участие дети с нарушениями двигательной сферы, находящиеся на медицинской реабилитации. Объем выборки составляет 150 человек. 75 детей с нарушениями двигательной сферы и 75 физически здоровых детей. Возраст: 12–16 лет – здоровые дети, 12–18 лет – дети с нарушениями двигательной сферы. Характеристика заболеваний: различные формы детского церебрального паралича (спастическая диплегия, гиперкинетическая форма, атоническая астатическая форма) – 52 человека, болезнь Легга-Кальве-Пертеса (остеохондропатия головки бедренной кости) – 10 человек, ювенильный ревматоидный артрит – 13 человек.

Методики исследования:

- методика исследования самоотношения (тест – опросник МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантिलеева;
- тест цветоуказания неудовлетворенности собственным телом (The Color-A-Person body dissatisfaction Test, CAPT);
- опросник образа собственного тела. (О. А. Скугаревский и С. В. Сивуха).

Представим результаты, полученные по методике исследования самоотношения (тест-опросник МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева в виде диаграмм, в которых данные будут отображены от общего количества респондентов в каждой исследуемой группе на рисунках 1 и 2.

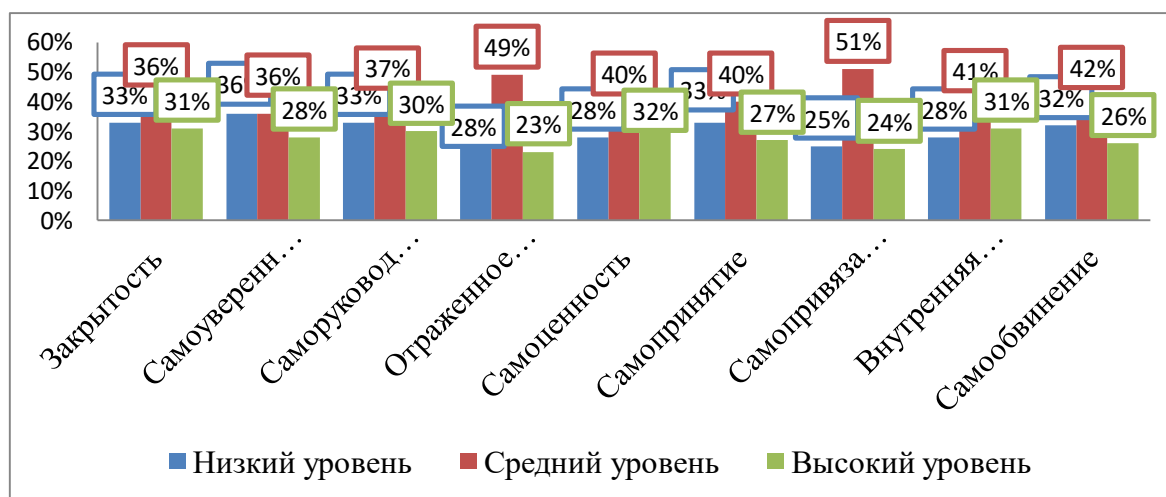

Рисунок 1 – Результаты исследования по методике исследования самоотношения (тест-опросник МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева группы детей с нарушениями двигательной сферы

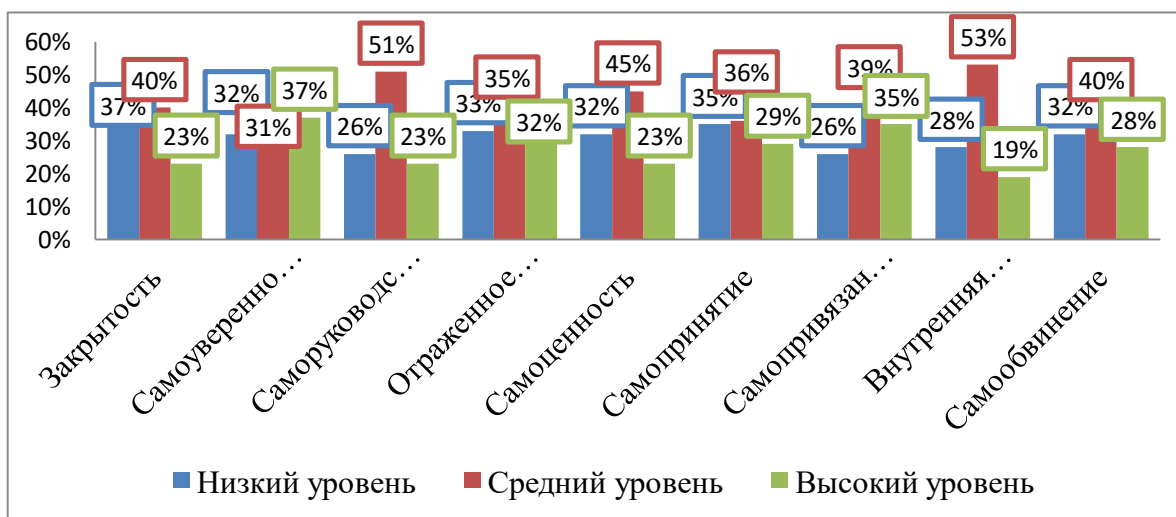

Рисунок 2 – Результаты исследования по методике исследования самооотношения (тест-опросник МИС) В. В. Столина, С. Р. Панталева группы здоровых детей

В результате проведенного статистического анализа данных с использованием т-критерия Стьюдента были получены следующие результаты:

- установлены статистически значимые различия между группами детей инвалидов и здоровых детей по параметрам закрытости, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения. На основании имеющихся эмпирических данных можно судить о том, что дети с нарушениями двигательной сферы более закрыты, имеют более выраженные внутренние конфликты и более склонны к самообвинению, однако дети инвалиды в сравнении со здоровыми детьми менее привязаны к самим себе;
- выявленные показатели характерные для детей с нарушениями двигательной сферы, согласно данным эмпирического исследования, являются их психологическими особенностями;
- не было установлено статистически значимых различий по параметрам самоуверенности, саморуководства, отраженного самооотношения, самооценности и самопринятия между двумя исследуемыми группами. Это значит, что не существует психологических особенностей детей инвалидов по данным параметрам.

В результате исследования выборки с нарушениями двигательной сферы по методике «Тест цветоуказания неудовлетворенности собственным телом» установлено следующее:

- по параметру CAPT Score 1, который включает удовлетворенность областью живота, верхней третью бедра, ягодицы, нижней частью бедра крайне не удовлетворены 33 % детей; не удовлетворены 12 % опрошенных; нейтрально относятся к этим частям тела 31 % респондентов; в целом удовлетворены 7 % опрошенных; весьма удовлетворены 17 % респондентов;
- по параметру CAPT Score 2, который включает в себя удовлетворенность остальными частями тела, за исключением генитальной области, т. е. волосы, лицо, ступни, голени, кисти рук, предплечье, плечо, плечевой пояс, грудь (грудная клетка) и верхняя часть живота, установлено, что крайне не удовлетворены 18 % детей; не удовлетворены 16 % опрошенных; нейтрально относятся к этим частям тела 22 % респондентов; в целом удовлетворены 22 % опрошенных; весьма удовлетворены 22 % респондентов.

В результате исследования выборки детей без нарушений двигательной сферы установлено следующее:

- по параметру CAPT Score 1, который включает удовлетворенность областью живота, верхней третью бедра, ягодицы, нижней частью бедра крайне не удовлетворены 3 % детей; не удовлетворены 16 % опрошенных; нейтрально относятся к этим частям тела 24 % респондентов; в целом удовлетворены 33 % опрошенных; весьма удовлетворены 24 % респондентов

– по параметру CAPT Score 2, который включает в себя удовлетворенность остальными частями тела, за исключением генитальной области, т. е. волосы, лицо, ступни, голени, кисти рук, предплечье, плечо, плечевой пояс, грудь (грудная клетка) и верхняя часть живота, установлено, что крайне не удовлетворены 3 % детей; не удовлетворены 13 % опрошенных; нейтрально относятся к этим частям тела 37 % респондентов; в целом удовлетворены 24 % опрошенных; весьма удовлетворены 23 % респондентов

Далее проведен статистический анализ данных с использованием т-критерия Стьюдента с целью изучения статистической значимости различий в параметрах методики «Тест цветоуказания неудовлетворенности собственным телом» между выборками детей с нарушениями двигательной сферы и здоровых детей. Установлены статистически значимые различия по параметру CAPT Score 2 методики «Тест цветоуказания неудовлетворенности собственным телом», что в свою очередь означает, что между выборками детей с нарушениями двигательной сферы и здоровых людей имеются различия. И более низкая удовлетворенность образом собственного Я по параметру CAPT Score 2, включающего удовлетворенность остальными частями тела, за исключением генитальной области, т. е. волосы, лицо, ступни, голени, кисти рук, предплечье, плечо, плечевой пояс, грудь (грудная клетка) и верхней части живота является психологической особенностью выборки детей с нарушениями двигательной сферы.

Рассмотрим результаты исследования по методике Опросник образа собственного тела (О. А. Скугаревский и С. В. Сивуха), полученные в ходе эмпирического исследования. Представим результаты исследования в виде таблицы 1.

Таблица 1 – Результаты исследования по методике Опросник образа собственного тела (О. А. Скугаревский и С. В. Сивуха)

Исследуемая выборка	Уровень удовлетворенности своим телом		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Дети с нарушениями двигательной сферы	21	18	11
Здоровые дети	14	12	24

Согласно данным, полученным в ходе эмпирического исследования, можно утверждать следующее:

– для группы детей с нарушениями двигательной сферы низкий уровень удовлетворенности своим телом характерен в большинстве случаев и выявлен у 42 % опрошенных; средний уровень удовлетворенности своим телом выявлен у 36 % детей; высокий уровень удовлетворенности своим телом установлен у 22 % респондентов;

– для группы здоровых детей низкий уровень удовлетворенности своим телом характерен в 28 % случаев; средний уровень удовлетворенности своим телом выявлен у 24 % опрошенных; высокий уровень удовлетворенности образом своего Я установлен у большинства респондентов (48 %).

В результате изучения статистической значимости различий между выборками и выявления психологических особенностей детей с нарушениями двигательной сферы, было установлено, что существуют статистически значимые и достоверные различия в уровне удовлетворенности собственным Я и собственным телом по параметрам опросника образа собственного тела. Это значит, что более низкая удовлетворенность образом собственного тела является психологической особенностью детей с нарушениями двигательной сферы, находящихся на медицинской реабилитации.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов исследования в психопросветительской и психопрофилактической деятельности по проблемам патологии опорно-двигательного аппарата. Полученные теоретические и эмпирические

данные могут быть применены специалистами в практике психологического консультирования, сопровождения медицинской реабилитации детей с заболеваниями двигательной сферы.

Список использованных источников

1 Брутман, В. И. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В. И. Брутман, М. С. Радионова // Вопросы психологии. – 1997. – № 7. – С. 38–47.

2 Дмитриевская, Н. Ф. Особенности самооценки как структурного компонента внутренней картины речевого дефекта у младших школьников с общим недоразвитием речи / Н. Ф. Дмитриевская // Коррекционная педагогика. – 2014. – № 2. – С. 31–34.

3 Лисина, М. И. Общение ребенка со взрослым как деятельность / М. И. Лисина. – М. : Просвещение, 2004. – 76 с.

К. С. Линкова

Научный руководитель: А. Н. Редюк

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

СТИЛИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОПФР

В статье разъясняется, что нарушения стилей семейного воспитания и эмоциональной сферы младших школьников приводят к склонности к отклоняющемуся поведению. Приводятся данные эмпирического исследования, реализованного на базе ГУО «Средняя школа № 75 г. Гомеля», учащихся интегрированного класса 8 мальчиков и 10 девочек в возрасте 7–9 лет на основе методик «Лесенка» в модификации В. Г. Щур, «Эмоциональная цветопись» А. Н. Лутошкина, «Кактус» и опросника эмоциональных отношений в семье Е. И. Захаровой

Ключевые слова: семейное воспитание, эмоциональная сфера, младший школьный возраст, дети с ОПФР, склонность к отклоняющемуся (девиантному) поведению.

Актуальность проблемы исследования обусловлена тем, что в настоящее время негативные тенденции общественного развития, нестабильность социально-экономической ситуации в обществе вызывают значительный рост асоциальных проявлений, особенно среди молодежи и несовершеннолетних.

Социальным фактором отклоняющегося поведения детей является негативное поведение ближайшего окружения, в том числе нарушение семейных отношений.

Современная семья является важнейшей социальной средой формирования личности и ключевым институтом психологической поддержки и воспитания в детском возрасте. Однако педагогическая некомпетентность родителей и выбор неконструктивных стилей семейного воспитания могут оказывать негативное влияние на развитие ребенка.

Стили семейного воспитания определяются как совокупность методов, приемов воспитания ребенка в семье. Многие ученые сходятся в признании патогенного влияния нарушенных внутрисемейных отношений на развитие личности ребенка и особенностей его общения с окружающими.

Семейное воспитание ребенка с ОПФР значительно варьирует. К факторам, влияющим на семейное воспитание, прежде всего, относятся:

- характер и степень выраженности нарушений у ребенка, их необратимость, длительность и внешние проявления;
- личностные особенности родителей, их ценностные ориентации, традиции, установки;

– социальная среда, экономические и другие внешние условия, которые препятствуют или способствуют реализации родителями своих воспитательных задач.

Однако наиболее значимым фактором, влияющим на семейное воспитание ребенка с ОПФР, является эмоциональное принятие либо отвержение ребенка родителями. В том случае, если родители принимают ребенка, то его дефект заставляет их как приспосабливаться к особенностям ребенка, так и адаптировать его к окружающей жизни и к своим требованиям.

На сегодняшний день эмоциональная сфера личности глубоко, всесторонне изучена и представлена в трудах как зарубежных, так и отечественных психологов. Под эмоциональной сферой личности понимается характеристика индивидуальности человека, включающая в себя такие феномены, как эмоции, чувства, тревожность, эмоциональные состояния, эмоциональные явления, эмоциональность, мотив, потребность и др., т. е. является наиболее широким понятием [1, с. 268].

По мнению П. К. Анохина, эмоции представляют собой физиологическое состояние организма, имеющее ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий и переживаний до высоких форм радости и социального жизнеощущения [1, с. 269].

Таким образом, на основании обзора существующих теорий эмоций можно заключить, что эмоциональная сфера человека представляет собой широкий спектр его переживаний и чувств. Она выполняет ряд функций, таких как стимулирующая, регуляторная, устранение информационного дефицита, основной среди которых является оценочная. Эмоциональная сфера состоит из эмоциональных переживаний и чувств.

Проведенный анализ литературных источников показывает, что в области специальной психологии и педагогики имеется достаточно сведений об особенностях развития эмоциональной сферы младших школьников с ОПФР. Эмоциональное развитие детей с ОПФР определяется рядом общих с нормой закономерностей. В то же время ему присущи специфические закономерности. Недоразвитие познавательной деятельности у детей с ОПФР нарушает когнитивные механизмы, которые участвуют в процессе формирования эмоций и их регуляции. Низкий уровень идентификации и восприятия эмоций обусловлен недостаточно сформированным эмоциональным опытом, слабостью эмоциональной рефлексией, недостаточной перцептивной чувствительностью при социальных контактах.

Однако, несмотря на достаточно широкий круг исследований по изучаемой проблеме, отмечается недостаток работ, раскрывающих особенности стилей семейного воспитания и эмоциональной сферы у младших школьников с ОПФР, склонных к отклоняющемуся поведению.

Теоретический анализ проблемы актуализировал проведение эмпирического исследования. В выборку были включены 8 мальчиков и 10 девочек в возрасте 7–9 лет, учащиеся 2 «Ж» класса государственного учреждения образования «Средняя школа № 75 г. Гомеля». В качестве психодиагностического инструментария были применены методики «Лесенка» в модификации В. Г. Щур, «Эмоциональная цветопись» А. Н. Лутошкина, «Кактус» и опросник эмоциональных отношений в семье Е. И. Захаровой. Показатели всех шкал методик были приведены к 100-балльной системе.

В результате анализа школьной документации, беседы с педагогом 2 «Ж» класса, педагогом-психологом, социальным педагогом были выделены две группы детей с ОПФР: со склонностью к девиантному поведению (8 человек) и дети, у которых не выражена склонность к девиантному поведению. Склонность к девиантному поведению у детей с ОПФР проявляется в агрессивных действиях, недисциплинированности и протестном поведении.

В ходе исследования были оценены параметры эмоционального взаимодействия матери и ребенка, объединенных в три блока.

Блок I – чувствительность:

- способность воспринимать состояние ребенка;
- понимание причин его состояния;
- способность к сопереживанию.

Блок II – эмоциональное принятие:

- чувства, возникающие во взаимодействии;
- безусловное принятие;
- отношение к себе как родителю;
- преобладающий эмоциональный фон взаимодействия.

Блок III – поведенческие проявления эмоционального взаимодействия:

- стремление к телесному контакту;
- оказание эмоциональной поддержки;
- ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия;
- умение воздействовать на состояние.

Наглядно результаты представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Эмоциональное взаимодействие родителя с ребенком в двух группах младших школьников (%).

Обобщив результаты по трем шкалам, которые входят в блок «чувствительность» (способность воспринимать состояние ребенка; понимание причин его состояния; способность к сопереживанию) было установлено, что для родителей младших школьников с ОПФР, которые не склонны к девиантному поведению, характерно наличие способности к пониманию причин состояния детей, развито умение сопереживать ребенку. Такой родитель адекватно оценивает даже отрицательные эмоциональные проявления ребенка. Для 90 % родителей характерен высокий уровень эмоционального взаимодействия. Для родителей младших школьников с ОПФР, которые склонны к девиантному поведению, характерно наличие низкого и среднего уровня развития способности к пониманию причин состояния детей, неразвито умение сопереживать ребенку. Такой родитель неадекватно оценивает даже отрицательные эмоциональные проявления ребенка. Только для 12 % родителей характерен высокий уровень эмоционального взаимодействия.

Обобщив результаты по шкалам, которые входят в блок «эмоциональное принятие» (чувства, возникающие во взаимодействии, безусловное принятие; отношение к себе как родителю; преобладающий эмоциональный фон взаимодействия), было установлено, что для большинства родителей, воспитывающих детей с ОПФР, склонных к девиантному поведению, характерны признаки отрицательного отношения к себе как к родителю, непринятия ребенка и негативного фона эмоционального взаимодействия. Безусловное принятие предполагает дифференциацию родителем личности ребенка и его поведения. Отрицательная оцен-

ка и осуждение родителем конкретных поступков и действий ребенка не влечет за собой отрицания его эмоциональной значимости и снижения самооценности его личности для родителя. Такой тип эмоционального отношения наиболее благоприятен для развития личности ребенка, поскольку обеспечивает полное удовлетворение потребностей ребенка в безопасности, любви, заботе и в аффилиации в отношениях с родителями. Однако родители детей с ОПФР, склонных к девиантному поведению, его применяют крайне редко.

Обобщив результаты по шкалам, которые входят в блок «поведенческие проявления эмоционального взаимодействия», было установлено, что для большинства родителей детей с ОПФР, склонных к девиантному поведению, характерно отсутствие или низкий уровень проявления стремления к телесному контакту с ребенком, родители не ориентируются на эмоциональное состояние ребенка при построении взаимодействия с ним. Этот тип поведения препятствует демонстрации ребенку готовности родителя быть рядом, разделить трудности, оказать эмоциональную поддержку. Обладая невысоким уровнем эмпатии, родители слабо ориентируются на состояние ребенка при построении взаимодействия, что создает условия для эмоционального неблагополучия младшего школьника.

Результаты диагностического исследования по методике В. Г. Щур «Лесенка» показали, что в группе младших школьников с ОПФР, склонных к девиантному поведению, у большинства детей выявлена заниженная самооценка (у 63 %). Дети с низкой самооценкой имеют большие трудности в анализе своего опыта, рефлексии жизни, а также событий из жизни других людей. Для детей оказываются специфичны проявление пассивности, избегания более сложных заданий, неуверенность в себе. Именно подобные особенности оказывают выраженное негативное влияние на специфику поведения и развитие личности детей.

Среди детей с ОПФР, которые не склонны к девиантному поведению, чаще выявляется адекватная либо завышенная самооценка. У детей с адекватной самооценкой выражено положительное отношение к себе и своей деятельности, критическое отношение к своим качествам и поступкам, способность оценить их как хорошие либо плохие. Адекватная самооценка проявляется у ребенка в случае, когда у него сформировано положительное отношение к себе, он умеет оценивать себя и свою деятельность: «Я хороший, потому что я помогаю маме», «Я хороший, потому что мне мама так говорит», «Я помогаю детям и делюсь конфетами, поэтому я хорошая». Для данного возрастного периода такие варианты ответов наиболее приемлемы и желательны. Адекватная самооценка свидетельствует об адекватном оценивании ребенком своих способностей, достижений, своей ценности. Дети склонны оказывать помощь другим детям, отличаются общительностью и дружелюбием.

Группа с завышенным уровнем самооценки переоценивает свои возможности, результаты деятельности, личностные качества. С легкостью берутся за то, что им явно не по силам, дают невыполнимые обещания и очень некритично относятся к неудаче, некачественному выполнению задания. Все это дополняется повышенной критичностью по отношению к другим. Очень часто такие дети неглубоки и ориентируются на внешние моменты деятельности людей, и часто их характеризует высокомерие, чрезмерная самоуверенность, бестактность, отсутствие чувства дистанции.

Несколько хуже получены результаты при необходимости объяснить, почему ребенок поставил себя на ту или иную ступеньку. Многие дети затруднялись обосновать свой ответ. Часто ссылались на мнение взрослых (родителей или воспитателя). Например, «мама говорит, что я хороший, значит поставлю себя на верхнюю ступеньку». Это свидетельствует о том, что у детей самооценка формируется под влиянием оценок значимых взрослых. Задание дети выполняли с интересом и активно. Большинство детей смогли оценить себя на высоком уровне, поэтому в целом по группе выявлены высокие показатели самооценки.

Наглядно данные представлены на рисунке 2.

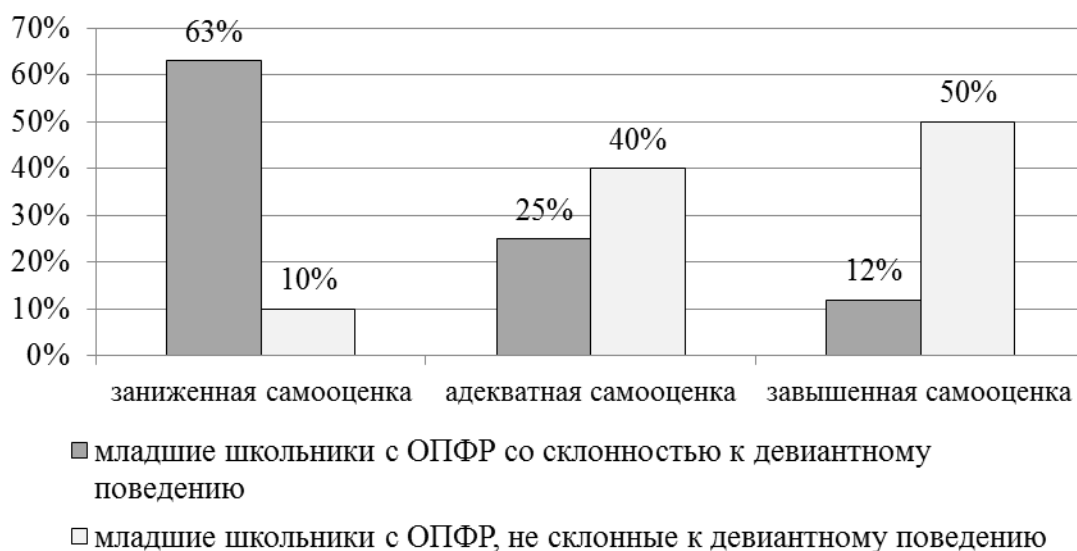

Рисунок 2 – Показатели самооценки в двух группах младших школьников (%)

Результаты диагностического исследования по методике «Цветопись» показали, что в группе младших школьников с ОПФР, склонных к девиантному поведению, у большинства детей выявлено неблагоприятное эмоциональное состояние. Поскольку среди предложенных цветов они в основном выбирали темные неяркие цвета.

На заключительном этапе исследования оценивались показатели проективной методики «Кактус». В итоге у детей с ОПФР, склонных к девиантному поведению в рисунках были выявлены следующие показатели эмоционального неблагополучия: агрессия – наличие иголок, особенно их большое количество. Сильно торчащие, длинные, близко расположенные друг к другу иголки отражают высокую степень агрессивности; импульсивность – отрывистые линии, сильный нажим; зависимость, неуверенность – маленький рисунок внизу листа; скрытность, осторожность – расположение зигзагов по контуру или внутри кактуса; тревога – использование темных цветов, преобладание внутренней штриховки, прерывистые линии; интровертированность – изображен только один кактус; стремление к одиночеству – изображен дикорастущий кактус, пустынный кактус.

На основании данных проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. У младших школьников, склонных к девиантному поведению, выявлены нарушения стилей семейного воспитания. В частности, для родителей младших школьников с ОПФР, которые склонны к девиантному поведению, характерно наличие низкого и среднего уровня развития способности к пониманию причин состояния детей, развито умение сопереживать ребенку. Такой родитель неадекватно оценивает даже отрицательные эмоциональные проявления ребенка. Для большинства родителей, воспитывающих детей с ОПФР, склонных к девиантному поведению, характерны признаки отрицательного отношения к себе как к родителю, неприятия ребенка и негативного фона эмоционального взаимодействия.

2. У младших школьников с ОПФР, склонных к девиантному поведению, выявлены нарушения эмоциональной сферы, что проявляется в негативном эмоциональном отношении к собственной личности, повышенной агрессивности и импульсивности, тревожности, замкнутости, неуверенности преобладающем негативном фоне настроения.

На основании полученных результатов исследования актуальной является разработка рекомендаций по оптимизации стилей семейного воспитания и эмоционального состояния младших школьников с ОПФР, склонных к девиантному поведению.

Список использованных источников

1 Анохин, П. К. Эмоции / П. К. Анохин // Психология эмоций / Авт.-сост. В. Вилюнас. – СПб. : Питер, 2007. – 496 с.

С. С. Мисюкевич

Научный руководитель: А. Е. Журавлева

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ СКЛОННОСТИ К БЕЗНАДЕЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

В статье рассматриваются проблемы изучения склонности к безнадежности у подростков в научной психологической литературе. Приводятся данные проведенного эмпирического исследования особенностей склонности к безнадежности у подростков и юношей с нарушением слуха. Анализируются результаты исследования.

Ключевые слова: нарушение слуха, безнадежность, подростки, юноши, социализация, социальная депривация.

Многие психологи и сурдопедагоги отмечают, что для подростков с нарушением слуха характерным является недостаток речевых средств для описания особенностей личности людей, их эмоциональных проявлений, а также им свойственны контрастные оценки качеств личности. Это способствует снижению у неслышащих тенденций развития морально-этических представлений, социально-эмоциональной зрелости, осознания своего отношения к другим и самим себе, своего места в группе сверстников и в социуме.

Отставание в овладении словесной речью у подростков с нарушением слуха приводит к ограничениям социальных контактов, появлению фрустрации. Невозможность сообщить планы на будущее, описать события внутренней жизни, обсудить возникающие проблемы приводит к замыканию в себе, к трудностям социальных взаимодействий [1].

Специалистами установлено, что существует прямая зависимость между самоубийством и потерей социального статуса. Для подростков, находящихся в состоянии кризиса, принципиальными факторами является подавляющая важность неразрешимой проблемы и чувство беспомощности, безнадежности [5].

Феномен безнадежности является психологическим параметром, лежащим в основе психической дезорганизации. В исследованиях психоэмоционального фона у подростков А. А. Кирпиченко, А. Н. Барышев выявили, что безнадежность является важным показателем риска совершения суицидального акта. Безнадежность включает в себя следующие параметры: ощущение беспомощности и пессимистические установки [3].

По мнению Е. М. Вроно, подростки часто переживают такие проблемы как невозможность преодолеть трудности, бесконечность несчастья, невыносимость грусти и одиночества. При этом они вынуждены бороться с беспомощностью, бессилием и с безнадежностью.

Вместе с тем, в подростковом возрасте ребенок старается доказать свою самостоятельность, независимость, проявляет оппозиционное поведение по отношению к взрослым. К сожалению, такая оппозиционность и стремление доказать свою самостоятельность могут проявляться в попытках самоубийства [4].

Состояния депрессии, подавленности и тревоги могут привести к возникновению суицидального поведения. Среди признаков подростковой депрессии подростков могут быть печаль, ощущение бессилия, нарушения сна и аппетита, снижение веса и соматические жалобы, страхи, неудачи и снижение интереса к учебе, чувство неполноценности или отвергну-

тости, чрезмерная самокритичность, замкнутость, беспокойство, агрессивность и низкая устойчивость к фрустрации [2].

С целью изучения особенности склонности к депрессии и безнадежности подростков, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 54 респондента с нарушением слуха в возрасте 12–19 лет (31 подросток и 23 юноши и девушки), из них мальчики (юноши) – 53,7 %, девочки (девушки) – 46,3 %. Исследование проходило на базе ГУО «Специальная общеобразовательная школа № 70 г. Гомеля для учащихся с нарушением слуха». В качестве методического инструментария была использована «Шкала безнадежности А. Т. Бека».

Результаты исследования склонности подростков с нарушением слуха к депрессии и безнадежности, полученные с помощью методики «Шкала безнадежности А. Т. Бека», представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты по методике «Шкала безнадежности А. Т. Бека»

Группы	Количество испытуемых	Безнадежность			
		не выявлена	легкая	умеренная	тяжелая
Подростки	31	64,5 %	35,5 %	–	–
Юноши	23	52,2 %	47,8 %	–	–

Представим данные в таблице 1 в графическом виде диаграммы.

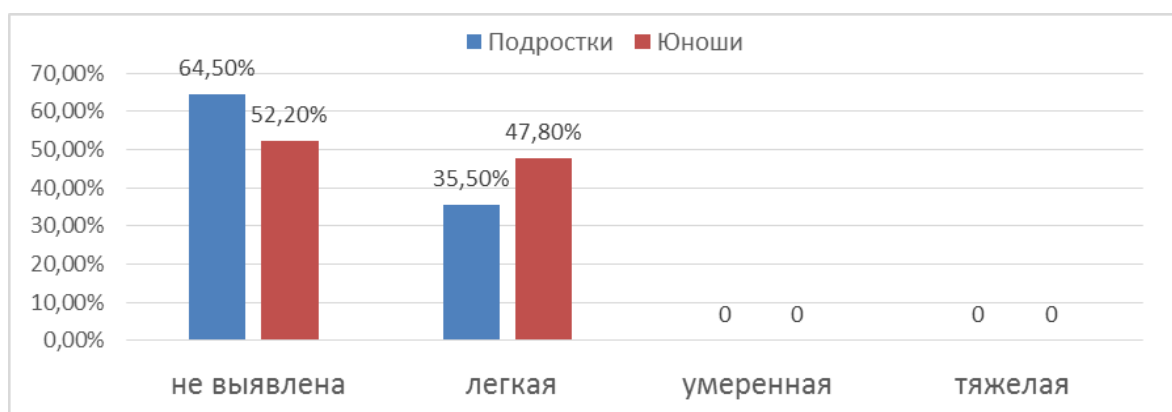

Рисунок 1 – Результаты исследования уровня безнадежности у подростков и юношей с нарушением слуха, в %

Согласно анализу данных, отраженных на рисунке 1 и представленных в таблице 1, можно заключить следующее:

– у 64,5 % подростков и 52,2 % юношей безнадежность не выявлена, они хорошо оценивают будущее, адекватно воспринимают проблемы и трудные жизненные ситуации, имеют осознанное отношение к жизненным целям и перспективам;

– 35,5 % подростков и 47,8 % юношей имеют легкую степень безнадежности, время от времени испытывают трудности в решении тех или иных жизненных ситуаций, что вызывает негативную оценку будущего:

– подростки и юноши с умеренной безнадежностью и тяжелой выявлены не были.

Далее с помощью U-критерия Манна-Уитни для оценки достоверности различий был проведен сравнительный анализ значений, полученных в результате исследования по методике «Шкала безнадежности А. Т. Бека» между подростками и юношами с нарушением слуха. Результат математико-статистической обработки данных со значениями критерия представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты оценки достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни подростков и юношей с нарушением слуха по результатам методики «Шкала безнадежности А.Т. Бека»

Безнадежность	Количество человек		U _{эмп}	Uкр		Зона значимости
	подростки	юноши		при p≤0,01	при p≤0,05	
Не выявлена	20	12	108	60	77	незначима
Легкая	11	11	49,5	25	34	незначима

По результатам статистического анализа выявлено, что статистически значимых различий не обнаружено, так как полученные эмпирические значения U_{эмп} (108) и U_{эмп} (49,5) находятся в зоне незначимости.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить особенности склонности к депрессии и безнадежности подростков и юношей с нарушением слуха. Среди респондентов с нарушением слуха преобладают подростки и юноши, у которых безнадежность не выявлена. Отсутствие безнадежности и ее легкая степень являются состояниями нормы.

Список использованных источников

1 Мушастая, Н. В. Роль семьи в формировании самооценки у детей с нарушением слуха / Н. В. Мушастая, И. В. Данченко // Российский психологический журнал. – 2015. – Т. 12, № 2. – С. 6–16.

2 Сакович, Н. А. Причины и мотивы суицидального поведения у детей и подростков / Н.А. Сакович // Пси-Фактор. Суицидальное поведение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://psyfactor.org/lib/suicide4.htm> – Дата доступа: 18.02.2022.

3 Шаров, А. А. Особенности психодиагностики суицидального риска у подростков / А. А. Шаров // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://human.snauka.ru/2016/02/14032> Дата доступа: 04.06.2022.

4 Шарыпова, О. А. Раннее выявление склонности суицидального поведения у несовершеннолетних / сост. О. А. Шарыпова, К. А. Ковалев, Р. М. Щербич // Ханты-Мансийская психоневрологическая больница. Методические рекомендации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://hmkpnb.ru/news/1786/?sphrase_id=3984 – Дата доступа: 21.05.2022

5 Шелехов, И. Л. Суицидология: учебное пособие / И. Л. Шелехов, Т. В. Каштанова, А. Н. Корнетов, Е. С. Толстолес – Томск: Сибирский государственный медицинский университет, 2011. – 203 с.

Е. Ю. Николайчик

Научный руководитель: И. В. Сильченко, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ БЕЗНАДЕЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У ИНВАЛИДОВ ПО ЗРЕНИЮ

В статье приведены результаты эмпирического исследования характера связи социально-психологической адаптации и безнадежности у людей с инвалидностью. В ходе корреляционного анализа выявлены обратная взаимосвязь между адаптивностью, приятием себя,

эмоциональным комфортом и уровнем безнадежности. Доказана эффективность коррекционно-развивающей программы.

Ключевые слова: лица с инвалидностью, безнадежность, социально-психологическая адаптация, принятие себя и других, эмоциональный комфорт, интернальность.

Несмотря на актуальность поиска факторов и коррелятов социально-психологической адаптации людей с инвалидностью в современной психологической литературе эта проблема изучена недостаточно.

Известно, что позиция человека по отношению к своей инвалидности, а также окружающая его социальная среда и его отношение к ней становятся существенно важными факторами успешности его адаптации [3, с. 4]. В связи с этим определение характера связи между социально-психологической адаптацией и состоянием безнадежности у инвалидов по зрению поможет наметить пути повышения ее уровня.

В проведенном исследовании приняли участие 60 инвалидов по зрению в возрасте от 18 до 35 лет. Параметры социально-психологической адаптации получены с помощью методики диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда (в адаптации А. К. Осницкого). Уровень безнадежности определялся с помощью шкалы безнадежности А. Бека.

Безнадежность разной степени выявлена у 80 % респондентов. Из них тяжелую степень безнадежности имеют 27 %, среднюю – 30 %, и легкую – 23 %.

Инвалидов с безнадежностью отличают негативные ожидания относительно ближайшего и отдаленного будущего, неуверенность в достижимости целей, отсутствие веры в успех и разрешимость собственных проблем. У этой категории лиц сформировался негативный образ себя, негативный образ своего функционирования в настоящем и негативный образ будущего. Они сомневаются в способности нравиться противоположному полу. Считают, что лишены индивидуальности, недооценивают себя. Для них характерна повышенная тревожность, напряженность. Испытывают трудности в принятии решения, а после его принятия сомневаются в его правильности. Чувствуют, что не в силах изменить что-то в своей жизни.

Анализ показателей социально-психологической адаптации показал, что 60 % инвалидов по зрению имеют низкий уровень адаптивности, особенно по шкалам «принятие себя», «принятия других» и «эмоциональный комфорт».

Для выявления взаимосвязи была проведена статистическая обработка данных с помощью метода ранговой корреляции Спирмена (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты статистической обработки данных с помощью коэффициента корреляции Спирмена

Связываемые шкалы	rs (уровень значимости)	Вид взаимосвязи
Адаптивность – безнадежность	-0,492, $\rho \leq 0,01$	обратная
Принятие себя – безнадежность	-0,508, $\rho \leq 0,01$	обратная
Эмоциональный комфорт – безнадежность	-0,621, $\rho \leq 0,01$	обратная

Анализ данных, представленных в таблице, показал наличие следующих видов взаимосвязей:

– обратная взаимосвязь между адаптивностью и уровнем безнадежности ($rs = -0,492 >$ при $\rho \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем выше уровень безнадежности у лиц с нарушением зрения, тем ниже уровень безнадежности, тем выше уровень адаптивности;

– обратная взаимосвязь между принятием себя и уровнем безнадежности ($rs = -0,508 >$ при $\rho \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи означает, что чем выше уровень безнадежности у лиц с нарушением зрения, тем ниже уровень принятия себя и наоборот, чем ниже уровень безнадежности, тем выше уровень принятия себя;

– обратная взаимосвязь между эмоциональным комфортом и уровнем безнадежности ($r_s = -0,621 >$ при $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, с повышением уровня безнадежности снижается уровень эмоционального комфорта у лиц с нарушением зрения, и наоборот, чем ниже уровень безнадежности, тем выше уровень эмоционального комфорта у этой категории лиц.

Полученные результаты эмпирического исследования показали необходимость оказания психологической помощи лицам с нарушениями зрения, а также объективизировали миссию коррекционно-развивающей работы – преодоление чувства безнадежности. На основании этого была разработана коррекционно-развивающая по преодолению чувства безнадежности и, как следствие – повышению уровня социально-психологической адаптации у молодых людей с нарушениями зрения. Концептуальную основу программы составили положения рационально-эмотивной терапии поведения А. Эллиса [4], когнитивной психотерапии А. Бека [1], и теории выученной беспомощности М. Селигмана [2], согласно которым все поведенческие и эмоциональные нарушения создаются негативным мышлением, поэтому основная задача психотерапии – изменить мышление молодых людей на оптимистическое, помочь им обрести чувство личного контроля и овладения ситуацией собственной жизни.

В процессе занятий у участников формировалось адекватное отношение к заболеванию, оказывалась помощь в преодолении психологических трудностей, обусловленных нарушением зрения. Основной акцент был сделан на развитие позитивного мышления, обучение уверенному поведению, отказ от образцов поведения в форме «выученной беспомощности», освоение образцов социального поведения, основанного на внутренней ответственности личности за собственную жизнь, овладение навыками саморегуляции, развитие стрессоустойчивости и улучшение эмоционального состояния. Все это способствовало развитию принятия себя, уверенности в себе, веры в собственные возможности, получение социальной поддержки.

С помощью G-критерия знаков выявлены статистически значимые сдвиги в показателях безнадежности у лиц с нарушением зрения из экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапе исследования: $G_{эмп} = 1 < G_{кр} = 2$ при $p \leq 0,01$ и $G_{эмп} = 1 < G_{кр} = 3$ при $p \leq 0,05$, т. е. сдвиг в сторону снижения уровня безнадежности после принятия участия в коррекционно-развивающей программе является неслучайным (при $p \leq 0,01$).

После участия в коррекционно-развивающей программе произошло повышение уровня социально-психологической адаптации, в экспериментальной группе отмечается повышение уровня адаптивности ($G_{эмп} = 0 < G_{кр} = 2$ при $p \leq 0,01$), принятия себя ($G_{эмп} = 0 < G_{кр} = 2$ при $p \leq 0,01$), принятия других ($G_{эмп} = 0 < G_{кр} = 2$ при $p \leq 0,01$), эмоционального комфорта ($G_{эмп} = 1 < G_{кр} = 2$ при $p \leq 0,01$), изменение локуса контроля с внешнего на внутренний ($G_{эмп} = 0 < G_{кр} = 2$ при $p \leq 0,01$), снизился уровень эскапизма ($G_{эмп} = 1 < G_{кр} = 2$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, сопоставление данных экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапе исследования и их статистический анализ позволил доказать эффективность предложенной коррекционно-развивающей программы преодоления чувства безнадежности и повышения уровня социально-психологической адаптации у лиц с нарушениями зрения.

Список использованных источников

- 1 Бек, А. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г. Эмери. – СПб. : Питер, 2003. – 304 с.
- 2 Зелигман, М. Как научиться оптимизму. Советы на каждый день / М. Зелигман. – М. : Вече, 1997. – 432 с
- 3 Черничкина, В. А. Социально-психологические проблемы инвалидов и основные стратегии их разрешения) : автореф. ... дис. канд. психол. наук : 19. 00.05 / В. А. Черничкина; ЯГУ им. П. Г. Демидова.– Ярославль, 2003. –27 с.
- 4 Эллис, А. Психотренинг по методу Альберта Эллиса / А. Эллис.– СПб. : Питер, 1999. – 221 с.

И. В. Чумак

Научный руководитель: Е. В. Самаль, канд. психол. наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ РЕБЕНКА С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В статье рассматриваются результаты изучения особенностей семей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. Проанализирована взаимосвязь родительского отношения с индексом жизненной удовлетворенности, уровнем общего здоровья и семейной тревогой родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра.

Ключевые слова: аутизм, родительское отношение, жизненная удовлетворенность, уровень общего здоровья, семейная тревога.

Постановка диагноза «аутизм» вызывает острый стресс у родителей, который в дальнейшем приобретает характер хронического семейного стресса. Многочисленные исследования, посвященные изучению семьи, воспитывающей ребенка с расстройством аутистического спектра, содержат указание на деформацию всей системы внутрисемейных отношений. Наиболее существенные изменения претерпевает родительское отношение к ребенку.

В исследовании А. А. Нестеровой и Н. А. Ковалевской [2] установлено, что у матерей аутичных детей достоверно чаще наблюдается отвержение и эмоциональное непринятие ребенка. В воспитании ребенка усиливается тревога, стремление привить ребенку «социально-приемлемые» формы поведения.

Помимо отвержения, непринятия могут проявляться и другие негативные чувства к ребенку. Так М. Д. Будаева отмечает, что в общении с ребенком родители проявляют большую эмоциональную дистанцию и излишнюю концентрацию на ребенке, «склонны к эмоциональному отвержению своего ребенка, авторитаризму и инфантилизации ребенка» [1, с. 11].

А. В. Цветков [3] отмечает, что в семье детей с расстройствами аутистического спектра чаще можно обнаружить эмоционально негативное отношение к ребенку, его непринятие и сверхконтроль.

Трудности взаимодействия между родителями и ребенком с аутизмом вызваны неоднозначностью эмоциональных реакций ребенка, противоречивым отношением к тактильному контакту, совместной деятельности. Матери и отцы не получают от ребенка необходимого подтверждения правильности своего родительского поведения, что затрудняет процесс общения с ребенком, вызывает неадекватную родительскую реакцию.

Целью исследования явилось выявление взаимосвязи родительского отношения с индексом жизненной удовлетворенности, уровнем общего здоровья и семейной тревогой родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. Исследование было проведено на базе МБОУ «Дети. Аутизм. Родители». В нем приняли участие 60 родителей, воспитывающих детей с РАС.

В качестве основных методик исследования были использованы:

- тест-опросник родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столина);
- индекс жизненной удовлетворенности (автор Н. В. Панина);
- опросник общего здоровья Д. Голдберга;
- методика «Анализ семейной тревоги» (Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис).

По результатам исследования определены особенности семей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра:

– неадекватное родительское отношение более всего проявилось в стремлении к симбиотическим отношениям (42 %), в то же время все родители в высокой степени сотрудничают со своим ребенком;

– у родителей, воспитывающих детей с РАС, преобладает низкая жизненная удовлетворенность (67 %), что выражается в низкой реализованности планов, негативном фоне настроения, отрицательной оценке себя и своих действий;

– 35 % родителей отличаются низким уровнем общего здоровья, который отражает их психологическое неблагополучие;

– среди показателей семейной тревоги более высокий уровень характерен для напряженности в семейных отношениях, которая выражается в ощущении, что выполнение семейных обязанностей представляет собой непосильную задачу для индивида; в целом семейная тревога не выражена у родителей.

Среди позитивных аспектов функционирования семей, воспитывающий ребенка с РАС, необходимо отметить высокую кооперацию с ребенком, невыраженную тенденцию к авторитарной гиперсоциализации ребенка, наличие семей с высоким уровнем здоровья, а также невысокую семейную тревогу.

Для выявления взаимосвязи родительского отношения с индексом жизненной удовлетворенности, уровнем общего здоровья и семейной тревогой родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра, был осуществлен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Анализ выявленных взаимосвязей показал, что существует статистически значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь показателя родительского отношения «Принятие-отвержение» и показателей жизненной удовлетворенности «Последовательность в достижении цели» ($R = -0,263$ при $p \leq 0,05$), «Согласованность между поставленными и достигнутыми целями» ($R = -0,435$ при $p \leq 0,001$), и положительная взаимосвязь с показателями вины ($R = 0,406$ при $p \leq 0,001$), напряженности ($R = 0,525$ при $p \leq 0,001$) и семейной тревоги ($R = 0,523$ при $p \leq 0,001$). Выявленные взаимосвязи позволяют утверждать, что, чем выше принятие ребенка, тем ниже удовлетворенность жизненными целями, их реализацией у родителей. При высоком принятии ребенка также повышаются показатели семейной тревоги. Стремление посвятить себя ребенку, быть для него всем, снижает чувство удовлетворенности собственной самореализацией, повышает напряженность в семейных отношениях, и как следствие, семейную тревогу. Родитель ощущает, что все равно делает что-то не так, и испытывает чувство вины.

Также была установлена статистически значимая положительная взаимосвязь показателя родительского отношения «Кооперация» и показателей общего уровня здоровья ($R = 0,556$ при $p \leq 0,001$) и тревожности ($R = 0,307$ при $p \leq 0,05$), и статистически значимая отрицательная взаимосвязь с показателями «Интерес к жизни» ($R = -0,256$ при $p \leq 0,05$), «Положительная оценка себя и собственных поступков» ($R = -0,361$ при $p \leq 0,01$) и индекс жизненной удовлетворенности ($R = -0,343$ при $p \leq 0,01$). Как мы видим, кооперация с ребенком также снижает жизненную удовлетворенность родителя, повышает уровень семейной тревоги, снижает психологическое благополучие родителя.

Определена положительная взаимосвязь симбиоза и таких показателей, как общий уровень здоровья ($R = 0,288$ при $p \leq 0,05$), тревожность ($R = 0,453$ при $p \leq 0,001$), напряженность ($R = 0,475$ при $p \leq 0,001$) и семейная тревога ($R = 0,521$ при $p \leq 0,001$). При тесных симбиотических отношениях с ребенком повышается семейная тревога, снижается уровень психологического самочувствия родителя.

Выявленные статистически значимые отрицательные взаимосвязи симбиоза и таких показателей, как интерес к жизни ($R = -0,581$ при $p \leq 0,001$), последовательность в достижении цели ($R = -0,521$ при $p \leq 0,001$), согласованность между поставленными и достигнутыми целями ($R = -0,625$ при $p \leq 0,001$), положительная оценка себя и собственных поступков ($R = -0,644$ при $p \leq 0,001$), общий фон настроения ($R = -0,511$ при $p \leq 0,001$), индекс жизненной удовлетворенности ($R = -0,677$ при $p \leq 0,05$) и вина ($R = -0,577$ при $p \leq 0,001$) позволяют утверждать, что при тесных

симбиотических отношениях с ребенком, снижается жизненная удовлетворенность родителя, но также уменьшается чувство вины. Можно сказать, что родитель жертвует своей самореализацией ради ребенка, для родителя важнее быть постоянно с ребенком, и это снижает уровень его вины перед ребенком.

Выявленные статистически значимые положительные взаимосвязи авторитарной гиперсоциализации и таких показателей, как вина ($R = 0,864$ при $p \leq 0,001$), тревожность ($R = 0,473$ при $p \leq 0,001$), напряженность ($R = 0,491$ при $p \leq 0,001$), семейная тревога ($R = 0,730$ при $p \leq 0,001$), и отрицательная взаимосвязь с показателями «Последовательность в достижении цели» ($R = -0,733$ при $p \leq 0,001$) и «Согласованность между поставленными и достигнутыми целями» ($R = -0,816$ при $p \leq 0,001$) позволяют утверждать, что стремление контролировать ребенка, пристально следить за его социальными достижениями, способствует повышению чувства вины у родителя, повышает семейную тревогу и снижает жизненную удовлетворенность.

Установленные статистически значимые положительные взаимосвязи инфантилизации с показателями вины ($R = 0,589$ при $p \leq 0,001$), тревожности ($R = 0,717$ при $p \leq 0,001$), напряженности ($R = 0,421$ при $p \leq 0,001$), семейной тревоги ($R = 0,617$ при $p \leq 0,001$), общего уровня здоровья ($R = 0,309$ при $p \leq 0,001$) и отрицательная взаимосвязь с показателями интереса к жизни ($R = -0,383$ при $p \leq 0,001$), последовательности в достижении цели ($R = -0,733$ при $p \leq 0,001$), согласованности между поставленными и достигнутыми целями ($R = -0,816$ при $p \leq 0,001$), положительной оценки себя и собственных поступков ($R = -0,595$ при $p \leq 0,001$), общего фона настроения ($R = -0,553$ при $p \leq 0,001$) и индекса жизненной удовлетворенности ($R = -0,659$ при $p \leq 0,001$) указывают на то, что стремление к инфантилизации ребенка также усиливает семейную тревогу, снижает уровень здоровья, снижает уровень жизненной удовлетворенности родителя.

Таким образом, родители, воспитывающие детей с расстройством аутистического спектра, отличаются негативным эмоциональным состоянием, более трети имеют низкий уровень общего здоровья. Родители отличаются невысокой жизненной удовлетворенностью. В родительском отношении проявляется склонность к тесным симбиотическим отношениям, в средней степени выражена авторитарная гиперсоциализация.

Проанализировав наиболее тесные взаимосвязи выявленных показателей, необходимо отметить, что симбиотические отношения с ребенком снижают жизненную удовлетворенность родителя, прежде всего положительную оценку себя и собственных поступков. Авторитарная гиперсоциализация способствует повышению вины и семейной тревоги, препятствует самореализации родителя. Инфантилизация наиболее негативно сказывается на жизненной удовлетворенности родителя, повышает уровень семейной тревоги.

Все выше сказанное указывает на то, что семья, воспитывающая ребенка с аутизмом, нуждается в комплексной социально-психологической реабилитации, где основной акцент должен быть сделан на повышении уровня психологического благополучия родителей, коммуникативной и педагогической компетентности родителей, на коррекции неадекватного родительского отношения. Психологическая работа с родителями должна содействовать их личностному и социальному развитию, формированию навыков социальной активности и конструктивности.

Список использованных источников

1 Будаева, М. Д. Исследование поведенческого компонента самосознания родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии / М. Д. Будаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 5. – С. 7–12.

2 Нестерова, А. А. Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра / А. А. Нестерова, Н. А. Ковалевская // Вестник МГОУ. Серия : Психологические науки. – 2015. – № 3. – С. 38–46.

3 Цветков, А. В. Нейропсихология аутизма и депрессии / А. В. Цветков. – М. : Спорт и культура-2000, 2015. – 96 с.

СЕКЦИЯ 9 ПСИХОЛОГИЯ ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ

Доклады аспирантов, магистрантов и студентов

М. С. Аврошко

Научный руководитель: Т. В. Тратинко
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению выбора копинг-стратегий подростками. Автором приводятся данные эмпирического исследования гендерных особенностей выбора копинг-стратегий в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, копинг-стратегии, выбор копинг-стратегий.

Актуальность исследования выбора копинг-стратегий подростками обусловлена социально-экономическими, культурными, политическими изменениями, происходящими в настоящее время в обществе. В результате экономических и социальных перемен возрастает эмоциональный дискомфорт подростков, их внутренняя напряженность. Особенно ярко это проявляется при общении с близкими. Формирование копинг-стратегий и их активное развитие происходит в подростковом возрасте в условиях эмоционально значимых взаимоотношений со сверстниками и взаимодействия с родителями. Подростки при решении задач по преодолению стрессов используют не только свои личные способы совладания (копинг-стратегии), но и опыт своих родителей (или взрослых, замещающих их) для уменьшения тревоги, получения чувства безопасности и адаптации в обществе.

В этот возрастной период подростки активно включаются во взрослую жизнь и соответственно сталкиваются с новыми трудностями, которые им предстоит преодолеть. При разрешении трудных жизненных ситуаций подросток может предпочесть некоторые копинг-стратегии, другие же вовсе не использовать. В результате формируется индивидуальный стиль совладающего поведения, то есть определенный набор копинг-стратегий, который он использует при возникновении проблемных ситуаций.

Наиболее предпочитаемыми способами борьбы со стрессом у подростков являются стратегии, направленные на абстрагирование от ситуации путем ухода в развлечения или в работу, применение агрессии (физической или вербальной), отреагирование эмоций, а также стратегии сотрудничества со взрослыми. Выбор способа совладания с ситуацией во многом зависит от личностных особенностей подростка. Кроме того, специфика применения конкретной копинг-стратегии зависит от ситуации, в которую попал подросток. Основными стрессогенными факторами у подростков считают: семейный микроклимат (конфликты в семье), отношения со сверстниками и положение подростка в референтной группе, взаимоотношения со значимыми взрослыми (конфликт с учителем или тренером), проблемы со здоровьем или трудности в учебной деятельности.

Несмотря на большое количество исследований вопросов совладания со стрессовыми и критическими ситуациями в подростковом возрасте, на сегодняшний день недостаточно изучены гендерные особенности выбора копинг-стратегий у подростков. В связи с этим возникла необходимость в проведении новых исследований, поскольку с меняющимися условиями социализации меняются и особенности самого подросткового возраста. Эмпирическое исследование гендерных особенностей выбора копинг-стратегий в подростковом возрасте

проводилось на базе гимназии № 39 г. Минска. В исследовании приняли участие ученики 8–9 классов в возрасте 14–16 лет. Выборку исследования составили 40 респондентов, из них 20 девочек и 20 мальчиков.

Гипотеза исследования заключалась в том, что существуют гендерные различия выбора копинг-стратегии в подростковом возрасте.

Исследование проводилось в несколько этапов:

- организационный этап эксперимента – выбор диагностических методик, формирование выборки испытуемых;
- исследовательский этап – исследование гендерных особенностей выбора копинг-стратегий в подростковом возрасте;
- аналитический этап эксперимента – качественный анализ данных, сравнительный анализ результатов.

Для определения гендерных особенностей выбора копинг-стратегии в подростковом возрасте был использован опросник для диагностики копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкман (адаптация Л. И. Вассермана).

Результаты опроса группы девочек и мальчиков по опроснику для диагностики копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкман (адаптация Л. И. Вассермана) представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты опроса группы девочек и мальчиков по опроснику для диагностики копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкман (адаптация Л. И. Вассермана), %

Показатель	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень	
	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики
Конфронтационный копинг	15	25	20	25	65	50
Дистанцирование	15	15	20	35	60	50
Самоконтроль	5	0	65	30	30	70
Поиск социальной поддержки	30	0	50	45	20	55
Принятие ответственности	30	10	50	35	20	55
Бегство-избегание	10	25	25	45	65	30
Планирование решения проблемы	10	5	25	30	65	65
Положительная переоценка	0	0	40	20	60	80

Исходя из данных, представленных в таблице 1, у 65 % девочек низкий уровень конфронтационного копинга, у 20 % девочек – средний, у 15 % девочек – высокий. Тогда как среди мальчиков низкий уровень конфронтационного копинга наблюдается у 50 %, средний – у 25 % мальчиков, высокий – у 25 % мальчиков. Таким образом, в трудной ситуации мальчики проявляют более высокую степень агрессивности, враждебности и готовности к риску, чем девочки.

У большей части девочек низкий уровень дистанцирования (60 %), у 20 % девочек – средний, у 15 % девочек – высокий. При этом у 50 % мальчиков – низкий уровень дистанцирования, у 35 % мальчиков – средний, у 15 % мальчиков – высокий. Таким образом, мальчики преодолевают негативные переживания в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее чаще, чем девочки.

Кроме того, у 5 % девочек наблюдается высокий уровень самоконтроля, у 65 % девочек – средний, у 30 % девочек – низкий. Тогда как у 70 % мальчиков низкий уровень самоконтроля, у 30 % мальчиков – средний. Таким образом, девочки, в отличие от мальчиков,

преодолевают негативные переживания в связи с проблемой за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, девочки характеризуются более высоким контролем поведения, стремлением к самообладанию.

У 20 % девочек низкий уровень поиска социальной поддержки, у 50 % девочек – средний, у 30 % девочек – высокий. Тогда как у 55 % мальчиков низкий уровень поиска социальной поддержки, у 45 % мальчиков – средний. Таким образом, в сложной ситуации девочкам больше, чем мальчикам необходима информационная, действенная и эмоциональная поддержка.

При этом у 20 % девочек низкий уровень принятия ответственности, у 50 % девочек – средний, у 30 % девочек – высокий. Тогда как у 55 % мальчиков низкий уровень принятия ответственности, у 35 % мальчиков – средний, у 10 % мальчиков – высокий. Таким образом, девочки больше, чем мальчики, признают свою роль в возникновении проблемы и ответственности за ее решение.

У 65 % девочек низкий уровень бегства-избегания, у 25 % девочек – средний, у 10 % девочек – высокий. Тогда как у 30 % мальчиков низкий уровень принятия ответственности, у 45 % мальчиков – средний, у 25 % мальчиков – высокий. Таким образом, мальчики чаще, чем девочки, мысленно стремятся и прилагают усилия, направленные к бегству или избеганию проблемы.

Кроме того, у 65 % девочек низкий уровень планирования решения проблемы, у 25 % девочек – средний, у 10 % девочек – высокий. Тогда как у 65 % мальчиков низкий уровень планирования решения проблемы, у 30 % мальчиков – средний, у 5 % мальчиков – высокий. Таким образом, мальчики и девочки примерно одинаково подходят к планированию решения проблемы.

У 60 % девочек низкий уровень положительной переоценки, у 40 % девочек – средний. Тогда как у 80 % мальчиков низкий уровень положительной переоценки, у 20 % мальчиков – средний. Таким образом, девочки больше, чем мальчики, используют стратегию положительной переоценки.

В таблице 2 представлены результаты расчета статистически достоверных различий диагностики копинг-стратегий девочек и мальчиков.

Таблица 2 – Результаты расчета статистически достоверных различий диагностики копинг-стратегий девочек и мальчиков

Показатель	U _{0,01}	U _{0,05}	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Конфронтационный копинг	114,0	138,0	135,5	p≤0,05
Дистанцирование			197,0	–
Самоконтроль			85,5	p≤0,01
Поиск социальной поддержки			96,5	p≤0,01
Принятие ответственности			102,5	p≤0,01
Бегство-избегание			137,0	p≤0,05
Планирование решения проблемы			197,5	–
Положительная переоценка			114,5	p≤0,05

Исходя из данных, представленных в таблице 2, по уровню конфронтационного копинга, бегства-избегания, положительной переоценки различия между результатами 1 и 2 групп статистически значимы (уровень значимости составил p≤0,05). По уровню самоконтроля, поиска социальной поддержки, принятия ответственности различия между результатами 1 и 2 групп статистически значимы (уровень значимости составил p≤0,01). По уровню дистанцирования, планирования решения проблемы статистически значимых различий между результатами 1 и 2 групп нет.

Таким образом, наша гипотеза частично доказана, существуют гендерные различия выбора копинг-стратегий в подростковом возрасте. В трудной ситуации мальчики проявляют

более высокую степень агрессивности, враждебности и готовности к риску, чем девочки. Девочки, в отличие от мальчиков, преодолевают негативные переживания в связи с проблемой за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, девочки характеризуются более высоким контролем поведения, стремлением к самообладанию. Кроме того, в сложной ситуации девочкам больше, чем мальчикам необходима информационная, действенная и эмоциональная поддержка. Девочки больше, чем мальчики, признают свою роль в возникновении проблемы и ответственности за ее решение. Мальчики чаще, чем девочки, мысленно стремятся и прилагают усилия, направленные к бегству или избеганию проблемы. Девочки больше, чем мальчики, используют стратегию положительной переоценки.

Список использованных источников

- 1 Дубинина, А. С. Особенности копинг-стратегии у детей подросткового возраста / А. С. Дубинина // Молодой ученый. – 2019. – № 14 (252). – С. 60–64.
- 2 Затиная, Ю. Е. Понятие копинг-стратегий и совладающего поведения / Ю. Е. Затиная // Академическая публицистика. – 2020. – № 3. – С. 246–248.
- 3 Лазарус, Р. Психологический стресс и копинг-процессы / Р. Лазарус. – М. : Медицина, – 1966. – 466 с.
- 4 Никифорова, В. А. Особенности формирования личности в подростковый период / В. А. Никифорова // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). – СПб. : Свое издательство, 2016. – С. 5–7.
- 5 Опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса / Образовательная социальная сеть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/user/197868/page/oprosnik-koping-strategii-r-lazarusa>. – Дата доступа: 10.04.2022.
- 6 Плахова, Т. А. Копинг-стратегии как способ борьбы со стрессовыми ситуациями / Т. А. Плахова, К. Р. Гажур, А. А. Фролова // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2021): сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 06–10 декабря 2021 года. – М. : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2021. – С. 105–108.

К. В. Гречко

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ЭМПАТИЯ И СКЛОННОСТЬ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У СТУДЕНТОВ РАЗНОГО ПОЛА

Статья посвящена изучению взаимосвязи эмпатии и склонности к девиантному поведению у юношей и девушек. В статье рассмотрены такие понятия как «эмпатия» и «девиантное поведение» в студенческой среде. Приведены результаты эмпирического исследования взаимосвязи эмпатии и девиантного поведения студентов. В работе были использованы методики «Склонность к отклоняющемуся поведению» А.Н. Орла и «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна.

Ключевые слова: эмпатия, девиантное поведение, гендер.

Все люди индивидуальны и владеют неповторимым набором собственных личных свойств. Одним из этих свойств является «эмпатия или же сопереживание – это способность понимать, испытывать и выражать чувства, сходные с чувствами собеседника» [1, с. 254].

Эмпатия выражается в форме реакции одного человека на переживания другого. Благодаря этой эмоциональной реакции люди узнают о внутреннем состоянии других. Как феномен межличностных отношений эмпатия напрямую их корректирует в контексте нравственных проявлений личности человека [1].

Многим людям свойственны различные формы социальных отклонений. Их масштабы вытекают из конкретно-исторических условий существования – социальных, экономических, политических, нравственных. Количество социальных девиаций позволяет судить о психологической атмосфере данного общества, уровне легитимности и правопорядка. Оценка любого поведения предполагает его соотнесение с некоторой нормой. Отклоняющееся от нормы поведение зачастую называют девиантным. Оно является важной проблемой. Отклоняющееся поведение всегда было, есть и будет существовать в нашем обществе. И как бы мы не хотели от этого избавиться, всегда будут существовать такие формы поведения.

Девиантное поведение – это система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам. Следовательно, девиантным является поведение, отклоняющееся от установленных обществом норм и стандартов, будь то нормы психического здоровья, права, культуры, морали, а также поведение, не удовлетворяющее социальным ожиданиям данного общества в конкретный период времени [2, с. 81].

Теоретический анализ научных источников по вышеуказанной проблеме актуализировал проведение эмпирического исследования взаимосвязи эмпатии и склонности к девиантному поведению. Исследование проводилось на базе УО «ГГУ имени Ф. Скорины». Выборочную совокупность составляли 90 человек, из них 45 девушек и 45 юношей в возрасте от 17 до 20 лет.

Методики, использованные в работе:

– «Склонность к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орла,

– «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна.

В результате опроса среди студентов по методике «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна получены следующие данные: высокий уровень эмпатических способностей выявлен у 7 % девушек и у 13 % юношей. Средний уровень наблюдается у 57 % девушек и у 71 % юношей. Низкий уровень эмпатических способностей наблюдается у 27 % девушек и у 16 % юношей. Очень низкий – у 9 % девушек и у 0 % юношей. У большинства юношей и девушек эмпатические способности выявлены на среднем уровне, то есть им свойственно оказать поддержку в подходящий момент. Средний уровень эмпатии означает, что человек вполне способен понять переживания другой личности. Стоит отметить, что низкий уровень эмпатии проявляется в неспособности к сопереживанию.

В результате опроса среди студентов по методике «Склонность к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орла были полученные следующие данные: низкий уровень преодоления социальных норм и правил наблюдается у 86 % девушек и 67 % юношей. Результаты по низкому уровню свидетельствуют о конформных установках испытуемых, склонности следовать стереотипам. Средний уровень характерен 14 % девушек и у 33 % юношей, что свидетельствует о склонности противопоставлять собственные нормы и ценности групповым.

Низкий уровень склонности к аддиктивному поведению характерен 80 % юношей и 80 % девушек, что свидетельствует о хорошем социальном контроле поведенческих реакций. Средний уровень характерен 20 % респондентов. Этот уровень характеризуется предрасположенностью студентов к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния. Высокий уровень 0 % у юношей и у девушек. Этот уровень указывает на наличие выраженной психологической потребности в аддиктивных состояниях.

Низкий уровень склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению выражен у 57 % девушек и 68 % юношей. Показатели по данной шкале свидетельствуют об

отсутствии готовности к реализации саморазрушающего поведения, об отсутствии тенденции к соматизации тревоги. Средний уровень проявляется у 35 % девушек и у 27 % юношей, что свидетельствует о выраженной потребности в острых ощущениях, о садо-мазохистских тенденциях. Высокий уровень у 8 % девушек и 5 % юношей. Показатели по данному уровню свидетельствуют о сомнительной достоверности результатов.

Низкий уровень склонности к агрессии и насилию выражен у 64 % девушек и у 57 % у юношей, что свидетельствует о невыраженности агрессивных тенденций, о неприемлемости насилия как средства решения проблем, о нетипичности агрессии как способа выхода из фрустрирующей ситуации. Средний уровень выражен у 25 % девушек и у 27 % юношей, что свидетельствует о наличии агрессивных тенденций. Высокий уровень склонности к агрессии представлен у 11 % девушек и у 16 % юношей, что свидетельствуют об агрессивной направленности личности во взаимоотношениях с другими людьми, о склонности решать проблемы посредством насилия.

Высокий уровень волевого контроля эмоциональных реакций выражен у 46 % девушек и у 44 % юношей, что свидетельствует о нежелании или неспособности контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций. Средний уровень выражен у 27 % девушек и у 31 % юношей. Данная шкала свидетельствует об умеренном контроле поведенческих проявлений эмоциональных реакций. Низкий уровень выражен у 27 % девушек и у 24 % юношей, что свидетельствует о жестком самоконтроле любых поведенческих эмоциональных реакций, чувственных влечений.

Низкий уровень склонности к делинквентному поведению выражен у 66 % девушек и у 72 % юношей. Данные результаты в сочетании с высокими показателями по шкале социальной желательности могут свидетельствовать о высоком уровне социального контроля. Средний уровень выражен у 27 % девушек, и у 19 % юношей, что свидетельствует о наличии делинквентных тенденций у испытуемых и о низком уровне социального контроля. Высокий уровень выражен у 7 % девушек и у 9 % юношей, что свидетельствует о высокой готовности к реализации делинквентного поведения.

Подводя итог всему вышечперечисленному, можно сделать следующие выводы:

- юношам и девушкам свойственно проявление эмпатии на среднем уровне;
- юноши и девушки не имеют склонности к преодолению социальных норм и правил, у них преобладает низкий уровень склонности к аддиктивному поведению;
- у девушек преобладает средний уровень склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, тогда как у юношей преобладает низкий уровень;
- юношам и девушкам свойственно преодоление низкого уровня проявления к агрессии и насилию;
- волевой контроль эмоциональных реакций выражен на высоком уровне у юношей и девушек;
- склонность к делинквентному поведению находится на низком уровне у юношей и девушек.

Список использованных источников

1 Басова, А. Г. Понятие эмпатии в отечественной и зарубежной психологии / А. Г. Басова // Молодой ученый. – 2012. – № 8 (43). – С. 254–256.

2 Краткий психологический словарь ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 81 с.

О. В. Григоревич

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются сексуальные предпочтения современной молодежи. Значительное внимание уделяется описанию основных терминов, обозначающих сексуальную ориентацию. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенностей сексуальной ориентации и проявления сексуальности у студентов с разным психологическим полом.

Ключевые слова: сексуальные предпочтения, сексуальная ориентация, гендер, пол.

Сексуальная ориентация – это способность человека испытывать эмоциональное, романтическое и сексуальное влечение к определенному полу или гендеру.

В современном мире существует как минимум три близких категории: пол, гендер и сексуальная ориентация, сочетание которых дает множество вариантов того, как люди определяют сами себя и то, к кому их влечет. Существует также немало различий и тонкостей в определении гендера и сексуальной ориентации [1, с. 203].

Чаще всего в обществе используются следующие основные термины (в значении «кто привлекает человека в романтических/сексуальных отношениях»):

– гетеросексуал (испытывает сексуальное и романтическое влечение к противоположному полу, гетеросексуальное поведение свойственно не только людям, но и всем млекопитающим, так как способствует продолжению вида);

– гомосексуал (испытывает сексуальное и романтическое влечение к персонам своего пола, существуют более узкие определения термина, такие как «гей» – идентифицирует себя как мужчина, привлекают мужчины, лесбиянка – идентифицирует себя как женщина, привлекают женщины);

– бисексуал (испытывает влечение к персонам своего пола, а также к противоположному полу, также, с появлением новых гендеров, данным термином называют людей, которых привлекает свой пол и любой другой гендер (может означать два и более гендеров);

– асексуал (не испытывает сексуального влечения, но могут испытывать романтическое влечение);

– аромантический асексуал (не испытывает сексуального влечения и романтического / эмоционального влечения);

– грейсексуал (иногда, но не часто, испытывает сексуальное влечение, данные персоны как бы балансируют между «обычной сексуальностью» и «асексуальностью»);

– аутосексуал (предпочитает «любовь к себе» сексуальной активности с другими);

– демисексуал (испытывает сексуальное влечение только тогда, когда чувствует глубокую эмоциональную связь с другим человеком);

– сапиосексуал (испытывает сексуальное влечение на основе интеллекта, в их понимании «smart is the new sex») – переводится буквально «ум – это новая сексуальность»);

– полиаморный (испытывает несколько сексуальных/романтических влечений одновременно);

– полисексуальный (привлекают представители разных полов, что может означать некоторые полы или все полы);

– пансексуал (испытывают влечение к людям, независимо от их гендерной идентификации, часто такие персоны называют себя «гендерно слепыми»).

В рамках данной работы была проведена методика «Решетка сексуальной ориентации Клейна» (Ф. Клейн). В исследовании приняли участие 174 человека, а именно: 106 женщин и 68 мужчин, в возрасте от 18 до 25 лет.

На основании полученных результатов можно заключить, что сексуальное влечение, поведение, фантазии и т. д. были, есть или должны быть в идеале ориентированы:

1) *исключительно на людей противоположного пола:*

– у 2 женщин, что составило 1.89 % от числа женщин-испытуемых и 1.15 % от всей выборки в целом;

– у 12 мужчин, что составило 17.65 % от числа мужчин-испытуемых и 6.9 % от всей выборки в целом;

2) *главным образом на лиц противоположного пола, но иногда и своего пола:*

– у 4 женщин, что составило 3.77 % от числа женщин-испытуемых и 2.3 % от всей выборки в целом;

– у 12 мужчин, что составило 17.65 % от числа мужчин-испытуемых и 6.9 % от всей выборки в целом;

3) *на лиц другого пола, но представители своего пола также играют заметную роль:*

– у 12 женщин, что составило 11.32 % от числа женщин-испытуемых и 6.9 % от всей выборки в целом;

– у 4 мужчин, что составило 5.88 % от числа мужчин-испытуемых и 2.3 % от всей выборки в целом;

4) *примерно поровну на лиц другого и своего пола:*

– у 64 женщин, что составило 60.38 % от числа женщин-испытуемых и 36.78 % от всей выборки в целом;

– у 32 мужчин, что составило 47.06 % от числа мужчин-испытуемых и 18.39 % от всей выборки в целом;

5) *на лиц своего пола, но люди другого пола также играют важную роль:*

– у 8 женщин, что составило 7.55 % от числа женщин-испытуемых и 4.6 % от всей выборки в целом;

– у 4 мужчин, что составило 5.88 % от числа мужчин-испытуемых и 2.3 % от всей выборки в целом;

6) *главным образом на лиц своего пола, но иногда и противоположного пола:*

– у 12 женщин, что составило 11.32 % от числа женщин-испытуемых и 6.9 % от всей выборки в целом;

– у 2 мужчин, что составило 2.94 % от числа мужчин-испытуемых и 1.15 % от всей выборки в целом;

7) *исключительно на лиц собственного пола:*

– у 4 женщин, что составило 3.77 % от числа женщин-испытуемых и 2.3 % от всей выборки в целом;

– у 2 мужчин, что составило 2.94 % от числа мужчин-испытуемых и 1.15 % от всей выборки в целом.

Таким образом, наиболее ярко у испытуемых выражена бисексуальная сексуальная ориентация (96 человек или 55 %), меньше всего проявляется исключительно гомосексуальная сексуальная ориентация (6 человек или 4 %). Следовательно, в основном молодые люди демонстрируют сексуальный интерес не только к своему полу, но и к противоположному.

По результатам данного исследования можно сделать вывод: молодое поколение стремится к расширению сексуальных границ и получению разнообразного сексуального опыта.

Список использованных источников

1 Крукс, Р. Сексуальность. / Р. Крукс, К. Баур – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2005. – 480 с.

Д. Д. Корнилова

Научный руководитель: А. Н. Захарова, канд. психол. наук, доцент,

Г. С. Дулина, канд. психол. наук, доцент

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,

г. Чебоксары, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются проблемы гендерной идентичности, принятия собственного телесного «Я» и социальных гендерных стереотипов студентов вуза. Для выявления динамики социальных гендерных стереотипов проводился сравнительный анализ полученных результатов с данными опроса 2001 года, выявленными в ходе исследования в рамках проекта «Томская инициатива», в которые входят утверждения, затрагивающие отношения супругов, распределение обязанностей, стиль воспитания детей.

Ключевые слова: гендерная идентичность, полоролевая идентичность, социальные гендерные стереотипы, принятие телесного «Я», студенты вуза.

В настоящее время проблематика исследований гендера, гендерных отношений, гендерных различий и стереотипов чрезвычайно актуальна как в России, так и за рубежом [2, 7].

Чикер В. А. и Артемьева Л. И. [8] отмечают, что в значительной степени социальное поведение человека зависит от социальных норм и правил, установленных в обществе. Соответствовать определенному социально-культурному стереотипу – значит играть определяемую им социальную роль. Социальная роль – это совокупность социально или культурно определенных ожиданий относительно поведения индивида в ситуациях конкретного типа. Под гендерной (в отечественной психологии – половой) ролью понимают систему средовых стандартов, предписаний, нормативов, ожиданий, которым человек должен соответствовать, чтобы его признавали как мужчину или женщину [3]. Гендерная идентичность – это «базовое, фундаментальное чувство своей принадлежности к определенному полу, осознание себя мужчиной, женщиной или существом какого-то другого, «промежуточного», или «третьего», пола [5, с. 166].

Общество изменчиво, как и многие системы, и, если меняется один из элементов системы, то меняются и остальные. Меняются и люди, их социальные роли, социальное поведение в быту и на работе. Девушки уже не сидят дома, руководя бытом и думая о красивом внешнем виде, который поможет очаровать избранника, а совмещают свою деятельность с карьерой и саморазвитием. Юноши стали уделять больше внимания себе, ухаживают за своим внешним видом, уделяют больше времени семье, приготовлению пищи, уборке по дому. На этой основе и появился интерес к исследованию полоролевой идентичности, которая может не соответствовать социальным принятым гендерным стереотипам и биологическому полу.

Цель данного исследования – исследовать гендерную идентичность, образ телесного «Я» и социальные гендерные стереотипы студентов вуза.

Методы исследования: анализ научных источников; анкетирование, тестирование, методы математико-статистической обработки данных. В работе были использованы следующие психодиагностические методики:

- диагностика телесного «Я» (автор И. В. Лыбко) [4];
- полоролевой опросник С. Бем [6];
- анкета «Общие тенденции поведения в семье» по проекту «Томская инициатива» [1].

В исследовании приняли участие 40 студентов российского регионального вуза, из них 20 юношей и 20 девушек, в возрасте 20–24 года.

Методика «Диагностика телесного «Я»» (автор И. В. Лыбко) позволяет определить показатели и уровень по трем шкалам: «Самопринятие образа телесного Я», «Влияние другого на отношение к образу телесного Я», «Шкала лжи». Результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты диагностики по методике «Диагностика телесного «Я» И. В. Лыбко

	Самопринятие образа «телесного Я»		Влияние другого на отношение к образу «телесного Я»	
	М	σ	М	σ
Общие данные	11,7	2,9	11,28	2,88
Юноши	11,3	3,37	10,9	3,29
Девушки	12,1	2,38	11,65	2,43

Результаты по данной методике показывают:

- по шкале «Самопринятие образа телесного Я» среди общего числа исследуемых 75 % имеют средние показатели, 23 % низкие и 2 % высокие показатели;
- по шкале «Самопринятие образа телесного Я» среди юношей 65 % имеют средний показатель, 30 % низкий показатель и 5 % высокий показатель;
- по шкале «Самопринятие образа телесного Я» среди девушек 85 % имеют средний показатель и 15 % низкий показатель;
- по шкале «Влияние Другого на отношение к образу телесного Я» среди общего количества участвующих людей 78 % имеют средний показатель, 8 % высокий показатель и 14 % низкий показатель;
- по шкале «Влияние Другого на отношение к образу телесного Я» среди юношей 70 % имеют средний показатель, 10 % высокий показатель и 20 % низкий показатель;
- по шкале «Влияние Другого на отношение к образу телесного Я» среди девушек 85 % имеют средний показатель, 5 % высокий показатель и 10 % низкий показатель.

Таким образом, основываясь на результатах диагностики по методике «Диагностика телесного «Я» И. В. Лыбко, выявлено, что в целом, студенты независимо от пола проявляют средние показатели принятия собственного телесного «Я», что может свидетельствовать о наличии любви к своему телу, а также принятия критики в свою сторону по теме телесного «Я».

Исследование по методике «Полоролевой опросник С. Бем» позволяет выявить следующие виды гендерной идентичности: феминность, маскулинность, андрогинность.

Таблица 2 – Результаты диагностики по методике «Полоролевой опросник» С. Бем.

Шкала	Выраженность полоролевой идентичности, в %	
	Юноши	Девушки
Феминность	45	50
Маскулинность	45	40
Андрогинность	10	10

Результаты по данной методике показали:

- феминность выражена среди 45 % юношей;
- маскулинность выражена у 45 % юношей;
- андрогинность выражена среди 10 % юношей;
- феминность выражена среди 50 % девушек;
- маскулинность выражена у 40 % девушек;
- андрогинность выражена у 10 % девушек.

Выводы диагностики по методике «Полоролевой опросник» С. Бем: юноши в равной степени принимают и используют маскулинные и феминные черты характера и роли, в отличие от девушек, которые больше пытаются поддерживать феминные черты и роль в обществе.

Для эффективности изучения социальных стереотипов был использован сравнительный анализ ответов студентов вуза, обучающиеся в 2022 году, и данные, которые были пред-

ставлены в рамках проекта «Томская инициатива», осуществленного в 2001 году [1]. Анкета «Общие тенденции поведения в семье» состоит из 20 утверждений, затрагивающих стереотипное поведение в семье, обязанности и требования, которые должны демонстрировать в семейных отношениях люди соответственно своему биологическому полу: отношения супругов, распределение обязанностей, стиль воспитания детей.

Далее будут представлены наиболее выраженные различия во мнениях респондентов, отвечающих в 2001 году и в 2022 году:

«Основа брака не сексуальные отношения, а уважение друг к другу». Преобладание 94 % по ответам «да» среди опрошенных студентов в 2022 году в сравнении 72 % по результатам 2001 года может свидетельствовать, что современной молодежи свойственно осознанно и самостоятельно выбирать будущего партнера для брака с учетом наличия любви и уважения в семье, не полагаясь на страсть и сексуальные отношения.

По высказыванию «При выборе себе одежды женщина не обязана учитывать вкусы мужа» выразили согласие 62 % опрошенных в 2001 году и 88 % респондентов 2022 года. Можно предположить, что по мнению современных студентов, женщина, несмотря на статус жены, не должна менять свой стиль, либо же полагаться исключительно на мнение супругов, уделяя большее внимание собственному выбору и вкусу.

Высказывание «Женщина способна воспитать сына и без отца» также вызвало ярко выраженные различия во мнениях. На данное высказывание лишь 43 % респондентов из 2001 года ответили положительно, тогда как в 2022 году количество ответов «да» выросло до 48 %. Данное мнение среди современных студентов, вероятно, связано с распространенностью разводов в семьях, большого количества матерей-одиночек.

Следующее высказывание: «Карьера жены также важна, как и карьера мужа». 20 % ответов «да» у опрошенных студентов из 2022 года, по сравнению с данными 2001 года. Данное мнение может существовать, так как большинство женщин направляют свои силы не только на создание и поддержания домашнего очага, но и на собственное карьерное развитие.

Высказывание «Даже не очень хорошие отношения в семье не оправдывают супружескую измену» нашло поддержку у 71 % опрошенных в 2001 году и у 91 % в 2022 году. Мнение может основываться на популярности услуги психологов, которые помогают современным семьям поддерживать даже хрупкие отношения, прорабатывать ошибки и сложности. Услуги психолога в начале тысячелетия не были столь актуальны, поэтому, возможно, наличие даже мелких проблем в семейной жизни мотивировало завести отношения на стороне.

Высказывание «Родившая ребенка женщина должна на время оставить работу и мысли о карьере» набрало 61 % положительных ответов среди опрошенных 2001 года и 25 % среди респондентов 2022 года. Данное мнение можно объяснить появлением и распространением дистанционной работы, которая позволяет совместно с уходом за ребенком работать.

«Жена должна работать наравне с мужем, чтобы было, на что содержать семью» следующее высказывание, которое имеет различия более 20 %. В 2001 году на высказывание ответили «да» 66 %, в 2022 году 19 %. Можно предположить, что такое мнение сформировалось у современных респондентов, по причине наличия работы по дому, которая продолжает в основном ложиться на плечи женщин.

Еще одним высказыванием, утверждающим уважение супругов друг к другу, было: «Муж не может требовать от жены близости, если она устала». 94 % из 2022 года ответили «да», в противовес 74 % из 2001 года. Современная молодежь, таким образом, подчеркивает наличие в отношениях любви, доверительного общения и уважения.

Выводы сравнительного анализа по анкете «Общие тенденции поведения в семье» показывают, что студенты, обучающиеся в 2022 году, демонстрируют преобладание более толерантного, лояльного, демократического отношения к проблемам семьи, несмотря на гендерную роль, в отличие от людей, ответившие по тем же вопросы в 2001 году. В восприятии студентов вуза женщины приобретают большую независимость в собственном развитии, вы-

боре, самостоятельности; отношения в семье строятся на уважении и любви, которые позволяют создать гармоничную здоровую семью.

Исследование было направлено на диагностику телесного «Я», гендерную идентичность и принятие социальных гендерных стереотипов. На основе результатов исследования, можно сделать вывод, что гипотеза частично подтверждена. Девушки принимают собственное телесное «Я» и в большей степени соответствуют феминной роли, которые они имеют по биологической принадлежности.

Юноши же также принимают собственный телесный образ, однако в равной степени некоторые представители мужского пола демонстрируют в обществе феминную и маскулинную роли.

Изучение отношения к социальным стереотипам, которые связаны с гендерными ролями, показывает, что и юноши и девушки лояльно принимают свои полоролевые обязанности, готовы к активному сотрудничеству и смешению гендерных ролей в семье и в быту.

Список использованных источников

1 Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы Текст. / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.

2 Егорова, А. Н. Проблемы взаимосвязи гендерной идентичности и «образа телесного Я» студенческой молодежи / А. Н. Егорова, А. Н. Захарова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. – С. 33–39.

3 Каган, В.Е. Воспитателю о сексологии / В. Е. Каган. М. : Педагогика, 1991. – 256 с.

4 Лыбко, И. В. Методика «Диагностика телесного Я» / И. В. Лыбко // Психологическая диагностика: Научно-методический и практический журнал. – 2008. – № 3 – С. 5–21.

5 Мелков, С.В. Представления о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе / С. В. Мелков, А. В. Кудрина // Развитие личности. – 2016. – № 3. – С. 166.

6 Практикум по гендерной психологии ; под ред. И. С. Клециной. – СПб. : Питер, 2003. – 479 с.

7 Студент вуза на рубеже 2020-х: перспективы развития личности и здоровья ; под ред. проф. Е. Л. Николаева. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та. – 2021. – 360 с.

8 Чикер, В. А. Гендерные стереотипы в семье (на примере гражданских браков) / В. А. Чикер, Л. И. Артемьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. – № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-steriotipy-v-semie-na-primere-grazhdanskih-brakov> Дата доступа: 17.04.2022.

М. В. Макеева

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ГЕНДЕР КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В статье приведен анализ современных исследований по проблеме гендерного аспекта, как одного из факторов развития девиантного поведения подростков. Автор рассматривает различные факторы, способствующие развитию девиантного поведения. Приводятся результаты исследований, отражающие связь гендерного аспекта не только с развитием девиантного поведения, но и с особенностями проявления и реализации форм данного вида поведения у лиц подросткового возраста.

Ключевые слова: гендер, девиантное поведение, подростковый возраст, фактор, агрессия.

На современном этапе развития общества уровень девиантного поведения среди лиц подросткового возраста высокий. Как для мальчиков, так и для девочек характерно совершение действий и поступков, которые отклоняются от общественных норм и правил. В связи с этим важным является разобраться в том, как гендер связан с развитием девиантного поведения, какую роль он играет в реализации склонности к девиантному поведению.

Девиантное поведение можно рассматривать как «любое поведение, отклоняющееся от существующих общественных правил. Это такой вид поведения, который отклоняется от устоявшихся, наиболее распространенных, общепринятых общественных норм» [4, с. 21].

В современной научной литературе многие авторы приводят различные классификации факторов, которые влияют на развития девиантного поведения. Так, например, О. А. Питерова и И. М. Гаврилова в своей работе выделяют следующие факторы:

– экономические. Данный фактор подразумевает уровень экономического развития общества, материальное благополучие семьи, разделение общества на определенные слои (богатые и бедные), которое ведет к социальной напряженности;

– политические. Молодежная политика в государстве, система защиты молодежи, общая политическая ситуация в стране, а также наличие различных криминогенных, асоциальных групп способствуют развитию девиантного поведения. Часто это делается под влиянием более сильного и взрослого человека за счет принуждения, запугивания или обмана;

– биологические факторы выражаются в наличии неблагоприятных психофизиологических особенностей организма ребенка, которые способствуют социальной дезадаптации;

– личностные факторы проявляются в избирательном отношении молодого человека к среде общения, к ценностям и нормам своего окружения, к саморегулированию поведения; стремлении к самостоятельности и независимости, самоутверждению;

– особенности возрастного развития заключаются в том, что подростковый возраст характеризуется сложностью взаимоотношений со взрослыми людьми: родственниками и школьными учителями [5, с. 99].

Г. Маккей и К. Шоу, являясь одними из представителей чикагской школы, сделали заключение о том, что одним из факторов развития и проявления отклоняющего поведения является ослабление, разрушения социальных связей, норм и ценностей. В данном случае важным является взгляд С. В. Воробьевой, которая сделала вывод о том, что в современном обществе протекает процесс смещения жизненных ценностей: на первый план выходят такие ценности, как материальное благополучие, что способствует развитию у мальчиков-подростков игромании, у девочек – шопоголизма; культ удовольствия, зачастую формирующий у юношей алкоголизм, наркоманию, у девушек – пищевые зависимости и т. д. А продвижению этих ценностей способствует реклама и СМИ [4, с. 242].

Н. В. Жигинас, Н. А. Зверева и Е. В. Гребенникова раскрывают одновременно фактор подросткового возраста и гендера в развитии девиантного и агрессивного поведения. Авторы утверждают, что в данном возрасте наблюдается некоторый «перекос» агрессивного поведения девочек в сторону маскулинности. Девочки в данном возрасте отличаются большей агрессивностью, чем мальчики. Повышенная агрессивность девочек-подростков является своеобразным «бунтом» против уготованной для них роли матери и хозяйки [1, с. 76]. При этом гендер рассматривается как одна из базовых характеристик личности, обуславливающих психологическое и социальное развитие человека. В психологии и сексологии под этим термином понимают психологические и поведенческие характеристики, связанные с маскулинностью и фемининностью и отличающие мужчин от женщин.

А. С. Семенчев и Е. Ю. Кузнецов, проведя исследования агрессивного поведения юношей и девушек пришли к выводу: уровень всех видов агрессии у юношей выше, чем у девушек [7, с. 387].

Более того, гендер является не только фактором, обуславливающим развития девиантного поведения, но и фактором, который влияет на особенности проявления тех или иных форм девиантного поведения. Это утверждения подтверждают результаты многочисленных эмпирических исследований. Е. А. Иванова в своей работе исследовала гендерные различия в проявлении агрессивности у детей подросткового возраста. В результате были выявлены значимые гендерные различия у подростков по факторам косвенной агрессии, раздражительности и негативизму. Отсутствие значимых различий между мальчиками и девочками-подростками в преимущественно мужских способах агрессивного реагирования (физической и вербальной агрессии), а также более высокая агрессивность, обнаруженная у девочек, могут служить подтверждением теории «перекоса» гендерных особенностей агрессивности у девочек подросткового возраста в маскулинную сторону [3, с. 92].

На современном этапе развития отечественной психологии Т. Л. Рыжковской и Л. А. Сакович были выявлены различия в проявлении агрессивного поведения как одной из ярких черт проявления девиантного поведения в зависимости от гендерных особенностей подростков:

- среди подростков мужского и женского пола агрессивность у большинства выражена андрогинностью, что свидетельствует о наличии в характере как женских качеств, так и мужских;

- мальчики-подростки склонны проявлять вербальную и физическую агрессию, а также подозрительность;

- девочки-подростки в большей степени проявляют вербальную агрессию, подозрительность, чувство вины и раздражение;

- во фрустрирующей ситуации и мальчики и девочки выбирают импунитивные реакции с фиксацией на препятствии;

- мальчики и девочки с выраженными андрогинными характеристиками склонны проявлять вербальную и физическую агрессию, раздражение и подозрительность, используют импунитивные реакции с фиксацией на препятствии;

- девочки с выявленными мускулиными характеристиками в большей степени, чем мальчики с маскулиными характеристиками, проявляют физическую и вербальную агрессию, используют экстрапунитивные реакции с фиксацией на препятствии, мальчики с выраженными маскулиными характеристиками выбирают импунитивные реакции с фиксацией на препятствии [6, с. 123].

В исследованиях Л. В. Зубова и Л. Р. Аптикиева были выявлены гендерные различия в проявлении преступных действий как одной из формы девиантного поведения у несовершеннолетних.

В последнее время наблюдается увеличение количества преступлений, которые совершаются лицами женского пола. Появляется большое количество девушек, которые занимаются проституцией, страдают от наркомании и алкоголизма, ведут аморальный образ жизни, непосредственным следствием всего этого становится преступное поведение. В данном случае гендерные различия можно проследить в том, что мотивы и обстоятельства у юношей и девушек разные. Так, например, алкогольное опьянение становится сопутствующим обстоятельством для 87 % юношей и 75% девушек; осознание того, что не найдут, не накажут, не докажут присутствует у 54 % юношей и 68 % девушек; небольшой срок наказания как один из мотивов присущ 64 % юношей и 38 % девушек; доступность благ характерна для 46 % девушек и 39 % юношей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что алкогольное опьянение и небольшой срок наказания являются основными обстоятельствами, мотивами для совершения преступления среди мальчиков, а для девочек основными являются осознание безнаказанности, а также доступность благ (в надежде, что не докажут) [2, с. 27].

Таким образом, в современной психологической литературе отмечается зависимость девиантного поведения от гендера, который обусловлен демографическими, психологическими и социальными предпосылками. В связи с этим важным условием изучения девиантного поведения лиц подросткового возраста является учет гендерного аспекта.

Список использованных источников

- 1 Жигинас, Н. В. Гендерная идентичность и подростковая девиантность как аспект личностного становления современной молодежи / Н. В. Жигинас, Е. В. Гребенникова, Н. А. Зверева // Научно-педагогическое обозрение. – 2014. – № 4. – С. 72–77.
- 2 Зубова, Л. В. К вопросу гендерных различий в проявлении преступности несовершеннолетних (на примере Оренбургской области) / Л. В. Зубова, Л. Р. Аптикиева // Вестник ОГУ. – 2018. – №1 (213). – С. 25–31.
- 3 Иванова, Е. А. Гендерные различия в проявлении агрессивности у детей подросткового возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Е. А. Иванова. – Иркутск, 2002. – 181 с.
- 4 Новикова, Д. С. Девиантное поведение / Д. С. Новиков // Вестник УлГТУ. – 2019. – №1 (85). – С. 21–27.
- 5 Питерова, О. А. Факторы, влияющие на девиантное поведение подростков / О. А. Питерова, И. М. Гаврилова // Молодежные инициативы как основа развития гражданского общества в российской федерации: региональный и местный уровни: материалы IV всероссийской научно-практической конференции, Москва, 6 декабря 2018 г. М., 2016. – С. 98–100.
- 6 Рыжковская, Т. Л. Психологические аспекты агрессивного поведения в подростковом возрасте / Т. Л. Рыжковская, Л. А. Сакович // Актуальные проблемы науки XXI века: сб. ст. уч. науч.-практ. семинара молодых ученых, Минск, 17 февраля 2011 г. / под ред. В. В. Гедранови. – Минск, 2011. – С. 123–127
- 7 Семенчева, А. С. Половые различия дактилометрических показателей и компонентов агрессии / А. С. Семенчева, Е. Ю. Кузнецова // БМИК. – 2019. – №9. – С. 387–397.

Д. М. Нестерова

Научный руководитель: Е. Н. Сердюкова

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНО-ПОЛОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются биологические и психологические аспекты половой и гендерной идентификации человека. Автором приводятся данные эмпирического исследования трансгендерности и гендерной дисфории.

Ключевые слова: трансгендерность, люди интерсекс, гендер, цисгендерная персона, гендерная дисфория, сексуальная ориентация, трансгендерный переход.

Прежде всего, определим, что такое трансгендерность. В первую очередь этот человек характеризуется несовпадением гендерной идентичности или гендерного выражения с полом, присвоенным при рождении. Таких людей называют транс-женщины и транс-мужчины.

Чтобы понять, что такое гендер, необходимо разобраться что такое пол. Для этого рассмотрим на примерах биологические аспекты разделения людей на мужчин и женщин. Пол – это не просто два вида гениталий, это так же сочетание генов и гормонов, и они, в основном, сходятся в привычном нам понимании мужчины или женщины. Чаще всего мужчины имеют пенис, XY хромосомы и высокий уровень тестостерона. Женщины, соответственно, имеют вагину, XX хромосомы и высокий уровень эстрогенов. Однако иногда, эти факторы (гениталии, гормоны, гены) смешиваются в непредсказуемом порядке и получаются вот такие примеры:

– ХХУ сочетание хромосом. Такие дети развиваются как мальчики, но в период полового созревания у них увеличивается грудь, а яички становятся маленькими и плотными.

У таких людей высокий рост, широкие бедра и узкие плечи, бывает диспропорциональность конечностей;

– X хромосома (X0). Такие люди могут быть низкого роста, с грудной клеткой как бочка и укороченной шеей. Изредка наблюдаются психологические нарушения в виде перепадов настроения, вспышек гнева, эмоциональной лабильности. Это не сказывается на фертильности женщин, риск бесплодия и патологий беременности у них соответствует таковому в популяции;

– ХYY сочетание. Видимых отклонений у таких людей нет, но довольно часто встречается такой набор качеств: им труднее сосредоточиться и не отвлекаться, у таких мужчин часто хуже растёт борода, у них широкие бедра, как у женщин, грудь тоже может развиваться наполовину по женскому типу. Они быстрее растут: такие мальчики часто рождаются с обычным ростом, но растут быстрее сверстников, поэтому у 75 % мужчин с ХYY рост выше среднего.

Гены изменить нельзя, однако гормоны могут изменять гениталии прямо во время жизни. Именно из-за такой изменчивости (и это нормально), существуют люди интерсекс. Их нельзя по всем трем признакам определить как мужчин или как женщин. Таких людей на планете 1–2 %, что примерно равно количеству рыжих в мире и скорее всего каждый человек знаком как минимум с одним интерсекс.

Большинство людей узнают, что они интерсекс, когда у них половое созревание проходит нетипично. Например, у мальчиков начинают идти месячные, потому что у них все это время была матка, а девочки не могут забеременеть, потому что внутри них все время было яичко, которое вырабатывало тестостерон. А некоторые никогда и не узнают, что они интерсекс, потому что они никогда не сдавали и не сдадут генетический тест и ничего нестандартного в себе не наблюдали.

Помимо биологических аспектов, существует так же психологическое (ментальное) разделение людей на мужчин и женщин. Есть люди, у которых гендер и пол не сходятся в привычном понимании. Гендер – это то, с кем человек себя идентифицирует и как к нему относится общество. Гендер приобретается посредством нахождения в какой-либо среде. Традиционно в обществе существует два типа поведения: мужественный мужчина и женственная женщина, и если гендер (поведение) совпадает с полом, то человек цисгендерная персона, его поведение принимается и одобряется обществом. Но как только человек отходит от привычных всем рамок и норм – его начинают ненавидеть. При этом гендер – это не сексуальная ориентация. У транс-людей не существует каких-то общих или универсальных сексуальных практик. Как и цисгендерные, они занимаются сексом с людьми разных гендеров и разными способами, но общество не понимает этого (ведь природой определено только одно правильное богом данное поведение). Трансгендерные люди могут быть любой сексуальной ориентации. Она может остаться такой же, как и до перехода, а может меняться с течением жизни (как и у цисгендерных людей и это нормально).

Гендер приобретается всю жизнь, но все ли начинается в детстве? Рассмотрим пример, как традиционно пытаются «правильно» воспитывать детей. Телеканал BBC провел эксперимент и передел мальчика в девочку, а девочку в мальчика. Воспитательницы не знали пол детей и предложили детям игрушки: ребенку в рубашке – робота, а ребенку в платье – куклу. И дети радостно согласились, ведь ребенок – это чистый лист, ему нравится разглядывать, пробовать и трогать все новое и необычное, так он развивается. И когда мальчики играют в пространственные игры, например в машинки или в войнушку, а девочки в коммуникативные, в магазин или дочки матери, то их зоны мозга развиваются по-разному. Однако из-за того, что мозг нейропластичен, установки из детства могут поменяться, а следовательно, может поменяться и гендер. Поэтому стереотип о том, что, если «правильно» воспитывать детей, они станут «нормальными» не жизнеспособен.

У большинства людей биологический (при рождении) пол, половая идентичность и гендерная роль соответствуют друг другу. Тем не менее, некоторые люди чувствуют, что их ментальное состояние не сходится с физическим, т. е. они буквально не чувствуют себя в

своем теле и это называется гендерная дисфория. В данном случае в центре внимания душевное смятение человека, а не на наличие полового несоответствия. Люди страдают от того, что не могут принять себя, а потом переживают еще сильнее, потому что общество их не примет такими, какими они хотят быть. Эти страдания сопровождаются тревожностью, депрессией и раздражительностью. У людей с тяжелой формой половой дисфории могут возникнуть серьезные, сильно беспокоящие их длительные переживания и обычно сильное желание изменить свое тело (или даже пол), чтобы привести его в соответствие со своей половой идентичностью.

Однако понятия «смена пола» не существует. Есть трансгендерный переход, который характеризуется набором действий, которые человек предпринимает, чтобы приблизить внутреннее ощущение пола к внешнему. Переход может включать смену документов, прием гормональной терапии, изменения во внешности и одежде, одну или несколько операций на груди или гениталиях. Какой набор из этих действий выполнить, каждый решает самостоятельно. Некоторые, например, начинают принимать гормональную терапию: для транс-женщин – эстроген, для транс-мужчин – тестостерон. После терапии их тела меняются, причем некоторые изменения сохраняются, даже если перестать принимать гормоны. Например, транс-мужчины могут забеременеть, если перестанут принимать тестостерон, а яичники не успели утратить свою функцию.

Трансгендерные люди часто становятся жертвами стереотипов и фобий, возникающих в основном от незнания. Они сталкиваются с сексизмом, различными формами сексуальных домогательств и насилия. Они чувствуют ненависть к себе даже близких им людей вместо поддержки и это очень жестоко. Очень важно просвещать людей данной теме, объяснять, что человек – это и есть сама природа и ничего в его поведении «неприродного» и неправильного нет. Это важно для выстраивания толерантных, принимающих, адекватных условий для встраивания каждого человека и его комфортного существования в среде, к которой он стремится.

Список использованных источников

- 1 Бобылева, М. Трудности перехода / М. Бобылева // Такие дела. – 2019. – Т. 1, № 12. – С. 8.
- 2 Трансгендерность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 22.05.2022.
- 3 Хайнс, С. Может ли гендер меняться? / С. Хайнс. – СПб.: Ад Маргинем Пресс, 2019. – 144 с.
- 4 Brown, G. R. Gender dysphoria / G. R. Brown. – Johnson City: East Tennessee State University, 2021. – 10 с.

М. И. Ракович, А. А. Куцанова

Научный руководитель: А. Е. Журавлева

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНОСТИ И ТИПА НЕГАРМОНИЧНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются особенности проявления тревожности у мальчиков и девочек. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенностей проявления личностной тревожности в подростковом возрасте мальчиков и девочек из семей с разным типом негармоничного воспитания.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, тревожность, личностная тревожность.

В настоящее время многие психологи (М. В. Манакова, М. В. Залужная, О. А. Щербина, И. А. Синкевич, Т. В. Тучкова и др.) отмечают рост количества тревожных детей дошкольного, школьного (в том числе подросткового) возраста. М. Г. Абрамов, Т. В. Архиреева, Р. Бернс, А. А. Богачева, Л. С. Выготский, Л. А. Запорожец, И. С. Коновальчук, В. В. Столин отмечают, что предпосылками повышения уровня личностной тревожности в подростковом возрасте может быть то, что у мальчиков и девочек активно формируется личность, изменяется ведущий вид деятельности с учебной на интимно-личностное общение со сверстниками, активно формируются самосознание, рефлексия и самоотношение, увеличивается количество систем отношений, членом которых становится подросток. Снижение у подростков интереса к учебе сопровождается повышением требований к их успеваемости со стороны родителей.

Ч. Д. Спилберг рассматривал тревожность как личностное свойство и тревогу, разделил термин на «реактивную» и «активную», «ситуативную» и «личностную» тревожность. Ситуативная тревожность возникает как реакция человека на различные внешние стрессовые события. Личностная же тревожность рассматривается как черта личности [1, с. 12].

Причинами повышенной тревожности в подростковом возрасте могут быть: уровень самооценки, акцентуации характера, отношения со сверстниками, а также отношения с родителями. Те или иные проблемы в семье, нарушение взаимоотношений между родителями и детьми влияют на личностные и эмоциональные особенности ребенка, в том числе и на уровень тревожности.

С первых дней жизни ребенок оказывается в социальной среде, которая представлена ему как система семейного взаимодействия. Именно родители влияют на становление подростка как личности. Отношения с близкими людьми играют решающую роль в развитии ребенка, поэтому проблема детско-родительских отношений всегда будет актуальна в психологии. Важность изучения отношений с родителями в подростковом возрасте обусловлена тем, что особенности отношений подростка с родителями существенным образом влияют на его личностное развитие и на решение задач развития – достижение автономности и построение личностной идентичности, в том числе и на уровень тревожности.

Таким образом, уровень тревожности подростков тесно связан с типом семейного воспитания. Данная проблема является актуальной в связи с тем, что многие исследования настоящего времени отмечают рост тревожности подростков, одной из причин которой является воспитание в семье.

Цель: изучить особенности тревожности у подростков, воспитывающиеся в семьях с негармоничными типами семейного воспитания.

Для достижения поставленной цели было проведено эмпирическое исследование особенностей проявления тревожности в подростковом возрасте на базе ГУО «Гомельская Иренинская гимназия». Выборочную совокупность составили 96 респондентов в возрасте 11–13 лет, из них 47 девочек и 49 мальчиков.

Для выявления типа негармоничного воспитания была использована методика «Родителей оценивают дети» И.А. Фурманова и А.А. Аладьина. Опросник содержит 120 утверждений, которые позволяют получить информацию по 18 шкалам. Первые 11 шкал позволяют выявить стиль семейного воспитания: гиперпротекция, гипопротекция, потворствование, игнорирование потребностей ребенка, чрезмерность требований-обязанностей ребенка, недостаточность требований-обязанностей ребенка, чрезмерность требований-запретов, недостаточность требований-запретов к ребенку, строгость санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком, минимальность санкций, неустойчивость стиля воспитания. Когда число баллов превышает диагностическое значение, то диагностируется соответствующая особенность стиля воспитания. При обнаружении нескольких особенностей (отклонений) воспитания выделяется негармоничный тип семейного воспитания.

Для выявления уровня личностной тревожности у подростков был использован опросник «Шкала тревоги» Ч. Д. Спилберга (адаптированная на русский язык Ю. Л. Ханиным). Испытуемым предлагалось 40 вопросов, 20 из которых предназначены для оценки уровня ситуативной и 20 – для оценки личностной тревожности. Диагностика может

проводиться как в индивидуальной, так и групповой форме. Обработка данных осуществлялась согласно ключу методики.

Результаты исследования негармоничного типа семейного воспитания представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Процентные показатели типов негармоничного воспитания

Тип негармоничного воспитания	Количество человек	Проценты
Потворствующая гиперпротекция	56	58,3
Доминирующая гиперпротекция	2	2
Гипопротекция	34	35,4

Анализ показателей, представленных в таблице 1, позволяет сделать следующие выводы:

– 58,3 % респондентов воспитываются в семьях с таким типом негармоничного воспитания как потворствующая гиперпротекция, при котором подросток находится в центре внимания семьи, все члены семьи стремятся к полному удовлетворению всех потребностей ребенка.

– 2 % респондентов воспитываются в семьях с негармоничным типом семейного воспитания – доминирующая гиперпротекция. Родители посвящают ребенку много времени и сил, подросток находится в центре внимания. При этом подросток лишен самостоятельности, ему ставят различные ограничения и запреты.

– гипопротекция была выявлена у 35,4 % семей. Подросток предоставлен сам себе, родители не контролируют его и не интересуются им.

Таким образом из негармоничных типов семейного воспитания были выделены потворствующая гиперпротекция и гипопротекция. Подростки в семьях с таким негармоничным стилем семейного воспитания как потворствующая гиперпротекция находятся в центре внимания семьи, родители стремятся к максимальному удовлетворению желаний и потребностей ребенка. В семьях с таким негармоничным стилем воспитания как гипопротекция подростки живут своей жизнью, родители не интересуются им и не уделяют ему времени. Было выделено незначительное количество семей с доминирующей гиперпротекцией.

Результаты исследования личностной тревожности в подростковом возрасте представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Выраженность уровней личностной тревожности у подростков (в %)

Анализ данных, отраженных на рисунке 1 позволяет заключить следующее:

– высокий уровень личностной тревожности был выявлен у 47 % респондентов, что свидетельствует о стрессовом воздействии каждой ситуации – эти ситуации будут вызывать у подростка выраженную тревогу и беспокойство. У подростков с данным уровнем личност-

ной тревоги формируется заниженная самооценка, они воспринимают окружающий мир как опасность и угрозу, ведут себя неуверенно, у них проявляется состояние напряженного ожидания проблем, несдерживаемая нарастающая раздражительность и эмоциональная неустойчивость. Подростки с данным уровнем личностной тревожности весьма восприимчивы к собственным неудачам, предрасположены отказываться от той деятельности, в которой ощущают затруднения. На занятиях они зажаты и напряжены, отвечают на вопросы педагога невысоким и тихим голосом;

– умеренный уровень личностной тревожности проявляется у 53 % респондентов, что указывает на умеренное эмоциональное состояние. Подростки с данным уровнем тревоги спокойно оценивают различные ситуации и ищут пути их решения, они берутся за новые возможности, способны приспосабливаются в новой ситуации, не испытывают страх перед ответом у доски, беседой с директором, учителем, заинтересованы в различных соревнованиях;

– низкий уровень личностной тревожности не был выявлен.

Таким образом, можно сделать вывод, что для данной выборки характерен умеренный уровень личностной тревожности, что говорит об умеренном эмоциональном состоянии. Подростки с данным уровнем тревожности спокойно оценивают различные ситуации и ищут пути их решения, они берутся за новые возможности, хорошо приспосабливаются в новой ситуации, не испытывают страх перед ответом у доски, беседой с директором, учителем, заинтересовываются в различных соревнованиях.

Далее для оценки достоверных различий по средним показателям уровня личностной тревожности у мальчиков и девочек, воспитывающихся с разными негармоничными типами семейного воспитания, был использован t-критерий Стьюдента. Оценка достоверности различий проводилась между уровнем личной тревожности мальчиков и девочек. Результаты со значениями критерия представлены в таблицах 2, 3.

Таблица 2 – Показатели различий уровней тревожности у мальчиков и девочек из семей с разным типом негармоничного воспитания

Тип негармоничного воспитания	Среднее значение уровня тревожности		Статистика t-критерий Стьюдента	Критическое значение
	мальчики	девочки		
Потворствующая гиперпротекция	45,17	43,33	0,9	2,66
Доминирующая гиперпротекция	–	–	–	–
Гипопротекция	51,24	51,24	0	2,74

По результатам статистического анализа можем видеть, что статистически значимых различий между уровнем тревожности мальчиков и девочек с разным типом негармоничного воспитания не обнаружено, а это значит, что как мальчики, так и девочки при потворствующей и доминирующей гиперпротекции, и при гипопротекции имеют сходный уровень тревожности.

Таблица 3 – Показатели различий в типах негармоничного воспитания у мальчиков и девочек с умеренным и высоким уровнем личностной тревожности

Уровень тревожности	Тип негармоничного воспитания		Статистика t-критерий Стьюдента	Критическое значение
	Потворствующая гиперпротекция	Гипопротекция		
Мальчики*	43,33	51,24	4,1	2,7
Девочки*	44	51,24	2,7	2,65

Примечание: * достоверно значимые различия между группами испытуемых ($p \geq 0.05$).

По результатам статистического анализа можно сделать вывод, что существуют статистически значимые различия уровня тревожности мальчиков из семей с потворствующим типом воспитания и мальчиков из семей с гипопротекцией существуют. Также существуют статистически значимые различия девочек из семей с потворствующим типом воспитания и девочек из семей с гипопротекцией (уровень значимости $p \geq 0.05$). Мальчиков и девочек с умеренным и высоким уровнем личностной тревожности достоверно значимо больше воспитывается в семьях с гипопротекцией, при которой подросток предоставлен сам себе, родители не интересуются им и не контролируют его.

Таким образом, результаты статистического анализа позволяют сделать вывод, что у мальчиков и девочек с умеренным и высоким уровнем личностной тревожности родители чаще используют в воспитании гипопротекцию, при которой родители не интересуются подростком, не контролируют его, ребенок предоставлен сам себе. Также мальчики и девочки при потворствующей и доминирующей гиперпротекции, и при гипопротекции имеют сходный уровень тревожности.

Список использованных источников

- 1 Карандашев, В. Н. Изучение оценочной тревожности. Руководство по использованию методики Ч. Спилберга / В. Н. Карандашев, В. Н. Лебедева – СПб. : Речь, 2011. – 80 с.
- 2 Немов, Р. С. Психология. Психодиагностика / Р. С. Немов. М. : ВЛАДОС, 2016. – 632 с.
- 3 Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – М. : МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.
- 4 Психологическая работа с детьми, лишенными родительской опеки /И. А. Фурманов [и др.]. – Минск: Тесей, 2007. – 320 с.

В. А. Руденкова

Научный руководитель: Ю. А. Шевцова, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ И САМООТНОШЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению самооценки и самоотношения. Автором приводятся данные эмпирического исследования половых особенностей самооценки и самоотношения у лиц юношеского возраста

Ключевые слова: самооценка, самоотношение, юношеской возраст, пол, половые различия

Юность – важный период формирования нравственного сознания, выработки ценностных ориентаций и идеалов, устойчивого мировоззрения, гражданских качеств личности. Наиболее важным и центральным новообразованием в юношеском возрасте является самоопределение, характеризующееся активным процессом понимания самого себя, своего места и назначения в жизни. В юношеском возрасте происходит смена внутренней позиции, при этом основной направленностью личности становится устремленность в будущее. Юноши и девушки стремятся занять позицию взрослого человека, осознать себя в качестве члена общества, определить себя в мире, сформировать собственную систему ценностей и смысло-жизненных ориентаций [3, с. 174].

Самооценка играет важную роль в жизни индивида, так как уровень самооценки влияет на уровень достижений личности, реализацию устремлений, целей и общение с окружаю-

щими людьми. Она рассматривается как совокупность представлений индивида о себе, играющих важную роль в формировании образа собственного «Я» [1, с. 88].

Самооценка юношей и девушек – это отношение к себе и к своим отдельным качествам. Она в данном возрасте может носить адекватный характер (когда юноши и девушки объективно оценивают себя), либо быть неадекватно завышенной или заниженной. Уровень самооценки оказывает влияние на социальное развитие индивида, на его адаптацию к самым сложным социальным условиям [2, с. 145].

Проблема возникновения и формирования самооценки является одной из главных проблем становления личности. Разработке этой проблемы посвятили свои труды Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, И. С. Кон, М. И. Лисина, А. И. Липкина, В. В. Столин, Е. В. Шорохова, У. Джемс, Ч. Х. Кули, Дж. Г. Мид, Э. Х. Эриксон, К. Р. Роджерс.

Высота самооценки – один из традиционно выделяемых параметров изучения самооценки. Исходя из данного критерия, самооценка может быть заниженной, завышенной и нормальной. В одинаковой ситуации люди с разной самооценкой будут вести себя совершенно по-разному, предпримут многообразные действия, тем самым по-разному будут воздействовать на развитие событий. Завышенная самооценка свидетельствует о том, что у человека возникает идеализированное представление о своей личности, самооценности. Заниженная самооценка свидетельствует о том, что человек, наоборот, преуменьшает значимость своих качеств и способностей. Адекватная же самооценка личностью своих способностей и возможностей обычно обеспечивает соответствующий уровень притязаний, трезвое отношение к успехам и неудачам, одобрению и неодобрению. У большинства людей проявляется тенденция оценивать себя чуть выше среднего.

Самоотношение личности к самой себе – сложный процесс во всей осознанной жизни человека. Не менее сложен он и в юношеском возрасте. Изучением его сущности, структуры, возрастных особенностей занимаются Л. В. Бороздина, О. А. Белобрыкина, В. И. Долгова, А. В. Захарова, А. А. Кошелева, О. Н. Молчанова, А. С. Умарова, В. К. Шаяхметова, Л. Г. Юрченко [4, с. 33].

В отечественной и зарубежной психологии самоотношение чаще всего определяется как значимый эмоциональный компонент самосознания личности, который, во-первых, опирается на самопознание, а во-вторых – создает главные предпосылки для формирования саморегуляции, самоактуализации и саморазвития.

Самоотношение, таким образом, можно рассматривать в структуре личности как активный поиск осмысления своего «Я» в окружающей социальной среде, как конструктивное поведение с активным личностным ростом, самосовершенствованием, оптимистическим будущим, социально одобряемыми потребностями.

Основываясь на полученном теоретическом материале, было проведено эмпирическое исследование, с использованием следующих методик:

- методика исследования самооценки личности С. А. Будасси;
- тест-опросник самоотношения В. В. Столина и Р. Пантिलеева.

Рассмотрим результаты статистической обработки показателей уровня самооценки личности юношей и девушек (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты оценки достоверных различий самооценки юношей и девушек с помощью U-критерия Манна-Уитни

Уровень	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при P = 0,05	Значимость различия
	Юноши	Девушки			
Высокий	0,76	0,89	2,13	2,02	значимы
Средний	0,42	0,59	2,15	2,07	значимы
Низкий	0,58	0,06	2,2	1,5	значимы

По результатам статистического анализа были обнаружены статистически значимые различия между юношами и девушками. Это позволяет утверждать, что самооценка достоверно выше у юношей.

Для выявления половых различий уровня самооотношения у лиц юношеского возраста, обработка осуществлялась согласно ключу опросника. Результаты исследования половых различий в самооотношении юношей и девушек представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Средневыборочные результаты исследования по методике самооотношения у юношей и девушек

Исследуемая выборка	Шкалы											
	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7
Юноши	12,87	12,88	10,58	12,7	12,63	12,16	12,3	11,9	12,9	11,2	12,63	11,8
Девушки	12,65	10,1	13,08	11,32	12,52	10,74	9,8	11,9	10,7	13,5	12,52	12,0

Согласно данным таблицы 2 можно утверждать следующее:

- по факторам «I», «II», «III», «1», «4» показатели выше у выборки юношей;
- факторы «2», «5» выражены в большей степени у выборки девушек.

На основании полученных данных можно судить о том, что для юношей свойственно быть более самоуверенными, они склонны к более высокому уровню саморуководства, а также отраженного самооотношения. Это позволяет их охарактеризовать, что у них есть эмоциональная и содержательная вера в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценка своих возможностей, склонность контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, понимание самого себя. Респондентам интересны собственные мысли и чувства, они готовы общаться с собой «на равных», также они уверены в своей интересности для других.

У девушек достоверно выше уровень внутренней конфликтности и самообвинения. Они отличаются чрезмерной требовательностью к себе и еще большей требовательностью к другим. Также для них свойственна повышенная конфликтность, причины которой кроются в их нетерпимости к другим людям.

Следовательно, можно утверждать, что юноши и девушки различаются по высоте самооотношения по следующим факторам: самоуверенности, саморуководству и самоуважению, по степени выраженности внутренней конфликтности.

Далее был проведен статистический анализ данных с использованием U-критерия Манна-Уитни с целью выявления статистической значимости различий между результатами исследования выборок юношей и девушек по опроснику самооотношения В. В. Столина и Р. Панталева. Результаты статистической обработки приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты оценки достоверных различий самооотношения юношей и девушек с помощью U-критерия Манна-Уитни

Шкалы	U-критерий Манна-Уитни	Критическая точка при P = 0,05	Значимость различия
1	2	3	4
S – интегральная	0,678	1,676	не значимы
I – самоуважение	2,92		значимы
II – аутосимпатия	2,376		значимы
III – ожидаемое отношение от других	2,101		значимы
IV – самоинтерес	0,568		не значимы

Окончание таблицы 3

1	2	3	4
1 – самоуверенность	2,710		значимы
2 – отношение других	1,769		значимы
3 – самопринятие	0,720		не значимы
4 – саморуководство	1,87		значимы
5 – самообвинение	1,976		значимы
6 – самоинтерес	0,568		не значимы
7 – самопонимание	1,103		не значимы

В результате статистического анализа данных с использованием U-критерия Манна-Уитни были установлены статистически значимые различия между выборками по факторам: «I», «II», «III», «1», «4», «2», «5».

Что позволяет утверждать, что респонденты имеют достоверные различия в степени выраженности разных компонентов самоотношения. Таким образом, у юношей достоверно выше уровень самоуверенности, саморуководства, отраженного самоотношения, что характеризует их преимущественно, как личностей с эмоциональной и содержательной верой в свои силы, способности, энергию, способностью контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательными.

У девушек достоверно выше уровень внутренней конфликтности и самообвинения, характерными признаками выраженности которых являются: отрицательное отношение к себе, не удовлетворенность, отличительная требовательность к себе и еще большей требовательностью к другим.

Таким образом, в результате исследования половых различий было выявлено следующее:

– юноши и девушки различаются по уровню самооценки. Самооценка достоверно выше у юношей;

– существуют достоверные различия в степени выраженности разных компонентов самоотношения: у юношей достоверно выше уровень самоуверенности, саморуководства, отраженного самоотношения; у девушек достоверно выше уровень внутренней конфликтности и самообвинения

Следовательно, можно говорить о том, что юноши и девушки различаются по высоте самооценки и выраженности определенных компонентов самоотношения.

Выявленные особенности подтверждают выдвинутую гипотезу и свидетельствуют о том, что существующие различия имеет гендерную специфику. Это согласуется с данными отечественных и зарубежных авторов и свидетельствует о необходимости оказания психологической помощи и поддержки девушкам для повышения самооценки, самоуважения, принятия и признания себя, своих достижений, своей ценности.

Подобная психологическая поддержка может быть реализована в психологических центрах, в школах, колледжах, вузах.

Список использованных источников

1 Бороздина, Л. В. Что такое самооценка? / Л. В. Бороздина // Психологический журнал. – Т.13. – 2003. – С. 88–89.

2 Лозовая, Г. В. Методологические проблемы изучения самооценки личности / Г. В. Лозовая – СПб. : 2003. – С. 143–151.

3 Мухина, В. С. Возрастная психология. Феноменология развития / В. С. Мухина – М. : Академия, 2009. – 359 с.

4 Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин – М. : Прогресс, 2009. – 49 с.

Е. А. Стрижонок

Научный руководитель: С. В. Остапчук
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОК

В статье рассматривается эффективность тренинговой программы, направленной на развитие отдельных личностных черт как психологического (личностного) компонента гендерной идентичности у девушек. Описана тренинговая программа по развитию инициативности, лидерства, силы воли, мотивации достижения успеха и уверенности в себе.

Ключевые слова: гендерная идентичность, развитие гендерной идентичности, тренинговая программа.

Гендерная идентичность включена в социальную идентичность индивида, она формируется в результате интериоризации мужских или женских черт, в процессе взаимодействия «Я» и других во время социализации личности [2].

Гендерная идентичность рассматривается как результат сложного взаимодействия организмических, социальных и психологических (собственно личностных) факторов [7]. И. Г. Малкина-Пых предлагает выделить три компонента в структуре гендерной идентичности: познавательный, оценочный и поведенческий [5, с. 64].

Процесс формирования гендерной идентичности является непрерывным, первичная половая идентификация ребенка происходит в первый год жизни за счет подражания взрослому, но и во взрослом возрасте гендерная идентичность активно трансформируется [6, с. 78].

В настоящее время можно наблюдать, как традиционные представления о женственности и мужественности изменяются, общество начинает предъявлять юношам и девушкам противоречивые требования касаясь поведения и социальных ролей, что не может не вызывать трудности.

Целью нашего исследования было развитие отдельных личностных черт гендерной идентичности у девушек посредством тренинга. Для проверки эффективности тренинговой программы был проведен психологический эксперимент. В исследовании приняли участие 22 девушки 17–19 лет, студентки Полоцкого государственного университета.

Была выдвинута гипотеза об эффективности использования тренингов, направленных на развитие гендерной идентичности у девушек.

Были выбраны такие качества как инициативность, лидерство, сила воли, мотивация достижения успеха и уверенность в себе. Данные проявления идентичности были сделаны на основе предыдущего исследования [9]. Мы предположили, что развитие данных составляющих поможет студенткам полнее раскрыть свою гендерную идентичность. В исследовании приняли участие две группы девушек, не имеющих значимых различий в выраженности данных проявлений.

Различия в выраженности инициативности в экспериментальной группе представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 очевидно, что уровень значимости p при использовании критерия t -критерия Стьюдента для зависимых выборок равен 0,00 ($p < 0,05$), что свидетельствует о значимых различиях в степени развития инициативности до и после проведения тренинга. Таким образом, можно говорить об эффективности тренинга, направленного на развитие инициативности.

Далее были проанализированы различия в степени развития лидерских способностей в экспериментальной группе. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 1 – Различия в степени развития инициативности в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Степень развития инициативности	36,66	43,75	-3,95	0,00	7,17	9,32

Примечание. «До» – значение экспериментальной группы по степени развития инициативности до проведения тренинга, «после» – значение экспериментальной группы по степени развития инициативности после проведения тренинга.

Таблица 2 – Различия в степени развития лидерских способностей в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Степень развития лидерских способностей	26,83	28,08	-0,96	0,35	4,70	6,38

Из данных, представленных в таблице 2 видно, что уровень значимости p при использовании критерия t-критерия Стьюдента для зависимых выборок больше 0,05 ($p = 0,35$), что говорит об отсутствии значимых различий в степени развития лидерских способностей до и после проведения тренинга.

Отсутствие значимых различий можно объяснить тем, что лидерские способности формируются на протяжении длительного времени. Но так как среднее значение выраженности лидерских способностей возросло, мы предполагаем, что для значимых различий необходимо больше тренингов.

Далее были проанализированы различия в степени выраженности мотивации достижения успеха. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Различия в степени выраженности мотивации достижения успеха в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Степень выраженности мотивации достижения успеха	113,25	115,08	-0,76	0,45	5,37	7,76

Из данных таблицы 3 можно сделать вывод о том, что уровень значимости p при использовании критерия t-критерия Стьюдента для зависимых выборок равен 0,45 ($p > 0,05$). Та-

ким образом, значимых различий в степени выраженности мотивации достижения успеха до и после проведения тренинга не выявлено.

Это можно объяснить тем, что природа мотивации достижения достаточно противоречива. Так, например, в одном из гендерных исследований оказалось, что девушки более мотивированы на достижение, чем юноши. Однако в течение года мотивация достижения юношей осталась на прежнем уровне, а у девушек достоверно снизилась ($p < 0,05$) [1]. В другом исследовании уровень мотивации достижения достаточно высок на первом и пятом курсе, со второго курса идет снижение мотивации [8].

Возможно, необходимо достаточно большое часов тренинговой работы и эффективные упражнения для того, чтобы мотивация достижения не снижалась у студенток в процессе обучения.

Затем были проанализированы различия в степени выраженности уверенности в себе, как составной части гендерной идентичности. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Различия в степени выраженности уверенности в себе в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Степень выраженности уверенности в себе	60,83	68,5	-1,41	0,18	14,75	11,57

Из данных таблицы 4 очевидно, что уровень значимости p при использовании критерия t -критерия Стьюдента для зависимых выборок равен 0,18 ($p > 0,05$), следовательно, значимые различия в степени развития уверенности в себе до и после проведения тренинга отсутствуют.

Это может объясняться тем, что степень развития уверенности в себе в экспериментальной группе была изначально высока и, несмотря на повышение среднего значения уверенности респондентов в себе, после проведения тренингового занятия, различия оказались незначимыми.

Далее были проанализированы различия в степени развития силы воли в экспериментальной группе. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Различия в степени развития силы воли в экспериментальной группе

Переменная	Среднее значение (до)	Среднее значение (после)	Значение t-Стьюдента	Уровень значимости (p)	Стандартное отклонение (до)	Стандартное отклонение (после)
Степень выраженности силы воли	21,50	22,25	-0,68	0,50	3,03	3,75

Из данных таблицы 5 очевидно, что уровень значимости p при использовании критерия t -критерия Стьюдента для зависимых выборок равен 0,50 ($p > 0,05$), что говорит об отсутствии значимых различий в степени развития силы воли до и после проведения тренинговой программы.

Отсутствие значимых различий может объясняться тем, что степень развития силы воли в экспериментальной группе была изначально высока. Можно говорить о повышении среднего значения выраженности силы воли в экспериментальной группе после проведения тренинга.

Настоящее время характеризуется бурными изменениями во многих областях нашей жизнедеятельности, представления о женственности и мужественности, гендерных ролях не стали исключением. Советский и российский психолог И. С. Кон писал, что главным субъектом социальных и гендерных изменений являются не мужчины, а женщины, социальное положение, деятельность и психики которых изменяется значительно быстрее, чем мужская психика [4, с. 256]. Поэтому мы уверены, что в современных девушках необходимо воспитывать стремление активно и самостоятельно осмысливать собственную гендерную идентичность, помогать им найти свой образ «Я» среди других, а не полагаться на традиционные гендерные стереотипы о женщинах, их социальных ролях.

Список использованных источников

- 1 Виндекер, О. С. Особенности мотивации достижения современных студентов: гендерный аспект / О. С. Виндекер // Психология образования: Психологическое обеспечение «Новой школы». – 2010. – С. 299–300.
- 2 Волчкова, Н. И. Особенности гендерной идентичности у современных подростков / Н. И. Волчкова // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2012/06/1427> Дата доступа: 25.05.2022.
- 3 Денисова, А. А. Словарь гендерных терминов / А. А. Денисова. – М. : Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
- 4 Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон. – М. : Время, 2009. – 496 с.
- 5 Малкина-Пых, И. Г. Гендерная терапия (Справочник практического психолога) / И. Г. Малкина-Пых. – Москва: Эксмо, 2006. – 522 с.
- 6 Матвеева, К. С. Гендерная идентичность как объект социологического исследования / К. С. Матвеева // Вестник ТГУ. – 2007. – № 6. – С. 78–80.
- 7 Ожигова, Л. Н. Проблема достижения гендерной идентичности личности на разных возрастных этапах / Л. Н. Ожигова // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – № 2. – С. 109–112.
- 8 Семенова, Л. Г. Развитие мотивации достижения в профессиональном становлении студентов вуза / Л. Г. Семенова // Вестник ТГУ, гуманитарные науки. Педагогика и психология. – 2008. – № 2 (58). – С.354–359.
- 9 Стрижонок, Е. А. Гендерная идентичность современных белорусских женщин / Е. А. Стрижонок, С. В. Остапчук // XX Международная научно-практическая конференция студентов, магистров и аспирантов «Актуальные проблемы современной психологии» учреждение образования «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы». – 8 апреля 2021 года. – С.181–186.

В. И. Ткаченко

Научный руководитель: Т. В. Тратинко
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АЛЕКСИТИМИИ У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются подходы к изучению проблемы алекситимии. Автором приводятся данные эмпирического исследования, направленного на выявление гендерных особенностей алекситимии у подростков.

Ключевые слова: алекситимия, подростковый возраст, гендерные особенности, профилактика алекситимии.

Актуальность данной работы заключается в том, что алекситимия – это сложный психофизиологический феномен, который влияет на интеллектуальные и эмоционально-

волевые характеристики личности, оказывая негативное влияние почти на все сферы человеческой жизни (социальную, физическую, когнитивную и т. д.), и на становление личности, в целом. Крайне важной задачей является изучение проблемы алекситимии, с учетом особенностей ее проявлений в подростковом возрасте.

Ведущей деятельностью подростков является интимно-личностное общение, в процессе которого появляются новообразования психики, самосознание и рефлексия. Алекситимия может спровоцировать неадаптивное поведение, отягощенное различными аддикциями, личностными и межличностными проблемами.

Актуальным является вопрос выявления гендерных проявлений алекситимии в подростковом возрасте. Так, к примеру, в статье О. В. Ковачева отмечено, что мальчики-подростки до 16 лет имеют высокие показатели выраженности алекситимии в сравнении с девочками подростками [1]. Автор отмечает, что существует корреляционная взаимосвязь между уровнем алекситимии и местом проживания подростка. Так, к примеру, у подростков, проживающих в городе, показатели выраженности алекситимии выше, чем у подростков, проживающих в сельской местности.

С. А. Кулаков отмечает, что алекситимия в два раза чаще встречается у подростков, имеющих психосоматические заболевания, что ведет к снижению адаптационному потенциалу у подростков [2].

Было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление гендерных особенностей алекситимии у подростков. Для изучения проявления алекситимии была использована Торонтская алекситимическая шкала «TAS-20» Г. Тейлора. Для статистического анализа данных применялись непараметрические критерии: Вилкоксона, Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В исследование приняло участие 66 подростков (33 юноши и 33 девушки).

Анализ результатов исследования позволил выявить ряд особенностей проявления алекситимии у подростков.

У девушек преобладают высокие показатели по общему уровню алекситимии, в отличие от их сверстников мужского пола, о чем свидетельствуют статистически значимые различия (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Взаимосвязь между полом и общим уровнем алекситимии у подростков

Название переменной	rs	Уровень значимости (p)	Сила зависимости (R)	Направление зависимости
Общий уровень алекситимии	0,331677	0,006517	Слабая	Прямая

Существует слабая прямая связь между полом и трудностью идентификации чувств у подростков (таблица 2), что означает то, что у девушек подросткового возраста чаще встречаются высокие показатели по шкале трудности идентификации чувств, чем у юношей того же возраста.

Таблица 2 – Взаимосвязь между полом и трудностью идентификации чувств у подростков

Название переменной	R	Уровень значимости (p)	Сила зависимости (R)	Направление зависимости
Трудность идентификации чувств	0,320847	0,008624	Слабая	Прямая

Выявлена слабая прямая зависимость между переменными пола и трудности описания чувств (таблица 3). Следовательно, у девушек-подростков чаще возникают трудности при описании чувств, чем у юношей.

Таблица 3 – Взаимосвязь между полом и трудностью описания чувств у подростков

Название переменной	R	Уровень значимости (p)	Сила зависимости (R)	Направление зависимости
Трудность описания чувств	0,323781	0,008002	Слабая	Прямая

Обнаружена слабая обратная взаимосвязь между общим уровнем алекситимии и возрастом респондентов (таблица 4). Это свидетельствует о том, что чем старше подросток, тем реже у него возникают трудности с идентификацией чувств.

Таблица 4 – Взаимосвязь между возрастом и общим уровнем алекситимии у подростков

Название переменной	R	Уровень значимости (p)	Сила зависимости (R)	Направление зависимости
Общий уровень алекситимии	-0,399806	0,000881	Слабая	Обратная

Корреляционная взаимосвязь между показателями возраста и трудностями идентификации чувств является слабой и обратной (таблица 5), что свидетельствует о более высокой степени возникновения трудностей при идентификации чувств у лиц более младшего возраста.

Таблица 5 – Взаимосвязь между возрастом и трудностью идентификации чувств у подростков

Название переменной	R	Уровень значимости (p)	Сила зависимости (R)	Направление зависимости
Трудность идентификации чувств	-0,275557	0,025129	Слабая	Обратная

Выявлена корреляционная взаимосвязь между показателями возраста и трудностями описания чувств. Она также является слабой и обратной (таблица 6). Полученные данные отображают влияние возраста на трудность описания чувств. Так, чем младше подросток, тем чаще он сталкивается с данными трудностями.

Таблица 6 – Взаимосвязь между возрастом и трудностью описания чувств у подростков

Название переменной	R	Уровень значимости (p)	Сила зависимости (R)	Направление зависимости
Трудность описания чувств	-0,349063	0,004072	Слабая	Обратная

Также были проанализированы результаты, характеризующие выраженность алекситимии по подшкалам.

По подшкале «трудность идентификации чувств» были получены результаты, которые указывают на то, что большинству девушек (77 %) свойственно испытывать небольшие затруднения при попытке различить собственные эмоции, что может приводить к дефициту эмпатии и лишь ситуативной способности принимать точку зрения других, понимать их чувства и намерения. Такие же проявления свойственны и 58 % юношей.

Существуют различия между девушками и юношами по показателю низкого уровня трудности идентификации чувств: 3 % у девушек, в то время, как у юношей – 31 %. Это означает то, что юношам легче правильно интерпретировать и описывать собственные внутренние состояния, они в большей степени могут проявить сочувствие чувствам других.

Девушкам чаще сложнее рефлексировать на тему собственных чувств.

По подшкале «трудность описания чувств» также были выявлены существенные различия между юношами и девушками. Низкие баллы по данной подшкале более свойственны для юношей (17 %), в то время как для девушек более свойственны высокие баллы (40 %). Такие показатели указывают на частое переживание девушками состояния раздражительности, безразличия, тоски, скуки, опустошенности, усталости, напряжения. В поведении девушек чаще можно наблюдать стереотипность поведения, возможные аффективные вспышки, из-за чего возможны частые конфликты.

Тип внешне-ориентированного мышления обнаружен у 20 % девушек и 25 % юношей. Такое мышление характеризуется чувством беспокойства и раздражительностью по мелочам, отсутствием уверенности в себе. Также подобное мышление может быть связано с групповыми ценностями.

По шкале «общего уровня алекситимии» были обнаружены значимые различия по высокому и низкому уровню алекситимии среди юношей и девушек. Так, среди девушек полностью отсутствует низкий общий уровень алекситимии, что свидетельствует о том, что для девушек не свойственна способность к распознаванию и описанию собственного эмоционального состояния и эмоционального состояния других людей. В то время, как такой показатель характерен для 17 % юношей.

Яркая выраженность общего уровня алекситимии характерна для 11 % юношей и 30 % девушек. Лицам с высоким уровнем алекситимии свойственна высокая тревожность, инфантильность, неспособность активного вмешательства в обстоятельства жизни, низкий уровень удовлетворенности жизнью, высокая степень подверженности стрессовым воздействиям, трудности в межличностных отношениях.

Средние значения показателей алекситимии характерны для 67 % у девушек и 72 % у юношей, что является стандартными показателями.

Таким образом, на основании проведенного теоретико-методологического анализа проблемы алекситимии и выявленных гендерных особенностей алекситимии у подростков были сделаны следующие выводы:

1. «Алекситимия» – это конструкт личности, характеризующийся измененным эмоциональным осознанием. Ее характерные черты были определены как:

- трудность распознавания чувств и различения между чувствами и телесными ощущениями эмоционального возбуждения;
- трудности с описанием чувств другим людям;
- ограниченные процессы воображения, о чем свидетельствует недостаток фантазии;
- ориентированный на стимулы, ориентированный на внешний когнитивный стиль.

2. Проблема алекситимии у подростков является актуальной. В ходе исследования было установлено, что:

- у 21 % подростков из выборки, был обнаружен высокий уровень алекситимии, что также подтверждает актуальность разработки профилактических мероприятий;

– существуют значимые различия между показателями общего уровня алекситимии, шкалами трудности идентификации чувств и трудности описания чувств у юношей и девушек. Так у девушек чаще встречались высокие показатели, что необходимо учитывать при составлении мероприятий и программ по профилактике алекситимии у подростков;

– выявлена обратная взаимосвязь алекситимии с возрастом испытуемых – чем младше опрашиваемые, тем выше баллы по общему уровню алекситимии и ее подшкалам.

3. Использование проектного подхода в профилактике алекситимии у подростков позволит обеспечить качество проведения мероприятий по профилактике посредством осуществления контроля, внесения своевременной корректировки в программу.

Список использованных источников

1 Ковачев, О. В. Психодинамический коллапс алекситимии / О. В. Ковачев // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 1. – С. 119–124.

2 Кулаков, С. А. Основы психосоматики. / С. А. Кулаков – СПб. : Речь, 2003. – 288 с.

Д. Д. Тусикова

Научный руководитель: А. С. Ярошевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБОВНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ ОПЫТОМ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей проявления любовной зависимости у юношей и девушек с разным опытом партнерских отношений.

Ключевые слова: любовь, любовная зависимость, партнерские отношения, межличностная зависимость.

Любовь является психологическим новообразованием этапа юности, на котором она впервые осознается как переживание и понимается как ценность и необходимость. Именно потому, что идет изменение содержания понятия любви, изучение феномена любви в юношестве как никогда актуально. Оно позволит выявить такое понимание любви, которое может способствовать построению адекватных отношений с противоположным полом [2, с. 17].

Несмотря на значимость переживания любви в юношеском возрасте с точки зрения развития личности, данное психологическое явление остается малоизученным в психологической науке. Начиная с 60-х годов XX столетия начинают появляться эмпирико-описательные и экспериментальные исследования по проблеме любви, задающие новые аспекты понимания и видения данной темы и предлагающие новые интересные модели любви.

Кроме того, исследования свидетельствуют, что социальная ситуация развития юношества характеризуется становлением нового типа сексуальной культуры. В данном контексте тема юношеской любви приобретает новый смысл. Возникает противоречие между острой необходимостью изучить особенности понимания любви в юношеском возрасте и фактическим уровнем разработанности данной проблемы в психологической науке. Данное противоречие создает проблему, сущность которой в том, что процесс восприятия содержания любви из сложившихся стереотипов в обществе во внутриличностный план в юношеском возрасте не полностью исследован с психологических позиций. Поэтому изучение психологических особенностей любви современных юношей и девушек имеет особую важность и является актуальным [1, с. 23].

Цель исследования: выявить особенности проявления любовной зависимости у юношей и девушек с разным опытом партнерских отношений

Выборка исследования: 64 студента ГГУ имени Ф.Скорины в возрасте от 17 до 22 лет.

Для исследования использовались следующие диагностические методики:

– анкета «Опыт личных отношений с партнером», разработанная для целей исследования. Анкета предназначена для сбора общей информации о человеке и позволяет увидеть опыт партнерских отношений и их длительность. Анкета состоит из 9 вопросов, которые включают как открытые, так и закрытые вопросы, и шкалу выраженности от 1 до 3;

– тест на межличностную зависимость Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушкиной).

Опросник направлен на изучение склонности к межличностной зависимости и состоит из 48 утверждений, которые распределяются по 3 шкалам:

– эмоциональная опора на других (эо) (18 вопросов),

– неуверенность в себе (н) (16 вопросов),

– стремление к автономии (а) (14 вопросов);

– тест-опросник на определение любовной аддикции А. Ю. Егорова. С помощью теста можно выявить предполагаемую патологию, мешающую построению гармоничных и здоровых взаимоотношений в паре.

По результатам проведенного анкетирования было выявлено, что 2 % респондентов вступили в отношения в 13 лет, 33 % – в возрасте 14 лет, 28 % респондентов впервые вступили в отношения в возрасте 15 лет, 11 % – в 16 лет. Количество опрошенных, вступивших в отношения в 17 лет составляет 13 %, в возрасте 18 лет – 8 %, а 5 % – в 19 лет. Наглядно результаты представлены на рисунке 1.

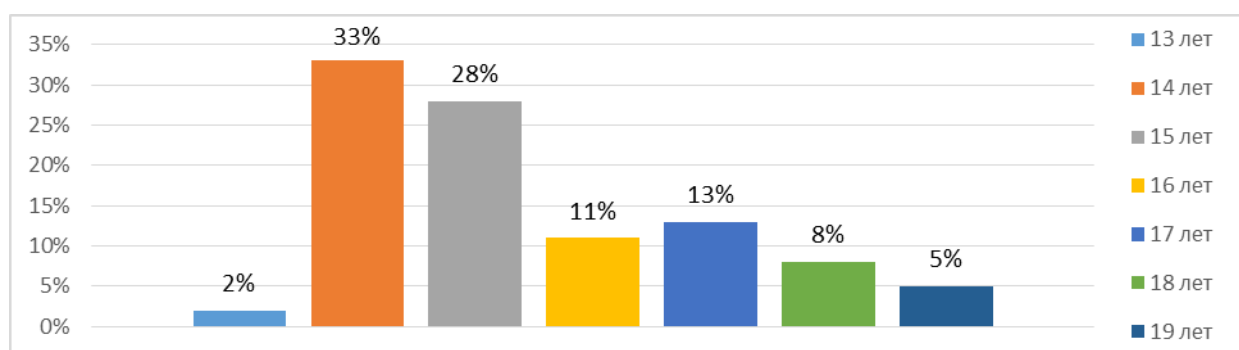

Рисунок 1 – Возраст вступления в первые отношения

52 % респондентов состояли в длительных отношениях (3–5 лет и более), 48 % от исследуемой выборки состояли в отношениях продолжительностью 1–3 года. Самыми частыми причинами разрыва стали: потеря интереса к партнеру – 31 %, измены – 14 %, частые ссоры – 28 %, расстояние – 8 %. Также 14 % респондентов – не расставались со своими партнерами. Наглядно результаты представлены на рисунке 2.

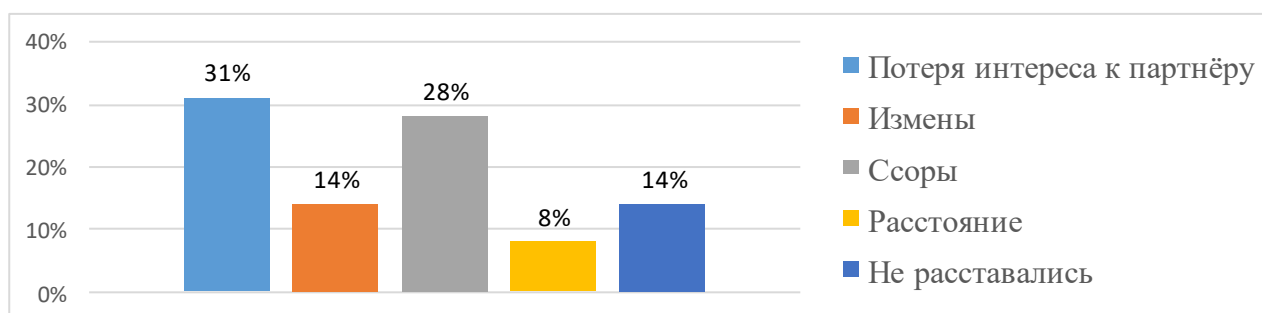

Рисунок 2 – Ответ на вопрос «Причина расставания»

По результатам исследования по тесту на межличностную зависимость Р. Гиршфильда можно сделать вывод, что для 65 % респондентов, состоящих в отношениях 1–3 года характерен средний уровень межличностной зависимости. То есть для молодых людей в меньшей степени характерны отсутствие самостоятельности, ригидное стремление к получению помощи и поддержки на фоне постоянного ощущения себя как беспомощного и слабого независимо от конкретной ситуации.

У респондентов, состоящих в отношениях 3–5 лет, преобладает низкий уровень межличностной зависимости (52 %), что характеризует их, как ощущающих себя цельной личностью, стремящейся к разрешению проблем самостоятельно. Такие люди способны к принятию отказов, боязнь отвержения им не свойственна. Молодые люди не испытывают чувства изолированности при отсутствии контактов со значимыми для них людьми.

У 100 % опрошенных, состоящих в длительных отношениях (5–7 лет), выявлен средний уровень межличностной зависимости. Наглядно данные представлены на рисунке 3.

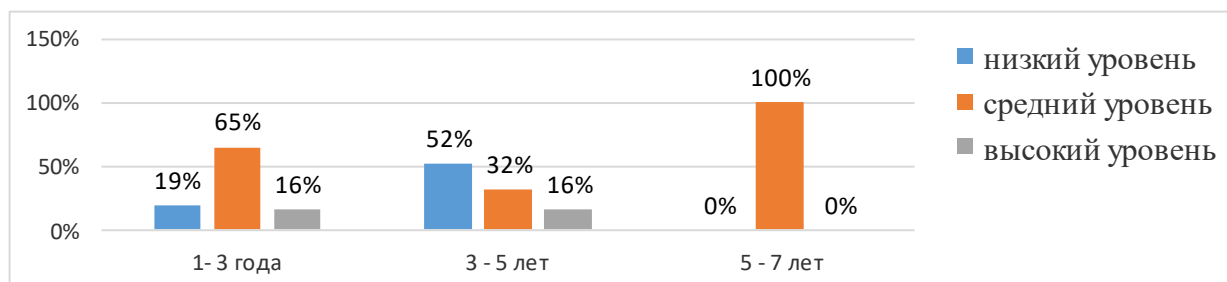

Рисунок 3 – Результат исследуемой выборки с использованием теста на межличностную зависимость Р. Гиршфильда, адаптация О. П. Макушкиной

Далее был проведен статистический анализ различий в группах по признаку продолжительности отношений и полученным результатам межличностной зависимости с использованием t-критерия Стьюдента. Результаты статистического исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты оценки достоверных различий по параметру уровня межличностной зависимости с помощью t-критерия Стьюдента

Самооценка личности	Значение t-критерия Стьюдента		Критическая точка при P = 0,05	Значимость различия
	1–3 года	3–5 лет		
Высокий уровень	0.6		2.31	Не значимы
Средний уровень	0.2		2.05	Не значимы
Низкий уровень	1.3		2,2	Не значимы

Статистически значимые различия не были обнаружены. Это позволяет утверждать, что продолжительность отношений не влияет на сформированность межличностной зависимости.

По результатам исследования опросником на определение любовной аддикции А. Ю. Егорова можно сделать вывод, что среди респондентов, состоящих в отношениях 1–3 года (42 %) и 3–5 лет (52 %), чаще встречается средний уровень любовной зависимости. То есть для молодых людей характерны средний уровень импульсивности, средний уровень ожиданий от партнера, но также повышенная тревожность и склонность к эмоциональной зависимости от партнера.

У 32 % респондентов с продолжительностью отношений 1–3 года также выраженным является высокий уровень любовной аддикции. Их отличительными чертами являются высо-

кий уровень импульсивности, повышенный уровень ожиданий от партнера, повышенная тревожность, тенденция к сохранению неблагоприятных романтических отношений с полной эмоциональной зависимостью от партнера.

Интересными являются результаты респондентов, состоящих в длительных отношениях: средний уровень любовной аддикции не был выявлен. По 50 % опрошенных, относящихся к этой категории, продемонстрировали низкий или высокий уровни любовной зависимости. Возможно, это связано с малым количеством респондентов, попавших в эту категорию. Наглядно данные представлены на рисунке 4.

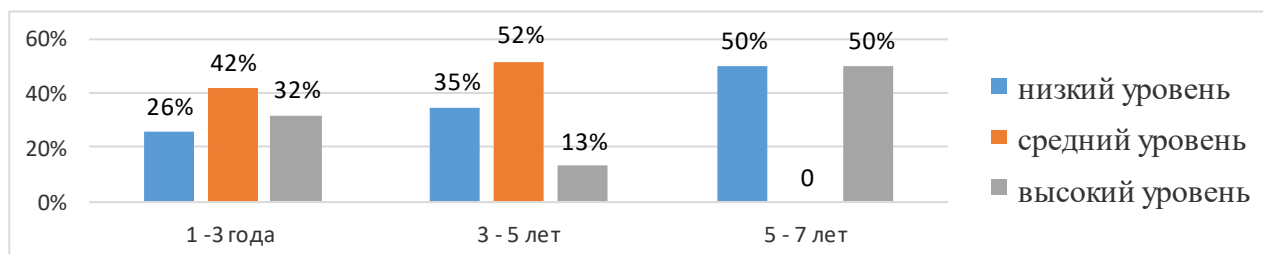

Рисунок 4 – Результат исследуемой выборки с использованием тест-опросника на определение любовной аддикции Егорова А. Ю.

Далее был проведен статистический анализ различий в группах по признаку продолжительности отношений и полученным результатам любовной аддикции зависимости с использованием t-критерия Стьюдента. Результаты статистического исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты оценки достоверных различий по параметру уровня любовной аддикции с помощью t-критерия Стьюдента

Самооценка личности	Значение t-критерия Стьюдента		Критическая точка при P = 0,05	Значимость различия
	1–3 года	3–5 лет		
Высокий уровень	3.3		2.26	Значимы
Средний уровень	0.7		2.05	Не значимы
Низкий уровень	1		2.13	Не значимы

Статистически значимые различия были обнаружены между результатами исследуемых выборок только на высоком уровне любовной аддикции. Это позволяет сделать вывод, о том, что у юношей и девушек, которые состоят в отношениях 1–3 года может проявляться высокий уровнем импульсивности, а также высокий уровень эмоциональной зависимости от своего партнера. Также у них преобладает тенденция к сохранению неблагоприятных романтических отношений с полной эмоциональной зависимостью от партнера. Подобное поведение является в меньшей степени свойственным респондентам с продолжительностью отношений 3–5 лет.

При статистическом анализе среднего и низкого уровня значимые различия не были обнаружены. Это позволяет утверждать, что более продолжительные отношения не влияют на проявление данных уровней любовной аддикции.

Результаты исследования углубляют научные знания об особенностях проявления любовной зависимости у юношей и девушек с разным опытом партнерских отношений, могут выступать основой для проведения дальнейших исследований и разработки теоретических оснований повышения психологической компетентности семейных психологов, использоваться в психодиагностической практике, а также в практике психологического консультирования.

Список использованных источников

1 Маслянка, Ю. В. Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) / Ю. В. Маслянка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 1. – С. 22–24.

2 Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.

Д. Г. Халилова

Научный руководитель: О. А. Короткевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Современные условия жизни предъявляют высокие требования к адаптационным способностям личности и её психологическому благополучию. Изучение психологического благополучия социально уязвимых категорий людей, одну из которых представляют люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, является актуальной проблемой современности. В статье автор представляет результаты эмпирического исследования особенностей психологического благополучия людей с разной сексуальной ориентацией.

Ключевые слова: психологическое благополучие, сексуальная идентичность, категоризация по полу, категоризация по сексуальной идентичности.

Большинство развитых стран достигли достаточно высокого уровня экономического развития, при котором счастье и психологическое благополучие граждан становятся главными показателями благосостояния. В современном обществе нарастает тенденция индивидуализации, при которой достижение личного счастья и благополучия является приоритетной целью личности. В современной психологии понятие «благополучие» осмысливается как многомерная система, включающая сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов.

Сексуальность является самой неоднозначной и провокационной тематикой психологического исследования. Современное общество во многом характеризует трансформация социальных институтов, полиморфия моделей социального поведения и их ценностного обоснования, а также раскрепощение сексуальной жизни. Сексуальная революция позволяет сегодня открыто заявлять о своей сексуальной ориентации и обсуждать сексуальность.

Сексуальность – это способность переживать сексуальные ощущения, а в широком смысле – врожденное качество человека, в основе которого лежит сексуальное влечение, включающее четыре составляющих: ориентацию, биологический пол, гендерную идентичность и социальную гендерную роль.

Особенно востребованным на современном этапе развития общества становится изучение психологического благополучия личности с разной сексуальной ориентацией.

Исследование проводилось на базе УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» и УО «Белорусский государственный университет транспорта». Общее количество респондентов составило 150 человек мужского пола. Выборку исследования составили молодые люди в возрасте от 18 до 32 лет. Средний возраст испытуемых составляет 25 лет. Были использованы «Шкала А. Кинси» и шкала психологического благополучия К. Рифф.

Отообразим результаты исследования, полученные в ходе эмпирического исследования, по методике «Шкала А. Кинси» в виде рисунка 1. С целью облегчения идентификации результатов исследования, данные полученные в ходе диагностики были разделены на 3 группы:

- гетеросексуальные (исключительная гетеросексуальность и преимущественная гетеросексуальность, единичные проявления гомосексуальности),
- бисексуальные (преимущественная гетеросексуальность, неслучайные проявления гомосексуальности; бисексуальность),
- гомосексуальные (преимущественная гомосексуальность, неслучайные проявления гетеросексуальности; преимущественная гомосексуальность, единичные проявления гетеросексуальности; исключительная гомосексуальность).

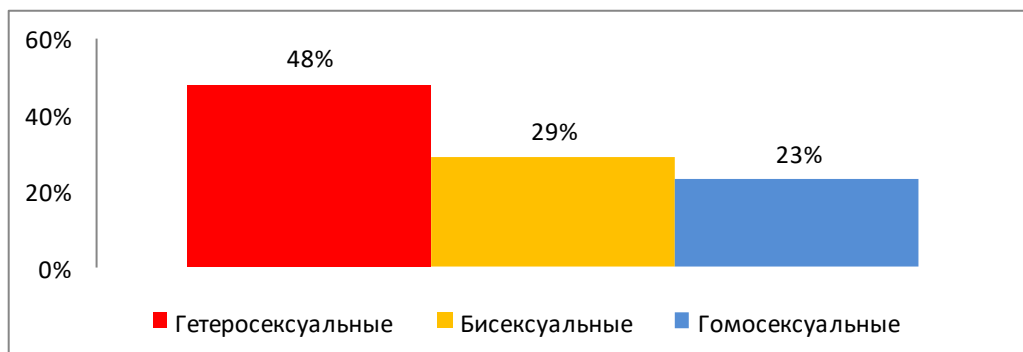

Рисунок 1 – Результаты исследования сексуальной направленности с помощью методики «Шкала А. Кинси»

Согласно данным эмпирического исследования, а также данным, представленным на рисунке 1, можно утверждать следующее:

Для 48 % опрошенных респондентов характерно проявление гетеросексуальности в своей сексуальной жизни. Для 29 % опрошенных респондентов характерно проявление бисексуальности в своей половой жизни. У 23 % опрошенных была выявлена гомосексуальная наклонность сексуального поведения.

Далее была проведена группировка испытуемых на выборки в зависимости от выявленной особенности сексуального поведения и проведено исследование каждой группы по методике «Шкала психологического благополучия К. Рифф».

Для группы респондентов с гетеросексуальной ориентацией характерны следующие показатели по Шкале психологического благополучия К. Рифф:

- по показателю позитивного отношения низкие показатели установлены у 7 % опрошенных, средний уровень выявлен у 44 % опрошенных, высокий уровень позитивного отношения обнаружен у 49 % респондентов;
- по показателю автономии низкие показатели установлены у 4 % опрошенных, средний уровень выявлен у 53 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 43 % респондентов;
- по показателю управления средой низкие показатели установлены у 7 % опрошенных, средний уровень выявлен у 46 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 47 % респондентов;
- низкий уровень личностного роста выявлен у 13 % испытуемых респондентов, средний уровень установлен у 32 % опрошенных; высокий уровень выявлен у 55 % респондентов;
- по показателю наличия целей в жизни низкие показатели установлены у 10 % опрошенных, средний уровень выявлен у 45 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 45 % респондентов;
- низкий уровень самопринятия выявлен у 8 % испытуемых, средний уровень установлен у 58 % опрошенных, высокий уровень самопринятия выявлен у 34 % респондентов;
- по показателю психологического благополучия низкие показатели установлены у 51 % опрошенных, средний уровень выявлен у 32 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 17 % респондентов.

Для группы респондентов с бисексуальной ориентацией характерны следующие показатели по Шкале психологического благополучия К. Рифф:

– по показателю позитивного отношения низкие показатели установлены у 7 % опрошенных, средний уровень выявлен у 42 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 51 % респондентов;

– по показателю автономии низкие показатели установлены у 5 % опрошенных, средний уровень выявлен у 42 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 53 % респондентов;

– по показателю управления средой низкие показатели установлены у 2 % опрошенных, средний уровень выявлен у 58 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 40 % респондентов;

– низкий уровень личностного роста выявлен у 9 % испытуемых, средний уровень установлен у 35 % опрошенных, высокий уровень выявлен у 56 % респондентов;

– по показателю наличия целей в жизни низкие показатели установлены у 7 % опрошенных, средний уровень выявлен у 42 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 51 % респондентов;

– низкий уровень самопринятия выявлен у 9 % испытуемых, средний уровень установлен у 47 % опрошенных, высокий уровень самопринятия выявлен у 44 % респондентов;

– по показателю психологического благополучия низкие показатели установлены у 53 % опрошенных, средний уровень выявлен у 26 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 21 % респондентов.

Для группы респондентов с гомосексуальной ориентацией характерны следующие показатели по Шкале психологического благополучия К. Рифф:

– по показателю позитивного отношения низкие показатели установлены у 11 % опрошенных, средний уровень выявлен у 37 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 52 % респондентов. Респондент, набравший наименьший балл, имеет лишь ограниченное количество доверительных отношений с окружающими: ему сложно быть открытым, проявлять теплоту и заботиться о других; в межличностных взаимоотношениях, как правило, он изолирован и фрустрирован; не желает идти на компромиссы для поддержания важных связей с окружающими. Респондент, набравший наибольший балл, имеет удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими; заботится о благополучии других; способен сопереживать, допускает привязанности и близкие отношения; понимает, что человеческие отношения строятся на взаимных уступках;

– по показателю автономии низкие показатели установлены у 2 % опрошенных, средний уровень выявлен у 47 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 51 % респондентов. Высокий балл по данной шкале характеризует респондента как самостоятельного и независимого, способного противостоять попыткам общества заставить думать и действовать определенным образом; самостоятельно регулирует собственное поведение; оценивает себя в соответствии с личными критериями. Респондент с наименьшим баллом зависит от мнения и оценки окружающих; в принятии важных решений полагается на мнение других; поддается попыткам общества заставить думать и действовать определенным образом;

– по показателю управления средой низкие показатели установлены у 2 % опрошенных, средний уровень выявлен у 49 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 49 % респондентов. При высоких баллах респондент обладает властью и компетенцией в управлении окружением, контролирует всю внешнюю деятельность, эффективно использует предоставляющиеся возможности, способен улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей. Низкий балл характеризует респондента как человека, который испытывает сложности в организации повседневной деятельности, чувствует себя неспособным изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства, безрассудно относится к предоставляющимся возможностям, лишен чувства контроля над происходящим вокруг;

– низкий уровень личностного роста выявлен у 17 % испытуемых, средний уровень установлен у 26 % опрошенных. Высокий уровень личностного роста выявлен у 57 % респондентов. Респондент с наибольшим баллом – обладает чувством непрекращающегося развития, воспри-

нимает себя «растущим» и самореализовывающимся, открыт новому опыту, испытывает чувство реализации своего потенциала, наблюдает улучшения в себе и своих действиях с течением времени; изменяется в соответствии с собственными познаниями и достижениями. Респондент с наименьшим баллом осознает отсутствие собственного развития, не испытывает чувства улучшения или самореализации, испытывает скуку и не имеет интереса к жизни, ощущает неспособность устанавливать новые отношения или изменить свое поведение;

– по показателю наличия целей в жизни низкие показатели установлены у 9 % опрошенных, средний уровень выявлен у 34 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 57 % респондентов. Испытуемый с высоким баллом по данной шкале имеет цель в жизни и чувство направленности; считает, что прошлая и настоящая жизнь имеет смысл; придерживается убеждений, которые являются источниками цели в жизни; имеет намерения и цели на всю жизнь. Испытуемый с низким баллом лишен смысла в жизни; имеет мало целей или намерений; отсутствует чувство направленности, не находит цели в своей прошлой жизни; не имеет перспектив или убеждений, определяющих смысл жизни;

– низкий уровень самопринятия выявлен у 6 % испытуемых, средний уровень самопринятия установлен у 40 % опрошенных. Высокий уровень самопринятия выявлен у 54 % респондентов. Наибольший балл характеризует респондента как человека, который позитивно относиться к себе, знает и принимает различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, положительно оценивает свое прошлое. Респондент с наименьшим баллом не доволен собой, разочарован событиями своего прошлого, испытывает беспокойство по поводу некоторых личных качеств, желает быть не тем, кем он или она является;

– по показателю психологического благополучия низкие показатели установлены у 40 % опрошенных, средний уровень выявлен у 37 % опрошенных, высокий уровень обнаружен у 23 % респондентов.

Далее был проведен статистический анализ данных, с использованием t-критерия Стьюдента, с целью определения особенностей психологического благополучия людей с разной сексуальной ориентацией. Нами были установлены различия, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты статистического анализа особенностей параметров психологического благополучия, полученных с помощью t-критерия Стьюдента

Исследуемый признак	Значение t-критерия Стьюдента	Критическая точка	Значимость различий
Группа респондентов гетеро- и бисексуальной ориентацией			
Психологическое благополучие	2,54	1,98	Значимы
Группа респондентов с гетеро- и гомосексуальной ориентацией			
Психологическое благополучие	2,2	1,98	Значимы

Установлены статистически значимые особенности в уровне психологического благополучия. На основе ранее установленных данных можно утверждать, что более высокий уровень психологического благополучия респондентов с гетеросексуальной ориентацией является их психологической особенностью.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты можно использовать в организации профилактической и коррекционной работы практического психолога с лицами нетрадиционной сексуальной ориентации, направленной на повышение их уровня психологического благополучия, качества жизни и жизненной удовлетворенности. Полученные данные могут быть использованы для дальнейшего изучения личностных детерминант психологического благополучия, качества жизни и жизненной удовлетворенности у лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

СЕКЦИЯ 10
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Д. М. Бабахин

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматриваются некоторые особенности формирования профессиональной ментальности у сотрудников правоохранительных органов. Автором анализируются некоторые факторы, оказывающие влияние на формирование профессиональной ментальности у сотрудников правоохранительной деятельности на современном этапе.

Ключевые слова: ментальность, профессиональная ментальность, правоохранительная деятельность, мотивы, установки, ценностные ориентации.

Существенные трансформации в мотивационной сфере личности, формирование специфических профессиональных мотивов, установок и ценностных ориентаций способствуют образованию у представителей определенной профессии профессиональной ментальности. Существуют особенности профессиональной ментальности у сотрудников правоохранительных органов в силу специфики их деятельности.

Сфера изучения ментальности включает довольно широкий пласт теоретических исследований на стыке разных гуманитарных дисциплин, что свидетельствует о полидисциплинарности понятия «ментальность». В последнее время указанное понятие в психологической науке широко используется несмотря на то, что оно не разработано в достаточной мере. По мнению А. И. Белкина, «если для традиционной социальной психологии ментальность – это неосознаваемая или частично осознаваемая, характерная для данной культуры (субкультуры) специфика психической жизни представляющих ее индивидов, детерминированная экономическими, политическими и социальными условиями жизни, то для постнеклассической науки ментальность – это взятая вне ракурса индивидуального сознания специфика отношения человека и культуры. Она раскрывается в системе образов, норм и ценностей, которые лежат в основе представлений человека о мире и о своем месте в нем, определяя тем самым сознание и поведение людей» [1, с. 3–4]. Следовательно, ментальность выступает как интегральная психологическая характеристика, объясняющая сходство «картин мира», имеющих у разных людей, задействованных, например, в правоохранительной деятельности. Полагаем, что ментальность как конструкт правоохранительной деятельности возник вместе с определенной субкультурой.

Еще менее разработанным понятием является профессиональная ментальность как вид ментальности. Безусловно, профессиональная ментальность – это то общее, что характеризует профессионалов той или иной области: профессиональные социальные установки, ценностные ориентации, особенности восприятия профессионально значимых объектов и поведения по отношению к ним. По мнению ученых, «профессия становится особой формой жизни личности, глубинной экзистенцией, в корне меняющей у профессионализированного субъекта отношение к фундаментальным феноменам человеческого бытия. Единообразие условий, режима труда, отдыха и быта приводит к формированию определенного образа жизни, свойственного профессионалам той или иной группы, что, в свою очередь, в значительной степени определяет развитие интересов, установок, ценностей личности, специальных способностей, манеры поведения и общения и т. д.» [5]. Таким образом, профессиональная ментальность определяется наличием особого социально-психологического типа личности, в структуру которой входят как типичные

формы психического отражения действительности, так и специфические системы ценностных ориентаций, отношений, социальных установок, индивидуально раскрывающихся в направленности на профессиональную деятельность.

По мнению Д. В. Обориной, «понятие профессиональной ментальности отражает тот факт, что в результате включения человека в профессиональную деятельность само его отношение к миру, восприятие, мышление, поведение приобретают профессиональный характер» [3, с. 3]. В связи со спецификой осуществления правоохранительной деятельности профессиональная ментальность понимается как система образов, норм и ценностей, характерных для субъектов, вовлеченных в такой вид деятельности.

Аксиоматично, что ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания, представляя собой характеристику специфического типа мышления, например, мышления сотрудников правоохранительных органов. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, комплексы образов культурально обнаруживаются в ментальности определенной группы субъектов правоохранительной деятельности. По мнению А. В. Косова, «ментальность формируется на основе природных данных и социально обусловленных компонентов (социального опыта, здравого смысла, интересов, эмоциональной впечатлительности), раскрывая представления человека о мире, проявляя привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны (и этим отличаясь от общественных настроений, характеризующихся определенной «зыбкостью», ценностных ориентаций и идеологии)» [2, с. 76]. Следовательно, профессиональная ментальность сотрудников правоохранительных органов отличается достаточно устойчивым характером, включает в себя ценностные ориентации сотрудников правоохранительных органов, но не ограничивается ими, характеризуя глубинные уровни коллективного и индивидуального бессознательного специфических субъектов.

По нашему мнению, развитие правоохранительной деятельности, как одной из социальных подсистем общества, выражается в скачкообразном усложнении и усилении неравновесности ее структуры. Появление новых функций правоохранительных органов неизбежно вызывает к жизни конфликты со старыми, традиционными представлениями о том, каким должен быть правопорядок в современном обществе. Так, безусловно, новым для правоохранительных органов является усиление функций сервисно-правовой помощи в защите прав и свобод граждан, а также поддержки институтов общественной самоорганизации, что неизбежно приводит к увеличению объема персонифицированных связей и отношений с населением, ставит вопрос об условиях эффективного диалога с различными системами общества [4]. Все это обуславливает необходимость изучения ментальности и ее особенностей определенных субъектов, которые занимаются осуществлением правоохранительной деятельности.

Таким образом, формирование профессиональной ментальности выражает жизненные и практические установки сотрудников правоохранительной деятельности, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные сообществу и культурной традиции субъектов правоохранительной деятельности. На наш взгляд, профессиональная ментальность в контексте осуществления правоохранительной деятельности является элементом профессионального сознания, шире и объемнее профессионального мнения или профессиональной установки. Более того, профессиональная ментальность как понятие позволяет объединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полусознаваемыми культуральными шифрами, основанными на бинарных оппозициях, в том числе и в правоохранительной деятельности.

Полагаем, что главным фактором формирования профессиональной ментальности сотрудников правоохранительных органов является сама специфика осуществления правоохранительной деятельности. Также новые вызовы, условия и тенденции развития общества оказывают непосредственное влияние на формирование профессиональной ментальности у сотрудников правоохранительных органов, их отдельных мотивов, установок, ценностных ориентаций.

Список использованных источников

- 1 Белкин, А. И. Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке / А. И. Белкин // Ученые записки. – 2010. – Т. 3. Сер. Психология. Педагогика. – № 1 (9). – С. 3–10.
- 2 Косов, А. В. Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания / А. В. Косов // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 75–90.
- 3 Оборина, Д. В. Становление профессиональной ментальности педагогов и психологов : автореф. автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. психол. наук / Д. В. Оборина ; Рос. акад. образования. – М. : РАО, 1992. – 22 с.
- 4 Новая структурная целостность правоохранительной деятельности на основе дискурса субъектов права и общества // Международная академия исследования лжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://blog.studyliie.ru/novaja-strukturnaja-celostnost-pravo>. – Дата доступа : 16.06.2022.
- 5 Чуприна, В. Б. Изучение профессиональной ментальности студентов, обучающихся в медицинском вузе / В. Б. Чуприна // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://science-education.ru/article/view?id=23972>. – Дата доступа : 16.06.2022.

И. Л. Лукашкова, канд. пед. наук, доцент

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Могилев, Республика Беларусь

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ЗНАЧИМОГО ФАКТОРА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье обосновывается значимость конфликтологической компетентности сотрудников органов внутренних дел в контексте особенностей их профессионального общения. На основании анализа различных авторских позиций представлены содержание и структура конфликтологической компетентности как фактора профессионализма сотрудников милиции, способствующего предупреждению или минимизации деструктивного взаимодействия с гражданами.

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность, профессиональное общение, взаимодействие с гражданами, сотрудники органов внутренних дел.

В настоящее время в связи с обострившейся политической и социальной обстановкой в белорусском обществе профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел протекает в усиленном режиме, который связан с риском для жизни и здоровья, и, как правило, назреванием острых конфликтов между милиционерами и участниками протестных акций и митингов. И здесь, как никогда, уместна и актуальна такая тема, как конфликтологическая компетентность сотрудников органов внутренних дел (ОВД).

Как известно, около 90 % профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел составляет общение с людьми [2]. Поэтому данная профессия предполагает наличие определенных навыков, направленных на умелое установление межличностных связей, поддержку диалога, разрешение конфликтов, а также высокое нравственное воспитание, устойчивую психику и эмоционально-волевые качества, которые, в свою очередь, широко используются сотрудником в его повседневной деятельности и являются факторами, обеспечивающими ее успешность.

Исходя из основных задач органов внутренних дел, таких, как профилактика, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дозна-

ния по уголовным делам, можно сказать, что сотрудник органов внутренних дел сталкивается с самыми разнообразными ситуациями общения. Кроме того, работа милиционеров всегда находится на виду в силу ее социальной значимости, необходимости осуществления борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Следовательно, такой фактор, как конфликтологическая компетентность, является системообразующим, поскольку в современном обществе деятельность милиции находится под пристальным вниманием граждан и часто негативное взаимодействие одного сотрудника органов внутренних дел переносится на несовершенство всей системы ОВД в целом. То есть, если какой-либо сотрудник, общаясь с населением, не проявит такие необходимые качества, как вежливость, тактичность, гуманность и др., то такая ситуация будет источником для негативных эмоций и отзывов о системе органов внутренних дел.

Также работа сотрудников милиции предполагает вынужденное активное взаимодействие с различными категориями населения, необходимость вторжения во внутренний мир людей, что вызывает естественное сопротивление с их стороны, а иногда даже агрессию и конфликты. Это подчеркивает значимость конфликтологической компетентности сотрудников ОВД для выстраивания партнерских взаимоотношений между обществом и милицией. В этой связи изучение конфликтологической компетентности, обобщение представлений о ее содержании и структуре имеют особую актуальность, так как составляют научно-теоретическое основание для разработки практических рекомендаций по подготовке сотрудников милиции к конструктивному взаимодействию с гражданами.

Б. И. Хасан рассматривает конфликтологическую компетентность как совокупность способностей и умений, обеспечивающих эффективное разрешение противоречий, возникающих в процессе взаимодействия между участниками [4]. В контексте такого понимания конфликтологическая компетентность сотрудников правоохранительных органов будет характеризоваться:

- готовностью сотрудника преодолевать конфликтные ситуации;
- способностью выявлять противоречия, лежащие в основе конфликта;
- владением сотрудником способами эффективного разрешения противоречий в ситуациях профессионального взаимодействия.

Такой взгляд на дефиницию позволяет отнести конфликтологическую компетентность к частному проявлению социально-психологической компетентности, которую необходимо формировать как важную составляющую профессиональной компетентности специалиста.

А. В. Гайнуллина, обобщая различные авторские трактовки конфликтологической компетентности, определяет ее не только как комплекс теоретических знаний о причинах конфликтов и способах их преодоления, но и как систему личностно-профессиональных качеств сотрудника, которая предусматривает наличие:

- субъектной позиции и рефлексивной культуры, владение эффективными стратегиями поведения в конфликте, культуры саморегуляции в конфликтных ситуациях;
- способности к определению предпосылок конфликта и причин его эскалации; умения сдерживать противоречия в продуктивной форме взаимодействия и способствовать их разрешению;
- умений прогнозировать возможные конфликтные ситуации и конструировать продуктивные модели взаимодействия;
- владение способами конструктивного управления конфликтными ситуациями на основе использования эффективных стратегий и техник общения;
- базовых качеств, обеспечивающих бесконфликтное поведение сотрудника (вежливость, толерантность, альтруизм, эмпатийность и др.);
- направленности на конструктивное разрешение конфликтных ситуаций; аналитических способностей, осуществлять оценку конфликтной ситуации и определять ее структуру;
- способности к сознательному управлению своим коммуникативным поведением и эмоционально-психическим состоянием в конфликте [1].

Согласно авторскому мнению А. В. Гайнуллиной, конфликтологическая компетентность предполагает не только владение сотрудником ОВД теоретическими знаниями о природе конфликтов, но и практическими умениями и навыками по разрешению конфликтных ситуаций, личностно-профессиональными качествами. Это также позволяет полагать, что конфликтологическая компетентность является частью социально-психологической компетентности, поскольку базируется на знаниях и умениях взаимодействия с людьми.

Разрабатывая методические аспекты психологической подготовки, Д. Н. Рыбин подчеркивает, что содержание конфликтологической компетентности определяется как индивидуальными возможностями и способностями специалиста, так и системой профессиональной деятельности, в которую он включен [3]. Следовательно, в состав конфликтологической компетентности как сложного личностного образования входят универсальные характеристики, присущие специалистам разных профессиональных сфер, и специфические характеристики, обусловленные требованиями к содержанию подготовки.

Таким образом, конфликтологическая компетентность является важной составляющей профессионализма сотрудников ОВД, который обеспечивает предупреждение или минимизацию деструктивного взаимодействия с гражданами. На основании обобщения позиций авторов конфликтологическая компетентность рассматривается как структурный компонент социально-психологической компетентности, поскольку он органично встраивается в систему знаний, умений и навыков сотрудника в области человеческих взаимоотношений. С учетом этого конфликтологическая компетентность, будучи значимым фактором успешного решения служебных задач в системе взаимодействия «сотрудник – гражданин», должна целенаправленно формироваться у сотрудников органов внутренних дел в процессе их психологической подготовки в период обучения в учреждениях высшего образования Министерства внутренних дел, а также при прохождении повышения квалификации.

Список использованных источников

1 Гайнуллина, А. В. Формирование конфликтной компетентности сотрудников ОВД в процессе профессиональной деятельности / А. В. Гайнуллина // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 283–288.

2 Полунина, Е. Н. Профессиональное общение сотрудников ОВД / Е. Н. Полунина, С. В. Гончарова // Colloquium-journal. – 2019. – № 13–6 (37). С. 73–74.

3 Рыбин, Д. Н. Использование игровых технологий в процессе психологической подготовки слушателей ФПП БЮИ МВД России / Д. Н. Рыбин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (36). – С. 187–189.

4 Хасан, Б. И. Конструктивная психология конфликта : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Б. И. Хасан. – 2-е изд., стер. – М. : Юрайт, 2018 – 204 с.

Е. А. Лупекина, канд. психол. наук, доцент,

В. Г. Ефремова

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОДИНОЧЕСТВА У ПОДРОСТКОВ С РАЗНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

В статье рассматривается актуальный для современного общества феномен субъективного переживания одиночества у подростков. Анализируются данные эмпирического исследования уровня субъективного переживания одиночества у подростков

с социально-инертной и просоциальной направленностью личности. Выделяются виды одиночества, более характерные для подростков разных групп социальной активности.

Ключевые слова: субъективное переживание одиночества, просоциальная направленность личности, подростковый возраст.

Острое чувство одиночества у подростков связано с развитием рефлексии в подростковом возрасте и переходом на новый уровень самосознания с усилением потребностей в самопознании, принятии и признании, в общении и обособлении, с кризисом самооценки. Одиночество имеет отрицательные и положительные стороны. С одной стороны, одиночество может довести подростка до апатии, стресса и даже суицида. В то же время одиночество до определенной степени необходимо подростку для личностного роста, развития творческих сил, самостоятельности. Главное, чтобы рядом всегда был хотя бы один человек, к которому можно было бы обратиться в трудную минуту [2].

Переживание одиночества является естественным в подростковый период, когда происходит сепарация от родителей, переход к самостоятельной взрослой жизни и возникает проблема выбора жизненных ценностей, жизненного пути. Нормальными способами преодоления одиночества в подростковом возрасте является установление дружбы, интимность общения, которые могут выступать и как своеобразные формы психотерапии, в которых реализуется потребность в понимании другого и себя другим, принятии и самораскрытии.

В психологической науке проблеме просоциального поведения уделяется не так много внимания, как проблеме асоциального поведения. Отличительным признаком деятельности, мотивированной помощью, является то, что она ведет не столько к собственному благополучию, сколько к благополучию другого человека, т. е. она приносит больше пользы другому, чем самому субъекту [4].

Просоциальное поведение – это добровольное поведение, направленное на пользу другому. Таким образом, это включает в себя такие виды поведения, как помощь, совместное использование или утешение другого. Просоциальное поведение очевидно у маленьких детей, но с возрастом оно меняется по частоте и выражению. Индивидуальные различия в просоциальном поведении вызваны сочетанием наследственности, социализации и ситуационных факторов. Просоциальное поведение может быть сформировано по разным причинам, начиная от эгоистичных и манипулятивных причин (например, помогая – получить что-то взамен) до моральных и других ориентиров (например, помощь из моральных принципов или сочувствия к чужому положению). Просоциальное поведение, которое осуществляется не ради материального или социального вознаграждения (например, награды, одобрения), а основано на заботе о других или моральных ценностях, обычно называют «альтруизмом» [3].

Просоциальная направленность личности – это совокупность содержательных и динамических характеристик личности, определяющих склонность к оказанию помощи окружающим и готовность приносить пользу другим людям и обществу в целом. Человек, который оказывает помощь, выигрывает, так как помогающее поведение считается престижным и благородным. Хотя помогающему приходится заплатить за это определенную цену (к примеру, время, деньги, силы), но позитивные последствия оказания помощи могут быть весомее, чем негативные [4].

Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что существуют различия в выраженности одиночества у подростков с разной социальной направленностью (просоциальной и социально-инертной).

Исследование проводилось на базе ГУО «Гимназия № 36 г. Гомеля имени И. Мележа». В исследовании приняло участие 120 учащихся в возрасте от 15 до 17 лет, из них 43 – с просоциальной направленностью и 77 – с социально-инертной направленностью. Распределение подростков по группам с просоциальным поведением и социально-инертным поведением осуществлялось с использованием метода экспертных оценок.

В рамках исследования были использованы психодиагностические методики: «Методика субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона, «Опросник для определения вида одиночества» С. Г. Корчагиной.

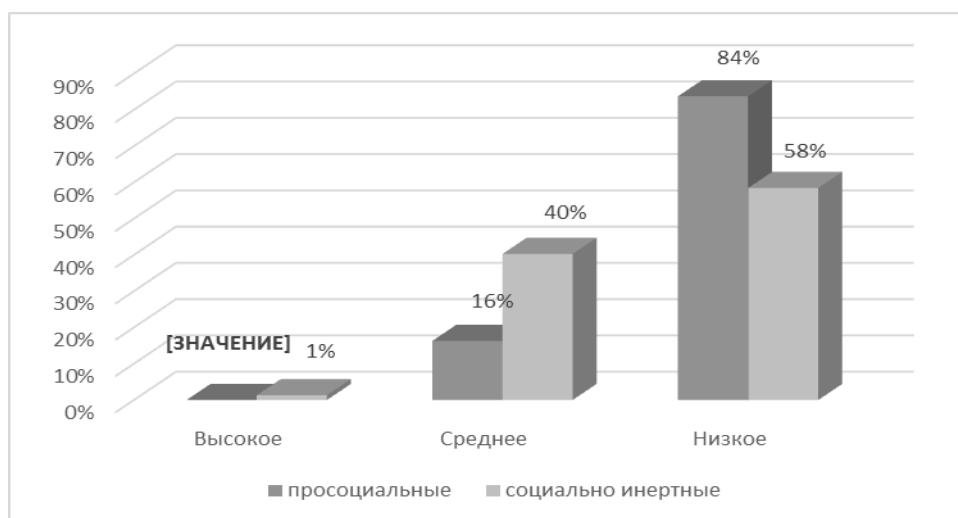

Рисунок 1 – Уровень субъективного ощущения одиночества у подростков с разной социальной направленностью

По данным нашего исследования (рисунок 1) у 84 % подростков с просоциальной направленностью обнаружен низкий уровень субъективного ощущения одиночества, у 16 % – средний, высокий уровень не выявлен. У 58 % подростков с социально-инертной направленностью обнаружен низкий уровень субъективного ощущения одиночества, у 40 % – средний и у 1 % – высокий уровень.

Низкий уровень субъективного ощущения одиночества в контексте данной методики говорит о том, что для подростков не свойственно переживать одиночество как состояние, оно не является для них преградой в межличностных отношениях. У таких подростков гармоничные социальные отношения, они легко заводят друзей и чувствуют себя прекрасно в их окружении.

Средний уровень субъективного ощущения одиночества характеризуется автором методики как адекватный, так как раскрывает особенности переживания субъективного ощущения одиночества как естественного нормального состояния. Такие подростки могут лишь временами испытывать чувство одиночества из-за недостатка внимания со стороны ближнего социального окружения.

Высокий уровень субъективного ощущения одиночества характеризуется тем, что для таких респондентов свойственно острое переживание этого состояния. Они испытывают нехватку общения со стороны окружающих, имеют трудности в установлении контактов с людьми и поэтому их социальные связи весьма поверхностны.

Результаты сравнительного анализа показателей уровня субъективного одиночества у подростков с просоциальной и социально-инертной направленностью представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительные показатели субъективного ощущения одиночества у подростков с разной социальной направленностью по t-критерию Стьюдента

Социальная направленность	Среднее значение	t-критерия Стьюдента	Уровень значимости
Просоциальные	11.953±6.09	4.558	0,001**
Социально-инертные	18.74±10.213		

По данным нашего исследования статистически достоверно установлено, что подростки с социально-инертной направленностью личности значительно чаще испытывают субъективное ощущение одиночества, чем подростки с просоциальной направленностью личности.

Анализ полученных результатов по опроснику С. Г. Корчагиной для определения вида одиночества показал, что у подростков с просоциальной и социально-инертной направленностью личности обнаруживаются различные виды одиночества (рисунок 2).

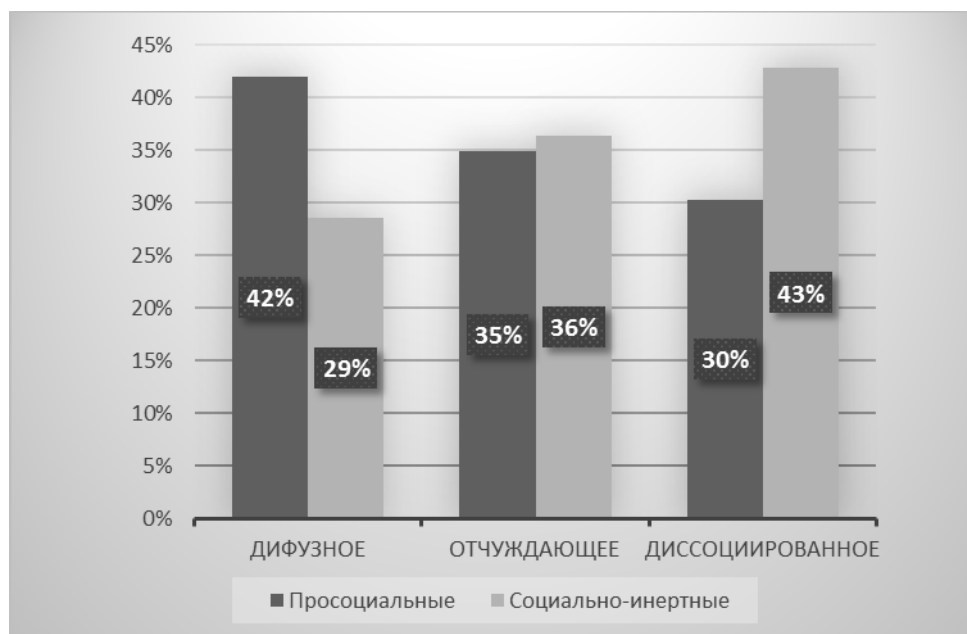

Рисунок 2 – Виды одиночества у подростков с просоциальной и социально-инертной направленностью

Людей, переживающих диффузное одиночество, отличает подозрительность в межличностных отношениях и сочетание противоречащих личностных и поведенческих характеристик: сопротивление и приспособление в конфликтах; наличие всех уровней эмпатии; возбудимость, тревожность и эмотивность характера, коммуникативная направленность [1].

Отчуждающее одиночество характеризуется тенденцией к обособлению человека от других людей, норм и ценностей, принятых в обществе, мира в целом. При этом наблюдается потеря значимых связей и контактов, интимности, приватности в общении, способности к единению. Человек чувствует себя покинутым, потерянным, брошенным. Он не может уже найти необходимый отклик и понимание. Осознание невозможности быть выслушанным, понятым, принятым зачастую приводит к убеждению в собственной ненужности [1].

Диссоциированный вид одиночества выражается в тревожности, возбудимости и демонстративности характера, противоборстве в конфликтах, личной направленности, сочетании высокой и низкой эмпатии, эгоистичности и подчиняемости в межличностных отношениях, что, безусловно, является противоположными тенденциями.

По данным нашего исследования статистически достоверно установлено, что подростки с социально-инертной направленностью личности значительно чаще испытывают диссоциированный вид одиночества, чем подростки с просоциальной направленностью личности (таблица 2). Это означает, что подростки с социально-инертной направленностью личности более противоречивы по своим качествам, они тревожны, возбудимы, проявляют демонстративность характера, противоборство в конфликтах, личной направленности, эгоистичность или подчиняемость в межличностных отношениях [1].

Таблица 2 – Сравнительные показатели вида одиночества у подростков с просоциальной и социально-инертной направленностью по t – критерию Стьюдента

Шкалы	Среднее значение		t – критерий Стьюдента	Уровень статистической значимости (p)
	Просоциальные	Социально-инертные		
Диффузное	6.558±2.196	6.74±2.227	0.433	0.666
Отчуждающее	6.279±2.24	6.987±1.916	1.746	0.085
Диссоциированное	6.209±1.833	7.169±2.13	2.592	0.011*

Кроме того, по данным нашего исследования тенденцию к различению имеет и представленность диффузного одиночества в двух группах. Подростки с социально-инертной направленностью личности чаще испытывают диффузное одиночество, чем подростки с просоциальной направленностью личности. То есть они в большей степени склонны к подозрительности в межличностных отношениях, сопротивлению или приспособлению в конфликтах, более возбудимы, тревожны.

Таким образом, подростки с социально-инертной направленностью личности чаще испытывают субъективное ощущение одиночества, чем подростки с просоциальной направленностью личности. Для них в большей степени характерны переживания неблагоприятных видов одиночества (диффузное, диссоциативное).

Основной причиной переживания одиночества в подростковом возрасте является социальное отторжение, переживание чувства неудовлетворенности в общении из-за страха самораскрытия и доверительности, конфликтные отношения с окружающими и глубокие эмоциональные переживания как главный признак кризиса взросления.

Просоциальная направленность личности подростков, стремление бескорыстно помогать другим, активно участвовать в общественно полезной деятельности позволяет снизить интенсивность субъективного переживания одиночества и в целом переживать одиночество как позитивное состояние, динамическое равновесие процессов идентификации и обособления, психологическую устойчивость личности относительно воздействий социума.

Список использованных источников

- 1 Корчагина, С. Г. Психология одиночества: учебное пособие / С. Г. Корчагина. – М. : Московский психолого-социальный институт. – 2008. – 228 с.
- 2 Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебник для академического бакалавриата / Л. Ф. Обухова. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 460 с.
- 3 Пеннер, Л. А. Просоциальное поведение: многоуровневые перспективы / Л. А. Пеннер, Дж. Ф. Довидио, Дж. А. Пилиавин, Д. А. Шредер // Ежегодный обзор психологии, 2005. – с. 365–392
- 4 Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – СПб., 2003. – 855 с.

А. В. Барзиловская

Научный руководитель: А. Е. Журавлева

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Статья посвящена изучению проблемы взаимосвязи и особенностей жизнестойкости и совладающего поведения медицинских работников. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи и особенностей жизнестойкости и совладающего поведения медицинских работников. Преобладающим уровнем жизнестойкости является высокий, а также преобладает тенденция к способности управлять собственным внутренним напряжением в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Ключевые слова: жизнестойкость, медицинские работники, медицина, стрессовые ситуации, врач, эмоциональное перенапряжение, профессиональная деятельность, совладающее поведение, копинг-стратегии.

Жизнестойкость представляет собой систему убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с ним, которая состоит из трех компонентов (вовлеченности, контроля, принятия риска) и способствует оценке событий как менее травматических и успешному совладению со стрессом [2, с. 35].

Вопросы жизнестойкости личности имеют огромное практическое значение, поскольку устойчивость охраняет личность от дезинтеграции и личностных расстройств, создает основу внутренней гармонии, полноценного психического здоровья, высокой работоспособности. Дезинтеграцию личности понимают как потерю организующей роли высшего уровня психики в регуляции поведения и деятельности, распад иерархии жизненных смыслов, ценностей, мотивов, целей. Психологическая устойчивость индивидуума непосредственно определяет его жизнеспособность, психическое и соматическое здоровье [1, с. 28].

Жизнестойкость личности, как основа внутренней гармонии, источник полноценного психического здоровья, способствует охране личности от дезинтеграции и личностных расстройств.

Актуальность данной темы определяется возрастающими потребностями нашего общества в поисках путей создания благоприятных условий для максимального развития личности, эффективности ее жизненного пути. Условия современной жизни по праву называют экстремальными и стимулирующими развитие стресса. Это связано со многими факторами и угрозами, в том числе политическими, информационными, социально-экономическими, экологическими, природными. Поэтому современная социальная психология проявляет повышенный интерес к изучению жизнестойкости человека и ее роли в выборе совладающих стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях.

Исследование проводилось на базе УЗ «Брагинская центральная районная больница». Выборку испытуемых составили 60 медицинских работников в возрасте от 27 до 50 лет, стаж работы которых от 2 до 25 лет. Из них 30 врачей и 30 медицинских сестер.

Для исследования жизнестойкости и доминирующих копинг-стратегий медицинских работников использовались «Тест жизнестойкости» С. Мадди (перевод и адаптация Д. А. Леонтьев, Е. И. Расказов) и методика «Индикатор копинг-стратегий» разработана Д. Амирханом. В качестве методов математической статистики использовался коэффициент корреляции Спирмена, а также для сравнительного анализа средних значений применялся U-критерий Манна-Уитни.

Анализ результатов исследования жизнестойкости у медицинских работников, полученных с помощью методики «Тест жизнестойкости» С. Мадди (перевод и адаптация Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказов), показал, что такой компонент жизнестойкости как вовлеченность, имеет низкий уровень у 13 % врачей и 17 % медицинских сестер. Для них характерно отсутствие убежденности в продуктивности собственной деятельности, что порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. У 23 % врачей и у 27 % медицинских сестер выявлен средний уровень вовлеченности. Высокий уровень изучаемого качества присущ 63 % врачей и 57 % медицинских сестер. Этим испытуемым свойственно получать удовольствие от собственной деятельности. Они убеждены в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти что-то стоящее и интересное для личности.

Изучение такого показателя жизнестойкости, как контроль показало следующие результаты: низкий уровень выявлен у 13 % испытуемых врачей и у 23 % медицинских сестер. Медицинские работники с таким уровнем выраженности данного показателя убеждены в том, что борьба не может повлиять на результат происходящего. Они ощущают собственную беспомощность. Средний уровень выявлен у 37 % врачей и у 47 % медицинских сестер. У этих испытуемых компонент контроля развит, однако не всегда испытуемым свойственно ощущение, того, что они сами выбирают собственную деятельность, свой путь. Высокий уровень убежденности в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован, выявлен у 50 % врачей и 30 % медицинских сестер.

По результатам исследования критерия «принятие риска» выявлено, что низкий уровень присущ 23 % врачей и 33 % медицинских сестер. У них отсутствует в сознании идея развития; знания усваиваются пассивно и не извлекаются из предыдущего опыта. Средний уровень выявлен у 30 % врачей и 43 % медицинских сестер. Им присуще сомнение в том, что все то, что с ними случается, способствует их развитию. Высокий уровень убежденности в том, что все то, что случается в жизни, способствует развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, выявлены у 47 % врачей и 23 % медицинских сестер.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что общий показатель жизнестойкости имеет низкий уровень у 13 % врачей и 17 % медицинских сестер. Им присуще снижение удовлетворенности от собственной деятельности, возникновение чувства беспомощности, ощущение себя вне жизни. Средний уровень выражен у 43 % врачей и 57 % медицинских сестер. Они обладают средней способностью совладания со стрессом, средней удовлетворенностью от собственной деятельности. Высокий уровень жизнестойкости выявлен у 43 % врачей и 27 % медицинских сестер. Они характеризуются высокой способностью совладания со стрессом, удовлетворенностью от собственной деятельности, они уверены что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

По данным исследования можно заключить следующее: у врачей преобладает средний и высокий уровень жизнестойкости, а у медицинских сестер в большей степени выражен средний уровень жизнестойкости.

Дж. Амирхан на основе факторного анализа разнообразных копинг-ответов на стресс разработал «Индикатор копинг-стратегий». Он выделил три группы копинг-стратегий: разрешения проблем, поиска социальной поддержки и избегания. По данной методике были получены следующие результаты:

– очень низкий уровень копинг-стратегии «разрешение проблем» выявлен у 3 % врачей и 10 % медицинских сестер. Это может свидетельствовать о том, что они не используют все имеющиеся у них личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы. Низкий уровень отмечен у 13 % врачей и 17 % медицинских сестер. Медицинские работники с таким уровнем копинга разрешения проблем также не стремятся использовать имеющиеся у них личностные ресурсы для поиска возможных способов разрешения проблем. Средний уровень проявления выявлен у 20 % врачей и 23 % медицинских

сестер. И, наконец, высокий уровень стремления разрешать возникающие проблемы проявили 63 % врачей и 50 % медицинских сестер. Они стараются использовать все имеющиеся личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы;

– очень низкий уровень копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки», то есть отсутствие стремления получить помощь извне, имеют 13 % врачей и 17 % медицинских сестер. Низкий уровень отмечен у 33 % врачей и 40 % медицинских сестер. То есть иногда медицинские работники все же ожидают получения социальной поддержки. Средний уровень имеют 33 % врачей и 20 % медицинских сестер. И высокие показатели по данному изучаемому критерию продемонстрировали 20 % врачей и 23 % медицинских сестер. Они для эффективного разрешения проблемы обращаются за помощью и поддержкой к окружающей его среде: семье, друзьям, значимым другим;

– очень низкий уровень по копинг-стратегии «избегание проблем» отмечен у 63 % врачей и 37 % медицинских сестер, для которых характерно стремление решать возникающие проблемы самостоятельно и сразу. Низкий уровень выражен у 20 % врачей и 33 % медицинских сестер, то есть они не всегда сразу решают возникающие проблемы. Средний уровень тенденции к избеганию проблем выявлен у 13 % врачей и 20 % медицинских сестер. Им присуще сомнение в самостоятельном решении проблем. И высокий уровень стремления избежать трудности отмечен у 3 % врачей и 10 % медицинских сестер. Это свидетельствует о том, что они избегают контакта с окружающей действительностью, уходят от решения проблем.

Таким образом, изучение индикатора копинг-стратегий показало, что наиболее выраженной и часто встречаемой стратегией поведения является стратегия «разрешение проблем», что свидетельствует о наличии у медицинских работников ответственности за свой профессиональный труд: они успешно определяют проблему и находят альтернативные решения, эффективно справляются со стрессовыми ситуациями, тем самым способствуя сохранению как психического, так и физического здоровья. При этом копинг «разрешение проблем» больше выражен в выборке врачей, по сравнению с медсестрами.

Анализ взаимосвязи жизнестойкости с копинг-стратегиями медицинских работников, показал следующее: с повышением жизнестойкости медицинских работников повышается их стремление к разрешению проблем, уменьшается тенденция к избеганию проблем и поиску социальной поддержки. При этом для данной выборки испытуемых свойственны такие личностные и психические особенности, как повышенная жизнестойкость, ярко выраженная копинг-стратегия по разрешению проблем, менее выраженная копинг-стратегия по поиску социальной поддержки и невыраженная копинг-стратегия по избеганию проблем.

Далее был проведен сравнительный анализ средних значений для оценки достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни, позволивший осуществить оценку различий между выборками врачей и медсестер по уровню вовлеченности, контроля, принятия риска, общей жизнестойкости, количественно измеренных. По результатам общего сравнительного анализа можно сделать вывод, что и врачи, и медсестры в целом обладают повышенным уровнем жизнестойкости, а также стремятся использовать конструктивные копинг-стратегии поведения в сложных ситуациях. Тем не менее, обнаружены статистически значимые различия между врачами и медсестрами.

Врачи и медсестры по-разному готовы принимать риск в возникающих трудных ситуациях, а также демонстрируют различные уровни общей жизнестойкости. Именно врачам свойственен более высокий уровень жизнестойкости, по сравнению с медсестрами. Также обнаружены статистически значимые различия по типу совладающего поведения «разрешение проблем». Врачи стремятся разрешать трудные профессиональные и жизненные ситуации, не отвлекаясь на поиск социальной поддержки и варианты избегания проблем.

Список использованных источников

- 1 Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
- 2 Леонтьев, Д. А. Личностный потенциал сотрудников: структура и диагностика / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2011. – 189 с.

Ю. Е. Березовская

Научный руководитель: А. С. Ярошевич
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

В статье рассматриваются проблемы изучения особенностей эмоционального выгорания в научной психологической литературе. Приводятся данные проведенного эмпирического исследования эмоционального выгорания у медицинских работников. Анализируются результаты исследования.

Ключевые слова: выгорание, эмоциональное выгорание, профессиональный стресс, факторы и симптомы эмоционального выгорания, специфика медицинской деятельности, преодоление эмоционального выгорания.

Вхождение в профессиональное пространство – это длительный процесс, требующий от человека значительных усилий и определенных жертв. Он вынужден тренировать одни свои способности за счет других. Профессия способна овладеть человеком, делая его «работом» специальных знаний о мире, во многом определяя его судьбу и жизненный путь. Именно к такой профессии относится деятельность медицинских работников. Сама профессиональная деятельность медицинских работников предполагает эмоциональную насыщенность, психофизическое напряжение и высокий процент факторов, вызывающих стресс. Стрессовые ситуации, возникающие на работе – это обычное и часто возникающее явление.

Термин «выгорание» ввел американский психиатр Г. Фрейденбергер в 1974 году для описания деморализации, разочарования и крайней усталости, наблюдаемых у специалистов, работающих в системе профессий «человек – человек» [2, с. 97]. «Эмоциональное выгорание – это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на избранные психотравмирующие воздействия» [1, с. 82].

Ситуативная или реактивная тревожность как состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. Личностная тревожность представляет собой конституциональную черту, обуславливающую склонность воспринимать достаточно широкий спектр ситуаций как угрожающие. Как предрасположенность, личная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные для самооценки, самоуважения.

Опираясь на теоретические психологические положения данной проблемы, было проведено эмпирическое исследование на базе поликлиники учреждения здравоохранения «Быховская центральная районная больница». Цель исследования – выявление уровня эмоционального выгорания, а также реактивной и личностной тревожности. В исследовании приняли участие 60 медицинских работников (30 представителей среднего медицинского персонала (медсестры) и 30 врачей).

В качестве психодиагностического инструментария были использованы «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко)» и методика «Определение уровня тревожности» (Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина).

Результаты исследования, полученные в ходе психодиагностики медицинских работников по методике «Диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко)» приведены на рисунках 1 и 2.

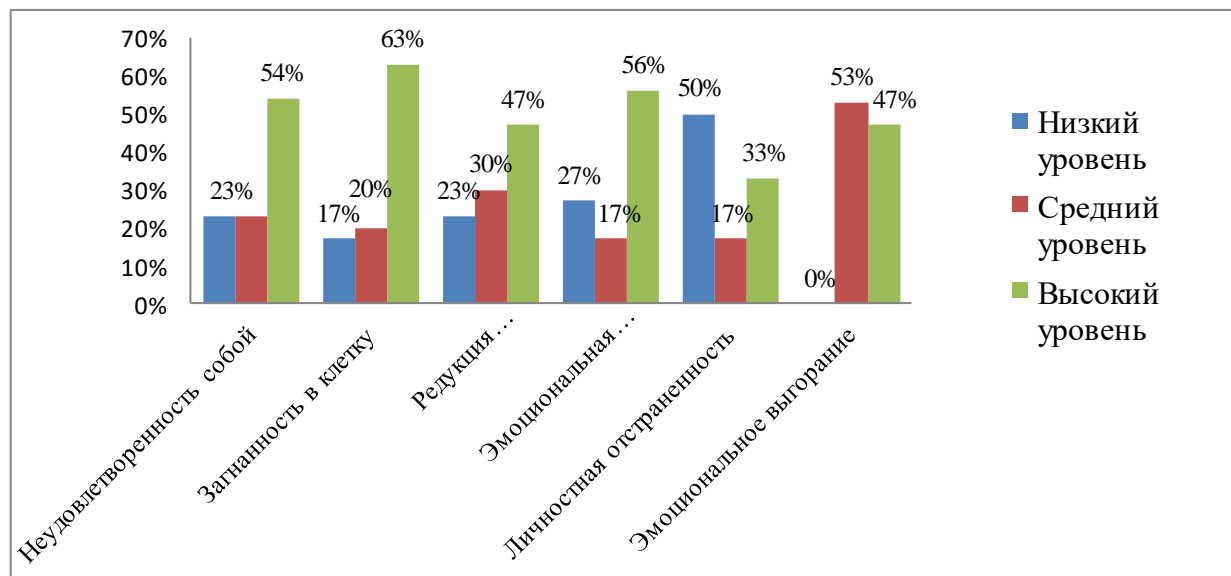

Рисунок 1 – Результаты исследования по методике «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко)» выборки врачей

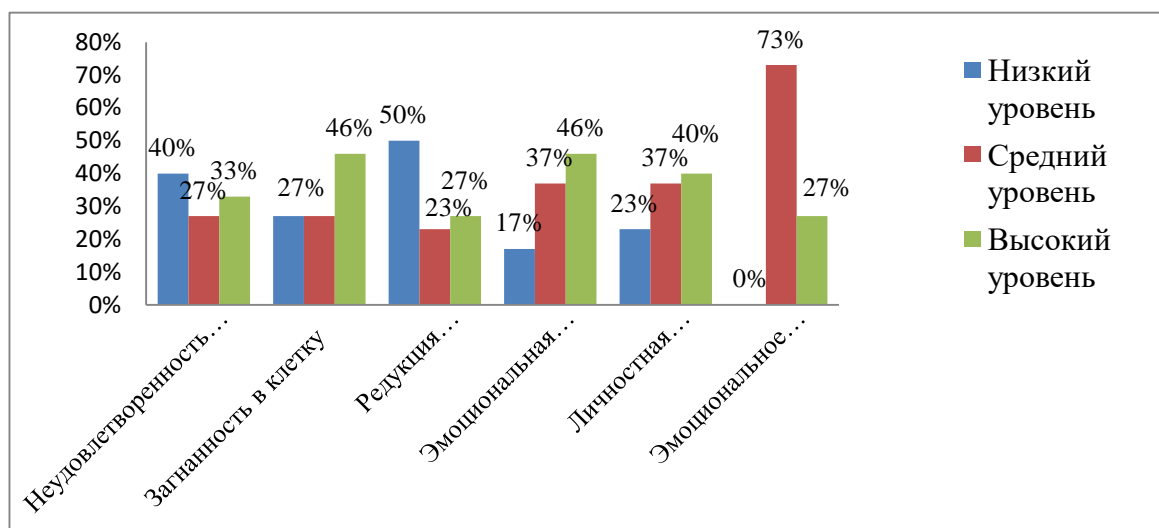

Рисунок 2 – Результаты исследования по методике «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко)» выборки медсестер

В соответствии с данными, полученными в ходе психодиагностики по методике «Диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко)», представленными на рисунках 1 и 2, можно утверждать, что по шкале «Неудовлетворенность собой» в группе врачей низкие

показатели выявлены у 23 % опрошенных, средние показатели установлены у 23 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 54 % респондентов. Для выборки медсестер низкие показатели выявлены у 40 % опрошенных, средние показатели выявлены у 27 % испытуемых, высокие показатели установлены у 33 % медсестер.

По шкале «Загнанность в клетку» в группе врачей низкие показатели выявлены у 17 % опрошенных, средние показатели установлены у 20 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 63 % респондентов. Для выборки медсестер низкие показатели по шкале выявлены у 27 % опрошенных, средние показатели выявлены у 27 % испытуемых, высокие показатели установлены у 46 % медсестер.

По шкале «Редукция профессиональных обязанностей» в группе врачей низкие показатели выявлены у 23 % опрошенных, средние показатели установлены у 30 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 47 % врачей. Для выборки медсестер низкие показатели выявлены у 50 % опрошенных, средние показатели выявлены у 23 % испытуемых, высокие показатели установлены у 27 % медсестер.

По шкале «Эмоциональная отстраненность» в группе врачей низкие показатели выявлены у 27 % опрошенных, средние показатели установлены у 17 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 56 % респондентов. Для выборки медсестер низкие показатели выявлены у 17 % опрошенных, средние показатели выявлены у 37 % испытуемых, высокие показатели установлены у 46 % медсестер.

По шкале «Личностная отстраненность» в группе врачей низкие показатели выявлены у 50 % опрошенных, средние показатели установлены у 17 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 33 % респондентов. Для выборки медсестер низкие показатели выявлены у 23 % опрошенных, средние показатели выявлены у 37 % испытуемых, высокие показатели установлены у 40 % медсестер.

По шкале «Эмоционального выгорания» в группе врачей низкие показатели у опрошенных врачей не выявлены, средние показатели установлены у 53 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 47 % врачей. Для выборки медсестер низкие показатели не выявлены, средние показатели выявлены у 73 % опрошенных медсестер, высокие показатели установлены у 27 % медсестер.

В результате проведенного анализа средних значений по исследуемым с помощью «Методики диагностики уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко)» признакам среди выборок врачей и медсестер установлено, что по всем изучаемым параметрам эмоционального выгорания более высокие показатели наблюдаются у выборки врачей.

Для оценки значимости различий проведен статистический анализ эмпирических данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. В результате проведенного анализа установлено, что не существует статистически значимых различий по шкалам «Загнанности в клетку» и «Эмоциональной отстраненности».

Однако установлены статистически значимые различия на уровне значимости $p(0,05) = 338$ по шкалам неудовлетворенности собой ($U = 328,5$), редукции профессиональных достижений ($U = 319$), личностной отстраненности ($U = 315$) и общего уровня эмоционального выгорания ($U = 325,5$) между выборкой врачей и медсестер. На основании полученных эмпирических данных можно утверждать, что более высокий уровень вышеуказанных признаков у врачей и их более низкий уровень у медсестер является неслучайным и является психологической особенностью изучаемых выборок.

Результаты исследования уровня тревожности, проведенного с использованием методики «Определение уровня тревожности» (Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина), выборки врачей и медсестер отображены в процентном соотношении от общего количества испытуемых на рисунке 3.

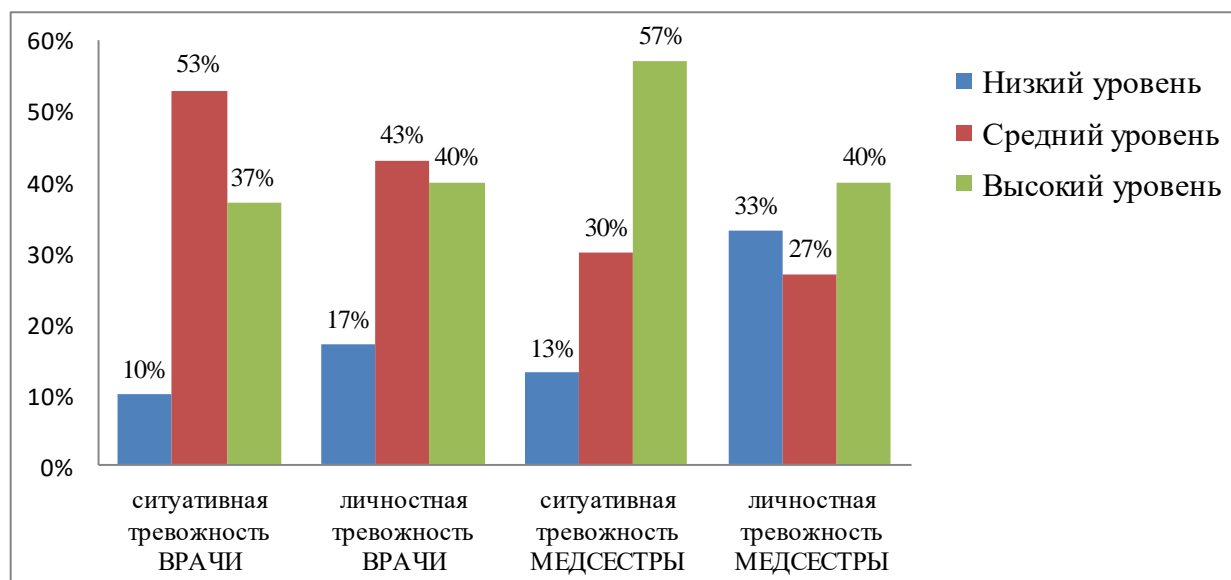

Рисунок 3 – Результаты исследования по методике «Определение уровня тревожности» (Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина)

В соответствии с данными, полученными в ходе психодиагностики, можно утверждать следующее: в группе врачей низкие показатели ситуативной тревожности выявлены у 10 % опрошенных, средние показатели установлены у 53 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 37 % респондентов. Для выборки медсестер низкие показатели по шкале ситуативной тревожности выявлены у 13 % опрошенных, средние показатели выявлены у 30 % испытуемых, высокие показатели установлены у 57 % медсестер.

По шкале личностной тревожности в группе врачей низкие показатели выявлены у 17 % опрошенных, средние показатели установлены у 43 % испытуемых, высокие показатели выявлены у 40 % респондентов. Для выборки медсестер низкие показатели по шкале личностной тревожности выявлены у 33 % опрошенных, средние показатели выявлены у 27 % испытуемых, высокие показатели установлены у 40 % медсестер.

В результате изучения средних значений по параметрам методики «Определение уровня тревожности» (Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина) установлено, что по параметру ситуативной тревожности более высокие показатели установлены у выборки медицинских сестер, в то время как по параметру личностной тревожности более высокие показатели выявлены у врачей.

Для оценки значимости различий с помощью U-критерия Манна-Уитни был проведен статистический анализ эмпирических данных, полученных в ходе психодиагностики. Установлено, что не существует статистически значимых различий между выборками врачей и медицинских сестер по параметру личностной тревожности, что свидетельствует о том, что все выявленные различия на предыдущих этапах являются несущественными. Однако установлены статистически значимые различия ($U = 326$, при $p(0,05) = 338$) между врачами и медицинскими сестрами по параметру ситуативной тревожности, что свидетельствует о том, что более высокий уровень ситуативной тревожности медицинских сестер и более низкий ее уровень у врачей является психологическими особенностями изучаемых выборок.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования установлено, что существуют особенности эмоционального выгорания в профессиональной деятельности медицинского персонала. Было установлено, что более высокий уровень ситуативной тревожности медицинских сестер и более низкий ее уровень у врачей является психологическими особенностями изучаемых выборок. Более высокий уровень неудовлетворенности собой, редукции профессиональных достижений, личностной отстраненности, общего уровня эмоционально-

го выгорания у врачей и более низкий их уровень у медсестер является не случайным и является психологической особенностью изучаемых выборок.

Полностью исключить в работе профессиональный стресс и профессиональное выгорание в современных условиях невозможно. Но вполне возможно существенно уменьшить их разрушительное влияние на здоровье. Чуткое отношение к себе, к своим потребностям и возможностям, способность жить здесь и сейчас являются ежедневной профилактикой синдрома эмоционального выгорания.

Список использованных источников

1 Ильин, Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2018. – 215 с.

2 Орел, В. Е. Синдром психического выгорания личности / В. Е. Орел. – М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2015. – 287 с.

О. В. Воровко

Научный руководитель: Л. В. Марищук, д-р психол. наук, профессор
Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ ТОРГОВЛИ

В статье представлены подходы к изучению успешности профессиональной деятельности. Рассматриваются различия «творческих» и «нетворческих» работников торговли в успешности профессиональной деятельности по методике К. Замфир в модификации А. А. Реана «Мотивация профессиональной деятельности». Установлено, что «творческие» работники превосходят «нетворческих» по всем переменным, характеризующим успешность их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: успешность, удовлетворенность профессией, мотив достижений, мотивация.

В современной психологической науке достаточно много исследований [2; 4; 6; 7] посвящено взаимосвязи успешности и мотивации. Согласно им «мотив успешности» занимает центральное место в практической деятельности, являясь ее ведущим показателем.

«Мотив достижений» включен в структуру одаренности и оценивается некоторыми психологами [2] как более значимый параметр успеха, чем знания, интеллект и креативность. Х. Хекхаузен [5, с.112–114] считает, что люди ставят для себя цели с учетом своих реальных возможностей. Личный уровень сложности задания связан с личными критериями успешности в собственных достижениях. Д. С. McClelland [8] разработал теорию мотивации, согласно которой существуют основные группы потребностей. Среди социальных потребностей он выделил: достижение успеха, аффилиацию, власть и избегание. Автор отмечает, что существуют причинно-следственные связи потребности в достижении и предпринимательским успехом [3, с. 288–289].

На удовлетворенность/неудовлетворенность профессией влияют уверенность в себе и установка на успех [1, с. 118–119]. Уверенность в себе возникает, когда человек убежден в правильности выбранной профессии, и владеет всеми необходимыми навыками и умениями, т. е. профессионально самосовершенствуется, когда он ставит для себя цель и верит в успех ее достижения.

Очень часто человек сознательно влияет на оценку, при этом повышая или снижая ее уровень. В основном это происходит тогда, когда он предвидит или ожидает ее. Влияние установки на оценку зависит от типа отношений между субъектом и окружением, его оценивающим. Оценка – это результат, а не цель деятельности, поэтому то, насколько правильно отношение человека к своему делу, говорит о воздействии оценки на деятельность. Чтобы получить положительный результат (оценку), необходимо сосредоточить свои мысли не на успехе, а на самом деле.

Эмпирическое исследование, посвященное выявлению различий в успешности профессиональной деятельности работников торговых предприятий «Универмаг Беларусь» и «Торговый дом на Немиге» г. Минска проводилось с использованием методики «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. А. Реана [4, с. 111–113]. Изучалась успешность людей, профессии которых не относятся к разряду творческих, однако на предприятиях им предоставлена возможность реализовать свои творческие потенции. Общий объем выборки составил 1000 человек – представителей разных профессий, занятых в торговле. Испытуемые были поделены на 2 группы: первая – те, кто занят творчеством, вторая – те, кто творчеством не заняты. Возраст испытуемых от 16 лет до 68 лет, стаж от полугода до 49 лет.

Согласно полученным результатам, работники торговли, самовыражающиеся и не самовыражающиеся в художественном творчестве, имеют разную силу мотивации профессиональной деятельности. А именно: две группы испытуемых различаются по показателям выполнения методики К. Замфир в модификации А. А. Реана «Мотивация профессиональной деятельности». Что касается видов профессиональной мотивации, то внутренняя мотивация и внешняя положительная мотивация более сильны в группе работников, выражающих себя в художественном творчестве.

По внутренней мотивации (ВМ) в группе «творческих» испытуемых получено $4,62 \pm 0,04$ баллов, а в группе «нетворческих» испытуемых – $4,14 \pm 0,03$ ($t = -8,10$; $p < 0,05$). Для испытуемых с такой установкой работа имеет огромное жизненное значение, являясь для них смыслом жизни и принося профессиональное удовлетворение. Эти люди способны настроить себя на работу, некоторые иногда могут работать даже за идею.

Для внешней положительной мотивации (ВППМ) в группе «творческих» испытуемых набрано $4,18 \pm 0,04$ баллов, а в группе «нетворческих» испытуемых – $3,79 \pm 0,03$ ($t = -7,66$; $p < 0,05$). Эти люди при выборе профессии и места работы руководствуются материальным вопросом – уровнем заработной платы, бонусами, которые они смогут получить на предприятии. Для них важен престиж организации, в которой они трудятся, или будут работать, чтобы можно было с гордостью озвучивать ее название окружающим, отвечая на вопрос: «Где Вы работаете?».

У 73,52 % творческих работников внутренняя мотивация является преобладающей ($ВМ > ВППМ$) или равной внешней положительной мотивации ($ВМ = ВППМ$). Творческие работники обладают более высокой степенью удовлетворенности профессией (высокий вес внутренней и внешней положительной мотивации и низкий – внешней отрицательной), чем нетворческие. Эти мотивационные комплексы являются наилучшими, среди нетворческих работников такую установку имеют 55,15 %. Промежуточные варианты набрали 25,3 % творческих работников и 39,76 % нетворческих. Что интересно, испытуемые, имеющие результаты с такими комплексами, как $ВМ > ВППМ$ или $ВМ = ВППМ$, одинаково хорошо выполняют свою работу и комбинация, когда внешняя положительная мотивация преобладает над внутренней мотивацией, совершенно не является плохим вариантом. Просто кто-то отлично выполняет свою работу за деньги, а кто-то за идею, любовь к самой профессии.

Внешняя отрицательная мотивация (ВОМ) имеет бóльшую выраженность у работников, не занимающихся художественной деятельностью: в их группе $2,86 \pm 0,04$ баллов, в то время как в группе респондентов, занимающихся ею – $2,51 \pm 0,06$. По внешней отрицательной мотивации $t = 4,56$; $p < 0,05$. Деятельность работников обусловлена мотивами избегания и порицания. Особенно это характерно для продавцов, работающих в торговом зале. Возможно,

этот показатель (ВОМ) особенно сильно проявился у работников тогда, когда в торговых залах универмагов расставили камеры видеонаблюдения, а также с появлением новой службы на предприятиях (отдел организации торговли), в задачу которой входит контроль работников торговли. Нахождение под постоянным контролем руководства однозначно вызвало такую реакцию у работников, особенно тревожных. Ведь за нарушения и провинности (пользование мобильным телефоном в торговом зале, на рабочем месте, невнимательность к клиенту, плохое обслуживание) следует наказание в форме лишения премии и штрафов. Возможно, с появлением этих нововведений, значительно усилилась тревога у работников, поэтому понадобилось какое-то время (около полугода), чтобы работники к этому привыкли и не думали постоянно о том, что они находятся под контролем. Постоянная мысль о том, что тебя могут наказать или что ты сделаешь что-то не так, может привести к психосоматическим расстройствам. Наихудший мотивационный комплекс, когда работники руководствуются внешней отрицательной мотивацией (ВОМ) наблюдается у 5,09 % у нетворческих работников и 1,19 % у творческих.

Основываясь на эмпирических данных, можно сделать вывод, что существующие различия между двумя группами испытуемых подчеркивают, что люди, самовыражающиеся в творчестве, реализующие свой творческий потенциал, более успешны, чем те, кто творчеством не занят. Люди, занятые творчеством, более мотивированы. Внутренняя и внешняя положительная мотивация более сильны в группе работников, выражающих себя в художественном творчестве. Внешняя отрицательная мотивация имеет бóльшую выраженность у работников, не занимающихся художественной деятельностью. Работники, реализующиеся творчески, в тоже время развиваются и профессионально, они хотят быть лучшими и здесь, в профессиональной деятельности. Что касается «нетворческих работников», то можно сказать: не выходя за рамки своей трудовой деятельности, они также добросовестно выполняют свою работу, однако довольствуясь тем положением, которое у них есть, а это не говорит о том, что они плохие специалисты, они точно также хорошо трудятся и их ценят на работе. Вероятно, у них меньше амбиций, и творчество для них не играет такой огромной роли, как для первой группы испытуемых.

Список использованных источников

- 1 Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
- 2 Борисов, Ю. А. Смысловая сфера сознания и самосознания успешных и неуспешных менеджеров среднего звена / Ю. А. Борисов, И. А. Кудрявцев // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 1. – С. 91–103.
- 3 Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.
- 4 Реан, А. А. Психология личности / А. А. Реан. – СПб. : Питер, 2013. – 288 с.
- 5 Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен // Пер. с англ. – СПб. : Речь, 2001. – 256 с.
- 6 Ertel, S. Die emotionale Natur des «semantischen Raumes» / S. Ertel // Psychologische Forschung. – 1964. – Vol. 28. – PP. 1–32.
- 7 Heckhausen, H. Entwurfer Psychologie des Spielens / H. Heckhausen // Psychologische Forschung. – 1964. – Vol. 27. – PP. 225–243.
- 8 McClelland, D. C. The two forces of power / D. C. McClelland // Journal Of International Affairs. – 1970. – Vol. 24. – PP. 30–41.

К. В. Гаврилова

Научный руководитель: А. Н. Захарова, канд. психол. наук, доцент,
Г. С. Дулина, канд. психол. наук, доцент
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

В статье представлены результаты эмпирического исследования психологических особенностей профессионального профиля будущих специалистов сферы психологии, проведен сравнительный анализ результатов студентов-психологов очной и заочной форм обучения.

Ключевые слова: профессия сферы «Человек–Человек», студенты вуза – будущие психологи, профессиональный профиль, профессиональная направленность, очная и заочная форма обучения.

Профессиональный профиль – это набор мотивов и интересов, которые побуждают людей выбирать свое профессиональное будущее в соответствии с возможностями и ограничениями, преобладающими в их контексте [5].

В российской психологии особую известность получила классификация профессий, разработанная Е. А. Климовым [3], разделившего все профессии на несколько типов в зависимости от предмета труда: «человек – живая природа»; «человек – техника»; «человек – знаковая система»; «человек – художественный образ»; «человек – человек». У людей, чьи профессии относятся к типу «человек – человек», предметом труда являются социальные системы и сообщества, люди разных возрастов. Людям, работающим в сфере «человек – человек», необходимо уметь устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми, находить с ними общий язык, понимать их и уметь разбираться в их особенностях [2]. К сфере «человек – человек» относятся и профессия «психолог». Формирование компетенций будущего специалиста в сфере психологии, психолого-педагогическое сопровождение обучения невозможно, на наш взгляд, без регулярно проводимых исследований особенностей профессиональной направленности обучающихся [1, 4, 6, 7, 8].

Целью проведенного исследования стало изучение особенностей профессионального профиля студентов – будущих психологов. В исследовании приняли участие 70 студентов российского регионального вуза, обучающихся по направлению подготовки «Психология», из которых 50 человек обучаются по заочной форме обучения и 20 человек – по очной форме обучения.

Для изучения особенностей профессионального профиля студентов–будущих психологов были использованы следующие психодиагностические методики:

- методика «Дифференциально-диагностический опросник» Е. А. Климова, которая была использована с целью выявления ведущего типа профессии;
- опросник для определения профессиональной готовности Л. Н. Кабардовой, который позволил определить преобладающую профессиональную сферу с точки зрения умений, эмоциональных отношений и профессиональных предпочтений;
- методика профессионального самоопределения Дж. Голланда, которая позволяет соотнести склонности, способности, с различными профессиями для наилучшего выбора профессии.

По методике «ДДО» Е. А. Климова были получены результаты, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования по «Дифференциально-диагностическому опроснику» Е. А. Климова

Уровень в сфере человек–человек	Психологи–заочники (%)					Психологи–очники (%)				
	П	Т	Ч	ЗС	ХО	П	Т	Ч	ЗС	ХО
Высокий	10	26	24	32	18	15	10	20	20	30
Средний	74	58	62	58	66	80	65	75	65	45
Низкий	16	16	14	10	16	5	25	5	15	25

Примечание: П – природа; Т – техника; Ч – человек; ЗС – знаковая система; ХО – художественный образ.

Наибольший процент по высоким показателям у студентов заочного отделения получился по такой сфере как «человек – знаковая система» (32 %), затем на втором месте по показателям – шкала «человек – техника» (26 %), на третьем – шкала «человек – человек» (24 %).

У студентов очного отделения с наибольшим процентом по высоким показателем – «человек – художественный образ» (30 %), «человек – человек» (20 %) и «человек – знаковая система» (20 %).

Стоит отметить, что у 54 % опрошиваемых доминирует шкала «человек – человек» (58 % заочников и 45 % очников), у 1,4 % доминируют шкалы «человек – человек» и «человек – природа», у 2,9 % доминируют шкалы «человек – человек» и «человек – техника», у 1,4 % доминируют шкалы «человек – человек» и «человек – знаковая система», у 7 % доминируют шкалы «человек – человек» и «человек – художественный образ». Это может говорить о том, что большая часть опрошиваемых студентов – будущих психологов, находится на своем месте, учится по подходящей им специальности.

По методике Л. Н. Кабардовой были подсчитаны средние показатели и стандартное отклонение, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты опросника определения профессиональной готовности Л. Н. Кабардовой

Профессиональная сфера	M±σ		
	Заочники	Очники	Общее
Ч–З умения	8,64±4,24	8,65±3,62	8,64±4,04
Ч–З отношение	8,68±3,22	8,45±3,56	8,61±3,29
Ч–З желание	7,60±3,55	5,85±3,51	7,10±3,60
Ч–Т умения	5,34±3,88	5,0±2,64	5,24±3,56
Ч–Т отношение	5,38±3,69	6,15±4,03	5,60±3,78
Ч–Т желание	4,62±3,59	3,55±2,93	4,31±3,42
Ч–П умения	7,54±4,32	7,9±4,10	7,64±4,23
Ч–П отношение	8,20±4,07	9,55±4,35	8,59±4,17
Ч–П желание	7,06±4,00	6,55±3,91	6,91±3,96
Ч–Х умения	8,66±4,54	7,65±4,00	8,37±4,39
Ч–Х отношение	9,70±5,26	12,75±4,69	10,57±5,26
Ч–Х желание	8,90±4,92	10,65±5,48	9,40±5,11
Ч–Ч умения	13,06±4,95	12,65±3,01	12,94±4,97
Ч–Ч отношение	13,04±4,75	14,2±4,43	13,37±4,66
Ч–Ч желание	12,84±4,67	14,1±4,28	13,20±4,57

Обозначения: Ч – З – человек–знаковая система; Ч – Т – человек – техника; Ч – П – человек – природа; Ч – Х – человек художественный образ; Ч – Ч – человек – человек.

По шкале «человек – знаковая система» владеют умениями в данной сфере 24 % студентов заочной формы и 20 % студентов очной формы; 14 % студентов заочной формы и 15 % студентов очной формы имеют положительный опыт в данной сфере; 12 % студентов заочной формы и 10 % студентов очной формы хотели бы, чтобы их будущая деятельность была связана со знаковой системой.

В сфере «человек – техника» владеют умениями 18 % заочников и 15 % очников, положительные ощущения в данной сфере испытывают 18 % заочников и 25 % очников, и желание работать в этой сфере составляет 16 % у заочников и 10 % очников;

По шкале «человек – природа» у 24 % заочников и 20 % очников имеются навыки работы с живой природой, 16 % заочников и 20 % очников испытывают приятные ощущения во время самой деятельности данной сферы, 16 % заочников и 10 % очников хотели бы связать свое будущее с данной сферой.

18 % заочников и 15 % очников имеют навыки в сфере «человек – художественный образ», 14 % заочникам и 20 % очникам нравится деятельность в данной сфере, у 20 % заочников и 10 % очников наблюдается желание видеть в своей работе данную сферу;

По шкале «человек – человек» было выявлено, что 20 % студентов заочной формы и 5 % очной формы имеют навыки и умения по данной сфере, у 18 % заочников и 15 % очников наблюдается положительный опыт, 20 % заочников и 10 % очников желают работать в данной сфере.

Обобщая данные, можно сказать, что только у 17 % всех опрошиваемых наблюдаются навыки в сфере «человек – человек», 17 % нравится работать с людьми, 17 % хочется работать с людьми и лишь 10 % респондентов имеют одновременно высокие результаты во всех 3 показателях данной сферы, и все они являются студентами заочного обучения.

По тесту Дж. Голланда результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты диагностики по методика профессионального самоопределения Дж. Голланда

Шкалы	M±σ		
	Заочники	Очники	Общее
Реалистический тип	5,14±2,39	5,3±2,80	5,19±2,15
Интеллектуальный тип	4,84±1,88	6,25±3,44	5,24±1,94
Артистичный тип	6,80±2,48	8,05±4,90	7,16±2,53
Социальный тип	8,90±2,62	8,05±2,61	8,66±2,63
Предприимчивый тип	7,32±2,56	6,3±2,23	7,03±2,50
Конвенциональный тип	5,98±2,02	6,1±2,53	6,01±2,16

У 27 (38,6 %) опрошиваемых социальный тип является доминирующим, у 2 (2,9 %) доминируют сочетание социального и предприимчивого типа, у 1 (1,4 %) доминируют сочетание социального и интеллектуального типа, у 1 (1,4 %) доминирует артистический и социальный типы, у 1 (1,4 %) доминирует конвенциональный и социальный типы;

У 17 (24 %) человек доминирует артистический тип, у 2 (2,9 %) доминируют артистический и предприимчивый типы, у 1 (1,4 %) доминирует конвенциональный и артистический типы;

По шкале «Социальный тип» низкие показатели получили 18 % студентов заочного отделения и 15 % студентов очного отделения.

Подводя итог по этому тесту можно сказать, что 62,3 % испытуемых имеют норму или повышенные показатели по шкале «Социальный тип». Это говорит о том, что студенты ставят перед собой такие цели и задачи, которые позволяют им установить тесный контакт с окружающей социальной средой, а значит им проще будет работать психологами.

Результаты корреляционного анализа показали наличие статистически значимых положительных корреляционных взаимосвязей:

– шкала «человек – человек» (умение) коррелирует со шкалами «человек–человек» (отношение) ($r = 0,77$; $p < 0,01$);

- шкала «человек – человек» (умение) коррелирует со шкалой «человек – человек (желание)» ($r = 0,86$; $p < 0,01$);
- шкала «человек – человек (умение) коррелирует со шкалой «человек – знаковая система» (умение) ($r = 0,57$; $p < 0,01$);
- шкала «человек – человек (умение) имеет положительные взаимосвязи с шкалой «человек – художественный образ (умение)» ($r = 0,58$; $p < 0,01$);
- шкала «человек – человек (отношение) имеет положительные взаимосвязи с шкалой «человек – художественный образ (желание)» ($r = 0,54$; $p < 0,01$).

Таким образом, из полученных данных можно сделать вывод, что не у всех будущих психологов очного и заочного отделения преобладает социальная направленность, однако у большинства она есть. Как оказалось, студенты психологической специальности очень разносторонни, у некоторых преобладает техническая направленность, у кого-то – акцент на творчество. Для развития социальной направленности будущим психологам могут помочь различные тренинги, направленные на улучшение коммуникативной компетентности, на развитие ораторского мастерства.

Список использованных источников

- 1 Гаврилова, К. В. Особенности агрессивности у студентов будущих психологов / К. В. Гаврилова, А. Н. Захарова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары, 2020. – С. 83–90.
- 2 Захарова, А. Н. Психология труда и инженерная психология. Конспект лекций / А. Н. Захарова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 60 с.
- 3 Климов, Е.А. Основы психологии: учебник для вузов / Е. А. Климов. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 295 с.
- 4 Студент вуза на рубеже 2020-х: перспективы развития личности и здоровья ; под ред. проф. Е. Л. Николаева. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та. – 2021. – 360 с.
- 5 Профессиональный профиль: характеристики, элементы, примеры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru1.warbletoncouncil.org>. – Дата доступа: 15.05.2022.
- 6 Nikolaev, E. L. Psychology of personal competitiveness of students in the system of higher education / E. L. Nikolaev // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth. 2017. – С. 4460–4468.
- 7 Methodological guidance of educational monitoring effectiveness / R. A. Kutuev [et al.] // Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2017. – Т. 7, № 3. – PP. 405–410.
- 8 Psychological features of competitiveness of university students / A. Zakharova [et al.] // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. – Volume L. – P.1416-1423.

В. В. Глозман

Научный руководитель: Е. М. Семенова, канд. психол. наук, доцент
 Филиал Российского государственного социального университета,
 г. Минск, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ ИНДУСТРИИ КРАСОТЫ

В статье рассматриваются психологические особенности конфликтов в сфере индустрии красоты, включая конфликты в коллективе и с клиентами. Выделены организационные предпосылки конфликтов в коллективе, конфликтогены в общении с клиентами салонов красоты

Ключевые слова: конфликт, индустрия красоты, салоны красоты, причины конфликтов в салонах красоты.

Сфера услуг относится к сфере насыщенного межличностного взаимодействия, где важным аспектом является не только качество предоставляемой услуги, но и качество общения, самого процесса предоставления услуги. В современных условиях всеобщей конкуренции потребитель услуг становится все более взыскательным, требует к себе индивидуального подхода, повышенного уважения и внимания.

Потребитель услуг, предоставляемых салонами красоты, должен доверять специалисту, его компетентности, опыту, способности решать нестандартные задачи. Это предъявляет к сотрудникам салона красоты повышенные требования с точки зрения профессионализма, способности понимать интересы клиента, налагает высокую степень личной ответственности за качество предоставляемой услуги.

В. Н. Гребенщиков [2], анализируя особенности профессиональной деятельности работников салонов красоты, отмечает их высокую эмоциональную вовлеченность в работу. Это повышает чувствительность специалиста к эмоциональному состоянию коллег, но в то же время может служить источником повышенной раздражительности и конфликтности, как в отношениях с коллегами, так и в общении с клиентами.

Рассмотрим причины конфликтов в сфере индустрии красоты, особенности их протекания. В сфере индустрии красоты можно выделить две большие группы конфликтов. Первая группа конфликтов носит внутренний характер и отражает противоречивые отношения между самими сотрудниками салонов, между сотрудниками и администрацией. Согласно М. И. Кузнецову [5], причинами конфликтов между сотрудниками салонов красоты являются различия в ценностях, взглядах, жизненном и профессиональном опыте. Разногласия могут возникать из-за разной оценки работы своих коллег, на почве соперничества из-за ресурсов, условий труда, его оплаты. Источником конфликтных отношений является низкая культура общения и поведения; неопределенные должностные обязанности; отсутствие корпоративной этики [5].

Е. Ю. Клепцова и К. Ю. Ворончихина указывают на организационные предпосылки конфликтов в салонах красоты: большой объем работы, высокий уровень эмоционального напряжения; несоответствие затрат на выполнение работы и оценки труда со стороны администрации, коллег и клиентов; неблагоприятный психологический климат, наличие группировок, недоброжелательность среди коллег; отсутствие условий для профессионального и личностного роста [4].

Для профилактики организационных конфликтов директору салону важно четко разъяснить требования и ожидания в отношении каждого сотрудника, обозначить, что является недопустимым в отношениях между коллегами, не поддерживать кулуарные разговоры, самому демонстрировать высокую культуру общения. При найме сотрудников всегда хорошо спросить о том, как они справлялись с конфликтами на предыдущем месте работы. Это поможет составить представление о ценностях претендентов на работу и о том, подходят ли они для культуры данного салона.

Вторая группа конфликтов в сфере индустрии красоты – конфликты между работниками салона и клиентами. Характер этих конфликтов определяется личностно-ориентированным общением с клиентами, необходимостью учитывать психологические особенности типов клиентов. Сотрудники салона в общении с клиентом должны проявлять вежливость, самообладание, терпеливость и терпимость, стараться предвосхитить желания самого взыскательного клиента. К основным причинам конфликтов с клиентами С. В. Раева относит [6]:

- недостаточный уровень квалификации и опыта у сотрудника;
- неточное информирование клиента о перечне оказываемых услуг, их стоимости, изменение стоимости услуги по факту выполнения услуги;
- ограниченный список дополнительных услуг, их высокая стоимость;
- низкое качество расходных материалов, неисправное оборудование;

- несоблюдение санитарных норм;
- длительное ожидание мастера и др.

Клиент салона красоты ожидает к себе предусмотрительного отношения, быстрого обслуживания, высокой культуры сервиса. Невнимательность, игнорирование потребностей клиента, критическая оценка его желаний или вкуса – все это является конфликтогеном в общении с клиентом.

Основной источник конфликтов в сфере парикмахерских и косметологических услуг – это низкая культура обслуживания клиента, неспособность сотрудника расположить его к себе, понять и принять потребности клиента. А. Г. Башура [1], рассматривая психологические аспекты труда косметолога, отмечает, что конфликтогенами являются ошибки или неточность в действиях мастера, язвительные реплики, недостаточное внимание к запросам клиента. Недовольство клиента может быть вызвано медленной работой мастера, небрежностью, невниманием. Со своей стороны мастер салона красоты требования клиента может расценивать как чрезмерные, выражать недовольство пренебрежительной манерой обращения клиента [1, с. 38]. На этой основе возникает взаимная неприязнь между мастером и клиентом, нарастающее напряжение может привести к конфликту. Л. Гутыря указывает на такие источники конфликтов при оказании парикмахерских услуг: разговоры между мастерами между собой, бестактное обсуждение предыдущих клиентов [3, с. 134].

Клиенты салонов красоты очень чувствительны к различного рода манипуляциям, поучениям в их адрес, искажению или сокрытию информации, бестактным вопросам. При обслуживании клиента для завоевания его доверия недопустимо снисходительно-небрежное отношение, демонстрация превосходства или равнодушия. Сотрудник салона должен выстроить оптимальную психологическую дистанцию в общении с клиентом, сохраняя чувство меры и такта. Последствием низкой культуры обслуживания является потеря имиджа, клиентов и доходов.

Таким образом, в сфере индустрии красоты возникают конфликты, как в самом коллективе сотрудников, так и с клиентами. Основные причины конфликтов в коллективе – это различия в ценностях, взглядах, жизненном и профессиональном опыте, оценке результатов работы; демонстрация превосходства отдельными сотрудниками; соперничество из-за ресурсов, условий труда, его оплаты. Источником конфликтных отношений является низкая культура общения и поведения; неопределенные должностные обязанности; отсутствие корпоративной этики.

В работе с клиентами конфликты обусловлены низким уровнем сервиса, недостаточной квалификацией сотрудников, ограниченным перечнем дополнительных услуг, а также их высокой стоимостью, несоблюдением санитарно-гигиенических норм, низкой культурой общения администраторов и мастеров.

Список использованных источников

- 1 Башура, А. Г. Психология косметолога : Путеводитель для практикующих косметологов / А. Г. Башура. – Харьков : Основа, 2013. – 64 с.
- 2 Гребенщиков, В. Н. Особенности управления человеческими ресурсами в салоне красоты / В. Н. Гребенщиков // Вопросы экономики и управления. – 2017. – № 1. – С. 90–93.
- 3 Гутыря, Л. Парикмахерское мастерство / Л. Гутыря. – Харьков : Фолио, 2007. – 402 с.
- 4 Клепцова, Е. Ю. Стрессоустойчивость работников индустрии красоты / Е. Ю. Клепцова, К. Ю. Ворончихина // Концепт. – 2018. – № 8. – С. 1–7.
- 5 Кузнецов, М. И. Суперприбыльный салон красоты. Как преуспеть в этом бизнесе / М. И. Кузнецов, Е. С. Иванова. – М. : Вершина, 2007. – 467 с.
- 6 Раева, С. В. Причины конфликтов в салоне между сотрудниками и с клиентами // Директор салона красоты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dirsalona.ru>. – Дата доступа: 15.05.2022.

О. А. Голдобенко

Научный руководитель: Ю. А. Шевцова, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Проблема устойчивости человека к стрессу в различных профессиях давно привлекает внимание психологов. Есть ряд профессий, в которых человек испытывает чувство внутренней эмоциональной пустоты из-за необходимости постоянного контакта с другими людьми. «Ничто не является для человека такой сильной нагрузкой и таким сильным испытанием, как другой человек» – эту метафору можно использовать как основу для исследования психологического феномена синдрома эмоционального выгорания.

Ключевые слова: медицинские работники, профессиональное выгорание, эмоциональное истощение, пандемия, деперсонализация, редукция.

Медицинские работники, которые постоянно сталкиваются с человеческими страданиями, вынуждены строить своего рода барьер для психологической защиты от пациента. Они становятся менее эмпатичными, поскольку в противном случае подвергаются риску эмоционального выгорания.

Эмоциональность заложена в самой природе медицинской работы, а спектр эмоций очень разнообразен. Специалист вынужден постоянно находиться в гнетущей атмосфере чужих отрицательных эмоций, служить утешителем или, наоборот, объектом раздражения и агрессии. Но наша психика от природы организована таким образом, что мы не можем оставаться равнодушными к проявлениям эмоций со стороны окружающих. Мы, так сказать, «заражаемся» ими. К этому добавляются вторичные переживания по поводу чужих проблем, вызванные невидимым, но ощутимо давящим бременем ответственности на плечах. Следствием всего этого может быть, помимо ухудшения здоровья человека, стойкое снижение работоспособности.

Актуальность и социальная значимость выбранной темы заключается в сложном характере синдрома выгорания, а также неоднородности трактовки его причин и проявлений, что требует поиска исследовательских стратегий и создания соответствующих психологических инструментов.

В условиях пандемии новой коронавирусной инфекции системы здравоохранения всех стран испытывают общие трудности. Инфекция, вызывающая тяжелый острый респираторный синдром, официально называется COVID-19 (CoronaVirus disease 2019). Рост заболеваемости приводит к необходимости комплексной реструктуризации медицинских учреждений с целью оказания помощи пациентам с COVID-19. При этом медицинский персонал вынужден работать в условиях сильного стресса и повышенной угрозы заболевания. Это резко увеличивает риск выгорания и эмоциональной дезадаптации в виде симптомов депрессии, беспокойства и эмоционального расстройства среди медицинских работников во время пандемии. В то же время важно отметить, что уровень выгорания у медицинских работников был самым высоким среди специалистов помогающих профессий еще до пандемии.

1982 году явление эмоционального выгорания более подробно описано К. Маслач и К. Пельманом. Авторы описали синдром с тремя основными компонентами (трехфакторная модель).

– *эмоциональное истощение* проявляется в чувстве пустоты и снижении эмоционального тонуса из-за перегрузки и истощения своих эмоциональных ресурсов;

– *деперсонализация* проявляется в безразличном и даже отрицательном отношении к людям, обслуживаемым по роду своей профессиональной деятельности. Сочувствие и вовлеченность в проблемы клиента притупляются или исчезают, а внутреннее раздражение возникает, часто без причины, сдерживается специалистом, которое в конечном итоге вырывается и приводит к конфликту;

– *редукция профессиональных достижений*. Снижение производительности труда проявляется в снижении мотивации к деятельности и, как следствие, неудовлетворительных результатах, которые оцениваются отрицательно, чаще всего чрезмерно. Это приводит к негативу и, как следствие, снижению самооценки, недовольству собой, негативному отношению к себе как к личности и как к профессионалу.

Основываясь на модели К. Маслач, японские исследователи добавили четвертый фактор – «зависимость». Он характеризовался частыми головными болями, бессонницей, раздражительностью, но в большей степени алкоголизмом и курением [3].

А. Бродски (1980), К. Маслач (1986) и Д. Эдельвич (1980) также обращают внимание на непереносимое наличие стадий в развитии синдрома выгорания (3–4), которые различаются преемственностью и характеризуются степенью своего образования. К. Маслач выделяет 3 уровня:

– *первый этап* касается выполнения функций, произвольного поведения: забывание нескольких моментов, провалы в памяти, ошибки в выполнении двигательных действий и т. д. Обычно на эти первые симптомы мало кто обращает внимание и в шутку называют их «девичьей памятью» или «склерозом»;

– *второй этап* – снижение интереса к работе, потребность в общении (в том числе дома, с друзьями), повышение аппетита, появление стойких соматических симптомов (упадок сил, энергии, головные боли вечером, обострение простуды); повышенная раздражительность;

– *третий этап* – выгорание. Для него характерна полная потеря интереса к работе и жизни в целом, эмоциональное безразличие, ощущение постоянной нехватки сил. Человек стремится к одиночеству. На этом этапе ему гораздо приятнее общаться с животными и природой, чем с людьми.

Следует отметить, что развитие эмоционального выгорания носит индивидуальный характер и определяется различиями в эмоционально-мотивационной сфере, а также условиями, в которых происходит профессиональная деятельность человека [1].

В. В. Бойко рассматривает выгорание как личностно разработанный механизм психологической защиты в виде полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные травмирующие воздействия, приобретенный стереотип эмоционального поведения, чаще всего профессионального. Его модель относится к моделям эмоционального выгорания. В. В. Бойко выделяет следующие личностные факторы, способствующие развитию синдрома эмоционального выгорания: склонность к эмоциональной холодности, к интенсивному переживанию негативных обстоятельств профессиональной деятельности и слабая мотивация к эмоциональной отдаче [2].

Было проведено исследование по методике «*Диагностика уровня эмоционального выгорания*» В. В. Бойко. Исследование проводилось на базе ГУЗ «Гомельская городская поликлиника № 1» и ГУЗ «Гомельская городская поликлиника № 13». Полученные данные показали, что у 40% врачей и 65% медсестер наблюдается переживание психотравмирующих обстоятельств. В фазе напряжения данный симптом является наиболее выраженным и проявляется усиливающимся осознанием психотравмирующих факторов профессиональной деятельности, которые трудно или вовсе неустранимы.

У 5% врачей и 32% медсестер сформирована неудовлетворенность собой. Эти медицинские работники испытывают недовольство собой, избранной профессией, занимаемой должностью, конкретными обязанностями. 35% врачей и 20% медсестер переживают чувство безысходности.

Анализ симптомов напряжения показал, что у 18% врачей и 32% медсестер выявлено наличие напряжения, что служит предвестником развития и запускающим механизмом формирования синдрома профессионального выгорания.

Также была проведена статистическая обработка сформированности симптомов напряжения у медицинских работников с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок. На основании данных статистической обработки установлено, что существуют значимые различия в показателях симптомов напряжения у медицинских сестер и врачей ($p \leq 0,05$). Таким образом, в условиях пандемии у медсестер в большей степени, чем у врачей, сформирован симптом напряжения, что служит предвестником развития и запускающим механизмом формирования синдрома профессионального выгорания.

20% врачей и 25% медсестер перестают улавливать разницу между двумя принципиально отличающимися явлениями: экологичным проявлением эмоций и неадекватным избирательным эмоциональным реагированием, демонстрируя последнее.

30% врачей и у 43% медсестер устают на работе от контактов, разговоров, ответов на вопросы. При этом часто первой «жертвой» эмоционального выгорания становятся члены семьи. На службе специалисты еще общаются соответственно нормативам и обязанностям, а дома замыкаются.

43% врачей и 25% медсестер попытаются облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат, – обделяют пациентов вниманием. Медицинские работники не находят нужным дольше побеседовать с больным, побудить к подробному изложению жалоб. Анамнез получается скудным и недостаточно информативным.

Анализ симптомов фазы резистенции показал, что 28% врачей и 20% медсестер стремятся избежать действия эмоциональных факторов с помощью ограничения эмоционального реагирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональное выгорание в условиях пандемии отмечается у 15% врачей и 18% медсестер, находится на стадии формирования у 61% врачей и 68% медсестер. Это говорит о сниженной мотивации к работе, повышенной конфликтности и возрастающем недовольстве от выполняемой работы, постоянной усталости, скуке, эмоциональном истощении, раздражительности и нервозности медицинских работников. Полученные данные могут быть использованы для разработки профилактических и коррекционных программ синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников в условиях пандемии.

Список использованных источников

1 Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова // 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 336 с.

2 Мисюк, М. Н. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности фельдшеров скорой медицинской помощи / М. Н. Мисюк // Психологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 60–66.

3 Ронгинская, Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях / Т. И. Ронгинская // Психологический журнал. – М. : Наука, 2002. – № 3. – С. 85–95.

И. И. Журавенко

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Статья посвящена изучению проблемы эмоционального выгорания медицинских работников. Освещаются результаты исследования эмоционального выгорания у медицинских работников с разным уровнем жизнестойкости. Выявлена взаимосвязь между эмоциональ-

ным выгоранием у медицинских работников и уровнем жизнестойкости. Представлена коррекционная программа по профилактике эмоционального выгорания посредством развития жизнестойкости.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, напряжение, резистенция, истощение, принятие риска, контроль, вовлеченность, жизнестойкость,

В последнее время значительно вырос интерес к проблеме психологического здоровья медицинских работников. В условиях пандемии коронавирусной инфекции и ее модификаций системы здравоохранения всех стран, в том числе, и Республики Беларусь, испытывают значительные сложности. Рост заболеваемости стал предиктором глобальной реструктуризации медицинских учреждений с целью профилактики и обеспечения помощи больным COVID-19. При этом медицинские работники вынуждены работать в условиях экстремальной нагрузки и повышенной угрозы заражения. Согласно отечественным и международным данным, высокий уровень нагрузки и угрозы заражения значительно повышают риск эмоциональной дезадаптации, развития депрессии, тревоги, эмоционального дистресса, и как следствие, – эмоционального выгорания [3, 6, 7]. При этом важно подчеркнуть, что, по мнению Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой и И. В. Островской [1, 2, 5], синдром эмоционального выгорания наиболее характерен для представителей коммуникативных профессий (типа «человек – человек»), т. е. профессий, которые связаны с оказанием помощи другому человеку, испытывающему негативные переживания и оказавшемуся в критической ситуации. Это говорит о том, что медицинские работники находились в группе риска по развитию эмоционального выгорания и до пандемии, пандемия лишь усугубила проблему.

Уязвимость к эмоциональному выгоранию обусловлена особенностями профессиональной деятельности медицинских работников. Они являются представителями такой профессии, в которой от специалистов требуется интенсивное и содержательно насыщенное взаимодействие с людьми (с больными, родственниками пациентов, коллегами). Согласно данным исследования М. М. Скугаревской, проведенного среди медицинских работников Республики Беларусь, почти 80% медицинских работников имеют признаки синдрома эмоционального выгорания различной степени выраженности, 7,8% имеют резко выраженный синдром эмоционального выгорания, ведущий к психосоматическим и психовегетативным нарушениям [8, с. 3].

Проблемы профессионального здоровья и психологического благополучия медицинских работников привлекают внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей: В. В. Бойко, Н. Е. Водопьянова, В. Е. Орел, Т. И. Ронгинская, М. М. Скугаревская, Е. С. Старченкова, Т. В. Форманюк, И. Л. Гуреева, С. Маслач, Э. А. Соколовой.

Одним из первых исследователей, отметивших жизнестойкость как наиболее универсальный фактор сопротивления невзгодам, стала С. Кобейса. В проведенных ею экспериментах было установлено, что именно эта черта является опорной в противостоянии стрессовым событиям. Наиболее полное изучение это понятие «жизнестойкость» получило в работах С. Мадди, который рассматривает жизнестойкость как личностную диспозицию, опосредующую влияние стрессогенных факторов (в том числе хронических) на соматическое и душевное здоровье, а также на успешность деятельности. Эта диспозиция выступает как катализатор в поведении и позволяет трансформировать какие-либо негативные влияния на поведение в новые возможности.

С целью изучения эмоционального выгорания у медицинских работников с разным уровнем жизнестойкости было проведено исследование в учреждении здравоохранения «Гомельская городская поликлиника № 1». Выборочную совокупность составили 65 медицинских работников со стажем работы 4–10 лет.

Результаты исследования с помощью методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (В. В. Бойко), показали, что у большинства медицинских работников (51%) выявлено сформировавшееся эмоциональное выгорание. Для данной части медицинских

работников характерна полная потеря интереса к работе и жизни вообще, эмоциональное безразличие, оцепенение, ощущение постоянного отсутствия сил.

У 14% медицинских работников эмоциональное выгорание находится на начальной стадии. У них отмечается снижение интереса к работе, потребности в общении (включая родственников и друзей): «им не хочется видеть» тех, с кем они общаются в процессе выполнения профессиональной деятельности (пациентов, коллег); нарастание апатии к концу рабочей недели, а также появление устойчивых соматических симптомов (нет сил, энергии, особенно к концу недели, головные боли по вечерам; «мертвый сон, без сновидений», увеличение числа простудных заболеваний); повышенная раздражительность.

У 35% медицинских работников эмоциональное выгорание отсутствует. Данная часть медицинских работников отличается эффективным выполнением своих профессиональных обязанностей. У них присутствует интерес к выполняемой профессиональной деятельности и желание работать, также для них характерна эмоциональная устойчивость.

Результаты исследования жизнестойкости медицинских работников с синдромом эмоционального выгорания, показал, что у большинства медицинских работников с синдромом эмоционального выгорания (54%) и у пятой части медицинских работников, у которых эмоциональное выгорание отсутствует (21%) выявлен низкий уровень вовлеченности. Данная часть медицинских работников испытывает чувство одиночества, отвергнутости, невостребованности, ощущают себя «вне жизни». У 18% медицинских работников, эмоциональное выгорание у которых отсутствует, и у 33% медицинских работников с синдромом эмоционального выгорания выявлен средний уровень вовлеченности в жизнь. У 61% медицинских работников, эмоциональное выгорание у которых отсутствует, и у 13% медицинских работников с синдромом эмоционального выгорания выявлен высокий уровень вовлеченности. Данная часть медицинских работников получают максимальное удовлетворение от собственной профессиональной деятельности. Для них характерна вовлеченность в происходящие события их жизни. Развитое чувство включенности, вовлеченности, сопричастности позволяет им чувствовать себя значимыми и ценными, востребованными, что мотивирует к включению в решение жизненных задач, а не дистанцироваться от них. Вовлеченность определяется как уверенность в том, что активное участие в общественных процессах дает возможность человеку лично состояться.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить особенности жизнестойкости у медицинских работников с синдромом эмоционального выгорания. Медицинские работники с синдромом эмоционального выгорания отмечают снижение интереса к работе, потребности в общении (включая родственников и друзей), им не хочется видеть тех, с кем они общаются в процессе выполнения профессиональной деятельности; нарастание апатии к концу рабочей недели, а также появление устойчивых соматических симптомов (нет сил, энергии, особенно к концу недели, головные боли по вечерам; «мертвый сон, без сновидений», увеличение числа простудных заболеваний); повышенную раздражительность или полную потерю интереса к работе и жизни вообще, эмоциональное безразличие, оцепенение, ощущение постоянного отсутствия сил. Они отличаются низким уровнем жизнестойкости, а также низким уровнем развития его компонентов: вовлеченности, контроля, принятия риска. Они испытывают сложности в противостоянии жизненным трудностям, неблагоприятное давление обстоятельств, собственная жизнь воспринимается как неосмысленная, скучная, отсутствуют как таковые жизненные цели. Такие люди испытывают чувство одиночества, отвергнутости, невостребованности, ощущают себя «вне жизни», беспомощными, неспособными самостоятельно справиться с возникшими трудностями, неспособными повлиять на происходящие события, что говорит о внутренней пассивности и апатии. Они не готовы рисковать ради достижения успеха, довольствуются тем, что имеют, хотя часто сожалеют о том, что не сделали ничего для достижения своей цели.

Заключительным этапом эмпирического исследования является разработка психологической программы развития жизнестойкости медицинских работников с синдромом эмоционального выгорания.

Задачи:

- формирование и развитие установки личности на самопознание и саморазвитие;
- развитие ответственности медицинских работников за происходящее в собственной жизни;
- осознание собственной системы ценностей, обучение целеполаганию, навыкам планирования и достижения поставленных целей, построению жизненной перспективы;
- развитие стремления к профессиональной самореализации;
- осознание препятствий на пути профессионального саморазвития, выявление внутренних ресурсов участников для их преодоления;
- формирование психологической культуры личности в сфере ее саморегуляции, обучение членов группы рациональной организации жизнедеятельности, повышение жизненного тонуса участников.

Нами была выбрана групповая форма работы, поскольку она обладает следующими преимуществами:

- групповой опыт противостоит отчуждению, одиночеству, способствует решению межличностных проблем, позволяет предотвратить непродуктивное замыкание человека в самом себе со своими трудностями. В группе человек способен осознать, что и другие люди переживают сходные чувства. Такого рода открытие оказывает мощный психотерапевтический эффект;
- возможность получения обратной связи и поддержки от людей со сходными проблемами;
- в группе человек может обучаться новым умениям, экспериментировать с различными способами поведения среди равных партнеров. В реальной жизни подобное экспериментирование связано с риском непонимания, неприятия и даже наказания. Тренинговые группы выступают в качестве своеобразного «психологического полигона», где можно попробовать вести себя иначе, чем обычно, «примерить» новые модели поведения, научиться по-новому относиться к себе и к людям – и все это в атмосфере благожелательности, принятия и поддержки;
- в группе участники могут идентифицировать себя с другими, «сыграть» роль другого человека для лучшего понимания его и себя и для знакомства с новыми эффективными способами поведения, применяемыми кем-то; возникающие в результате этого эмоциональная связь, сопереживание, эмпатия способствуют личностному росту и развитию самосознания;
- группа облегчает процессы самораскрытия, самоисследования и самопознания.

Психологическая программа развития жизнестойкости медицинских работников с синдромом эмоционального выгорания направлена на формирование и развитие установки личности на самопознание и саморазвитие; развитие ответственности медицинских работников за происходящее в собственной жизни; осознание собственной системы ценностей, обучение целеполаганию, навыкам планирования и достижения поставленных целей, построению жизненной перспективы; развитие стремления к профессиональной самореализации; осознание препятствий на пути профессионального саморазвития, выявление внутренних ресурсов участников для их преодоления; формирование психологической культуры личности в сфере ее саморегуляции, обучение членов группы рациональной организации жизнедеятельности, повышение жизненного тонуса участников.

Список использованных источников

- 1 Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 2-е изд. – СПб: Питер, 2008. – 358 с.
- 2 Водопьянова, Н. Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях / под ред. Г. С. Никифорова // Психология здоровья. – СПб. : СПбГУ, 2000. – С. 443–463.

3 Возникновение, предотвращение и управление психологическими эффектами новых вирусных вспышек среди медицинских работников: быстрое рассмотрение и метаанализ / С. Кисели [и др.] // ВМЖ. – 2020. – № 369. – С. 16–42.

4 Журавенко, И. И. Синдром эмоционального выгорания среди медицинских работников с различным уровнем жизнестойкости / И. И. Журавенко, Е. В. Приходько // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика : сборник научных статей по материалам XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 29–30 июня 2021 г. – Йошкар-Ола : ИПФ «СТРИНГ», 2021. – С. 107–112.

5 Островская, И. В. Синдром «профессионального выгорания» у сестринского персонала / И. В. Островская // Медицинская сестра. – 2004. – № 2. – С. 35–37.

6 Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным COVID-19 на разных этапах пандемии / А. Б. Холмогорова [и др.] / Russian Sklifosovsky Journal of Emergency Medical Care. – 2020. – № 3. – С. 321–337.

7 Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских работников во время эпидемии COVID-19 / С. С. Петриков [и др.] // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – № 28. – С. 8–45.

8 Скугаревская, М. М. Синдром эмоционального выгорания / М. М. Скугаревская // Медицинские новости. – 2002. – № 7. – С. 3–9.

Е. Н. Загребельная

Научный руководитель: Ю. А. Шевцова, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И АДАПТАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В статье рассмотрены проблемы психической устойчивости медиков в условиях осуществления профессиональной деятельности в условиях пандемии. Приведены данные эмпирического исследования.

Ключевые слова: адаптация, медицинские работники, пандемия, вирус, условия работы в пандемию.

В последние годы значительно возрос интерес к вопросам, связанным со стрессом и механизмами стрессоустойчивости человека в различных профессиях. Очень большое внимание привлекают особенности воздействия профессиональной деятельности на состояние организма тех специалистов, чья работа тесно связана с усиленным и эмоционально напряжённым взаимодействием с людьми. Возникли условия, когда одновременно присутствует ряд факторов, воздействующих на психическую устойчивость медиков:

- беспрецедентная потенциально угрожающая жизни ситуация с неопределённой длительностью;
- широкомасштабные карантинные меры во всех крупных городах, которые, по сути, ограничивают жителей существованием в своих домах;
- неопределённый инкубационный период вирусной инфекции и её возможная бессимптомная передача;
- сообщения о нехватке медицинских средств индивидуальной защиты;
- неустойчивый информационный фон с переизбытком противоречивой информации;
- неопределённость, связанная с влиянием инфекции на экономическую ситуацию в стране.

Сложившееся положение провоцирует экзистенциальный кризис, обостряет проблемы жизни и смерти. Работникам медицины безотлагательно приходится психологически адаптироваться к новым условиям, потому что, по мнению С. Тэйлора, пандемия – это, по сути, психологическое явление. Она вызвана не только инфицированием людей, но и распространением вируса, напрямую обусловленным поведением человека, вызывает панику и смятение.

Рассматривая пандемию как социально-психологическое явление, О. А. Ульянова выделила этапы изменений психики медицинских работников:

- индивидуальное осмысление и оценка степени угрозы воздействия пандемии на каждого человека, его близких и родных;

- понимание, принятие ситуации, мобилизация, психологическое напряжение и готовность к возможным вызовам;

- психологическое преодоление, как индивидуальный и коллективный способ взаимодействия с экстремальной ситуацией в соответствии с её логикой, жизненной значимостью и социально-психологическими возможностями человека и общества;

- стабилизация и постепенное возвращение к прежнему образу жизни, но с качественными психологическими, экзистенциальными новообразованиями, предполагающими изменение системы мотивационно-ценностных, смысловых ориентиров, временного и долгосрочного жизненного планирования.

Таким образом, медицинские работники подвержены сильному стрессу и имеют высокие риски возникновения неблагоприятных последствий для психического здоровья во время эпидемий и пандемий. Причинами этого называют: длительный рабочий день, риск заражения, нехватку средств индивидуальной защиты, одиночество, физическую усталость и разлуку с семьями. Так, в период эпидемий и вспышек инфекционных заболеваний медики сообщали о негативных психологических реакциях и симптомах психических расстройств. В большинстве случаев отмечались боязнь заражения себя, своих близких, коллег, чувство неуверенности в себе, потеря контроля над ситуацией, высокие уровни стресса, симптомы тревоги и депрессии, которые способствовали нежеланию работать и возникновению мыслей об увольнении. Возникающие проблемы с психическим здоровьем у медицинских работников в период пандемий могут иметь долгосрочные последствия. В качестве последних называют ПТСР, депрессии, злоупотребление психоактивными веществами.

При этом в качестве факторов, препятствующих возникновению проблем с психическим здоровьем, отмечались адаптивные реакции на стресс и обучение инфекционному контролю. Хотя предыдущие работы дают некоторое понимание ситуации с психическим здоровьем и возможными направлениями поддержки медицинских работников в период пандемии COVID-19, требуются дополнительные исследования, учитывающие актуальную ситуацию.

Таким образом, рассмотрев специфику психической устойчивости и адаптации медицинских работников в условиях пандемии, мы пришли к следующим выводам:

- основываясь на результатах эмпирических исследований, проведенных зарубежными исследователями, отметим, что у медработников в условиях пандемии чаще встречались беспокойство, страх и депрессия. Кроме того, те, кто работал прямо с пациентами в реанимационных и инфекционных отделениях, вдвое больше испытывали тревожные и депрессивные симптомы по сравнению персоналом, мало встречавшимся с пациентами. Также стоит отметить, что медицинские сотрудники считают услуги психологической помощи важными ресурсами для улучшения своего состояния и помощи другим. В выводах исследований подчеркивается значимость оказания психологической поддержки медицинским работникам в период пандемии;

- в условиях максимальной нагрузки, выходящей за границы имеющихся клинических знаний, навыков и умений, медперсонал нуждается в разнообразной психологической поддержке и помощи.

На базе УЗ «Лельчицкая ЦРБ» было проведено эмпирическое исследование психической устойчивости и адаптации медицинских работников в условиях пандемии многоуровневым личностным опросником «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина (таблица 1).

Таблица 1 – Количественные показатели составляющих личностного адаптационного потенциала медицинских работников (данные представлены в абсолютных значениях)

Шкала	Стены	Количество человек		Достоверность различий с помощью χ^2 -углового преобразования Фишера
		Группа 1 (n = 53)	Группа 2 (n = 27)	
Поведенческая регуляция	низкие значения	36	8	$\chi^2_{эмп} = 3.324$ при $p \leq 0,01$
	высокие значения	17	19	
Коммуникативные особенности	низкие значения	32	6	$\chi^2_{эмп} = 3.379$ при $p \leq 0,01$
	высокие значения	21	21	
Моральная нормативность	низкие значения	29	3	$\chi^2_{эмп} = 4.17$ при $p \leq 0,01$
	высокие значения	24	24	

Примечание (здесь и далее): группа 1 – медицинские работники, работающие в «Красной зоне»; группа 2 – медицинские работники, работающие в штатном режиме.

Поведенческая регуляция – это понятие, характеризующее способность человека регулировать свое взаимодействие со средой деятельности. Важными элементами поведенческой регуляции являются самооценка, уровень нервно-психической устойчивости, а также наличие социального одобрения (социальной поддержки) со стороны окружающих людей. Распределение показателей поведенческой регуляции медицинских работников отображено на рисунке 1.

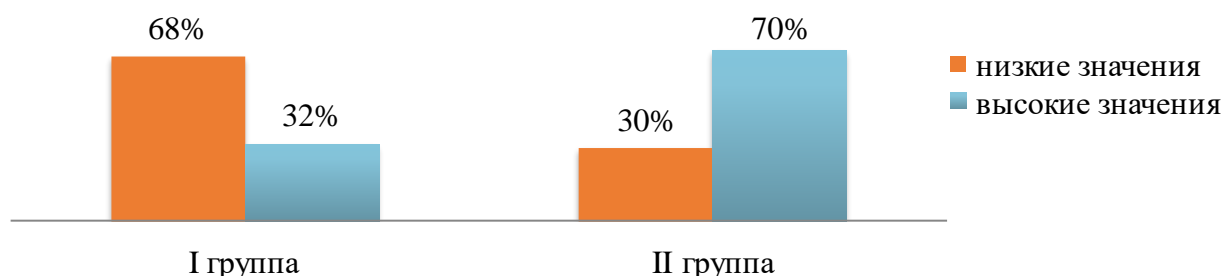

Рисунок 1 – Количественные показатели поведенческой регуляции у медицинских работников (в %)

Анализ данных, указанных в таблице 1 и на рисунке 1, показал, что у большинства медицинских работников, работающих в «Красной зоне» (68 %) выявлен низкий уровень поведенческой регуляции. Это проявляется в определенной склонности медицинских сестёр к нервно-психическим срывам, неадекватности самооценки и не адекватного восприятия действительности. В то время как у большинства медперсонала, работающих в штатном режиме (70 %) выявлен высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, что говорит о высокой адекватной самооценке врачей, адекватном восприятии действительности.

Для подтверждения статистически значимых различий между медицинскими работниками, работающими в «Красной зоне» и медицинскими работниками, работающими в штатном режиме, по рассматриваемым нами показателем, был использован статистический критерий χ^2 -углового преобразования Фишера, который позволил сопоставить две выборки

по частоте встречаемости интересующего нас признака. Были выявлены статистически значимые различия в показателях выраженности поведенческой регуляции между двумя группами ($\varphi^*_{эмп} = 3.324 > \varphi^*_{кр} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что медицинские работники, работающие в «Красной зоне» отличаются низким уровнем поведенческой регуляции, который проявляется в определенной склонности медицинских сестёр к нервно-психическим срывам, отсутствию адекватности самооценки и адекватного восприятия действительности.

Коммуникативные качества (коммуникативный потенциал) являются следующей важной составляющей личностного адаптационного потенциала. Коммуникативные возможности (или умение достигнуть контакта и взаимопонимания с окружающими) у каждого человека различны. Они определяются наличием опыта и потребности общения, а также уровнем конфликтности.

Низкий уровень коммуникативных способностей, сложности в построении контактов с окружающими, проявление агрессивности, повышенная конфликтность выявлен у большинства медицинских работников, работающих в «Красной зоне», (60 %) (рисунок 2).

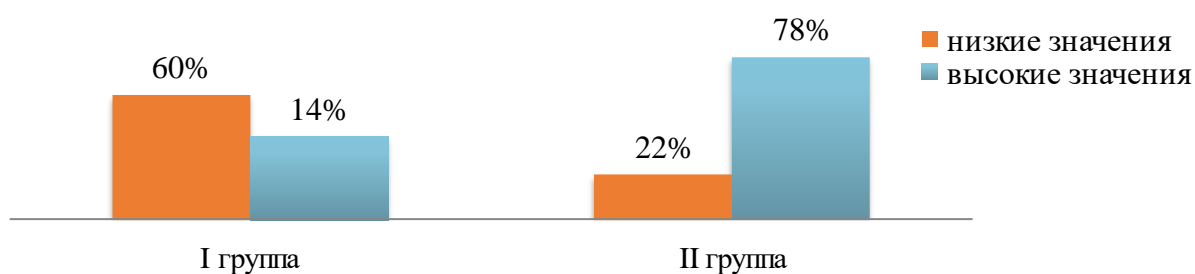

Рисунок 2 – Количественные показатели коммуникативного потенциала у медицинских работников (в %)

У большинства медицинских работников, работающих в штатном режиме (78 %) был выявлен высокий уровень коммуникативных способностей, быстрое построение контактов с окружающими, не конфликтность. С помощью φ^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия в показателях выраженности коммуникативного потенциала между медицинскими работниками двух групп ($\varphi^*_{эмп} = 3.379 > \varphi^*_{кр} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медицинских работников, работающих в «Красной зоне» с низким уровнем коммуникативного потенциала, статистически значимо больше, чем у врачей (при $\rho \leq 0,01$). Поэтому, медицинские работники, работающие в «Красной зоне» отличаются низким уровнем коммуникативных способностей, проявляющимся в затруднениях в построении контактов с окружающими, проявление агрессивности, повышенная конфликтность.

М. В. Казаченко

Научный руководитель: А. Н. Редюк

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В статье приводятся данные эмпирического исследования 35 военнослужащих в возрасте от 22 до 40 лет (среди которых: 17 военнослужащих с общим стажем работы до 10 лет и 18 опытных офицеров со стажем от 10 до 17 лет) на основе психодиагностиче-

ской методике для изучения синдрома эмоционального выгорания В. Бойко, реализованного на базе государственного учреждения «Воинская часть 5525» г. Гомеля.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, стресс, дистресс.

В реальных условиях военнослужащие подвержены постоянному воздействию негативных факторов. Часто повторяющиеся негативные эмоции с ростом стажа работы снижают психоэмоциональную устойчивость, что приводит к раздражительности, апатии, тревожности. У многих военнослужащих развиваются те или иные виды профессиональных заболеваний в силу множества факторов. Появляется чувство неудовлетворенности, которое постоянно нарастает, ухудшается самочувствие и настроение, появляется хроническая усталость. Эти физиологические показатели характеризуют интенсивность труда, которая приводит к профессиональным кризисам, стрессам и истощению. Следствием является синдром эмоционального выгорания, проявляющийся в повышенной тревожности и низкой стрессоустойчивости, приводящий к развитию психосоматических заболеваний: болезней сердца, заболеваний кишечника, неврозов и многих других. Деятельность военнослужащих и офицеров является одной из самых сложных сфер деятельности человека и в то же время одной из важнейших. Поэтому проблемы профессиональной пригодности, обучения и развития личностных и профессиональных качеств постоянно актуальны [2, с. 51].

Согласно определению В. В. Бойко эмоциональное выгорание относится к сложному многоступенчатому процессу, основной причиной которого является переживание профессионального стресса, а следствием – нарушения и деформации профессиональной деятельности, снижение результативности труда в целом, появление эмоциональных и психосоматических нарушений. Это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетика) в ответ на избирательные психотравмирующие воздействия [1, с. 39].

Теоретический анализ проблемы эмоционального выгорания актуализировал проведение эмпирического исследования. В выборку были включены 35 военнослужащих в возрасте от 22 до 40 лет, среди которых 17 военнослужащих с общим стажем работы до 10 лет и 18 опытных офицеров со стажем от 10 до 17 лет. В качестве психодиагностического инструментария были применены методика изучения синдрома эмоционального выгорания В. Бойко.

По результатам проведенных исследований военнослужащих по методике В. Бойко была составлена таблица 1, в которой отображены все симптомы, характеризующие эмоциональное выгорание.

Таблица 1 – Результаты диагностики молодых и опытных военнослужащих по методике изучения синдрома эмоционального выгорания В. Бойко

Симптомы	Средние показатели у военнослужащих		Проценты «встречаемости»	
	молодые	опытные	молодые	опытные
1	2	3	4	5
Переживание психотравмирующих обстоятельств	11,8	14,0	39,3	47,0
Неудовлетворенность собой	9,6	13,8	32,0	46,0
«Загнанность в клетку»	8,6	9,8	28,7	32,7
Тревога и депрессия	4,6	16,2	15,3	54,0
Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование	19,8	16,9	66,0	56,3
Эмоционально-нравственная дезориентация	11,4	12,9	38,0	43,0
Расширение сферы экономии эмоций	10,2	10,9	34,0	36,3

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Редукция профессиональных обязанностей	19,3	19,5	64,0	65,0
Эмоциональный дефицит	14,3	19,6	47,7	66,0
Эмоциональная отстраненность	10,4	19,5	34,7	65,0
Личностная отстраненность	11,8	13,1	39,3	43,0
Психосоматические и психовегетативные нарушения	14,4	21,9	48,0	73,0
Фазы				
Напряжение	34,8	53,8	29,0	44,8
Резистенция	60,7	60,2	50,6	50,2
Истощение	51,0	74,0	42,5	61,6

Проанализировав таблицу 1, можно сделать ряд выводов. При максимально возможном количестве в 30 баллов по каждому симптому, самое большое количество баллов у молодых военнослужащих пришлось на такие симптомы, как: неадекватное эмоциональное избирательное реагирование и редукция профессиональных обязанностей. Процентные значения по данным симптомам у этой группы военнослужащих составили 66 % и 64 % соответственно. Полученные значения свидетельствуют о том, что у данной группы военнослужащих эти симптомы уже являются сложившимися. Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование свидетельствует о том, что молодой военнослужащий в коллективе еще недостаточно освоился, в некоторых ситуациях может теряться, при этом не всегда относится к ним должным образом из-за нехватки опыта и профессионального мастерства. Редукция профессиональных обязанностей также свидетельствует о том, что у молодых специалистов еще недостаточно опыта и как следствие «незрелое» отношение к ним.

Наименьшее количество баллов было набрано по симптому тревоги и депрессии (4,6 балла). Этот симптом встречался лишь у 15,3 % военнослужащих и не является выраженным и сложившимся. Это свидетельствует о том, что молодые военнослужащие данной выборки не склонны к повышенной тревоге или депрессии. Таким образом можно сделать вывод, что такие симптомы как тревога и депрессия, а также загнанность в клетку не являются сложившимися по данной группе военнослужащих. Однако это не говорит о том, что они полностью отсутствуют.

Также складывающимися симптомами в фазе «напряжения» оказались переживание психотравмирующих обстоятельств, а также неудовлетворенность собой. Эти симптомы по группе военнослужащих набрали 11,8 и 9,6 баллов соответственно. Складывающимися симптомами фазы «резистенция» оказались: эмоционально-нравственная дезориентация, этот симптом набрал 11,4 балла, а также расширение сферы экономии эмоций, который набрал 10,2 балла. Также все 4 симптома фазы «истощения» оказались в данной группе военнослужащих складывающимися и их средние значения по группе не превышали 14,4 балла.

Далее изучались показатели фаз развития стресса таких как: «напряжение», «резистенция» и «истощение». В каждой из этих фаз максимально возможное количество баллов составляет 120.

Согласно исследованию, было установлено, что средние значения фазы «напряжения» у группы молодых военнослужащих составили 34,8 баллов, что свидетельствует о том, что данная фаза не является сформированной. Однако процентное значение говорит о том, что у некоторых военнослужащих она все же присутствует, но незначительно.

Среднее количество баллов, набранных молодыми военнослужащими по фазе «резистентность» составило 60,7. Это означает, что данная фаза является сформированной: такой

военнослужащий осознанно или бессознательно стремится к психологическому комфорту, снизить давление внешних обстоятельств с помощью имеющихся в его распоряжении средств.

Фаза «истощение» по среднему количеству набранных баллов находится в состоянии формирования и ее средние значения по группе составили 51 балл. Это подтверждает, что симптомы данной фазы для молодых военнослужащих являются складывающимися. Это означает то, что у молодых военнослужащих уже начинаются психосоматические и психовегетативные нарушения, присутствует эмоциональная и личностная отстраненность, а также начинается эмоциональное истощение.

Проанализировав данные опытных офицеров из таблицы 1, можно сделать следующие выводы: при максимально возможном количестве в 30 баллов по каждому симптому, самое большое количество баллов пришлось на такие симптомы, как эмоциональный дефицит и психосоматические и психовегетативные нарушения. Процентные значения по данным симптомам составили 66 % и 73 % соответственно. Это означает, что больше половины офицеров данной выборки испытывают их. Полученные значения свидетельствуют о том, что у данной группы военнослужащих эти симптомы уже являются сложившимися.

Эмоциональный дефицит офицера свидетельствует о его моральном истощении и невозможности адекватно проявлять эмоции. Зачастую такие офицеры холодны в проявлении своих эмоций и не имеют желания их проявлять. Этот симптом вырабатывается с годами, поэтому именно у опытных военнослужащих он оказался достаточно велик. Психосоматические и психовегетативные нарушения также в достаточной степени проявились у выборки опытных военнослужащих и их значения оказались на 25 % выше чем у молодых военнослужащих. Основными из являлись: нарушения сна (бессонница), изменение веса (ожирение или же наоборот недостаток веса), ухудшение зрения и даже изменения гормонального фона.

Наименьшее количество баллов было набрано по симптому «загнанность в клетку» и составил 9,8 балла. Этот симптом встречался у 32,7 % военнослужащих и не является выраженным и сложившимся.

Также по результатам исследования складывающимися симптомами у опытных военнослужащих являлись неудовлетворенность собой, переживание психотравмирующих обстоятельств, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономии эмоций и личностная отстраненность. Эти симптомы в среднем набрали не более 15 баллов.

Сложившимися симптомами данной группы являются тревога и депрессия, неадекватное эмоциональное реагирование, редукция профессиональных обязанностей и эмоциональная отстраненность.

Симптомами, характеризующими «эмоциональное выгорание» военнослужащих, оказались эмоциональный дефицит, который оказался у 66 % исследуемых, и психосоматические и психовегетативные нарушения, которые встречались у 73 % военнослужащих данной группы.

Согласно исследованию, было установлено, что средние значение фазы «напряжение» у группы опытных офицеров составило 53,8 баллов, что на 19% выше, чем у молодых военнослужащих. Это свидетельствует о том, что данная фаза находится в стадии формирования и близится к сформированности. Однако процентное значение говорит о том, что у некоторых военнослужащих она уже присутствует, но незначительно.

Среднее количество баллов, набранных опытными офицерами по фазе «резистентность» составило 60,2. Это означает, что данная фаза является сформировавшейся. Это значит также, что офицер осознанно или бессознательно стремится к психологическому комфорту, снизить давление внешних обстоятельств с помощью имеющихся в его распоряжении средств. Значение для фазы «резистентность» у молодых и опытных военнослужащих оказались практически равны.

Фаза «истощение» по среднему количеству набранных баллов находится в стадии сформированности, так как ее средние значения оказались высокими и составили 74 балла. Это означает, что у опытных военнослужащих уже присутствуют психосоматические и психовегетативные нарушения (проблемы со зрением, бессонница, нарушение ЖКТ, нервное

истощение и др.), определяется также эмоциональная и личностная отстраненность, а также характерно эмоциональное истощение. Значения фазы истощения у опытных военнослужащих оказались на 23% выше, чем у молодых военнослужащих с небольшим стажем, что означает взаимосвязь этой фазы и профессионального опыта.

В целом, сравнивая показатели всех шкал данной методики, можно сделать вывод, что у опытных обследуемых военнослужащих в достаточной степени выражены такие стороны выгорания как «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация, хотя в целом шкала «Редукция личностных достижений» несколько минимизирует этот процесс. В целом данная группа показывает незначительный уровень профессионального выгорания.

Таким образом, у молодых военнослужащих самое большое количество баллов пришлось на такие симптомы, как неадекватное эмоциональное избирательное реагирование и редукция профессиональных обязанностей. Сформировавшейся фазой для молодых военнослужащих является фаза «резистентности». Это означает, что военнослужащий осознанно или бессознательно стремится к психологическому комфорту, снизить давление внешних обстоятельств с помощью имеющихся в его распоряжении средств.

Сложившимися симптомами «эмоционального выгорания» опытных военнослужащих являлись эмоциональный дефицит и психосоматические и психовегетативные нарушения. В стадии сформированности находится фаза «истощения». Также установлено, что значения фазы истощения у опытных военнослужащих оказались выше на 23 % чем у молодых военнослужащих с небольшим стажем, что означает взаимосвязь этой фазы и профессионального опыта.

Таким образом военнослужащие проявляют выраженный уровень эмоционального выгорания, возникающий вследствие влияния факторов, связанных с профессиональной деятельностью, которые влияют на изменения личности и дальнейшее развитие эмоционального выгорания.

Список использованных источников

1 Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других / В. В. Бойко /. М. : Наука. – 1996. – 154 с.

2 Бондарчук, Е. В. Особенности мотивации профессиональной деятельности военнослужащих / Е. В. Бондарчук / Научные труды Республиканского института высшей школы: сб. науч. ст. Исторические и психолого-педагогические науки: в 2-х ч. / РИВШ; под ред. В. Ф. Беркова, 2013. – С. 47–54.

О. С. Мельник

Научный руководитель: В. Н. Дворак, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

В статье рассматривается понятие эмоционального интеллекта, его структура, роль эмоционального интеллекта в профессиональной деятельности врача, особенности эмоционального интеллекта в выборке врачей УЗ «Лельчицкая ЦРБ».

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, врач, профессиональная деятельность врача, опросник эмоционального интеллекта Н. Холла, уровень эмоционального интеллекта.

В современном социуме от врача ожидают не только непосредственного профессионализма, но и добродушия, внимания, участия, понимания и принятия чувств и переживаний пациентов, умения проявлять заботу, вселять надежду, побуждать бороться с болезнью и

приходить на помощь в то время, когда другие нуждаются в этом. Развитие всех этих качеств является очень важным аспектом формирования личности врача.

Самым важным требованием к медицинскому работнику является непосредственно развитие гуманного отношения к пациенту и, соответственно, высокий уровень ответственности за свои действия [4].

Существует комплекс следующих личностных качеств, которые необходимы для полноценной работы врача:

– морально-этические: откровенность, интеллигентность, ответственность, гуманность, надежность, добродушность, бескорыстие и др.;

– волевые: уверенность в себе, стойкость, готовность к риску, храбрость, самоуправление, сдержанность, решимость и др.;

– организационные: требовательность к себе и окружающим, способность брать на себя ответственность, умение правильно оценить не только себя, но и пациента, умение распланировать свою работу и др.;

– коммуникативные: личное обаяние, уважение к окружающим, деликатность, наблюдательность, общительность, доступность контактов, доверие к другим и др.

Одним из важнейших условий успешной профессиональной деятельности врача является достаточный уровень сформированности коммуникативной культуры, которая имеет свои специфические особенности и нюансы, соответствующие сфере применения профессиональных навыков. Коммуникативная культура включает в себя не только определенные профессиональные взгляды и убеждения, но и установки на эмоционально-позитивное отношение к пациенту, независимо от его личностных качеств. Именно поэтому понятие коммуникативной культуры включает в себя целый ряд коммуникативных навыков и умений, которые архиважны для эффективного взаимодействия с теми, кто обращается за медицинской помощью [1].

Коммуникативная компетентность подразумевает наличие психологических знаний и формирование некоторых специальных навыков: умение устанавливать контакт, умение формулировать вопросы, умение слушать, умение «читать» невербальный язык общения, умение строить беседу и т. д.

Таким же важным является умение врача владеть собственными эмоциями, контролировать собственные реакции и поведение, способность сохранять устойчивость. Адекватная коммуникация непосредственно предполагает правильное понимание пациента и соответствующую реакцию на его поведение, что включает в себя адекватное поведения в возникающих конфликтных ситуациях путем выбора конгруэнтного типа реагирования [5].

Психологическим качеством, которое непосредственно обеспечивает адекватное общение в системе взаимоотношений «врач-больной», является эмпатия, которую можно описать как «психологическую «включенность» в мир переживаний пациента». Выделяют три вида эмпатии: эмоциональная эмпатия (механизмы отождествления и идентификации); познавательная эмпатия (основывается на умственных процессах) и предикативная эмпатия (способность к прогностическому представлению о другом человеке на основе интуиции) [1].

Эмоциональное участие врача может помочь установить непосредственный психологический контакт с пациентом, получить более общую и верную информацию о нем, его состоянии, внушить уверенность в компетентности врача, в адекватности проводимых им лечебно-диагностических мероприятий, вселить веру в реконвалесценцию.

Эмпатические качества врача могут быть необходимы в тех случаях, когда субъективные признаки определенных симптомов, возникающих у пациента, не соответствует объективной клинической картине заболевания.

Ряд ученых выделяют важность развития эмоциональной сферы врача, овладение навыками межличностного общения, такими качествами, как стеничность, эмоциональный контроль, эмпатия, эмоциональная стабильность, устойчивость, доброжелательность. Эти качества в том или ином виде включены в структуру эмоционального интеллекта. В настоя-

щее время концепция эмоционального интеллекта активно разрабатывается в свете его адаптивной функции [2].

Вышеописанное направление является особенно актуальным в связи с определенной спецификой медицинской деятельности. Понятие «эмоциональный интеллект» ввели J. D. Mayer и P. Salovey в 1990 г., которые определили эмоциональный интеллект «как форму интеллекта социального, т. е. способность не только выявлять, но и различать свои собственные эмоции и эмоции людей, а также использовать данную информацию для управления своими действиями и мыслями». Далее была уточнена иерархия эмоционального интеллекта. Она стала включать четыре компонента: понимание эмоций, восприятие, выражение эмоций, усиление мышления с помощью эмоций, управление эмоциями для личностного роста и улучшения межличностных отношений. Д. В. Люсин и коллеги предложили свою структуру эмоционального интеллекта «как интеллекта, имеющего амбивалентную природу: с одной стороны связан с личностными характеристиками, с другой – когнитивными способностями. Возможность понимать и управлять эмоциями направлена как на собственные эмоции, так и на эмоции других людей». Исходя из данного подхода, эмоциональный интеллект понимается как способность понимать не только свои эмоции, эмоции других людей, но и управлять ими [3].

Исследование эмоционального интеллекта проводилось в марте 2022 года на базе УЗ «Лельчицкая ЦРБ» с использованием опросника эмоционального интеллекта Н. Холла в адаптации Е. П. Ильина. В опросе приняли участие 30 врачей различных специальностей в возрасте от 24 до 55 лет, из них 6 мужчин и 24 женщины.

В ходе проведения диагностического исследования были получены следующие результаты по опроснику эмоционального интеллекта Н. Холла в адаптации Е. П. Ильина:

- у 21 испытуемого (70 %) был диагностирован низкий уровень эмоционального интеллекта, у 9 испытуемых (30 %) – средний уровень интеллекта, из них у женщин: у 50 % – низкий уровень, у 20 % – средний из общего количества испытуемых, у мужчин: у 10 % – низкий уровень и у 10 % – средний;

- 20 % испытуемых (6 человек) обладают высокой степенью осознанности и понимания своих эмоций, более осведомлены о своем внутреннем состоянии, 50 % (15 человек) – имеют средний уровень эмоциональной осведомленности и 30 % (9 человек) – низкий. Из них мужчины в 100 % случаев обладают средней степенью осознанности, у женщин – 20 % – высокой степенью, 30 % – низкой и 30 % – средней степенью.

- 90 % испытуемых обладают низким уровнем управления своими эмоциями и лишь 10 % – средний уровень. Из них у женщин – 70 % с низким уровнем и 10 % – со средним, у мужчин – 20 % с низким уровнем.

- по шкале самомотивации у 60 % испытуемых (18 человек) низкий уровень, у 40 % – средний; из них 20 % мужчин со средним уровнем самомотивации; у женщин среди всех испытуемых – 60 % с низким уровнем и 20 % – со средним;

- по шкале эмпатии 40 % испытуемых (12 человек) низкий уровень эмпатии, у 60 % (18 человек) – низкий уровень, из них 50 % женщин со средним уровнем и 30 % – с низким уровнем эмпатии, 10 % мужчин с низким уровнем и 10 % – со средним;

- по умению воздействовать на эмоциональное состояние других людей 60 % испытуемых (18 человек) обладают низким уровнем и 40 % – средним, из них 20 % мужчин с низким уровнем, по 40 % женщин имеют средний и низкий уровни распознавания эмоций других людей.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что врачи в 70 % случаев обладают низким уровнем эмоционального интеллекта. У них также прослеживается средний уровень осознания и понимания своих эмоций, низкий уровень распознавания эмоций других людей, управления собственными эмоциями, что может свидетельствовать о низкой эмоциональной отходчивости, эмоциональной гибкости, что в свою очередь может быть следствием возрастания количества рабочих конфликтов. Лишь 60 % врачей склонны сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, готовы оказать поддержку.

Список использованных источников

1 Дубова, В. П. Рассуждение о врачебном искусстве или социально-психологические факторы успешной профессиональной деятельности врача // Медицина. – 1999. – № 3. – С. 11–12.

2 Кузнецова, О. А. Психологические особенности синдрома выгорания у медицинских работников / О. А. Кузнецова, Н. Н. Лепехин // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий ; под ред. В. В. Лукьянова и др. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2008. – С. 221–228.

3 Люсин, Д. В. Новые методики для измерений эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн / Д. В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 4–23.

4 Оценка больным некоторых личностных качеств ревматолога и эффективность терапии / Н. И. Коршунов [и др.] // Научно-практическая ревматология. – 2007. – № 3. – С. 77–80.

5 Филатова, Ю. С. Проявление конфликтной компетентности врача в зависимости от стажа и квалификационной категории / Ю. С. Филатова, М. М. Кашапов // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов конференции: В 5 т. / Отв. ред. Богоявленская Д. Б. – М. : Когито-Центр, 2015. – Т5. – С. 388–391.

А. Ю. Нехай

Научный руководитель: Е. И. Климушко
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ И СТИЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В публикации автор обращается к проблеме роли руководителя в коллективе медицинских работников. Руководитель – это человек, на которого официально возложены функции управления коллективом и организации его деятельности. Приводятся результаты исследования по выявлению стилей управления руководителями в коллективе с помощью методики А. Л. Журавлева «Стиль руководства» и изучению субъективного отношения подчиненных к руководителю. Основной целью исследования является изучение взаимосвязи стилей управления руководителя с отношением к нему подчиненных.

Ключевые слова: руководитель, здравоохранение, личностные качества, стили руководства.

Работа в сфере здравоохранения сегодня – один из самых сложных, ответственных видов деятельности человека, характеризующийся высоким уровнем нагрузок.

Квалифицированный руководитель в области здравоохранения – залог качественной медицинской помощи. Для более качественного обеспечения учреждений здравоохранения необходимо учитывать профессиональные личностные качества руководителя, с помощью которых он ведет коллектив к намеченной цели. Многие рвутся в руководители, не подозревая о том, какая огромная ответственность лежит на его плечах. Также в последние годы выросла и ужесточилась административная, уголовная, материальная ответственность руководителей здравоохранения.

Эффективность медицинского учреждения зависит, прежде всего, от эффективности деятельности руководителя. Успешное руководство – это искусство, требующее хорошего знания людей, понимания их самих и причин того или иного поведения [3]. Управление в любой организационной системе зачастую зависит от индивидуального стиля управления руководителя [1].

Стиль руководства может служить характеристикой качества деятельности руководителя, его способности обеспечивать эффективную деятельность, а так же создавать в коллективе особую атмосферу, способствующую развитию благоприятных взаимоотношений и поведения [2].

В нашем исследовании приняли участие люди, занимающие руководящие должности, а также работники организации в общем количестве 27 человек радиологического отделения № 1 ГУ «РНПЦ ОМР имени Н. Н. Александрова».

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом этапе исследования выявляли стиль управления руководителя в коллективе с помощью методики А. Л. Журавлева «Стиль руководства» (рисунок 1). Данная методика направлена на оценку преобладающего стиля руководства: директивного (авторитарного); коллегиального (демократического); либерального.

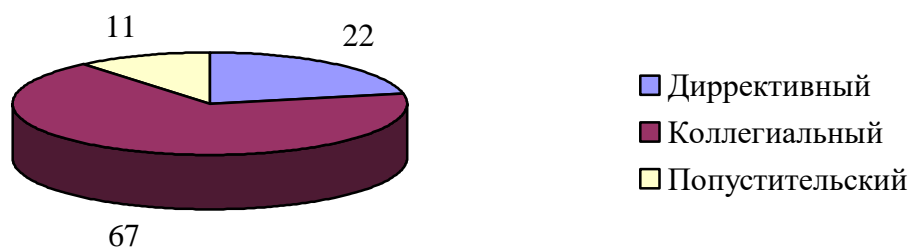

Рисунок 1 – Стили руководства коллективом

Согласно методике «Стиль руководства» было обнаружено, что 11 % испытуемых определили стиль управления своего непосредственного руководителя как попустительский (либеральный), 22 % испытуемых находят стиль управления руководителя директивным (авторитарным). Большее количество испытуемых (67 % респондентов) указало, что их руководителю свойственен коллегиальный (демократический) стиль управления.

На втором этапе для оценки удовлетворенности работой руководителя его подчиненных был оставлен опросник «Субъективное отношение подчиненных к руководителю». Разработанная анкета предназначена для определения субъективного отношения подчиненных к их руководителю.

По критерию «Эмоциональное регулирование» выявлены следующие результаты: 62 % опрошенных считают, что их руководитель способен совладать с эмоциями, не кричит на подчиненных в случае неудачи или оплошности, не нервничает, находясь рядом с ним. Однако 1 опрошенный (4 %) указал, что руководителю тяжело совладать со своими эмоциями в отношении данного подчиненного (Рисунок 2).

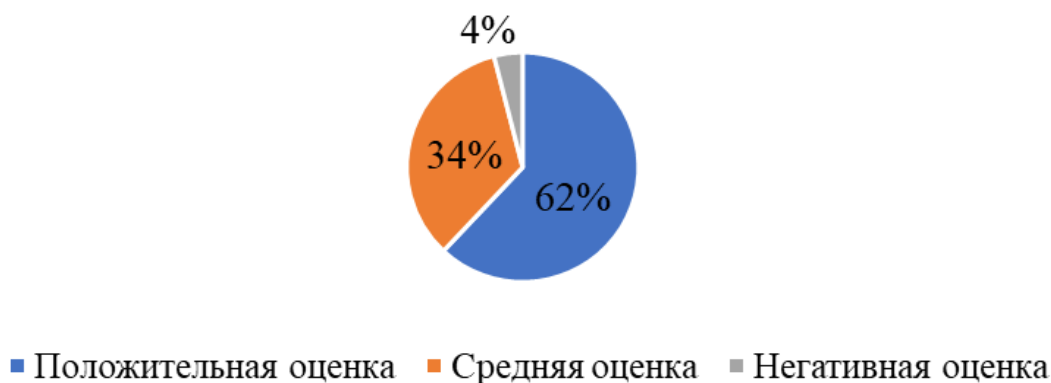

Рисунок 2 – Оценка руководителя подчиненными по критерию «Эмоциональное регулирование»

По критерию «Справедливость, строгость, требовательность» выявлены следующие результаты: 70 % опрошенных считают, что их руководитель строг в меру, справедлив по отношению к подчиненным, наказывает в случае реальной серьезной ошибки подчиненного, требовательный к работе. Негативные оценки не выявлены (Рисунок 3).

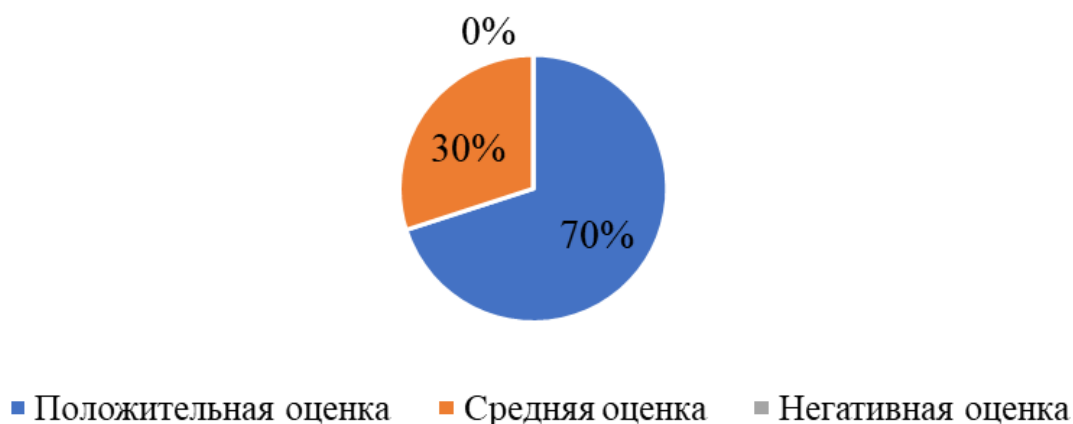

Рисунок 3 – Оценка руководителя подчиненными по критерию «Справедливость, строгость, требовательность»

По критерию «Компетентность» выявлены следующие результаты: 79 % опрошенных считают, что их руководитель компетентен, настоящий профессионал, подчиненные не испытывают стресс, находясь рядом с начальником, спокойно реагируют на оценку своей работы руководителем, не боятся просить совета и помощи. Негативные оценки не выявлены.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство подчиненных (71 %) полностью удовлетворены своими руководителями и считают их стиль руководства демократическим. Респонденты считают их настоящими профессионалами, доверяют им, не боятся просить помощи и совета.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что в коллективе, в котором руководитель применяет демократический стиль управления, присутствует благоприятный социально-психологический климат, благоприятная обстановка. Профессиональные отношения медицинских работников отличаются доверием, доброжелательной и деловой критикой и высокой степенью взаимопомощи. Сотрудники склонны свободно высказывать свое собственное мнение, в большей мере обладают удовлетворенностью в работе.

Когда вся организация работает достаточно эффективно и слаженно, то в конечном счете руководитель обнаружит, что помимо поставленных повседневных рабочих целей, достигнут и иной, не менее значимый показатель. Взаимопонимание и удовлетворенность работой в медицинском коллективе очень важны, так как труд медицинских работников характеризуется высокой ответственностью, большой ценой ошибки и психоэмоциональной напряженностью.

Список использованных источников

- 1 Иванова, С. В. Психологические особенности личности руководителя / С. В. Иванова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019. – № 4–1. – С. 9–12.
- 2 Касимова, З. Х. Развитие важных психологических качеств в личности руководителя / З. Х. Касимова // International scientific review, 2020. – № LXXIV. – С. 23–27.
- 3 Якунина, Е. О. Социально–психологические характеристики личности руководителя / Е. О. Якунина // Вестник науки. – 2021. – Т. 3, № 5–1(38). – С. 41–48.

М. С. Пецура

Научный руководитель: А. Н. Редюк

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГРУППЫ ЗАДЕРЖАНИЯ МИЛИЦИИ

В статье рассматриваются понятия стрессоустойчивости и волевых качеств личности сотрудников группы задержания милиции. Автором приводятся результаты корреляционного анализа, полученные после проведения эмпирического исследования, в которых отражена взаимозависимость стрессоустойчивости и волевых качеств личности у сотрудников группы задержания милиции.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, воля, волевые качества, самообладание, настойчивость, взаимосвязь

Проблема волевых ресурсов личности в преодолении стресса является весьма актуальной и перспективной в современной психологии как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. В различных работах показаны взаимосвязи эмоционально-волевых черт личности и самоотношения, направленности личности, черт темперамента, характера. Вопрос о взаимосвязях волевой сферы личности и стрессоустойчивости прояснен недостаточно, несмотря на то, что наличие этих взаимосвязей можно предположить.

Воля рассматривается в психологии как свойство психики (А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский), как сторона сознания (С. Ю. Головин), как способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели (Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко). Волевая регуляция обуславливает проявление таких волевых качеств личности, как выдержки, решительности, смелости, целеустремленности, терпеливости, упорства, настойчивости, морально-волевых качеств, самостоятельности, инициативности, дисциплинированности. Развитые волевые качества личности позволяют легче адаптироваться к стрессовым условиям, т. е. быть стрессо-устойчивым.

Воля – это свойство психической деятельности индивида, проявляющееся в сознательном регулировании им своего поведения при достижении поставленной цели и преодолении внутренних и внешних трудностей на пути к этой цели [1, с. 41].

Волевые качества – это относительно постоянные, независимые от данной ситуации, устойчивые психические образования, указывающие на достигнутый человеком уровень сознательной саморегуляции поведения, его власти над собой. Выделяются следующие волевые качества, исчерпывающе описывающих любую ситуацию, требующую проявления силы воли: настойчивость, самообладание, выдержка, инициативность, организованность, решительность, самостоятельность и смелость [3, с. 9].

Стрессоустойчивость является сложным структурным, разноуровневым и содержательным качеством личности. Стрессоустойчивость – это комплексная индивидуальная психологическая особенность, которая заключается во взаимосвязи различных свойств индивидуальности, что ведет к оптимальному взаимодействию субъекта с окружающей средой в различных условиях жизнедеятельности [2, с. 21]. В основе стрессоустойчивости лежат ресурсы личности – внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях.

Было принято решение рассмотреть взаимосвязь стрессоустойчивости и волевых качеств личности именно у сотрудников группы задержания милиции, так как представители этой профессии регулярно сталкиваются со стрессовыми ситуациями и трудностями, сопровождаемыми риском для жизни, а для успешного исполнения своих обязанностей важно наличие развитых волевых качеств личности и стрессоустойчивости.

Милиционер группы задержания осуществляет патрулирование по городу на служебном автомобиле в составе двух сотрудников (старший наряда и водитель). Наряд группы задержания находится в режиме ожидания. Как только на объекте, находящемся под охраной, срабатывает сигнализация, наряд выбывает к нему с целью выяснения причин сработки. Основная задача подразделения – охрана имущества граждан и объектов.

Исследование проводилось в Гомельском ОУ Департамента охраны МВД Республики Беларусь. Выборочную совокупность составили 30 сотрудников группы задержания департамента охраны МВД РБ г. Гомеля.

Для начала было проведено диагностическое исследование, в котором использовалась методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (адаптация Н. Водопьяновой, Е. Старченковой) и тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверькова, Е. В. Эйдмана).

Следующий этап исследования был направлен на выявление взаимосвязи стрессоустойчивости и волевых качеств личности. Для этого была осуществлена статистическая обработка данных с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Коэффициенты взаимосвязей стрессоустойчивости и волевых качеств личности у 30 сотрудников группы задержания милиции

Связываемые шкалы	Коэффициент корреляции	Зона значимости
Стрессоустойчивость – волевая саморегуляция	0,797	$p \leq 0,01$
Стрессоустойчивость – настойчивость	0,842	
Стрессоустойчивость – самообладание	0,810	
Ассертивные действия – волевая саморегуляция	0,754	
Ассертивные действия – настойчивость	0,626	
Ассертивные действия – самообладание	0,696	
Вступление в социальный контакт – волевая саморегуляция	0,717	
Вступление в социальный контакт – настойчивость	0,636	
Вступление в социальный контакт – самообладание	0,665	
Конструктивность – волевая саморегуляция	0,775	
Конструктивность – настойчивость	0,713	
Конструктивность – самообладание	0,739	
Импульсивные действия – волевая саморегуляция	-0,714	
Импульсивные действия – настойчивость	-0,501	
Импульсивные действия – самообладание	-0,666	
Избегание – волевая саморегуляция	-0,509	$p \leq 0,05$
Избегание – настойчивость	-0,523	
Избегание – самообладание	-0,435	
Агрессивные действия – волевая саморегуляция	-0,421	

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить и охарактеризовать взаимосвязь стрессоустойчивости и волевых качеств личности. В результате корреляционного анализа были выявлены статистически значимые прямые взаимосвязи стрессоустойчивости, использования ассертивных действий, вступления в социальный

контакт, конструктивности и волевой саморегуляции, настойчивости и самообладания, а также отрицательные взаимосвязи использования импульсивных действий, избегания, агрессивных действий и волевой саморегуляции, настойчивости и самообладания.

Выявленные взаимосвязи свидетельствуют о том, что стрессоустойчивые сотрудники группы задержания милиции, которые четко определяют цели и пути их достижения, умеют и стремятся рационально распределять время, могут долгое время работать с большим напряжением сил, неожиданности которых не выбивают из колеи, уверенные в себе, сильные потрясения воспринимают как урок в жизни и включают механизмы самооценки и значимости, умеют проявлять свои сильные стороны и быстро восстанавливать свое психическое состояние, спокойно относятся к событиям, происходящим вокруг, для которых характерно спокойное отношение к жизни, профессиональной деятельности, отсутствие страха перед будущим, использующие конструктивные стратегии для преодоления стрессовых ситуаций (ассертивные действия, вступление в социальные контакты), повышающие стрессоустойчивость, имеют развитую волевую саморегуляцию, самообладание и настойчивость. Они отличаются эмоциональной зрелостью, активностью, независимостью, самостоятельностью, спокойствием, уверенностью в себе, устойчивостью намерений, реалистичностью взглядов. Как правило, они хорошо рефлексиируют личные мотивы, планомерно реализуют возникшие намерения, умеют распределять усилия и способны контролировать свои поступки, обладают выраженной социально-позитивной направленностью. В предельных случаях у них возможно нарастание внутренней напряженности, связанной со стремлением проконтролировать каждый нюанс собственного поведения и тревогой по поводу малейшей его спонтанности. Для них характерна работоспособность, активное стремление к выполнению намеченного, уважение к социальным нормам, стремление полностью подчинить им свое поведение. Свойственное им внутреннее спокойствие, уверенность в себе освобождает от страха перед неизвестностью, повышает готовность к восприятию нового, неожиданного и, как правило, сочетается со свободой взглядов, тенденцией к новаторству и радикализму.

Сотрудники группы задержания милиции с низким уровнем сопротивляемости стрессу, неразвитой стрессоустойчивостью, а также использующие неконструктивные стратегии для преодоления стресса (импульсивные действия, избегание, агрессивные действия), имеют неразвитые волевые качества, такие как волевая саморегуляция, настойчивость и самообладание. Они чувствительны, эмоционально неустойчивы, ранимы, не уверены в себе. Рефлексивность у них невысока, а общий фон активности, как правило, снижен. Им свойственна импульсивность и неустойчивость намерений, которые могут приводить к непоследовательности и даже разбросанности поведения.

Список использованных источников

- 1 Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 368 с.
- 2 Субботин, С. В. Устойчивость к психическому стрессу как характеристики метаиндивидуальности учителя: дис.... канд. психол. наук / С. В. Субботин. – Пермь, 1992. – 152 с.
- 3 Чумаков, М. В. Опросник диагностики волевых качеств личности / М. В. Чумаков. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2004. – 16 с.

Д. А. Плиско

Научный руководитель: А. С. Ярошевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СПОСОБНОСТИ К НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ С СОЦИАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ У СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В рамках статьи приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи способности к невербальной коммуникации с социальным интеллектом у студентов помогающих специальностей.

Ключевые слова: коммуникация, социальный интеллект, невербальная коммуникация, студенты.

Общение представляет собой целенаправленный процесс обмена информацией на основе восприятия друг друга. При передаче всей необходимой информации необходимо иметь в виду тот факт, что информация передается от одного человека к другому посредством определенных знаковых систем. Необходимо отметить коммуникативную и невербальную сторону процесса общения [1, с. 36]. Невербальная коммуникация – это общение, обмен информацией без помощи слов. Это жесты, мимика, различные сигнальные и знаковые системы. Вербальная и невербальная коммуникация представляют собой две формы общения, которые дополняют друг друга. Основным значением невербальной коммуникации является то, что она образует особенности определенного образа партнера по общению, поддержания системы статусно-ролевых отношений.

Существуют разные взгляды на понятие социального интеллекта в зарубежной и отечественной психологии. Впервые понятие «социальный интеллект» было использовано в 1920 г. Э. Торндайком. Его исследования стали отправной точкой для многих других исследователей. С позиций автора социальный интеллект представляет собой совокупность способностей добиваться успеха в межличностных ситуациях, умения управлять коммуникацией, вести себя мудро во взаимоотношениях. В качестве основной функции социального интеллекта подчеркивается осуществление прогноза собственного поведения и поведения окружающих людей [2, с. 24]. Большинство подходов характеризуют социальный интеллект как способность, свидетельствующую о его отношении к той или иной деятельности и являющуюся личностным образованием. В своей работе рассматриваем социальный интеллект как совокупность способностей, которые дают возможность понимать себя, окружающих, строить с ними позитивные отношения, успешно адаптироваться в обществе.

Для проведения исследования использовались методика исследования социального интеллекта Е. С. Михайловой (адаптация теста Дж. Гилфорда и М. О. Салливена) и методика изучения уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения (В. А. Лабунской).

Результаты исследования уровня социального интеллекта у студентов помогающих профессий представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования социального интеллекта у студентов помогающих профессий

Параметры социального интеллекта	Среднее значение
1	2
Способности предвидеть последствия поведения	8,6
Способности оценивать состояния других по невербальному поведению	7,5

Окончание таблицы 1

1	2
Способности к распознаванию характера взаимоотношений	7,5
Способности распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике	4,7
Уровень социального интеллекта	28,4

Анализ результатов, представленных в таблице 1, показывает, что способности предвидеть последствия поведения других людей развиты у студентов помогающих профессий на уровне выше среднего (8,6). Студенты помогающих профессий отличаются развитыми способностями предвосхищать дальнейшие действия людей на базе анализа реальных ситуаций общения (семейного, делового, дружеского), предвидеть события на основе понимания чувств, мыслей, намерений участников коммуникации; они умеют четко выстраивать стратегии своего поведения для достижения поставленных целей.

Способности оценивать состояния других людей по невербальному поведению развиты у студентов помогающих профессий на среднем уровне (7,5). Студенты помогающих профессий отличаются развитыми способностями правильной оценки психических состояний, чувств и намерений других людей по невербальным проявлениям. Эти студенты из-за чувствительности к невербальной экспрессии обладают хорошими способностями понимать окружающих.

Способности к распознаванию характера взаимоотношения с другими людьми у студентов помогающих профессий находятся на среднем уровне (7,5). Студенты помогающих профессий характеризуются умеренной чувствительностью к характеру межличностных отношений, что помогает им быстро и правильно понимать речевую экспрессию в рамках конкретной ситуации и определенных взаимоотношений.

Способности распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике у студентов помогающих профессий находятся на низком уровне (4,7). Это говорит о том, что студенты обладают слабыми способностями к анализу сложных ситуаций взаимодействия людей, пониманием логики их развития, чувствительностью к изменению смысла ситуации при включении в процесс общения разных участников. У них слабо выражены способности выстраивать недостающие звенья в цепи взаимодействий, предвосхищать поведение других, находить причины определенных поступков.

Уровень социального интеллекта у студентов помогающих профессий развит на среднем уровне (28,4), способности, связанные с успешным взаимодействием у социальной адаптации, развиты на среднем уровне.

Результаты исследования по методике изучения уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения (В. А. Лабунской) представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения у студентов помогающих профессий

Группа задач	Условное название задачи	Среднее значение
Первая группа задач	Позы	13,34
	Мимика-жесты	10,17
	Мимика	10,65
	Поза-лицо	13,33
Вторая группа задач	Конфликт	9,76
	Согласие	10,10
	Диада-группа	8,18
Третья группа задач	Мимика-реплик	10,66
Суммарный балл		86,19

Анализ результатов, представленных в таблице 2, показывает, что у студентов помогающих профессий средний уровень развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения. Средние значения говорят о том, что при эмоциональном отклике на переживания партнера по общению, человек, как правило, испытывает с ним однотипные по модальности переживания. Так же для людей с этими уровнями характерно адекватно трактовать эмоциональные состояния любой модальности и демонстрировать соответствующие переживаниям партнера как невербальные, так и вербальные реакции. С таким же успехом они верно трактуют поведение партнера по общению.

В основном по всем представленным задачам у студентов помогающих профессий выявлен средний уровень, который незначительно отклоняется от средних психометрических показателей методики. Но результаты по «задаче 7» ниже представленных средних значений, что говорит о трудностях в умении регулировать отношения в диаде, группе в эмоционально-положительную сторону с помощью выбираемых экспрессивных паттернов.

Для изучения взаимосвязи способности к невербальной коммуникации с социальным интеллектом у студентов помогающих специальностей был проведен корреляционный анализ. Полученные в ходе исследования данные подверглись статистической обработке с помощью программы «Statistica v. 10.0». С целью установления статистической связи был использован критерий ранговой корреляции rs-Спирмена – непараметрический критерий, предназначенный для изучения связи между показателями. Результаты выявления взаимосвязи способности к невербальной коммуникации с социальным интеллектом у студентов помогающих специальностей отражены в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели взаимосвязи способности к невербальной коммуникации с социальным интеллектом у студентов помогающих специальностей

Взаимосвязь переменных	rs-Спирмена	Уровень значимости
Способности предвидеть последствия поведения и позы	0,29	$p \leq 0,05$
Способности предвидеть последствия поведения и согласие	0,42	$p \leq 0,05$
Способности предвидеть последствия поведения и диада-группа	0,25	$p \leq 0,05$
Способности оценивать состояния других по невербальному поведению и согласие	0,24	$p \leq 0,05$
Способности оценивать состояния других по невербальному поведению и диада-группа	0,65	$p \leq 0,05$
Общий уровень социального интеллекта и позы	0,23	$p \leq 0,05$
Общий уровень социального интеллекта и согласие	0,43	$p \leq 0,05$
Общий уровень социального интеллекта и диада-группа	0,40	$p \leq 0,05$

Результаты, представленные в таблице 3, показывают, что выявлены корреляционные связи между следующими переменными:

- способность предвидеть последствия поведения отрицательно коррелирует с позами ($r_s = 0,29$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, которые умеют предвидеть последствия поведения, могут адекватно интерпретировать состояния и отношения человека на основе его позы;
- способности предвидеть последствия поведения положительно коррелирует с согласием ($r_s = 0,42$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, которые умеют предвидеть последствия поведения, владеют умением регулировать отношения в эмоционально-отрицательную сторону;
- способности предвидеть последствия поведения положительно коррелирует с диадой-группой ($r_s = 0,25$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, которые умеют предвидеть последствия поведения, владеют умением регулировать отношения в диаде, группе в эмоционально-положительную сторону с помощью выбираемых экспрессивных паттернов;

– способности оценивать состояния других по невербальному поведению положительно коррелирует с согласием ($r_s = 0,24$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, которые умеют оценивать состояния других по невербальному поведению, владеют умением регулировать отношения в эмоционально-отрицательную сторону;

– способности оценивать состояния других по невербальному поведению положительно коррелирует с диадой-группой ($r_s = 0,65$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, которые умеют оценивать состояния других по невербальному поведению, владеют умением регулировать отношения в диаде, группе в эмоционально-положительную сторону с помощью выбираемых экспрессивных паттернов;

– общий уровень социального интеллекта отрицательно коррелирует с позами ($r_s = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, у которых развит социальный интеллект, могут адекватно интерпретировать состояния и отношения человека на основе его позы;

– общий уровень социального интеллекта положительно коррелирует с согласием ($r_s = 0,43$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, у которых развит социальный интеллект, владеют умением регулировать отношения в эмоционально-отрицательную сторону;

– общий уровень социального интеллекта положительно коррелирует с диадой-группой ($r_s = 0,40$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что студенты, у которых развит социальный интеллект, владеют умением регулировать отношения в диаде, группе в эмоционально-положительную сторону с помощью выбираемых экспрессивных паттернов.

Таким образом, корреляционный анализ подтвердил наличие взаимосвязи способности к невербальной коммуникации и социального интеллекта у студентов помогающих специальностей

Список использованных источников

1 Верещагин, Е. М. О своеобразии отражения мимики и жеста вербальными средствами / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 36–47.

2 Горянина, В. А. Психология общения. Учебное пособие для студентов вузов / В. А. Горянина – М. : Академия, 2014. – 236 с

Ю. Г. Суглоб

Научный руководитель: О. В. Маркевич

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

КОРРЕКЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА И ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ МВД, ПРОХОДЯЩИХ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению профессионального стресса и эмоционального выгорания сотрудников войсковой части МВД, проходящих службу по контракту. Представлены результаты оценки эффективности программы коррекции профессионального стресса и профессионального выгорания военнослужащих, проходящих службу по контракту.

Ключевые слова: профессиональный стресс, профессиональное выгорание, коррекция.

Анализ научных исследований, посвященных изучению стресса в профессиональной деятельности человека, показывает, что в последние годы данная проблема является наиболее актуальной в мировой психологической науке и практике.

Для изучения профессионального стресса и профессионального выгорания сотрудников войсковой части МВД, проходящих службу по контракту, было проведено эмпирическое

исследование с помощью методик диагностики профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) и Шкалы оценки профессионального стресса (К. Вайсман), в ходе которого были сформированы контрольная и коррекционная группа для дальнейшей работы по снижению уровня эмоционального выгорания, профессионального стресса и уровня эмоционального стресса.

После проведения программы коррекции профессионального стресса и профессионального выгорания военнослужащих, проходящих службу по контракту, была проведена оценка эффективности программы. Результаты исследования коррекционной группы после проведения коррекционной программы, направленной на коррекцию профессионального стресса и профессионального выгорания военнослужащих, проходящих службу по контракту представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты психодиагностического исследования коррекционной группы после проведения программы коррекции

Исследуемый параметр	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Эмоциональное выгорание	7	8	4
Профессиональный стресс	8	7	4
Психический стресс	9	5	5

Для наглядности представления результатов исследования эмоционального выгорания, профессионального стресса и психического стресса коррекционной группы отобразим их в виде диаграммы, в которой данные будут представлены в процентном соотношении от общего количества респондентов в коррекционной группе (рисунок 1).

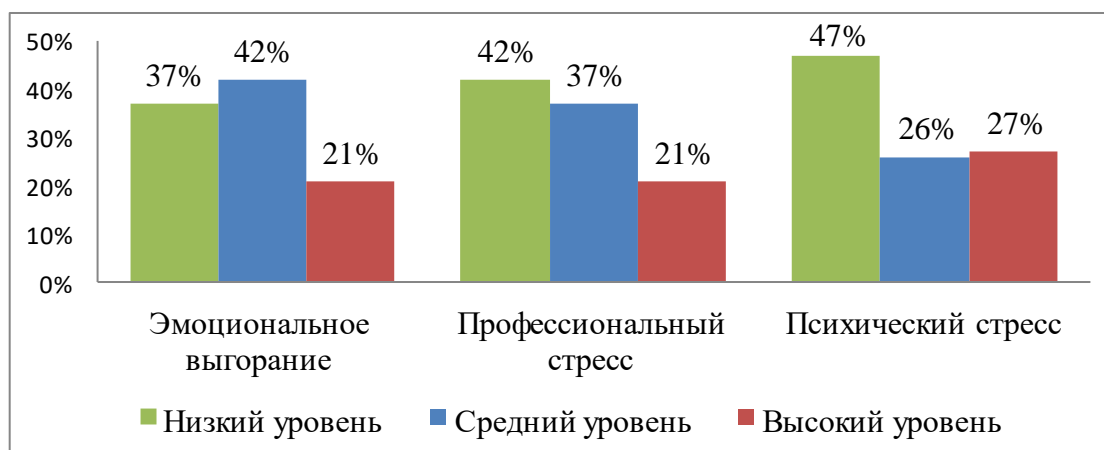

Рисунок 1 – Результаты психодиагностического исследования коррекционной группы после проведения программы коррекции

В соответствии с данными психодиагностического исследования коррекционной группы после проведения коррекционной программы, а также данным, представленным на рисунке 1, можно утверждать следующее:

– низкий уровень эмоционального выгорания установлен у 37 % респондентов; средний уровень эмоционального выгорания выявлен у 42 % респондентов; высокий уровень эмоционального выгорания диагностирован всего у 21 % респондентов;

– низкий уровень профессионального стресса установлен у 42 % респондентов; средний уровень профессионального стресса выявлен у 37 % респондентов; высокий уровень профессионального стресса диагностирован всего у 21 % респондентов;

– низкий уровень психического стресса установлен у 47 % респондентов; средний уровень психического стресса выявлен у 26 % респондентов; высокий уровень психического стресса диагностирован всего у 27 % респондентов.

Далее проведем сравнение результатов исследования контрольной группы и коррекционной после проведения тренинговой программы. Сравнение проводится в наглядной форме в виде диаграммы, в которой данные отображены в процентном соотношении (рисунок 2).

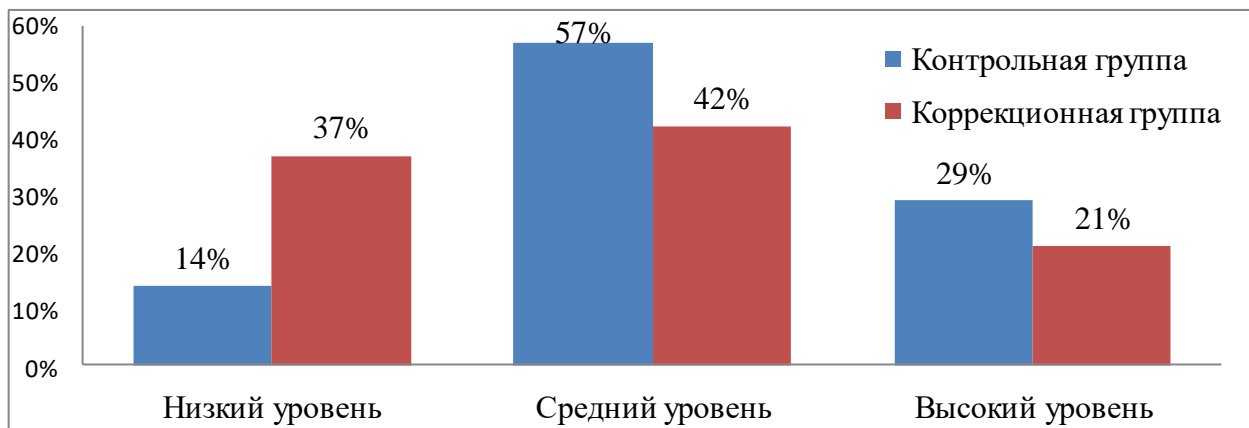

Рисунок 2 – Результаты сравнения коррекционной группы после проведения программы и контрольной группы по параметру профессиональное выгорание

В соответствии с данными, представленными на рисунке 2, можно сделать вывод о том, что после проведения коррекционной работы у коррекционной группы наблюдается снижение показателя профессионального выгорания в сравнении с контрольной группой. Установлено, что у коррекционной группы после проведения коррекционной работы низкий уровень выявлен у 37 % опрошенных, средний уровень установлен у 42 % респондентов, высокий уровень выявлен у 21 % респондентов. У контрольной группы низкий уровень профессионального выгорания выявлен у 14 % опрошенных, средний уровень выявлен у 57 % респондентов, высокий уровень выявлен у 29 %.

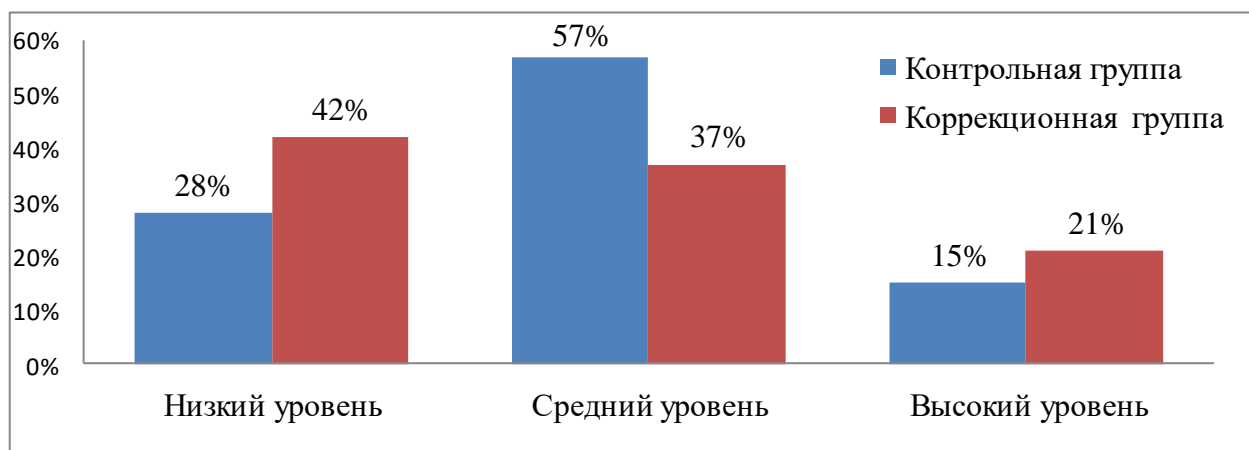

Рисунок 3 – Результаты сравнения коррекционной группы после проведения программы и контрольной группы по параметру профессионального стресса

В соответствии с данными, представленными на рисунке 3, можно сделать вывод о том, что после проведения работы у коррекционной группы наблюдается снижение показателя

теля профессионального стресса в сравнении с контрольной группой. Установлено, что у контрольной группы низкий уровень профессионального стресса выявлен у 28 % опрошенных, средний уровень выявлен у 57 % респондентов, высокий уровень выявлен у 15 %. В коррекционной группе после проведения коррекционной работы низкий уровень выявлен у 42 % опрошенных, средний уровень установлен у 37 % респондентов, высокий уровень выявлен у 21 % респондентов.

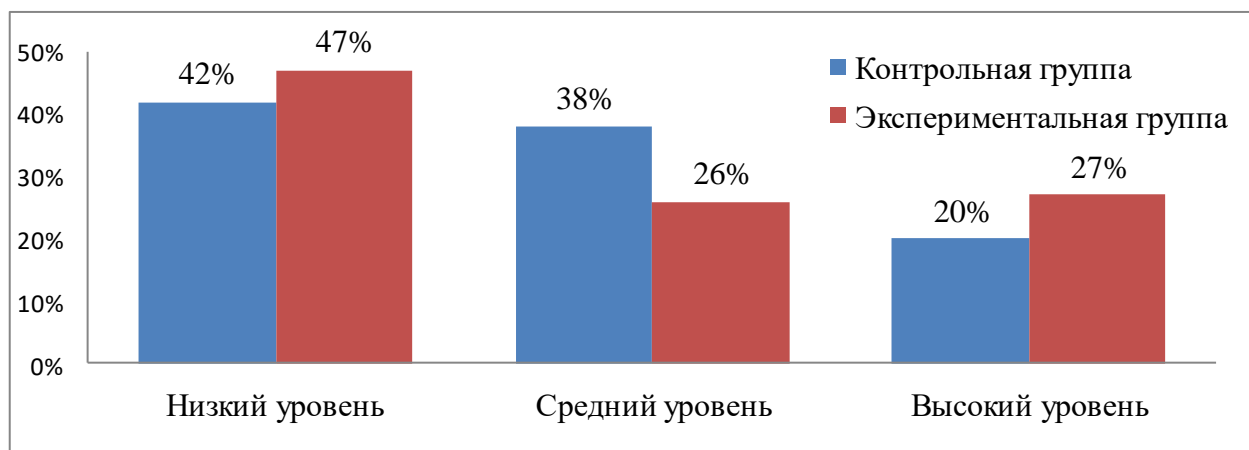

Рисунок 4 – Результаты сравнения коррекционной группы после проведения программы и контрольной группы по параметру психического стресса

В соответствии с данными, представленными на рисунке 4, можно сделать вывод о том, что после проведения коррекционной работы у коррекционной группы также наблюдается снижение показателя психического стресса в сравнении с контрольной группой. Установлено, что у контрольной группы низкий уровень психического стресса выявлен у 42 % опрошенных, средний уровень выявлен у 38 % респондентов, высокий уровень выявлен у 20 %. В коррекционной группе после проведения коррекционной работы низкий уровень выявлен у 47 % опрошенных, средний уровень установлен у 26 % респондентов, высокий уровень выявлен у 27 % респондентов.

Результаты исследования коррекционной группы до проведения программы и после ее проведения существенно различаются. После проведения коррекционной работы уменьшилось количество респондентов с высокими показателями по всем исследуемым признакам; увеличилось количество опрошенных со средними показателями и высокими.

Для оценки выраженности различий в уровне профессионального выгорания, профессионального стресса и психологического стресса у коррекционной группы сотрудников МВД и контрольной, проведем статистический анализ данных с использованием U-критерия Манна-Уитни. Результаты статистического анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Значение U-критерия Манна-Уитни и значимость различий

Исследуемый параметр	Значение U-критерия Манна-Уитни	Критическая точка при $p = 0,05$	Значимость различий
Профессиональное выгорание	90	123	Значимы
Профессиональный стресс	112,5		Значимы
Психический стресс	105,5		Значимы

В результате проведенного анализа данных с использованием U-критерия Манна-Уитни установлено, что существуют статистически значимые и достоверные различия в уровне профессионального выгорания, профессионального стресса и психического стресса между коррекционной группой после проведения коррекционной работы и контрольной группой. На основании ранее полученных данных можно судить о том, что после проведения программы коррекции профессионального стресса и профессионального выгорания военнослужащих, проходящих службу по контракту, наблюдается снижение изучаемых показателей, что говорит об эффективности проведенной программы.

И. А. Хомченко

Научный руководитель: Н. Г. Новак, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема психологической готовности студентов-психологов к дальнейшей профессиональной деятельности. Рассматриваются вопросы создания оптимальных социальных и психологических условий для обеспечения успешности личностного роста и дальнейшего формирования готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: психологическая готовность, студенты-психологи, психологическое сопровождение, эмоциональное выгорание, профессиональная деятельность, личностная позиция.

На современном этапе учреждения образования в целом и учреждения высшего образования в частности переживают непростые времена. Примером может служить возможный выход Беларуси из Болонского процесса, что повлечет за собой ряд проблем, с которыми могут столкнуться студенты после выпуска. Также огромное влияние на психологическое состояние студентов оказывает сокращение срока обучения, так как это привело к необходимости осваивать полный объем учебного материала, но в более сжатые сроки. Помимо этого, психологи, в связи со спецификой своей профессии, в большей степени склонны к профессиональному и эмоциональному выгоранию, что связано с наличием знаний о механизмах функционирования психики и большей склонности к самоанализу.

Эти и другие причины являются обоснованием необходимости развития и совершенствования психологического сопровождения в учреждениях высшего образования специалистами социально-педагогической и психологической службы студентов-психологов и оптимизации учебного процесса преподавательским составом с целью повышения степени готовности будущих психологов к выполнению профессиональной деятельности.

К. К. Платонов определяет психологическую готовность как временное или стойкое состояние, как результат психологической мобилизации или психической подготовки в данный период, определяемый наличием потребности в труде [1, с. 32]. Анализируя различные источники, можно сформулировать основные структурные компоненты психологической готовности студентов-психологов, позитивное и устойчивое сочетание которых определяет успешность формирования готовности:

- мотивационный аспект (позитивное отношение к дальнейшей профессиональной деятельности);
- рефлексивный аспект (позитивная самооценка своих профессионально важных характеристик, а также оценка этих качеств окружающими);

– ориентационный аспект (позитивная оценка количества и качества имеющихся теоретических и практических знаний и умений).

Рассматривая ориентационный аспект, следует отметить, что в современной отечественной системе образования применяется, в большей степени, информационная модель обучения студентов-психологов, которая заключается в усвоении учебного материала и дальнейшей демонстрации его усвоения. Использование подобной модели приводит к закреплению у студентов-психологов пассивной роли в процессе обучения, формированию у студентов мотива «избегания неудачи», в большей степени направленного на приобретение необходимого набора теоретических знаний для успешной сдачи экзаменационной сессии. Информационная модель в меньшей степени направлена на формирование психологической готовности к дальнейшей профессиональной деятельности, и скорее напротив, формирует неуверенность студентов-психологов в собственной компетенции [2, с. 1728].

Данным проблемным вопросом занимались такие ученые, как О. С. Анисимов, А. А. Бодалев, А. К. Макарова, Л. М. Митина, Е. А. Климов и другие. По мнению ученых, одним из ключевых моментов успешного формирования психологической готовности студентов-психологов является их личностная позиция, которая выступает в качестве целостной устойчивой системы взглядов и отношений студента-психолога к себе и окружающим, в качестве готовности реализовывать эти отношения в своей профессиональной деятельности.

Развитая, сформированная личностная позиция студента-психолога выражается в готовности нести ответственность за события его личной и социальной жизни, в способности адекватно адаптироваться к меняющимся условиям внешней и внутренней среды, в контроле себя и ситуации.

Таким образом, в обучении студентов-психологов необходимо давать некоторое пространство для личностного роста студента, скорректировать сложившуюся информационную модель обучения таким образом, чтобы давать возможность студентам проявлять собственную инициативу в обучении, творчески подходить к решению поставленных задач, увеличить количество возможностей апробирования получаемых знаний на практике.

Оптимальными условиями формирования готовности студентов-психологов к дальнейшей профессиональной деятельности также являются:

- поддержание активности студентов в получении профессионально важных знаний;
- активное взаимодействие преподавательского состава со студентами, учет индивидуальных особенностей студентов в организации учебного процесса;
- укрепление у студентов-психологов представлений о себе как об полноправных субъектах профессиональной деятельности;
- развитие умений эмоциональной саморегуляции психических процессов в ходе будущего профессионального взаимодействия психолога и клиента.

Необходимо достаточное внимание уделять психопросвещению будущих психологов, информировать о профессиональных и эмоциональных проблемах, с которыми могут столкнуться студенты в процессе обучения и в дальнейшей профессиональной деятельности, обучать студентов-психологов методам саморегуляции психических процессов.

Отдельного внимания заслуживает синдром эмоционального выгорания студентов-психологов в процессе обучения, как одна из причин несформированной готовности к дальнейшей профессиональной деятельности.

Эмоциональное выгорание – это состояние физического, умственного и эмоционального истощения, которая наиболее характерна для социальных профессий (тип человек – человек), связанных с активной коммуникацией между людьми, которая может привести к возникновению отторжения к профессии и другой деятельности, дегуманизации личности, формированию психосоматических симптомов, перерастающих на поздних стадиях в синдрома [4, с. 112].

Согласно результатам исследования феномена эмоционального выгорания студентов 1–2 курсов, проведенного С. М. Мальцевой с коллегами, можно сформулировать основные причины появления эмоционального выгорания: экзаменационная сессия; монотон-

ность обучения; недооценка преподавателями некоторых выполненных работ; личные проблемы [3, с. 49].

Воздействие всех перечисленных факторов на студентов-психологов в сочетании с невозможностью применять свои теоретические знания на практике в период первых лет обучения в университете негативно сказываются на мотивации обучения и готовности к будущей профессиональной деятельности.

Для минимизации вероятности возникновения синдрома эмоционального выгорания и снижения профессиональной мотивированности необходимо проводить мероприятия психологического просвещения среди студентов-психологов, обучающих студентов методам саморегуляции психических процессов, самоанализа, проработки собственных психологических затруднений, поддержания позитивной мотивации учебной и профессиональной деятельности.

Список использованных источников

1 Дьяченко, М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 176 с.

2 Калинина, Т. В. Проблема формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности в условиях вуза / Т. В. Калинина, А. В. Першина // Молодой ученый. – 2015. – № 11 (91). – С. 1728–1730.

3 Мальцева, С. М. К вопросу о соотношении содержания и формы в современном образовании: философский аспект / С. М. Мальцева, В. В. Гришнев, Н. С. Шиловская // Современное образование. – 2019. – № 3. – С. 44–49.

4 Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.

Д. А. Ширма

Научный руководитель: А. Н. Редюк
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ПРОФИЛАКТИКА СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПАРИКМАХЕРОВ

В статье отобрано влияние постоянного стресса и появления синдрома эмоционального выгорания у работников парикмахерских. Приведены результаты эмпирического исследования 30 парикмахеров г. Гомеля 18–58 лет, проведенного с помощью методики по выявлению степени выраженности синдрома эмоционального выгорания (С. Маслач и Дж. Джексон), а также теста на оценку уровня стрессоустойчивости (методика Л. П. Пономаренко, Р. В. Белоусовой).

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, уровень стрессоустойчивости личности, эмоциональное истощение, самооценка личности, психологические особенности.

В последние годы проблема синдрома эмоционального выгорания становится одной из наиболее актуальных в науке и практике, поскольку в современных условиях многие профессии приобретают стрессогенный характер. Люди теряют уверенность в гарантированности рабочего места, в стабильности своего социального и материального положения, обостряется конкуренция за престижную и высокооплачиваемую работу. Как следствие – растет эмоциональное напряжение, которое связано со стрессом на рабочем месте, что оказывает отрицательное воздействие на межличностные отношения. Эти факторы неизбежно приводят к резкому увеличению числа психических и психосоматических заболеваний, снижению

адаптивных функций человека, появлению тревоги, депрессии, зависимости от психоактивных веществ, т. е. симптомам эмоционального выгорания.

Несмотря на то, что существует очень много исследований данной проблемы, обоснованной систематическими научными исследованиями, интегрированной общепризнанной модели эмоционального выгорания, по мнению многих авторов, до сих пор не создано.

Синдром эмоционального выгорания – это ответная реакция организма на длительное по времени воздействие стресса средней интенсивности в процессе профессиональной деятельности. Основопологающей причиной развития данного состояния считается психическое переутомление [4].

При сравнении научных определений выясняется, что неотъемлемой причиной формирования выгорания остается психическое истощение. В. Е. Орел синдром выгорания рассматривает как процесс и результат профессиональной деятельности, как объединение традиционных психических состояний, выражающихся в отрицательной направленности, временной устойчивости с относительно необратимым характером [2, с. 95].

Самая распространенная модель выгорания – трехфакторная. В ней субфакторами выгорания являются: эмоциональное истощение, деперсонализация – дегуманизация или обезличивание общения и редукция личных достижений как занижение профессиональной самооценки (С. Маслач и Дж. Джексон, 1993) [2, с. 90].

Несмотря на то, что существует много мнений об удельном весе каждого из субфакторов выгорания, большинством ученых признается интегративная роль психоэмоционального истощения. Два других компонента рассматриваются как следствие истощения. Редукция личных достижений содержит в себе эмоционально-когнитивный комплекс (совокупность симптомов), который характеризует профессиональную самооценку работника. Деперсонализация – дегуманизация наиболее часто проявляется в обезличивании или циничном отношении к субъектам профессиональной деятельности и коррелирует с двумя другими субфакторами выгорания [1, 3].

Для диагностики степени выраженности и распространенности синдрома эмоционального выгорания были использованы опросник «Профессиональное выгорание» под редакцией К. Маслач и С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой и опрос на самооценку стрессоустойчивости по методике Л. П. Пономаренко, Р. В. Белоусовой.

В ходе исследования было опрошено 30 человек в возрасте от 18 до 58 лет женского пола. База проведения исследования – сеть «Парикмахерская № 1» г. Гомеля.

По результатам проведенного опроса были получены средние баллы по трем шкалам эмоционального выгорания (рисунок 1).

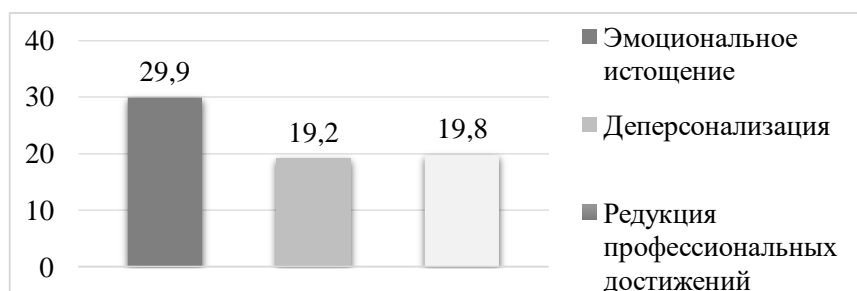

Рисунок 1 – Средние баллы по трем показателям эмоционального выгорания по методике К. Маслач и С. Джексон у парикмахеров (n = 30)

Средний показатель эмоционального выгорания по всем трем шкалам находится на высоком уровне показателей, что говорит о выраженном эмоциональном выгорании у работников данной парикмахерской. Высокий уровень эмоционального истощения, средний показатель ко-

того 29,9 балла и деперсонализации со средним баллом 19,2 предполагают отсутствие интереса к окружающему пространству, работе и общению, выражение безразличия к рабочей обстановке и даже некоторого цинизма. Редукция профессиональных достижений отображает уровень удовлетворенности своими профессиональными достижениями и имеет средний балл 19,8. Наиболее ярко в данной группе проявляется форма эмоционального истощения. Это может быть связано с тем, что при работе человек постоянно эмоционально напряжен.

Далее рассмотрим уровни выраженности эмоционального выгорания парикмахеров по трем критериям (таблица 1).

Таблица 2 – Показатели уровней эмоционального выгорания по различным критериям у работников парикмахерских (n = 30) по методике К. Маслач и С. Джексон

Низкий уровень (0–15)		Умеренный уровень (16-24)		Высокий уровень (25 и больше)	
человек	балл	человек	балл	человек	балл
Эмоциональное истощение					
6	10,5	8	21,8	16	36,3
Деперсонализация					
–	–	2	6	28	20,1
Редукция личностных достижений					
5	39,4	–	–	25	15,8

Больше 50 % работников показали результаты больше 25 баллов по параметру эмоционального истощения, что говорит о крайне степени выраженности данного критерия. Эмоциональному истощению наиболее подвержены работники, которые находятся в данной сфере не первый год. Данный параметр проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения и в чувстве опустошенности, истощенности своих эмоциональных ресурсов. Отметим, что низкий и умеренный уровни находятся практически на равных.

Деперсонализация или же цинизм находится на высоком уровне более чем у 90 % (28 человек) опрашиваемых. Низкий уровень не наблюдается ни у кого из опрашиваемых, умеренный – лишь у двух человек. Отметим, что оба опрашиваемых пришли в профессию недавно и работают меньше года. Данный компонент наиболее выражен практически у всех работников, что связано с возникновением равнодушного, негативного и, даже циничного отношения к людям, с которыми приходится сталкиваться в процессе профессиональной деятельности.

Компонент «редукция личных достижений» по выборке имеет порядка 80 % (25 человек) показателей высокого уровня. Может проявляться в тенденции к негативному оцениванию себя, своих профессиональных достижений и возможностей, либо в редуцировании собственного достоинства, ограничении своих возможностей и обязанностей по отношению к другим. Также она проявляется в снижении оценки своей компетентности, недовольстве собой, уменьшении ценности своей деятельности, негативном отношении к себе как к личности. Появляется безразличие к работе и дальнейшему профессиональному росту. Такие данные могут быть связаны с тем, что специфика работы ограничена в профессиональном и личностном росте. Есть определенный показатель уровня мастерства, после которого сильного развития не происходит, и работник долгое время остается на одном месте. Показателей умеренного уровня по данному критерию не обнаружено. Низкий уровень наблюдается лишь у 5 опрашиваемых.

По результатам опроса на самооценку стрессоустойчивости по методике Л. П. Пономаренко, Р. В. Белоусовой были получены показатели по трем уровням (таблица 2).

Таблица 3 – Результаты оценки уровней стрессоустойчивости на основании опроса на самооценку стрессоустойчивости личности по методике Л. П. Пономаренко, Р. В. Белоусовой (n = 30).

Уровень стрессоустойчивости	Количество		Средний балл
	человек	%	
Низкий	4	13	48,1
Средний	20	67	36,2
Высокий	6	20	28,3

Средний балл по всем из 9 уровней составил 39,3 (из 54 возможных). Данный результат говорит о том, что средний показатель стрессоустойчивости работников находится на среднем уровне.

Средний уровень стрессоустойчивости (67 %) наблюдаются у большего количества опрошиваемых, нежели высокий и низкий (13 % и 20 % соответственно). То есть в основном работники способны справляться с любыми возникающими ситуациями. Однако слишком частое и сильное воздействие стрессов, возникающих конфликтов и спорных моментов может повлиять на эффективность их работы. Также большие переработки и отсутствие отдыха, сильное эмоциональное напряжение, могут снижать мотивацию работников и замедлять рабочий процесс, приводя к истощению.

На основе полученных данных можно сделать выводы, что стресс тесно связан с эмоциональными реакциями человека и оказывает сильное влияние на синдром эмоционального выгорания. Он развивается поэтапно и каждому этапу характерны определенные признаки, которые вызываются определенными факторами. Возможность противостояния стрессогенным факторам в большой мере зависит от стрессоустойчивости личности. Следовательно, устойчивость к стрессу должна противостоять развитию эмоционального выгорания у парикмахеров. Степень эмоционального выгорания испытуемых обусловлена уровнем их стрессоустойчивости, соответственно, чем ниже устойчивость к стрессу, тем быстрее формируется синдром эмоционального выгорания.

В связи с высоким риском возникновения выгорания персонала особое внимание важно уделить вопросу профилактики для персонала со стажем работы от 1 до 5 лет, и лечению синдрома для персонала со стажем работы после 5 лет. Существуют два основных направления борьбы с выгоранием: профилактическое и реабилитационное. Профилактические меры: обучение персонала социальным умениям, навыкам самоуправления и самообладания, освоение конструктивных моделей преодолевающего поведения. Реабилитация уже «сгоревших» лиц: восстановление психоэнергетического потенциала, обретение смысла профессиональной деятельности и жизни, укрепление веры в собственные силы, приобретение уверенности в себе. Со стороны администрации необходима система поощрений, должны использоваться методы психологической разгрузки, релаксация прямо на работе.

Список использованных источников

- 1 Курилкин, Д. Е. Синдром эмоционального выгорания у медицинских работников / Д. Е. Курилкин // Бюллетень медицинских интернет-конференций, 2013. – Т. 3, № 2. – 456 с.
- 2 Орел, В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы / В. Е. Орел // Психологический журнал, 2001. – № 1. – С. 90–99.
- 3 Попеня, И. С. Курс лекций по общей медицинской психологии / И. С. Попеня – Гродно: изд. ГрГМУ, 2008. – 77 с.
- 4 Щавелева, М. В. Выраженность синдрома эмоционального выгорания у врачей-организаторов здравоохранения / М. В. Щавелева, Л. В. Шваб, И. А. Байкова // Вопросы организации и информатизации здравоохранения, 2009. – № 3. – С. 73–77.

СЕКЦИЯ 11
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д. П. Лямин

Военная академия Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются вопросы применения метода контент-анализа для составления психологического портрета личности в интернете. Исследования проводились в период 2021–2022 годов на базе различных социальных сетей с последующим подтверждением результатов путем социологического опроса выбранных пользователей. Данная методика предназначена для повышения качества деловой коммуникации в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: контент-анализ, виртуальная среда, коммуникация, направленность, психические свойства, мотив, личностные индикаторы.

Стремительный рост популярности сети Интернет среди мирового населения бесспорен. В том числе эпидемиологическая ситуация также способствует повышению активности интернет пользователей. На современном этапе развития общества значительное место в жизни каждой личности занимает сеть Интернет, в которой циркулируют большие потоки разноплановой информации. Представители различных социальных групп имеют собственные Интернет-ресурсы (аккаунты в социальных сетях, блоги, видеоблоги), посредством которых ими публикуются многообразные сведения. Опубликованные материалы касаются многих аспектов жизнедеятельности, таких как личная жизнь, освещение какого-либо события, ведения информационных блогов и др.

Здесь необходимо упомянуть о существующей зависимости между социально-психологическими особенностями личности автора и содержанием его публикаций. Так, любой текст документа – это продукт, который создается личностью под влиянием психологических и социологических факторов человеческой среды в широком смысле, и в связи с этим несет в себе опечатки (индикаторы), позволяющие определить характерные черты этой личности. Контент-анализ позволяет обнаружить данные индикаторы.

В связи с этим можно уже утверждать, что интернет проник во все сферы жизни и деятельности социума, а интернет-пользователи переносят свое общение, в том числе деловое, в виртуальную среду. С целью установления конструктивных отношений с предполагаемым партнером по общению целесообразно использовать некоторые методики, позволяющие сделать первичные выводы о направленности и некоторых других психических свойствах личности. Получение таких сведений предлагается осуществить с помощью такого метода как контент-анализ. С его помощью оптимальным видится проведение анализа качественного содержания аккаунтов таких социальных сетей, как Вконтакте, Инстаграм, Фейсбук.

В отличие от других методов контент-анализу присуща математическая составляющая, заключающаяся в строгости, систематизированности и формализованности. Количественное описание смыслового и символического содержания аккаунтов пользователей, фиксация и подсчет их объективных признаков позволяет вскрыть то, что не удастся определить при обычном изучении [3]. В том числе наше исследование показывает возможность определения социальных установок личности.

На основании научных трудов советского социального психолога Г. М. Андреевой можно утверждать, что посредством имеющихся у пользователей интернета социальных установок они выражают свои ценности, в частности демонстрируют, чему уделяют приоритет в жизни, какие цели ставят перед собой, свое отношение к различным социальным и политическим явлениям [1].

Представляется, что выражение таким образом определенных установок позволяет им получить социальное одобрение какой-либо из малых социальных групп, к которой относит себя тот или иной пользователь интернета. Среди достоинств Контент-анализа можно выделить:

– низкую ресурсную затратность при наличии созданной кодировочной таблицы, алгоритма работы. Анализ содержания аккаунтов социальных сетей потребует меньше времени, чем проведение аналогичного анализа используя другие методы;

– широкий спектр применения. С помощью данного метода можно анализировать не только содержание аккаунтов пользователей интернета, но и сообщения в переписке, стенограммы переговоров, публичных выступлений, интервью и опросов;

– высокая степень надежности. Под ней понимается, что изучаемые личности в большинстве своем не будут делать заведомо ложные публикации и, публикуя определенный материал, действительно будут стараться донести до своей аудитории (подписчиков) то, что у них «на душе». Исключение из этого правила будут составлять так называемые фейковые аккаунты.

Также контент-анализ позволяет избежать влияния на изучаемый объект, которое оказывается в различного рода тестированиях, анкетированиях, опросах и экспериментах.

Среди недостатков можно выделить погрешность ввиду субъективных факторов восприятия лица, проводящего анализ [2].

При проведении контент-анализа исследователем определяется его цель. В проведенном исследовании целью является определение социальных установок у пользователей интернета.

В качестве объекта исследования, к примеру, можно выбрать аккаунт пользователя социальной сети «Инстаграм». Известно, что пользователями в данной социальной сети публикуется текстовая, фото и видео информация. Публикации в аккаунтах определенным образом соответствуют настроению, в котором пребывает пользователь, индивидуально-психологическим и социально-психологическим особенностям его личности, а значит – соответствуют его социальным установкам.

За единицу анализа принимается отдельный текстовый или графический элемент (признак, который изучается исследователем). В данном случае за единицу анализа может быть взято слово, фраза, предложение, идея, имеющая единый смысл; демонстрация эмоций, атмосферы, предметов с помощью фотоснимков. Например, наличие в содержании аккаунта признаков агрессии или признака, свидетельствующего о приступах депрессии, будет считаться как одна выявленная единица.

На очередном этапе проведения контент-анализа определяются категории, к которым будет относиться та либо иная единица анализа.

Для проведения исследования выделяются следующие категории:

– *отношение к обществу, большим социальным группам*. Об отношении к обществу на странице аккаунта свидетельствуют признаки, указывающие на патриотизм, космополитизм, уважение к другим народам, национализм, интерес к политике, аполитичность, религиозность, атеизм, озабоченность либо безразличие к экологическим проблемам;

– *отношение к труду, деловые качества*. Об отношении к труду свидетельствуют признаки, указывающие на предприимчивость, безынициативность, трудолюбие, лень, добросовестность, творческий подход, шаблонность, компетентность;

– *отношение к малым социальным группам*. Об отношении к малым социальным группам свидетельствуют признаки, указывающие на приверженность к своему трудовому коллективу, заботу о семье, о детях, приверженность к друзьям и неформальным группам (маргинальность);

– *отношение к людям*. Отношение к людям определяется по двум подкатегориям:

а) гуманистические характеристики. Содержание аккаунта исследуется на предмет наличия признаков, указывающих на следующие гуманистические характеристики: отзывчивость, равнодушие к людям, сострадание, малодушие, доброта, злоба, мягкость, жесткость, уважение к людям, независимость, подчиненность;

б) коммуникативные характеристики. В этом случае внимание обращается на признаки, указывающие на раскованность, общительность, замкнутость, гостеприимство, воспитанность, наглость, вежливость, грубость, тактичность, открытость, скрытость, лживость;

– *отношение к себе*. На отношение к себе указывают содержащиеся в аккаунте признаки, свидетельствующие о чувстве собственного достоинства, уверенности в себе, высокой самооценке, эгоцентризме, гордости;

– *отношение к собственности*. Содержание аккаунта исследуется на предмет наличия признаков, свидетельствующих о бережливости, щедрости, аккуратности, скупости и расточительности;

– *общая направленность личности*. О характеристике общей направленности личности свидетельствуют признаки, указывающие на оптимизм / пессимизм, практичность, стремление к успеху, ориентированность на духовные или материальные ценности, гибкость, активность, целеустремленность, коллективизм, организованность, импульсивность, сдержанность, аморальность.

Интерпретация и анализ полученных данных указывает на степень склонности пользователя сети Интернет к осуществлению противоправной деятельности либо о его законопослушности и лояльности по отношению к руководству нашего государства и проводимому им политическому курсу.

Далее осуществляется кодировка содержания анализируемого объекта (аккаунта социальной сети). Под этим понимается перевод всей совокупности исследуемых материалов (текст, фотографии, видеоролики, содержащиеся на странице аккаунта, которые привлекли наше внимание) в цифровое выражение.

Все категории и подкатегории контент-аналитического исследования кодируются, т. е. им даются определенные цифровые или буквенные обозначения, что составляет код исследования. После определения материала осуществляется кодировка полученных результатов.

При анализе содержания публикаций выделяются признаки, которые могут подпадать под ранее определенные категории анализа. Далее определяется, какие мотивы двигали объектом исследования при публикации выбранного поста, и какие данная публикация несет эмоции.

Таким образом, использование контент-анализа применительно к публикациям в социальных сетях позволяет выстроить психологический портрет пользователя, что на начальных этапах значительно упростит коммуникацию с ним и поможет выстроить правильные отношения.

Список использованных источников

1 Андреева, Г. М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 229 с.

2 Богомолова, Н. Н. Контент-анализ / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко. – М. : Издательство Московского университета, 1992. – 60 с.

3 Обуховский, К. Психология влечений человека. Пер. с польск. / К. Обуховский. – М. : Прогресс, 1972. – 246 с.

О. Н. Образцова, канд. техн. наук, доцент

А. А. Коваленко

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Республика Беларусь

РАЗРАБОТКА ЦВЕТОВОГО РЕШЕНИЯ САЙТА ВЕТЕРИНАРНОЙ КЛИНИКИ С УЧЕТОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ

В статье рассматриваются современные подходы к выбору цветового решения и разработке дизайна сайтов, основанные на психологических рекомендациях и приемах.

Ключевые слова: человеко-машинное взаимодействие, человеко-машинный интерфейс, Human-machine interface, HMI, дизайн программного обеспечения, веб-дизайн, user interface.

В настоящее время все больше ощущается тенденция ухода различных сфер деятельности в цифровое пространство. Например, в областях обучения, заказа товаров и услуг наиболее конкурентоспособными в период пандемии COVID-19 оказались те предприятия и организации, которые имели удобный для пользователя сайт и предоставляли современные цифровые инструменты.

Согласно статистике, большинство пользователей принимают подсознательное решение о покупке продукта в течение 90 секунд. Очень часто это решение основывается на восприятии цветов, которые видит пользователь. Цвета могут устанавливать правильный тон и передавать необходимые эмоции посетителям, могут взволновать, вызвать множество чувств, стимулировать к действиям и настроить на определенную модель поведения.

Умение веб-дизайнера правильно работать с цветом и формой влияет на то, насколько интерфейс будет выигрышно смотреться, следовательно сайт будет успешным, посещаемым. Существует ряд принципов работы с цветом, которым пользуются веб-дизайнеры.

Принцип первый. Использование цветового круга. Цветовой круг позволяет выбрать цвета, которые гармонируют. Он состоит из шести основных цветов (красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый) и дополнительных цветов. Чтобы найти правильную цветовую схему, необходимо использовать любые два цвета, расположенные друг напротив друга, любые три цвета, расположенные на равном расстоянии при формировании треугольника или любой из четырех цветов, образующих прямоугольник (две пары цвета друг напротив друга). Цветовые схемы остаются правильными независимо от угла поворота (рисунок 1).

Рисунок 1 – Использование цветового круга

Принцип второй. Использование цветовых схем. Чтобы управлять вниманием, нужно уметь расставлять графические и композиционные акценты.

Принцип третий. Баланс цветов. Чтобы добиться сбалансированного решения, которое будет лучшим образом управлять вниманием пользователя, рекомендуется комбинировать цвета в соотношении 60/30/10:

- 60 % – доминирующий цвет;
- 30 % – дополнительный цвет (можно использовать два оттенка одного);
- 10 % – цветовые акценты.

Принцип четвертый. Связь размера текста и его контраста. Текст с разным кеглем (размером шрифта) имеет разные требования к контрасту с фоном. Более крупный текст может быть менее контрастным без ущерба для восприятия. И наоборот, мелкий текст должен быть более контрастным для того, чтобы читаемость была хорошей. Минимальные контрастные соотношения:

– 4,5:1 – для текста, набранного кеглем до 14 pt в жирном начертании и до 18 pt – в обычном;

– 3:1 – для крупного текста.

Принцип пятый. Психология цветов. Есть еще один принцип – это эмоциональная составляющая цветов. Правильное использование цветовой гаммы действительно может помочь в повышении конверсии сайта.

Розовый. Если целевая аудитория сайта в основном женская, то оттенки розового будут хорошим выбором. Розовый – это цвет радости и романтики.

Синий цвет ассоциируется с надежностью и спокойствием. Для серьезных коммерческих сайтов, социальных сетей и других веб-ресурсов, позиционирующих себя как надежные, выбор синего цвета представляется наиболее верным решением.

Красный цвет лучше других привлекает внимание. Если нужно выделить какой-либо элемент, к примеру, кнопку действия, то есть смысл использовать оттенки красного. Однако при этом красный не должен выбиваться из основной палитры сайта.

Зеленый – это цвет жизни, мира и спокойствия. Если нужно создать сайт, посвященный проблемам экологии или интернет-магазин по продаже экологических продуктов, то выбор очевиден.

Желтый. Маркетологи знают, что желтый цвет ассоциируется с позитивом и отсутствием забот.

Фиолетовый – это изысканность и элегантность. В сочетании с оттенками желтого и золотом фиолетовый можно использовать на сайтах, тематика которых – комфорт и роскошь.

Оранжевый. Очень часто оттенки оранжевого в сочетании с контрастными цветами используют бренды, связанные с высокими технологиями или сайты, представляющие различные электронные гаджеты.

Золотой ассоциируется с влиянием и престижем. Сегодня «металлические» оттенки не так популярны, но они могут быть полезны, если требуется продемонстрировать элегантность или стабильность.

Черный – универсальный цвет, который хорошо сочетается с другими оттенками. Его лучше использовать тогда, когда нужно добиться контраста на веб-странице.

Коричневый не отличается ярко выраженным позитивом или эмоциональной окраской. Тем не менее, данный цвет прекрасно подходит для множества сайтов.

Указанные выше принципы были использованы при разработке дизайна сайта ветеринарной клиники. Перед разработкой был проведен анализ предметной области. Одной из основных задач было «не напугать» потенциального клиента. При работе с такими серьезными областями как здравоохранение, важно показать легкость в проекте, доступность и избыточность информации, обратную связь даже на начальном этапе просмотра главной станицы.

Основными цветами были выбраны оттенки белого и серого цвета, а также цвет #41C2CC (оттенок синего), идеально подходящий в качестве акцентного цвета. Стоит заметить, что выбран он не просто так. Данный цвет происходит от синих оттенков, которые, в свою очередь, отвечают за надежность и спокойствие. А это именно то, что необходимо пользователю в момент поиска клиники. Ведь болезнь домашнего любимца – это всегда огромный стресс. В то же время данный цвет напрямую относится к клиникам, так как чаще всего он используется в элементах медицинской одежды, тем самым мы как бы вызываем у пользователя правильные ассоциации с тем, какие услуги предоставляет данный сайт.

Клиника ассоциируется с тяжестью и грустными мыслями. Болезни – это всегда тяжело. С целью облегчения этих мыслей мы заранее настраиваем пользователя на позитив. Как с помощью достаточно яркого акцентного цвета, так и пузырьков, расположенных по всему сайту. Пузырьки добавляют легкости, некой игривости и как бы вовлекают пользователя в приятные ассоциации, выработанные еще в детстве.

Следующей задачей было показать обратную связь для пользователя. На сайтах эту функцию отлично выполняют отзывы прошлых потребителей услуг (рисунок 2).

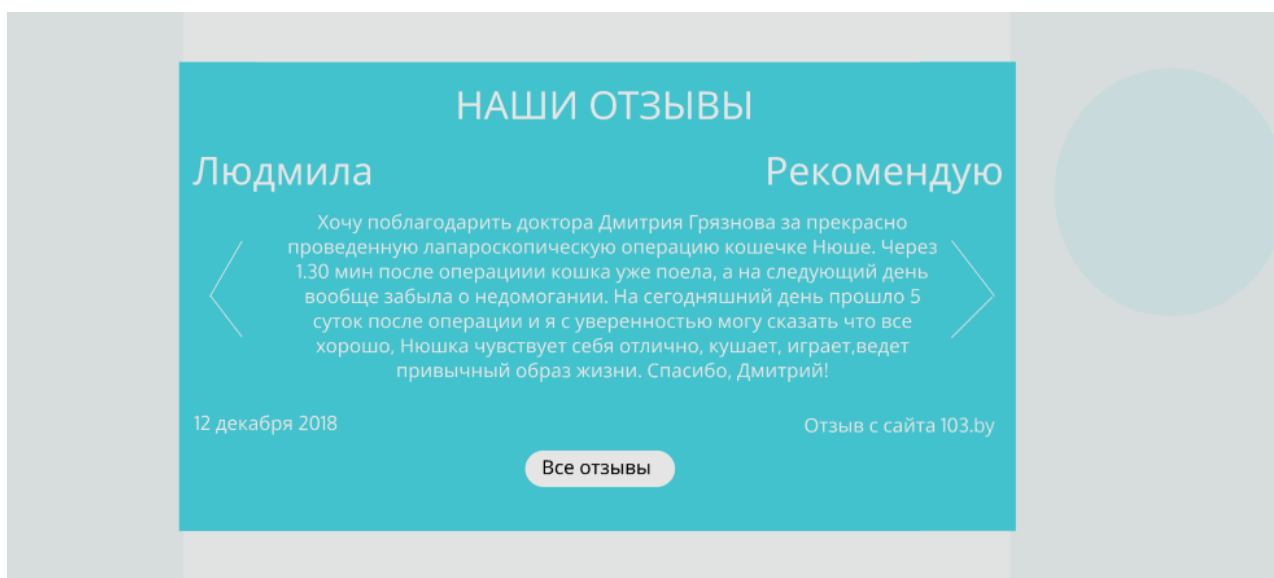

Рисунок 2 – Дизайн блока отзыва пользователей

Мы снова акцентируем внимание пользователя на ярком цвете, который был до этого уже использован. Создаем целостность картинку. Убеждаем в качестве не только с помощью цветовых решений, но и за счет уже сложившегося мнения других людей. И в конце предоставляем пользователю всю необходимую информацию для связи. Указываем контакты, добавляем кнопки экстренной помощи, а так же график работы.

Разработанный макет обладает необходимыми и достаточными данными для ознакомления пользователя. Так же посетитель сайта сможет оставить и получить обратную связь. А на любой странице сайта сможет найти контактные данные клиники для связи. Полный дизайн всего сайта в мобильной версии представлен на рисунке 3.

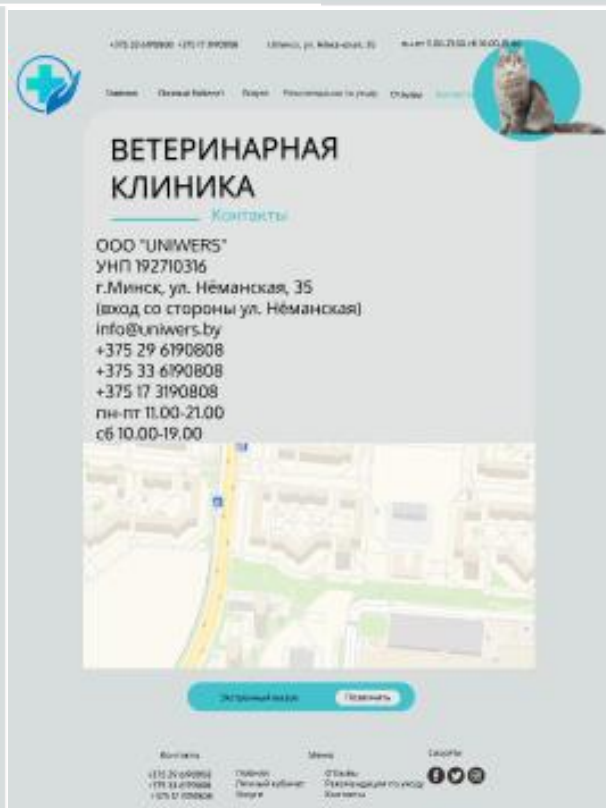
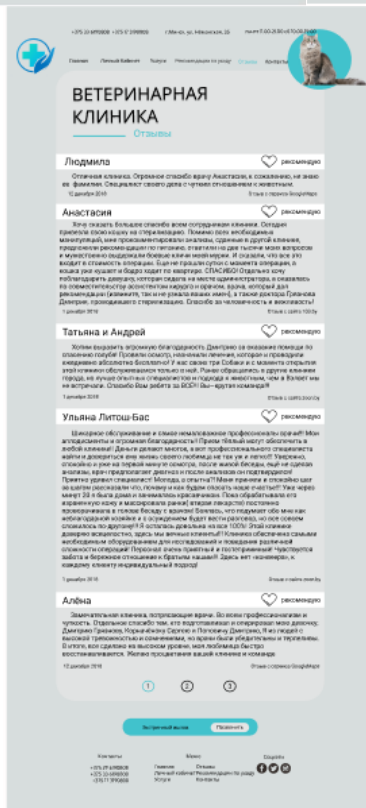
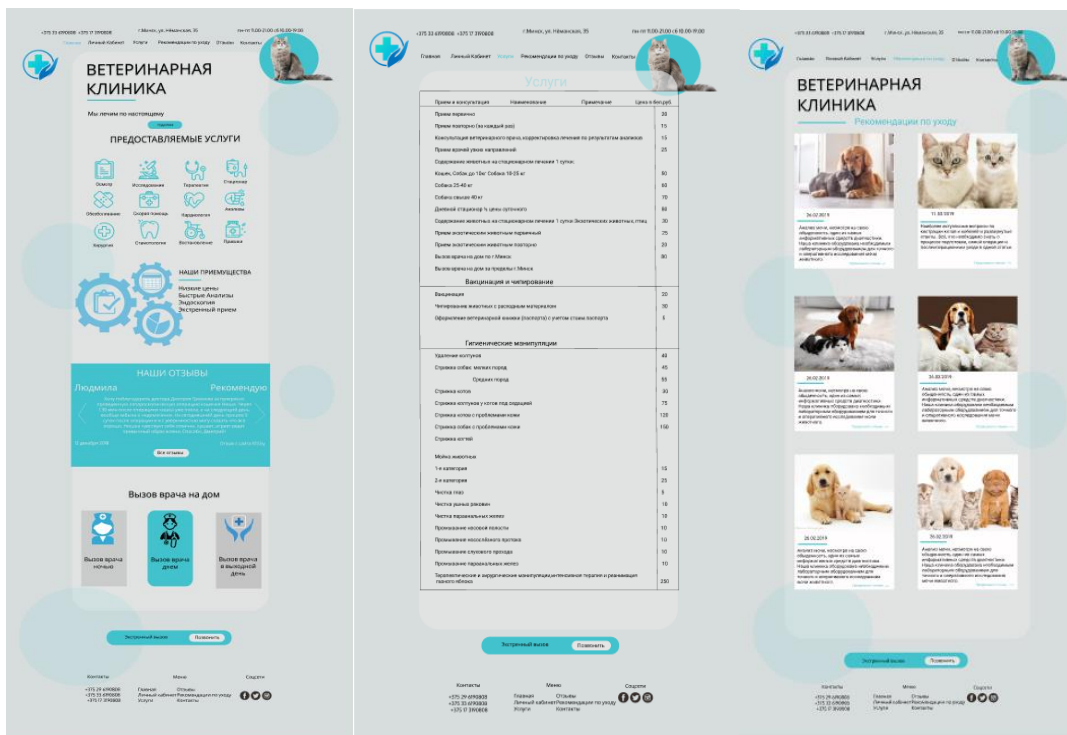

Рисунок 3 – Дизайн сайта ветеринарной клиники

Список использованных источников

1. Стоун, Т. Л. Дизайн цвета. Практикум. Практическое руководство по применению цвета в графическом дизайне / Т. Л. Стоун, Н. Мориока, С. Адамс – М. : РИП-Ходинг, 2006. – 240 с.
2. Косс, Ж.-Г. Цвет. Четвертое измерение / Ж.-Г. Косс – М. : Синдбад. – 2017. – 236 с.

Е. С. Губар

Научный руководитель: Е. В. Приходько

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВИКТИМНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются существующие на данный момент подходы к изучению виктимности и эмоционального интеллекта. Автором приводятся данные анализа психологической литературы на тему особенностей виктимности и эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект (ЭИ), виктимность, межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект.

На сегодняшний день все большее число мировых исследователей признает значимость феномена эмоционального интеллекта. Ценность и потребность развития образующих эмоционального интеллекта как факторов, содействующих дальнейшему личностному и профессиональному росту индивида, бесспорно влияющих на его жизненное благополучие, также неопровержимы.

Между навыками понимания, управления эмоциональными состояниями и поведением человека в социуме специалистами подтверждена неразрывная связь. Личность и ее психические свойства одновременно и предпосылка, и результат деятельности. По этой причине сейчас развитие эмоционального интеллекта можно рассматривать в качестве возможного пути преодоления предрасположенности к виктимному поведению, что будет ступенью к развитию активной, самостоятельной личности.

В настоящее время отмечается рост интереса к проблеме личностной виктимности. Тенденции в исследовании данного направления являются актуальными и социально значимыми, поскольку исследовательское направление по выявлению латентной виктимности и сигнализации ее перехода в виктимное поведение, безусловно, является нравственной и перспективной установкой, способствующей общественной гуманизации. Появление таких отраслей научного знания, как социально-педагогическая виктимология и психология девиантного поведения, только подтверждает это положение. Современное виктимологическое направление как специальная социологическая теория осуществляет комплексный анализ феномена жертвы, включающий в себя теоретические представления и модели, первоначально разработанные в сфере иных социальных дисциплин (криминологии, социальной работы, конфликтологии, социологии девиантного поведения, политологии, теории государственного управления, психологии) [2, с. 78].

Благодаря Л. В. Франку, в общенаучном обороте появился термин «виктимность», но в определении данного термина имеются существенные разногласия. В основном расхождения касаются: структурных компонентов виктимности; этапа появления потенциальной виктимности; ее оценки как состояния, а также объективного качества личности; соотношения потенциальной и реализованной виктимности.

Л. В. Франк дал расширенную трактовку термина: «Виктимность отдельного лица есть не что иное, как реализованная преступным актом «предрасположенность», вернее способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была бы предотвращена». Важным аспектом виктимности (виктимогенности) служат приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки, которые «могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления» [6, с. 22].

Д. В. Ривман определяет виктимность как «обусловленное наличием преступности состояние уязвимости отдельного лица, выражающееся в объективно присущей человеку (но не фатальной) способности стать жертвой преступления. Реализованная преступным актом или оставшаяся в потенции, эта уязвимость зависит от субъективных и объективных предрасположений и, в конечном счете, выступает как неспособность противостоять преступнику, определяемая совокупностью факторов, делающих ее объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного нежелания или неумения». Таким образом, стоит выделить еще один ключевой термин – виктимизация, обозначающий процесс приобретения виктимности, который таким образом, объединяет в себе и динамику (реализацию виктимности), и статику (реализованную виктимность) [5, с. 41].

Отталкиваясь от огромного количества трактовок виктимности, можно установить виктимизацию, как процесс получения виктимности.

Поскольку со временем появлялась необходимость в новом подходе к оценке успешности и благополучности личности, концепция эмоционального интеллекта начала свое стремительное формирование в рамках как зарубежной, так и отечественной психологии. Анализ научной литературы связанной с проблематикой исследования, указывает на то, что в ряде прогрессивных концепций эмоции рассматриваются как уникальный вид знаний. Еще XIX веке на взаимное воздействие эмоций и мышления ориентировал английский натуралист Ч. Дарвин. В начале XX века немецкий специалист в области психологии Г. Майер в своей работе «Психология эмоционального мышления» внес предложение классифицировать разновидности мышления: кроме логического он также выделял эмоциональное, в свою очередь, разделив последнее на аффективное (религиозное и эстетическое) и волевое. В 40-е годы американский психолог Д. Векслер в своей публикации «неинтеллектуальные факторы в общем интеллекте» написал о существовании эмоциональных способностей.

В 60-е годы XX столетия американские специалисты по психологии С. Шехтер и Дж. Сингер отстаивали позицию, в соответствии с которой познание необходимо рассматривать как компонент эмоции. Их соотечественник Р. Клинерт в 80-е годы подчеркивал также, что человек осмысливает происходящее, в том числе, и с содействием эмоциональной информации, приобретенной от значимых других [4, с. 275].

Ориентировочно с середины 90-х годов необходимый термин вышел за пределы исключительно научных публикаций. Популяризации суждений об эмоциональном интеллекте на тот момент в значительной мере поспособствовала книга с одноименным названием, написанная американским специалистом в области психологии, журналистом Д. Гоулманом. Рассматриваемое понятие он объединяет со способностью регулировать собственные эмоции, умением мотивировать себя и упорно следовать цели «несмотря на провалы». Д. Гоулман и его сторонники не раз заявляли, что обладание эмоциональным интеллектом дает возможность человеку быть эффективным в разных сферах деятельности.

Конкретизация понятия эмоционального интеллекта происходит ближе к первому десятилетию нового столетия. Для этого периода характерным являлось изобилие научных исследований, а также публикаций по данному вопросу. В разных источниках возможно заметить, что наравне с термином эмоциональный интеллект применяются такие определения, как эмоциональное мышление, эмоциональное сознание, эмоциональная компетентность, эмоциональная чувствительность [1, с. 71].

Однако, невзирая на разницу установленных определений, в общем варианте эмоциональный интеллект рекомендуется объединять с возможностью личности интерпретировать эмоции собственные и иных людей, на базе чего формировать эффективное взаимодействие в социуме.

Содержательная область термина дает шанс конкретизировать сущностные свойства эмоционального интеллекта. К ним можно причислить способность управлять побуждающими к действию эмоциями, умение осознавать эмоции окружающих, эмоциональную осведомлен-

ность, способность оказывать воздействие на эмоции других людей, умение разглядеть подлинные эмоции и их имитацию, способность устанавливать причины и следствия эмоций [4, с. 277].

Таким образом, выше были проанализированы теоретические основы эмоционального интеллекта и виктимной личности в психологической науке. Вполне возможно, что проблема взаимосвязи виктимности и эмоционального интеллекта может являться актуальной. Требуется провести более объективный анализ с целью проверки выдвинутой гипотезы.

Список использованных источников

1 Александрова, Н. П. К вопросу о сущности понятия «эмоциональный интеллект» / Н. П. Александрова // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2009. – № 1. – С. 71–75.

2 Баширова, Т. Н. Ценностные ориентации студентов со склонностью к виктимности / Т. Н. Баширова // Казанский педагогический журнал. – 2013. – № 5. – С. 78–84

3 Губар, Е.С. Психологическая виктимность и эмоциональный интеллект у лиц юношеского возраста / Е. С. Губар, Е. В. Приходько // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика : сборник научных статей по материалам XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 29–30 июня 2021 г. – Йошкар-Ола : ИПФ «СТРИНГ», 2021. – С. 90–94.

4 Ларина, А. Т. Эмоциональный интеллект / А. Т. Ларина// Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – № 3 (16). – С. 275–278.

5 Ривман, Д. В. Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов – СПб. : Гардарика, 2007. – 90 с.

6 Франк, Л. В. Виктимология и виктимность / Л. В. Франк – Душанбе: ИРФОН, 1972. – 126 с.

А. Н. Демидович

Научный руководитель: Т. В. Тратинко
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей взаимосвязей между показателями толерантности и социальной адаптации у молодежи.

Ключевые слова: молодежь, толерантность, социально-психологическая адаптация, качества личности.

Социальные проблемы современного общества, связанные с ростом жестокости, насилия, агрессивности, требуют большего внимания психологов к изучению и формированию качеств личности, с помощью которых можно противодействовать этим явлениям. Толерантность личности и социально-психологическая адаптация – именно такие качества [1]. Изучение толерантности, социально-психологической адаптации и их взаимосвязи как факторов, определяющих в современных условиях не только успешность взаимодействия между людьми, но и успешность в профессиональной деятельности, в настоящее время очень актуально.

Нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязей между показателями толерантности и социально-психологической адаптации у

молодежи. Исследование проводилось в феврале 2022 года. Выборка составила 52 человека. Из них 22 юноши и 30 девушек.

Исследование проводилось на основе методов тестирования (в форме гугл опроса) следующими методиками:

– опросник социально-психологической адаптации Р. Даймонда – К. Роджерса;

– экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой).

Исследование социально-психологической адаптации молодежи показало следующие результаты: у половины испытуемых (50 %) имеется высокий уровень адаптации, у 42,3 % – средний уровень и у 7,7 % испытуемых – низкий. Также у опрошенных преобладает средний уровень адаптивности (61,5 % опрошенных), что показывает уровень приспособления человека к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами.

Средний уровень дезадаптивности выявлен у 57,7 % опрошенных. Это определяет незрелость личности, невротические отклонения, дисгармонии в сфере принятия решения, являющиеся результатом постоянных неуспешных попыток индивида реализовать цель или наличия двух и более равнозначных целей.

Исследование общего уровня толерантности студенческой молодежи показало следующие результаты: у большинства испытуемых (80,8 %) имеет место средний уровень толерантности. Также у опрошенных преобладает: средний уровень этнической толерантности (65,4 % испытуемых), которая показывает отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия.

Средний уровень социальной толерантности (85,5 % испытуемых) показывает толерантные и интолерантные проявления в отношении различных социальных групп (меньшинств, преступников, психически больных людей и т. д.), а также установки личности по отношению к некоторым социальным процессам.

Средний уровень толерантности как черты личности, который показывает личностные черты, установки и убеждения, которые в значительной степени определяют отношение человека к окружающему миру, выявлен у 65,4 % испытуемых.

Для статистической обработки данных использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, который применяется для выявления и оценки тесноты связи между двумя рядами сопоставляемых количественных показателей. Результаты представлены в таблицах 1–8. Проанализируем их.

Таблица 1 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателем «адаптация»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Адаптация (интегральный) & Уровень толерантности (интегральный)	52	0,567613	0,000011
Адаптация (интегральный) & Этническая толерантность	52	0,282983	0,042076
Адаптация (интегральный) & Социальная толерантность	52	0,314056	0,023369
Адаптация (интегральный) & Толерантность как черта личности	52	0,443578	0,000989

Полученные результаты свидетельствуют о том, что адаптация и уровень толерантности у молодежи находятся в статистически значимой прямой зависимости ($r = 0,567$; $p = 0,00001$). Это означает, что чем выше уровень адаптации, тем выше уровень толерантности у молодежи и

наоборот. Также была обнаружена статистически значимая прямая зависимость между адаптацией и этнической толерантностью ($r = 0,276$; $p = 0,032$), социальной толерантностью ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и толерантностью как чертой личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$).

Таблица 2 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателями «самопринятие» и «принятие других»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Самопринятие (интегральный) & Уровень толерантности (интегральный)	52	0,303168	0,028908
Принятие других (интегральный) & Уровень толерантности (интегральный)	52	0,497012	0,000178
Принятие других (интегральный) & Социальная толерантность	52	0,314641	0,023099
Принятие других (интегральный) & Толерантность как черта личности	52	0,467828	0,000470

«Самопринятие» находится в статистически значимой прямой зависимости с уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), что означает, что чем выше уровень самопринятия, тем выше уровень толерантности молодежи и наоборот.

«Принятие других» находится в статистически значимой прямой зависимости с уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), социальной толерантностью ($r = 0,276$; $p = 0,032$), а также с толерантностью как чертой личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$). Это свидетельствует о том, что чем выше уровень принятия других, тем выше уровень толерантности, социальной толерантности и толерантности как черты личности и наоборот.

Таблица 3 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателями «эмоциональная комфортность» и «интегральность»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Эмоциональная комфортность (интегральный) & Уровень толерантности (интегральный)	52	0,567879	0,000011
Эмоциональная комфортность (интегральный) & Толерантность как черта личности	52	0,460424	0,000594
Интегральность (интегральный) & Уровень толерантности (интегральный)	52	0,390327	0,004227
Интегральность (интегральный) & Социальная толерантность	52	0,325543	0,018522
Интегральность (интегральный) & Толерантность как черта личности	52	0,275944	0,047690

Выявленные результаты показывают, что «эмоциональная комфортность» находится в статистически значимой прямой зависимости с уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и толерантностью как чертой личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), что говорит о том, что чем выше уровень эмоциональной комфортности, тем выше уровень толерантности и толерантности как черты личности и наоборот.

Интегральность и уровень толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), социальная толерантность ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и толерантность как черта личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) находятся в статистически значимой прямой зависимости, что означает, чем выше уровень интегральности, тем выше уровень толерантности, социальной толерантности и толерантности как черты личности и наоборот.

Таблица 4 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателями «принятие / неприятие себя» и «неприятие себя / неприятие других»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Принятие себя & Уровень толерантности (интегральный)	52	0,304007	0,028446
Неприятие себя & Уровень толерантности (интегральный)	52	-0,339894	0,013689
Неприятие себя & Социальная толерантность	52	-0,344471	0,012395
Неприятие других & Уровень толерантности (интегральный)	52	-0,575689	0,000008
Неприятие других & Этническая толерантность	52	-0,375847	0,006035
Неприятие других & Социальная толерантность	52	-0,467475	0,000476
Неприятие других & Толерантность как черта личности	52	-0,491514	0,000215

Обнаружена статистически значимая прямая связь принятия себя и уровня толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), что означает, что чем выше уровень принятия себя, тем выше уровень толерантности.

Также была обнаружена статистически значимая обратная связь неприятия себя и уровня толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и уровня социальной толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$). Это означает, что чем выше уровень неприятия себя, тем ниже уровень толерантности и социальной толерантности и наоборот.

Неприятие других также находится в статистически значимой обратной зависимости с уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), этнической ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и социальной ($r = 0,276$; $p = 0,032$) толерантностью, толерантностью как черты личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$). Это значит, что чем выше значения первого показателя, тем ниже значения связанного с ним другого показателя.

Таблица 5 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателями «эмоциональный комфорт / эмоциональный дискомфорт»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Эмоциональный комфорт & Уровень толерантности (интегральный)	52	0,390942	0,004162
Эмоциональный комфорт & Социальная толерантность	52	0,303795	0,028562
Эмоциональный дискомфорт & Уровень толерантности (интегральный)	52	-0,364764	0,007844
Эмоциональный дискомфорт & Толерантность как черта личности	52	-0,342445	0,012954

Эмоциональный комфорт находится в статистически значимой прямой зависимости с уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и уровнем социальной толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), что говорит о том, чем выше уровень эмоционального комфорта, тем выше уровень толерантности и социальной толерантности и наоборот.

Эмоциональный дискомфорт и уровень толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), а также уровень толерантности как черты личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) находятся в статистически значимой прямой зависимости, поэтому, чем выше уровень эмоционального дискомфорта, тем ниже уровень толерантности и толерантности как черты личности и наоборот.

Таблица 6 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателями «внутренний контроль / внешний контроль»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Внутренний контроль & Социальная толерантность	52	0,456832	0,000663
Внешний контроль & Уровень толерантности (интегральный)	52	-0,371663	0,006670
Внешний контроль & Толерантность как черта личности	52	-0,336097	0,014849

Внутренний контроль находится в статистически значимой прямой зависимости с уровнем социальной толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$). Внешний контроль находится в статистически значимой обратной зависимости с уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и толерантностью как чертой личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), что показывает, чем выше уровень внешнего контроля, тем ниже уровень толерантности и толерантности как черты личности.

Таблица 7 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателем «ведомость»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Ведомость & Уровень толерантности (интегральный)	52	-0,334588	0,015333
Ведомость & Социальная толерантность	52	-0,315719	0,022608
Ведомость & Толерантность как черта личности	52	-0,414176	0,002270

Обнаружена статистически значимая обратная зависимость между ведомостью и уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), социальной толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и толерантностью как чертой личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), что говорит о том, чем выше уровень ведомости, тем ниже уровень толерантности, социальной толерантности, толерантности как черты личности и наоборот.

Таблица 8 – Значимые корреляционные связи между компонентами толерантности и показателем «эскапизм»

Пары переменных	Valid N	Spearman rs	p-value
Эскапизм & Уровень толерантности (интегральный)	52	-0,440425	0,001085
Эскапизм & Этническая толерантность	52	-0,321909	0,019954
Эскапизм & Социальная толерантность	52	-0,428383	0,001533
Эскапизм & Толерантность как черта личности	52	-0,295334	0,033538

Статистически значимая обратная зависимость существует между уровнем эскапизма и уровнем толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$), этнической ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и социальной толерантности ($r = 0,276$; $p = 0,032$) и толерантности как черты личности ($r = 0,276$; $p = 0,032$). Это означает, что чем выше уровень эскапизма, тем ниже уровень толерантности, этнической и социальной толерантности и толерантности как черты личности и наоборот.

На основании результатов проведенного исследования можно отметить, что на уровень развития толерантности у молодежи оказывает влияние развитие социально-психологической адаптации, а именно: уровень адаптации, самопринятия, принятия других, эмоциональной комфортности и интеральности.

Таким образом, социально-психологическая адаптация молодежи является важным процессом в становлении самостоятельной толерантной личности. В зависимости от успешности такой адаптации складывается дальнейшая картина установок и моделей поведения личности. В целях предотвращения возможных неблагоприятных вариантов развития личности необходимо предпринимать меры по их недопущению на начальных этапах самостоятельной жизни человека в обществе. Именно путем развития толерантности личности, и, впоследствии, ее социально-психологической адаптации, возможно сокращение рисков социальной девиации, последствия которой не всегда удается вовремя устранить.

Список использованных источников

1 Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева – М., 2002. – 229 с.

К. А. Дружинина

Научный руководитель: Д. Г. Сороков, канд. психол. наук, доцент
Московский государственный психолого-педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация

ВИРТУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ОТ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ К ИНТЕГРАЦИИ НОМОТЕТИЧЕСКОГО И ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К ПОЗНАНИЮ

Актуальность изучения виртуальной идентичности обусловлена всеобъемлющей виртуализацией бытия человека. Новизна исследовательского подхода автора и его научного руководителя определяется выстраиванием логически стройной модели познания данного конструкта: от философски фундированного понимания виртуального и виртуальной идентичности в синергичной антропологии С. С. Хоружего к эмпирическим исследованиям, основанным на галилеевской парадигме и интеграции номотетического и идеографического подходов.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, галилеевская модель познания, номотетический подход, идеографический подход.

В обществе современности стремительно и неумолимо возрастает роль виртуальных явлений во всех сферах социальной практики, при этом наиболее интенсивным становится влияние на жизнь человека и социально-экономические отношения виртуального пространства сети Интернет.

Ускоряющаяся виртуализация коммуникации, общения и бытия человека в целом привлекает внимание психологов к выделению в качестве предметов исследования принципиально новых феноменов, познание которых осуществимо лишь с привлечением междисциплинарного подхода в области социально-гуманитарных наук.

Одним из таких феноменов стала виртуальная идентичность (именуемая также «сетевая идентичность», «киберидентичность», «цифровая идентичность»), являющаяся предметом активного изучения в последние десятилетия как в отечественной психологии [1, 4], так и за рубежом [9, 11, 12].

Вместе с тем, в психологических исследованиях отсутствует единство в определении виртуальной идентичности; не проведено отграничение ее от смежных конструктов, не выработана единая терминология. Еще большее огорчение вызывает отсутствие стремления к философски фундированному пониманию природы этого явления и его антропологической сущности: в большинстве психологических работ речь идет только о вариациях вокруг имеющих в психологической науке концептов «идентичности». Исследования, даже если и носят междисциплинарный (точнее, межотраслевой в рамках психологии) характер, в значительной степени фрагментарны и направлены на изучение отдельных разрозненных элементов данного потенциально системно сложного, многоуровневого и богато дифференцированного психологического конструкта.

Так, виртуальная идентичность изучается в рамках возрастной психологии с точки зрения особенностей и влияния на личность формирования виртуальной идентичности в различных возрастных периодах; в рамках гендерной психологии исследуются феномены «смены пола» в виртуальности и иные проблемы соотношения биологического и социального пола в сети Интернет. В силу знаково-символической природы виртуальной идентичности особое значение приобретают психосемантические и психолингвистические исследования; патологические последствия формирования виртуальной идентичности, в частности, Интернет-аддикция, становятся предметом исследования в клинической психологии.

Цель: обоснование логически непротиворечивой модели комплексного междисциплинарного исследования виртуальной идентичности как проявления человека в его целостности, основанной на фундаментальном понимании виртуального, и его природы в рамках синергичной антропологии С. С. Хоружего, а также на использовании галилеевской парадигмы в познании и интеграции номотетического и идеографического подходов к эмпирическому исследованию виртуальной идентичности.

Мы полагаем, что построение комплексной структурно-содержательной модели виртуальной идентичности может быть осуществлено на основании философски фундированных подходов, разработанных в синергичной антропологии С. С. Хоружего с опорой на традицию, идущую от Галилея и принципов механики XVI-XVII вв. [7].

По мнению С. С. Хоружего, главный признак виртуального явления – его неполная актуализация по сравнению с реальными эмпирическими явлениями, своеобразное недовыплащенное существование. Таким образом, бытие человека в виртуальности также обладает признаками недоактуализации, а основными свойствами «человека виртуального» являются утрата целостности, диффузия идентичности и распад единой картины мира [8]. В частности, виртуальное общение, согласно подходу С. С. Хоружего, представляет собой неактуализованное реальное общение, неполное на различных уровнях на лестнице деградации: от «косметической» виртуализации на страницах в социальных сетях до полного отказа от личности под ложными маской и ником [7].

В синергичной антропологии человек определяется через его «предельные проявления», то есть выходы за пределы обыденного существования («размыкания к антропологической границе»). По мнению С. С. Хоружего, на современном этапе развития человечества возникает новая самостоятельная антропологическая формация «человека виртуального», стремящегося к эскапизму и бегству от реальности в виртуальное пространство.

Построение психологических исследований с опорой на выявленные С. С. Хоружим сущностные характеристики виртуального и бытия человека в виртуальном пространстве создаст возможность для познания виртуальной идентичности в ее многоаспектности и междисциплинарности именно в качестве одного из проявлений человека как целого.

Поставленная таким образом задача комплексного исследования виртуальной идентичности, в основе которого лежит подход к познанию самого человека как сложной динамической системы, влечет гносеологическую необходимость применения интегративных и синергетических подходов в познании.

Современные исследователи отмечают, что распространенная в психологии аристотелевская модель познания посредством объяснения конкретных явлений и их последующей классификации, а также отнесения изучаемых феноменов к бинарным оппозициям (например, «нормальное» и «патологическое») не может полностью удовлетворять требованиям, предъявляемым к исследованиям человека [10].

На смену данной парадигме должна прийти модель галилеевского подхода, заключающегося в том, что вместо сортировки и категоризации явлений ученый выявляет общие механизмы, лежащие в основе функционирования психологического феномена. Подобная методология позволяет объяснять как среднюю «норму», так индивидуальные различия, которые в аристотелевском познании понимаются как неудачи и артефакты.

Таким образом, познание сложных психологических феноменов, в том числе, виртуальной идентичности, должно быть направлено на создание моделей, обеспечивающих выявление и описание общих закономерностей и при этом также объясняющих отклонения от этих закономерностей.

Изложенное подводит нас к вопросам применения номотетического и идеографического подходов в изучении виртуальной идентичности, а также опыта и перспектив их интеграции.

Номотетический и идеографический подходы основаны на различных принципах исследования объекта: как проявления общего, типичного либо как уникального, единичного явления [3].

В рамках номотетического подхода утверждается наличие у изучаемых явлений общих черт, которые могут быть измерены объективными методами. Объекты исследования оцениваются с точки зрения общих закономерностей, причинно-следственных связей, определяются как сумма признаков и ранжируются по категориям в зависимости от степени выраженности этих признаков (по нормативным шкалам и т. п.).

Номотетическое исследование направлено на переход от единичного к выявлению закономерности, при этом отдельный случай является лишь ступенью для обнаружения единого объясняющего принципа. Отмечается, что номотетический подход чаще всего реализуется в стандартизированных количественных методиках [6].

Номотетический подход позволяет выявлять типичное и нормативное, в определенной степени выполняет прогностическую функцию, а также является достаточно экономичным. Однако очевидно, что проявления тех или иных психологических феноменов зачастую имеют ситуационный характер, зависят от структуры личности и системы ее ценностей, в связи с чем люди с одинаковыми показателями по нормативным измерениям в реальности могут существенно отличаться друг от друга по процессам восприятия, мышления, эмоциональным реакциям и по-разному действовать в различных жизненных ситуациях, что практически не учитывается номотетическим подходом.

В свою очередь, исследователи, придерживающиеся идеографического подхода, исходят из принципа уникальности, неповторимости каждой личности и невозможности ее измерения через «объективные» способы оценки и выделение общих черт. Явление изучается в целостности, без разложения на части, в связи с чем не утрачивается синергетический эффект системы, которая представляет из себя больше, чем простая сумма ее частей. Идеографический подход реализуется в качественных психологических исследованиях [6].

Идеографический подход имеет свои недостатки, в частности, является затратным с точки зрения необходимых для исследования ресурсов, поскольку изучению подлежит каждый единичный случай, распространены лонгитюдные исследования [5]. Отрицание номотетической парадигмы лишает возможности выявлять общие закономерности из частного. Помимо того, велика роль субъективной позиции и оценки исследователя, что может поставить под сомнение достоверность и точность диагностических выводов. Вместе с тем, преимущество идеографиче-

ского подхода заключается в наличии инструментария для изучения уникальных и изменчивых черт, учета контекстуальности и ситуативности.

На текущем этапе исследователи приходят к выводу о необходимости интеграции номотетических и идеографических методик для изучения психологических феноменов с опорой на сильные стороны каждого из подходов [3, 5, 6]. Совмещение в исследовании методик и подходов, которые ранее рассматривались учеными в качестве альтернативных, позволяет изучать человека как в типичном и общем, так и в уникальном, что переводит психодиагностику из области споров в пространство системного комплексного измерения психологических явлений.

Современные исследования виртуальной идентичности проводятся с использованием методик и номотетического, и идеографического подходов.

Так, первые работы зарубежных психологов, посвященные виртуальной идентичности, были построены на анализе материалов неструктурированных интервью, качественном контент-анализе аватаров и профилей в социальных сетях, а также изучении индивидуальных обстоятельств и историй жизни («case-study») пользователей социальных сетей и игроков в многопользовательские компьютерные игры, что можно отнести к идеографическому подходу [12]. Отечественные ученые в ряде работ также опираются на неструктурированные интервью, основанные, например, на материале разрешения испытуемыми этических дилемм поведения в социальных сетях [4].

Вместе с тем, в большей части психологических исследований диагностика виртуальной идентичности проводится в рамках номотетического направления: с использованием структурированных интервью, количественного и качественного контент-анализа страниц в социальных сетях, опросников субъективного самоотчета, в частности, предъявляемых в модификациях для «Я в реальности» и «Я в виртуальном пространстве (в социальных сетях)».

Например, в работе М. D. Back и коллег [9] осуществлялась диагностика испытуемых с использованием опросников для измерения показателей «Большой Пятерки»: Ten Item Personality Inventory (TIPI) и Big Five Inventory (BFI-10) для «Я-реальное» и «Я-идеальное» (с инструкцией «опишите, каким Вы хотели бы видеть себя в идеале»), а также собирались оценки сторонних экспертов в отношении профилей данных испытуемых в социальных сетях по тем же опросникам TIPI и BFI-10.

В исследовании Е. П. Белинской, В. П. Гавриченко были проанализированы профили испытуемых в социальной сети, выделены различные типы фотографий и проведена оценка их распространенности. Для количественного и качественного контент-анализ постов в социальной сети авторами была применена разработанная А. Н. Алексеевым формула определения «удельного веса» в общем тексте отдельных смысловых категорий с единицей анализа – фотография и сопровождающий текстовый комментарий [2].

В другом отечественном исследовании [1] был использован опросник М. Берзонски «Стили идентичности», предъявляемый испытуемым дважды: для «Я-реальное» и «Я в социальной сети», а также был применен личностный семантический дифференциал для выделения содержательных свойств «Я-реальное» и «Я в социальной сети» испытуемых, отнесенных к различным группам по стилям идентичности.

Примером интегративного использования номотетического и идеографического подходов может являться исследование А. М. Manago и коллег [11], в рамках которого были проведены полуструктурированные интервью как для выявления общих тем и реакций испытуемых, так и для диагностики специфических свойств виртуальной идентичности того или иного респондента.

Таким образом, эмпирические исследования виртуальной идентичности весьма разнообразны, основаны на применении различных методик и даже на попытках интеграции психодиагностических подходов.

Вместе с тем, практически отсутствуют комплексные психологические исследования виртуальной идентичности с применением системы диагностических методик. В работах в рамках номотетического подхода компоненты виртуальной идентичности изучаются разроз-

ненно и фрагментарно, а исследования в русле идеографической парадигмы хотя и предоставляют достаточно целостный взгляд на проявления данного феномена в отдельных случаях, однако недостаточны для выявления общих закономерностей.

Новаторским, с нашей точки зрения, является подход в психологических исследованиях, направленный на создание комплексной междисциплинарной модели виртуальной идентичности, базирующейся не только на привычных для психологии концепциях идентичности, но и на философски фундированном понимании сущности виртуальности в целом, а также природы и принципиальных особенностей виртуальной идентичности человека.

Теоретико-методологическим основанием может выступить галилеевский подход к познанию, направленный на выявление механизмов функционирования психологического конструкта, объясняющих как общие закономерности, так и индивидуальные вариации, в отличие от аристотелевской парадигмы, заключающейся в изучении конкретных явлений с их последующей категоризацией и восприятием проявлений уникального как неудачи.

В этой связи, на эмпирическом уровне интегративное использование номотетической и идеографической парадигм выглядит не как дань исследовательской моде, а как гносеологическая необходимость и релевантное решение, связанные с многокомпонентностью, системным характером и сложностью структурно-содержательной модели виртуальной идентичности. Мы полагаем, что именно интеграция подходов позволит создать адекватный диагностический инструментарий для исследования виртуальной идентичности.

Список использованных источников

1 Белинская, Е. П. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность / Е. П. Белинская, Т. Д. Марцинковская // В кн. : Р. В. Ершова (Ред.), Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. – С. 43–48.

2 Белинская, Е. П. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности / Е. П. Белинская, О. В. Гавриченко // Психологические исследования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/269/564>. – Дата доступа: 19.06.2022.

3 Бурлачук, Л. Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов / Л. Ф. Бурлачук. – СПб. : Питер, 2006. – 351 с.

4 Войскунский, А. Е. Альтернативная идентичность в социальных сетях / А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина // Вестник Московского университета. – 2013. – № 1. – С. 66–83.

5 Епанчинцева, Г. А. Интеграционные тенденции в развитии методов психологического исследования / Г. А. Епанчинцева, Т. Н. Козловская // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 39. – С. 28–35.

6 Ключева, Н. В. Феноменологический метод в консультационной психологии: методологический анализ и опыт применения / Н. В. Ключева, Л. Я. Дорфман // Вестник Ярославского государственного университета. – 2008. – № 10. – С. 43–48.

7 Хоружий, С. С. Виртуализация общения: антропологические угрозы и пути борьбы с ними / С. С. Хоружий // Материалы Первой международной конференции «Электронные СМИ и православное пастырское душепопечение» (Афины). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/akademik-sergey-horuzhiy-o-virtualizatsii-obshheniya-myi-dolzhnyi-ne-dopuskat-stroitelstva-anti-lestvitsyi>. – Дата доступа: 19.06.2022.

8 Хоружий, С. С. Очерки синергичной антропологии / С. С. Хоружий. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с.

9 Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization / M. D. Back, [et al.] // Psychological Science. – 2010. – № 3. – P. 372–374.

10 Hommel, B. The Grand Challenge: Integrating Nomothetic and Ideographic Approaches to Human Cognition / B. Hommel, L. S. Colzato // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – № 8. – Art. 100. – P. 1–3.

11 Self-presentation and gender on MySpace / A. M. Manago [et al.] // *Journal of Applied Developmental Psychology*. – 2008. – № 29. – P. 446–458.

12 Turkle, Sh. Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. In S. Kiesler (Ed.) / Sh. Turkle // *Culture of the Internet*. (Sara Kiesler, Ed.). – 1997. – P. 143–155.

М. В. Климович

Научный руководитель: Е. А. Лупекина, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ С МОТИВАЦИЕЙ УСПЕХА И БОЯЗНЬЮ НЕУДАЧ У БАСКЕТБОЛИСТОВ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению копинг-стратегий и мотивации успеха и боязни неудач. Автором приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи копинг-стратегий с мотивацией успеха и боязнью неудач у баскетболистов.

Ключевые слова: копинг-стратегия, подростки, мотивация, спортсмены, взаимосвязь, мотивация успеха и боязнь неудач, баскетболисты.

Под копинг-стратегией, или копингом, на сегодняшний день понимается форма адаптивного, или совпадающего, поведения личности в стрессовой ситуации для достижения таких целей, как минимизация негативных воздействий внешних обстоятельств и поддержание

Адаптивные и относительно адаптивные копинг-стратегии, характеризующиеся способностью человека эффективно адаптироваться к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, попытаться избежать или привыкнуть к ним и, таким образом, погасить стрессовое воздействие ситуации, следует относить, по нашему мнению, к наиболее приемлемым для успешной деятельности подростка в разных сферах его жизнедеятельности [1].

Учет особенностей копинг-поведения в подростковом возрасте позволяет выявить адекватные и неадекватные стратегии выхода из проблемных и критических ситуаций, снизить негативное влияние негативных обстоятельств и трудностей в личностном развитии подростков. Для адекватных, социально адаптивных копинг-стратегий подростков рекомендуется их формирование с помощью психокоррекционных групповых занятий с элементами тренинга. Такая форма работы обеспечивает подросткам разнообразие форм поведения, тем самым обучая их продуктивным способам преодоления трудных ситуаций [2].

Изученный теоретический материал позволил организовать эмпирическое исследование. Центральное место в исследовании занимал педагогический эксперимент, который был организован со спортсменами учебно-тренировочной группы баскетболистов 16 лет. Группа занималась по учебной программе для учреждений дополнительного образования. В группе определялись потребность спортсмена в успехе, самоконтроле, в поддержке, принятии ответственности, планировании решения проблемы и т. д. В исследовании принимали участие 20 спортсменов-юношей в возрасте 16 лет и 20 спортсменок-девушек в возрасте 16 лет, занимающиеся на базе детско-юношеской спортивной школы «СДЮШОР № 1».

В работе использовались опросник «Мотивации успеха и боязни неудач» А. А. Реана и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса.

Для выявления мотивации успеха и боязни неудач был использован «Мотивации успеха и боязни неудач» А. А. Реана. Применение данного опросника позволило выявить группу спортсменов, подверженных риску неудачи. Обработка данных осуществлялась согласно ключу опросника. Данные, полученные после интерпретации, отображены на рисунке 1.

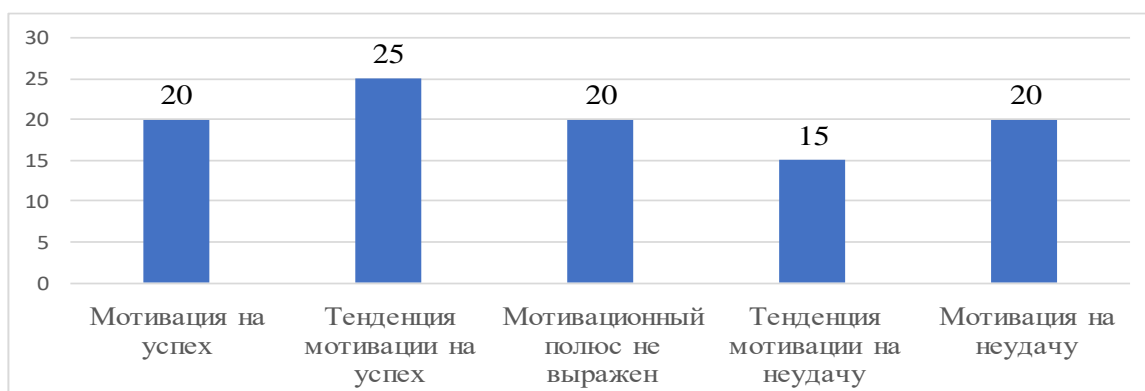

Рисунок 1 – Результаты исследования мотивации успеха и боязни неудачи

По результатам проведенного исследования, были получены следующие результаты:

- большинство респондентов обладают тенденцией мотивации на достижение успеха, либо же имеют тенденцию к стремлению к нему (25 % и 20 % получили данный результат), что позволяет охарактеризовать их как активных, инициативных, при столкновении с трудностями пытающихся найти способы решения. У таких людей от дефицита времени качество проделанной работы увеличивается;

- ориентированы на неудачу 20 % и 15 % респондентов имеют тенденцию мотивации на неудачу. Их можно охарактеризовать следующим образом: стремятся избежать порицания, выбирают более легкие задания, малоинициативны, с трудом адекватно оценивают свои возможности. В условиях дефицита времени качество выполненной работы ухудшается;

- у 20 % респондентов мотивационный полюс не был выражен.

Далее для выявления способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности был использован опросник «Способы совпадающего поведения» Р. Лазаруса [3]. Полученные после интерпретации результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования способов совладающего поведения

Тип совладающего поведения	Количество человек	Процент
Конфронтация	7	18
Дистанцирование	7	18
Самоконтроль	1	3
Поиск социальной поддержки	7	18
Принятие ответственности	9	23
Бегство-избегание	3	8
Планирование	2	5
Положительная переоценка	4	10

По результатам проведенного исследования, были получены следующие результаты:

- на высоком уровне копинг-стратегия «конфронтация» преобладает у 18 % респондентов. Такая копинг-стратегия может говорить о том, что у испытуемых часто проявляется нецеленаправленная поведенческая активность, испытуемые редко осуществляют конкретные действия, присутствует высокая энергичность и суетливость, а также враждебность и конфликтность;

– на высоком уровне выраженности копинг-стратегию «дистанцирование» имеют 18 % испытуемых. Использование данной копинг-стратегии может свидетельствовать о том, что испытуемые стараются уклониться от проблемы, а также о преодолении негативных переживаний за счет того, что они снижают значимость проблемы и не вовлекаются в нее. Также, используя данную копинг-стратегию, испытуемые применяют юмор, переключение внимания на другие виды деятельности, отстранение от проблемы и обесценивание ее;

– копинг-стратегию «самоконтроль» имеют 3 % испытуемых; у испытуемых с такой копинг-стратегией может проявляться дезадаптация. В таком случае респонденты просто скрывают свои чувства и мысли от окружающих их людей, в связи с проблемной ситуацией самоконтроль. Такое поведение приводит к проблемам в межличностных отношениях, а также подавлению эмоций, что может в дальнейшем спровоцировать психосоматические заболевания;

– копинг стратегию «поиск социальной поддержки» имеют в средней и высокой степени выраженности 18 % испытуемых. Использование данной копинг-стратегии может свидетельствовать, что испытуемый стремится решать свои проблемы за счет привлечения окружающих, а также внешних ресурсов. Испытуемые с данной копинг-стратегией ищут эмоциональную поддержку, они пытаются взаимодействовать с другими людьми, привлекать к себе внимание, ожидать совета или сочувствия. Могут часто спрашивать совета у близких им людей, для них характерно желание, чтобы их выслушали, проявили эмпатию, а также стремление поделиться с кем-то своими переживаниями;

– в высокой степени выраженности копинг-стратегия «принятие ответственности» присутствует у 23 % испытуемых. Таким образом, можно сделать вывод о том, что испытуемые берут на себя ответственность за решение своих проблем и понимают, что они ответственны за это, но также могут критиковать и обвинять себя. Также использование данной копинг-стратегии может говорить о том, что испытуемые часто могут испытывать чувство вины, неудовлетворенность собой, что может приводить к развитию риска депрессивных состояний;

– в средней степени выраженности копинг-стратегию «бегство-избегание» имеют 8 % испытуемых. Это значит, что данная группа респондентов преодолевает стрессовые ситуации путем уклонения, избегания соприкосновения со стрессом. Для таких людей характерны мечты и фантазии, уход от реальности, а также отрицание проблемы и отвлечение от нее;

– низкую степень выраженности копинг-стратегии «планирование решения проблем» имеют 5 % испытуемых. Так как респонденты легко адаптируются к стрессовой ситуации и могут сосредотачиваться на благополучном разрешении проблемы, это может свидетельствовать о том, что респонденты испытывают удовлетворение, начинают лучше относиться к самому себе, в результате чего повышается самооценка. Респонденты, которые используют эту копинг-стратегию обладают расчетливым умом, способны анализировать ситуацию, и реальное разрешение данной проблемы;

– выраженность копинг-стратегии «положительная переоценка» имеют 10 % испытуемых. Использование данной копинг-стратегии говорит о том, что респонденты способны преодолевать негативные переживания за счет положительного переосмысления проблемы, а также рассматривают ее как стимул для личностного роста. Также испытуемым характерно философское осмысление стрессовой ситуации, а также работа над собственной личностью и саморазвитие.

Таким образом, можно сделать вывод, что у испытуемых преобладает использование таких копинг-стратегий, как конфронтация, дистанцирование, принятие ответственности, поиск социальной поддержки.

Далее для выявления взаимосвязи между полученными показателями по уровню мотивации успеха и боязни неудачи и показателями копинг-стратегий был использован критерий rs-Спирмена. Результаты статистической обработки показателей представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2 – Статистическая обработка результатов

Копинг-стратегии	Значение критерия rs – Спирмена	Критическая точка при P = 0,05	Значимость корреляции
Мотивация на успех			
Конфронтация	1,32	1,676	не значимы
Дистанцирование	0,92		не значимы
Самоконтроль	2,678		значимы
Поиск социальной поддержки	1,965		значимы
Принятие ответственности	1,865		значимы
Бегство-избегание	- 1,769		значимы
Планирование решения	0,568		не значимы
Положительная переоценка	0,720		не значимы

По результатам статистического анализа взаимосвязи между показателями по уровню мотивации успеха и копинг-стратегиями, можно утверждать, что существует положительная корреляционная связь между показателями «самоконтроль» ($r_{S_{ЭМП}} = 2,678 > r_{S_{КР}} = 1,676$), «поиск социальной поддержки» ($r_{S_{ЭМП}} = 1,965 > r_{S_{КР}} = 1,676$); «принятие ответственности» ($r_{S_{ЭМП}} = 1,865 > r_{S_{КР}} = 1,676$). Также была выявлена отрицательная корреляционная связь с копинг-стратегией «бегство-избегание» ($r_{S_{ЭМП}} = - 1,769 > r_{S_{КР}} = 1,676$).

Интерпретируя полученные результаты, можно утверждать, что баскетболисты с мотивацией на достижение успеха просто скрывают свои чувства и мысли в связи с проблемной ситуацией от окружающих их людей, стремятся решать свои проблемы за счет привлечения окружающих, а также внешних ресурсов; берут на себя ответственность за решение своих проблем. Отрицательный результат по шкале «бегство-избегание» позволяет утверждать, что респонденты, мотивированные на достижение успеха, не преодолевают стрессовые ситуации путем уклонения, избегания.

Таблица 3 – Статистическая обработка результатов

Копинг-стратегии	Значение критерия rs – Спирмена	Критическая точка при P = 0,05	Значимость корреляции
Мотивация на неудачу			
Конфронтация	1,65	1,25	значимы
Дистанцирование	2,92		значимы
Самоконтроль	0,43		не значимы
Поиск социальной поддержки	1,63		значимы
Принятие ответственности	0,23		не значимы
Бегство-избегание	1,49		значимы
Планирование решения	0,568		не значимы
Положительная переоценка	0,720		не значимы

По результатам статистического анализа взаимосвязи между показателями по уровню мотивации на неудачу и копинг-стратегиями, можно утверждать, что существует положительная корреляционная связь между показателями «конфронтация» ($r_{S_{ЭМП}} = 1,65 > r_{S_{КР}} = 1,25$), «дистанцирование» ($r_{S_{ЭМП}} = 2,92 > r_{S_{КР}} = 1,25$); «поиск социальной поддержки» ($r_{S_{ЭМП}} = 1,63 > r_{S_{КР}} = 1,25$); «бегство-избегание» ($r_{S_{ЭМП}} = 1,49 > r_{S_{КР}} = 1,25$).

Интерпретируя полученные результаты, можно утверждать, что для баскетболисты с мотивацией на неудачу часто проявляют нецеленаправленную поведенческую активность, редко осуществляют конкретные действия, демонстрируют высокую энергичность и суетливость, а также враждебность и конфликтность; стараются уклониться от проблемы, преодолевают негативные переживания за счет того, что снижают значимость проблемы и не вовлекаются в нее, используют юмор, переключение внимания на другие виды деятельности, отстранение от проблемы и обесценивание ее; стремятся решать свои проблемы за счет привлечения окружающих, а также внешних ресурсов; преодолевают стрессовые ситуации путем уклонения, избегания соприкосновения со стрессом. Для таких людей характерны мечты и фантазии, уход от реальности, а также отрицание проблемы и отвлечение от нее.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в спортивной группе сила мотивационной установки к достижению успеха у баскетболистов находится на среднем уровне.

Таким образом, спортсменам необходимо повышать силу мотивационной установки к достижению успеха средствами и методами психолого-педагогических мероприятий, посредством разработки коррекционной программы и определенных рекомендаций, основываясь на исследуемом виде спорта.

Список использованных источников

1 Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – Т. 15, № 1. – 1994. – С. 3–19.

2 Гордеева, Т. О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы / Т. О. Гордеева // Современная психология мотивации ; под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. – С. 47–102.

3 Крюкова, Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы / Т. Л. Крюкова // изд. 2-е, исправленное, дополненное. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. – Авантитул, 2010. – 64 с.

К. Н. Макеенок

Научный руководитель: И. Н. Андреева, д-р психол. наук, профессор
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

РАЗЛИЧИЯ В ПРЕОБЛАДАНИИ ТИПА ЦВЕТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ ДОМАШНЕГО ЖИВОТНОГО

В статье представлены результаты эмпирического исследования различий между студентами в возрасте от 18 до 25 лет, у которых есть домашнее животное и у которых нет домашнего животного, в выраженности типа цветового поведения. Цель исследования – выявить различия между студентами, у которых есть домашнее животное и у которых нет домашнего животного, в выраженности показателей типа цветового поведения. Установлено, что у студентов, у которых нет домашнего животного, по сравнению с теми студентами, у которых оно имеется, преобладают синий и зеленый цветотипы поведения.

Ключевые слова: цветотип, тип цветового поведения, поведение, домашнее животное, студенты.

Связь эмоциональных состояний человека с различными цветами, влияние цветовой гаммы на его сознание и здоровье, поведение и настроение заметили еще в глубокой древности. основоположником психологии цвета считают великого немецкого поэта и естествоиспытателя И. В. Гете, написавшего в конце XVIII в. трактат «К теории цвета» [4].

Цветотип – это тип личности, который управляет его поведением, целями деятельности, характером и защитным поведением. Один из типов личности может быть выраженным, но также типы личности могут быть одинаково выражены, то есть, в гармонии [3].

Поведение человека, по определению М. Люшера, имеет две стороны: роль и защитное поведение. Роль – это представление человека о себе, своем месте в жизни и своих целях в конкретной ситуации. Такое представление заставляет человека вести себя определенным образом. В то же время стремление показать себя определенным образом имеет свою оборотную сторону: боязнь того, что ты не сможешь соответствовать тому представлению о себе, которое имеешь [1].

Психика ограждает наше самолюбие от такого напряжения, вырабатывая так называемое защитное поведение. Оно может выражаться совершенно по-разному: в виде безразличия, недоброжелательности или даже враждебности. Такое поведение внешне может выглядеть как лень, апатия, а может – как стремление к уюту и покою. Для объединения обеих реакций в единую систему М. Люшер вводит понятие «тип поведения», которое обозначает определенную манеру поведения человека, сочетающую с одной стороны сигнальное поведение, с другой – защитное [1].

М. Люшер выделяет четыре основных типа цветового поведения, соответствующие четырем основным цветам спектра: синему, зеленому, красному и желтому. Каждый из них имеет две стороны: поведение, стремящееся показать человека таким, каким он хотел бы себя видеть, и защитное поведение, с помощью которого человек хотел бы избавиться от страха оказаться не соответствующим своему идеалу [1].

Предрасположенность к поведенческим реакциям разных типов связана с глубинами бессознательного каждого человека и проявляется в зависимости от множества внешних и внутренних причин.

Цветовое поведение «синего» типа. Основная цель этого типа – стремление получить удовлетворение, иметь рядом добрую душу и защиту, избежать одиночества и беспокойства. Основные черты характера при таком поведении – повышенная чувствительность и впечатлительность. Люди этого типа больше других боятся оказаться брошенными и ненужными, ибо защитные механизмы от одиночества у них слабые [1].

Цветовое поведение «зеленого» типа. Основная цель для людей этого типа – стремление к собственной значимости. Основной страх – боязнь оказаться принужденным к чему-либо или зависимым от чего-то или кого-то. Часто чертами характера таких людей бывают упрямство, напористость, педантичность, строгое выполнение правил и предписаний [1].

Цветовое поведение «красного» типа. Основная цель поведения этого типа – получение возбуждения и раздражения, а основной страх – страх перед избытком такого возбуждения. Нормально такой человек себя чувствует в тот период, когда он может проявлять активность. Основное желание – действовать и добиться успеха. «Красный» добивается успеха для себя, мнение окружающих его трогает мало [1].

Цветовое поведение «желтого» типа. Основная цель людей этого типа – стремление к свободе и независимости, основной страх – потеря этой свободы, зависимость от других. В норме человек с «желтым» поведением постоянно чувствует себя в состоянии расцвета и непрерывного обновления. Стремление к свободе выглядит у него как естественная жажда нового и требования перемен [1].

Животные играют важную роль в жизни человека. Чем лучше мы понимаем связь между человеком и животным, тем больше мы ее сможем использовать для улучшения жизни человека. Благоприятное влияние животных на формирование личности человека заметили практики: врачи-психиатры, психологи, что вылилось в создание особого вида психотерапии с использованием домашних животных, так называемой анималотерапии [6].

В определенном плане домашние животные являются своеобразными заместителями человеческого общения. В большей степени эта компенсаторная функция домашних живот-

ных представлена в бездетных семьях, у пожилых и одиноких людей, в семьях, где дети страдают различными психическими отклонениями [5].

Положительная роль животных – снимать напряжение и негативные эмоциональные состояния, оказывать воздействие на личность – подтверждена научными исследованиями. В ряде работ отмечается, что общение с животными расширяет сенсорный опыт детей, их кругозор, положительно сказывается на умственном развитии. При чем имеются данные об улучшении психологического климата в семьях, где держат домашних животных [5].

Исследований на тему изучения влияния домашних животных на личность человека в нашей стране проведено очень мало. В западных странах подобных исследований проведено множество. Кроме того, существуют отдельные журналы, посвященные исследованию взаимодействия животных и человека. В 1991 году было основано Международное общество антрозоологии ISAZ (International Society for Antrozology) [2].

Представляется интересным выявить различия в выраженности у студентов типа цветового поведения в зависимости от наличия домашнего животного. Актуальность изучения цветового поведения в зависимости от наличия домашнего животного обусловлена недостаточной изученностью проблемы исследования.

Цель исследования – выявить различия между студентами, у которых есть домашнее животное и у которых нет домашнего животного, в выраженности показателей типа цветового поведения.

Методы исследования: опрос, тест Г. Э. Бреслава на определение цветотипа поведения. Для обработки данных был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Гипотеза исследования состоит в том, что у студентов будут выявлены различия в выраженности типа цветового поведения в зависимости от наличия у них домашнего животного.

Выборка испытуемых составила 60 человек: юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 19,0$, $SD = 1,09$). Сбор эмпирических данных производился на базе Полоцкого государственного университета.

На первом этапе исследования определена представленность цветотипов в выборке исследования. На выборке в целом установлено, что 40 % исследуемых относятся к «зеленому» цветотипу поведения, 23 % – к «красному», 22 % – к «желтому» и 15 % – к «синему». При этом «зеленый» цветотип был преобладающим у студентов независимо от их пола. Это означает, что для выборки в целом наиболее характерно стремление к собственной значимости, престижу и стабильности, желание быть признанным, а также стремление к стабильности и уверенности.

На втором этапе эмпирического исследования при помощи t-критерия Стьюдента для независимых выборок были изучены различия между студентами, у которых есть домашнее животное и у которых нет домашнего животного. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Различия в показателях типа цветового поведения в зависимости от наличия/отсутствия домашнего животного

Переменная	Среднее значение		Значение t-критерия	Уровень статистической значимости
	Есть домашнее животное	Нет домашнего животного		
Желтый цветотип	26,4	27,7	-0,87	0,38
Зеленый цветотип	27,6	31,2	-2,30	0,02
Синий цветотип	24,4	27,6	-2,68	0,00
Красный цветотип	27,2	26,6	0,42	0,67

Исходя из полученных данных можно сказать, что существуют значимые различия между студентами, у которых есть домашнее животное, и студентами, у которых нет домашнего животного, в показателях выраженности «зеленого» и «синего» цветотипа ($p < 0,05$). И «зеленый», и «синий» цветотипы поведения преобладают у студентов, у которых нет домашнего животного.

Полученные данные можно объяснить тем, что «зеленый» тип цветового поведения стремится к собственной независимости и основной страх – зависимость от кого-либо / чего-либо, именно поэтому «зеленый» цветотип не стремится заводить домашнее животное. «Синий» цветотип поведения очень чувствительный, нуждается в поддержке, и домашнее животное, с одной стороны, могло бы стать ему поддержкой и помочь избежать одиночества, но с другой стороны, «синий» цветотип поведения боится оказаться брошенным, а животное не живет столько же, сколько человек. Возможно, именно боязнь утраты домашнего животного отталкивает их в желании завести его.

Таким образом, у студентов, у которых нет домашнего животного, по сравнению с теми студентами, у которых оно имеется, преобладают «синий» и «зеленый» цветотипы поведения.

Список использованных источников

1 Бреслав, Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех / Г. Э. Бреслав – СПб. : Б.&К., 2000. – 212 с.

2 Дзюба, И. А. Влияние домашних животных на психологическое состояние людей и социальные взаимодействия / И. А. Дзюба // Вестник науки. – 2019. – № 10. – С. 10–16.

3 Макеенок, К. Н. Цветотип поведения и сексуальные установки у студентов / К. Н. Макеенок // Психология – наука будущего : сб. материалов IX Международ. конф. молод. уч., редкол. : Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. – Москва : Изд. «Институт психологии РАН», 2021. – С. 210–213.

4 Что такое цветопсихология, цветотерапия, цветолечение, история возникновения, возможности [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://www.snta.ru/press-center/chto-takoe-tsvetopsikhologiya/>. – Дата доступа: 22.01.2022.

5 Clark, K. E. Are cat lovers smarter than dog lovers? Personality characteristics of dog and cat lovers / К. Е. Clark. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://hubpages.com/education/cat-lovers-smarter-than-dog-lovers-and-personality-characteristics-of-dog-and-cat-lovers>. – Дата доступа: 10.02.2022.

6 Rettner, R. Cat people are smarter than dog people, new study shows / R. Rettner [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/cat-people-dog-people-intelligence_n_5412245. – Дата доступа: 10.02.2022.

И. В. Мороз

Научный руководитель: И. Н. Андреева, д-р психол. наук, профессор
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ ЦВЕТА ГЛАЗ И ПОЛА ЛИЧНОСТИ НА ПОКАЗАТЕЛИ ПОЗИТИВНОЙ АГРЕССИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА)

В статье представлены результаты исследования совместного влияния цвета глаз и пола на показатели позитивной агрессивности на выборке студентов от 18 до 20 лет. Выборку составили 80 человек: юноши и девушки со светлым и темным цветом глаз. Частично

подтвердилась гипотеза о совместном влиянии цвета глаз и пола на показатели позитивной агрессивности в юношеском возрасте.

Ключевые слова: цвет глаз, позитивная агрессивность, напористость, неуступчивость.

Агрессивность – это черта личности, выражающаяся в склонности к агрессивному реагированию на воздействия окружающей среды путем причинения вреда окружающему [4, 6].

Цвет глаз – это характеристика, определяемая пигментацией радужной оболочки. Традиционно полагается, что цвет глаз определяется наследственностью [3].

Выявлено, что индивиды со светлыми глазами отличаются уравновешенностью, преданностью, независимостью, сентиментальностью и скромностью, добротой, они менее приятны в общении, чем темноглазые, но более конкурентноспособны, имеют позитивное отношение к жизни. Психофизиологически они характеризуются средне-слабым типом нервной системы и средним значением психомоторной работоспособности.

Индивиды с темными глазами считаются более покладистыми и сочувствующими, активными, приветливыми и склонными к риску. Темноглазые люди отличаются серьезностью, привлекательностью, решительностью, смелостью и ответственностью, более приятны в общении, но не вызывают большого доверия у окружающих. Психофизиологически они характеризуются слабой силой нервной системы и высокими показателями психомоторной работоспособности, а также низким и средним уровнем терпимости боли [2, 7, 8].

Цель исследования: изучить совместное влияние пола и цвета глаз на показатели позитивной агрессивности личности.

Гипотеза исследования: в юношеском возрасте на показатели позитивной агрессивности совместно влияет цвет глаз и пол индивида.

Методы исследования:

– метод опроса: «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина, П. А. Ковалева. Показатель «Позитивная агрессивность» включает в себя две переменные «Неуступчивость» и «Напористость»;

– метод обработки данных – многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Выборка испытуемых составила 80 человек: 40 юношей и 40 девушек в возрасте от 18 до 20 лет ($M = 19,4$, $SD = 0,71$). Была использована периодизация Э. Эриксона, в соответствии с которой данный возрастной период относится к стадии «отрочество и юность» [5, с. 59–60].

На первом этапе исследования при помощи многофакторного дисперсионного анализа были изучены совместное влияние пола и цвета глаз на показатели позитивной агрессивности. В процессе исследования обнаружены результаты, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Влияние пола и цвета глаз на показатели позитивной агрессивности

Показатели	Значение критерия	Значение уровня значимости
Напористость (Цвет глаз)	98,78	0,00
Напористость (Пол*Цвет глаз)	30,49	0,00
Неуступчивость (Цвет глаз)	37,82	0,00
Неуступчивость (Пол*Цвет глаз)	1,51	0,21

По результатам многофакторного дисперсионного анализа были выявлены значимые эффекты взаимодействия по шкале «Напористость». Кроме того, были выявлены значимые ($p \leq 0,05$) главные эффекты по шкалам «Напористость» и «Неуступчивость». По показателю

«Неуступчивость» значимых различий в совместном влиянии пола и цвета глаз выявлено не было ($p > 0,05$).

Далее было изучено, как влияет пол и цвет глаз на показатели напористости.

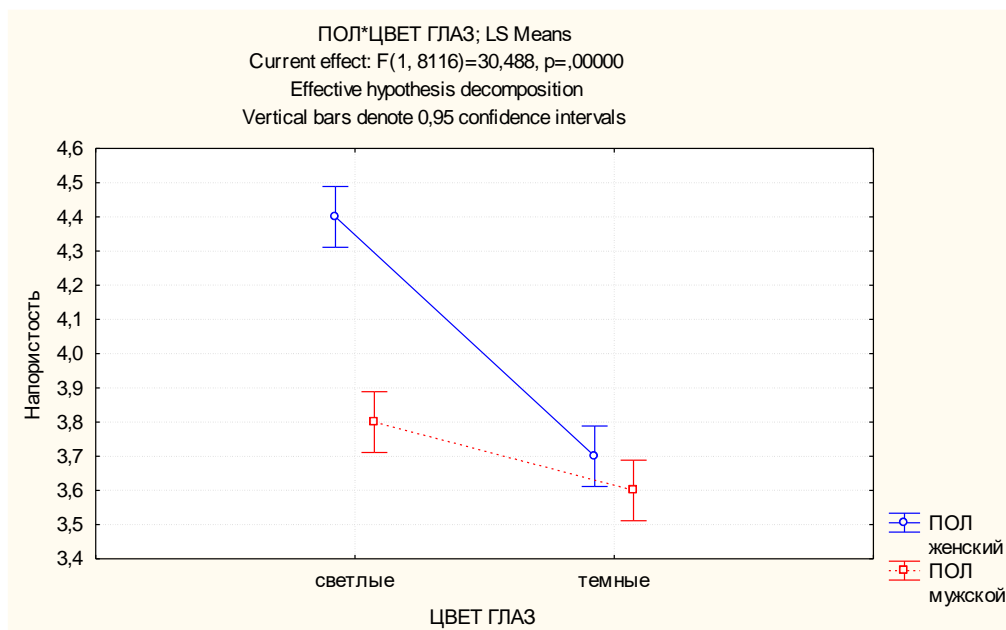

Рисунок 1 – Влияние пола и цвета глаз респондента на напористость

На рисунке 1 представлены данные, подтверждающие, что девушки со светлыми глазами отличаются более высоким уровнем напористости, чем девушки с темными. Юноши со светлыми глазами отличаются более высокими показателями напористости, чем юноши с темными. Юноши со светлыми глазами более напористы, чем девушки. Девушки и юноши с темными глазами не различаются по показателю напористости.

Достоверность приведенных выше различий была проверена с использованием апостериорного критерия Дункана, результаты которого приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Влияние пола и цвета глаз на напористость респондента (апостериорный критерий Дункана)

Пол	Цвет глаз	(1) M = 4,40	(2) M = 3,70	(3) M = 3,80	(4) M = 3,60
Женский	светлые		0,00	0,00	0,00
Женский	темные	0,00		0,11	0,11
Мужской	светлые	0,00	0,11		0,00
Мужской	темные	0,00	0,11	0,00	

Из таблицы 2 следует, что обнаружены достоверные различия в показателях напористости в зависимости от пола и цвета глаз респондентов ($p < 0,05$). Обнаружено, что девушки с темными глазами отличаются более высокими показателями напористости, чем девушки со светлыми глазами. Юноши со светлым цветом глаз отличаются более высоким уровнем напористости, чем юноши с темным цветом глаз. Девушки со светлыми глазами более напористы, чем юноши с таким же цветом глаз. Девушки и юноши с темными глазами не различаются на достоверном уровне по показателю напористости ($p > 0,05$).

Далее было изучено, как влияет цвет глаз на показатели напористости. Результаты представлены на рисунке 2.

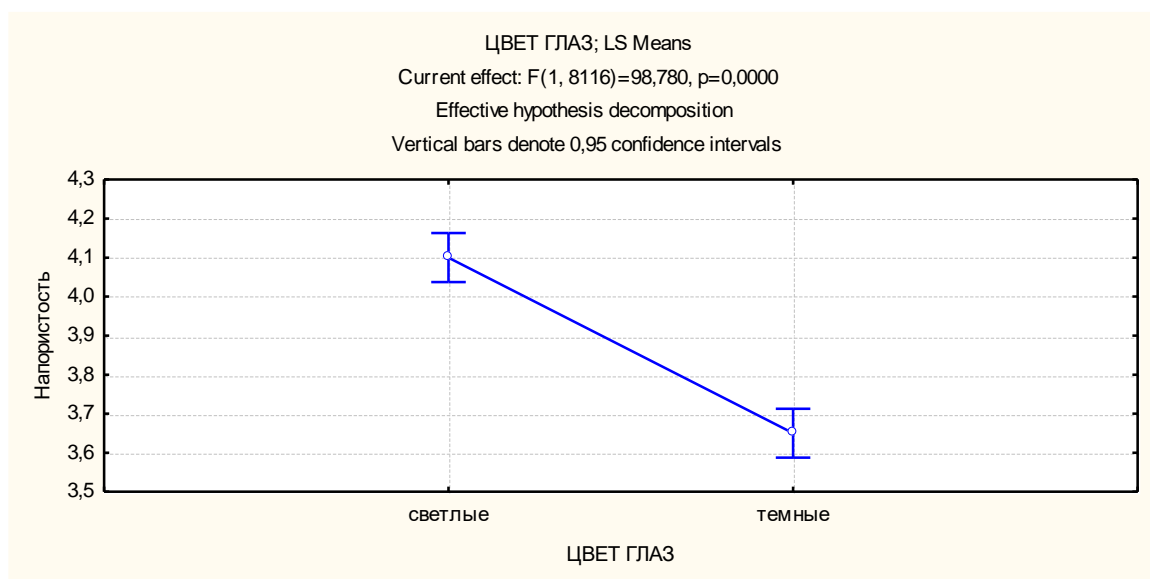

Рисунок 2 – Влияние цвета глаз респондента на напористость

На рисунке 2 представлено, что уровень напористости выше у респондентов со светлым цветом глаз, чем у студентов, имеющих темные глаза.

Далее было изучено, как влияет пол и цвет глаз на показатели неуступчивости. Результаты представлены на рисунке 3.

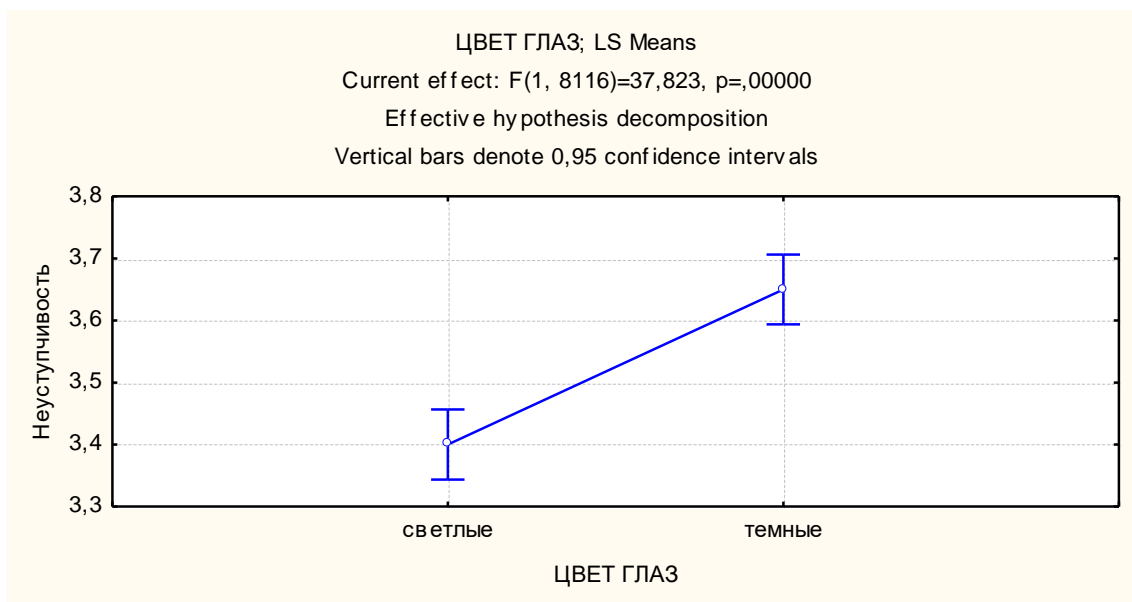

Рисунок 3 – Влияние цвета глаз респондента на неуступчивость

Исходя из рисунка 3, следует, что уровень неуступчивости выше у респондентов с темным цветом глаз, чем у студентов, имеющих светлые глаза.

Согласно результатам исследования можно сказать, что у индивидов со светлым цветом глаз показатели напористости более выражены, чем у темноглазых. В свою очередь, у индивидов с темными глазами более выражены показатели неуступчивости, чем у светлоглазых.

Девушки с темными глазами отличаются более высокими показателями напористости, чем девушки со светлыми глазами. Юноши со светлым цветом глаз отличаются более высоким уровнем напористости, чем юноши с темным цветом глаз. Девушки со светлыми глазами более напористы, чем юноши с таким же цветом глаз. Девушки и юноши с темными глазами не различаются на достоверном уровне по показателю напористости. Совместного влияния пола и цвета глаз на показатели неуступчивости выявлено не было ($p > 0,05$).

Таким образом, полученные результаты можно объяснить силой нервной системы. Так, исходя из результатов исследования С. С. Гречишкиной, А. А. Кузьмина и Т. В. Чельшковой [2], темноглазые люди обладают более слабой силой нервной системы по сравнению со светлоглазыми и по этой причине обладают более слабым самоконтролем эмоций. И, основываясь на результатах исследований Э. А. Голубевой [1], можно сделать вывод о том, что для людей с сильной нервной системой (светлоглазые) характерна напористость. В то время как для людей со слабой нервной системой (темноглазые) – неуступчивость. Данный факт еще раз подтверждает полученные результаты.

В результате проведенного эмпирического исследования были выявлено, что:

– у индивидов с темными глазами более выражены показатели неуступчивости, чем у светлоглазых;

– девушки с темными глазами более напористы, чем девушки со светлыми. Юноши со светлым цветом глаз отличаются более высоким уровнем напористости, чем юноши с темным цветом глаз;

– девушки со светлыми глазами имеют более высокие показатели напористости, чем юноши со светлым цветом глаз;

– девушки и юноши с темными глазами не различаются на достоверном уровне по показателю напористости. Совместного влияния пола и цвета глаз на показатели неуступчивости выявлено не было.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о совместном влиянии цвета глаз и пола личности на показатели эмпатии подтвердилась частично.

Список использованных источников

1 Голубева, Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность / Э. А. Голубева. – Дубна : «Феникс+», 2005. – 512 с.

2 Гречишкина, С. В. Особенности характера взаимосвязи показателей силы и работоспособности нервной системы в зависимости от цвета радужной оболочки глаз / С. В. Гречишкина, А. А. Кузьмин, Т. В. Чельшков // Особенности характера взаимосвязи показателей силы и работоспособности нервной системы в зависимости от цвета радужной оболочки глаз [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-haraktera-vzaimosvyazi-pokazateley-sily-i-rabotospobnosti-nervnoy-sistemy-v-zavisimosti-ot-tsveta-raduzhnoy-obolochki>. – Дата доступа: 17.02.2022.

3 Еремина, Т. И. Визуальная психодиагностика. Экспресс-методы идентификации личности по внешности, мимике и жестам / Т. И. Еремина. – Ростов н/Д : Феникс, 2012. – 234 с.

4 Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 753 с.

5 Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М. : Просвещение, 1989. – 256 с.

6 Реан, А. А. Агрессия и агрессивность личности / А. А. Реан // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 5. – С. 3.

7 Clark, C. E. Does eye color indicate intelligence or personality? What are your eyes telling the world? / C. E. Clark [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://owlcation.com/stem/Does-eye-color-indicate-intelligence-and-personality-traits>. – Дата доступа: 17.02.2022.

8 Wilson, J. Eye Color and Its Relation to Personality / J. Wilson [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://www.palomar.edu/telescope/2018/02/27/eye-color-and-its-relation-to-personality/>. – Дата доступа: 04.02.2022.

П. Г. Портнова

Научный руководитель: И. Н. Андреева, д-р психол. наук, профессор
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

КОГНИТИВНО-АФФЕКТИВНЫЕ СВОЙСТВА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ У ИНДИВИДОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МАКИАВЕЛЛИЗМА

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи когнитивно-аффективных свойств личности (эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность) с социальными и индивидуальными ценностями у индивидов с высоким и низким уровнями макиавеллизма в период ранней взрослости. Обнаружено, что индивиды с высоким и низким уровнем макиавеллизма используют способности эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности для реализации различных ценностей.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность, ценностные ориентации, «темная триада», макиавеллизм, ранняя взрослость.

В современной психологии весьма актуальны исследования свойств личности, которые обуславливают характер взаимоотношений индивида с другими людьми. К характеристикам можно отнести эмоциональный интеллект, эмоциональную креативность и субклинические свойства личности (черты «темной триады»).

Эмоциональный интеллект – это способность осознавать собственные и чужие эмоции, умение управлять ими, а также строить эффективные отношения с людьми. Психолог Д. В. Люсин выделяет в структуре эмоционального интеллекта межличностный и внутриличностный компоненты. Межличностный эмоциональный интеллект включает способности к пониманию и управлению чужих эмоций, внутриличностный – к пониманию и управлению собственными эмоциями [5].

Эмоциональная креативность – это способность генерировать новые эмоциональные переживания, включает в себя понимание разнообразных эмоциональных переживаний, способность переживать необычные, с трудом поддающиеся описанию эмоции и умение выражать свои эмоции. Американский ученый Дж. Эйверилл в структуре эмоциональной креативности выделил следующие компоненты: эффективность, новизна, аутентичность и готовность [6].

Проблема эмоционального интеллекта, не смотря на большое количество исследований остается недостаточно разработанной, а исследования в области эмоциональной креативности немногочисленны.

Симптомокомплекс «темная триада» в психологии представляет собой группу субклинических свойств личности, включающую три личностные черты: макиавеллизм, нарциссизм и психопатию. Макиавеллизм – это устойчивая характерологическая особенность, проявляющаяся в склонности манипулировать другими людьми в межличностных отношениях с целью достижения своих сугубо эгоистических целей [2].

Поскольку именно от ценностных ориентаций личности зависит, как она будет использовать свои способности: на благо общества либо асоциальным образом, то в данном исследовании ценностные ориентации рассматриваются как феномены, опосредующие взаимосвязи между эмоциональным интеллектом, эмоциональной креативностью и субклиническими чертами личности.

Ценностные ориентации – это качественная характеристика личности, определяющая его отношение к убеждениям и предпочтениям, которые регулируют его поведение для достижения жизненных целей. Ценности – это желаемые, выходящие за рамки конкретных ситуаций цели, отличающиеся друг от друга по значимости и являющиеся руководящими принципами в жизни людей.

В данной работе используется модель Ш. Шварца, в которой он выделял индивидуальные и социальные ценности: универсализм, доброта, самостоятельность, конформизм, власть, безопасность, достижение, гедонизм, традиция и стимуляция [7].

Таким образом, недостаточная изученность эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности, а также их взаимосвязи с субклиническими свойствами личности, социальными и индивидуальными ценностями обуславливают актуальность нашего исследования.

Цель исследования – определить характер взаимосвязи компонента «темной триады» (макиавеллизма) с когнитивно-аффективными свойствами личности (эмоциональным интеллектом и эмоциональной креативностью) и показателями социальных и индивидуальных ценностей в период ранней взрослости.

Гипотеза исследования: у индивидов с высоким и низким уровнем макиавеллизма различается характер взаимосвязей между когнитивно-аффективными свойствами (эмоциональным интеллектом, эмоциональной креативностью) и индивидуальными и социальными ценностями.

Методики исследования:

– для диагностики эмоционального интеллекта использовался опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д. В. Люсина [4];

– для диагностики эмоциональной креативности использовался опросник эмоциональной креативности «ЕСІ» Дж. Эйверилла адаптации И. Н. Андреевой [1];

– для диагностики социальных и индивидуальных ценностей использовался ценностный опросник «ЦО» Ш. Шварца [8];

– для диагностики основных черт «темной триады» (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия) использовался опросник «Темная дюжина» П. Джонасона, Г. Вебстера в адаптации Т. В. Корниловой [3].

Выборка составила 100 человек в возрасте от 20 до 40 лет (период ранней взрослости согласно Э. Эриксону). Для количественной обработки использовался пакет компьютерных программ «Statistica 8.0». Для обработки данных были использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена (для статистического изучения связи между явлениями).

На первом этапе исследования были выделены индивиды с высоким и низким уровнем макиавеллизма. Для этого использовался метод Р. Кеттелла: были рассчитаны средние значения и стандартное отклонение для компонента «темной триады» – макиавеллизм ($M = 10,34$, $SD = 3,77$). Для определения границ высокого уровня к среднему значению прибавлялось стандартное отклонение, для выявления низкого уровня – вычиталось. Таким образом, установлено следующее количество респондентов с высоким уровнем макиавеллизма – 15 человек, с низким уровнем – 7 человек.

Далее был проведен корреляционный анализ переменных когнитивно-аффективных свойств личности и переменных социальных и индивидуальных ценностей у индивидов с высоким уровнем макиавеллизма с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Взаимосвязи между переменными когнитивно-аффективных свойств личности и переменными социальных и индивидуальных ценностей у индивидов с высоким уровнем макиавеллизма

Переменные	Коэффициент корреляции (rs)	Уровень статистической значимости (p)
«Новизна / Традиция»	-0,51	0,04
«Подготовленность / Доброта»	0,75	0,00
«Аутентичность / Стимуляция»	0,60	0,01
«ВП / Традиции»	0,53	0,04
«ВУ / Самостоятельность»	0,55	0,03
«ВУ / Гедонизм»	0,62	0,01

Примечание. ВП – понимание своих эмоций, ВУ – управление своими эмоциями.

Из таблицы 1 следует, что обнаружена значимая корреляционная связь ($p \leq 0,05$) между переменными «новизна» и «традиция». Величина и знак корреляции свидетельствуют о сильной отрицательной связи. Это означает, что чем более развита способность переживать оригинальные, необычные и с трудом поддающиеся описанию эмоции у индивидов с высоким уровнем макиавеллизма, тем менее они придерживаются традиций.

Кроме того, выявлены значимые корреляционные связи ($p \leq 0,05$) у индивидов с высоким уровнем макиавеллизма, величина и знак которых свидетельствует о сильной положительной связи, между следующими переменными:

– «подготовленность» и «доброта», что означает, чем больше знаний об эмоциях накапливает индивид на основе своего социально обусловленного опыта и какое значение ему придает, тем больше он стремится к сохранению благополучия людей, с которыми находится в личных контактах;

– «аутентичность» и «стимуляция», что означает, чем более развита у индивида способность создавать индивидуально особенные, неповторимые эмоции, тем он более склонен к глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности;

– «ВП» и «традиция», что означает, что чем сильнее выражено понимание своих эмоций, тем сильнее индивид придерживается традиций;

– «ВУ» и «самостоятельность», «гедонизм», что означает, что чем сильнее выражено управление своими эмоциями, тем более индивид склонен к самоконтролю, независимости и стремлению получать наслаждение или чувственное удовольствие.

На следующем этапе исследования был проведен корреляционный анализ переменных когнитивно-аффективных свойств личности и переменных социальных и индивидуальных ценностей у индивидов с низким уровнем макиавеллизма с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Взаимосвязи между переменными когнитивно-аффективных свойств личности и переменными социальных и индивидуальных ценностей у индивидов с низким уровнем макиавеллизма

Переменные	Коэффициент корреляции (rs)	Уровень статистической значимости (p)
1	2	3
«Подготовленность / Стимуляция»	0,77	0,04
«МП / Власть»	0,92	0,00
«МП / Достижение»	0,85	0,01
«МП / Самостоятельность»	0,77	0,04
«МП / Стимуляция»	0,99	0,00
«МУ / Власть»	0,82	0,02
«МУ / Самостоятельность»	0,84	0,01
«МУ / Стимуляция»	0,77	0,04
«ВУ / Власть»	0,78	0,03
«ВУ / Достижение»	0,96	0,00
«ВУ / Стимуляция»	0,75	0,04
«ВУ / Доброта»	0,78	0,03
«МЭИ / Власть»	0,85	0,01
«МЭИ / Самостоятельность»	0,90	0,00
«МЭИ / Стимуляция»	0,81	0,02
«МЭИ / Универсализм»	0,75	0,04
«ВЭИ / Власть»	0,76	0,04

Окончание таблицы 2

1	2	3
«ПЭ / Власть»	0,85	0,01
«ПЭ / Достижение»	0,78	0,03
«ПЭ / Стимуляция»	0,81	0,02

Примечание. МП – понимание чужих эмоций, МУ – управление чужими эмоциями, ВУ – управление своими эмоциями, МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект, ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект, ПЭ – понимание эмоций.

Из таблицы 2 следует, что выявлены значимые корреляционные связи ($p \leq 0,05$) у индивидов с низким уровнем макиавеллизма, величина и знак которых свидетельствует о сильной положительной связи, между следующими переменными:

– «подготовленность» и «стимуляция», что означает, что чем больше знаний об эмоциях накапливает индивид на основе своего социально обусловленного опыта и какое значение ему придает, тем более он склонен к глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности;

– «МП» и «власть», «достижение», «самостоятельность», «стимуляция», что означает, что чем сильнее выражено понимание чужих эмоций, тем более индивид склонен к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминирования над людьми, стремлению к личному успеху, самоконтролю и независимости, глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности;

– «МУ» и «власть», «самостоятельность», «стимуляция», что означает, что чем сильнее выражено управление чужими эмоциями, тем более индивид склонен к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминирования над людьми, самоконтролю и независимости, глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности;

– «ВУ» и «власть», «достижение», «стимуляция», «доброта», что означает, что чем сильнее выражено управление своими эмоциями, тем более индивид склонен к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминирования над людьми, стремлению к личному успеху, глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности и сохранению благополучия людей, с которыми он находится в личных контактах;

– «МЭИ» и «власть», «самостоятельность», «стимуляция», «универсализм», что означает, что чем сильнее выражен межличностный эмоциональный интеллект, тем более индивид склонен к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминирования над людьми, самоконтролю и независимости, глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности, пониманию, терпимости, защите благополучия всех людей;

– «ВЭИ» и «власть», что означает, что чем сильнее выражен внутриличностный эмоциональный интеллект, тем более индивид склонен к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминирования над людьми;

– «ПЭ» и «власть», «достижение», «стимуляция», что означает, что чем сильнее выражено понимание эмоций, тем более индивид склонен к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминирования над людьми, стремлению к личному успеху и глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности.

Сравним полученные результаты. Индивидам с высоким уровнем макиавеллизма удастся быть добрыми за счет развитой способности накапливать эмоции на основе своего прошлого, социально обусловленного опыта, индивидам с низким уровнем – за счет способности управления собственными эмоциями. Наряду с этим, у индивидов с высоким уровнем макиавеллизма стимуляция поддерживается способностью искренне выражать собственные эмоции, а с низким – способностью накапливать эмоции на основе своего прошлого, социально обусловленного опыта, управления своими и чужими эмоциями, развитым межличностным эмоциональным интеллектом и пониманием эмоций в целом. Кроме того, индивиды

с высоким уровнем макиавеллизма самостоятельны благодаря выраженной способности к пониманию своих эмоций, а индивиды с низким уровнем макиавеллизма – к пониманию чужих эмоций и управлению ими, развитому межличностному эмоциональному интеллекту.

Таким образом, у индивидов с высоким уровнем макиавеллизма обнаружены значимые корреляционные связи между переменными «новизна» и «традиции», «подготовленность» и «добродота», «аутентичность» и «стимуляция», «ВП» и «традиции», «ВУ» и «самостоятельность», «ВУ» и «гедонизм».

У индивидов с низким уровнем макиавеллизма выявлены значимые корреляционные связи между переменными «подготовленность» и «стимуляция», «МП» и «власть», «достижение», «самостоятельность», «стимуляция»; «МУ» и «власть», «самостоятельность», «стимуляция»; «ВУ» и «власть», «достижение», «стимуляция», «добродота»; «МЭИ» и «власть», «самостоятельность», «стимуляция», «универсализм»; «ВЭИ» и «власть»; «ПЭ» и «власть», «достижение», «стимуляция».

Список использованных источников

1 Андреева, И. Н. Адаптация опросника эмоциональной креативности (ЕСИ) / И. Н. Андреева // Психологический журнал. – 2011. – № 1/2. – С. 75–81.

2 Дериш, Ф. В. Симптомокомплекс «Темная триада» во взаимосвязи с базовыми свойствами личности / Ф. В. Дериш // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2015. – № 1. – С. 18–27.

3 Корнилова, Т. В. Методика диагностики личностных черт Темной триады: апробация опросника Темная Дюжина / Т. В. Корнилова [и др.] // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 99–112.

4 Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

5 Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте ; под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова, – М. : Институт психологии РАН, 2004. – 176 с.

6 Averill, J. R. Individual differences in emotional creativity: structure and correlates / J. R. Averill // J. of Personality. – 1999. – Vol. 67, № 2. – P. 331–371.

7 Schwartz, S. Basic human values: Theory, measurement, and applications / S. Schwartz // Revue française de sociologie. – 2005. – V. – P. 249–288.

8 Schwarz, S. Ease of retrieval as information: Another look at the availability heuristic / S. Schwarz [et al.] // J. of Personality and Social Psychol. – 1991. – № 61. – P. 195–202.

Д. А. Сиз

Научный руководитель: А. Н. Крутолевич, канд. психол. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ТРЕВОЖНОСТЬ И МЕТАКОГНИЦИИ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются понятия «тревожность» и «метакогниция». Раскрываются виды тревожности и ее влияние на нашу жизнь. Раскрыто понятие «метакогниции», и как они проявляются в нашей жизни. В статье приведены результаты проведенного исследования на определение тревожности и метакогниций у студентов двух факультетов (биологического и физической культуры). Проанализировано, как отличается тревожность и метакогниции у студентов разных факультетов.

Ключевые слова: тревожность, метакогниции, исследование, биологический факультет, факультет физической культуры.

Тревожность – это свойство, индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также низком пороге его возникновения [1]. Тревога может проявляться на физиологическом, эмоционально-когнитивном и поведенческом уровнях. На физиологическом уровне тревога проявляет себя в виде усиления сердцебиения и учащенного дыхания, повышения артериального давления и другими признаками активности симпатoadrenalовой системы. На эмоционально-когнитивном уровне могут усиливаться чувства незащищенности и бессилия, а на поведенческом уровне тревога может проявляться в виде бесцельного возбуждения, манипуляций предметами и т. д.

Рассмотрение тревожности как предмета изучения в психологии берет начало в психоаналитических работах З. Фрейда. Изначально он предположил, что тревога является следствием неадекватной разрядки энергии либидо. Возникновение внутреннего конфликта (столкновение влечений и социальных запретов) включает защитный механизм – вытеснение. Вытесненное влечение при этом продолжает существовать и нести прежнюю угрозу, внутренний конфликт не находит конструктивного разрешения; человек продолжает испытывать страх, но уже не осознавая его причины. К. Хорни считала, что тревожность является неотъемлемым компонентом психики и формируется в раннем детстве в отношениях с родителями. Она выделила нормальную и невротическую тревожность.

Р. Мэй считает тревожность мрачным предчувствием, вызванное угрозой какой-либо ценности, которую индивид считает необходимой для своего существования как личности. А. Бек утверждал, что для возникновения тревоги важны не столько сами ситуации стресса, а то, как человек интерпретирует ситуацию. В своей психодиагностической методике Ч. Спилбергер разделил тревожность на ситуативную и личностную. Первая характеризует состояние человека в конкретный момент, а вторая является относительно устойчивым личностным образованием [2].

Теперь определим понятие метакогниции. Данное понятие ввел Дж. Флейвелл в 1976 году. По его мнению, метакогниция – это познавательный процесс, направленный на понимание собственной когнитивной деятельности, вернее сказать, мысли о своих мыслях [3].

В своей работе Д. Ригли, П. Шетц, Р. Гланц и С. Вайнштейн определяют метапознание как процесс использования рефлексии для сознательного изучения своего мышления, осознания собственных стратегий мыслительной деятельности [4].

Было проведено исследование по определению уровня тревожности (личностной и ситуативной) и метакогниций у студентов факультета физической культуры и биологического факультета, а также проведен сравнительный анализ между ними по уровню тревожности и метакогниций. Мы использовали опросник Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина для определения ситуативной и личностной тревожности, а также опросник метакогнитивных схем MSQ – 30 А. Уэллса для исследования убеждений, которых чаще всего придерживаются люди. В исследовании приняли участие 50 студентов в возрасте 17–22 лет, из них 25 студентов факультета физической культуры и 25 студентов биологического факультета.

По результатам исследования можно утверждать, что существуют значимые различия между сравниваемыми группами респондентов. Анализ данных позволяет сделать выводы:

- высокий уровень тревожности был выявлен у 4 % студентов факультета физкультуры и у 24 % студентов факультета биологии – они характеризуются склонностью воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма выраженным состоянием тревожности;

- средний уровень реактивной и личностной тревожности был выявлен у 16 % респондентов с факультета физкультуры и 36 % респондентов с факультета биологии – тревожность находится на умеренном и оптимальном уровне;

- низкий уровень тревожности был выявлен у 76 % опрошенных с факультета физической культуры и у 40 % с факультета биологии – полученный результат сигнализирует о важности повышения внимания к мотивам деятельности и повышения чувства ответственности.

Однако иногда очень низкая тревожность в показателях теста является результатом активного вытеснения личностью высокой тревоги с целью показать себя в «лучшем свете».

Таким образом, можно сделать вывод, что среди выборок респондентов с факультетов физической культуры и биологии показатели различаются: с высоким уровнем тревожности был выявлен 1 респондент с факультета физической культуры и 6 респондентов с биологического факультета. Сравнивая полученные результаты по низкому урону, были полученные следующие результаты: 19 опрошенных с факультета физической культуры и 10 опрошенных с факультета биологии. Это позволяет сделать вывод, что у студентов факультета физической культуры уровень как реактивной, так и личностной тревожности ниже, чем у студентов факультета биологии.

Далее для выявления метакогнитивных стратегий студентов факультета физической культуры и факультета биологии был использован опросник метакогнитивных схем MSQ А. Уэллса. Применение данного опросника позволило выявить следующие метакогниции: у выборки студентов факультета физической культуры показатели по факторам «негативные убеждения о неконтролируемости и опасности беспокойства», «потребность в контроле» и «когнитивное самосознание» значительно ниже, чем у студентов биологического факультета (10,2, 11,36 и 11,32 соответственно). Факторы «позитивные убеждения о беспокойстве» и «когнитивная уверенность» находятся практически на одинаковом уровне в исследуемых выборках.

На основании полученных в ходе анализа данных, можно судить о том, что в среднем респонденты из выборки студентов биологического факультета чаще думают о своих эмоциях, концентрируются на навязчивых мыслях, реагируя на них.

Кроме того, люди, которые постоянно сосредоточены на своих эмоциях, часто демонстрируют более высокие показатели по когнитивному самосознанию. Так, у студентов биологического факультета средний показатель – 12,8, в то время как средний результат выборки студентов факультета физической культуры составляет 11,32.

Респонденты из выборки студентов биологического факультета чаще думают о своих эмоциях, концентрируются на навязчивых мыслях, анализируя и реагируя на них, что сигнализирует о том, что выраженность тревожных переживаний в большей степени соотносится с более частой тенденцией фокусировать свое внимание на собственных мыслительных процессах, думать о них, а также с потребностью в контроле мыслей.

Полученные результаты позволяют утверждать, что студенты биологического факультета в сравнении со студентами факультета физической культуры обладают более высокими показателями по когнитивному самосознанию по причине того, что они достаточно часто сосредоточены на своих эмоциональных переживаниях.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что у студентов факультета физической культуры личностная тревожность, реактивная тревожность и метакогниции находятся на более низком уровне, чем у студентов биологического факультета.

Список использованных источников

1 Нехорошкова, А. Н. Проблема тревожности как сложного психофизиологического явления / А. Н. Нехорошкова, А. В. Грибанов, Ю. С. Джос // Экология человека. Ментальная экология. – 2014. – Т.21, № 6. – С. 47–54.

2 Ридли, Д. Саморегулируемое обучение: интерактивное влияние метакогнитивного осознания и постановки целей / Д. Ридли [и др.] // Журнал экспериментального образования. – 1992. – № 60(4) – С. 293–306.

3 Сидоров, К. Р. Тревожность как психологический феномен / К. Р. Сидоров // Вестник удмуртского университета. – 2013. – № 2. – С. 42–52.

4 Флавелл, Дж. Х. Метапознание и когнитивный мониторинг: новая область исследования когнитивного развития / Дж. Х. Флавелл // Американский психолог. – 1979. – № 34 (10). – С. 906 – 911.

А. С. Слесарева

Научный руководитель: Т. Г. Шатюк, канд. пед. наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ДИСТРЕССА У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПЕРВУЮ ВОЛНУ ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом последствий коронавирусной инфекции, которая оказала крайне негативное влияние на личность медицинского работника. Особое внимание уделяется рассмотрению психоэмоциональных состояний, в которых оказываются медицинские работники. Исследование позволяет выделить существенные психологические особенности дистресса и профессионального выгорания медицинских работников во время пандемии COVID-19.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, медицинские работники, профессиональное выгорание, дистресс.

Особое значение в условиях пандемии приобретают исследования профессионального выгорания и эмоционального неблагополучия медицинских работников, поскольку они вынуждены работать в условиях экстремальной нагрузки и повышенной угрозы заражения. Французские исследователи (W. El-Hage, C. Hingray, C. Lemogne и др.) определили 4 основные группы стрессовых факторов, с которыми сталкиваются медицинские работники в условиях пандемии COVID-19. Основную сложность, согласно полученным данным, составляет специфика течения COVID-19, которая состоит в быстром распространении коронавируса и тяжелых осложнениях у инфицированных лиц при недостатке знаний об этой болезни. Такое столкновение с малознакомым заболеванием требует срочного дополнительного обучения, а в ряде случаев даже полной переподготовки врачей и медицинских сестер. На фоне большого количества летальных исходов среди пациентов у медицинских работников снижается самооценка и уверенность в собственных силах, возникает чувство личной некомпетентности и неэффективности. Соблюдение строгих карантинных мер может вызывать у врачей чувство вины за то, что родственники не могут посещать пациентов и получать тела умерших [3, с. 2133].

Работа в условиях COVID-19 создает фактор профессионального риска заразиться на рабочем месте, что подкрепляется данными о смертности среди коллег. В связи с этим медицинский персонал обеспокоен доступом к своевременной диагностике. Высокий риск заразиться также вызывает беспокойство передать инфекцию членам семьи или другим лицам. Пандемия требует психологической адаптации, которую могут осложнять изменения условий жизни, чувство недостаточной поддержки, беспокойство о собственном здоровье, изолированность, чувство неопределенности, социальная стигматизация и такой личностный фактор, как отсутствие надежной привязанности. Высокий уровень стресса может сказываться как на эмоциональном состоянии, так и на работоспособности медицинских работников и даже на их устойчивости к вирусной инфекции. Попытки решить сложную проблему при ограниченном количестве ресурсов, как в случае с лечением пациентов с COVID-19, могут вызывать стрессовые реакции и препятствовать успешному выполнению поставленной задачи, поскольку в таких условиях ухудшается способность к распределению внимания, удержанию информации в рабочей памяти и ее извлечению для принятия решений, что может сказываться на снижении продуктивности медицинских работников [1, с. 457].

Исследование медицинских работников больницы Тунцзи в г. Ухань на основе 5062 заполненных анкет, проведенное в период с 8 по 10 февраля 2020 г., показало, что 29,8 % врачей страдали от стресса, 13,5 % от депрессии и 24,1 % испытывали повышенную тревогу. Факторами риска возникновения психологических проявлений дезадаптации были женский пол, опыт работы более 10 лет, наличие в анамнезе хронических заболеваний или

психических расстройств, а также подтвержденные или предполагаемые случаи заражения COVID-19 в семьях медицинских работников [2, с. 597].

Эмпирическое исследование степени выраженности симптомов дестресса в первую волну у медицинских работников во время пандемии COVID-19 было проведено на базе учреждения здравоохранения «Жлобинская ЦРБ». В нем приняли участие 25 медицинских работников, оказывавших помощь пациентам с COVID-19 (работавших в так называемой «красной зоне») и 25 медицинских работников, которые не принимали участие в лечении пациентов с данным заболеванием. Возраст испытуемых находился в диапазоне от 25 до 50 лет. Среди них 60 % женщин, 40 % мужчин. В качестве диагностического инструментария была использована Шкала оценки дистресса («Термометр дистресса») – скрининговый инструмент, разработанный J. Holland и В. Bultz для оценки эмоционального дискомфорта у пациентов с жизнеугрожающими заболеваниями и выявления основных областей, вносящих вклад в эмоциональный дистресс.

Иерархическая структура распределения областей эмоционального дистресса медицинских работников, оказывавших и не оказывавших помощь пациентам с COVID-19 в первую волну представлена на рисунках 1–2.

Рисунок 1 – Иерархическая структура распределения областей эмоционального дистресса медицинских работников, оказывающих помощь пациентам с COVID-19 в первую волну (шкала оценки дистресса)

После обработки полученных результатов при помощи ϕ^* -критерия углового преобразования Фишера можно утверждать, что существуют значимые различия по компонентам «нехватка медицинских средств защиты», «организационные трудности», «информационный

шум», «несогласие с руководством / недоверие», «сопротивление / нежелание идти на работу», «злость / раздражительность», «грусть / депрессия». Их значимо чаще отмечали медики, работающие с COVID-19. У медицинского персонала, не оказывающего помощь пациентам с COVID-19, статистически значимо выражен компонент «пассивность». Около трети и более из опрошенных респондентов достаточно высоко оценили следующие области дистресса: уровень тревоги, раздражительности, нервозности, нежелание идти на работу, страх заразиться, несогласие с руководством или недоверие к нему, организационные трудности, информационный шум и нехватка медицинских средств.

Первое место по значимости негативного влияния на медицинских работников, оказывающих помощь пациентам с COVID-19, попадают: «сопротивление / нежелание идти на работу» ($\varphi^*_{кр} = 1,71 < \varphi^*_{эмп} = 4.55$ при $p \leq 0,01$), «нехватка медицинских средств защиты» ($\varphi^*_{кр} = 1,71 < \varphi^*_{эмп} = 3.867$ при $p \leq 0,01$), «информационный шум» ($\varphi^*_{кр} = 1,71 < \varphi^*_{эмп} = 3.222$ при $p \leq 0,01$), «организационные трудности» ($\varphi^*_{кр} = 1,71 < \varphi^*_{эмп} = 3.222$ при $p \leq 0,01$), однако у них статистически значимо выражен компонент: «пассивность» ($\varphi^*_{кр} = 1,71 < \varphi^*_{эмп} = 2.007$ при $p \leq 0,05$).

Согласно данным, представленным на рисунке 2, у медицинских работников, не оказывающих помощь пациентам с COVID-19, статистически значимо выражен компонент «пассивность» ($\varphi^*_{кр} = 1,71 < \varphi^*_{эмп} = 2.007$ при $p \leq 0,05$), они характеризуются угнетенным настроением, раздражительностью, повышенной утомляемостью, снижением количества энергии, им трудно сосредотачиваться и принимать решения, менее выражен компонент «сопротивление / нежелание идти на работу» ($\varphi^*_{кр} = 1,71 < \varphi^*_{эмп} = 4.55$ при $p \leq 0,01$).

Рисунок 2 – Иерархическая структура распределения областей эмоционального дистресса медицинских работников не оказывающим помощь пациентам с COVID-19 в первую волну (шкала оценки дистресса)

В ходе проведенного исследования были систематизированы научные работы по проблеме эмоциональных нарушений медицинских работников в период пандемии COVID-19 и обобщены представленные в них результаты исследований, получены новые эмпирические данные, введенные в научный оборот. Исследование позволяет выделить существенные психологические особенности дистресса медицинских работников во время пандемии COVID-19. Таким образом, в исследуемой выборке медицинских работников, профессиональная деятельность которых осуществляется в период пандемии COVID-19, отмечаются высокие показатели профессионального выгорания и тревоги, повышенные показатели депрессии, высокие показатели эмоционального дистресса. Особенно значимый вклад вносят негативные эмоции (страх заражения, раздражительность, нервозность), а также организационные проблемы («нехватка средств защиты», «несогласие с руководством / недоверие», «информационный шум», «сопротивление / нежелание идти на работу»).

Подводя итоги, следует отметить, что медицинские работники, оказывавшие помощь пациентам с COVID-19, характеризуются более высокими показателями дистресса по сравнению с коллегами, которые не работали в «красной зоне». Во всей имеющейся доступной литературе по проблематике психологического неблагополучия медицинских работников в условиях пандемии COVID-19 присутствует единое мнение в отношении того, что медицинский персонал подвергается риску повышения тревоги и возникновения острых стрессовых реакций, профессионального выгорания, зависимостей, депрессии и посттравматического стрессового расстройства.

Список использованных источников

1 Курилкин, Д. Е. Синдром эмоционального выгорания у медицинских работников / Д. Е. Курилкин // Бюллетень медицинских интернетконференций. – 2013. – № 2. – С. 456–460.

2 Первичко, Е. И. Психологическое благополучие врачей и медицинского персонала в условиях пандемии COVID-19: обзор зарубежных исследований / Е. И. Первичко, Ю. Е. Конюховская // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2020. – № 3. – С. 595–608.

3 Shanafelt, T. Understanding and addressing sources of anxiety among health care professionals during the COVID-19 pandemic / T. Shanafelt, J. Ripp, M. Trockel // Journal of American Medical Association. – 2020. – Vol. 323, № 21. – P. 2133–2134.

M. A. Rovneiko

Scientific supervisor: P. N. Rezko, PhD in educ. sciences, ass. professor
Brest State Technical University,
Brest, Republic of Belarus

PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN THE SERVICE OF MARKETING COMMUNICATIONS WITH THE TARGET AUDIENCE

The article examines the role of psychological stimuli in modern marketing communications. The author analyzes the origins of the use of triggers in economics (the theory of behavioral design by B. J. Fogg and his followers), draws attention to the moral aspect of the use of methods of this psychological direction in business and the point of view of psychologists on this problem, and also provides the results of his own research on the topic of trigger marketing.

Keywords: psychology, behaviorism, behavioral design, behavior design, psychological stimulation, trigger, B. J. Fogg, N. Eyal, marketing, marketing communications.

М. А. Ровнейко

Научный руководитель: П. Н. Резько, канд. пед. наук, доцент
Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА НА СЛУЖБЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ С ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИЕЙ

В статье рассматривается роль психологических стимулов в современных маркетинговых коммуникациях. Автор анализирует истоки применения триггеров в экономике (теорию бихевиорального дизайна Б. Дж. Фогга и его последователей), обращает внимание на нравственный аспект использования методов этого психологического направления в бизнесе и точку зрения психологов на данную проблему, а также приводит результаты собственного исследования по теме триггер-маркетинга.

Ключевые слова: психология, бихевиоризм, бихевиоральный дизайн, дизайн поведения, психологическое стимулирование, триггер, Б. Дж. Фогг, Н. Эяль, маркетинг, маркетинговые коммуникации.

The level of development of mankind at the present stage corresponds to the term «information society». Global changes in the IT-sphere lead to an increase in the intensity of information consumption, which changes the behavior of the modern consumer: it becomes less rational and more emotional. In such conditions the solution of the problem of bringing the product to the market is impossible without creating stable relationships with the target audience. Knowledge in the field of psychology helps modern economists and marketers to cope with this problem: psychological methods of stimulating the consumer to perform a targeted action came to the rescue. For their effective application knowledge of the client's psychology is necessary [1].

Customers tend to think that when making purchases, they rely only on their logic. However, it should be noted that often it is the trigger that acts as a «trigger», launching an emotional factor and inducing a target action. That is why this tool is widely used in modern marketing to increase sales and successfully proves its effectiveness all over the world.

The theoretical degree of development of the problem, despite its relevance, is currently small.

The purpose of the study is to consider the role of psychological stimuli (triggers) in modern marketing communications.

The origins of the use of triggers to solve economic problems lie in behavioral design, a modern trend in psychology. Its founder is B. J. Fogg, Ph.D. from Stanford University. In his opinion, the following components are necessary to initiate any actions:

- motivation to act (in marketing – the consumer must have sufficient motivation to make a purchase);
- the ability to perform an action (in marketing – the consumer must have the physical and financial ability to make a purchase);
- trigger (in marketing – the consumer needs an impulse that activates the process of making a purchase) [3].

The nature of motivation is the subject of discussion by many psychologists. B. J. Fogg is convinced that the desire to take an action is set by the following motivators: people want to enjoy and avoid pain, have hope and not feel fear, receive social recognition and not experience social rejection [3].

According to B. J. Fogg's theory, the most active triggers are the recommendations of other people: it is they who incline each other to what has benefited them. Accounting for this factor in the construction of modern marketing communications has significant economic efficiency: «word of mouth» does not require investments, and the effectiveness of its work is high.

A student of B. J. Fogg, N. Eyal, together with R. Hoover, became the author of the bestseller «Hooked: How to Build Habit-Forming Products». A guide to creating habit-forming products, where triggers are seen as a signal to take action and the first stage of taking the buyer «on the hook» [2].

It can be argued that the ideas of behavioral design are actively introduced into the daily life of a modern consumer. Emails and ads to buy, review sites and opinion-forming online forums are all specifically designed to play on basic human instincts in order to achieve the desired result. With the unprofessionalism of the marketing service, the methods of psychological stimulation look too obvious and unceremonious, but with well-designed tactics for promoting goods, they are more subtle, veiled.

As is often the case when considering commercial matters, there is also a moral dimension to the use of psychological incentives to increase sales. B. J. Fogg assumed that the psychological theory he developed would serve the benefit of mankind, but in the course of his observations he came to the conclusion that businessmen use his ideas to make money, turning consumers into captives, which, in his opinion, is immoral. N. Eyal is sure that «selling» triggers are, on the contrary, progress, not a problem, and does not believe that this marketing tool should be evaluated negatively. Another student of B. J. Fogg, T. Harris, is convinced that the manufacturer, wanting to impose his products, uses triggers in marketing as manipulators of consumer behavior, based on the use of a person's psychological vulnerability. In his opinion, triggers infringe on the possibility of free choice and are a powerful force on the scale of the global economy.

Questioning of consumers is very informative for developing a marketing strategy. For this purpose, the author compiled a questionnaire on the topic of the study and conducted a survey on the Internet of one hundred people from five age categories: 18–25 years old, 26–35 years old, 36–45 years old, 46–55 years old, over 56 years old.

To obtain objective data, a quota sample was made: five age groups were taken with an equal number of respondents and gender parity. The surveyed consumers have different social status and income levels and live in Belarus. Respondents were offered a questionnaire form with questions and answers to them. The form of the questionnaire is presented in table 1.

Table 1 – Form of a questionnaire survey on the topic of identifying attitude towards trigger marketing among consumers

Question	Answer options
1	2
1. What information has the greatest impact on you when viewing promotional offers? <i>You need to choose 5 answer options.</i>	1) «the quantity of goods at this price is limited» 2) «there are 2 days left till the end of the promotion» 3) «don't read this article» 4) «1+1 = 3» 5) «the product has already been bought by 3 thousand people» 6) «an exclusive offer» 7) «we work according to the German technology» 8) «at the seminar we will tell you the whole truth» 9) «look at the result: «before» and «after»» 10) «we will help you to avoid fatal mistakes» 11) «discount in exchange for subscription» 12) «a gift awaits you» 13) «an expert will consult you for free» 14) «let's win together» 15) «right now you will get a 50 % discount per 1 click»

End of the table 1

1	2
2. From your point of view, what is the most probable reason for a negative attitude towards a company that sells goods (provides services)? <i>You need to choose 1 answer option.</i>	1) obsessive working methods 2) the lack of evidence of the company’s credibility 3) the lack of customer reviews or they are mostly bad 4) the lack of customer loyalty policy 5) a poorly designed company’s website
3. What is your attitude to the stimulation of the consumer by the company to purchase the product?	1) positive 2) negative 3) neutral

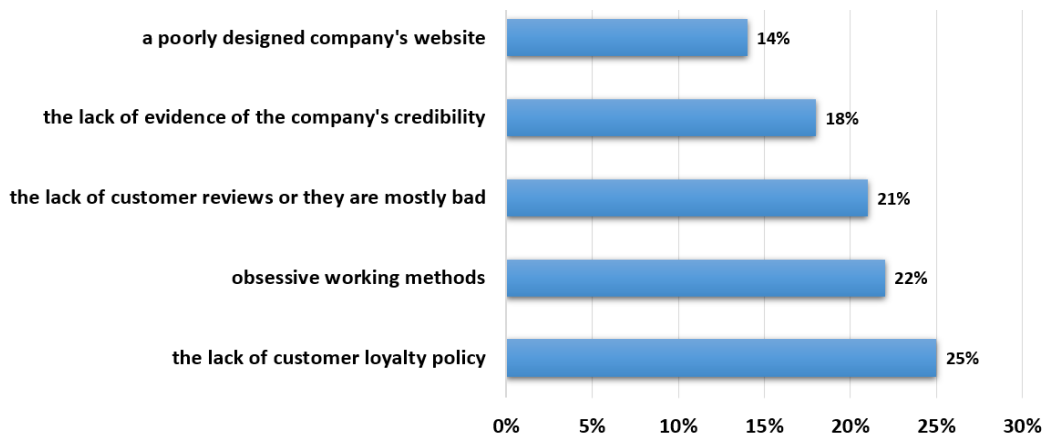
Source: author’s development

The results of the survey are presented in the diagrams (pic. 1, 2, 3):

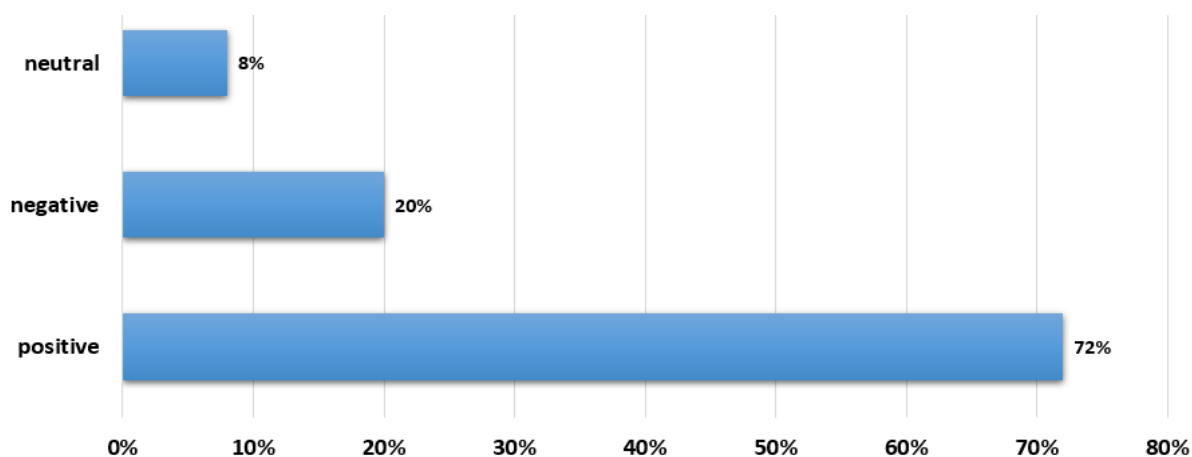
Source: author’s development based on survey data

Picture 1 – Information that has the greatest impact on the consumer when viewing promotional offers

Source: author’s development based on survey data

Picture 2 – The most likely reason for the negative attitude of the consumer towards the company offering the product

Source: author's development based on survey data

Picture 3 – Consumer attitude towards product purchase promotion

Summing up the survey, it should be noted that the majority of respondents are most sensitive to the triggers «greed», «fear» and «scarcity», welcome the company's loyalty policy and the use of incentives to purchase the product. The obtained data confirm the relevance of using triggers in marketing.

As practice shows, the prospects for the use of psychological methods of stimulation in marketing communications are great, and therefore it is necessary to start active theoretical and practical development of this topic.

List of sources used

1 Чалдини, Р. Психология влияния / Р. Чалдини ; 5-е издание. – СПб. : Издательский дом «Питер», 2020. – 336 с.

2 Eyal, N. Hooked: How to Build Habit-Forming Products / N. Eyal, R. Hoover. – NY, 2014. – 362 p.

3 Fogg, B. J. Behavior Model [Электронный ресурс] / Blog Dr. B. J. Fogg. – Режим доступа: www.behaviormodel.org. – Дата доступа: 19.02.2022.

Научное электронное издание

**ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГИИ:
СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ**

IV Международная заочная научно-практическая конференция

(Гомель, 28 июня 2022 года)

Сборник материалов

Подписано к использованию 17.11.2022.

Объем издания 8,47 Мб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

<http://conference.gsu.by>